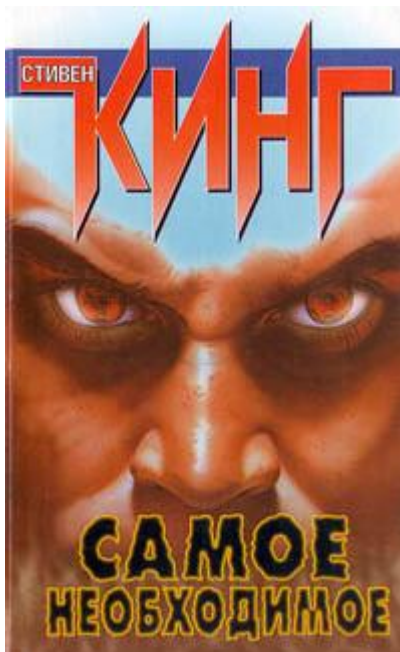

Стивен Кинг Самое необходимое

: nicktar123; OCR & ReadCheck: Синта Рурони
«Самое необходимое»: АСТ; Москва; 1999
ISBN 5-03-003102-2

Аннотация

В провинциальном городке происходит невероятное: его жители отныне оптом и в розницу могут покупать все, что ни пожелают, — чувственные наслаждения, невысказанные мечты, дорогие вещи и даже... власть. Однако платить за покупки приходится самым ценным, что есть у человека...

Стивен Кинг Самое необходимое

*Посвящается Крису Лавину,
у которого нет ответов на все вопросы,
но есть — на самые важные*

Дамы и господа, прошу внимания!
Подходите поближе, чтобы всем было видно!
У меня есть для вас отличная сказка,
и она ни гроша не будет стоить!
(А уж если вы ей поверите, нас всех это устроит!)
Стив Эрл «Змеиный яд»

Мне доводилось слышать о тех,
кто сбивался с пути даже
на деревенских улочках — когда тьма
сгущалась до того, что, как гласит поговорка,

ее можно было резать ножом....
Генри Дейвид Торо «Уолден»

Вы здесь уже бывали

Ну, разумеется, бывали. Конечно. Я никогда не забываю лиц. Идите, идите сюда и позвольте мне пожать вашу руку! Сейчас я вам кое-что скажу: я вас узнал по походке еще раньше, чем разглядел ваше лицо. Невозможно было выбрать лучшее время, чтобы вернуться в Касл-Рок. Осень. Что может быть прекрасней! Скоро начнется охотничий сезон, все болваны кинутся в лес и станут палить во все, что движется и не носит оранжевых тряпок, а потом пойдет снег и все покроется ледяной коркой, но это уже — позже.

Сейчас же у нас октябрь, а мы в Роке позволяем октябрю оставаться здесь столько, сколько он пожелает.

Спросите меня, и я скажу, что это лучшее время года. Весной здесь тоже неплохо, но маю я каждый раз предпочитаю октябрь. Западный Мэн — та часть штата, которую почти всегда забывают, как только лету приходит конец и все эти владельцы коттеджей на озере и наверху, в Касл-Вью, отправляются обратно в Нью-Йорк и Массачусетс. Местные жители наблюдают, как они приезжают и уезжают каждый год: привет-привет-привет; пока-пока-пока. Хорошо, когда они приезжают, потому что они привозят с собой свои городские денежки, но хорошо и когда уезжают — ведь с долларами они тащат сюда и городское разложение.

О разложении я как раз и хочу поболтать — можете посидеть со мной минуту-другую? Да, прямо здесь, на ступеньках подмостков для оркестрика, тут очень удобно. Солнышко пригревает, и если мы усядемся здесь, у ратуши, нам будет виден почти весь городок. Нужно только быть поаккуратнее — тут занозы, вот и все. Ступеньки давно пора ошкурить и заново покрасить. Это — дело Хью Приста, но Хью за него еще не брался. Знаете, он ведь пьет. Это ни для кого не тайна. В Касл-Роке есть свои секреты, их можно сохранить, но для этого приходится немало попотеть. Так что большинство из нас прекрасно знает, что много воды утекло с тех пор, как Хью Прист и тяжелая работа были неразлучны. Что это было?

Ах, *это* ... Ну и постарались, а? Эти листовки теперь по всему городу. Я думаю, Ванда Хемпхилл (ее муж, Дон, держит «Хемпхилл-маркет») большую часть расклеила сама. Одну взяла с почты и вручила мне. Да не робейте вы, уж где-где, а на подмостках для городского оркестра никто не станет расклеивать листовки.

А, черт! Да вы только *поглядите* на эту штуку! Прямо сверху напечатано: РУЛЕТКА ДЬЯВОЛА. Большими красными буквами, из которых валит дым, словно эта штуковина была отправлена заказным из райских кущ! Ха! Тот, кто не знает, что за сонное местечко наш маленький городок, решил бы, наверно, что мы и впрямь тут с цепи сорвались. Но вы ведь знаете, как порой все накаляется в таких небольших городках. А преподобному Уилли на сей раз вожжа под хвост попала — это точно. Никаких сомнений. Церкви в маленьких городках... Ну, я думаю, нет нужды объяснять вам, как *это* бывает. Они мирятся друг с другом — вроде бы мирятся, — но никогда не бывают по-настоящему *довольны* друг другом. Какое-то время все идет мирно, а потом разражается перебранка.

Правда, на сей раз перебранка довольно серьезная и куча всяких обид. Понимаете, католики собираются устроить что-то, что они называют «Ночь Казино», в Колумбус-холле — на другом конце города — в последний четверг месяца, насколько я знаю. И вся прибыль должна пойти на починку церковной крыши. Это наша церковь Богородицы на Тихих Водах — вы, должно быть, проезжали мимо нее, если ехали по дороге из Касл-Вью. Маленькая прелестная церквушка, ведь правда?

Ночь Казино была идеей отца Бригема, но по-настоящему за нее ухватились и поддержали Дочери Изабеллы. В особенности Бетси Вайге. Я думаю, ей нравится представлять, как она вырядится в свое жалкое черное платье и начнет сдавать карты или

станет крутить колесо рулетки и приговаривать: «Леди и джентльмены, делайте ваши ставки, *ПРОШУ* вас, делайте ставки». Да им вообще-то всем эта идея вроде как пришлась по душе. Игра-то ведь по мелочи, совсем безвредная, но все равно им мерещится тут частичка сладкого греха и порока.

Вот только это не кажется безвредным преподобному Уилли, и он со своими прихожанами считает это в смысле греха вовсе не мелочью. Его вообще-то зовут преподобный Уильям Роуз, и он всегда недолюбливал отца Бригема, да и тот платил ему тем же (кстати, не кто иной, как отец Бригем, начал называть преподобного Роуза «Уилли Пароход», и преподобный Уилли об этом прекрасно знает).

Искры пролетали между этими двумя врачевателями душ и раньше, но заваруха с Ночью Казино, пожалуй, будет посильнее искр; это уже скорее похоже на полыхнувший пожар. Когда Уилли прослышал о том, что католики собираются провести ночь в Колумбус-холле за азартными играми, он подскочил так, что своей маленькой остренькой головенкой едва не пробил крышу. Он заплатил за эти листовки с «Рулеткой Дьявола» из собственного кармана, а Ванда Хемпхилл со своими подружками из кружка кройки и шитья рассовали их повсюду. С тех пор единственное место, где католики и баптисты ведут переговоры, это раздел писем в нашей маленькой еженедельной газете — там они рвут и мечут и грозят друг другу отправкой в преисподнюю.

Гляньте-ка вон туда, и вы поймете, что я имею в виду. Это Нэн Робертс, она только что вышла из банка. Она владелица закусочной «У Нэнси» и, наверно, самая богатая горожанка теперь, когда старый Папаша Меррилл отправился на большущий блошинный рынок на небесах. Она была баптисткой еще до рождения. А с другой стороны движется большой Эл Джендрон. Он такой ревностный католик, что святее самого папы римского, и Джонни Бригем — его лучший дружок. Теперь следите внимательно! Видите, как носы у них задрались кверху? Ха! Ну чем не картинка? Ставлю монеты против земляных орехов, что температура упала градусов на двадцать, когда они шествовали мимо друг друга. Как говаривала моя мамаша, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы...

А теперь гляньте вон туда. Видите машину шерифа, припаркованную на стоянке возле магазина «Видео»? В ней сидит Джон Лапойнт. Ему положено следить за теми, кто превышает скорость, — в городе быстрая езда запрещена, особенно когда заканчиваются школьные занятия, — но если вы заслоните глаза от солнца и посмотрите повнимательней, то увидите, что на самом деле он уставился на карточку, которую вытащил из своего бумажника. Отсюда мне ее не видно, но я знаю, что там на ней, так же хорошо, как девичью фамилию моей мамочки. Это снимок Джона и Салли Ратклифф на Фрайбургской ярмарке, который сделал Энди Клаттербак около года тому назад. Джон на снимке обнимает ее, а она держит в руках плюшевого мишку, которого он выиграл для нее в тире, и они выглядят такими счастливыми, что, кажется, вот-вот лопнут от радости. Но то, как говорится, дни былые; нынче же Салли помолвлена с Лестером Праттом, преподавателем физкультуры в колледже. Он истинный баптист, как и она сама. Джон до сих пор так и не оправился от утраты. Видели, какой он испустил вздох? Он здорово настроил себя против баптистов. Только тот, кто все еще влюблен (или думает, что влюблен), может так глубоко вздыхать.

Вы никогда не замечали, что все беды и неурядицы состоят из самых простых и обыденных вещей? Лишенных всякого драматизма. Позвольте, я приведу вам пример. Видите парня, поднимающегося по ступенькам здания суда? Нет, не тот, что в костюме; это Дэн Китон, наш глайный выборный. Вон тот, другой — чернокожий, в рабочей стеганке. Это Эдди Уорбуртон, ночной сторож в здании муниципалитета. Не отрывайте от него взгляда несколько секунд и понаблюдайте-ка, чем он занимается. Вот! Видите, как он замер на верхней ступеньке и поглядел в тот конец улицы? Я опять готов поставить доллары против земляных орехов, что он смотрит на станцию «Санок». Владелец и управляющий «Санок» — Сонни Джакетт, и между этими двумя кошка пробежала с тех самых пор, как Эдди два года назад пригнал туда свою машину, чтобы Сонни проверил, что там с приводным ремнем.

Я эту «тачку» хорошо помню. Обычная «хонда», ничего особенного, кроме того, что

она была особенной для Эдди — первая и единственная новенькая машина за всю его жизнь. А Сонни не только плохо ее отремонтировал, но и запросил лишнего. Это с точки зрения Эдди. «Уорбуртон просто пользуется цветом своей шкуры и хочет поглядеть, сумеет ли он зависить мне счет». Вот версия Эдди. Вы же знаете, как это бывает, правда?

Ну вот Сонни Джакетт и потащил Эдди Уорбуртона в комнатенку судебных обжалований, и было много крику сначала в зале суда, а потом в холле перед залом. Эдди сказал, что Сонни обозвал его тупым Нигером, а Сонни сказал: «Ну, Нигером я его не обзывал, а в остальном все верно». В конце концов они оба остались недовольны. Судья заставил Эдди выложить пятьдесят баксов, что, по словам Эдди, было на пятьдесят баксов больше, чем следовало, а по словам Сонни, и не приближалось к достаточной сумме. Потом в новенькой «тачке» Эдди закоротило контакты и случился пожар, который кончился тем, что «хонда» отправилась на свалку машин возле шоссе № 5, а Эдди теперь ездит на «Олдсмобиле-89», который как бешеный жрет бензин. Эдди так и не выкинул из головы, что Сонни Джакетт знает об этом замыкании куда больше, чем когда-либо заикался.

Слушайте, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы... Не слишком много для вас в такой жаркий денек, а?

Это обычная жизнь в маленьком городишке, называется ли он Питон-Плэйс, Гровер-Корнерс или Касл-Рок, — ребята едят пирог, попивают кофе и перебивают друг другу косточки. Вон идет Слоупи Додд, весь в тоске и одиночестве, потому что остальные ребяташки потешаются над его заиканием. Вон Миртл Китон, и если она выглядит немного одинокой и расстроенной, словно не совсем понимает, где находится и что происходит вокруг, так это оттого, что ее муж (тот самый парень, которого вы видели на ступеньках здания суда, позади Эдди) последние месяцев шесть сам не свой. Смотрите, как у нее припухли глаза. Я думаю, она или недавно плакала, или плохо спала, а может, и то и другое, верно?

А вон движется Ленор Поттер, одетая с иголочки. Направляется на Западный автовокзал узнать, прибыло ли уже ее новое органическое удобрение. У этой женщины вокруг дома цветов растет — море, больше, чем у Картера кожаных пилуль. Она жутко ими гордится, эта Поттер. Городские дамы ее не очень-то жалуют — считают задавакой со всеми ее цветами, бусами и семидесятидолларовыми завивками «бостон». Они считают ее задавакой, и я открою вам маленький секрет, раз уж мы сидим с вами бок о бок на этой занозистой ступеньке подмостков для оркестрика. Я думаю, они правы.

Вы можете сказать, что все это довольно обыденно, но не все наши беды в Касл-Роке так просты; это я вам прямо говорю. Никто не забыл Фрэнка Додда, уличного патрульного, который спятил здесь двенадцать лет назад и поубивал всех женщин. Не забыли и ту собаку, что взбесилась и разорвала Джо Кэмбера и старого пьяницу там, чуть ниже по шоссе. Собака доконала и доброго старого шерифа, Джорджа Баннермэна. На его месте сейчас Алан Пэнгборн; он человек хороший, но в глазах горожан ему никогда не сравниться с Большим Джорджем.

Ничего необычного не было и в том, что случилось с Реджиналдом Мерриллом — Папашей Мерриллом. Папаша был старым скрягой и держал городскую лавку старья. Она называлась «Чего изволите» и стояла прямо вон там, напротив нас, через улицу, где сейчас пустующее здание. Она сгорела дотла. Много времени прошло с тех пор, но есть в городе люди, которые видели это (или утверждают, что видели) и которые расскажут вам после пары кружек пива в «Пьяном тигре», что нечто большее, чем обычный пожар, уничтожило «Чего изволите» и унесло с собой жизнь Папаши Меррилла.

Его племянник, Эйс, говорит, что тут не обошлось без потусторонних сил — вроде того как в «Мертвой зоне». Разумеется, Эйса не было здесь, когда его дядюшка отдал концы; он тогда досиживал четырехлетний срок в Шоушэнкской тюрьме за ночную кражу со взломом. (Все всегда знали, что Эйс плохо кончит; когда он учился в школе, то был самым отъявленным хулиганом в городе, и по меньшей мере сотня ребяташек перебегала улицу, едва завидя, что в их сторону движется Эйс с позвякивающими пряжками и «молниями» на

мотоциклетной куртке и скребущими асфальт тротуара подковами на саперных ботинках.) И все же, знаете, ему верят; может, и впрямь было что-то странное в том, что произошло с Папашей в тот день, а может, это обычная болтовня в закусочной «У Нэнси» за пресловутыми чашками кофе и кусками яблочного пирога.

Здесь все точно так же, как и там, где выросли вы, или, во всяком случае, почти так же. Люди ссорятся из-за религий, читают наставления молодежи, хранят свои маленькие тайны, имеют на кого-то зуб и... даже тешатся порой разными потусторонними историями вроде той, что могла или не могла случиться в тот день, когда Папаша помер в своей лавке, и все это — чтобы хоть как-то оживить унылое однообразие каждодневной рутины. Касл-Рок все еще остается довольно приятным местечком, чтобы вырасти и жить в нем, как гласит рекламный щит, который вы могли видеть при въезде в город. Солнышко красиво освещает озеро и листья деревьев, и в погожий день с верхушки Касл-Вью бывает видна вся дорога на Вермонт. Приезжающие отдыхать на лето иногда ссорятся из-за воскресных выпусков газет, и порой на парковочной стоянке возле «Пьяного тигра» пятничными или субботними вечерами (а иногда и теми, и другими) возникают драки, но отдыхающие всегда возвращаются по домам и драки всегда заканчиваются. Рок неизменно был одним из хороших мест, и когда у кого-то здесь начинается зуд, знаете, что мы обычно говорим? Мы говорим: «У него это пройдет». Или: «У нее это пройдет».

Генри Бюфорт, например, терпеть не может, когда Хью Прист, напившись, пинает и бьет музыкальный автомат «Рок-ола», но... у Генри это пройдет. Уилма Джерзик и Нетти Кобб сатанеют при виде друг друга, но... у Нетти это пройдет (вероятно), а для Уилмы сатанеть — просто способ жить. Шериф Пэнгборн все еще оплакивает утрату жены и младшего сына, которые погибли в автокатастрофе, и это действительно трагедия, но со временем он с этим справится. Артрит Полли Чалмерз не идет на убыль, по сути дела, ей становится все хуже и хуже, но она научится с этим жить. Миллионы людей научились.

Мы порой набрасываемся друг на друга, но в основном все идет нормально. Или по крайней мере шло до сих пор. Но мне придется открыть вам, дружище, *настоящую* тайну; потому-то я и окликнул вас, как только увидел, что вы вернулись в город. Я думаю, что беда — *настоящая беда* — приближается. Я чую ее, она уже на горизонте, как буря, сверкающая зарницами. Ссора баптистов с католиками из-за Ночи Казино, ребятишки, дразнящие беднягу Слоупи из-за того, что он заикается, переживания Джона Лапойнта, горе шерифа Пэнгборна... Я думаю, все это невинные детские шалости по сравнению с тем, что на нас надвигается.

Видите вон то здание, напротив Мейн-стрит? Через три подъезда от пустого места, где когда-то был «Чего изволите»? Ну, вон же оно, с зеленым навесом над витриной. Да-да, оно самое. Окна задраены, потому что оно еще не открылось. «Самое необходимое» — так гласит вывеска. Ну скажите на милость, что, по-вашему, это должно означать? Я не знаю, но именно отсюда, кажется, исходит поганое предчувствие.

Именно отсюда.

Взгляните-ка еще разок на улицу. Видите того мальчишку, да? Вон того, что везет свой велосипед и, похоже, погрузился в самую сладкую для любого мальчишки мечту?

Вглядитесь в него как следует, дружище. Кажется, он-то все и начнет.

Нет, я же сказал вам, я не знаю, что... что именно начнется. Но вы последите за этим парнишкой. И поболтайте немного по городу, что вам стоит? Здесь чувствуется что-то *не то*, и если что-нибудь случится, неплохо будет иметь свидетеля.

Я знаю этого мальчику — того, что толкает свой велик. Может, и вы его знаете. Его зовут Брайан... Брайан... Забыл фамилию. Его отец занимается установкой дверей и отделочными работами в Оксфорде, а может, в Саут-Пэрисе.

Говорю вам, не спускайте с него глаз. Следите за *все*м. Вы бывали здесь раньше, но скоро тут все изменится.

Я знаю это.

Я чувствую.

Буря уже на подходе.

Часть первая Церемония большого открытия

Глава 1

1

Когда в маленьком городке открывается новый магазин — это большое событие. Впрочем, для Брайана Раска оно было не таким большим, как для некоторых — например, для его матери. Он слышал, как она еще с месяц назад обсуждала это (нет, не сплетничала; она сама говорила, что сплетничать — дурная привычка и она никогда этим не занимается) довольно долго по телефону со своей лучшей подругой Майрой Эванс. Первые рабочие появились в старом здании, последним владельцем которого было страховое агентство Западного Мэна, как раз когда начались школьные занятия, и с той самой поры работа шла полным ходом. Никто толком не знал, чем они там занимаются; первое, что они сделали — вставили большое витринное стекло, а второе — замазали его изнутри краской.

Две недели спустя в дверном проеме за пластиковой заслонкой смотрового окошечка появилась подвешенная на шнурке табличка.

СКОРО ОТКРЫВАЕМ

гласила она. И ниже:

САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ

Магазин нового типа

Вы не поверите собственным глазам

— Это будет просто еще один антикварный магазин, — сказала Майре мать Брайана. Кора Раск, развалясь на диване, держала в одной руке телефон, а другой отправляла в рот вишни в шоколаде и не отрывала глаз от телевизора, где шла «Санта-Барбара». — Просто еще одна антикварная лавка, где полным-полно подделок под американскую старину и допотопных телефонов. Подожди, и ты сама увидишь.

Это было вскоре после того, как в магазине вставили и замазали новую витрину, и мать говорила с такой уверенностью, что Брайану должно было стать ясно — обсуждать нечего. Только в случае с его матерью, похоже, никакая тема не будет исчерпана до конца. Ее домыслы и предположения были столь же бесконечными, как проблемы персонажей «Санта-Барбары» и «Главной больницы».

На прошлой неделе первая строка вывески на входе поменялась и теперь гласила:

БОЛЬШОЕ ОТКРЫТИЕ 9 ОКТЯБРЯ

Приходите вместе с друзьями!

Брайан не интересовался новым магазином так, как его мать (и некоторые из учителей; он слышал, как они говорили об этом в учительской касл-рокской средней школы, когда пришла его очередь быть школьным почтальоном), но ему было одиннадцать, а здорового одиннадцатилетнего мальчишку всегда интересует все новое. Кроме того, его изумляло название. «Самое необходимое» — что же это могло означать на самом деле?

Он прочел изменившуюся первую строчку вывески в прошлый вторник, по дороге из

школы. Вторники были для него продленными днями в школе, и он возвращался домой поздно. Брайан родился с заячьей губой, и хотя хирургическая операция в возрасте семи лет устранила дефект, однако все еще приходилось заниматься коррекцией речи. Он стоически твердил всем, кто бы его ни спрашивал, что ненавидит эти занятия, но на самом деле это была неправда. Он был безудержно и безнадежно влюблен в мисс Ратклифф и томился всю неделю в ожидании своих дополнительных занятий. Школьный день по вторникам тянулся, казалось, тысячу лет, и последние его два часа он ощущал у себя в желудке приятное порхание дивных бабочек.

На занятия кроме него ходили лишь еще четверо ребяташек, и все они жили далеко от Брайана, в другой части города. Он был доволен этим. После часа, проведенного в одной комнате с мисс Ратклифф, он чувствовал себя слишком возбужденным для компании. Ему нравилось медленно брести домой далеко за полдень, обычно толкая перед собой свой велик, вместо того чтобы ехать на нем, и мечтать о ней среди падающих на освещенную октябрьским солнцем землю желтых и золотых осенних листьев.

Его путь пролегал вдоль трех кварталов Мейн-стрит, протянувшихся вдоль городского общественного парка, и в тот день, когда Брайан заметил вывеску, объявившую о большом открытии, он приставил свой нос к дверному стеклу в надежде увидеть, чем заменили громоздкие столы и унылые желтые стены бывшего страхового агентства Западного Мэна. Но удовлетворить свое любопытство он не сумел. За стеклом на двери была спущена штора, и Брайан увидел в дверном стекле лишь отражение собственной физиономии и рук, прикрывающих глаза от солнца.

В пятницу, 4 октября, в еженедельной касл-рокской газете «Звонок» появилась рекламка нового магазина. Текст обрамляла узорная рамка, а под ним помещался рисунок: два ангелочка спиной к спине дули в длинные трубы. По сути, ничего больше того, что можно было прочесть на вывеске, реклама не сообщала: название магазина — «Самое необходимое», откроется он в 10 часов утра 9 октября, и, разумеется, — *...Вы не поверите своим глазам...* Ни малейшего намека на то, какие товары собирается продавать владелец «Самого необходимого».

Похоже, это здорово злило Кору Раск — во всяком случае, настолько, что она против обыкновения позвонила Майре в субботу утром и заговорила об этом.

— *Уж своим-то* глазам я поверю, — сказала она, — когда увижу эти грязные кровати, которым якобы двести лет, но у которых на раме выдавлен штамп «Рочестер, Нью-Йорк», если, конечно, дать себе труд наклонить голову и заглянуть под матрас, я-то *отлично* поверю своим глазам.

Майра что-то ответила. Кора слушала, хрумкая засахаренными орешками из банки; она отправляла их в рот по одному, а то и по два и торопливо жевала. Брайан со своим младшим братом Шоном сидели на полу в комнате и смотрели по телевизору мультики. Шон был полностью поглощен ими, но Брайан одним ухом слушал доносившуюся с экрана беседу маленьких голубых человечков, а другое наострил на разговор по телефону.

— *Точ-ч-чно!* — воскликнула Кора даже с большим энтузиазмом, чем обычно, когда Майра отпустила какое-то особенно колкое замечание. — Высокие цены и фальшивые антикварные телефоны!

Накануне, в понедельник, Брайан катался по городу на велике после школы с парой приятелей. Когда они очутились прямо напротив нового магазина, он увидел, что кто-то днем установил там темно-зеленый навес. Спереди на нем белыми буквами было написано: «Самое необходимое». Полли Чалмерз — леди, держащая швейный магазин, стояла на тротуаре, уперев руки в свои восхитительно стройные бедра, и смотрела на навес с выражением, в котором изумление делилось с восхищением.

Брайан, кое-что знавший о тентах и навесах, и сам восхитился. Это был единственный *настоящий* тент на Мейн-стрит, и он придавал новому магазину совершенно особый вид. Слово «фальсифицированный» в словарном запасе Брайана отсутствовало, но он тут же понял, что ни один магазин в Касл-Роке не выглядел так, как этот. Тент делал его похожим

на магазин, который можно увидеть разве что по телевизору. В сравнении с ним «Западное авто» напротив выглядел провинциальным и безвкусным.

Когда Брайан пришел домой, его мать, сидя на диване, смотрела «Санта-Барбару» и поедала кремовый торт, запивая его диетической кока-колой. Мать всегда пила диетическую содовую, когда смотрела дневные сериалы. Брайан толком не понимал, почему диетическую, если учесть, *что именно* она запивала, но он подозревал, что спрашивать ее об этом было бы не совсем безопасно. Она могла даже раскричаться, а когда его мать начинала кричать, не так и глупо было поискать себе надежное укрытие.

— Эй, ма! — позвал он ее, кинув учебники на столик в прихожей и доставая молоко из холодильника. — Угадай, что я скажу? На новом магазине сделали навес.

— Кого услали в лес? — раздался ее голос из комнаты.

Он налил себе молока и подошел к двери в гостиную.

— *Навес*, — сказал он. — У нового магазина, там, на улице.

Она выпрямилась, нащарила дистанционный пульт и выключила у телевизора звук. На экране Эл и Коринн продолжали обсуждать свои санта-барбарские дела в их любимом санта-барбарском ресторане, но теперь лишь умеющий читать по губам смог бы разобрать, о чем они говорят.

— Что? — спросила она. — У этого «Самого необходимого»?

— Угу, — сказал он и отпил молока.

— Не хлюпай, — раздраженно произнесла она, запихивая остатки торта себе в рот. — Это звучит отвратительно. Сколько раз я тебе говорила?

«Примерно столько же, сколько ты говорила, чтобы я не болтал с набитым ртом», — подумал Брайан, но ничего не ответил. Держать язык за зубами он научился еще в раннем возрасте.

— Прости, мам.

— Что за навес?

— Зеленый.

— Алюминиевый или из стружки?

Брайан, чей отец работал продавцом в компании «Дик Перри — двери и отделочные работы» в Саут-Пэрисе, хорошо понял, что она имеет в виду, но если бы навес был такого сорта, он вряд ли бы вообще заметил его. Навесы из прессованной стружки и алюминия стоили четвертак за дюжину в базарный день. У половины домов в Роке над окнами нависали такие карнизы.

— Ни тот, ни другой, — объявил он. — Матерчатый. Кажется, парусина. Выдается вперед, поэтому тень прямо под ним. И круглый — вот такой. — Он обвел руками (осторожно, чтобы не пролить молоко) полуокружность. — А на конце написано название. Просто жуть берет.

— Ну, разрази меня гром!

Это была фраза, которой Кора обычно выражала свое возбуждение или крайнее раздражение. Брайан сделал осторожный шаг назад на случай последнего.

— Как ты думаешь, что там будет, ма? Может, ресторан?

— Не знаю, — сказала она и потянулась к телефону на столике. Чтобы взять его, ей пришлось подвинуть кота Скайблза, программу телевидения на неделю и большую бутылку диетической колы. — Но звучит погано.

— Мам, а что значит «Самое необходимое»? Это похоже на...

— Не приставай ко мне сейчас, Брайан. Мама занята. Там в хлебнице лежат галеты «Чертов пес», можешь взять одну, если хочешь. Но только одну, а то испортишь себе ужин. — Она уже набирала номер Майры, и сейчас они примутся с большим энтузиазмом обсуждать зеленый навес.

Брайану не хотелось «чертовых псов» (он очень любил свою маму, но иногда, глядя, как она ест, терял аппетит), и он уселся за кухонный стол, достал учебник математики и принялся решать задачи — он был умным, сообразительным парнишкой и в школе не успел

закончить лишь домашнее задание по математике. Методично разбираясь с десятичными дробями, он прислушивался к телефонному разговору. Мать снова говорила Майре, что скоро у них появится еще *один* магазин с распродажей старой вонючей парфюмерии и портретов чьих-то давно умерших родственников, и это просто стыд и срам — смотреть, как подобные штучки появляются и исчезают. Слишком много развелось таких людей, говорила Кора, чья цель в жизни — заграбастать побольше денег и убежать. Рассказывая про навес, она говорила так, словно кто-то поставил его специально, чтобы нанести ей оскорбление, и великолепно в этом преуспел.

«По-моему, она считает, что кто-то обязан ее предупредить, — подумал Брайан, черкая карандашом в тетради. — Точно, вот оно что. Она любопытна — это раз. И ей дали от ворот поворот — это два. Сочетание для нее убийственное». Впрочем, скоро она все выяснит. А когда выяснит, быть может, посвятит и его в эту страшную тайну. А если ей будет не до того, он сумеет все разузнать, подслушав один из ее дневных разговоров с Майрой.

Но, как оказалось, Брайан много чего разузнал о «Самом необходимом» раньше, чем его мать, чем Майра и вообще кто бы то ни был в Касл-Роке.

2

В тот полдень — за день до объявленного открытия «Самого необходимого» — Брайан еле полз со своим великом из школы домой; он был целиком погружен в сладкие грезы (он не проговорился бы о них никому даже под пыткой раскаленным углем или ядовитыми сколопендрами) о том, как приглашает мисс Ратклифф пойти с ним на Окружную каслскую ярмарку, и она отвечает согласием.

— Спасибо, Брайан, — произносит мисс Ратклифф, и Брайан замечает слезы благодарности в уголках ее голубых глаз — глаз таких темных, что, похоже, они предвещают бурю. — Мне было очень... очень грустно в последнее время. Понимаешь, я потеряла свою любовь.

— Я помогу вам забыть его, — говорит Брайан нежным и вместе с тем твердым голосом, — если... если вы будете звать меня... Брай.

— Благодарю, — шепчет она и потом, наклонившись к нему так близко, что он чувствует запах ее духов — волшебный запах диких цветов, — она произносит: — Благодарю тебя... Брай. Но поскольку мы теперь не учительница и ученик, а парень и девушка, по крайней мере на сегодняшний вечер, ты можешь звать меня... Салли.

Он сжимает ее ладони. Смотрит ей прямо в глаза.

— Я не просто малыш какой-нибудь, — говорит он. — Я могу помочь тебе забыть его... Салли.

Она кажется загипнотизированной таким неожиданным пониманием, таким удивительным мужеством; пусть ему и впрямь всего одиннадцать, думает она, но куда до него Лестеру, который прожил целую жизнь! Ее ладони сжимаются крепче. Их лица сближаются... сближаются...

— Нет, — лепечет она, и теперь ее глаза так близко и так широко раскрыты, что ему кажется, он почти тонет в них, — ты не должен, Брай... Это неправильно...

— Это нормально, крошка, — говорит он и касается своими губами ее губ.

Через несколько мгновений она отстраняется от него и нежно шепчет...

— Эй парень, ты что, не видишь, куда прешься!

Грубо вырванный из своих грез, Брайан обнаружил, что стоит прямо перед фургоном Хью Приста.

— Простите, мистер Прист, — сказал он, жутко покраснев. Хью Прист был не из тех, чье раздражение хотелось бы испытать на себе. Он служил в департаменте общественных работ и, по общему мнению, обладал самым скверным характером в Касл-Роке. Брайан с опаской наблюдал за ним, решив, что, если тот начнет вылезать из фургона, он вскочит на свой велик и дернет вниз по Мейн-стрит со скоростью света. Ему вовсе не улыбалось

проваливаться месяц или около того в больнице только потому, что он сладко замечтался о поездке на Окружную ярмарку с мисс Ратклифф.

Однако Хью Прист сжимал коленями бутылку пива; из включенного на полную катушку приемника орал Хэнк Уильямс-младший, и вряд ли стоило покидать уютный фургон ради того, чтобы как следует вздуть маленького мальчишку во вторник, в полуденный час.

— Протри глаза, парень, — сказал он, сделав глоток из горлышка пивной бутылки и мрачно поглядев на Брайана, — потому что в следующий раз я и не подумаю тормозить. Я просто сшибу тебя с дороги. Ты и пикнуть не успеешь, дружок.

Он включил передачу и уехал. Брайан почувствовал безумное (и, к счастью, мимолетное) желание крикнуть: «А, разрази меня гром!» — ему вслед. Он выждал, пока оранжевый фургон дорожной службы не свернул на Линден-стрит, а потом продолжил свой путь. Грезы о мисс Ратклифф были испорчены. Хью Прист вернул его к реальности. Мисс Ратклифф не ссорилась со своим женихом, Лестером Праттом; она по-прежнему носила свое маленькое бриллиантовое обручальное колечко и по-прежнему ездила на голубом «мустанге» Лестера — ее собственная машина была в ремонте.

Только вчера вечером Брайан видел, как мисс Ратклифф и мистер Пратт вместе с еще несколькими жителями расклеивали листовки «Рулетка Дьявола» на телефонные будки на Нижней Мейн-стрит. При этом они распевали гимны. Правда, как только они закончили, пришли католики и содрали все бумажки. Вообще-то это было забавно, но... Если бы Брайан был покрупнее, он предпринял бы все возможное, чтобы сберечь листовки, которых касались священные пальчики мисс Ратклифф.

Брайан подумал о ее темно-голубых глазах, о длинных ногах балерины и ощутил то мрачное изумление, какое испытывал всегда, стоило ему представить, что в январе она собирается сменить дивно звучащее «Салли Ратклифф» на «Салли Пратт», что слышалось Брайану как грохот сверзившейся со ступенек лестницы толстушки.

Что ж, подумал он, обойдя очередную тумбу на тротуаре и медленно двинувшись по Мейн-стрит, быть может, она еще передумает. В этом нет ничего невозможного. А может, Лестер Пратт попадет в автомобильную катастрофу или сляжет с опухолью мозга или чем-нибудь еще в том же роде. Может, даже случайно выяснится, что он — наркоман. Мисс Ратклифф никогда не выйдет замуж на наркомана.

Подобные мысли доставили Брайану странное удовольствие, но не перечеркнули того факта, что Хью Прист оборвал его дневные грезы почти у самого их апогея (целования мисс Ратклифф и, наконец-то, прикосновения к ее правой груди, когда они оказываются в «Тоннеле любви» на ярмарке). Как бы там ни было, но сама мысль довольно дикая — одиннадцатилетний мальчишка берет с собой учительницу на окружную ярмарку. Мисс Ратклифф была красива, но еще она была и стара. Однажды она сказала ребятам на дополнительных занятиях по коррекции речи, что в ноябре ей исполнится двадцать четыре.

Итак, Брайан аккуратно сложил по складочкам свою грезу, как складывают хорошо изученный и весьма ценный документ, и засунул ее на заднюю полочку своей памяти, где ей было место. Он собирался оседлать велик и покрутить педали весь остаток пути до дома, но...

Как раз в этот момент он проходил мимо нового магазина, и взгляд его упал на вывеску на двери. Что-то в ней изменилось. Он остановил велосипед и принялся рассматривать ее.

Надпись наверху

БОЛЬШОЕ ОТКРЫТИЕ 9 ОКТЯБРЯ

Приходите вместе с друзьями!

исчезла. Ее сменил маленький квадратный плакатик, красные буквы на белом фоне.

ОТКРЫТО

было написано на нем, и ничего, кроме

ОТКРЫТО.

Сердце у Брайана забилося чуть быстрее.

«Ты ведь не собираешься туда входить, правда? — спросил он самого себя. — Я хочу сказать, даже если он действительно открылся на день раньше, ты ведь не зайдешь туда, верно?»

Почему бы и нет, ответил он самому себе.

Ну... потому что окно все еще замазано. Штора на двери по-прежнему опущена. Если зайдешь туда, с тобой может произойти что угодно. *Все, что угодно.*

Верно. Вдруг тот, кто хозяйничает здесь, это Норман Бейтс или как там его, который наплевает на себя платя своей матери и режет покупателей. *Точ-ч-но!*

Ладно, забудем об этом, сказала осторожная часть его рассудка, хотя часть эта «говорила» так, словно заранее знала, что проиграла. Что-то забавное в этом было.

Но потом Брайан подумал о том, как он расскажет матери. Просто небрежно бросит: «Кстати, ма, слышала про этот новый магазин, «Самое необходимое»? Ну так он открылся на день раньше. Я зашел туда и поглядел, что там есть».

Она мигом выключит звук у телевизора — это уж точно! И захочет выслушать подробности!

Эта мысль все и решила. Он опустил подставку на велике, медленно зашел в тень под навесом — под парусиной было как минимум на десять градусов прохладней — и приблизился к двери «Самого необходимого».

Когда он положил руку на большую старомодную латунную ручку, ему пришло в голову, что новую вывеску повесили по ошибке. Она, наверно, была заготовлена для завтрашнего дня, но кто-то случайно повесил ее уже сегодня. До него не доносилось ни звука из-за зашторенной двери; место казалось совершенно безлюдным.

Но раз уж он зашел так далеко, то стоит попробовать повернуть дверную ручку, и... ручка легко подалась. Звякнула защелка, и двери «Самого необходимого» распахнулись.

3

Внутри было сумрачно, но не темно. Брайан разглядел, что здесь установлена внешняя проводка (специализация компании «Дик Перри — двери и отделочные работы») — горят несколько лампочек в плафончиках. Лампочки горели над застекленными стендами, расставленными в большой комнате. Стенды главным образом пустовали, и свет падал в основном лишь на несколько предметов, все же лежавших под стеклом.

Голый деревянный пол бывшего страхового агентства Западного Мэна от стены до стены покрывал роскошный ковер цвета бургундского. Стены были выкрашены краской оттенка яичной скорлупы. Слабый свет такого же цвета, как и стены, пробивался внутрь сквозь замазанное витринное стекло.

Все равно это ошибка, подумал Брайан. Еще даже не разложен товар. Тот, кто по ошибке вывесил на двери табличку «Открыто», оставил и дверь незапертой — тоже по ошибке. В таком случае вежливее всего было бы притворить дверь, сесть на велосипед и уехать отсюда.

И все-таки он не хотел уезжать. В конце концов ведь сейчас он уже *видел* новый магазин изнутри. Когда его мать узнает об этом, она будет говорить с ним весь остаток дня, но... Главное, что сбивало его с толку, — он не сможет с полной уверенностью сказать, что

же он видел. Там, в застекленных стендах, лежало с полдюжины предметов, и лампочки освещали их — вероятно, выставляя на суд покупателей, — но он не мог сказать, что это было. Однако он мог сказать, чем это не было: старыми кроватями и телефонами.

— Эй? — неуверенно произнес он, все еще стоя в дверях. — Здесь кто-нибудь есть?

Он уже собирался было снова взяться за дверную ручку и закрыть дверь, когда раздался голос:

— Я здесь.

Высокая фигура — она показалась сначала неправдоподобно высокой — появилась в дверном проеме за одним из стендов. Проем скрывал занавес темного бархата. Брайан испытал мгновенный, жуткий приступ страха. Потом в свете одной из лампочек проступило лицо человека, и страх Брайана улетучился. Человек был довольно стар, с очень добрым лицом. Он смотрел на Брайана с доброжелательным интересом.

— Ваша дверь была не заперта, — начал Брайан, — вот я и подумал...

— Конечно, она не заперта, — сказал высокий человек. — Я решил ненадолго открыть магазин сегодня днем... для пробы. И вы — мой самый первый покупатель. Входите, мой друг. Входите, не стесняйтесь, и оставьте здесь немного радости, которую вы принесли с собой!

Он улыбнулся и протянул руку. Улыбка была заразительной. Брайан почувствовал мгновенную симпатию к владельцу «Самого необходимого». Ему пришлось переступить через порог и войти в магазин, чтобы пожать руку высокого человека, и он сделал это без малейших колебаний. Дверь за ним захлопнулась сама собой, Брайан этого и не заметил. Он был слишком поглощен темно-голубыми глазами высокого человека — точь-в-точь такими же, как глаза мисс Ратклифф. Она могла бы быть его дочерью.

Рукопожатие высокого человека было сильным и уверенным, но не причинило боли. Тем не менее что-то в нем было неприятное. Что-то... *вкрадчивое*. И какое-то слишком твердое.

— Очень приятно встретиться с вами, — сказал Брайан.

Темно-голубые глаза вперились в его лицо, как железнодорожные фонари.

— И мне также приятно познакомиться с вами, — произнес высокий человек.

И вот так Брайан Раск встретился с владельцем «Самого необходимого» прежде, чем кто бы то ни было другой из жителей Касл-Рока.

4

— Меня зовут Лиланд Гонт, а вы?..

— Брайан. Брайан Раск.

— Очень приятно, мистер Раск. И уж раз вы мой первый покупатель, думаю, я смогу назначить для вас совершенно особую цену на каждый предмет, который окажется достойным вашего интереса.

— Благодарю вас, — сказал Брайан, — но я не думаю, что смогу купить что-нибудь в таком месте. До пятницы я не получу никаких карманных денег, а... — он снова с сомнением окинул взглядом пустые застекленные стенды, — вы вроде бы еще не получили ваш товар.

Гонт улыбнулся. Зубы у него были кривые и в тусклом свете ламп казались желтоватыми, но все равно его улыбка показалась Брайану просто чудесной. Он снова почувствовал, что какая-то сила вынуждает его улыбнуться в ответ.

— Нет, — сказал Лиланд Гонт, — пока еще не получил. Большая часть моих... товаров, как вы их назвали, прибудет сегодня ближе к вечеру. Но все же у меня есть здесь несколько интересных предметов. Осмотритесь как следует, юный мистер Раск. Я был бы счастлив услышать ваше мнение, если уж ничего больше... И я полагаю, у вас есть мать, не так ли? Ну, разумеется, есть. Такой замечательный молодой человек, конечно же, не может быть сиротой. Я прав?

Все еще улыбаясь, Брайан кивнул.

— Конечно. Ма сейчас дома. — Тут его осенила идея: — Хотите, я схожу за ней?

Но стоило ему произнести эти слова вслух, как он сразу же пожалел о них. Он не хотел сейчас идти за матерью. Завтра мистер Лиланд Гонт будет принадлежать всему городу. Завтра его ма и Майра Эванс вместе с остальными дамами Касл-Рока заполучат его в свои объятия. Брайан полагал, что мистер Гонт не будет казаться столь странным и необычным к концу месяца, да что там, может, даже к концу недели, но сейчас он был именно таким, и сейчас он принадлежал Брайану Раску и никому, кроме Брайана Раска, и Брайан жаждал сохранить это ощущение.

Поэтому он испытал облегчение и удовольствие, когда мистер Гонт поднял одну руку (пальцы его были очень узкими и очень длинными, и Брайан заметил, что указательный и средний — одинаковой длины) и отрицательно покачал головой.

— Вовсе нет, — сказал он. — Это именно то, чего я не *хочу*. Она, вне всяких сомнений, пожелает захватить с собой подругу, не так ли?

— Ага, — кивнул Брайан, думая о Майре.

— Быть может, даже двух подруг, а то и трех. Нет, будет лучше, Брайан... Я могу называть вас Брайаном?

— Конечно, — ответил восхищенный Брайан.

— Благодарю вас. А вы называйте меня мистер Гонт, поскольку я старше, хотя и не обязательно лучше, идет?

— Конечно. — Брайан не очень понял, что подразумевает мистер Гонт под «старшим» и «лучшим», но ему жутко нравилось слушать, как разговаривает этот человек. И в глазах его действительно было нечто... Брайан с трудом мог отвести взгляд.

— Да, так гораздо лучше. — Мистер Гонт потер свои длинные руки, и они издали при этом свистящий звук. Это было единственное, что не привело в восторг Брайана. Трущие друг друга руки мистера Гонта издали звук, похожий на шипение разозленной и готовой ужалить змеи. — Ты расскажешь все своей матери и, быть может, даже покажешь ей то, что купил, если ты купишь что-нибудь...

Брайан прикинул, сказать ли мистеру Гонту, что все содержимое его карманов составляет в общей сумме девяносто один цент, и решил не говорить.

— А она расскажет *своим* друзьям, а те расскажут *своим* ... Ты понимаешь, Брайан? Ты станешь лучшей рекламой, и никакой местной газете с тобой не сравниться! Лучшего я не смог бы придумать, даже если бы нанял тебя бродить по городу с рекламным сэндвичем!

— Ну, как хотите, — согласился Брайан. Он понятия не имел, что такое «рекламный сэндвич», но был твердо уверен, что его никогда не застигли бы за таким занятием. — Вообще-то было бы забавно поглядеть здесь на все. — На ту малость, что выставлена тут, хотел он добавить, но удержался из вежливости.

— Тогда начинай осмотр! — указал на стенды мистер Гонт. Брайан обратил внимание, что на нем длинный красный бархатный пиджак. Ему пришло в голову, что это вполне мог быть смокинг, про который он читал в рассказах о Шерлоке Холмсе. Пиджак сидел безукоризненно. — Будь моим гостем, Брайан!

Брайан медленно подошел к ближнему к двери стенду. Он оглянулся через плечо в полной уверенности, что мистер Гонт следует за ним, но мистер Гонт по-прежнему стоял у двери, глядя на него с кривой усмешкой. Он словно прочел мысли Брайана и узнал, как тот не любит, когда хозяин магазина следует за ним по пятам, пока он осматривает товар. Брайан полагал, что все владельцы вечно трясутся от страха, как бы кто не сломал чего-нибудь или не свистнул, а может, и то и другое.

— Не торопись, — сказал мистер Гонт. — Покупки приносят радость, когда не торопишься, и адскую боль — если поспешать.

— Скажите, а вы сами откуда-то из-за границы? — спросил Брайан. Он обратил внимание на то, что мистер Гонт сказал «поспешать», вместо «спешить». Это напомнило ему старого торговца сдобными булочками — частого гостя «Театральных шедевров», которые его мать иногда смотрела по телевизору, если в программе было сказано, что это любовная

история.

— Я, — сообщил мистер Гонт, — из Акрона.

— Это в Англии?

— Это в Огайо, — мрачно сказал Лиланд Гонт и обнажил в солнечной улыбке неровные зубы.

Это показалось Брайану забавным, как часто казались забавными аплодисменты за кадром в телешоу. Вообще вся эта история вызывала у него такое чувство, словно он забрел в какой-то телесериал — немного таинственный, но на самом деле не страшный. Он рассмеялся.

На какое-то мгновение его охватило беспокойство, Что мистер Гонт может счесть его невежливым (возможно, потому, что мать вечно обвиняла его в грубости, отчего Брайану казалось, что он живет, опутанный огромной и почти невидимой паутиной утомительного этикета), а потом высокий человек усмехнулся. Они оба смеялись, и Брайан уже не мог припомнить, когда у него выдавался такой приятный денек, каким обещал быть этот.

— Давай осмотрись, — сказал мистер Гонт, махнув рукой. — Рассказывать друг другу истории будем в другой раз, Брайан.

И Брайан стал осматриваться. В самом большом стенде было всего пять предметов, а на вид он мог легко вместить штук на двадцать — тридцать больше. Одним из них была трубка. Другим — фотография Элвиса Пресли с его красным шарфом и в белом спортивном костюме с тигром на спине. Король (так его всегда называла мать Брайана) держал микрофон у своих надутых губ. Третьим предметом была фотокамера «Поляроид». Четвертым — кусок гладкого камня с вмятиной посередине, полной кристаллических осколков, переливающихся в свете лампы. Пятым — кусочек дерева размером с палец Брайана.

— Это жеода, верно? — спросил он, указав на самородок.

— Совершенно верно, именно жеода. А ты — образованный юноша, Брайан. У меня есть маленькие ярлычки почти для всех вещей, но они еще не распакованы, как и большая часть товаров. Мне придется адски поработать для того, чтобы подготовиться к завтрашнему открытию. — Но в голосе мистера Гонта вовсе не чувствовалось беспокойства, и он явно не собирался браться за дело.

— А это что такое? — спросил Брайан, указывая на кусочек дерева. Про себя он подумал, что это и в самом деле очень странный набор товаров для маленького городка. Лиланд Гонт понравился ему сразу, но Брайан сомневался, что тот сумеет долго вести дела в Касл-Роке, если остальные его вещи похожи на эти. Тому, кто хочет продавать что-то вроде трубок, фотографий Короля и кусочков дерева, лучше открыть магазин в Нью-Йорке... Во всяком случае, такое впечатление у него сложилось от виденных фильмов.

— А-а! — сказал мистер Гонт. — *Это* действительно интересная штука! Давай посмотрим поближе! — Он пересек комнату, подошел к стенду, достал из кармана большую связку ключей и, едва взглянув на нее, выбрал один. Потом открыл стенд и осторожно извлек деревяшку наружу. — Подержи ее, Брайан.

— Может, лучше не надо? — Брайан опасливо покосился на деревяшку. Родившись в штате, где туризм составлял основную часть доходов, он в свое время побывал во многих магазинах подарков и видел множество рекламок с маленьким стишком: «Смотреть — наслаждение, трогать — пожалуйста, но если сломал — плати и не жалуйся!» Он легко мог представить себе чудовищную реакцию матери, случись ему сломать деревяшку или что-то еще и услышать от мистера Гонта — настроенного уже вовсе не дружелюбно, — что вещичка стоит пятьсот долларов.

— А почему нет? — Мистер Гонт приподнял брови... то есть, вернее, бровь — она росла одной ровной полосой над переносицей.

— Ну... я довольно неуклюжий.

— Чушь, — возразил мистер Гонт. — Я прекрасно умею по виду отличать неуклюжих мальчишек. Ты не из той породы. — И с этими словами он уронил кусочек дерева на раскрытую ладонь Брайана. Брайан поглядел на деревяшку с некоторым удивлением; он

даже не подозревал, что его ладонь раскрыта, до того момента, как увидел на ней кусочек дерева. И...

Он не ощущал эту щепку как деревяшку, она больше походила на...

— Она похожа на камень, — с сомнением произнес он, подняв взгляд на мистера Гонта.

— И дерево, и камень, — ответил мистер Гонт. — Это окаменелость.

— Окаменелость... — благоговейно прошептал Брайан. Он вновь посмотрел на деревяшку, а потом провел по ней пальцем. Поверхность была гладкой и одновременно шероховатой, и прикасаться было как-то не очень приятно. — Она, должно быть, старая...

— Ей больше двух тысяч лет, — мрачно согласился мистер Гонт.

— Елки! — Брайан даже слегка подпрыгнул и чуть было не уронил деревяшку. Он быстро сжал ладонь в кулак... и в ту же секунду его захлестнуло какое-то странное чувство искаженности. Он ощутил... что? Дурноту? Нет, не дурноту, а *отдаленность*. Словно часть его самого вынули из тела и кинули куда-то далеко.

Он видел, что мистер Гонт смотрит на него с интересом и восхищением, и ему вдруг показалось, что глаза мистера Гонта выросли до размера чайных блюдец. Тем не менее это чувство потери ориентации не пугало; оно было довольно захватывающим и, уж точно, более приятным, чем то ощущение, которое он испытал, проведя по кусочку дерева пальцем.

— Закрой глаза! — посоветовал мистер Гонт. — Закрой глаза, Брайан, и скажи мне, что ты чувствуешь!

Брайан закрыл глаза и секунду стоял не шевелясь, вытянув вперед правую руку с зажатой в кулаке деревяшкой. Он не видел, как верхняя губа мистера Гонта на мгновение приподнялась над его большими неровными зубами — как у собаки в момент, когда она хочет выразить удовольствие или раздражение. Он испытывал смутное ощущение движения — какого-то раскачивающегося движения, словно по спирали. И ему слышались звуки — легкие и быстрые: «Та-а-дат... та-а-дат... та-а-дат». Он знал, что это за звук. Это была...

— Лодка! — с восторгом выкрикнул он, не открывая глаз. — Мне кажется, что я в лодке!

— Правда? — спросил мистер Гонт, и голос его донесся до ушей Брайана из какого-то невероятного далека.

Ощущения усилились. Теперь ему казалось, что он раскачивается вверх-вниз на огромных медленных волнах. До него доносились отдаленные крики птиц, а ближе — звуки множества животных: мычание коров, пение петухов, низкий рык очень большой кошки — но не яростный, а выражающий скуку. В эту секунду он почти ощущал дерево (то дерево, частью которого, как он был уверен, была когда-то эта щепка) у себя под ногами и знал, что на ногах у него не кроссовки «Конверс», а что-то вроде сандалий, и...

Потом картина начала исчезать, свернулась в одну крошечную, яркую точку, как экран телевизора, когда его выключили, и исчезла окончательно. Он открыл глаза, буквально дрожа от радости.

Его ладонь так крепко сжимала щепку, что ему пришлось заставить свои пальцы разжаться, и суставы при этом хрустнули, как заржавленные дверные петли.

— Вот это да, — тихо произнес он.

— Здорово, правда? — весело спросил мистер Гонт и взял кусочек дерева с ладони Брайана с небрежностью умелого врача, вытаскивающего занозу из плоти. Он положил деревяшку на место и снова запер стенд.

— Здорово, — согласно прошептал Брайан, и это прозвучало почти как вздох. Он наклонился над стендом и взглянул на деревяшку. Его ладонь еще покалывало в том месте, где только что лежал кусочек дерева. Недавние впечатления — раскачивание палубы, плеск волн, дерево под ногами... — все это еще оставалось с ним, хотя он догадывался (с большой грустью), что это пройдет, как проходят сны.

— Тебе известна история Ноева ковчега? — осведомился мистер Гонт.

Брайан нахмурился. Он был почти уверен, что это библейская история, но он имел

обыкновение прогуливать воскресные проповеди и библейские занятия по четвергам, а потому наверняка сказать не мог.

— Это про лодку, которая проплыла вокруг света за восемьдесят дней? — спросил он.

Мистер Гонт снова усмехнулся.

— Что-то вроде этого, Брайан. Ну так вот, говорят, эта деревяшка от Ноева ковчега. Я, конечно, не могу сказать, что она *точно* от него, поскольку все решили бы, что я отъявленный лжец. Около четырех тысяч людей по всему свету пытаются сегодня продавать кусочки дерева — по их утверждениям, от Ноева ковчега, и, наверно, не менее *сорока тысяч* стараются всучить кусочки подлинного креста Господня, но... я могу утверждать, что этой деревяшке более двух тысяч лет, потому что она прошла углеродный тест, и я также *могу* поручиться, что она привезена со Святой Земли — правда, ее нашли не на горе Арарат, а на горе Борам.

Почти все это прошло мимо ушей Брайана, кроме самого поразительного факта.

— Две тысячи лет, — выдохнул он. — Ух ты! Вы точно уверены?

— Совершенно уверен, — сказал мистер Гонт. — У меня есть свидетельство той лаборатории, где проводили углеродный анализ, и оно, разумеется, прилагается к экспонату. И ты знаешь, я вправду допускаю, что щепка может быть от ковчега. — Он задумчиво поглядел на щепку, а потом перевел свои мерцающие голубые глаза на лицо Брайана, снова завожоравав того своим взглядом. — В конце концов гора Борам менее чем в тридцати километрах по прямой от горы Арарат, а во многих историях случалась путаница и посерьезнее, чем с местом конечной стоянки лодки, пусть даже такой огромной. Особенно если эти истории передавались из уст в уста, из поколения в поколение, прежде чем их занесли на бумагу. Разве не так?

— Ага, — кивнул Брайан. — Звучит логично.

— А кроме того... когда держишь ее в руке, испытываешь странное ощущение. Разве нет?

— Еще бы!

Мистер Гонт улыбнулся и взъерошил волосы мальчика, возвращая его к действительности.

— Ты мне нравишься, Брайан, — сказал он. — Мне бы хотелось, чтобы все мои покупатели были так же полны живого интереса, как и ты. Жизнь стала бы намного легче для таких скромных торговцев, как я, если бы дело обстояло именно так.

— Сколько... За сколько вы бы ее продали? — не очень твердо спросил Брайан, указав рукой на деревяшку. Он лишь теперь начал осознавать, как глубоко задело его пережитое ощущение. Это было все равно как прижать морскую раковину к уху и услышать шум океана, только... не просто услышать, а почувствовать его в трех измерениях. Ему страшно хотелось, чтобы мистер Гонт разрешил подержать деревяшку еще раз, но он не знал, как попросить об этом, а сам мистер Гонт не предлагал.

— Ну что ж, — произнес мистер Гонт, подперев пальцами подбородок и плутовато взглянув на Брайана. — С вещью, подобной этой, — как и с большинством хороших вещей, которые я продаю, вещей, *действительно* интересных, — все зависело бы от покупателя. От того, сколько он захотел бы заплатить. Сколько бы ты согласился заплатить, Брайан?

— Я не знаю, — пробормотал мальчик, думая о девятиценти одном центе в собственном кармане, а потом выпалил: — Много!

Мистер Гонт запрокинул голову и от души расхохотался. Брайан отметил про себя, что ошибся, — когда он только вошел сюда, ему показалось, что волосы у мистера Гонта совершенно седые. Теперь он увидел, что седина была лишь на висках. Наверно, так отсвечивала лампа, подумал Брайан.

— Ну, Брайан, с тобой не соскучишься. Мне было и впрямь очень интересно, но у меня *действительно* полно работы — еще много чего нужно сделать к завтрашнему утру, поэтому...

— Конечно, — произнес Брайан, мгновенно вспомнив о правилах приличия. — Мне

тоже пора идти. Простите, что отнял у вас столько времени...

— Нет-нет! Ты меня не понял. — Одной из своих длинных рук мистер Гонт взял Брайана под локоть. Тот высвободился. Разумеется, это было невежливо, однако Брайан попросту не мог удержаться. Ладонь мистера Гонта была твердой, сухой и какой-то неприятной. Она в общем-то ничем не отличалась от куска окаменелой щепки от Ноева ковчега или как там он назывался. Но мистер Гонт был слишком озабочен, чтобы заметить, как Брайан инстинктивно отпрянул. Он вел себя так, словно не Брайан, а именно он нарушил этикет.

— Я просто подумал, что нам нужно перейти к делу. Тебе действительно не стоит рассматривать те товары, которые я успел распаковать; их не так уж много, и ты уже видел самые интересные из них. Тем не менее я довольно неплохо знаю перечень своих товаров даже без списка в руке, и, быть может, у меня найдется кое-что для тебя. Итак, чего бы тебе хотелось?

— Краги, — неуверенно произнес Брайан. Ему хотелось много чего, и в этом заключалась часть проблемы — вопрос был задан в лоб, следовало отвечать, а решить, что ему хочется сильнее всего, было не так-то просто.

— В таких случаях лучше долго не думать, — сказал мистер Гонт, лениво выговаривая слова. Но в его глазах, внимательно изучавших выражение лица Брайана, не было и намека на лень. — Если я скажу: «Брайан Раск, чего ты сию секунду хочешь больше всего на свете?» — каков будет твой ответ? Быстро!

— Сэнди Кауфакса, — моментально произнес Брайан. Как не подозревал он, что его ладонь раскрылась, чтобы взять щепку от Ноева ковчега, пока не увидел ту лежащей у себя на ладони, так не знал он, что ответит на вопрос мистера Гонта, пока не услышал собственный голос. Но стоило ему услышать свои слова, как он понял, что они целиком и полностью соответствуют истине.

5

— Сэнди Кауфакса, — задумчиво произнес мистер Гонт. — Как интересно.

— Ну, не *самого* Сэнди Кауфакса, — поправился Брайан, — а бейсбольный вкладыш с ним.

— «Красавцы» или «Близнецы»? — спросил мистер Гонт. Брайан не верил, что этот полдень может стать еще хоть капельку лучше, чем есть, но неожиданно это произошло. Мистер Гонт разбирался в бейсбольных открытках не хуже, чем в деревяшках и жеодах. Это было потрясающе, просто потрясающе.

— «Красавцы».

— Полагаю, ты интересуешься вкладышем, где он — совсем новичок, — с сожалением промолвил мистер Гонт. — Вряд ли я сумею тебе здесь помочь, но...

— Нет, — сказал Брайан, — не тысяча девятьсот пятьдесят четвертый, а пятьдесят шестой — тот, который я хотел бы иметь. Я собрал коллекцию бейсбольных вкладышей пятьдесят шестого года. Начал еще отец, а потом увлекся и я. Из них только пара-тройка штук действительно редкие: Эл Кейлайн, Мелл Парнелл, Рой Кампанелла — вот такие ребята. У меня уже больше пятидесяти. Включая Эла Кейлайна. Он обошелся в тридцать пять баксов. Мне пришлось выкосить немало лужаек, чтобы заполучить его.

— Не сомневаюсь, — с улыбкой сказал мистер Гонт.

— Ну вот я и говорю, почти все вкладыши пятьдесят шестого недорогие — пять, семь, иногда десять долларов. Но Сэнди Кауфакс в хорошем состоянии стоит девяносто, а то и всю сотню. В тот год он не был большой звездой, но потом, конечно, стал великим — это произошло, когда «Ловкачи» еще оставались в Бруклине. Их тогда все называли «Ударниками». Так по крайней мере говорит мой отец.

— Твой отец прав на двести процентов, — кивнул мистер Гонт. — Полагаю, у меня есть кое-что, чему ты очень обрадуешься, Брайан. Постой здесь.

Он исчез за занавешенной задней дверью, оставив Брайана возле стенда с деревяшкой, «ПолярOIDом» и фотографией Короля. Брайан едва не приплясывал на месте в ожидании и надежде. Мальчик твердил себе, что хватит маяться дурью; даже если у мистера Гонта есть вкладыш Сэнди Кауфакса и даже если этот вкладыш из «Красавцев» пятидесятих годов, он скорее всего окажется 55-го или 57-го. А даже если он и вправду 56-го, что с того? Какая ему разница, если у него в кармане не наберется и доллара?

«Но я могу просто взглянуть, верно? — подумал Брайан. — Ведь за просмотр денег не берут, так?» Это было еще одно из любимых изречений его матери.

Из комнаты за занавеской слышались звуки передвигаемых ящиков, а потом глухой стук — когда их ставили на пол.

— Одну минуту, Брайан, — раздался слегка задыхающийся голос мистера Гонта. — Я уверен, тут где-то была коробка из-под обуви...

— Не трудитесь из-за меня, мистер Гонт! — крикнул Брайан в безумной надежде, что мистер Гонт потрудится столько, сколько будет необходимо.

— Может, эта коробка как раз среди тех, что еще не привезли, — с сомнением произнес мистер Гонт за занавеской.

Сердце у Брайана екнуло.

Потом слышалось:

— Но я был уверен... постой-ка! Вот она! Точно!

Сердце у Брайана прыгнуло, даже больше чем прыгнуло.

Оно рванулось вверх и сделало обратное сальто.

Мистер Гонт вышел из-за занавески. Волосы у него слегка растрепались, а на одном из лацканов смокинга осела пыль. В руках он держал коробку из-под кроссовок «Эйр Джордан». Он поставил ее на прилавок и снял крышку. Брайан заглянул в коробку. Она была наполнена бейсбольными вкладышами — каждый в отдельном пластиковом конверте, точно как те, что Брайан порой покупал в магазинчике бейсбольных вкладышей в Северном Конвее, что в Нью-Хэмпшире.

— Я думал, в ней может лежать список наименований, но тут нам не повезло, — сказал мистер Гонт. — И все-таки, как я тебе уже говорил, я неплохо знаю свой ассортимент — это ключ к успеху, когда занимаешься торговлей всем понемногу, и я уверен, что видел тут...

Он оборвал себя на полуслове и принялся быстро перебирать вкладыши.

Брайан уставился на мелькающие карточки в немом изумлении. У парня, который держал магазин бейсбольных вкладышей, был, по словам отца Брайана, «неплохой для провинции» подбор старых вкладышей и этикеток, но весь его магазин и близко не мог сравниться с сокровищами, валяющимися в одной-единственной коробке из-под кроссовок. Здесь были вкладыши от жевательного табака с Таем Коббом и Паем Трейнором. Были сигаретные вкладыши с Бейбом Рутом и Домом Ди-Маджио, Большим Джорджем Келлером и даже Хайрамом Диссеном — одноруким подающим, который играл за «Уайт сокс» в сороковые годы. «Зеленые «Лаки Страйк» отправились на войну!» — гласила надпись на многих сигаретных вкладышах. И среди других мелькнуло широкое важное лицо над форменной питтсбургской рубашкой...

— Бог ты мой, неужели это... Хонус Вагнер? — едва не задохнулся Брайан. Он почувствовал, что его сердечко подпрыгнуло до горла и трепыхается там, как маленькая птичка, пойманная в ловушку. — Это самая редкая бейсбольная открытка во всей Вселенной!

— Да-да, — рассеянно произнес мистер Гонт. Его длинные пальцы быстро перебирали карточки с лицами из другой эпохи, заботливо упакованные в прозрачные пластиковые конверты, — лицами людей, ставших легендой, героев великого и ушедшего золотого века, того века, о котором у этого мальчишки пока еще оставались счастливые и яркие грезы. — Всего понемногу — вот ключ к успеху в бизнесе, Брайан. Разнообразие, удовольствие, восхищение, исполнение... Вот и весь секрет удачи в жизни... Я не даю советов, но если бы давал, то этот тебе стоило бы запомнить... Так, давай посмотрим где-то... где-то тут... ага!

Он как фокусник извлек вкладыш из самой середины коробки и торжественно вложил его в руку Брайана.

Это был Сэнди Кауфакс.

Это был вкладыш «Красавцев», 56-го года.

И он был с автографом.

— «Моему хорошему другу Брайану с наилучшими пожеланиями. Сэнди Кауфакс», — хриплым шепотом прочел Брайан.

И понял, что больше не в силах произнести ни слова.

6

Он поднял взгляд на мистера Гонта, забыв закрыть рот. Мистер Гонт улыбнулся.

— Я ничего не подстроил, Брайан. Это просто совпадение, но... совпадение довольно удачное, как по-твоему?

Брайан, все еще не в силах произнести ни слова, молча кивнул. Пластиковый конверт с драгоценным содержимым тяжело давил на его ладонь.

— Вынь его, — предложил мистер Гонт.

Когда Брайан наконец снова обрел способность говорить, его голос прозвучал как голос очень пожилого инвалида:

— Я... не смею.

— Ну, зато я смею, — произнес мистер Гонт. Он взял у Брайана конверт, просунул внутрь длинный палец с хорошо ухоженным ногтем, вытащил вкладыш и вложил его в руку Брайана.

Брайан разглядел крохотные царапины на поверхности, оставленные кончиком ручки Сэнди Кауфакса, которой тот вывел свое имя... их имена. Роспись Кауфакса была почти такой же, как и отпечатанная, только отпечатанная читалась как «Сэндфорд Кауфакс», а автограф — «Сэнди Кауфакс». И живая была, разумеется, в тысячу раз лучше, потому что она была *настоящая*. Сэнди Кауфакс держал этот вкладыш в своей руке и поставил на нем свою отметку — отметку своей живой руки, своего волшебного имени.

Но на нем также имелось и другое имя — Брайана. Какой-то мальчик, его тезка, стоял возле раздевалок на «Эббетс-Филд» перед игрой, и Сэнди Кауфакс, живой Сэнди Кауфакс, молодой и полный сил, пока не успевший прославиться по-настоящему, взял протянутый вкладыш, быть может, еще пахнувший сладкой розовой жевательной резинкой, и оставил на нем отметку о себе... *«И обо мне тоже»*, — подумал Брайан.

Неожиданно оно вернулось — то чувство, которое охватило его, когда он держал в руке окаменелый кусочек дерева. Только на этот раз оно было намного сильней.

Сладкий запах свежескошенной травы.

Тяжелый привкус золы, разносимой ветром.

Смех и крики у ворот подающих.

— Привет, мистер Кауфакс. Не могли бы вы надписать для меня вкладыш?

Узкое лицо. Карие глаза. Темные волосы. Бейсбольная шапочка снята быстрым движением руки, он чешет лоб там, где начинается ежик волос, а потом снова надевает ее.

— Конечно, малыш. — Он берет вкладыш. — Как тебя зовут?

— Брайан, сэр... Брайан Сигуин.

Черк-черк-черк — на вкладыше. Чудо: буквы словно полыхают огнем.

— Хочешь быть игроком, когда вырастешь, Брайан? — Вопрос прозвучал чисто механически, как заученный наизусть текст, и говорит он, не поднимая головы от вкладыша, который держит на своей широкой левой ладони, чтобы писать на нем правой рукой, которую вскоре окрестят волшебной.

— Да, сэр!

— Налегай на основы — И он возвращает вкладыш.

— Да, сэр! Конечно, я...

Но он уже идет прочь, а потом переходит на ленивый бег трусцой по свежескошенной траве, и тень его бежит рядом с ним, чуть впереди...

— Брайан? Брайа-а-н?

Длинные пальцы щелкнули у него перед носом — пальцы мистера Гонта. Брайан вынырнул из своего видения — мистер Гонт смотрел на него с изумлением.

— Ты здесь, Брайан?

— Простите, — пробормотал Брайан и покраснел. Он знал, что ему нужно отдать вкладыш, отдать и уйти отсюда, но, казалось, он просто не в силах выпустить его из рук. Мистер Гонт снова смотрел ему в глаза — чудилось, в самую глубь сознания, — и он опять почувствовал, что не может отвести глаз.

— Итак, — мягко произнес мистер Гонт, — предположим, что ты покупатель, Брайан. Предположим, что это так. Сколько бы ты заплатил за этот вкладыш?

Брайан почувствовал, как отчаяние каменной глыбой сжимает ему сердце.

— Все, что у меня есть, это...

Правая рука мистера Гонта взметнулась вверх.

— Ш-ш-ш! — жестко сказал он. — Прикуси язык! Покупатель никогда не должен рассказывать продавцу, сколько у него денег! Это все равно что, торгуясь, давать противнику ощупывать свой бумажник или выворачивать содержимое карманов прямо на пол! Если не умеешь лгать, хотя бы молчи! Это первое правило честной торговли, мой мальчик.

Его глаза... такие темные и огромные. Брайану казалось, он весь погружается в них и плывет, плывет...

— Цена этого вкладыша состоит из двух... половин. Одна половина — наличные. Вторая — действие. Ты понимаешь?

— Да, — сказал Брайан. — Он снова ощутил себя далеко-далеко от Касл-Рока, далеко от «Самого необходимого», далеко даже от себя самого. В этом далеком-далеком месте реальными были лишь огромные темные глаза мистера Гонта.

— Цена за этот вкладыш пятьдесят шестого года с автографом Сэнди Кауфакса — восемьдесят пять центов наличными, — сообщил мистер Гонт. — Тебя это устраивает?

— Да, — сказал Брайан. Голос его был далеким и слабым. Он чувствовал, как весь уменьшается и... приближается к той точке, где не остается никаких ясных воспоминаний.

— Хорошо, — ласково произнес мистер Гонт. — С этим мы договорились. Что же касается действия... Брайан, тебе известна женщина по имени Уилма Джерзик?

— Уилма? Конечно, — ответил Брайан из окружающей его, все разрастающейся тьмы. — Она живет в квартале от нас.

— Да, полагаю, она живет именно там, — согласился мистер Гонт. — Слушай меня внимательно, Брайан... — Он, должно быть, еще продолжал говорить, но что он говорил, Брайан не помнил.

7

Когда он очнулся, мистер Гонт вежливо выпроводил его на Мейн-стрит, сказал, как рад был с ним познакомиться, и попросил рассказать своей матери и всем своим друзьям, как хорошо его здесь приняли и обслужили.

— Конечно, — сказал Брайан. Он чувствовал себя растерянным, но... ему было очень хорошо — словно он только что встал после освежающего полуденного сна.

— И приходи еще, — сказал мистер Гонт, прежде чем захлопнуть за ним дверь. Брайан обернулся. Теперь на табличке было написано:

ЗАКРЫТО

8

Брайану казалось, что он пробыл в «Самом необходимом» очень долго, но часы на здании банка показывали всего двадцать минут пятого. Значит, прошло меньше двадцати минут. Он собрался оседлать свой велик, потом прислонил руль к животу и сунул руки в карманы штанов.

Из одного кармана он выгреб шесть новеньких монеток по одному центу.

Из другого достал вкладыш с автографом Сэнди Кауфакса. Стало быть, они все же заключили какую-то сделку, несмотря на то, что Брайан, хоть стреляй, не мог припомнить, в чем точно она состояла, — упоминалось лишь имя Уилмы Джерзик.

Моему хорошему другу Брайану с наилучшими пожеланиями. Сэнди Кауфакс.

Какую бы сделку они ни заключили, она того стоила.

Такой вкладыш стоил почти чего угодно.

Брайан бережно спрятал его в свой портфель, чтобы не помялся, сел на велик и покатил домой, изо всех сил нажимая на педали. Всю дорогу он улыбался.

Глава 2

1

Когда в маленьком городке Новой Англии открывается новый магазин, его жители — хотя во многих других отношениях они и могут казаться деревенщиной — демонстрируют такой светский подход, каким редко могут похвастать их соотечественники из больших городов. В Нью-Йорке или Лос-Анджелесе новая галерея может собрать небольшое столпотворение вероятных покровителей или просто зевак еще до того, как двери ее впервые распахнулись для посетителей; новый клуб порой даже собирает очередь, за которой выставляется полицейский заслон и выстраиваются в ожидании зевачи, вооруженные теле- и фотообъективами. Среди них стоит оживленный гул, как среди театралов на Бродвее перед премьерой, которая, будь то грядущий хит или полный провал, наверняка вызовет споры и комментарии.

Когда в маленьком городке Новой Англии открывается еще один магазин, народ толпится перед еще закрытыми дверями, а уж очереди нет и в помине. Когда шторы уже подняты, двери распахнуты и начинается деловая жизнь, покупатели заходят и выходят таким ручейком, который постороннему наверняка показался бы крайне вялым и... был бы расценен как дурное предзнаменование для будущего процветания владельца.

То, что выглядит как отсутствие интереса, часто скрывает предвосхищение и наблюдательность (Кора Раск и Майра Эванс были не единственными женщинами в Касл-Роке, которые занимали телефонные линии, судача о «Самом необходимом» за несколько недель до его открытия). Однако интерес и предвкушение не влияют на стереотип поведения покупателей маленького городка. Каких-то вещей просто не делают, особенно в тесных поселениях янки к северу от Бостона. Есть такие сообщества, которые девять месяцев в году существуют замкнутыми на самих себя, и там считается дурным тоном чересчур поспешно выказывать интерес или хоть каким-нибудь образом подчеркивать нечто большее, чем, так сказать, легкое любопытство.

Поход в новый магазин в маленьком городке вызывает примерно такое же возбуждение у его жителей, как приглашение на престижный прием у обитателей большого города; и у того, и у другого свои законы — законы неписанные, негласные и странным образом схожие. Главный из них заключается в том, что *нельзя приезжать первым*; разумеется, кому-то приходится нарушать это основное правило, иначе никто бы вообще не появился, но новый магазин обречен пустовать по меньшей мере минут двадцать после того, как табличка с надписью «ЗАКРЫТО» впервые переворачивается и гласит «ОТКРЫТО», и знающий наблюдатель не колеблясь станет держать пари, что первые посетители явятся группкой — парочка, тройка, а скорее всего четверка местных дам.

Второе правило заключается в том, что посетители магазина демонстрируют столь безупречную вежливость, что иначе, как ледяной, ее не назовешь. Третье — никто не должен интересоваться (по крайней мере в первый визит) личностью владельца магазина и его прошлым. Четвертое — никто не должен приносить никаких подарков, которыми встречают гостей города, в особенности таких трогательных, как домашний пирог или торт. И последнее правило — столь же безусловное, как и первое, — *нельзя уезжать последним*.

Действо, которое можно назвать танцем-дамской-разведки, продолжается в среднем от двух недель до двух месяцев; правда, его не увидать в тех случаях, когда дело открывает кто-то из жителей этого городка. Открытию такого сорта следует походить на церковный ужин в конце недели — непринужденный, радостный и довольно скучный. Но когда новый торговец появляется Со Стороны (это всегда произносится именно так, чтобы были слышны заглавные буквы), танец-дамской-разведки столь же очевиден, как смерть или сила земного притяжения. Когда ритуальный период заканчивается (об этом не объявляется в газете, но каким-то образом это становится всем известно), происходит одно из двух: или торговля входит в более или менее нормальное русло и удовлетворенные покупатели приносят запоздалые подарки и приглашения «заглянуть на огонек», или новое предприятие разоряется. В городках вроде Касл-Рока о маленьких предприятиях порой говорят как о развалившихся за недели, а то и за месяцы до того, как злополучные владельцы обнаруживают свой крах.

Между тем в Касл-Роке была одна женщина, которая не играла по общепринятым правилам, сколь бы незыблемыми они ни казались остальным. Это была Полли Чалмерз, владелица ателье и магазинчика «Шейте сами». Впрочем, от нее, как правило, всегда ожидали чего-нибудь этакого; дамы Касл-Рока (равно как и многие джентльмены) считали ее эксцентричной особой.

Полли олицетворяла собой все, какие только возможно, трудности для въедливых блюстителей социальных норм Касл-Рока. Прежде всего никто не мог четко разрешить самый основной вопрос: была ли Полли Из Города или Со Стороны? Родилась она и выросла в Касл-Роке — это верно, но отбыла с изюминкой Дюка Шихана в своей утробе, когда ей стукнуло восемнадцать. Это случилось в 1970-м, и она возвращалась сюда с тех пор всего один раз, пока не прибыла насовсем в 1987-м.

Тот короткий приезд пришелся на конец 1975-го, когда ее отец умирал от рака прямой кишки. Вслед за его смертью Лоррейн Чалмерз перенесла инфаркт, и Полли осталась ухаживать за матерью. Второй — и последний инфаркт — хватил Лоррейн ранней весной 1976-го, и после того как мать похоронили на городском кладбище, Полли (на которой к тому времени уже лежала, по мнению городских дам, Печать Загадки) снова уехала.

Уехала, по общему мнению, *на сей раз насовсем*, и, когда последняя из семьи Чалмерз, старая тетя Эвви, умерла в 1981-м, а Полли не приехала на ее похороны, это подтвердило подозрения. Тем не менее спустя четыре года она *вернулась* и открыла ателье и магазин. Хотя никто не знал этого точно, но похоже было, что для своего нового предприятия она воспользовалась деньгами тети Эвви Чалмерз. Кому еще могла оставить их сумасшедшая старая кляча?

Горячие поклонники *la comedie humaine*¹ (а таковых было большинство) полагали, что, если Полли будет сопутствовать успех и она останется здесь, львиная доля любопытных подробностей ее прошлого со временем откроется. Но время шло, а прошлое Полли по-прежнему окутывал мрак. И это вызывало немалое раздражение.

Какие-то годы из тех, что ее здесь не было, она провела в Сан-Франциско — вот, пожалуй, и все, что было известно, — Лоррейн Чалмерз была чертовски скрытна в том, что касалось ее своенравной дочери. Заканчивала ли Полли школу там или еще где-то?

Дело она свое вела так, словно училась на специальных курсах и притом неплохо

¹ Человеческая комедия (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

выучилась, но никто не знал этого наверняка. Вернулась она одна, но была ли она когда-нибудь замужем — в Сан-Франциско или в каком-нибудь из тех мест, где она могла провести (а могла и не проводить) какую-то часть времени между Тогда и Теперь? Никто не знал, известно было лишь, что она так никогда и не вышла за того парня, Шихана, — он поступил во флот, служил там, а теперь торговал недвижимостью где-то в Нью-Хэмпшире. И почему она вернулась и осталась здесь после стольких лет?

Больше всего хотелось всем выяснить, что же случилось с ребенком. Сделала ли красотка Полли аборт? Отдала ли кому-нибудь на усыновление? Оставила себе? Если оставила, умер ли он? Или был жив, учился в школе где-нибудь и писал время от времени письма матери? Наконец (неведение просто сводило с ума), он это был или она? Но и об этом никто ничего не знал, и наиболее болезненное любопытство вызывали все вопросы о «нем». Девчонка, покинувшая город с изюминкой в утробе, была теперь почти сорокалетней женщиной, она вернулась и вела собственное дело уже четыре года, но никто и понятия не имел, какого пола было то дитя, которое вынудило ее уехать.

Как раз недавно Полли Чалмерз предоставила городу новое доказательство своей эксцентричности, если ее эксцентричность еще нуждалась в доказательствах: она завела шашни с Аланом Пэнгборном, шерифом округа Касл, а шериф Пэнгборн похоронил свою жену вместе с младшим сыном всего полтора года назад. Подобное поведение было хотя и не совсем скандальным, но уж точно эксцентричным, а потому ни у кого не возникло удивления при виде Полли, шествующей по тоотуару Мейн-стрит от своей двери к дверям «Самого необходимого» девятого октября, в две минуты одиннадцатого. Никто даже не удивился тому, что она несла в своих затянутых в перчатки руках картонную коробку, в которой могло быть лишь одно — пирог.

Это, как говорили местные жители, обсуждая все впоследствии, было именно в ее стиле.

2

Витрину «Самого необходимого» уже как следует вымыли, и на ней было выставлено около дюжины различных предметов: часы, серебряная подставка картина, чудесный альбом, так и ждущий, пока кто-то заполнит его любимыми фотографиями. Полли бросила одобрителный взгляд на эти вещи и подошла к двери. На табличке было написано «ОТКРЫТО». Когда она, последовав совету таблички, открыла дверь, над ее головой звякнул маленький колокольчик — он был установлен после первого визита Брайана Раска.

В магазине пахло новыми коврами и свежей краской. Он весь был полон солнца, и как только она вошла и с интересом огляделась, в ее голове выделилась совершенно ясная и отчетливая мысль: «Это успех; ни один покупатель еще не переступил порог — если только я не окажусь покупателем, — но это уже успех. Замечательно!» Такие поспешные суждения были непохожи на нее, как и охватившее ее чувство моментального одобрения, но испытывала она именно это.

Высокий мужчина склонился над одним из застекленных стендов. Когда звякнул колокольчик, он поднял голову и улыбнулся.

— Хелло! — приветствовал он ее.

Полли была практичной женщиной, которая хорошо знала свою собственную черепную коробку и в целом была довольна ее содержимым, а потому мгновенное смущение, охватившее ее, когда она впервые встретилась взглядом с глазами незнакомца, было вызвано ею самой.

«Я знаю его, — была первая отчетливая мысль, прорвавшая пелену неожиданного и мимолетного смущения. — Я встречала этого человека раньше. Только где?»

Но она нигде его не встречала, и осознание этого — вернее, твердая уверенность — пришло секундой позже. Это было просто *deja vu*, подумала она, такое ложное воспоминание, охватывающее иногда почти каждого, — чувство, которое здорово выбивает из равновесия,

поскольку оно очень зыбкое, мечтательное и в то же самое время ужасно прозаичное.

На секунду-другую она застыла на месте, смущенно улыбаясь владельцу магазина. Потом шевельнула левой рукой, чтобы получше ухватить коробку с пирогом, и всплеск жуткой боли пронзил тыльную сторону ладони и внутреннюю, ближе к запястью, двумя острыми гвоздями. Казалось, в ее плоть всадили зубья большой железной вилки. Это был приступ артрита, болезненный как черт, но он по крайней мере вернул ее к реальности, и она заговорила без видимой запинки, только... Она подумала, что этот человек все равно мог заметить. Его яркие карие глаза говорили о том, что он может заметить очень многое.

— Хелло, — сказала она. — Меня зовут Полли Чалмерз. У меня по соседству небольшой магазин готовой одежды и ателье. Я подумала, что раз уж мы соседи, то я, пожалуй, зайду сказать вам «Добро пожаловать в Касл-Рок», пока сюда не нахлынула толпа.

Он улыбнулся, и все его лицо осветилось. Она почувствовала, как ответная улыбка раздвинула ее губы, несмотря на то, что левую кисть по-прежнему разрывала дьявольская боль. «Если бы я уже не любила Алана, — подумала она, — я, наверно, упала бы к ногам этого человека без единого стога». «Проводите меня в спальню, хозяин, я покорно пойду за вами». С изумлением она прикинула, сколько дам из тех, что забегут сюда до конца дня на секундочку для беглого осмотра, отправятся домой, снедаемые волчьим аппетитом по хозяину. Она заметила, что он не носит обручального кольца; это лишь подольет масла в огонь.

— Я очень рад приветствовать вас, мисс Чалмерз, — произнес он, подходя к ней. — Меня зовут Лиланд Гонт. — Приблизившись, он протянул ей правую руку и слегка нахмурился, когда она быстро сделала маленький шагок назад.

— Простите, — сказала она, — я нежимаю рук. У меня артрит. — Она поставила картонную коробку на ближайший застекленный стенд и подняла кверху свои руки, затянутые в кожаные перчатки. Никакого уродства, но что-то с ними явно было не в порядке — с левой чуть-чуть больше, чем с правой.

Некоторые женщины в городе полагали, что Полли на самом деле гордится своим недугом; с чего бы еще, рассуждали они, она стала тут же всем его демонстрировать. На самом деле все было как раз наоборот. Не будучи женщиной тщеславной, она все же заботилась о внешности вполне достаточно, чтобы смущаться видом своих некрасивых рук. Она показывала их как можно скорее, и каждый раз одна и та же мысль быстро — так быстро, что исчезала почти незамеченной, — мелькала у нее в голове: вот так, с этим все, теперь можем заняться и остальным.

Обычно все выказывали некоторое замешательство или смущение, когда она показывала им свои руки. Гонт — нет. Он осторожно обхватил ее локоть своими ладонями, в которых почувствовалась необычная сила, и пожал его. Это могло бы изумить Полли как неподобающе интимный жест для первого знакомства, но... не изумило. Жест был дружеским и довольно почтительным. И все же она была рада, что прикосновение было кратким — оно вызвало какое-то сухое, неприятное ощущение даже через легкий плащ, который Полли надела в этот день.

— Наверно, это нелегко — управляться с ателье при таком недуге, мисс Чалмерз. Как вы только ухитряетесь?

Такой вопрос задавали ей очень немногие, и она не могла припомнить, чтобы кто-то, за исключением Алана, когда-нибудь задал его вот так, напрямую.

— Я занималась шитьем сама столько, сколько могла, — сказала она. — Вы, наверно, скажете, какая скуотища. А теперь в ателье с полдюжины девушек, которые работают неполную неделю, а я в основном занимаюсь дизайном. Но у меня еще бывают хорошие денечки.

Это была ложь, но она не видела в ней ничего дурного, поскольку говорила это лишь ради себя самой.

— Что ж, я очень рад, что вы зашли. Сказать по правде, у меня... тяжелый случай страха перед премьерой.

— Правда? Почему?

Обычно Полли проявляла в оценке людей еще меньшую поспешность, чем в оценке мест и событий, и сейчас была поражена — даже немного ужаснулась тому, как быстро и естественно она почувствовала себя с этим человеком, которого впервые увидела меньше минуты назад.

— Я не перестаю думать о том, что мне делать, если ни один человек так и не зайдет сюда. Ни один — за весь день.

— Они придут, — сказала она. — Они захотят посмотреть на ваши товары — кажется, никто и понятия не имеет, что может продаваться в магазине под названием «Самое необходимое», но, что гораздо важнее, они захотят посмотреть на вас. Просто в маленьких городках вроде Касл-Рока...

— ...никто не хочет показаться слишком заинтересованным, — закончил он за нее. — Я знаю... У меня есть опыт работы в маленьких городках. Мой трезвый рассудок подсказывает мне, что все сказанное сейчас вами — истинная правда, но есть и другой голос, и он неустанно твердит: «Они не придут, Лиланд, о-ох, нет, они не придут, они будут толпиться где-нибудь вдалеке, вот подожди, и ты сам увидишь».

Она засмеялась, неожиданно вспомнив, что чувствовала себя именно так, когда открыла свое ателье.

— Но что это такое? — спросил он, коснувшись ладонью картонной коробки. И она заметила то, что уже видел Брайан Раск: указательный и средний пальцы его руки были одинаковой длины.

— Это пирог. И если я знаю этот город хотя бы вполовину так, как думаю, то могу вас уверить, он будет единственным, который вы получите сегодня.

Он улыбнулся ей, явно польщенный.

— Спасибо! Большое вам спасибо, мисс Чалмерз. Я... Я очень тронут.

И тогда Полли, которая никогда никого не просила называть ее по имени ни при первом, ни при близком знакомстве (и которая с подозрением относилась ко всем — коммивояжерам, страховым агентам, продавцам автомобилей, — кто решался воспользоваться этой привилегией без спроса), пораженно застыла, услышав свой собственный голос:

— Раз уж мы с вами соседи, почему бы вам не называть меня Полли?

3

Пирог был дьявольски хорош, в чем Лиланд Гонт удостоверился, едва подняв крышку и понюхав его. Он попросил ее остаться и съесть кусочек вместе с ним. Полли отнекивалась. Гонт настаивал.

— Вы же все равно кого-то оставили в вашем магазине, — сказал он, — а в мой никто не посмеет сунуть нос по крайней мере в ближайшие полчаса — они не могут нарушить ритуал. И мне нужно задать вам тысячу вопросов об этом городе.

Итак, она согласилась. Он скрылся за занавеской в задней части магазина, и она услышала, как он поднимается по лестнице — наверху, как она полагала, размещались его жилые комнаты, во всяком случае, пока, — чтобы принести тарелки и вилки. Поджидая его, Полли прошлась по помещению, разглядывая вещи.

Табличка в рамке на стене возле входной двери извещала, что магазин работает с десяти утра до пяти вечера по понедельникам, средам, пятницам и субботам. По вторникам и четвергам обслуживаются только сделавшие предварительные заказы — до наступления весны или, как подумала Полли, улыбаясь про себя, до тех пор, пока снова не появятся дикие полчища обезумевших туристов и отдыхающих, размахивающих зажатými в кулаках пачками долларов.

«Самое необходимое», по ее мнению, был антикварным магазином. В высшей степени антикварным, сказала бы она, едва окинув помещение взглядом, но более внимательное

изучение предметов, выставленных на продажу, подсказывало, что охарактеризовать его не так-то просто.

Вещи, находившиеся в магазине в полдень, когда сюда заглянул Брайан — жеода, «Поляроид», фотография Элвиса Пресли и несколько других, — оставались на своих местах, но к ним прибавилось еще дюжины четыре других. Маленький ковер, турецкий, очень старый, стоивший, быть может, целое состояние, висел на одной из белых стен. Под стеклом на стенде располагалась коллекция оловянных солдатиков — вроде бы старинных; впрочем, Полли знала, что все оловянные солдатки, включая и купленных в Гонконге на прошлой неделе, выглядят как старинные.

Все предметы были невероятно разными. Между изображением Элвиса, которое, на ее взгляд, можно было купить на любой распродаже в любом штате за 4 доллара 99 центов, и совершенно неинтересным американским флюгером в виде орла стоял абажур из цветного стекла, который уж точно стоил не меньше восьмисот долларов, а мог стоять и все пять тысяч.

В одном из стендов был набор бейсбольных и табачных вкладышей, кипа мятых журналов тридцатых годов («Вейрд тейлс», «Эмейзинг сториз», «Эстаундинг», настольный приемник пятидесятых годов того отвратительного бледно-розового оттенка, который люди той эпохи, кажется, обожали, если речь шла об убранстве жилья, а не о политике.

Возле большинства предметов — хотя не у всех — стояли маленькие таблички. На одной было написано: «Кристаллическая жеода, Аризона». На другой: «Футляр для ключей, обычный». Та, что стояла перед щепкой, так поразившей Брайана, гласила, что это «Деревянная окаменелость из Святой Земли». На табличках перед бейсбольными открытками и старыми журналами было написано: «Имеются и другие — на выбор заказчика».

Она отметила, что у всех предметов, будь то ерунда или настоящее сокровище, было одно общее: ни на одном не стояла цена.

4

Гонт вернулся с двумя маленькими тарелками — ничего особенного, обыкновенный старый фаянс, — ножом для разрезания торта и несколькими вилками.

— Все еще валяется как попало там, наверху, — признался он, снимая с коробки крышку и ставя рядом (он аккуратно перевернул ее вверх дном, чтобы на столике не остался кольцеобразный след). — Как только управлюсь со всеми делами, начну подыскивать себе дом, а пока проживу прямо над магазином. Все вещи еще не распакованы. Господи, как же я ненавижу картонные коробки. Ну скажите, кто их...

— Ради Бога, — запротестовала Полли, — не так много!

— Ладно, — весело произнес Гонт, кладя толстый кусок пирога с шоколадной начинкой на одну из тарелок. — Этот пойдет мне. Ешь, милый, ешь, веселись! Вам такой?

— Даже тоньше.

— Тоньше, чем этот, я просто не сумею отрезать, — сказал он, отрезая узенький кусок пирога. — Пахнет потрясающе. Спасибо вам огромное, Полли.

— Ешьте на здоровье.

От пирога действительно исходил отменный запах; Полли не сидела на диете, но ее первоначальный отказ был не просто данью вежливости. Последние три недели в Касл-Роке стояло великолепное бабье лето, но в понедельник погода испортилась и ее руки отозвались на эту перемену самым неприятным образом. Возможно, боль немного ослабеет, когда ее суставы свыкнутся с холодом (во всяком случае, она всем сердцем надеялась на это — так бывало раньше, но она не могла закрывать глаза на то, что болезнь прогрессировала), однако сегодня, с самого раннего утра, ей было очень плохо. Когда с ней происходило такое, она никогда не могла точно знать, что она сможет, а чего не сможет сделать своими предателями-руками, и причина ее первоначального отказа крылась в беспокойстве и страхе

перед возможным конфузом.

Теперь она сняла перчатки и осторожно попробовала сжать правую ладонь. Игла резкой боли пронзила руку до самого локтя. Она снова сжала ладонь, в предчувствии следующей волны крепко стиснув зубы. Боль не заставила себя ждать, но на этот раз она была не такая сильная. Полли слегка расслабилась. Похоже, все будет нормально. Не очень здорово, не так приятно, как должно быть, когда ешь пирог, но — нормально. Она осторожно взяла свою вилку, стараясь как можно меньше сгибать при этом пальцы. Поднося первый кусок ко рту, она увидела, что Гонт смотрит на нее с сочувствием. Сейчас начнет соболезнавать, мрачно подумала она, и примется рассказывать, какой ужасный артрит был у его деда. Или у его бывшей жены. Или еще у кого-нибудь.

Но Гонт не стал соболезнавать. Он откусил от своей порции добрую треть и комично вытаращил глаза.

— Не знаю, как там с шитьем и торговлей, — заявил он, — но вам следовало бы открыть ресторан.

— О, пирог пекла не я, — сказала она, — но я передам ваш комплимент Нетти Кобб. Это моя прислуга.

— Нетти Кобб, — задумчиво произнес он, отрезая еще кусочек от своей порции.

— Да... А вы ее знаете?

— Я? Вряд ли, — сказал он с видом человека, неожиданно вернувшегося к прозе жизни. — В Касл-Роке я не знаю *никого*. — Он бросил на нее лукавый взгляд. — Есть ли шансы, что ее могут уволить?

— Никаких, — рассмеявшись, ответила Полли.

— Я хотел спросить вас про агентов по продаже недвижимости, — сказал он. — Кто из здешних, по-вашему, самый надежный в округе?

— О, все они воры, но Марк Хоупуэлл, пожалуй, не хуже других.

Он подавился от смеха и прижал ладонь ко рту, чтобы не разлетелись крошки. Потом раскашлялся, и если бы у нее не болели так руки, она шлепнула бы его чисто по-товарищески пару раз по спине. Первое знакомство или не первое, а он действительно *нравился* ей.

— Простите, — выдавил он, все еще покашливая. — Так они и впрямь все воры, да?

— О, несомненно.

Будь она женщиной несколько иного сорта — не столь упорно державшей при себе факты из своего прошлого, — Полли начала бы задавать Лиланду Гонту наводящие вопросы. Почему он приехал в Касл-Рок? Где жил до этого? Долго ли он здесь пробудет? Есть ли у него семья? Но она была не из таких, а потому с удовольствием отвечала на его вопросы... — разумеется, до тех пор, пока эти вопросы не становились слишком личными. Он хотел разузнать побольше о городе: оживленное ли движение на Мейн-стрит зимой, есть ли поблизости местечко, где можно купить симпатичную маленькую электрическую плиту, какие цены страховок — и сотни других подробностей. Он вытащил из кармана своего голубого клубного пиджака узкий черный блокнот в кожаном переплете и скрупулезно стал записывать каждое произносимое ею имя.

Она взглянула на свою тарелку и обнаружила, что доела всю порцию. Руки у нее все еще болели, но уже меньше, чем когда она только пришла сюда. Она вспомнила, что с утра почти решила не ходить, такая была боль. Теперь, как бы там ни было, она не жалела, что пришла.

— Мне пора, — сказала она, поглядев на часы, — а то Розали решит, что я умерла.

Они встали. Гонт аккуратно поставил тарелки одну на другую, сверху положил вилки и накрыл пирог крышкой.

— Ничего, если я верну коробку, как только прикончу пирог? — спросил он.

— Конечно.

— Тогда вы, вероятно, получите ее сегодня к полудню, — нарочито угрюмо заметил он.

— Вовсе не обязательно, — сказала она, двинувшись в сопровождении Гонта к двери.
— Мне было очень приятно с вами познакомиться.

— Спасибо, что пришли, — кивнул он. На секунду Полли показалось, что он собирается взять ее за локоть, и при мысли о его прикосновении ей стало не по себе — глупо, конечно, — но он этого не сделал. — Вы превратили день страха и тревог в истинное удовольствие.

— Все у вас будет отлично. — Полли открыла дверь, но на пороге задержалась. Она не задала ему ни единого вопроса о нем самом, но одна вещь вызывала у нее любопытство — слишком большое, чтобы уйти, не спросив. — У вас столько интересных вещей...

— Благодарю.

—...но ни на одной нет цены. Почему?

Он улыбнулся.

— Видите ли, Полли, это одна из моих маленьких причуд. Я всегда считал, что стоящая купля-продажа в том и состоит, чтобы немножко поторговаться. Наверно, в моей последней из всех прошлых жизней я был купцом с Ближнего Востока. Может быть, из Ирака, хотя в эти дни мне, наверно, не следовало бы так говорить.

— Стало быть, вы назначите столько, сколько выдержит спрос? — чуть дразня, спросила она.

— Можно сказать и так, — с серьезностью согласился он, и вновь она изумилась глубине его карих глаз... их странной, притягательной красоте. — Но я бы назвал это определением стоимости в зависимости от потребности купить.

— Понимаю.

— В самом деле?

— Ну... думаю, что понимаю. Это объясняет название вашего магазина.

— Возможно, — с улыбкой кивнул он. — Полагаю, в определенном смысле это так.

— Что ж, я желаю вам удачного дня, мистер Гонт...

— Лиланд. Или просто Ли.

— Хорошо, Лиланд. И не стоит беспокоиться насчет покупателей. Думаю, к пятнице вам уже придется нанимать охрану, чтобы выдворять их после закрытия.

— Правда? Это было бы замечательно.

— До свидания.

— Чао.

Он постоял секунду на пороге, глядя, как Полли Чалмерз идет вниз по улице, разглаживая перчатки на своих руках — таких некрасивых и так поразительно не соответствующих всему остальному в ней, аккуратному и красивому, чтобы не сказать просто восхитительному. Улыбка Гонта стала шире. Когда губы его раздвинулись, обнажив неровные зубы, она стала неприятно-хищной.

— Ты подойдешь, — мягко произнес он, и звук его голоса прокатился по всему пустому магазину. — Отлично подойдешь.

5

Предсказание Полли сбылось. До закрытия в этот день почти все женщины Касл-Рока — во всяком случае, те, на которых стоило обращать внимание, — и некоторые мужчины успели заглянуть в «Самое необходимое» для беглого осмотра. Почти каждый из них не преминул уверить Гонта, что в его распоряжении всего минутка, поскольку он торопится куда-то еще.

Стефани Бонзайт, Синтия Роз Мартин, Барбара Миллер и Франси Пелетье были первыми. Все они, Стеффи, Синди Роз, Бабс и Франси, прибыли готовым к круговой обороне взводом: не прошло и десяти минут после того, как Полли засекли выходящей из нового магазина, весть о ее отбытии распространилась быстро и точно с помощью телефона и безотказного «беспроволочного» телеграфа, действующего на всех задних дворах Новой

Англии.

Стеффи и ее подруги жадно рассматривали товары. Они охали и ахали. Они уверяли Гонта, что не могут задержаться подольше, потому что как раз сегодня играют в бридж (забыв сообщить ему, что еженедельный роббер обычно никогда не начинается раньше двух). Франси спросила его, откуда он приехал. Гонт сказал, что из Акрона, штат Огайо. Стеффи поинтересовалась, давно ли он занимается антиквариатом. Гонт сказал, что считает свое дело не совсем... антиквариатом. Синди желала узнать, долго ли мистер Гонт прожил в Новой Англии. Порядочно, ответил Гонт, порядочно.

Все четверо позже сошлись на том, что магазин интересный — столько странных вещичек! — но интервью оказалось крайне неудачным. Парень умел держать язык за зубами не хуже Полли Чалмерз, а может быть, и получше. Бабс потом подытожила, что же они разузнали (или думали, что разузнали). Прежде всего, что Полли первая во всем городе зашла в новый магазин и что она принесла пирог. Возможно, предположила Бабс, она знает мистера Гонта... еще по тем Прежним Временам, когда она была Вдалеке.

Синди Роз заинтересовалась керамической вазой и спросила мистера Гонта (который стоял неподалеку, но, как с удовлетворением отметили все, ни за кем не следил), сколько она стоит.

— А сколько бы вы дали? — спросил он с улыбкой.

Она не без кокетства улыбнулась в ответ.

— О, так вот как вы ведете свои дела, мистер Гонт!

— Да, — кивнул он, — именно так.

— Ну, тогда вы потеряете больше, чем наживете, торгуясь с янки, — заявила Синди Роз, а ее подруги взирали на эту сцену с живейшим интересом, словно зрители на Уимблдонском турнире.

— А это, — сказал он, — покажет будущее.

Голос его был по-прежнему дружелюбным, но вместе с тем в нем прозвучал некоторый вызов. Синди Роз получше рассмотрела вазу. Стеффи Бонзайт что-то шепнула ей на ухо. Синди Роз кивнула.

— Семнадцать долларов, — сказала она. Вообще-то ваза выглядела на все пятьдесят, а в антикварном магазине Бостона, прикинула она, ее цена была бы не меньше ста восьмидесяти.

Жестом, который сразу показался бы знакомым Брайану Раску, Гонт подпер пальцами подбородок.

— Думаю, что не смогу уступить ее меньше чем за сорок пять, — сказал он.

Синди Роз оживилась: тут открывались определенные возможности. Вообще-то она поначалу отнеслась к вазе с прохладным интересом — не более чем к очередной уловке, чтобы попробовать разговорить таинственного мистера Гонта. Теперь, разглядев вазу более внимательно, она увидела, что та действительно хорошей работы и прекрасно подойдет к ее комнате. Цветочный узор вокруг вытянутого горла вазы был в тех же тонах, что и ее обои. Пока Гонт не ответил на предложение ценой, лишь на мизинец превышающей возможности Синди, она даже не сознавала, до чего ей хочется купить эту вазу.

Она стала советоваться с подругами.

Гонт, мягко улыбаясь, наблюдал за ними.

Над дверью звякнул колокольчик, и вошли еще две дамы.

Первый полноценный рабочий день в «Самом необходимом» начался.

6

Когда бридж-клуб с Эш-стрит спустя десять минут покидал «Самое необходимое», Синди Роз Мартин несла свою хозяйственную сумку за обе ручки. В сумке, завернутая в мягкую папиросную бумагу, лежала ваза. Она купила вазу за тридцать один доллар плюс налог — почти все ее карманные деньги, — но была так довольна покупкой, что едва ли не

мурлыкала.

Обычно после подобных неожиданных покупок она всегда испытывала сомнения и легкий стыд, будучи уверенной, что ей слегка заморочили голову, а то и просто надули, но — только не сегодня. Мистер Гонт даже попросил Синди зайти еще, сказав, что у него есть парная ваза и ее привезут на этой неделе — может быть, даже завтра! Одна ваза будет чудесно смотреться на маленьком столике в ее комнате, но, имея она две, их можно будет поставить на каминную полку, и это будет *потрясающе*.

Подруги полагали, что она сделала удачную покупку, и хотя они были слегка раздосадованы тем, что им удалось так мало выудить из мистера Гонта о его прошлом, в целом их мнение о нем было довольно высоким.

— У него такие красивые зеленые глаза! — мечтательно сказала Франси Пелетье.

— Зеленые? — удивилась Синди Роз. Самой ей казалось, что они были серыми. — Я не заметила.

7

Позже в этот полдень в «Самое необходимое» заглянула Розали Дрейк из «Шейте сами» в компании с Нетти Кобб, прислужой Полли. По магазину бродили несколько женщин, а в дальнем углу двое ребят из местной школы рылись в картонной коробке, забитой комиксами, и переговаривались возбужденным шепотом: просто поразительно, соглашались они друг с другом, сколько здесь экземпляров, нужных для их коллекций. Они лишь надеялись, что цены окажутся не слишком высокими. Но, не спросив, они никак не могли этого выяснить, поскольку на пластиковых пакетах с комиксами не было ценников.

Розали и Нетти поздоровались с мистером Гонтом, и тот попросил Нетти еще раз поблагодарить от его имени Полли за пирог. Он проводил взглядом Нетти, отошедшую после знакомства в сторонку и теперь не без грусти разглядывавшую небольшую коллекцию кварцевого стекла. Гонт оставил Розали изучать портрет Элвиса, что висел рядом с «Деревянной окаменелостью из Святой Земли», и подошел к Нетти.

— Вам нравится кварцевое стекло, мисс Кобб? — мягко спросил он.

Она слегка подпрыгнула — у Нетти Кобб были лицо и болезненно-стеснительные манеры женщины, которая всегда подпрыгнет при звуках голоса, пусть самого мягкого и дружелюбного, раздавшегося у нее за спиной, — и принужденно улыбнулась Гонту.

— Правильнее будет — миссис Кобб, мистер Гонт, хотя моего мужа давно нет в живых.

— Поверьте, мне очень жаль.

— Не стоит. С тех пор прошло четырнадцать лет. Порядочный срок. Да, у меня есть маленькая коллекция кварцевого стекла. — Казалось, она почти дрожит, как мышь при приближении кошки. — Конечно, я не могу позволить себе такую прелесть, как вот эти. Они просто чудо. Наверно, такие бывают только в раю.

— Знаете, что я вам скажу, — задумчиво произнес мистер Гонт, — я купил довольно много кварцевого стекла, когда брал вот эти, и они вовсе не так дороги, как вам могло показаться. И остальные — *намного* красивее. Не хотите ли вы зайти завтра и взглянуть на них?

Она снова подпрыгнула и отступила на шаг, словно он предложил ей зайти на следующий день, чтобы наплевать ей по заднице, пока она не станет реветь.

— О нет, вряд ли... Видите ли, в четверг я работаю... У Полли... Понимаете, мы по четвергам должны как следует все убраться и...

— А может, все-таки вырветесь и заглянете? — продолжал настаивать он. — Полли сказала мне, что это вы пекли пирог, который она принесла сегодня утром...

— Он вам понравился? — с беспокойством спросила Нетти, глядя на него так, словно ждала, что он скажет: «Нет, не понравился, Нетти, у меня от него были спазмы, мне пришлось сто раз бегать в уборную, и потому я накажу тебя, Нетти, я затащу тебя в кладовку

и буду щипать за соски, пока ты не взвоешь».

— Он просто восхитительный, — успокаивающе произнес Гонт, — и напомнил мне о пирогах, которые пекла моя мать... давным-давно.

Это был верный ход в беседе с Нетти, которая страшно любила свою мать, несмотря на побои, коими та награждала ее после своих ночных пьянок и загулов. Нетти слегка успокоилась.

— Ну, тогда все в порядке, — сказала она. — Я очень рада, что он получился. Конечно, это была идея Полли. Добрее ее нет никого на всем белом свете.

— Да, — согласно кивнул Гонт, — после знакомства с ней я тоже так думаю. — Он бросил взгляд на Розали Дрейк, но та все еще разглядывала стенды. Он снова посмотрел на Нетти и сказал: — Я чувствую себя в небольшом долгу перед вами...

— О нет! — поспешно воскликнула Нетти, вновь приходя в ужас. — Вы ничего мне не должны. Совсем ничегошеньки, мистер Гонт.

— Пожалуйста, загляните завтра. Я вижу, вы разбираетесь в кварце, и... я верну вам коробку из-под пирога.

— Ну... может быть, мне удастся заскочить в перерыв... — Глаза Нетти при этом ясно говорили, что она никак не может поверить в то, что эти слова слетают с ее языка.

— Чудесно, — заметил он и поспешил отойти от нее, пока она снова не передумала.

Он подошел к ребятам и спросил, как у них дела. Они неуверенно указали ему на несколько старых номеров «Невероятного суденышка» и «Мистера Х». Пять минут спустя ребята выскочили из магазина с пачками комиксов в руках, не помня себя от радости.

Едва дверь успела захлопнуться за ними, как тут же распахнулась вновь. В магазин влетели Кора Раск и Майра Эванс. Яркими алчными глазками, как у белок в сезон орехов, они быстро пробежали по стендам и немедленно направились к тому, где за стеклом красовался Элвис. Сгорая от любопытства, Кора и Майра склонились над портретом, выставив задницы, каждая шириной в два топорика. Гонт с улыбкой наблюдал за ними.

Колокольчик над дверью снова звякнул. Вновь прибывшая не уступала габаритами Коре, но Кора была толстой, а эта женщина выглядела мощной, как нагруженный пивом дровосек. К блузке у нее был пришпилен большой белый значок; красные буквы на нем гласили:

НОЧЬ КАЗИНО — ПРОСТО ДЛЯ ЗАБАВЫ!

Лицо дамы обладало очарованием снегочерпалки. Ее волосы тусклого и безжизненного коричневого оттенка были почти целиком скрыты платком, строго завязанным под широким подбородком. Секунду или две она оглядывала помещение, ее маленькие, глубоко посаженные глазки стреляли налево и направо, как у забияки-ковбоя, оглядывающего салун, прежде чем вломиться в качающиеся двери и учинить скандал.

Потом она вошла внутрь.

Несколько женщин, бродивших среди стендов, едва удостоили ее взглядом, но Нетти Кобб посмотрела на новую посетительницу со странным смешанным выражением страха и ненависти. Потом она отошла от коллекции кварцевого стекла. Ее движение привлекло внимание вновь прибывшей, та окинула Нетти взглядом, исполненным глубочайшего презрения, и отвернулась от нее.

Колокольчик над дверью звякнул, оповестив, что Нетти Кобб вышла из магазина.

Мистер Гонт наблюдал все это с большим интересом.

Он подошел к Розали и сказал:

— Боюсь, миссис Кобб ушла, не дождавшись вас.

Розали удивилась.

— Почему... — начала было она, но потом ее взгляд засек новую посетительницу со значком «НОЧЬ КАЗИНО», красующимся между грудей. Та рассматривала турецкий ковер на стене с интересом студента-искусствоведа в художественной галерее. Руки ее покоились

на обширных бедрах.

— О-о... — протянула Розали. — Прошу прощения, но мне уже пора.

— Они как будто не питают большой нежности друг к ДРУГУ, — заметил мистер Гонт. Розали рассеянно улыбнулась.

Гонт снова взглянул на женщину в платке.

— Кто это такая?

Розали сморщила нос.

— Уилма Джерзик, — сказала она. — Простите... Я действительно должна догнать Нетти. Знаете, она такая нервная.

— Конечно. — Он проводил Розали взглядом до двери и вполголоса добавил: — Как и все мы.

Тут Кора Раск дотронулась сзади до его плеча.

— Сколько стоит портрет Короля? — осведомилась она. Лиланд Гонт одарил ее своей оборотистой улыбкой.

— Что ж, давайте обсудим это, — сказал он. — Сколько он, по-вашему, стоит?

Глава 3

1

Новая пристань коммерческой деятельности Касл-Рока была уже часа два как закрыта, когда Алан Пэнгборн медленно проехал по Мейн-стрит к зданию муниципалитета, где размещалась контора шерифа и полицейский департамент Касл-Рока. Он сидел за рулем очень неприметной машины — «форда»-фургона 1986 года. Семейная «тачка». Он чувствовал себя скверно и был полупьян. Выпил он всего три порции пива, но здорово захмелел.

Он взглянул на «Самое необходимое», проезжая мимо, и точно так же, как Брайан Раск, мысленно одобрил темнозеленый тент над витриной. Он разбирался в подобных вещах хуже Брайана (у него не было родственников, работающих на компанию «Дик Перри — двери и отделочные работы», что в Саут-Пэрисе), но он отметил, что тент придает определенный шарм Мейн-стрит, где большинство владельцев довольствовались сооружением фальшивого крыльца. Он еще не знал, чем торгуют в новом магазине — Полли уже знает, если она сходила туда утром, как собиралась, — но он показался Алану похожим на один из тех уютных французских ресторанчиков, куда вы ведете девушку своей мечты перед тем, как попытаетесь уговорить ее лечь с вами в постель.

Впрочем, магазин выскочил у него из головы, как только он проехал мимо. Через два квартала Алан свернул в узкий проезд между приземистым кирпичным зданием муниципалитета и отделанным белым деревом строением, принадлежавшим Окружному отделению водоснабжения. Этот проезд был отмечен знаком «ТОЛЬКО ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МАШИН».

Здание муниципалитета напоминало перевернутую букву L, в углу, между двумя его крыльями, была маленькая стоянка. Три места на ней были отмечены знаком «КОНТОРА ШЕРИФА», и одно из них занимал старенький «жук» — «фольксваген» Норриса Риджвика. Алан припарковался рядом, выключил сигнальные огни и двигатель и взялся за ручку дверцы.

Депрессия, которая кружила вокруг с того момента, как он вышел из «Голубой двери» в Портленде, как часто кружили волки вокруг костров в приключенческих рассказах, какими он зачитывался мальчишкой, неожиданно навалилась на него со всей своей силой. Алан отпустил дверную ручку и посидел немного за рулем в надежде, что депрессия скоро рассеется.

День прошел в Портлендском окружном суде, где он давал показания со стороны обвинения в четырех процессах. В район входило четыре округа — Йорк, Камберленд,

Оксфорд и Касл, — и из всех служителей закона, работавших в этих округах, Алану Пэнгборну приходилось совершать самые дальние поездки. Поэтому трое окружных судей старались, как могли, объединять его судебные дела, чтобы он мог приезжать не чаще одного-двух раз в месяц. Это позволяло ему хоть какое-то время проводить в округе, который он обещал охранять под присягой и не в бесконечных вояжах из Касла в Портленд и обратно, но после такого судебного дня он чувствовал себя, как старшеклассник, вываливающийся из класса, где он только что прошел тест на школьную подготовку. Ему следовало помнить об этом и не пить, но Гарри Кросс и Джордж Кромптон как раз собрались в «Голубую дверь» и уговорили Алана присоединиться к ним. На то был вполне подходящий повод: несколько явно связанных между собой грабежей, прошедших волной по всем их округам. Но настоящей причиной, побудившей его принять приглашение, была та, что лежит в основе всех неудачных решений: идея показалась ему очень своевременной.

И вот теперь он сидел за рулем своей когда-то семейной машины, пожиная плоды собственного слабоволия. В голове пульсировала боль сильнее легкого приступа мигрени. Но хуже всего была депрессия — она вернулась, полная злобного желания отомстить.

«Привет! — весело крикнула она из глубины его рассудка. — А вот и я, Алан! Давно не виделись! Знаешь что? Вот он, конец долгого трудного дня, а Аппи и Тодд по-прежнему мертвы! Помнишь тот субботний полдень, когда Тодд разлил свое молоко на переднем сиденье? Как раз там, где сейчас лежит твой портфель, верно? И ты наорал на него? Ух ты!

Не забыл ведь, нет? Или забыл? Но это ничего, Алан, ведь я здесь, чтобы напомнить! Напомнить тебе! Напомнить!»

Он поднял свой портфель и устался на сиденье. Да, там было пятно; он наорал тогда на Тодда: *«Тодд, ну почему ты вечно такой недотепа?»* Что-то вроде того; ничего особенного, но то, чего ты в жизни бы не сказал, если бы знал, что твоему малышу осталось жить меньше месяца.

Ему пришло в голову, что дело не в пиве, а в этой машине, которую он так и не вымыл как следует. Он провел целый день, раскатывая с призраками своей жены и младшего сына.

Алан нагнулся, открыл «бардачок», чтобы достать свой полицейский цитатник — никак не мог преодолеть привычки таскать его с собой, даже когда отправлялся в Портленд, чтобы провести там целый день, давая показания в суде. Его рука наткнулась на какой-то круглый предмет, и тот с легким стуком вывалился на пол. Он положил цитатник на портфель, а потом нагнулся, чтобы поднять то, что случайно вывалилось из «бардачка», поднес коробку к электрической лампочке на приборном щитке и долго не отрывал глаз, чувствуя, как внутрь проникает старая жуткая боль утраты. Артрит Полли сидел у нее в руках; его же «артрит», казалось, — прямо в сердце, и кто мог сказать, чей был хуже?

Коробка принадлежала Тодду, ну конечно, разреши ему, Тодд поселился бы на Ауберне в «Магазине новинок». Мальчишка был без ума от дешевых ловушек, которые там продавались: забавных пицалок, порошков для чихания, искажающих очков, мыла, придающего рукам цвет золы, пластиковых собачьих экскрементов.

«Эта штука все еще здесь, — подумал он. — Вот уже девятнадцать месяцев, как их нет в живых, а она все еще здесь. Как же я мог ее не заметить? Господи...»

Алан вертел жестянку в руках, вспоминая, как мальчик умолял, чтобы ему разрешили купить эту штуку, и как сам Алан возражал, твердя любимое изречение своего отца: только дураки очень быстро расстаются с деньгами. И как Анни переспорила его — в своей обычной деликатной манере.

«Вы только послушайте эти пуританские речи, что произносит наш мистер Фокусник-Любитель. Как вам это нравится! Откуда у него, по-твоему, эта страсть к трюкам и фокусам? Можешь мне поверить, в моей семье никто никогда не вешал на стенку портрет Гудини в рамке. Ты хочешь сказать, что не покупал увеличительных стекол, когда был несмышленным мальчишкой? И что не сгорал бы от желания купить змейку-в-жестянке-из-под-орешков, если бы углядел ее на какой-нибудь витрине?»

Он тогда принялся покашливать и хмыкать, и в конце концов был вынужден прикрыть

ладонью смущенную ухмылку. Но Анни все равно заметила. Анни всегда все замечала. У нее был особый дар... И это не раз выручало его. Ее чувство юмора и интуиция всегда были лучше, чем у него. Острее.

«Пускай он купит ее, Алан, — у него ведь не будет другого детства. А штука и вправду забавная».

И он сдался. А...

«..А три недели спустя Тодд пролил молоко на сиденье, а еще через четыре педели он был мертв! Они оба погибли! Ух ты! Только представь себе! Время и впрямь летит, да, Алан? Но ты не волнуйся! Не волнуйся, потому что я все время буду напоминать тебе об этом! Да, сэр! Я буду напоминать, потому что это моя работа и я ее не оставляю!»

На жестянке была наклейка с надписью: «Орешки — просто вкуснятина». Алан отвинтил крышку, и пять футов сжатой зеленой ленты выпрыгнули оттуда, ударились о ветровое стекло и приземлились ему на колени. Алан взглянул на змейку, услышал словно наяву смех своего погибшего сына и заплакал. Плач его был тихим и усталым — без всякого надрыва. Казалось, слезы чем-то походили на разные мелочи, принадлежавшие погибшим жене и сыну, — им не было конца. Их было слишком много, и стоило расслабиться и подумать, что с этим покончено и все расчищено, как находилось что-то еще. А потом еще. И еще.

Зачем он разрешил Тодду купить эту чертову штуковину? И почему она до сих пор валяется в этом чертовом «бардачке»? И прежде всего за каким чертом он ездит на этом проклятом фургоне?

Алан вытащил из заднего кармана брюк носовой платок и вытер слезы. Потом медленно сложил змейку — обыкновенное папье-маше с металлической пружинкой внутри — обратно в жестянку из-под орешков. Потом завинтил крышку и задумчиво взвесил жестянку на ладони.

«Выбрось ты эту хреновину!» — сказал он себе. Но вот вопрос: получится ли у него? По крайней мере не сегодня. Он кинул игрушку — последнюю, которую Тодд купил в своей жизни в самом прекрасном, по его разумению, магазине на свете, — обратно в «бардачок», снова взялся за дверную ручку, прихватил портфель и вылез из машины.

Он глубоко вдохнул в себя вечерний воздух в надежде, что это поможет. Не помогло. Пахло гнилой древесиной и химикалиями — безобидный запах, часто доносящийся сюда с бумажной фабрики в Рамфорде, расположенной милях в тридцати к северу. Пожалуй, он позвонит Полли и спросит, не хочет ли она, чтобы он зашел сегодня. Это должно хоть немного помочь, решил он.

«Лучшей мысли тебе просто не могло прийти в голову! — с воодушевлением согласился голос депрессии. — А кстати, Алан, ты помнишь, как он был рад этой змейке? Он испробовал ее па всех! Чуть не довел до инфаркта Норриса Риджвика, а ты хохотал до упаду. Помнишь? До чего же он был живым, а? И смышленным. А Анни — помнишь, как она смеялась, когда ты рассказал ей об этом? Она тоже была живая и смышленная, верно? Правда, под конец она уже не была такой оживленной и находчивой, но ведь ты этого почти не замечал, ведь так? Потому что тебе нужно было жарить свою рыбку. Например, то дело с Тадом Бомонтом — ты никак не мог выбросить его из головы. То, что случилось в их доме на озере и как он после всего стал напиваться и названивать тебе. А потом его жена забрала близнецов и ушла от него... Все это вместе с обычной городской рутиной отнимало у тебя уйму времени, верно? Ты был слишком занят, чтобы замечать, что творилось у тебя дома. Как плохо, что ты этого не видел. Если бы увидел — о да! — они могли бы сейчас быть живы! Об этом тебе тоже не следует забывать, потому что я и напоминаю тебе... и напоминаю... и напоминаю. Верно? Верно!»

Сбоку на фургоне, прямо над крышкой бензобака, была царапина длиной в фут. Случилось это уже после смерти Анни и Тодда или?.. Он не мог вспомнить, но, в общем, это не имело большого значения. Алан провел по царапине кончиками пальцев и снова напомнил себе, что нужно отвезти машину в «Саноко» Сонни и отремонтировать. С другой

стороны, к чему эта морока? Почему бы не отогнать эту чертову телегу к Гарри Форду в Оксфорд и не поменять ее на что-нибудь поменьше? Прошла она относительно немного; может, удастся повернуть недурную сделку...

«Но Тодд пролил молоко на переднее сиденье! — важно квакнул голос у него в голове. — Он сделал это, когда был жив, Алан! Помни об этом, приятель! И Анни...»

— Да заткнись ты! — сказал он вслух и направился к зданию, но на полпути задержался.

Прямо рядом со входом — так близко, что только распахни входную дверь, и она заденет лакированный борт, — был припаркован огромный красный «кадиллак севилья». Ему не надо было смотреть на номера, он и так знал, что на них значится «Китон-1». Он задумчиво провел ладонью по гладкому капоту машины и вошел в здание.

2

Шейла Бригем сидела в застекленной диспетчерской рубке, читала журнал «Пипл» и пила йогурт. Если не считать Норриса Риджвика, контора шерифа и полицейское управление Касл-Рока были пусты.

Норрис сидел за старой электрической пишущей машинкой «Ай-би-эм», трудясь над рапортом с тем мучительным и безысходным усердием, которое только он мог привносить в бумаготворчество. Он подолгу сидел, глядя в упор на машинку, потом резко наклонился, словно ему сильно врезали в живот, и наносил очередь быстрых ударов по клавишам. Он оставался в скрюченной позе достаточно времени, чтобы успеть прочесть то, что напечатал, и выпускал тихий стон. Потом раздавалось: щелк-вжик, щелк-вжик, щелк-вжик — звуки от использования корректорских пластинок, с помощью которых Норрис исправлял опечатки (в среднем изводя одну пачку пластинок в неделю), — и он выпрямлялся. Следовала продолжительная пауза, а затем все повторялось сначала. Примерно через час таких упражнений Норрис клал законченный рапорт на стол Шейле. Раз или два в неделю эти рапорты получались даже вполне приличными.

Норрис поднял голову и улыбнулся при виде Алана.

— Привет, босс, как дела?

— Ну, от Портленда на две или три недели мы отделались. Здесь что-нибудь случилось?

— Не-а, все как обычно. Слушай, Алан, у тебя жутко покраснели глаза. Ты что, опять стал курить «травку»?

— Ха-ха-ха, — кисло ответил Алан. — Я пропустил пару рюмок с парочкой легавых, а потом тридцать миль пилился на фары встречных машин. У тебя есть под рукой аспирин?

— Всегда, — сказал Норрис. — Тебе это прекрасно известно.

Нижний ящик письменного стола Норриса занимала его личная аптечка. Он открыл его, порылся там, вытащил громадную бутылку из-под смородинового сиропа, взглянул на этикетку, покачал головой, сунул ее обратно и стал рыться дальше. В конце концов он вытащил флакон с обыкновенным аспирином.

— У меня есть для тебя небольшая работенка, — сказал Алан, беря флакон и вытряхивая две таблетки себе на ладонь. Вместе с таблетками появилось облачко белой пыли, и он поймал себя на мысли о том, почему от простого аспирина всегда больше пыли, чем от растворимого. После этого он подумал, не сходит ли он с ума.

— Эй, Алан, мне еще нужно заполнить два бланка E-9 и...

— Не кипятись. — Алан подошел к автомату с водой и вытащил бумажный стаканчик из привинченного к стене цилиндра. Буль-буль-буль — вода потекла в стаканчик. — Все, что от тебя требуется, — пересечь комнату и открыть дверь, через которую я только что вошел. С этим и ребенок справится, верно?

— А что...

— Только не забудь захватить свою книжку с квитанциями, — сказал Алан и запил

аспирин водой.

Лицо Норриса Риджвика тут же приняло настороженное выражение.

— Твоя лежит прямо на столе, рядом с портфелем, — заметил он.

— Знаю. Там она и останется. По крайней мере сегодня.

Норрис долго смотрел на него и в конце концов спросил:

— Зануда?

— Зануда, — кивнул Алан. — Он опять оставил там «тачку». Прошлый раз я сказал ему, что мне надоело его предупреждать.

Главного выборного Касл-Рока Дэнфорда Китона-третьего называли Занудой все, кто его знал, но... Те служащие муниципалитета, которые дорожили своим рабочим местом, называли его не иначе, как Дэн или мистер Китон, когда он был поблизости. И лишь Алан, занимающий выборную должность, осмеливался называть его Занудой прямо в лицо, и сделал он это всего дважды — оба раза, когда был страшно зол. Однако он чувствовал, что на этом дело не закончится. Дэн Китон Зануда был человеком, на которого, по мнению Алана, порой не хватает зла.

— Да ладно тебе! — сказал Норрис. — Ты сделаешь это, Алан, ладно?

— Не могу. На следующей неделе у меня назначена встреча с выборными.

— Он и так ненавидит меня, — тоскливо сказал Норрис. — Я точно знаю.

— Зануда ненавидит всех и каждого, кроме своей жены и своей матери, — сказал Алан, — причем насчет жены я не совсем уверен. Но факт остается фактом — за последний месяц я предупреждал его по меньшей мере раз десять, чтобы он не ставил машину на нашей единственной стоянке, и теперь я отвечаю за свои слова.

— Нет, это я отвечаю за твои слова *своим местом*. Я не шучу, Алан, а говорю совершенно серьезно. — Норрис Риджвик выглядел точь-в-точь, как реклама рубрики «Когда плохое случается с хорошими людьми».

— Расслабься, — сказал Алан. — Ты наклеишь пятидолларовый квиток на его ветровое стекло. Он придет ко мне и первым делом потребует, чтобы я тебя уволил.

Норрис застонал.

— Я отказываюсь. Тогда он требует, чтобы я порвал квиток. Я опять отказываюсь. А завтра днем, когда он доведет себя до белого каления, я смягчаюсь. И тогда на следующей встрече с выборными за ним будет должок.

— Да, но представь, что он задолжает мне?

— Норрис, тебе нужна новая пушка-радар или нет?

— Ну...

— А как насчет факса? Мы рассуждаем о факсе по меньшей мере два последних года.

«Да! — вскричал притворно-радостный голос в его мозгу. — Вы начали рассуждать об этом, когда Анни и Тодд еще были живы. Алан! Помнишь? Помнишь, когда они были живы?»

— Наверно, ты прав, — сказал Норрис и с грустной покорностью потянулся за своей книжкой квитанций.

— Вот и умница, — произнес Алан с сердечностью, которой ни капельки не испытывал. — Я буду у себя в кабинете.

3

Он закрыл за собой дверь и набрал номер Полли.

— Алло? — отозвалась она, и он гут же понял, что не станет рассказывать ей про охватившую его с такой яростью депрессию. У Полли сегодня вечером были свои проблемы. Всего одно слово, и... он сразу понял, что с ней. Она слегка проглатывала звуки «л» в «алло». Так бывало только после таблетки перкодана — а может, и не одной, — а перкодан она принимала, лишь когда ей было очень больно. Хотя она никогда этого прямо не говорила. Алан подозревал, что она живет в диком страхе перед тем днем, когда «перк» перестанет

действовать.

— Как ты, милая? — спросил он, откидываясь в кресле и прикрывая глаза ладонью. Кажется, аспирин почти не помог. Может, стоит попросить у нее «перк», подумал он.

— У меня все в порядке, — сказала она, так осторожно переступая от одного слова к другому, словно переходила по камушкам маленький ручей. — А как ты? Голос у тебя усталый.

— Со мной так всегда после законников. — Он отбросил идею навестить Полли. Она скажет: «Конечно, Алан», — и будет рада его видеть — почти так же, как он рад видеть ее, — но на сегодня это для нее перебор. — Пожалуй, я поеду домой и лягу пораньше. Ничего, если я не зайду?

— Ничего, родной. Вообще-то это даже лучше.

— Что, паршиво сегодня?

— Бывало и хуже, — бодро сказала она.

— Я спрашивал не об этом.

— Да нет, не очень.

«Тебя выдает твой голос, моя дорогая», — подумал он.

— Ладно. А как насчет той ультразвуковой терапии, про которую ты мне говорила? Что-нибудь выяснила?

— Ну, было бы здорово, если бы я могла себе позволить провести полтора месяца в клинике в Майо, но я не могу. И не надо говорить мне: ты, мол, можешь — ладно, Алан? Потому что я сейчас слишком устала, чтобы уличать тебя во лжи.

— По-моему, ты говорила про больницу в Бостоне...

— На следующий год, — сказала Полли. — Они собираются открыть клинику с ультразвуковой терапией в будущем году. Может быть.

Последовала секундная пауза, и он уже хотел было попрощаться, когда она заговорила снова. Теперь ее голос звучал чуть веселее:

— Я заходила сегодня утром в новый магазин. Заставила Нетти испечь пирог и отнесла его. Ничего особенного, конечно, — женщины не умеют ничего испечь вовремя. Он получился почти как камень.

— Ну и что там? Чем торгуют?

— Всем понемножку. На допросе с пристрастием я бы сказала, что это магазин любопытных вещичек для коллекционеров, но вообще он не подходит ни под одно название. Это нужно видеть самому.

— Ты познакомилась с хозяином?

— Мистер Лиланд Гонт из Акрона, штат Огайо, — сообщила Полли, и теперь Алан точно уловил тень улыбки в ее голосе. — Он станет настоящей занозой в сердцах дамской половины Касл-Рока, помани мое слово.

— А какое у тебя от него впечатление?

Когда она произносила следующие слова, улыбка в ее голосе проступила еще яснее.

— Скажу честно, Алан, мой выбор пал на тебя, и надеюсь, что твой — на меня, но...

— На тебя, конечно, — сказал он. С головой у него стало чуть легче, однако он сомневался, что это маленькое чудо совершил аспирин Норриса Риджвика.

— ...Но он тоже заставил мое сердечко трепыхаться. А если бы ты видел Розали и Нетти, когда они вернулись оттуда...

— Нетти? — Он убрал ноги со стола и выпрямился в кресле. — Нетти боится собственной тени!

— Да. Но когда Розали уговорила ее сходить с ней — ты же знаешь, бедняжка никуда бы не пошла одна, — так вот, я спросила Нетти, когда вернулась домой вечером, что она думает о мистере Гонте. Алан, ее бедные тусклые глазенки прямо засветились. «У него есть кварцевое стекло! — сказала она. — Такое красивое! Он даже пригласил меня зайти завтра!» По-моему, она не произнесла столько слов за последние четыре года. Я сказала ей: «Разве это не мило с его стороны?» А она говорит: «Да, и знаете что?» Я, конечно, спросила что, а

Нетти в ответ: «Может быть, я схожу!»

Алан громко и от всей души рассмеялся.

— Если уж Нетти желает пойти повидаться с ним без дуэньи, мне придется его проверить. Парень, видно, и впрямь не промах.

— Знаешь, смешно: он вовсе не красив, во всяком случае, не в киношном стиле, но у него самые потрясающие карие глаза на свете. Они освещают все лицо.

— Смотрите, мадам, — прорычал Алан, — моя ревность начинает просыпаться.

Она рассмеялась.

— Думаю, тебе не стоит волноваться. Хотя было еще кое-что.

— Что еще?

— Розали сказала, что, когда там была Нетти, зашла Уилма Джерзик.

— Что-нибудь произошло? Обмен любезностями?

— Нет. Нетти взглянула на мадам Джерзик, та, по выражению Розали, закусил губу, а потом Нетти выкатилась. Уилма звонила тебе недавно насчет собаки Нетти?

— Нет, — сказал Алан. — Не было причин. Я на днях остановился возле дома Нетти после десяти вечера. Собака больше не лает. Полли, это у всех щенков так. Она подросла, и у нее хорошая хозяйка. Может, у Нетти немножко и не хватает серого вещества, но она хорошо обращается с этой собакой — как там ее зовут?

— Рейдер.

— Ну так Уилме Джерзик придется найти что-нибудь еще, к чему придраться, поскольку с Рейдером все в порядке. Впрочем, она найдет. Дамочки вроде Уилмы всегда находят. На самом деле тут не собака виновата; во всей округе жаловалась одна Уилма. Дело в самой Нетти. Люди, подобные Уилме, нутром чувствуют слабость. А от Нетти Кобб слабостью веет за версту.

— Да, — задумчиво и грустно сказала Полли. — Ты знаешь, Уилма Джерзик однажды вечером позвонила ей и сказала, что, если Нетти не заткнет пасть своему псу, она придет и перережет ему глотку.

— Ну, — рассудительно произнес Алан, — я знаю, что Нетти тебе так рассказала. Но я также знаю, что Уилма здорово напугала Нетти и что у Нетти... были свои трудности. Я не утверждаю, что Уилма Джерзик не говорила ничего подобного, наоборот, она вполне способна на это. Но возможно, все произошло только в воображении Нетти.

То, что Нетти приходилось раньше сталкиваться с трудностями, было очень мягко сказано, но не было нужды говорить подробнее: они оба знали, о чем идет речь. Пройдя через годы ада с мужем, который издевался над ней всеми способами, какими только мужчина может глумиться над женщиной, Нетти Кобб воткнула двузубую вилку в горло своему мужу, когда тот спал. Она провела пять лет в Джунипер-хилл, психиатрическом заведении неподалеку от Августы, и пришла работать к Полли в рамках программы трудоустройства. Насколько мог судить Алан, лучшую компанию для нее найти было просто невозможно, и стабильное улучшение в состоянии рассудка Нетти подтверждало его мнение. Два года назад Нетти переехала в собственный маленький домик на Форд-стрит, всего в шести кварталах от центра.

— У Нетти свои трудности, все верно, — сказала Полли, — но от мистера Гонта она в восторге. Действительно в полном восторге.

— Я должен сам повидать этого парня, — сказал Алан.

— Поделишься потом впечатлениями. И обрати внимание на его карие глаза.

— Сомневаюсь, что они вызовут у меня ту же реакцию, какую, похоже, вызвали у тебя, — сухо заметил Алан.

Она снова рассмеялась, но на этот раз ему показалось, что ее смех звучит немного принужденно.

— Постарайся выспаться, — сказал он.

— Постараюсь. Спасибо, что позвонил, Алан.

— Будь здорова. — Он помолчал и добавил: — Я люблю тебя, милая.

— Спасибо, Алан... Я тоже люблю тебя. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он повесил трубку, повернул гибкую ножку настольной лампы так, чтобы она отбрасывала пятно света на стену, положил ноги на стол и сложил ладони на груди, словно в молитве. Потом вытянул указательные пальцы. Тень зайчика на стене наострила уши. Алан просунул большие пальцы между вытянутыми указательными, и заяц сморщил нос. Алан заставил зайца попрыгать в световом пятне и исчезнуть в тени. Ему на смену пришел слон, он размахивал хоботом. Ладони Алана двигались удивительно ловко и легко. Он почти не обращал внимания на зверьков, которых создавал; это была его старая привычка, способ отвлечься и задуматься о чем-то постороннем.

Он подумал о Полли; о Полли и о ее бедных руках. Что же делать с Полли?

Если бы все упиралось только в деньги, она завтра утром была бы уже в палате клиники в Майо — оплаченной и приготовленной для нее. Он сделал бы это, даже если бы ему пришлось напялить на Полли смиренную рубаху и накачать барбитуратами, чтобы доставить туда.

Но все упиралось *не только* в деньги. Ультразвук как метод лечения прогрессирующего артрита находился еще в зачаточном состоянии. В конечном счете он мог оказаться и таким же эффективным, как прививка от оспы, и столь же никчемным, как наука френология. В любом случае сейчас этого делать не стоило. Шансов на то, что это не пустой номер, было один к тысяче. Не напрасной траты денег боялся Алан, а рухнувших надежд Полли.

Ворона — гибкая и похожая на настоящую, как в мультфильмах Диснея, — медленно перелетела через его висящий в рамке на стене диплом об окончании полицейской академии. Крылья у нее выросли, и вот она уже превратилась в доисторического птеродактиля с поднятой треугольной головой, который от полки с папками в углу комнаты пролетел до противоположного угла.

Дверь приоткрылась. В нее просунулась скорбная, совершенно затравленная физиономия Норриса Риджвика.

— Я сделал это, Алан, — сказал он тоном, каким человек признается в убийстве нескольких младенцев.

— Отлично, Норрис. И не волнуйся, тебя не обольют дерьмом. Я обещаю.

Норрис задержал на нем взгляд своих влажных глаз чуть дольше обычного и с сомнением кивнул. Потом он взглянул на стену.

— Алан, сделай Зануду.

Алан ухмыльнулся, отрицательно покачал головой и потянулся к лампе.

— Ну Давай, — взмолился Норрис. — Я наляпал квиток на его чертову «тачку»... Я заслужил это. Алан, сделай Зануду. Пожалуйста. Это меня отвлечет.

Алан глянул за спину Норриса, удостоверился, что там никого нет, и сцепил ладони. На стене по световому пятну зашагал плотный мужчина с отвислым брюхом. На секунду он замешкался, чтобы подтянуть сползающие с задницы штаны, а потом снова зашагал по стене, свирепо вертя головой из стороны в сторону.

Смех Норриса был громким и радостным, как смех ребенка. На мгновение он напомнил Алану о Тодде, но Алан сумел отбросить воспоминания прочь. Господи, хватит с него уже на сегодня!

— Черт, вот умора, — все еще смеясь, выдавил Норрис. — Ты поздно родился, Алан: ты мог сделать карьеру в «Шоу Эд Саливана».

— Ладно, — сказал Алан, — а теперь вали отсюда.

Норрис захлопнул за собой дверь.

Алан изобразил на стене Норриса — тощего и немножко важничающего, — а потом выключил лампу и вытащил из заднего кармана потрепанный блокнот. Он листал его, пока не нашел пустую страницу, на которой написал: «Самое необходимое». Ниже он пометил: Лиланд Гонт, Кливленд, Огайо. Все верно? Нет. Он зачеркнул «Кливленд» и написал: Акрон.

«Может, я и правда схожу с ума?» — подумал он. Третьей строчкой он пометил: *Проверить*.

Он засунул блокнот обратно в карман, собрался было идти домой, но вместо этого опять включил настольную лампу. Скоро по стене снова маршировал парад теней: львы, тигры, медведи — кого только не было. Как сэндберговский² туман, на маленьких злобных ножках снова подползла депрессия. Голос опять начал говорить про Анни и Тодда. Через некоторое время Алан стал вслушиваться. Он слушал голос против своей воли, но... все внимательнее и внимательнее.

4

Полли разговаривала с Аланом, лежа на кровати, а когда закончила, повернулась на левый бок, чтобы повесить трубку. Вместо этого трубка выскользнула у нее из руки и брякнулась на пол. Сам корпус телефона медленно заскользил по ночному столику, явно намереваясь присоединиться к своей второй половине. Она потянулась к нему, но, вместо того чтобы схватить телефон, ее рука ударилась о край столика. Чудовищный приступ боли прорвал тонкую паутинку, которую натянуло над ее нервами болеутоляющее, и ринулся аж до самого плеча. Ей пришлось закусить губы, чтобы удержать крик.

Телефон упал со столика и разбился, издав «дриннь!» звоночком внутри. Ей был слышен длинный дурацкий гудок на оборванной линии. Он звучал так, словно рой насекомых вел радиопередачу на короткой волне.

Она собралась было поднять телефон не пальцами — этим вечером пальцы у нее вообще не сгибались, — а зажав в запястьях, как женщина, играющая на аккордеоне, но вдруг это тоже оказалось ей не под силу — даже такая простая вещь, как поднять упавший на пол телефон, оказалась не под силу, и она заплакала.

Боль накинута с чудовищной яростью и стала грызть ее руки — особенно ту, которой она ударилась о край стола, — превращая их в разрывающиеся, пылающие обрубки. Она лежала на кровати, затуманенным взглядом уставясь в потолок, и плакала.

«Ох, я все бы отдала, только бы освободиться от этого, — думала она. — Я отдала бы все, все, все, что угодно».

5

Осенними вечерами в будни Мейн-стрит в Касл-Роке к десяти часам словно вымирала. Уличные фонари отбрасывали круги белого света на тротуары и фасады зданий, исчезающие в темноте, делая центр города похожим на опустевшие театральные подмостки. Можно было представить, как сейчас появится высокая фигура во фраке и в цилиндре — Фред Астер или, быть может, Джин Келли, — и станет танцевать, перепрыгивая от одного круга света к другому, распевая о том, как одиноко бедному парню, когда любимая девушка дает ему отставку, а все бары закрыты. А потом в другом конце Мейн-стрит появится еще одна фигура — Джинджер Роджерс или Сид Чаррис³ — в вечернем платье. Она пройдет в танце к Фреду (или Джину), напевая о том, как одиноко может быть девчонке, когда любимый парень бросил ее. Они увидят друг друга, замрут в артистичной паузе, а потом станцуют вдвоем перед зданием банка или перед «Шейте сами».

Вместо этого на Мейн-стрит показался Хью Прист.

Он не был похож ни на Фреда Астепа, ни на Джина Келли, на другом конце

² Карл Сэндберг — знаменитый американский поэт.

³ Фред Астер, Джин Келли, Джинджер Роджерс, Сид Чаррис — очень популярные в 30-е годы американские киноактеры, исполнители танцев и песенок и мюзиклах.

Мейн-стрит не было никакой девушки, предвкушающей романтическую встречу с ним, и он явно не танцевал. Он пил — это да, причем пил очень упорно, в «Пьяном тигре», начиная с четырех часов дня. И на данной стадии веселья даже простые шаги были для него сложными трюками, не говоря уже о танцевальных па. Он медленно тащился от одного кружка света к другому, и тень его следовала за ним по фасаду парикмахерской, «Западного авто», проката видеокассет. Он слегка раскачивался, уставясь красными глазками прямо перед собой, а его большое брюхо выпирало из-под голубой, пропахшей потом майки (спереди на ней был нарисован огромный омар, а под ним надпись: «*Птичка штата Мэн*»), как большой грязный мешок.

Фургон-пикап, принадлежащий отделу общественных работ Касл-Рока, на котором он ездил, стоял неподалеку от грязной парковочной стоянки у «Тигра». За Хью Пристом уже числилось несколько дорожных проколов, и после последнего, в результате которого его лишили на шесть месяцев водительских прав, этот ублюдок Китон со своими прихвостнями Фуллертоном и Самуэлом, а также с их шлюхой Уильямс ясно дали ему понять, что их терпение подошло к концу. Следующее нарушение скорее всего закончится окончательным лишением прав, а значит, и неизбежной потерей работы.

Пить Хью не бросил — никакая сила на свете не могла его заставить, — но принял компромиссное решение: больше не пить за рулем. Ему стукнул пятьдесят один год, и было уже поздно менять работу, особенно с его длинным алкогольным послужным списком, волочащимся за ним, как жестянка, привязанная к собачьему хвосту.

Вот почему он сегодня шел домой пешком, и дорога, мать ее, была неблизкой, и еще был один служащий в отделе общественных работ по имени Бобби Дугаз, которому придется дать завтра кое-какие объяснения, если только он не захочет вернуться домой с работы без нескольких зубов.

Когда Хью миновал закусочную «У Нэнси», стал моросить дождь. Это не улучшило его настроения.

Он спрашивал Бобби, который все равно каждый вечер проезжал мимо дома Хью, возвращаясь к себе домой, зайдет ли он сегодня в «Тигр» принять пару кружечек. Бобби Дугаз ответил:

— Ну, ясно, Хьюберт... — Бобби всегда называл его этим хреновым именем — Хьюберт, — и, уж будьте уверены, эту идиотскую привычку он у него выбьет, причем очень скоро. — Ну, ясно, Хьюберт, я, наверно, заскочу часикам к семи, как всегда.

Итак, Хью, уверенный, что его подбросят, если он слегка поддаст и не сможет сесть за руль, подрулил к «Тигру» без пяти четыре (он слинял с работы чуть пораньше — почти на полтора часа раньше, но какого черта... все равно ведь Дика Брайфорта поблизости не было) и зашел в бар. А когда пробило семь, что бы вы думали? Никакого Бобби Дугаза! Тьфу-ты-пропасть! Потом пробило восемь, девять, полдесятого, и что дальше? Да то же самое, чтоб ему пусто было!

Без двадцати десять. Генри Бюфорт, бармен и владелец «Пьяного тигра» попросил Хью надеть шляпу и пальто, стать змейкой и уползти, притвориться букашкой и упорхнуть — иными словами, убраться восвояси. Хью пришел в ярость. Он и вправду пнул радиолу, но эту чертову пластинку Родни Кроуэлла опять заедало.

— Я буду сидеть здесь и слушать ее, — заявил он Генри. — Тебе надо вытащить эту пластинку, и все дела. Она звучит так, словно у парня пип... пипелитический припадок.

— Я вижу, ты не добрал, — сказал Генри, — но здесь ты больше не получишь. Остальное тебе придется доставать из собственного холодильника.

— А если я скажу «нет»? — огрызнулся Хью.

— Тогда я позвоню шерифу Пэнгборну, — спокойно ответил Генри.

Остальные посетители «Тигра» — их было не так уж много в этот поздний будний вечер — с интересом наблюдали за этим обменом любезностями. Мужчины всегда придерживались вежливого тона рядом с Хью Пристом, особенно когда он бывал на взводе, но больших симпатий к нему никто в Касл-Роке не испытывал.

— Мне бы не хотелось этого делать, — продолжал Генри, — но я это сделаю, Хью. Мне до смерти надоело, что ты пинаешь мой автомат.

Хью хотел было ответить: «Тогда мне придется вместо этого пнуть пару раз тебя, поганого лягушатника!» Но потом он представил себе, как этот жирный ублюдок Китон вручит ему розовый талончик за побоище в местной забегаловке. На самом деле, если его и впрямь уволят, талон, разумеется, придет по почте — так всегда бывает, ведь свиньи вроде Китона не хотят пачкать руки (или рисковать своей жирной губой), вручая его лично; но мысли эти помогли чуть-чуть включиться тормозам. И потом, у него действительно оставалось несколько упаковок в зажигалке — одна в холодильнике, а остальные в шкафу.

— Ладно, — сказал он, — так или иначе, а мне это тоже не с руки. Давай сюда ключи.

Он отдал Генри ключи от «тачки» ради предосторожности, когда уселся за стойку шесть часов и восемнадцать кружек назад.

— Нет. — Генри вытер руки краем полотенца и в упор уставился на Хью.

— *Нет?* Какого черта? Что значит — нет?

— Это значит, что ты слишком надрался. Я это вижу, и, когда ты завтра утром проспишься, ты это тоже поймешь.

— Послушай, — терпеливо сказал Хью, — когда я давал тебе эти чертовы ключи, я думал, что меня подвезут до дому. Бобби Дугаз обещал заехать сюда, выпить пару кружек. Не моя вина, что этот тупой козел так и не объявился.

Генри вздохнул.

— Сочувствую, но это не мои трудности. Если ты сшибешь кого-нибудь, меня могут притянуть. Тебя это вряд ли волнует, а меня — здорово. Никто за меня о моей заднице не позаботится.

Хью ощутил обиду, жалость к себе, и странное чувство отчаяния стало зарождаться где-то в глубине и подниматься на поверхность его рассудка, как грязная, вонючая жидкость, вытекающая из давно захороненной канистры с ядовитыми отбросами. Он перевел взгляд со своих ключей, висящих за стойкой бара, возле плаката с надписью: «ЕСЛИ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ПОИЩИТЕ РАСПИСАНИЕ», — обратно на Генри и с ужасом понял, что едва не плачет.

Генри глянул мимо него в сторону нескольких постоянных завсегдатаев его заведения.

— Эй! Кому-нибудь из вас, ребята, по пути — вверх, на Касл-Хилл?

Мужчины молча уставились в свои кружки. Один или двое похрустели костяшками пальцев. Чарли Фортин с деланной неторопливостью направился в мужской туалет. Никто не ответил.

— Видишь? — сказал Хью. — Не валяй дурака. Генри, давай мои ключи.

Медленно и твердо Генри покачал головой.

— Если ты хочешь когда-нибудь еще зайти сюда и выпить, тебе лучше доехать на попутке.

— Ладно, доеду! — сказал Хью голосом обиженного ребенка, готовую вот-вот разрыдаться.

Опустив голову и сжав руки в огромные кулачищи, он пошел к дверям. Он ждал, что кто-нибудь рассмеется. Он почти надеялся услышать чей-нибудь смешок — тогда он расчистил бы этот курятник и... хрен с ней, с работой. Но все молчали, кроме Реба Макентайра, болтавшего что-то про Алабаму.

— Можешь забрать свои ключи завтра! — крикнул ему вслед Генри.

Хью ничего не ответил. Огромным усилием воли он удержался, чтобы не всадить один из своих желтых грубых башмаков в этот чертов музыкальный автомат Генри Бюфорта. С низко опущенной головой он вышел в темноту.

он доберется до дома, накрапывающий дождь превратится в ливень. Так уж ему везло. Он упрямо шел вперед, уже не так сильно покачиваясь (свежий воздух слегка протрезвил его), без усталости рыская глазами по сторонам. Он был здорово раздосадован и страстно желал, чтобы кто-нибудь встретился ему и слегка подставился. Сегодня сошел бы любой, самый ничтожный повод. Он случайно вспомнил о парнишке, вынырнувшем вчера днем прямо из-под колес его фургона, и пожалел, что не размазал маленького засранца по асфальту. И вины бы за ним никакой не было — это уж точно. В его времена дети хорошенько смотрели, куда идут.

Он прошел мимо свободного пространства, где стоял до того, как сгорел, «Чего изволите», потом миновал «Шейте сами», «Бытовую технику», а потом... «Самое необходимое». Он посмотрел на витрину, обернулся назад, глянул вдоль Мейн-стрит (теперь ему осталось мили полторы, не больше, а может, он все-таки успеет дойти до дома, прежде чем хлынет ливень) и неожиданно остановился.

Ноги уже пронесли его мимо нового магазина, и ему нужно было вернуться. В витрине горела всего одна лампочка, мягким светом освещая три лежащих там предмета. Свет упал на его лицо и произвел удивительные перемены. Вдруг Хью стал похож на усталого маленького мальчика, которому уже давно пора спать, на мальчика, увидевшего то, что он хочет получить в подарок на Рождество — что он *должен* получить на Рождество, ибо вдруг ему стало ясно как Божий день, что больше ничего на всем белом свете ему не подойдет. Центральный предмет в витрине был обрамлен двумя плоскими вазами (кварцевое стекло, столь любимое Нетти Кобб, хотя Хью не имел об этом понятия, а даже если бы и имел, ему было бы наплевать). Это был лисий хвост.

Вдруг снова настал 1955-й, он только-только получил свои первые права и ехал на турнир школьников Западного Мэна — Касл-Рок против Гринс-парка — в старом отцовском «форде-универсале» 53-го года. Стоял необычно теплый для ноября день, такой теплый, что можно было откинуть старый брезентовый верх (если, конечно, вы свора молодых горячих подростков, склонных к шумной возне и нетерпеливо ожидающих ее). А в машине их было шестеро. Питер Дойон притащил фляжку виски «Лог-Кэбин», Перри Комо крутил радио, Хью Прист сидел за белой баранкой, а на радиоантенне развевался длинный блестящий лисий хвост, точь-в-точь как тот, что он видел сейчас в витрине этого магазина.

Он помнил, как обернулся тогда на этот развевающийся хвост и подумал, что обязательно заведет себе такой, когда купит свой собственный фургон.

Он вспомнил, как отказался от глотка виски, когда очередь дошла до него. Он сидел за рулем, а за рулем не пьют, потому что отвечают за жизнь остальных. И еще он вспомнил кое-что: уверенность в том, что это — лучший час лучшего дня в его жизни.

Воспоминания поразили и ранили его своей ясностью и полнотой — запахом дыма от горящих листьев, ноябрьским солнцем, играющим в отражателях подфарников, — и сейчас, когда он смотрел на лисий хвост в витрине «Самого необходимого», его вдруг ударило: а ведь это и *правда* был самый лучший день в его жизни; один из последних дней перед тем, как пьянство ухватило его потихоньку своей коварной и мертвой хваткой, постепенно превращая в зеркальный вариант царя Мидаса: казалось, все, к чему он притрагивался с тех пор, превращалось в дерьмо.

Неожиданно он подумал: «Я мог бы измениться».

Мысль была поразительно чистой и ясной.

«Я мог бы начать все сначала».

Разве такое возможно?

«Да, думаю, иногда возможно. Я мог бы купить этот лисий хвост и привязать его к антенне моего «бьюика».

Хотя они будут смеяться. Ребята станут ржать.

Какие ребята? Генри Бюфорт? Этот козел Бобби Дугаз? Ну и что? Хрен с ними. Купи этот лисий хвост, привяжи его к антенне и поезжай...

Поезжай? А куда?

Ну, для начала как насчет той встречи одноклассников в Гринс-парке, в четверг вечером?

На секунду такая возможность ошеломила и раззадорила его, как может раззадорить и ошеломить заключенного, отбывающего большой срок, ключ в замке его камеры, забытый там рассеянным надзирателем. На секунду он представил, что действительно делает это — прикупает сначала белую фишку, потом красную, потом голубую и день ото дня, с каждым месяцем становится все трезвее и трезвее. Больше никакого «Пьяного тигра». Это скверно. Но нет больше и дней зарплаты, когда становится страшно, что вместе с чеком в конверте он обнаружит розовый листок, а это — уже не так скверно.

В тот момент, стоя перед витриной «Самого необходимого» и глядя на выставленный в ней лисий хвост, Хью Прист заглянул в будущее. Первый раз за многие годы он смотрел в будущее, и эта красивая рыжая лисья шкурка с белой кисточкой на кончике развевалась там как знамя.

Потом в этот пейзаж снова вломилась реальность и принесла с собой запах дождя и потной, грязной одежды. Не будет у него ни лисьего хвоста, ни встреч одноклассников, ни фишек, ни будущего. Ему уже пятьдесят один год, мать его, а пятьдесят один — это слишком много для мечтаний о будущем. В пятьдесят один надо бежать и бежать без оглядки, чтобы тебя не догнала и не захлестнула лавина твоего прошлого.

Если бы магазин еще работал, он в любом случае заглянул бы туда. Будь он проклят, если не заглянул бы. Он зашел бы туда — давным-давно выросший и обрюзгший — и спросил бы, сколько стоит выставленный на витрине лисий хвост. Но было уже десять, вся Мейн-стрит заперта так же надежно, как пояс верности у Снежной королевы, и когда он проснется завтра, чувствуя себя так, словно кто-то всадил ему ледышку промеж глаз, он и не вспомнит об этом красновато-коричневом лисьем хвосте с дивным переливчатым оттенком.

И все же он задержался еще на секунду, водя своими грязными закругленными пальцами по стеклу, как мальчишка, заглядывающий в магазин игрушек. Слабая улыбка тронула уголки его рта. То была мягкая улыбка, и выглядела она на лице Хью Приста совершенно неуместно. Потом где-то наверху, у Касл-Вью, несколько раз просигналила машина, разорвав тишину резкими, как выстрелы, звуками в дождливом сумраке вечера, и Хью пришел в себя.

Твою мать. Какого черта ты тут выдумал?

Он отвернулся от витрины и устремил взгляд к дому — если можно назвать домом двухкомнатный сарай с деревянной пристройкой, где он жил. Проходя под тентом, он посмотрел на дверь и... снова замер.

На табличке, конечно же, было написано:

ОТКРЫТО

Словно во сне, Хью протянул руку и подергал за ручку. Она легко повернулась. Над головой звякнул маленький серебряный колокольчик. Звук его, казалось, раздался из какого-то страшного далека.

Посреди магазина стоял мужчина. Он стирал пыль со стендов метелочкой из перьев и что-то вполголоса напевал. Когда зазвонил колокольчик, он повернулся к Хью. На вид он ничуть не удивился тому, что кто-то стоит на его пороге в десять минут одиннадцатого вечера. Единственное, что поразило Хью в этом человеке, так это его глаза — они были черными, как у индейца.

— Вы забыли перевернуть вашу табличку, приятель, — услышал Хью собственный голос.

— Вовсе нет, — вежливо отозвался мужчина. — Просто у меня не очень хорошо со сном, и иногда я имею обыкновение закрывать поздно. Трудно ведь угадать, когда кто-то вроде вас может заглянуть и... увлечься чем-нибудь. Не хотите ли зайти и посмотреть?

Хью Прист вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

— Там, на витрине... — произнес Хью, но ему пришлось умолкнуть, прочистить горло и начать снова, потому что слова слились в хриплое, неразборчивое бормотание. — Там, на витрине, у вас лисий хвост.

— Да, — кивнул владелец, — красота, не правда ли? — Теперь он держал метелочку для пыли прямо перед собой, и его черные индейские глаза с интересом смотрели на Хью поверх букета из перьев, скрывавшего нижнюю половину лица мужчины. Губ его Хью не видел, но почему-то решил, что владелец магазина улыбается. Обычно ему было как-то неловко, когда люди — в особенности те, с кем он не был знаком, — улыбались в его присутствии. Это будило в нем желание подраться. Однако сегодня вечером это, кажется, его нисколько не задело. Может, оттого, что он был еще полупьян.

— Да, — согласился Хью, — и впрямь красота. Когда я был мальчишкой, у моего старика был фургон с точно таким же лисьим хвостом, привязанным к антенне. В этой разжиревшей маленькой помойке полно народу, который вряд ли поверит, что я когда-то был пацаном, но я был им. Так же, как и все остальные.

— Конечно.

Глаза мужчины по-прежнему смотрели в упор на Хью, и с ними происходила странная штука — казалось, они росли. Похоже, Хью был просто не в силах оторвать от них взгляд. Слишком пристальные взгляды в упор тоже обычно вызывали у него тягу к драке. Но, похоже, и с этим все было в порядке сегодня.

— Я всегда думал, что лисий хвост — это самая пушистая штукавина на свете.

— Конечно.

— Пушистый — вот как мы это называли раньше. А не то, как теперь — *рышииш*. И еще — вздыбленный... Понятия не имею, что это хреновое слово может значить, а вы?

Но владелец «Самого необходимого» ничего не ответил; он просто стоял и молча смотрел на Хью Приста своими черными индейскими глазами поверх пышного букетика метелки.

— Как бы там ни было, я хочу купить его. Вы продадите его мне?

— Конечно, — в третий раз повторил Лиланд Гонт.

Хью испытал неожиданное облегчение, и радость разлилась по всему его телу. Душа вдруг наполнилась уверенностью в том, что все будет нормально — абсолютно все. Это было полным безумием: он задолжал почти каждому жителю Касл-Рока и трех близлежащих городов, последние полгода он балансировал на самом краешке потери работы, его «бьюик» еле ползал и держался на честном слове, но... это было действительно так.

— Сколько? — спросил он.

Неожиданно он прикинул, а хватит ли у него денег на такую роскошь, и его кольнула тревога. А что, если нет? И того хуже: вдруг он каким-то образом раздобудет деньги завтра или послезавтра, а парень уже продаст ее кому-нибудь?

— Ну, это мы поглядим...

— Поглядим? На что?

— На то, сколько вы пожелаете заплатить.

Словно во сне, Хью вытащил из заднего кармана свой помятый бумажник «Лорд Бакстон».

— Убери это, Хью.

«Разве я говорил ему, как меня зовут?» — мелькнуло в голове Приста. Этого он вспомнить не мог, но бумажник убрал.

— Выверни свои карманы. Прямо сюда, на этот стенд.

Хью вывернул карманы и выложил на стенд перочинный нож, мятую пачку сигарет, дешевую зажигалку и грудку мелочи доллара на полтора, пересыпанную табачной крошкой. Монетки звякнули о стекло.

Мужчина нагнулся и принялся изучать эту груды.

— Вроде сойдет, — заметил он и накрыл всю «коллекцию» своей метелочкой из перьев. Когда он убрал ее, ножик, сигареты и зажигалка по-прежнему лежали на стенде. А монетки исчезли.

Хью наблюдал за этим без всякого удивления. Он стоял не двигаясь, как игрушка без батареек, пока высокий мужчина сходил к витрине и вернулся с лисьим хвостом. Он положил его на стенд рядом с грудой карманных принадлежностей Хью.

Хью медленно протянул одну руку и погладил мех. На ощупь холодный и пушистый, он слегка потрескивал от статического электричества. Гладить его было все равно что дотрагиваться до ясной осенней ночи.

— Хорош? — спросил высокий мужчина.

— Хорош, — подтвердил Хью и хотел было взять лисий хвост.

— Не трогай, — резко произнес высокий, и рука Хью моментально отдернулась. Он посмотрел на Гонта с обидой, близкой к отчаянию. — Мы еще не сторговались.

— Не сторговались, — согласился Хью. «Я под гипнозом, — подумал он. — Будь я проклят, если парень не загипнотизировал меня». Но это не имело никакого значения. На самом деле это было даже... приятно.

Он снова потянулся за бумажником, так медленно, словно плыл под водой.

— Да оставь ты это, козел, — нетерпеливо сказал мистер Гонт и отложил свою метелочку.

Рука Хью снова безвольно упала.

— И почему многие полагают, будто ответы на все вопросы лежат у них в бумажниках? — пробурчал высокий мужчина.

— Я не знаю, — сказал Хью. Он об этом никогда раньше не задумывался. — Наверно, это довольно глупо.

— Хуже, — рявкнул Гонт. В голосе его звучали хамские нотки, как у человека, который или очень устал, или очень разозлен. Он действительно устал; день был долгий и трудный. Много уже устроено, но работа только-только начиналась. — Намного хуже. Это вопиющая нелепость! Знаешь что, Хью? Этот мир полон людей, нуждающихся в чем-то, но не понимающих, что все, буквально *все* продается, если... ты готов заплатить. Они много болтают об этом и гордятся своим здоровым цинизмом, но — и только. А болтовня — это чушь! Полная... *чушь!*

— Чушь, — механически подтвердил Хью.

— В вещах, которые по-настоящему нужны людям, Хью, бумажник ничего не решает. Самый толстый бумажник в этом городе не стоит и капельки пота из подмышки рабочего. Полная *чушь!* Хью, будь у меня десятицентовик каждый раз, когда я слышал, как кто-то говорит: «Я бы душу продал за то-то и то-то», — я мог бы купить Эмпайр-Стейт-Билдинг! — Он нагнулся поближе, и его неровные зубы обнажились в огромной нездоровой ухмылке. — Скажи-ка мне, Хью, ради всех тварей, ползающих под землей, ну на что мне сдалась бы твоя душа?

— Наверно, ни на что. — Казалось, его голос шел издалека. Казалось, он раздавался со дна темной, глубокой пещеры. — Вряд ли она сейчас в хорошей форме.

Неожиданно мистер Гонт расслабился и выпрямился.

— Хватит всех этих недомолвок и полуправд. Хью, ты знаешь женщину по имени Нетти Кобб?

— Психованную Нетти? Кто же в городе не знает психованную Нетти? Она убила своего мужа.

— Так говорят. Теперь выслушай меня, Хью, и выслушай внимательно. А потом можешь забирать лисий хвост и отправляться домой.

Хью Прист стал внимательно слушать.

За окном дождь пошел сильнее и подул резкий ветер.

— Брайан! — Резко сказала мисс Ратклифф. — Ну, Брайан Раск! Никогда не ожидала этого от тебя! Подойди сюда! Сейчас же!

Он сидел на заднем ряду полуподвального помещения, где проводились занятия по коррективке речи, и QН сделал что-то плохое — очень плохое, судя по тону мисс Ратклифф, — но не догадывался, что именно, пока не поднялся. Поднявшись на ноги, он увидел, что стоит голый. Жуткая волна стыда захлестнула его, но при этом он испытывал и возбуждение. Когда он взглянул вниз, на свой пенис, и увидел, что тот начинает набухать, он пришел в ужас.

— Подойди сюда, я сказала!

Он медленно двинулся вперед, а все остальные ребята — Салли Майерз, Донни Франкель, Нони Мартин и бедняга-недоумок Слоупи Додд — захихикали.

Мисс Ратклифф стояла подбоченясь перед своим столом, глаза ее сверкали, а копна темно-каштановых волос разметалась по плечам.

— Ты скверный мальчишка, Брайан... Очень скверный мальчишка.

Брайан тупо опустил голову; пенис продолжал набухать — похоже, одна часть тела Брайана не видела в скверне ничего дурного. Даже смаковала свое скверное состояние.

Мисс Ратклифф вложила кусочек мела в его ладонь. Он ощутил слабый электрический разряд, когда их руки соприкоснулись.

— А теперь, — сурово произнесла мисс Ратклифф, — ты должен написать пятьсот раз на доске: «Я расплачусь за свой вкладыш с Сэнди Кауфаксом».

— Хорошо, мисс Ратклифф.

Он начал писать, встав на цыпочки, чтобы достать до верхнего края доски, ощущая приток теплого воздуха к своей голой заднице. Он уже вывел «Я расплачусь за», когда почувствовал, как мягкая, гладкая ладошка мисс Ратклифф обняла его твердый пенис и начала нежно сжимать его. На мгновение ему показалось, что он упадет замертво, до того это было здорово.

— Продолжай писать, — сурово сказала она из-за его спины, — а я буду продолжать делать это.

— М-мисс Ра-ра-тклифф, а к-как насчет м-моих упражнений? — спросил Слоупи Додд.

— Заткнись, или я задавлю тебя на автостоянке, Слоупи, — сказала мисс Ратклифф. — Попробуй только еще пискнуть, малютка.

Говоря, она продолжала сжимать и гладить Брайана. Он уже стонал. Он знал, что это нехорошо, но это было так приятно. И страшновато. Как раз то, что ему было нужно. Прямо в точку.

Потом он обернулся, и за спиной у него оказалась не мисс Ратклифф, а Уилма Джерзик со своим огромным, круглым, мертвенно-бледным лицом и глубоко, как две изюминки в тесте, посаженными карими глазками.

— Он заберет у тебя вкладыш, если ты не заплатишь, — сказала Уилма, — и это еще не все, малютка. Он...

Брайан Раск проснулся от такого толчка, что едва не свалился с кровати на пол. Тело его было все в поту, сердце стучало как паровой молот, а пенис выпирал маленьким твердым сучком из-под пижамных штанов.

Весь дрожа, он уселся на постели. Его первым побуждением было открыть пошире рот и громким криком позвать мать, как он делал, когда был совсем маленьким и ему снились кошмары. Потом до него дошло, что он уже больше не малыш, ему целых одиннадцать лет и... как бы там ни было, но о таком сне матери не расскажешь, верно?

Он откинулся на спину и уставился широко раскрытыми глазами в темноту. На

светящемся будильнике, что стоял на столике возле кровати, было четыре минуты первого. До него доносился шум дождя — уже хлынувшего как следует, — который бил в окно его спальни, сопровождаемый резкими, завывающими порывами ветра.

Мой вкладыш. Мой вкладыш с Сэнди Кауфаксом пропал, мелькнуло в мозгу.

Вкладыш не пропал. Брайан знал, что не пропал, но он также знал, что не заснет, пока не проверит и не убедится, что тот по-прежнему там, в альбоме, где он хранил свою коллекцию вкладышей, начинавшуюся с 1956-го. Он проверял ее вчера, перед тем как пошел в школу, проверил снова, когда вернулся, и еще вчера вечером, после ужина, нарочно удрал пораньше от Стэнли Досона, чтобы проверить в третий раз... Стэнли он сказал, что ему нужно сходить в туалет. В последний раз он взглянул на нее, перед тем как забраться в постель и выключить свет. Он понимал, что это превратилось в своего рода манию, но не пытался что-либо изменить.

Он выскользнул из кровати, не заметив, как от холодного воздуха все его разгоряченное тело покрылось гусиной кожей, а пенис сморщился. Тихонько прошел к своему шкафчику, оставив позади, на простыне, потный отпечаток своего тела. Большой альбом лежал на шкафчике прямо сверху, в кружке белого света, отбрасываемого уличным фонарем.

Он взял его, раскрыл и стал быстро перелистывать чистые листы с пластиковыми кармашками, куда засовывают карточки. Он пролистал Мелла Парнелла, Уайти Форда и Уоррена Спана — сокровища, над которыми когда-то трясся, — едва удостоив их беглым взглядом.

На мгновение его охватила жуткая паника, когда он дошел уже до пустых листов в конце альбома, а Сэнди Кауфакса так и не отыскал, но потом он догадался, что в спешке перевернул сразу несколько страничек. Он вернулся на пару листов обратно, и... да, вкладыш был там: это узкое лицо, эта ослепительная улыбка, эти внимательные глаза, выглядывающие из-под козырька.

Моему хорошему другу Брайану с наилучшими пожеланиями. Сэнди Кауфакс.

Его пальцы погладили косые строчки надписи. Губы шевельнулись. Он снова успокоился, или... *почти* успокоился. Вкладыш пока ему не принадлежал. Это было что-то вроде... аванса. Прежде чем вкладыш по-настоящему станет его собственностью, он должен кое-что сделать. Брайан был не очень уверен, что точно знает, что именно, но он знал: это как-то связано со сном, от которого он только что очнулся, и он не сомневался, что узнает, когда (завтра? сегодня, но позже?) придет время.

Он закрыл альбом (с надписью «Коллекция Брайана, руками не трогать!», аккуратно напечатанной на приклеенной скотчем к обложке карточке) и положил его обратно на шкафчик. Потом снова лег в постель.

Только одно огорчало Брайана. Он сразу хотел показать вкладыш отцу. Вернувшись домой из «Самого необходимого», он живо представил себе, как это будет. Брайан небрежно бросит: «Эй, пап, я тут сегодня набрел на одну карточку 56-го в новом магазине. Не хочешь глянуть?» Его старик скажет «ладно» без особого интереса и сходит с Брайаном в его комнату, чтобы просто доставить сыну удовольствие, но... Как у него загорятся глаза, когда он увидит, на что набрел Брайан! А когда он взглянет на надпись!..

Да, он будет поражен и придет в восторг, это как пить дать. Скорее всего он шлепнет Брайана по спине и подкинет ему пятерку.

Но что потом?

Потом начнутся расспросы, вот что... И в этом заключалась главная трудность. Его отец захочет узнать, во-первых, где он взял и, во-вторых, на какие деньги купил вкладыш, который был: а) редким, б) в прекрасном состоянии и в) с автографом. Напечатано на вкладыше было «Сэндфорд Кауфакс» — полное имя защитника. В автографе же стояло «Сэнди Кауфакс», а в безумном и порой отнюдь не дешевом мире коллекционеров бейсбольных вкладышей это означало, что его рыночная цена могла доходить до ста пятидесяти долларов.

Брайан попробовал представить себе единственный возможный ответ.

— Пап, я купил его в «Самом необходимом» — знаешь, этот новый магазин? Парень отдал мне его с дикой скидкой... Он сказал, что, если люди узнают про такие низкие цены, им станет интересно и они валом повалят к нему в магазин.

До этого места все шло гладко, но даже малышу, не доросшему еще до взрослого билета в кинотеатр, понятно, что дальше это не сработает. Когда говоришь, что кто-то сделал тебе хорошую скидку, людям всегда становится интересно. *Слишком интересно*.

— Вот как? Сколько же он скинул? Тридцать процентов? Сорок? Отдал за полцены? Но это все равно выйдет около шестидесяти или семидесяти зеленых, Брайан, а мне прекрасно известно, что у тебя таких денег нет и в помине.

— Ну, пап... вообще-то цена была поменьше.

— Ладно, выкладывай. Сколько ты заплатил?

— Ну... восемьдесят пять центов.

— Он что, продал тебе бейсбольный вкладыш Сэнди Кауфакса с автографом, в прекрасном состоянии за восемьдесят пять центов?

Да-а, вот они где начнутся, настоящие неприятности, это уж точно.

Какого рода неприятности? Он точно не знал, но был уверен — будет много вони. В чем-то его станут винить: отец — может быть, а мать — уж наверняка.

Они могут даже попытаться заставить его вернуть вкладыш, а вернуть его просто невозможно. Он был не просто с автографом; он был надписан лично Брайану.

Ни за что.

Черт, он даже не мог показать его Стэну Досону, когда Стэн зашел поиграть, хотя очень хотел, — Стэн плюнул бы на своих жокеев! Но Стэн должен был заночевать у них в пятницу, и Брайан легко мог представить, как он скажет его отцу: «Как вам понравился вкладыш Брайана с Сэнди Кауфаксом, мистер Раск? Классный, а?» Точно так же дело обстояло и с остальными его друзьями. Брайан открыл одну из величайших истин насчет маленьких городков: большинством секретов — по сути дела, всеми по-настоящему важными секретами — нельзя ни с кем делиться. Поскольку слово имеет свойство разлетаться по всей округе, и разлетаться очень быстро.

Он очутился в странном и неудобном положении. Он приобрел потрясающую вещь и не мог ни показать, ни даже рассказать про нее. Это должно было подпортить ему удовольствие от нового приобретения, и в какой-то мере так оно и произошло, но это также принесло ему и тайное удовлетворение.

Он поймал себя на том, что не столько наслаждается вкладышем, сколько украдкой пожирает его глазами, и таким образом открыл еще одну великую истину: в тайном обладании есть свое, странное удовольствие. Казалось, один из уголков его в общем-то открытой и добросердечной натуры был сначала отгорожен, а потом залит особым черным светом, который и исказил, и усилил то, что там пряталось.

И он не собирался отдавать его.

Ни за что, да-да, только так и не иначе.

«Тогда тебе лучше расплатиться за него до конца», — шепнул голосок где-то глубоко у него в мозгу.

Он расплатится. Это нетрудно. Он не считал то, что ему придется совершить, хорошим поступком, но также был уверен, что ничего такого страшного в этом нет. Просто... Ну, просто...

Просто обыкновенная шалость, шепнул внутренний голосок, и он увидел глаза мистера Гонта — темно-синие, как море в ясный день. Просто маленькая шалость, и все.

Ага, обыкновенная шалость, что бы там ни пришлось сделать.

Никаких проблем.

Он зарылся поглубже под одеяло, повернулся на бок, закрыл глаза и тут же начал засыпать.

Что-то мелькнуло у него в голове перед тем, как сон окончательно унес его прочь.

Что-то мистер Гонт ему сказал. «Ты станешь для меня лучшей рекламой, чем любое объявление в местной газете!» Только он ведь не мог никому показывать свой вкладыш. И если такая простая мысль пришла в голову ему, одиннадцатилетнему мальчишке, у которого не хватило ума вовремя убраться с дороги, когда он переходил улицу перед носом у «тачки» Хью Приста, то мог ли такой умный человек, как мистер Гонт, упустить это из виду?

Что ж, наверно, нет. А может, и мог. Взрослые вообще думают не так, как нормальные люди, а кроме того, карточка ведь у него, верно? И лежит она в его альбоме — там, где и должна лежать, так?

Ответы на оба вопроса были утвердительные, и Брайан выкинул из головы всю эту муть и быстро заснул под частую дробь дождя по оконному стеклу и завывание порывов ветра в углах дома, под навесами крыши.

Глава 4

1

Дождь перестал на рассвете в четверг, и к половине одиннадцатого, когда Полли выглянула из фасадного окна «Шейте сами» и увидела Нетти Кобб, тучи уже начинали рассеиваться. Нетти, держа в руке раскрытый зонт, так стремительно неслась по Мейн-стрит с зажатой под мышкой сумочкой, словно чувствовала за собой смыкающиеся челюсти новой бури.

— Полли, как ваши руки сегодня с утра? — спросила Розали Дрейк.

Полли подавила вздох. Ей, наверно, придется выслушать этот же вопрос, только в более настойчивой форме, и от Алана: сегодня днем она обещала выпить с ним кофе около трех в закусочной «У Нэнси». Невозможно дурачить людей, которые давно тебя знают. Они видят бледность твоего лица, темные круги под глазами и, что гораздо важнее, видят затравленный взгляд, спрятанный глубоко *внутри твоих* глаз.

— Спасибо, сегодня намного лучше, — сказала она. Это было больше, чем маленькое преувеличение; лучше — да, но вот *намного* ли? Ну-ну.

— Я подумала, что этот дождь...

— Невозможно предугадать, от чего они заболеют. В этом-то и вся штука. Но Бог с ними, Розали, быстро поди сюда и выгляни в окно. По-моему, мы стали свидетелями небольшого чуда.

Розали как раз присоединилась к Полли у окна вовремя, чтобы углядеть маленькую бегущую фигурку с крепко зажатым в руке зонтиком — судя по хватке, так, чтобы его можно было в случае нужды использовать как дубинку, — приближающуюся к тенту «Самого необходимого».

— Это что, Нетти? Неужели Нетти? — чуть не задохнулась Розали.

— Да. Это она.

— Бог ты мой, она заходит внутрь!

Но на какой-то миг им показалось, что слова Розали опередили действие. Нетти приблизилась к двери и... отошла. Она переложила зонт из одной руки в другую и оглядела фасад «Самого необходимого» с таким видом, словно там притаилась готовая ужалить ее змея.

— Давай, Нетти, — тихо сказала Полли. — Сделай это, родная!

— Должно быть, там табличка «Закрыто», — предположила Розали.

— Нет, сегодня у него другая: «Вторник и четверг — только по предварительным заказам». Я сама видела ее с утра, когда шла сюда.

Нетти снова приблизилась к двери. Она потянулась к дверной ручке, потом опять отошла.

— Господи, *убиться* можно, — сказала Розали. — Она говорила мне, что, быть может, зайдет туда, и я знаю, как ей нравится кварцевое стекло, но в жизни бы не подумала, что она

в самом деле отважится на это.

— Она попросила у меня разрешения отлучиться в перерыв, чтобы сходить в, как она его назвала, «это новое местечко» и забрать мою коробку из-под пирога, — пробормотала Полли.

— Да, она такая, наша Нетти, — кивнула Розали. — Она часто спрашивает у меня разрешения сходить в туалет.

— Мне показалось, одна ее половина надеялась, что я скажу: «Нет, в доме много работы». Но в то же время, я думаю, другая страстно желала, чтобы я ответила: «Да».

Полли ни на секунду не отрывала глаз от яростной, почти невидимой схватки, происходящей меньше чем в сорока ярдах отсюда, между Нетти Кобб и *Нетти* Кобб. Какой же это будет шаг вперед для нее, если она все-таки *зайдет* туда!

Полли почувствовала приступ горячей тупой боли в руках, опустила взгляд и увидела, что, не отдавая себе в том отчета, стиснула их. Усилием воли она заставила пальцы разомкнуться и вытянуться по бокам.

— Дело тут не в коробке от пирога и не в кварцевом стекле, — сказала Розали. — Дело в *ней*.

Полли кинула на нее быстрый взгляд.

Розали рассмеялась и слегка покраснела.

— О нет, я не хочу сказать, что Нетти втюрилась в него или что-то в этом роде, хотя взгляд у нее был слегка затуманенный, когда мы столкнулись с ней на улице. Полли, он был с ней *ласков*. Вот и все. Честен и ласков.

— С ней очень многие ласковы, — заметила Полли. — Алан из кожи вон лезет, стараясь быть с ней добрым и участливым, а она все равно его дичится.

— У нашего мистера Гонта особый подход, — сказала Розали, и словно в доказательство тому они увидели, как Нетти взялась за ручку двери и повернула ее вниз. Она открыла дверь и застыла на пороге, прижимая к себе зонт, словно мелкий колодец ее решимости начисто иссяк. Полли вдруг стало совершенно ясно, что сейчас Нетти захлопнет дверь и поспешит оттуда прочь. Ее руки крепко сжались в кулаки.

Давай, Нетти. Давай входи. Найди снова связь с миром.

Нетти улыбнулась, явно в ответ кому-то, кого ни Полли, ни Розали не могли увидеть отсюда. Она опустила зонт, который до этой секунды нервно прижимала к груди, и... вошла внутрь.

Дверь захлопнулась.

Полли обернулась к Розали и была тронута, увидев, что у той в глазах стоят слезы. Две женщины какое-то мгновение пристально смотрели друг на друга, а потом со смехом обнялись.

— Шаг сделан! — сказала Розали.

— Два очка в нашу пользу! — согласилась Полли, и солнце выглянуло из-за туч у нее внутри за добрых два часа до того, как оно наконец показалось в небе над Касл-Роком.

2

Пять минут спустя Нетти Кобб сидела в одном из плюшевых кресел с высокой спинкой, которые Гонт расставил вдоль стены в своем магазине. Ее зонтик и сумочка лежали, забытые, на полу. Гонт сидел рядом, впившись острым взглядом в ее затуманенные глаза. Абажур из кварцевого стекла стоял рядом с коробкой из-под пирога Полли Чалмерз на одном из застекленных стендов. Абажур представлял собой в меру витиеватую вещь, и в антикварном магазине Бостона мог стоить долларов триста, если не больше; тем не менее Нетти Кобб приобрела его за десять долларов и сорок центов — всю наличность, лежавшую в ее сумочке в тот момент, когда она зашла в магазин. О сумочке Нетти, разумеется, и думать забыла.

— Дело? — произнесла она словно во сне и слегка дернула рукой, будто для того,

чтобы сильнее сжать руки мистера Гонта. Он сжал в ответ ее пальцы, и на лице его мелькнула легкая улыбка.

— Да, верно. На самом деле это совсем небольшое дельце. Вы ведь знаете мистера Китона, правда?

— О да, — сказала Нетти. — Роналд и его сын Дэнфорд. Я знаю их обоих. Какого вы имеете в виду?

— Младшего, — ответил мистер Гонт, поглаживая ее ладони своими длинными пальцами. Ногти у него были желтоватые и довольно длинные. — Главного выборного.

— За спиной его называют Занудой, — хихикнула Нетти. Смешок вышел резким и слегка истерическим, но, казалось, вовсе не поразил Лиланда Гонта. Напротив: не-совсем-нормальный смех Нетти, похоже, доставил ему удовольствие. — Называют еще с тех пор, как он был маленьким мальчишкой.

— Я хочу, чтобы вы окончательно расплатились за ваш абажур, сыграв шутку с Занудой.

— Шутку? — переспросила Нетти с легким ужасом.

Гонт улыбнулся.

— Просто невинную шалость. И он никогда не узнает, что это были вы. Он подумает на кого-нибудь еще.

— О-о. — Нетти взглянула мимо Гонта на кварцевый абажур, и на одно мгновение что-то промелькнуло в ее взгляде — жадность, быть может, или просто удовольствие от обладания. — Ну, я...

— Все будет нормально, Нетти. Никто никогда не узнает, и... у вас будет абажур.

Нетти заговорила медленно и задумчиво:

— Мой муж любил по-всякому разыгрывать меня. Может, будет забавно подшутить над кем-то другим самой. — Она снова взглянула на него, и во взгляде ее промелькнул ужас. — Если только это не сделает ему *больно*. Я не хочу причинять ему *вреда*. Знаете, я уже сделала больно своему мужу.

— Это не причинит ему никакого вреда, — мягко произнес Гонт, поглаживая ладони Нетти. — Ни капельки. Я просто хочу, чтобы вы подложили кое-что в его дом.

— Но как я попаду в дом За..?

— Вот.

Он вложил что-то в ее руку. Ключ. Она зажала его в кулаке.

— Когда? — спросила она.

— Скоро. — Он отпустил ее руки и встал. — А теперь, Нетти, мне уже и вправду пора упаковать этот красивый абажур в коробку для вас. Должна зайти миссис Мартин, взглянуть на вазу, в... — Он глянул на свои часы. — Боже, через пятнадцать минут! Но я и передать вам не могу, как я рад, что вы решили зайти ко мне. Очень немногие люди ценят красоту кварцевого стекла в наши дни: теперь большинство людей — обыкновенные дельцы с кассовым аппаратом вместо сердца.

Нетти тоже встала и посмотрела на абажур мягким взглядом влюбленной женщины. Жуткая нервозность, с которой она приближалась к магазину, полностью растаяла.

— Он милый, не правда ли?

— Очень милый, — тепло сказал мистер Гонт. — И мне трудно передать... Трудно выразить... Какое счастье я испытываю, зная, что он попадет в хороший дом, в то место, где кто-то будет не только стирать с него пыль, а потом через много лет случайно разобьет, подметет осколки и выкинет их в мусорный бак, тут же забыв о его существовании.

— Я никогда бы так не сделала! — крикнула Нетти.

— Я знаю, что не сделали бы, — сказал мистер Гонт. — В этом ваша прелесть, Неттиция.

Нетти пораженно взглянула на него.

— Откуда вы узнали, как меня зовут?

— У меня чутье на имена. И я никогда не забываю ни имен, ни лиц.

Он прошел за занавес, в задний отсек магазина. Когда он вернулся, в одной руке у него был плотный лист белого картона, а в другой — большой рулон оберточной бумаги. Он положил бумагу рядом с коробкой из-под пирога (рулон сразу начал с тихим шелестом разворачиваться и принимать форму чего-то напоминавшего огромный корсаж) и стал устраивать картонку в коробке, размером точно подходившей под абажур.

— Я знаю, вы истинный ценитель вашего приобретения. Поэтому я и продал его вам.

— Правда? Я думала... мистер Китон... и эта шутка...

— Нет-нет! — возразил мистер Гонт с нетерпеливым смешком. — Шутку может сыграть *кто угодно!* Люди любят подшучивать друг над другом! А вот отдавать вещи тем, кто их любит и нуждается в них, — это уже совсем другая статья. Иногда, Нетиция, мне кажется, что *на самом деле* я продаю счастье... А вы как думаете?

— Ну, я могу сказать одно, — серьезно произнесла Нетти, — *меня* вы сделали счастливой, мистер Гонт. Очень счастливой.

Он обнажил свои неровно торчащие зубы в широкой улыбке.

— Отлично! Просто замечательно!

Мистер Гонт засунул «корсаж» из оберточной бумаги в коробку, опустил на сверкающее белизной ложе абажур и заклеил коробку липкой лентой.

— Ну, вот и все! Еще один довольный покупатель уходит с тем, что было для него самым необходимым!

Он вручил ей коробку. Как только рука Нетти коснулась его пальцев, она ощутила дрожь отвращения, хотя несколько секунд назад сжимала его руки с большой силой, если не страстью. Но та интерлюдия уже начала казаться ей призрачной и нереальной. Он поставил коробку Полли из-под пирога на ящичек из белого картона. В ящичке Нетти увидела листок бумаги.

— Что это?

— Записка вашей хозяйке, — сказал Гонт.

Вновь на лице Нетти отразился ужас.

— Это не обо мне?

— Бог мой, да нет, конечно! — сказал Гонт смеясь, и Нетти тут же успокоилась. Когда он смеялся, этот мистер Гонт, ему было совершенно невозможно не верить или возражать. — Берегите ваш абажур, Нетиция, и заходите еще.

— Хорошо, — сказала Нетти, и это могло служить ответом на оба пожелания, но она чувствовала всем сердцем (этим тайным убежищем, где страхи и желания постоянно трутся друг о дружку локтями, как пассажиры переполненного вагона в сабвэе), что, хотя она, быть может, и зайдет сюда еще, этот абажур останется единственным, что она купит в «Самом необходимом».

Ну и что с того? Это была *красивая* вещь, она всегда хотела иметь такую, и ей нужна была именно такая, чтобы пополнить свою скромную коллекцию. Она подумала, не сказать ли мистеру Гонту, что ее муж мог бы до сих пор оставаться в живых, если бы четырнадцать лет назад не разбил абажур из кварцевого стекла, очень похожий на этот, и что это было последней каплей, которая заставила ее преступить черту. За годы совместной жизни он переломал ей не одну кость, но продолжал жить, пока в конце концов не сломал то, что ей действительно было необходимо, и тогда она отняла у него жизнь. Она решила, что не стоит рассказывать об этом мистеру Гонту. Он был похож на человека, который, возможно, и сам уже знает.

3

— Полли! Полли, она уже на пороге!

Полли оставила манекен, на котором медленно и осторожно подкалывала булавками оборку, и поспешила к окну. Они с Розали стали рядом у окна, наблюдая, как Нетти выходит из «Самого необходимого» в состоянии, которое можно было определить лишь как «тяжело

нагруженная». Сумка у нее была под одной мышкой, зонтик — под другой, а в руках она несла коробку от пирога, балансирующую на крышке белого картонного короба.

— Может, я схожу помогу ей? — сказала Розали.

— Нет. — Полли мягко удержала ее. — Лучше не надо. Она только разволнуется и смутится.

Они смотрели, как Нетти идет по улице. Нетти уже не торопилась; теперь она, казалось, плыла.

Нет, подумала Полли. Не то. Это больше похоже на... полет.

Неожиданно ей на ум пришло одно из тех странных сравнений, которые больше похожи на ассоциации, и она расхохоталась.

Розали поглядела на нее, удивленно подняв брови:

— Что-нибудь?..

— У нее такое выражение лица, — сказала Полли, глядя, как Нетти медленными мечтательными шажками пересекает Линдент-стрит.

— Что вы имеете в виду?

— Она похожа на женщину, которая только что вылезла из постели после... скажем, трех оргазмов.

Розали порозовела, глянула еще раз на Нетти и покатилась со смеху. Полли вторила ей. Вдвоем они уцепились друг за дружку и, раскачиваясь из стороны в сторону, стали дико хохотать.

— Ну и ну, — сказал Алан Пэнгборн с порога магазина. — Дамы хохочут задолго до полудня! Для шампанского еще слишком рано, как же прикажете понимать?

— Четырех! — выдавила Розали, смеясь как сумасшедшая. Слезы струились у нее по щекам. — По-моему, никак не меньше!

И снова они принялись раскачиваться, уцепившись друг за друга и подвывая от смеха, а Алан смотрел на них, засунув руки в карманы форменных брюк, и улыбался.

4

Норрис Риджвик прибыл в контору шерифа в своей гражданской одежде минут за десять до дневного гудка на фабрике. Весь уик-энд он дежурил с двенадцати до девяти вечера — как раз как ему нравилось. Пусть кто-нибудь другой поразгреоает свалки на шоссе и улицах округа Касл после закрытия баров в час ночи; он мог это делать и *делал* много раз, но почти всегда при этом у него прихватывало живот. Порой он мучился животом, даже когда жертвы были на ногах, шлялись неподалеку и орали, что не станут дышать ни в какие хреновые трубки, потому что знают свои гражданские права. Просто у Норриса был такой желудок. Шейла Бригем любила дразнить его, говоря, что он похож на депутата Энди в телешоу «Два клюва», но Норрис знал, что это не так. Депутат Энди плакал каждый раз, когда видел мертвецов. Норрис не плакал, но был способен обделать их, как едва не обделал Хомера Гэмеша в тот раз, когда нашел его в канаве возле городского кладбища, забитого до смерти собственным протезом.

Норрис взглянул на расписание — Энди Клаттербак и Джон Лапойнт оба были на дежурстве, — а потом на доску с заданиями. Для него ничего не было, что тоже всегда ему нравилось. И чтобы денек оказался уж совсем удачным — по крайней мере начало, — второй комплект его формы вернули из чистки... В кои-то веки вовремя. Теперь не придется ехать домой, чтобы переодеться.

К пластиковому пакету из чистки была пришпилена записка: «Эй, Барни, за тобой должок в \$5,25. Не заиграй его на этот раз, а не то к закату дня ты станешь поумнее и попечальнее». Подпись — Клатт.

Хорошее настроение Норриса не испортило даже обращение, стоявшее в записке. Шейла Бригем была не единственной в конторе шерифа Касл-Рока, кто считал Норриса кем-то вроде парня из «Двух клювов» (однако Норрис подозревал, что она была

единственной в отделе — не считая его самого, разумеется, — кто хотя бы смотрел сериал). Остальные коллеги — Джон Лапойнт, Ситон Томас, Энди Клаттербак, — называли его Барни: в честь Дона Ноттса, персонажа старого шоу «Энди Гриффит». Порой его это злило, но только не сегодня. Четыре дня дневного дежурства, потом три выходных. Перед ним простиралась поистине шелковая неделка. Иногда жизнь бывает просто чудесной.

Он вытащил пятерку и доллар из бумажника и положил их на стол Клатта. «Эй, Клатт, ни в чем себе не отказывай!», — черкнул он на обратной стороне бланка для рапорта, подписался красивой завитушкой и положил бланк рядом с деньгами. Потом вытащил из пластикового пакета форму и отправился с ней в мужской туалет. Насвистывая, он переоделся и довольно приподнял брови, поглядев на себя в зеркало. Ей-богу, внушительное зрелище. На все сто. Забиякам Касл-Рока лучше сегодня поостеречься, а не то...

Он заметил в зеркале у себя за спиной какую-то тень, но прежде чем начал поворачивать голову назад, его схватили, развернули и прижали к стене возле унитазов. Он больно трахнулся о стену, с головы слетела фуражка, а прямо перед ним всплыла круглая, раскрасневшаяся физиономия Дэнфорда Китона.

— Ты что, черт бы тебя побрал, себе думаешь, Риджвик? — спросил тот.

Норрис совсем забыл про квиток, который он засунул под «дворник» на ветровом стекле «кадиллака» Китона прошлым вечером. Теперь он все вспомнил.

— Отпустите меня! — сказал он, пытаясь сохранить в голосе достоинство. Вместо этого у него вышел взволнованный писк. Он почувствовал, как кровь приливает к щекам.

Каждый раз, когда он злился или бывал напуган — а сейчас присутствовало и то, и другое, — он краснел, как девчонка.

Китон, который был выше Норриса на пять дюймов и на добрую сотню фунтов тяжелее, как следует встряхнул полицейского, а потом отпустил его. Он вытащил из кармана квиток и сунул его Норрису под нос.

— Твоя фамилия стоит на этой чертовой штуке или нет? — рявкнул он так, словно Норрис уже пытался отрицать это.

Норрис Риджвик прекрасно знал, что это его подпись — оттиснутая резиновой печаткой, но вполне разборчивая — и что квиток вырван из его квитанционной книжки.

— Вы припарковались в неподобающем месте, — сказал он, отходя от стены и потирая затылок. Черт, там теперь обязательно вскочит шишка, подумал он. Когда первый испуг прошел (а Зануда, что уж тут говорить, сумел нагнать на него страху), стала расти злость.

— В каком?

— В неподобающем месте! — проорал Норрис. «А кроме того, Алан сам велел мне выписать этот квиток», — хотел было добавить он, но удержался. К чему доставлять этой жирной свинье удовольствие и давать слабину? — Вас уже предупреждали об этом, За... Дэнфорд, и вы это прекрасно знаете.

— Как ты меня назвал? — зловеще спросил Дэнфорд Китон. Красные пятна размером с бутоны роз, проступили у него на щеках и скулах.

— Квиток действителен, — сказал Норрис, не обращая внимания на последний вопрос. — И, на мой взгляд, вам лучше оплатить его. И скажите спасибо, что я не штрафую вас за оскорбление офицера полиции!

Дэнфорд рассмеялся так, что чуть не дрогнули стены.

— Я не вижу здесь никакого офицера полиции, — сказал он. — Я вижу лишь тощий кусок дерьма в обертке от прошлогоднего бифштекса.

Норрис нагнулся и поднял фуражку. Кишки у него сводило от страха — никто не пожелал бы себе Дэнфорда Китона в качестве врага, — а злость превратилась в ярость. Руки дрожали. Он выждал секунду, чтобы аккуратно надеть на голову фуражку.

— Можете поговорить об этом с Аланом, если хотите...

— Я говорю с тобой!

— ...А я разговор с вами закончил. Штраф заплатите в течение тридцати дней, Дэнфорд, или нам придется задержать вас. — Норрис выпрямился в свой полный рост — пять футов

шесть дюймов — и добавил: — Мы знаем, где вас найти.

Он направился к выходу. Китон с лицом, уже слегка напоминавшим закат после ядерного взрыва, сделал шаг вперед, чтобы преградить ему путь. Норрис остановился и предостерегающе выставил палец.

— Если вы коснетесь меня, Зануда, я посажу вас в камеру. Я не шучу.

— Ладно, будь *по-твоему*, — произнес Китон странным, бесцветным голосом. — Будь по-твоему. Ты уволен. Снимай с себя эту форму и начинай подыскивать другую ра...

— Нет, — раздался голос за их спинами, и они оба обернулись. На пороге мужского туалета стоял Алан Пэнгборн.

Китон сжал руки в жирные белые кулаки.

— А ты в это не лезь.

Алан вошел внутрь, и дверь за ним тихо захлопнулась.

— Нет, — сказал он, — это я велел Норрису выписать квитанцию. И еще я сказал ему, что собираюсь замять это дело перед встречей с выборными. Дэн, это всего лишь квиток на пять долларов. Какая муха тебя укусила?

В голосе Алана звучало удивление. Он и *был* удивлен. Зануда и в лучшие времена не отличался покладистым нравом, но такой срыв был перебором даже для него. С самого конца лета парень казался явно не в себе, просто на грани помешательства — Алан часто слышал издали его крики на собраниях комитета выборных, — и в глазах у него часто мелькало выражение затравленного зверя. У Алана мелькнула мысль, а не болен ли Китон, но он решил поразмыслить над этим как-нибудь в другой раз, попозже. Сейчас же ему предстояло разобраться с довольно поганой ситуацией.

— Никто меня не кусал, — хмуро произнес Китон и пригладил волосы. Норрис с некоторым удовлетворением отметил, что у Китона тоже дрожат руки. — Я просто дьявольски устал от важничающих засранцев вроде вот этого... Я стараюсь как могу... Черт, я много делаю... И мне надоели постоянные преследования... — Он на мгновение запнулся, задвигал кадыком на жирной шее, а потом выпалил: — Он назвал меня Занудой! Ты знаешь, как я это ненавижу!

— Он извинится, — сказал Алан, — не так ли, Норрис?

— Не знаю, — чуть дрожащим голосом ответил Норрис. Живот у него свело, но злость не пропала. — Я знаю, что он этого не любит, но, по правде говоря, он сам меня вынудил. Это было от неожиданности... Я стоял перед зеркалом, поправлял галстук, а он схватил меня сзади и трахнул об стену. Я здорово стукнулся головой, и... слушай, Алан, я даже не соображал, что говорил.

Алан перевел взгляд на Китона.

— Это правда? — спросил он.

Китон опустил глаза.

— Я был взбешен, — сказал он, и Алан понял, что для такого человека это равнозначно завуалированному извинению. Он снова глянул в сторону Норриса, желая убедиться, что его заместитель тоже понимает это. Похоже, Норрис понял. Что ж, уже неплохо. Уже большой шаг на пути устранения этого маленького вонючего недоразумения. Алан вздохнул с некоторым облегчением.

— Может, будем считать, что инцидент исчерпан? — обратился он к обоим мужчинам. — Намотаем себе на ус и забудем?

— Я согласен, — через секунду ответил Норрис. Алан растрогался. Норрис был тощ, у него была дурная привычка оставлять в полицейских машинах, которыми он пользовался, пустые банки от пепси и соды, а его рапорты бросали в дрожь всех, кому доводилось их читать, но... сердце у парня доброе. Он отступил, но вовсе не потому, что испугался Китона. И если жирный главный выборный думал иначе, он совершал очень большую ошибку.

— Я сожалею о том, что назвал вас Занудой, — сказал Норрис. На самом деле он ничуть не сожалел. Ни капельки. Но подумал, что от него не убудет, если он так скажет.

Алан взглянул на плотного мужчину в кричащей спортивной куртке и рубашке для

гольфа с открытым воротом.

— Дэнфорд?

— Ладно, забыли, — буркнул Китон тоном, исполненным великодушия, и Алан почувствовал, как на него накатывает знакомая волна неприязни. В самой глубине мозга прозвучала ядовитая насмешка подсознания: *«Почему тебя не хватит инфаркт, Зануда? Почему ты не сделаешь нам всем одолжение и не сдохнешь?»*

— Ладно, — сказал он. — Все хорошо, что хоро...

— Если... — произнес Китон, поднимая палец.

Алан приподнял брови.

— Если?..

— Если мы что-нибудь придумаем с этой квитанцией. — Он протянул ее Алану, держа двумя пальцами так, словно это была тряпка, которой вытирали какую-то вонючую лужу.

Алан вздохнул.

— Пройдем в кабинет, Дэнфорд. Обсудим. — Он повернулся к Норрису: — У тебя дежурство, да?

— Да, — сказал Норрис. Его желудок все еще перекачивался как мяч, хорошее настроение пропало, наверно, уже на весь остаток дня, по вине этой жирной свиньи, которой Алан собирается простить квиток. Вообще-то он все понимал — политика, но это не означало, что ему должно все нравиться.

— Хочешь еще поболтать здесь? — спросил Алан, тем самым в мягкой форме вопрошая: «Неужели тебе надо сейчас все это высказывать в присутствии Китона, который стоит рядом и пялит свои глазенки на нас обоих?»

— Нет, — сказал Норрис. — Полно дел. Позже поговорим, Алан. — И вышел из туалета, не удостоив Китона взглядом. А Китон, хотя Норрис этого и не знал, огромным — почти героическим — усилием воли подавил не очень разумное, но вполне осуществимое желание дать ему пинка под зад.

Алан проверил свой внешний вид в зеркале, давая Норрису время спокойно уйти, пока Китон стоял у двери и с нетерпением ждал, а потом с Китоном, наступавшим ему на пятки, снова отправился в царство закона и правопорядка.

В одном из двух кресел, стоявших у двери в его кабинет, сидел маленький подвижный человек в кремовом костюме и с нарочитым вниманием читал огромную книгу в кожаном переплете, которая могла быть только Библией. У Алана екнуло сердце. Он сильно надеялся, был почти уверен, что ничего особо неприятного сегодня с утра уже не произойдет — минуты через три должно было пробить полдень, так что он надеялся, казалось, не без оснований, — но, как видно, ошибся.

Преподобный Уильям Роуз захлопнул свою Библию (обложка которой идеально сочеталась с цветом его костюма) и встал.

— Шеф... гхм... Пэнгборн... — начал он.

Роуз был одним из тех дремучих баптистов, которые начинают жевать окончания слов, когда испытывают эмоциональный накал.

— Вы позволите мне побеседовать с вами?

— Если вы не возражаете, через пять минут, преподобный Роуз. Мне нужно закончить одно срочное дело.

— Это... гхм... чрезвычайно важно.

Да уж, ясное дело, подумал Алан, а вслух сказал:

— Значит, договорились. Через пять минут.

Он распахнул дверь и втокнул Китона в свой кабинет, прежде чем преподобный Уилли, как любил называть его отец Бригем, успел вымолвить хоть слово.

5

— Это он насчет Ночи Казино, — сказал Китон, когда Алан закрыл за собой дверь в

кабинет. — Помяни мое слово. Отец Джон Бригем — тупоголовый ирландец, но, как бы там ни было, он все-таки лучше этого. Роуз просто чванливый осел.

Вот и вся суть, стоит лишь назвать вещи своими именами, подумал Алан и сказал:

— Садись, Дэнфорд.

Китон сел. Алан обошел свой письменный стол, вынул злосчастный квиток и порвал его на мелкие кусочки. Обрывки он бросил в мусорную корзину.

— Вот так. Идет?

— Идет, — сказал Китон и привстал, собираясь идти.

— Нет, задержись-ка еще на минутку.

Густые брови Китона сдвинулись под высоким розовым лбом, предвещая грозу.

— Пожалуйста, — добавил Алан.

Он уселся в свое вертящееся кресло; его руки по привычке сдвинулись и попытались изобразить птицу; Алан вовремя пресек это поползновение и усилием воли заставил их мирно улечься на промокашку.

— На следующую неделю у нас назначена встреча выборных для согласования бюджетных вопросов перед городским собранием в феврале, и... — начал Алан.

— Ну назначена, — прорычал Китон.

— ...И это чистая политика, — продолжал Алан. — Я это знаю, и ты это знаешь. И я только что разорвал действительную квитанцию исключительно по политическим соображениям.

На лице Китона заиграла легкая улыбка.

— Ты живешь в этом городе достаточно, Алан, чтобы знать, как дела делаются. Рука руку моет.

Алан выпрямился в кресле, и оно издало легкий скрип — этот звук иногда снился ему по ночам после долгих и тяжелых дней. Вроде того, каким обещает быть сегодняшний.

— Да, — согласно кивнул он. — Рука руку моет. Но до поры до времени.

Брови Китона снова сдвинулись.

— Что это значит?

— Это значит, что даже в маленьких городках есть область, где заканчивается всякая политика. Должен напомнить тебе, что я не назначенный чиновник. Выборные могут контролировать все рычаги и фонды, но избиратели голосовали за меня. И выбрали они меня, чтобы я защищал их, соблюдая и поддерживая закон. Что я и пытаюсь делать.

— Ты что, хочешь запугать меня? Если так, то...

И тут как раз раздался гудок на фабрике. Звук его в кабинете был приглушенным, но все равно Дэнфорд Китон подскочил как ужаленный. Глаза его моментально вытаращились, а пальцы намертво вцепились в подлокотники кресла.

Алан снова удивился. Он стал пугливым, как необъезженная кобыла. Что за чертовщина с ним творится?

И тут впервые в голову ему закралось смутное подозрение: а не завяз ли мистер Дэнфорд Китон, который стал главным выборным Касл-Рока задолго до того, как Алан услышал про существование такого городка, в чем-то не совсем благовидном.

— Я не запугиваю тебя, — сказал он.

Китон начал понемногу отходить, но очень медленно... словно боясь, что гудок может повториться и снова напугать его.

— Это хорошо. Потому что дело тут не только в рычагах управления, шериф Пэнгборн. Совет выборных вместе с тремя окружными инспекторами имеет право утверждать назначения — и увольнения — заместителей шерифа. Среди всех других прав, о которых, я уверен, тебе прекрасно известно.

— Реально это только на бумаге.

— Да, так всегда было, — согласно кивнул Китон и вытащил из кармана сигару «Рои-Тан». Он повертел ее в пальцах, хрустя целлофановой упаковкой. — Но это не значит, что так все и должно оставаться. .

«Кто теперь кого запугивает?» — подумал Алан, но не высказал этого вслух, а лишь снова откинулся в кресле и взглянул на Китона. Китон несколько секунд выдерживал его взгляд, а потом перевел глаза на сигару и принялся сдирать с нее обертку.

— В следующий раз, когда ты поставишь машину в неположенном месте, я сам выпишу тебе штраф, и эта квитанция порвана не будет, — сказал Алан. — А если ты еще раз дотронешься до одного из моих заместителей, я привлеку тебя за нападение на официальное лицо независимо от того, сколько так называемых прав утверждать кого-то или не утверждать есть у выборных. Потому что на меня никакая политика не распространяется. Ты меня понял?

Китон долго смотрел на кончик сигары, словно в прострации. Когда он поднял взгляд на Алана, глаза у него превратились в узкие щелочки.

— Если ты хочешь проверить меня на вшивость, шериф Пэнгборн, валяй действуй. — На лице Китона проступила злоба — явная злоба, — но Алану показалось, что там было и еще кое-что. Он подумал, уж не страх ли это? Увидел ли он? Почувствовал ли? Он не знал, да это и не имело значения. Но вот то, чего Китон боялся... это могло иметь значение. Это могло быть очень важно.

— Ты меня понял? — повторил он.

— Да, — сказал Китон. Неожиданным резким движением он сдернул обертку с сигары и бросил ее на пол. Засунул сигару в рот и, пожевав, спросил: — *А ты* понял меня?

Кресло снова скрипнуло, когда Алан опять выпрямился и подался вперед. Он в упор посмотрел на Китона.

— Мне понятно, что ты излагаешь, но я совершенно не понимаю твоих действий, Дэнфорд. Мы с тобой никогда не были друзьями, но...

— Это уж точно, — кивнул Китон и откусил кончик своей сигары. На какое-то мгновение Алану показалось, что он собирается выплюнуть его на пол, и Алан приготовился промолчать — политика, — но Китон выплюнул его себе в ладонь, а потом положил в чистую пепельницу, стоявшую на столе, и кончик сигары прилип к ее доньшку, как кусок собачьего дерьма.

— ...Но у нас всегда были нормальные деловые отношения. А теперь вдруг такое. Что-нибудь произошло? Если что-то случилось и я могу чем-нибудь помочь...

— Ничего не случилось, — сказал Китон и резко поднялся. Он снова разозлился — даже больше, чем просто разозлился. Алану показалось, что у него чуть пар из ушей не повалил. — Просто мне надоело все эти... преследования.

Вот уже второй раз он употребил это слово. Оно показалось Алану странноватым, каким-то не очень подходящим. Вообще весь этот разговор произвел на него странное впечатление.

— Ладно, если я понадобится, ты знаешь, где меня найти, — сказал Алан.

— Уж это — да! — буркнул Китон и пошел к двери.

— И пожалуйста, Дэнфорд, не забудь про парковку на том месте.

— *Задерись* оно, это место! — огрызнулся Китон и выкатился из кабинета.

Алан долго сидел за столом и с озабоченным выражением лица смотрел на захлопнувшуюся дверь. Потом он вышел из-за стола, поднял мятый целлофановый пакетик с пола, кинул его в мусорную корзину и пошел к двери — пригласить к себе Уилли Парохода.

6

— Мистер Китон выглядел довольно расстроенным, — заметил Роуз. Он осторожно уселся в кресло, которое только что освободил главный выборный, взглянул с отвращением на кончик сигары в пепельнице, а потом аккуратно устроил свою белую Библию у себя на коленях.

— Предстоит много собраний в следующем месяце, — неопределенно высказался Алан. — Для всех выборных это лишняя морока.

— Да, — согласился преподобный Роуз, — ибо Иисус... гхм... сказал нам: «Кесарю — Кесарево, а Богу — Богово».

— Угу, — кивнул Алан. Ему вдруг остро захотелось выкурить сигарету — «Лаки» или «Пэл-мэл», — до упора набитую никотином и канцерогенами. — Чем я могу вам помочь сегодня, преподобный Роуз? — В'-етрахе он поймал себя на том, что едва не назвал священника преподобным Уилли.

Роуз снял свои круглые очки без оправы, протер их и снова надел, закрыв два красных пятнышка на переносице. Черные волосы, уложенные на голове с помощью какого-то лосьона — Алан чувствовал его запах, но не мог определить сорт, — блестели в свете флюоресцентной лампочки под потолком.

— Я насчет того богохульства, которое отец Джон Бригем предпочитает называть Ночью Казино, — наконец объявил преподобный Роуз. — Если вы помните, шеф Пэнгборн, я приходил к вам вскоре после того, как впервые услышал об этой кошмарной идее, и потребовал, чтобы во имя... гхм... морали и добропорядочности вы отказались санкционировать подобное действие.

— Преподобный Роуз, но если вы помните...

Роуз властно выставил вперед одну руку, а другой полез в карман пиджака и вытащил оттуда буклет размером почти с книжку в дешевой обложке. С упавшим сердцем (но почти не удивившись) Алан увидел, что это сокращенный вариант «Свода законов штата Мэн».

— И вот я вновь пришел с требованием, — произнес Роуз звенящим голосом, — чтобы вы запретили это действие не только во имя морали, *но и во имя торжества закона!*

— Преподобный Роуз...

— Вот глава 24-я, раздел 9-й, параграф 2-й «Свода законов штата Мэн», — перебил его преподобный Роуз. Его щеки пылали, и Алан понял, что в кабинете шерифа появился второй за последние несколько минут псих. — Он гласит, — продолжал преподобный Роуз голосом, в котором зазвучали столь хорошо знакомые всей обожающей его пастве нотки песнопения: — «Игры, основанные на случайности, как было отмечено в главе 23-й «Свода»... гхм, где в качестве условий присутствуют денежные ставки, признаются незаконными». — Он захлопнул «Свод» и взглянул на Алана. Глаза его сверкали. — Признаются *незаконными!* — торжествуя прокричал он.

Алан испытал легкое желание вздеть руки кверху и проорать: «Хвала... гхм... Иисусу!» Когда оно прошло, он сказал:

— Мне известны разделы «Свода законов», запрещающие азартные игры, преподобн ш Роуз. Я просмотрел их после вашего первого визита и показал их Элберту Мартину, который занимается многими юридическими делами для города. По его мнению, глава 24-я не относится к мероприятиям, подобным Ночи Казино. — Он выдержал паузу, а потом добавил: — Должен вам сообщить, что это также и мое мнение.

— Невероятно! — вскричал Роуз. — Они собираются превратить Дом Господень в логовище скверны и разврата, а вы говорите мне, что это *законно?*

— Ничуть не менее законно, чем игры в бинго, проводившиеся в храме Дочерей Изабеллы с 1931 года.

— Это... гхм... не бинго! Это... гхм... рулетка! Это карточные игры на деньги! Это... — голос преподобного Роуза дрогнул, — *кости ... гхм!..*

Ален вовремя поймал свои руки, попытавшиеся было изобразить еще одну птицу, и на этот раз крепко сцепил их на письменном столе.

— Я попросил Элберта сделать запрос генеральному прокурору штата. Ответ был тот же самый. Мне очень жаль, преподобный Роуз. Я понимаю, что это огорчает вас. Что касается меня, то мне, например, страшно не нравится, когда ребятишки катаются на этих досках с колесиками. Я бы лично их запретил, но не могу. При демократии нам иногда приходится иметь дело с тем, что нам не нравится и что мы не признаем.

— Но это же *азартная игра*, — произнес преподобный Роуз с подлинной мукой в голосе. — Это азартная игра *на деньги*. Как может быть законным такое, если в «Своде»

сказано...

— Это не азартная игра на деньги в том варианте, как они это устраивают. Каждый... участник платит взнос при входе. В обмен участнику выдается адекватная сумма игровых денег. В конце раздается несколько призов — не денег, а *призов*. Видеомагнитофон, тостер, фарфоровый сервиз и тому подобное. — И по какому-то внезапному внутреннему импульсу Ллан добавил: — Полагаю, с первоначального взноса может быть даже удержан налог.

— Это греховное непотребство, — заявил преподобный Роуз. Краска сошла с его щек, ноздри раздулись.

— Ваша оценка моральная, а не юридическая. Подобные мероприятия устраивают по всей стране.

— Да, — сказал преподобный Роуз, поднимаясь с кресла и как щит держа перед собой Библию. — Устраивают *католики*. Католики любят азартные игры. Я положу этому конец, шеф... гхм... Пэнгборн. С вашей помощью или без оной, но я сделаю это.

Алан тоже встал.

— Несколько замечаний, преподобный Роуз, — сказал он. — Не шеф, а шериф Пэнгборн. И еще: я могу диктовать вам, что говорить с амвона, не больше, чем диктовать, какие мероприятия следует проводить в его церкви отцу Бригему, или Дочерям Изабеллы, или посетителям Колумбус-холла, пока они не запрещены законами штата, и не иначе, но я *могу* предупредить вас, чтобы вы соблюдали осторожность, и полагаю, я обязан вас предупредить.

Роуз смерил его холодным взглядом и спросил:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы расстроены. Ваши люди повсюду расклеивают открытки — ладно. Письма в газете — хорошо. Но есть черта, которую переступать не следует. Мой вам совет, пусть все идет как идет.

— Когда... гхм... Иисус увидал блудниц и торговцев в... гхм... храме, шериф, он не сверялся ни с какими «Сводами законов». Когда... гхм... Иисус увидал этих носителей зла, бродящих по Дому Господню... гхм. Он не смотрел на какую-то там черту. Господь наш поступил так, как велело Ему... гхм... Его сердце!

— Да, — спокойно ответил Алан, — но вы ведь не он.

Роуз уставился на него пылающими как угли глазами, и Алан подумал: вот оно что, да он же просто чокнутый.

— Всего наилучшего, шеф Пэнгборн, — холодно произнес Роуз.

На этот раз Алан не стал поправлять его. Он лишь кивнул и протянул руку, прекрасно зная, что ее не пожмут. Роуз молча повернулся и зашагал к двери, по-прежнему прижимая к груди Библию.

— Пусть все идет как идет, преподобный Роуз, хорошо? — кивнул Алан ему вслед.

Роуз не обернулся. Он вышел и захлопнул за собой дверь с такой силой, что зазвенело оконное стекло. Алан уселся за стол и сдвинул виски ладонями.

Через несколько секунд Шейла Бригем осторожно приоткрыла дверь и просунула голову в кабинет.

— Алан?

— Он ушел? — спросил Алан, не поднимая глаз.

— Проповедник? Да. Вылетел отсюда, как мартовский ветерок.

— Уход Элвиса со сцены, — глухо пробормотал Алан.

— Что?

— Ничего, не обращай внимания. — Он поднял на нее глаза. — Мне бы сейчас какого-нибудь крутого наркотика. Слушай, Шейла, может, посмотришь, что там у нас есть среди вещдоков?

Она улыбнулась.

— Уже смотрела. Боюсь, там пусто. Чашка кофе сойдет?

Алан улыбнулся в ответ. Начался день, и он должен быть

удачнее нынешнего утра. Просто должен.

— Сойдет.

— Ну и отлично. — Она закрыла за собой дверь, и Алан наконец освободил свои руки из заточения. И очень скоро стаи черных птиц стали пролетать через кружок солнечного света на стене — от двери к окну.

7

По четвергам вторая половина дня в средней школе Касл-Рока посвящалась физкультуре. Поскольку Брайан Раск был отличником, которому не нужно было участвовать в тренировках, пока не пройдет жеребьевка к Зимним играм, ему разрешили в этот день уходить пораньше — это была справедливая поблажка за его поздние вторники.

В этот четверг он очутился за дверями, едва успев отзвенеть звонок на шестой урок. В его ранце лежали не только учебники, но еще и дождевик, который мать заставила накинуть сегодня утром, поэтому ранец смешно топорщился у него за спиной.

Он катил на велосипеде очень быстро, так что сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Ему нужно было кое-что сделать.

Отдать небольшой должок, чтобы отделаться. Вообще-то предстояла работенка довольно забавная. Теперь он знал, какая именно. Это стало ясно ему, когда он сидел и по своему обыкновению грезил наяву на уроке математики.

Как только Брайан миновал Касл-Хилл, катя по Скул-стрит, солнышко выглянуло из-за лохматых туч — впервые за весь день. Он глянул налево и увидел на мокрой мостовой мальчика-тень, катящего на велосипеде-тени.

«Придется тебе поторопиться, если хочешь сегодня за мной угнаться, парнишка-тень, — подумал он. — У меня полно дел, и надо всюду успеть».

Резво крутя педали, Брайан проехал деловую часть города, даже не взглянув через Мейн-стрит на «Самое необходимое» и тормозя лишь на перекрестках, чтобы кинуть беглый взгляд по сторонам и тут же устремиться дальше. Когда он добрался до пересечения Понд-стрит (которая была *его* улицей) и Форд-стрит, то свернул направо вместо того, чтобы ехать дальше, вверх по Понд-стрит до своего дома. На пересечении Форд-стрит и Уиллоу-стрит он свернул налево. Уиллоу шла параллельно Понд-стрит; задние дворики домов на обеих улицах почти смыкались, и в большинстве случаев их разделяли лишь дощатые заборчики.

Пит и Уилма Джерзик жили на Уиллоу-стрит.

Тут нужно было быть поосторожнее.

Но он знал, *как* соблюдать осторожность; он все обдумал по дороге из школы, и мысль так легко и просто пришла ему в голову, словно давно уже находилась там.

В доме Джерзиков было тихо, а дорожка возле дома оказалась пуста, но это еще не означало, что все пройдет спокойно и гладко. Брайан знал, что Уилма работает если не полную неделю, то хотя бы часть, в «Хемпхилл-маркете» на шоссе № 117, потому что сам видел, как она сидела там за кассовым аппаратом в своем вечно обмотанном вокруг головы шарфе; но это не значило, что она сейчас непременно там. Маленький, разбитый «юго», на котором она ездила, мог стоять в гараже Джерзиков.

Брайан подъехал к дому по дорожке, слез с велосипеда и поставил его на подножку. Теперь он слышал удары собственного сердца у себя в ушах и в горле. Стук сердца был похож на барабанную дробь. Он подошел к входной двери, повторяя в уме слова, которые произнесет, если окажется, что миссис Джерзик все-таки дома.

Здравствуйте, миссис Джерзик, я Брайан Раск, с другой стороны квартала. Я учусь в средней школе, и мы скоро будем продавать журнальные приложения, чтобы собрать деньги на новые костюмы для оркестра, вот я и обхожу жителей и спрашиваю, не нужны ли им журналы. Чтобы я мог зайти позже, уже с товаром. Если мы продадим много, нам обещают призы.

Когда он проговаривал это в уме, звучало неплохо; сейчас тоже все вроде казалось нормальным, но все равно он чувствовал себя скованно. Целую минуту он простоял на крыльце, прислушиваясь, стараясь уловить хоть какие-то звуки в доме — радио, какую-нибудь передачу по телевизору (конечно, не «Санта-Барбару»; ближайшие несколько часов никакой «Санта-Барбары» по ящику не будет), может быть, гул пылесоса. Он ничего не услышал, но это значило ничуть не больше, чем пустая подъездная дорожка.

Брайан позвонил в звонок. Где-то в глубине дома он услышал звяканье: «Динь-донг!»

В ожидании он стоял на крыльце, то и дело оглядываясь по сторонам — не засек ли его кто-нибудь, но Уиллоу-стрит, казалось, крепко спала. А дом Джерзиков был окружен изгородью. Это хорошо. Когда тебе предстоит совершить нечто, что люди — например, твоя мать или твой отец — явно не одобрили бы, изгородь — самое лучшее, что есть на свете.

Прошло еще полминуты, но никто не вышел. Пока все нормально, но... с осторожностью всегда лучше «пере...», чем «недо...». Он снова позвонил в звонок, нажав на этот раз дважды, и из дома послышалось: «Динь-донг! динь-донг!» По-прежнему все тихо.

Что ж, тогда ладно. Вроде все в порядке. На самом деле было довольно страшно и очень необычно.

Обычно там или необычно, а Брайан не мог удержаться от еще одного взгляда по сторонам — на сей раз вороватого, — когда затаскивал свой велик с по-прежнему опущенной подножкой в узкий проход между домом и гаражом. В этом пространстве, которое ребята из компании «Дик Перри — двери и отделочные работы» называли «ветродуй», Брайан снова поставил велосипед на подножку, а потом прошел на задний дворик. Сердце у него стучало сильнее прежнего. Порой у него начинал дрожать голос, когда сердце так колотилось. Он надеялся, что, если миссис Джерзик на заднем дворе сажает лук или еще что-нибудь, у него не дрогнет голос, когда он будет рассказывать ей про журнальные приложения. А то ведь она может заподозрить, что он говорит неправду. А это может привести к таким неприятностям, о которых даже думать не хотелось.

Он остановился позади дома. Ему была видна отсюда только часть заднего дворика Джерзиков. И вдруг это перестало казаться забавным. Вдруг это показалось довольно злой шуткой — не более того, но и никак не менее. Неожиданно в мозгу у него зазвучал рассудительный голос: «Почему бы тебе просто не сесть снова на велосипед, а, Брайан? И не вернуться домой. А там выпить чашку молока и все хорошенько обдумать».

Да. Мысль показалась очень неглупой и весьма *здравой*. Он уже начал поворачивать... как вдруг перед ним возникла картина, гораздо более явственная, чем внутренний голос: он увидел, как длинная черная машина — «кадиллак» или, быть может, «линкольн» — останавливается перед его домом. Дверца водителя распахивается, и выходит мистер Лиланд Гонт. Только мистер Гонт уже не в смокинге, как Шерлок Холмс в некоторых рассказах. На мистере Гонте, нарисованном воображением Брайана, строгий черный костюм — костюм директора похоронного бюро, а выражение его лица далеко от дружелюбного. В гневе его синие глаза кажутся еще темнее, а губы обнажают неровные зубы... но не в улыбке. Длинные, тонкие, похожие на ножницы ноги быстро проносят Гонта по дорожке к дому Расков, а тень, следующая за ним по пятам, похожа на висельника из фильма ужасов. Подойдя к двери, он не звонит, о нет, он просто вламывается внутрь. Если мать Брайана попытается остановить его, он оттолкнет ее в сторону. Если отец Брайана встанет у него на пути, он собьет его с ног. А если Шон, маленький брат Брайана, попробует помешать ему, он отшвырнет его через весь коридор, как бейсбольный мяч. Он взберется по лестнице, выкрикивая имя Брайана, и розы на обоях будут вянуть, как только тень Гонта коснется их.

«Он найдет меня, — подумал Брайан. Лицо мальчика побледнело. — Как бы я ни прятался. Даже если я убегу в Бомбей. Он найдет меня. А когда найдет...»

Он попытался избавиться от этой картины, выключить ее, но не смог. Он увидел, как глаза мистера Гонта растут, превращаясь в синие бездны. Он увидел, как длинные руки мистера Гонта со странными пальцами одинаковой длины превращаются в когтистые лапы и опускаются ему на плечи. Ощутил, как съезживается его кожа от их отвратительного

прикосновения. Услышал, как мистер Гонт ревет: «У тебя то, что принадлежит мне, Брайан, и ты не заплатил за это!»

«Я верну! — услышал он свой собственный вопль, обращенный к этому нависшему над ним страшному лицу. — Пожалуйста, ну пожалуйста, я верну, верну, только не делайте мне больно!»

Тут Брайан пришел в себя. Он был в похожем трансе во вторник, когда выходил из «Самого необходимого», только теперь эго чувство казалось вовсе не таким приятным, как тогда.

Он *не хотел* отдавать обратно вкладыш с Сэнди Кауфаксом, вот в чем было дело.

Он не хотел отдавать вкладыш, потому что вкладыш принадлежал *ему*.

8

Майра Эванс шагнула под тент «Самого необходимого», как раз когда сын ее лучшей подруги входил на задний дворик Уилмы Джерзик. Взгляд Майры, обернувшейся и оглядевшей Мейн-стрит, был еще более вороватым, чем взгляд Брайана, болтавшегося возле дома Джерзиков.

Если бы Кора, которая и в самом деле была ее лучшей подругой, узнала о том, что она пришла сюда и — что гораздо важнее — зачем, наверно, она никогда в жизни больше не стала бы разговаривать с Майрой. Потому что Кора тоже хотела этот портрет.

Не стоит мучить себя этим, подумала Майра. Два изречения пришли ей в голову, оба, казалось, идеально подходили к нынешней ситуации. Первое: кто первый приходит, первым получает. И второе: то, о чем она не знает, ее не заденет.

И все равно, отправившись в центр, Майра нацепила пару огромных темных очков «Фостер Грант». Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, — еще один мудрый совет.

Она медленно приблизилась к двери и стала изучать табличку с надписью:

ВТОРНИК И ЧЕТВЕРГ — ТОЛЬКО ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ЗАКАЗАМ

Майра ничего не заказывала. Она пришла сюда по внезапному импульсу: подтолкнул ее к этому действию телефонный звонок Кору минут двадцать назад.

— Я весь день об этом думала! Майра, я должна его иметь — мне надо было купить его в среду, но в сумочке у меня лежало всего четыре доллара и я не была уверена, что он возьмет чек. Ты же знаешь, как это *неловко*, когда у тебя не берут чек. С тех пор я не перестаю грызть себя. Я ночью буквально глаз не сомкнула. Я понимаю, ты скажешь, это страшно глупо, но это — *правда*.

Майра вовсе не думала, что это глупо, и прекрасно знала, что это правда, ибо сама почти не сомкнула глаз прошлой ночью. И со стороны Кору было неверным утверждать, что портрет должен принадлежать ей только потому, что она первая увидела его, — словно это давало ей какие-то преимущества или что-то в этом роде.

— И вообще я не верю, что она первая увидела его, — произнесла она тонким сердитым голоском. — Мне кажется, это я первая его заметила.

Как бы там ни было, а вопрос о том, кто первым увидел этот восхитительный портрет, был на самом деле спорным. *Бесспорным* же было то, что испытывала Майра, когда представляла себе, как она придет к Коре домой и увидит этот портрет Элвиса, висящий над каминной полкой, как раз между керамической статуэткой Элвиса и фаянсовой пивной кружкой с его изображением. Когда Майра думала об этом, ее желудок подымался куда-то под самое сердце и зависал там, разбухший, как мокрый ковер. Точно так же она чувствовала себя в первую неделю войны с Ираком.

Это несправедливо. У Кору было множество чудесных вещичек Элвиса, она даже один раз видела его живьем на концерте. Это случилось в Портлендском гражданском центре,

примерно за год до того, как Король был призван на небеса, где ему предстояло соединиться со своей нежно любимой мамочкой.

— Этот портрет должен быть моим, — пробормотала она и, собрав все свое мужество, постучалась в дверь.

Дверь открылась едва ли не раньше, чем Майра успела опустить руку, и узкоплечий мужчина, выходя, едва не сбил ее с ног.

— Прошу прощения, — пробормотал он, не поднимая головы, и она едва успела отметить для себя, что это был не кто иной, как мистер Константин, фармацевт из аптеки Лавердьера. Зажав в руках небольшой сверток, он быстро перешел улицу и, не оглядываясь, зашагал к городскому парку.

Когда она вновь повернулась к двери, мистер Гонт уже стоял на пороге и улыбался ей своими веселыми карими глазами.

— Я ничего не заказывала... — тонким голосом выдавила она. Брайан Раск, привыкший слышать, как Майра резким, уверенным тоном с апломбом произносит любые слова и фразы, в жизни не узнал бы этот голос.

— Вы закажете сейчас, дорогая леди, — произнес мистер Гонт с улыбкой и посторонился. — Добро пожаловать! Заходите, не стесняйтесь и оставьте здесь немного радости, которую вы принесли мне!

Украдкой оглядевшись напоследок и не заметив никого из знакомых, Майра Эванс торопливо вошла в магазин.

Дверь за ней захлопнулась.

Белая как у мертвеца рука с длинными пальцами протянулась в полумраке, нащупала свисавшее кольцо и опустила шторку на стекле.

9

Брайан не сознавал, что долго сдерживал дыхание, пока с шумом не выдохнул из себя полные легкие воздуха.

На заднем дворе Джерзиков никого не было.

Уилма, без сомнения, вдохновленная разгулявшейся погодой, развесила перед уходом на работу, или куда она там отправилась, выстиранное белье. Оно трепыхалось от ветерка на трех веревках, сверкая белизной в лучах выглянувшего солнца. Брайан подошел к задней двери и, приставив ладони к лицу, чтобы не мешало отражение, заглянул через стекло внутрь. Его взору предстала пустая кухня. Он стал раздумывать, не постучаться ли еще раз, но решил, что это лишь еще один предлог, чтобы не сделать то, зачем он сюда пришел. В доме никого не было. Самое лучшее — покончить с этим делом как можно быстрее и поскорей убраться подальше.

Он медленно спустился с крыльца на задний двор Джерзиков. Бельевые веревки, провисшие под тяжестью рубашек, штанов, нижнего белья, простыней и наволочек, были в левой части двора. А с правой стороны открывался вид на маленький огород, где росли овощи — все очень ухоженные, кроме нескольких хилых тыкв. Дальний конец двора украшал забор из сосновых досок. Брайан знал, что с другой стороны к нему примыкают владения Хаверхиллов — всего за четыре дома от его собственного.

Сильный дождь прошлой ночью превратил огород в месиво грязи; почти все тыквы наполовину утонули в лужицах. Брайан нагнулся, набрал в каждую руку по полной пригоршне мокрой темно-коричневой земли и подошел к бельевой веревке со стекающими между пальцев струйками грязной жижи.

По всей длине ближней к огороду веревки сушились простыни, они были еще сыроватые, но быстро сохли, издавая на прохладном ветерке ленивые хлопки и сверкая идеальной белизной.

«Давай, — шепнул у него в мозгу голос мистера Гонта. — Давай, Брайан, не трусь — вперед, как Сэнди Кауфакс! Давай же!»

Брайан замахнулся, подняв руки над плечами ладонями к небу. Он ничуть не удивился, ощутив у себя эрекцию, как в том сне, и был рад, что не струсил и не сбежал. Это будет *забавно*.

Он резко выбросил обе руки вперед. Грязь слетела с ладоней длинными коричневыми комками и веерами легла на простыни, оставив на них длинные, извилистые потеки.

Он вернулся в огород, набрал еще две пригоршни грязи и снова швырнул их в простыни; потом — еще раз и еще. Его охватил дикий азарт, почти бешенство. Он быстро сновал взад и вперед, набирая и швыряя грязь.

Он занимался бы этим весь день, если бы не услышал чей-то крик. Сначала он решил, что кто-то кричит на него. Он съежился, втянул голову в плечи и издал короткий жалобный писк. Но потом до него дошло, что это просто миссис Хаверхилл зовет свою собаку по другую сторону забора.

Все равно пора было уносить отсюда ноги. И быстро. Все-таки он задержался на мгновение — посмотреть на то, что натворил, и испытал мимолетный приступ стыда и неловкости.

Простыни загородили почти всю остальную одежду, но сами они были все покрыты грязной жижей. На них осталось лишь несколько небольших белых пятен, по которым можно было определить их натуральный цвет.

Брайан взглянул на свои покрытые грязью руки и торопливо направился за угол дома, где торчала водопроводная труба с краном. Воду еще не перекрыли, и когда он повернул ручку, из трубы потекла холодная струя. Он тер руки, пока с них не сошла вся грязь, в том числе и из-под ногтей, не обращая внимания на ледящий холод струи. Он даже подставил под кран манжеты своей рубашки.

Потом он завернул кран, вернулся к своему велосипеду, снял его с подножки и провел вниз по дорожке. Он пережил один страшный момент, когда увидел приближающуюся маленькую желтую машину, но это оказался «сивик», а не «юго». Она проехала, не притормозив, а водитель не обратил внимания на маленького мальчишку, вцепившегося красными, потрескавшимися руками в руль велосипеда на подъездной дорожке к дому Джерзиков — мальчишку, у которого фонарем на лбу горела надпись: «ВИНОВАТ!»

Когда машина скрылась из виду, Брайан оседлал свой велик и принялся что есть силы крутить педали. Он не останавливался, пока не очутился на дорожке у собственного дома. Руки у него к этому времени уже отошли от холода, но еще ныли и... по-прежнему были красными.

Когда он вошел, его мать крикнула из комнаты:

— Это ты, Брайан?!

— Да, ма, — ответил он.

То, что он совершил на заднем дворе Джерзиков, уже казалось ему каким-то нереальным — словно просто приснилось. Ну конечно же, не мог этот мальчик, вошедший на залитую солнцем кухню, мальчик, подходящий сейчас к холодильнику и вынимающий оттуда молоко, быть тем самым парнем, который закидал грязью простыни Уилмы Джерзик.

Конечно, нет.

Наливая себе стакан молока, он рассматривал свои руки. Они были чистыми. Покрасневшими, но чистыми. Он убрал молоко обратно в холодильник. Сердце у него успокоилось и билось в нормальном ритме.

— Все ли ладно сегодня в школе, а, Брайан? — послышался голос Кору.

— Нормально.

— Хочешь посмотреть со мной телек? Скоро начнется «Санта-Барбара», а сейчас идут «Поцелуй Херши».

— Конечно, — сказал он, — только я сначала поднимусь наверх на пару минут.

— Не оставляй там стакан от молока! Оно засыхает, противно пахнет, и его потом уже не отмоешь в посудомойке!

— Я принесу его вниз, ма.

— Уж будь любезен!

Брайан поднялся наверх и полчаса просидел за письменным столом, мечтательно уставясь на вкладыш с Сэнди Кауфаксом. Когда вошел Шон — спросить, не хочет ли он сходить с ним в магазин на углу, — Брайан с треском захлопнул свой бейсбольный альбом и велел брату уораться вон из его комнаты и не возвращаться, пока он не научится стучаться в дверь, прежде чем войти. Он слышал, как Шон заплакал, стоя в коридоре, но не испытал никакого сочувствия.

В конце концов надо уметь вести себя прилично.

10

*Дал привратник вечеринку в окружной тюрьме,
Весь оркестрик заплясал, воры да бродяги,
Вся тюремная капелла стала выть в отпаде,
Надрывали глотки все, словно на параде!*

Король стоит, расставив ноги, его голубые глаза блестят, подрагивают «колокольчики» на штанах его белого спортивного костюма. Хрусталинки в прожекторах над головами вспыхивают разноцветными огнями. Прядь иссиня-черных волос падает ему на лоб. Микрофон — у самого рта, но не так близко, чтобы Майра не могла рассмотреть чувственный изгиб его верхней губы.

Ей видно буквально все. Она — в самом первом ряду.

И вдруг, когда обрывается один пассаж, он протягивает руку, протягивает руки ЕЙ, точь-в-точь как Брюс Спрингстин (которому никогда и близко не сравниться с Королем, как бы он ни старался) протягивает руку той девчонке в видеоклипе «Танцы в темноте».

На какое-то мгновение она слишком изумилась, чтобы сделать что-нибудь, даже просто шевельнуться, а потом чьи-то руки сзади выталкивают ее вперед, и ЕГО рука обхватывает ее запястье, ЕГО рука вытаскивает ее на сцену. Она чувствует ЕГО запах — смесь пота, «Английской кожи» и горячего тела.

В следующее мгновение Майра Эванс — уже в объятиях Элвиса Пресли.

Атлас его спортивного костюма шуршит под ее ладонями. Мускулистые руки обнимают ее. Это лицо, ЕГО лицо, лицо Короля всего лишь в нескольких дюймах от ее лица. Он танцует с ней, они — пара; Майра Жозефина Эванс из Касл-Рока, штат Мэн, и Элвис Арон Пресли из Мемфиса, штат Теннесси! Они двигаются, обнявшись в танце, по широкой сцене, перед глазами четырех тысяч ревуших поклонников, скандирующих, как иорданцы, тот смешной припев пятидесятых: «Рок-рок, все танцуем рок...»

Его бедра тесно прижимаются к ней; она чувствует нарастающее напряжение в самом его центре, трущемся о ее живот. Потом он крутит ее, юбка на ней взмывается вверх, обнажая все ноги, вплоть до трусиков «Секрет Виктории», ее рука скользит внутрь его ладони так легко, словно горячий нож в масло, а потом он снова дергает ее к себе, и его рука скользит у нее по спине, к ягодицам, обнимая и прижимая все крепче и крепче. На мгновение ее взгляд падает вниз, и там, под прожекторами на сцене, она видит пляшущую вверх Кору Раск. Лицо Кору искажено от зависти и черной злобы.

Потом Элвис поворачивает ее лицо к себе и произносит своим сладким, как сироп, голосом с южным говором: «Отчехо бы нам не хлянуть друх на дружку, а, храсотка?»

И прежде чем она успевает ответить, его полные губы впиваются в ее рот; весь мир заполняется его запахом, прикосновением его тела. Потом неожиданно его язык оказывается у нее во рту — Король рок-н-ролла целует ее в засос на глазах у Кору и всего света! Он снова крепко прижимает ее к себе, и, когда труба выдает очередной ревуший всплеск, она чувствует, как жар начинает полыхать у нее между ног. О-о, никогда в жизни у нее так не было, даже там, на Касл-Лейк, с Эйсом Мерриллом, тысячу лет назад. Она хочет крикнуть, но его язык затыкает ей рот, и она может лишь запустить ногти в его гладкую атласную

спину, изо всех сил прижимаясь к нему ляжками, пока труба выводит «Мою дорогу».

11

Мистер Гонт сидел в одном из своих плюшевых кресел, с клинической беспристрастностью наблюдая за тем, как Майра Эванс корчится в оргазме. Крепко зажав в руках портрет Элвиса, она вся дрожала, как женщина в нервическом припадке: глаза закрыты, ноги то сводит напряжение, то отпускает. Прическа утратила форму, волосы растрепались и напоминали не очень приглядный колпак. По ее двойному подбородку струился пот, почти как у самого Элвиса, когда он тяжело передвигался по сцене во время последних концертов.

— О-oooooooo! — кричала Майра, трясясь, как кусок желе на тарелке. — О-ooo! О-о-о-о, Боже мой! О-о-о-о, Бо-о-о-же!

О-о-о-о!..

Большим и указательным пальцами мистер Гонт лениво дернул стрелку своих широких брюк, придал ей прежнюю остроту, как у лезвия бритвы, а потом наклонился и выхватил портрет из рук Майры.

Ее глаза моментально раскрылись, и из них выплеснулось отчаяние. Она попыталась схватить портрет, но уже не смогла до него дотянуться. Она начала подниматься на ноги.

— Сядьте, — сказал мистер Гонт.

Майра застыла, как будто в момент вставания неожиданно обратилась в камень.

— Майра, если вы хотите еще когда-нибудь увидеть эту картину, *сядьте на место!*

Она опять уселась, уставясь на него взглядом, исполненным немых страданий. Большие пятна пота выползали у нее из-под мышек по обеим сторонам груди.

— Пожалуйста, — произнесла она. Слово вылетело так тихо и хрипло, будто звук ветерка в пустыне. Она с мольбой вытянула руки.

— Назовите мне цену, — предложил Гонт.

Она задумалась. Глаза на потном лице вытаращились.

— Сорок долларов! — выкрикнула она.

Он засмеялся и покачал головой.

— Пятьдесят!

— Невероятно. Майра, наверно, вы не так уж хотите иметь эту картинку.

— Хочу! — Слезы выступили в уголках ее глаз, побежали по щекам и слились с каплями пота. — Хочу-ууу!

— Ладно, — сказал он. — Вы хотите ее. Я принимаю это на веру. Но нужна ли она вам, а, Майра? Нужна ли она вам по-настоящему?

— Шестьдесят! Это все, что у меня есть! До последнего цента!

— Майра, похож я, по-вашему, на ребенка?

— Нет...

— А мне кажется, похож. Я старый человек — намного старше, чем вы бы поверили; я, с позволения сказать, хорошо сохранился, но вы, по-моему, точно принимаете меня за дитя, которое способно поверить, будто у женщины, живущей в новеньком двухэтажном доме, меньше чем в трех кварталах от Касл-Вью, есть лишь шестьдесят долларов.

— Вы не понимаете! Мой муж...

Мистер Гонт встал с портретом в руках. Радужно улыбающегося человека, посторонившегося, чтобы пропустить ее в магазин, как не бывало.

— У вас ведь не было никакого предварительного заказа, верно, Майра? Не было. И впустил я вас только по своей душевной доброте, но теперь, боюсь, мне придется попросить вас уйти.

— Семьдесят! Семьдесят долларов!

— Вы оскорбляете меня. Пожалуйста, уходите.

Майра упала перед ним на колени. Она давилась и захлебывалась в рыданиях. Ползая

перед ним, она ухватила за его икры.

— Пожалуйста! Прошу вас, мистер Гонт! Я должна иметь этот портрет! Должна! Он делает такое... Вы не понимаете, что он *делает!*

Мистер Гонт взглянул на изображение Элвиса, и на лице его мелькнула брезгливая неприязнь.

— Не думаю, что мне хотелось бы это знать, — проговорил он. — Слишком... потно...

— Но если она обойдется дороже семидесяти долларов, мне придется выписать чек. Чак узнает... Он захочет узнать, на что я потратила их, и, если я скажу ему, он... он...

— Это, — заявил мистер Гонт, — не мои проблемы. Я владелец магазина, а не брачный консультант. — Он смотрел на нее сверху вниз, обращаясь к потному затылку. — Я уверен, что кто-нибудь другой — например, миссис Раск — сможет позволить себе оплатить свою необычайную страсть к покойному мистеру Пресли.

При упоминании о Коре голова Майры тут же вскинулась вверх. Глаза ее походили на тускло мерцающие огоньки в глубоких коричневых впадинах. Зубы обнажились с глухим рыком. В этот момент она выглядела совершенно обезумевшей.

— Вы продадите это *ей*? — прошипела она.

— Я уважаю свободную торговлю, — сказал мистер Гонт. — Она сделала эту страну великой. Я бы настоятельно попросил вас отцепиться от меня, Майра. Ваши руки просто истекают потом. Мне придется отдать эти брюки в чистку, да и то я не уверен...

— Восемьдесят! Восемьдесят долларов!

— Ровно вдвое больше, — сказал мистер Гонт. — Сто шестьдесят долларов. — Он ухмыльнулся, обнажив свои большие неровные зубы. — И вот что, Майра... Ваш личный чек меня вполне устроит.

Она издала вопль отчаяния.

— Я не могу! Чак *убьет* меня!

— Возможно, — пожал плечами мистер Гонт, — но вы будете умирать за «эй-эй, жгучая любовь», разве нет?

— Сотня, — простонала Майра, снова хватая его за икры, когда он сделал шаг в сторону. — Пожалуйста, сто долларов.

— Сто сорок, — сбавил Гонт. — Меньше уже невозможно. Это мое последнее предложение.

— Ладно, — выдохнула Майра. — Ладно... Хорошо... Я заплачу.

— И, конечно, вам придется кое-куда чмокнуть меня, — ухмыльнулся Гонт, глядя на нее сверху вниз.

Она подняла на него взгляд, и ее рот принял очертания буквы О.

— Что вы сказали? — прошептала она.

— Полизать меня! — рявкнул он на нее. — Взять в рот! Раскрыть этот твой забитый железом рот и *пососать мой конец!*

— О, Боже мой! — простонала Майра.

— Не хотите — как хотите, — сказал мистер Гонт, начиная отворачиваться.

Она ухватила за него, прежде чем он успел отойти. В следующее мгновение ее трясущиеся руки пытались справиться с его ширинкой. Он дал ей повозиться там несколько секунд, а потом отбросил ее руки прочь.

— Забудьте об этом, — буркнул он. — От орального секса у меня случается амнезия.

— Что-что?..

— Не обращайтесь внимания, Майра. — Он протянул ей портрет. Она простерла к нему руки, ухватила его и прижала к груди. — Однако есть еще одна вещь.

— Какая?.. — прошипела она.

— Вы знаете человека, который держит бар по другую сторону Жестяного моста?

Глаза ее опять стали полны ужаса, она начала было отрицательно мотать головой, как вдруг сообразила, кого он имеет в виду.

— Генри Бюфорт?

— Да. Полагаю, ему также принадлежит заведение под названием «Пьяный тигр». Довольно интересное название.

— Ну, я с ним не знакома, но... думаю, знаю, кто он такой. — Она в жизни никогда не была в «Пьяном тигре», однако, как и все в округе, прекрасно знала, кто владелец этого бара.

— Да. Речь идет о нем. Я хочу, чтобы вы сыграли маленькую шутку с мистером Бюфортом.

— Какую... Что за шутку?

Гонт наклонился, взял Майру за потную ладонь и помог ей подняться на ноги.

— А вот это, — сказал он, — мы можем обсудить, пока вы будете выписывать чек, Майра. — И он улыбнулся. Улыбка возвратила его лицу обычное обаяние. В карих глазах Гонты искрились и плясали огоньки. — Кстати, не хотите ли получить ваш портрет в подарочной упаковке?

Глава 5

1

В закускойной «У Нэнси» Алан уселся за столик напротив Полли и сразу понял, что артрит ее по-прежнему донимает — настолько, что она приняла перкодан днем, а это случалось нечасто. Он понял это сразу, не успела она еще открыть рот, — ее выдали глаза. Что-то в них было. Какой-то блеск. Он был ему уже знаком, но... очень не нравился. И вряд ли когда-нибудь понравится. Он задумался, уже не в первый раз, не пристрастилась ли она к этому зелью. Он полагал, что в случае с Полли такое пристрастие станет лишь еще одним побочным эффектом — чем-то, чего следует ожидать, а потом зафиксировать и приплюсовать к главной проблеме, заключающейся, попросту говоря, в том, что она постоянно жила с такой болью, какую он, наверно, никогда себе не сможет представить.

Его голос не выдал ни одной из этих мыслей, когда он спросил:

— Ну, как у тебя дела, красавица?

Она улыбнулась.

— Денек был интересный. Оччень антиресненъкий, как говорил тот парень в «Смейтесь, смейтесь».

— Ты не так стара, чтобы помнить это.

— Именно так. Алан, кто это?

Он повернулся, следуя за ее взглядом, как раз вовремя, чтобы заметить проходившую мимо широкого окна закускойной женщину с прямоугольным пакетом в руках. Взор ее был устремлен прямо перед собой, и шедший ей навстречу мужчина был вынужден торопливо вильнуть в сторону, чтобы избежать столкновения. Алан быстро пролистал в уме список имен и лиц, застрявший на задворках его памяти, и вытащил нужное, как выразился бы Норрис, влюбленный в полицейский жаргон, «досье».

— Эванс. Мейбл, или Мейвис, или что-то в этом роде. Ее муж — Чак Эванс.

— Она выглядит так, словно только что выкурила порцию отличной «травки», — сказала Полли. — Я ей завидую.

Сама Нэн Робертс подошла к ним, чтобы принять заказ. Она была одной из воительниц-баптисток Уильяма Роуза и нацепила сегодня на левую грудь маленький желтый значок. Он был уже третьим, увиденным Аланом за сегодняшнее утро, и шериф догадывался, что ему предстоит увидеть еще множество таких в ближайшие недели. На значке был изображен игровой автомат в черном кружке, перечеркнутый красной линией. Никакой надписи — отношение владельца значка к Ночи Казино читалось без всяких слов.

Нэн была женщиной средних лет с обильными телесами и слащавым хорошеньким личиком, навевавшим мысли о Мамошке и Яблочном Пироге. Яблочный пирог у Нэн был отменный, о чем прекрасно знал и Алан, и все его заместители, особенно с большой трубочкой ванильного мороженого, чуть подтаявшего сверху. О Нэнси можно было легко

судить по ее личику, но очень многие деловые люди — по большей части имеющие дело с недвижимостью, — давно пришли к выводу, что делать этого не стоит. За сладким личиком помещался компьютер, а за материнскими телесами, там, где должно было быть сердце, — кипа бухгалтерских счетов. Нэн принадлежал очень большой кусок Касл-Рока, включавший в себя по меньшей мере пять деловых зданий на Мейн-стрит, и, после того как Папаша Меррилл сошел в могилу, она, по мнению Алана, была одной из самых богатых жительниц города.

Нэн напоминала ему одну мадам в публичном доме, которую он как-то арестовал в Утике. Та предложила ему взятку, а когда он отказался, употребила все силы, чтобы вышибить ему мозги птичьей клеткой. В тот момент обитатель клетки, ободранный попугай, произносивший время от времени угрюмым задумчивым голосом: «Видал я твою мамашу, Фрэнк», — находился в своем жилище. Порой, когда Алан замечал, как у Нэн между глаз собираются вертикальные морщинки, он чувствовал, что она вполне способна на нечто подобное. И он считал вполне естественным, что Нэн, которая теперь почти ничего не делала кроме того, что сидела за кассой, сама подошла принять заказ у окружного шерифа.

— Привет, Алан, — сказала она. — Тыщу лет тебя не видела! Где ты пропадал?

— И там, и тут, — ответил он. — Крутился неподалеку, Нэн.

— Ну, ты крутись, а старых друзей не забывай. — Она одарила его лучистой материнской улыбкой. Немало нужно провести времени рядом с Нэн, промелькнуло в голове у Алана, прежде чем начнешь подмечать, как редко эта улыбка доходит до ее глаз. — Хоть иногда, да заглядывай к нам.

— Слушаюсь! И повинуюсь! — сказал он.

Нэн разразилась столь громким и продолжительным смехом, что люди у стойки — в основном лесорубы — стали оглядываться по сторонам. А потом, подумал Алан, они будут рассказывать своим друзьям, что видели, как Нэн Робертс и шериф смеялись и болтали как лучшие друзья.

— Кофе, Алан?

— Да, пожалуйста.

— Как насчет куска пирога к нему? Домашнего — яблочки прямо из шведской оранжереи «Мак-Шерри». Вчера только собраны.

«Хорошо, она хоть не пытается вкручивать нам, что сама собирала их», — подумал Алан.

— Нет, спасибо.

— Уверен? А вы, Полли?

Полли отрицательно покачала головой. Нэн пошла за кофе.

— Не очень она тебе нравится, да? — вполголоса спросила Полли.

Он обдумал эти слова, слегка удивившись — «нравится — не нравится» как-то не приходило ему в голову.

— Нэн? Да нет, она ничего. Просто, если мне это удастся, я стараюсь узнать, каковы люди на самом деле.

— И чего они на самом деле хотят?

— Это чертовски трудно определить, — смеясь, ответил он. — С меня достаточно, когда я знаю, что они намереваются сделать.

Она улыбнулась — ему нравилось вызывать у нее улыбку — и сказала:

— Алан Пэнгборн, мы скоро сделаем из тебя янки-философа.

Он легонько дотронулся до ее руки в перчатке и улыбнулся в ответ.

Вернулась Нэн с порцией черного кофе в толстой белой чашке и тут же отошла. Одно можно сказать о ней наверняка, подумал Алан, она точно знает, где проходит грань, за которой пора закончить обмен фамильярностями. А это знает далеко не каждый человек с интересами и амбициями Нэн.

— А теперь, — сказал Алан, прихлебывая свой кофе, — расскажи мне сказку о твоём интересном дне.

И она рассказала ему со всеми подробностями о том, как они с Розали Дрейк увидели сегодня утром Нетти Кобб, как Нетти дрожала перед «Самым необходимым» и как она наконец набралась смелости войти туда.

— Это просто замечательно, — сказал он на полном серьезе.

— Да, но... это еще не все. Она вышла оттуда с *покупкой!* Я никогда не видела ее такой радостной и такой... оживленной, как сегодня. Точно — оживленной. Ты же знаешь, она всегда как в воду опущенная.

Алан кивнул.

— Ну вот. У нее прямо розы расцвели на щеках. Волосы растрепались, и она даже пару раз рассмеялась.

— Ты уверена, что они занимались только делами? — спросил он и сделал большие глаза.

— Не валяй дурака, — поморщилась Полли так, словно сама не говорила Розали то же самое. — Как бы там ни было, она подождала снаружи, пока ты не ушел, — я так и знала, что она это сделает, — а потом вошла и показала нам, что купила. Знаешь, у нее есть маленькая коллекция кварцевого стекла?

— Нет. Парочка вещиц в этом городе ускользнула от моего недремлющего ока. Хочешь верь, хочешь нет.

— У нее с полдюжины предметов. Главным образом остались от матери. Она говорила мне как-то, что их было больше, но некоторые разбились. Словом, они ей очень нравятся, и представляешь, он продал ей самый красивый абажур из кварцевого стекла, что я видела в своей жизни. Сначала я даже подумала, что это «Тиффани». Конечно же, нет — просто не может быть. Нетти никогда не могла бы себе позволить купить настоящий «Тиффани», но... Он удивительно хорош.

— Так сколько же она заплатила?

— Я ее не спрашивала. Но ручаюсь, в каком бы чулке она ни хранила свои деньги на булавки, сегодня он пуст.

Он слегка нахмурился.

— Ты уверена, что ее не надули на этом?

— Ох, Алан... неужели ты должен все время подозревать кого-то? Может, Нетти и не хватает звезд с небес, но в своем кварцевом стекле она маху не даст. Она сказала, что здорово торговалась, и, похоже, так оно и было. Это принесло ей столько радости.

— Что ж, это отлично. Просто билетик.

— Прости?..

— Так назывался магазинчик в Утике, — пояснил он. — Давным-давно. Я был еще мальчишкой. «Просто билетик».

— А там был *твой* билетик? — поддразнила она его.

— Не знаю. Я так и не зашел туда.

— Ну что ж, — сказала она, — похоже, наш мистер Гонт полагает, что у него может быть мой.

— Что ты имеешь в виду?

— Нетти принесла мою коробку из-под пирога, и там внутри лежала записка. От мистера Гонга. — Она подтолкнула ему по столу свою сумочку. — Взгляни... мне сегодня трудновато открывать ее.

Он на мгновение забыл о сумочке.

— Плохо, да, Полли?

— Плохо, — просто сказала она. — Бывало хуже, но я не хочу тебе лгать: многим хуже еще не было... Всю эту неделю, с тех пор как поменялась погода.

— Ты собираешься сходить к доктору Ван Аллену?

Она вздохнула.

— Пока нет. Я все жду передышки. Каждый раз, когда становится так плохо, как сейчас, стоит мне подумать, что я в любую минуту могу сойти с ума, сразу немного отпускает. По

крайней мере так всегда было раньше. Думаю, настанет время, когда передышки уже не будет. Если к понедельнику не полегчает, я пойду к нему. Но все, что он может, это выписывать рецепт за рецептом. Алан, я бы не хотела стать наркоманкой, если только это в моих силах.

— Но...

— Хватит, — мягко перебила она. — Хватит на сегодня, ладно?

— Ладно, — не очень охотно отступился он.

— Взгляни на записку. Она очень любезная и... довольно милая.

Он расстегнул ее сумочку и увидел тонкий конверт, лежащий на чековой книжке. Бумага была высшего качества, очень приятная на ощупь. Спереди на нем было выведено от руки: Мисс Полли Чалмерз — таким старомодным почерком, что казалось, это запись из какого-то древнего альбома.

— Этот стиль называется каллиграфией, — восхищенно заметила она. — По-моему, его перестали преподавать вскоре после эры динозавров.

Он вытащил из конверта ровно обрезанный листок почтовой бумаги, на котором сверху было напечатано:

«САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ»

Касл-Рок, штат Мэн Лиланд Гонт, владелец

Почерк на листке был не так каллиграфичен, как на конверте, но все же и на нем, и на самом стиле письма лежала приятная печать старомодности.

Дорогая Полли!

Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за дьявольски вкусный пирог. Он был просто восхитителен! Также позвольте выразить Вам благодарность за Вашу доброту и предупредительность — полагаю, Вы прекрасно понимали, как я должен волноваться и переживать в день открытия, да еще не в сезон.

Есть у меня одна небольшая вещичка — она еще не успела прибыть, но ее вот-вот должны прислать с прочими товарами авиапочтой, — которая, надеюсь, может Вас заинтересовать. Я не хочу пока говорить большего; предпочел бы, чтобы Вы взглянули на нее сами. Разумеется, это не более чем суеверие, но я подумал о ней в тот самый момент, когда Вы ушли, а, должен сказать, за долгие годы моя интуиция меня подводила крайне редко. Я надеюсь, она прибудет в пятницу или в субботу. Если Вас не затруднит, почему бы Вам не заглянуть ко мне в воскресенье днем? Я буду у себя на протяжении всего дня — предстоит сортировка товара, — и был бы очень рад показать ее Вам. Большого мне бы сейчас не хотелось рассказывать; вещь сама или скажет, или не скажет за себя. По крайней мере позвольте мне хотя бы отплатить Вам за доброту чашкой чаю!

Надеюсь, Нетти довольна своим новым абажуром. Она очень милая леди, и абажур, кажется, доставил ей удовольствие.

Искренне Ваш Лиланд Гонт.

— Загадочно! — сказал Алан, кладя письмо обратно в конверт, а конверт в ее сумочку. — Будешь отрабатывать версию, как в таких случаях мы пишем в полицейских отчетах?

— При таком обращении, да еще посмотрев на абажур Нетти, как я могу отказаться? Да, я думаю, что зайду... если позволит здоровье. Хочешь пойти со мной, Алан? Может, мы купим что-нибудь и тебе тоже.

— Не исключено. Но, может, мне лучше посидеть и поглядеть на «Патриотов»? Должны же они в конце концов выиграть хоть одну встречу.

— Алан, ты выглядишь усталым. У тебя круги под глазами.

— Такой уж выдался денек. Начался он с того, что мне едва удалось растащить главного выборного и одного из моих замов. Они сцепились в мужской уборной и едва не

пустили друг другу кровь.

Она озабоченно нахмурилась.

— О чем ты?!

Он рассказал ей о стычке между Китон и Норрисом Риджвиком, закончив тем, как странно выглядел Китон — его словечко «преследование» весь день вертелось в голове шерифа. Когда он закончил, Полли долго молчала.

— Ну, — спросил он наконец, — что скажешь? Что ты думаешь по этому поводу?

— Я думала, что пройдет еще немало лет, прежде чем ты узнаешь о Касл-Роке все, что тебе нужно о нем знать. Наверно, это относится и ко мне тоже — меня долгое время здесь не было, я не распространяюсь о том, где я была и что вышло из моей «небольшой трудности», и, я думаю, в городе полно людей, которые мне не доверяют. Но ты, Алан, способен собирать факты и умеешь держать их в голове. Знаешь, на что это было похоже, когда я вернулась обратно в Рок?

Заинтересовавшись, он покачал головой. Полли — даже с ним — была не из тех женщин, что любят копаться в своем прошлом.

— Это было все равно как настроить телик на мыльную оперу, которую давно бросила смотреть. Даже если не смотрела ее несколько лет, все равно тут же узнаешь людей и их проблемы, потому что они на самом деле никогда не меняются. Смотреть заново такой сериал — это все равно что сунуть ноги в старую удобную пару туфель.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что здесь полным-полно мыльнооперных историй, о которых ты еще не успел услышать. Скажем, ты знал, что дядя Дэнфорда Китона лежал в Джанипер-Хилл примерно тогда же, когда там была Нетти?

— Нет.

Она кивнула.

— Когда ему было около сорока, у него начались психические расстройства. Моя мать часто повторяла, что Билл Китон — шизофреник. Я не знаю, правильный ли это термин или одно из тех словечек, которые мама чаще других слышала по телику, но что-то с ним было неладно — это уж как пить дать. Я помню, как он хватал людей на улице и начинал задираť то по одному поводу, то по другому — был там и национальный долг, и отъявленный коммунист Джон Кеннеди, и я не знаю, что еще. Я тогда была совсем маленькой. Но я боялась его, Алан...

— Ну, еще бы.

— Иногда он бродил по улице с опущенной головой, громко и неразборчиво разговаривая сам с собой. Мать велела мне никогда не болтать с ним, когда он такой, даже если он идет в церковь и нам с ним по пути. В конце концов он пытался застрелить свою жену. Или так, во всяком случае, я слышала, но ты же знаешь, как искажают все слухи и сплетни. Может, он только и сделал, что замахнулся на нее своим армейским револьвером. Как бы там ни было, но этого оказалось достаточно, чтобы он угодил в окружную тюрьму. Состоялось что-то вроде предварительного слушания, и, когда оно закончилось, его отправили в Джанипер-Хилл.

— И он все еще там?

— Он умер. Как только его госпитализировали, рассудок у него стал угасать очень быстро. Умирал он уже в полном ступоре.

— О Господи.

— Но это еще не все. Ронни Китон, отец Дэнфорда и брат Билла Китона, в середине семидесятых провел четыре года в психиатрическом отделении клиники в Тогусе. Теперь он в алzheimerском доме престарелых. И еще была тетка или кузина — я точно не помню, — которая покончила с собой в пятидесятых, после какого-то скандала. Точно не знаю, что там было, но однажды я где-то слышала, что дамы ей нравились чуточку больше, чем мужчины.

— То есть ты хочешь сказать, что у них это семейное, да?

— Нет, — возразила она. — Здесь нет ни вывода, ни морали. Я просто немного знаю ту

историю этого города, которой не знаешь ты, — вот и все. Разные мелкие подробности вроде того, что нельзя переговариваться во время торжественной речи в городском парке Четвертого июля. Я просто пересказываю их как есть. А делать выводы — работа полицейских.

Последнее она произнесла так чопорно-официально, что Алан засмеялся, но... Положение складывалось непростое. Может ли безумие передаваться по наследству? На курсе психологии в высшей школе его учили, что это бабушкины сказки. Годы спустя в полицейской академии в Олбани лектор говорил, что передается или по крайней мере в отдельных случаях может передаваться: некоторые психические заболевания можно проследить в семейной родословной так же ясно, как физические приметы вроде голубых глаз или родинок. В качестве примера он, кажется, приводил алкоголизм. Говорил ли он что-нибудь о шизофрении? Алан не мог вспомнить. Слишком много лет прошло с тех пор.

— Похоже, мне стоит порасспросить кого-нибудь про Зануду, — мрачно сказал Алан. — Знаешь, Полли, скажу честно, мысль о том, что главный выборный Касл-Рока может превратиться в живую ручную гранату, меня как-то не очень вдохновляет.

— Она и не должна вдохновлять. И, возможно, дело тут совершенно не в этом. Просто я подумала, что тебе это следует знать. Люди здесь станут отвечать на вопросы, если... если ты знаешь, какие вопросы нужно задать. А если не знаешь, они с удовольствием будут смотреть, как ты ходишь вокруг да около, и не вымолвят ни слова.

Алан усмехнулся. Это была правда.

— Ты еще не все выслушала, Полли... Когда ушел Зануда, меня посетил преподобный Уилли. Он...

— Тс-ссс, — так яростно зашипела Полли, что Алан удивленно замолк. Она огляделась вокруг, убедилась, что их разговор никто не подслушивает, и снова повернулась к Алану. — Алан, ты иногда просто приводишь меня в отчаяние. Если ты не научишься быть хоть немного благоразумным, через два года тебя вышвырнут, как кутенка, из списков баллотируемых, и... ты будешь только сконфуженно усмехаться и повторять: «А что случилось?» Тебе нужно быть очень осторожным. Если Дэнфорд Китон — ручная граната, то этот человек — тяжелая торпеда.

Он наклонился к ней поближе и сказал:

— Никакая он не торпеда. Он обыкновенный чванливый маленький засранец, вот и все.

— Ночь Казино?

Он кивнул. Она накрыла его ладони своими.

— Бедняжка ты. А с виду — такой маленький сонный городок, если смотреть со стороны, правда?

— Обычно он такой и бывает.

— Уилли здорово бесился?

— О да, — вздохнул Алан. — Это был мой второй диалог с преподобным по поводу законности Ночи Казино. Наверно, будут и еще, пока католики наконец не устроят эту чертову ночь и все не успокоится.

— Он и *вправду* маленький чванливый засранец, да? — спросила она еще тише. Выражение ее лица было серьезным, но в глазах плясали искорки.

— Да. А теперь еще эти значки. Еще один штришок.

— Значки?

— Игральные автоматы с проведенной по ним красной чертой вместо смеющейся рожицы. Нэн носит такой. Хотел бы я знать, кто это придумал.

— Скорее всего Дон Хемпхилл. Он не только баптист, но еще и состоит в Республиканском комитете штата. Дон понимает толк в кампаниях, но, ручаюсь, сейчас он убеждается в том, что общественным мнением куда труднее манипулировать там, где речь идет о религии. — Она снова погладила его по руке. — Не бери в голову, Алан. Имей терпение. В этом и состоит в основном жизнь в Роке — не обращать внимания, набраться терпения и ждать, пока очередная лужа не высохнет. Да?

Он улыбнулся ей, перевернул свои ладони и сжал ее руки... тихонько.

Так тихонько!

— Да, — сказал он. — Хочешь, я составлю тебе компанию сегодня вечером, моя красавица?

— Ох, Алан, я даже не знаю...

— Никаких шумных игр, — заверил он ее. — Я разожгу камин, мы усядемся перед ним, и ты можешь позвать еще несколько городских знаменитостей для моего удовольствия.

Полли слабо улыбнулась.

— Я думаю, ты за последние шесть или семь месяцев успел насладиться обществом всех знаменитостей, которых я знаю, Алан. Если хочешь продолжать свое касл-рокское образование, тебе нужно подружиться или со стариком Ленни Партриджем, или... с ней. — Она кивнула на Нэн и понизила голос до еле слышного шепота. — Разница между Ленни и Нэн, — прошептала она, — заключается в том, что Ленни просто много знает, а Нэн Робертс любит использовать свои знания.

— Значит?..

— Значит, эта дама не платила полную цену за все то, что ей принадлежит, — сказала Полли.

Алан окинул ее задумчивым взглядом. Он никогда раньше не видел Полли в таком настроении — открытой, разговорчивой и вместе с тем подавленной. Впервые за все время с тех пор, как он стал ее другом, а потом любовником, он задумался над тем: Полли Чалмерз ли сейчас говорит или... наркотик.

— Я думаю, сегодня нам лучше держаться подальше друг от друга, — сказала она с внезапной решимостью. — Когда у меня такое самочувствие, как сейчас, от меня мало толку в общении. Я вижу это по твоему лицу.

— Полли, это неправда.

— Я схожу домой и приму ванну. И кофе больше пить не буду. Отключу телефон, рано лягу спать и, быть может, когда проснусь завтра утром, почувствую себя совершенно другой женщиной. *Тогда*, может быть, мы сможем... Ну, ты знаешь. Никаких шумных игр, но много — нежных.

— Я беспокоюсь за тебя, — сказал он.

Ее руки тихонько шевельнулись в его ладонях.

— Я знаю, — сказала она. — Мне не становится от этого легче, но я благодарна тебе за твое беспокойство, Алан. Гораздо больше, чем ты думаешь и можешь знать.

2

По пути домой от касл-рокского автопарка Хью Прист притормозил у «Пьяного тигра», а потом снова набрал скорость. Он доехал до дома, оставил «бьюик» на подъездной дорожке и зашел в дом.

У него было две комнаты: в одной он спал, а в другой делал все остальное. Дешевый столик с алюминиевыми обеденными подносиками (почти все были усеяны причудливыми узорами из сигаретных окурков) стоял посреди второй. Он подошел к открытой кладовке, встал на цыпочки и пошарил руками на верхней полке. На мгновение ему показалось, что лисий хвост исчез, что кто-то успел побывать здесь и украл драгоценность, и паника жарким пламенем полыхнула у него в животе. Потом его рука нащупала мягкий шелковистый мех, и он с облегчением вздохнул.

Почти весь день он провел в мыслях о лисьем хвосте, представляя, как привяжет его к антенне «бьюика», как хвост будет смотреться там, весело развеваясь на ветру. Он чуть было не привязал его уже с утра, но тогда еще шел дождь и ему не хотелось, чтобы хвост превратился в облезлый квач, беспомощно болтающийся на жалком обрывке какого-то шнура. Он вытащил хвост наружу, случайно задев при этом пустую банку из-под сока, и стал нежно перебирать пальцами. Господи, какой же приятный на ощупь!

Хью зашел в гараж (до такой степени набитый разным хламом, что в нем не было места для его «тачки» с года так 84-го) и, порывшись, отыскал кусок тонкой проволоки. Он решил так: сперва он прикрутит лисий хвост к антенне, потом наскоро поужинает, а после этого поедет в Гринс-парк на встречу ветеранов — она состоится в Зале Американского легиона в семь часов. Может, и впрямь уже поздно начинать новую жизнь, но... по крайней мере еще не поздно попробовать и посмотреть, что из этого выйдет.

Он сделал тонкую петлю из проволоки и закрепил ее на толстом конце хвоста. Потом начал прикреплять второй конец проволоки к антенне, но тут его пальцы, поначалу двигавшиеся быстро и уверенно, стали работать медленней. Он почувствовал, как уверенность потихоньку улетучивается, а в пустоту, которая от нее оставалась, стало закрадываться сомнение.

Он увидел самого себя — как он подъезжает к стоянке у здания Американского легиона, — тут пока все идет нормально. Вот он заходит на эту встречу — тут тоже все в порядке. Но потом какой-то мальчишка вроде того засранца, что вылез из-под колес его фургона пару дней назад, проходит мимо зала, пока он там, внутри, объявляет, что его зовут Хью П. и что он ничего не желает выпить. Взгляд паренька привлекает какая-то оранжевая вспышка на освещенной бело-голубыми фонарями автостоянке. Паренек подходит к его «бьюику» и рассматривает лисий хвост... сначала легонько дотрагивается, потом гладит его. Он оглядывается по сторонам, видит, что никого поблизости нет, тянет за хвост и рвет проволоку. Хью увидел, как парень идет в ближайший салон видеоигр, встречается там своего друга и говорит ему: «Эй, гляди, что я урвал на стоянке у легиона. Классный, да?»

Хью почувствовал, как в груди у него начинает бушевать холодная ярость, словно все это разыгралось не в его воображении, а произошло на самом деле. Он погладил меховую метелку и огляделся вокруг в подступающих сумерках, словно ожидая увидеть целую толпу вороватых мальчишек, только и ждущих, пока он зайдет в дом и засунет пару готовых обедов «мужчина проголодался» в духовку, чтобы можно было подобраться и стащить лисий хвост.

Нет, лучше было никуда не ездить. У нынешних мальцов нет никакого уважения ни к чему на свете. Они готовы стащить все, что попало, просто так, для забавы. Поиграют денек-другой, а потом им надоест и они выкинут то, что украли, в канаву или на какой-нибудь пустырь. Мысль — необыкновенно отчетливая, буквально зримая — о том, что лисий хвост окажется где-нибудь на помойке и будет гнить под дождем, теряя цвет среди оберток от биг-маков и пустых банок из-под пива, наполнила Хью лютой злобой.

Он разматывал проволоку, которой прикрепил хвост к антенне, опять внес пушистую метелку в дом и положил ее на верхнюю полку в кладовке. На этот раз он захлопнул дверь кладовки, но плотно она не закрылась.

Придется купить замок, подумал он. Мальцы куда хочешь залезут. Теперь ни у кого нет никакого уважения к законам. Ни на волос.

Хью подошел к холодильнику, достал банку пива, секунду смотрел на нее, а потом сунул обратно. Пиво — даже четыре или пять банок — не вернет ему семи футов под килем. Не тот у него сегодня настрой. Он открыл один из нижних шкафчиков, сунул руку за ряд купленных когда-то на распродаже кастрюль и сковородок и нашарил полбутылки «Блэк Вельвет», которую держал там на крайний случай. Он налил стакан до половины, подумал секунду и долил его доверху. Выпив содержимое двумя глотками, он почувствовал, как жар охватил желудок, и снова наполнил стакан. Ему стало получше, и он немного расслабился. Кинув взгляд на кладовку, он улыбнулся. Там, наверху, хвост надежно укрыт, а будет еще надежней, когда он купит в «Западном авто» крепкий крейговский замок и повесит его на дверь. Надежность... Когда у тебя есть то, что тебе по-настоящему нужно, это хорошо, но еще лучше, когда эта вещь надежно укрыта.

Потом улыбка его слегка потускнела.

«Ты для этого его купил? Чтобы держать на верхней полке, за запертой дверью?» — спросил он себя.

Он выпил еще, на этот раз медленно. Ладно, подумал он, может, это и не так здорово, но... все лучше, чем лишиться сокровища из-за какого-нибудь маленького проныры.

— В конце концов, — сказал он громко, — сейчас уже не пятьдесят пятый. Теперь другое время. — И подтвердил свои слова энергичным кивком. Но мысль не оставляла его. Что толку в лисьем хвосте, если он просто лежит там, на полке? Что это даст ему или кому бы то ни было?

Но виски помог ему справиться с этой мыслью. После двух или трех порций то, что он убрал хвост обратно в кладовку, стало казаться ему самым естественным и разумным решением проблемы. Он решил отложить ужин; такое разумное решение заслуживало награды — добавить еще.

Он снова наполнил стакан, уселся на один из кухонных табуретов со стальными ножками и закурил сигарету. Сидя так, выпивая и стряхивая горстки пепла на обеденный подносик, он забыл про лисий хвост и стал думать о Нетти Кобб. Психопатка Нетти. Он сыграет шутку с психопаткой Нетти. Может быть, на следующей неделе, может, через одну... По скорее всего на этой. Мистер Гонт сказал ему, что не любит даром терять время, и Хью охотно поверил.

Он ждал этого с нетерпением.

Это нарушит монотонное однообразие его жизни.

Он пил, курил, и, когда наконец улегся на грязных простынях своей узкой кровати в другой комнате, на губах у него играла улыбка.

3

Рабочий день Уилмы Джерзик в «Хемпхилл-маркете» закончился в семь вечера с закрытием магазина. В четверть восьмого она подъехала к своему дому. Мягкий свет струился из-за спущенных штор. Она вошла в дом и принялась. Пахло макаронами и сыром. Не так уж плохо... пока, во всяком случае.

Пит, скинув ботинки, растянулся на диване и смотрел «Колесо фортуны». На коленях у него валялась портлендская «Пресс геральд».

— Я прочитал твою записку, — сказал он, торопливо садясь и откладывая газету в сторону. — Положил все в стеклянную кастрюлю. Будет готово к половине восьмого.

Он смотрел на нее преданно и слегка обеспокоенно, не отводя карих глаз. Как собака, которая всегда хочет угодить хозяину. Пит Джерзик был хорошо вышколен. У него случались промахи, но много воды утекло с тех пор, когда она могла прийти и застать его валяющимся на диване в ботинках; еще больше воды утекло с той поры, когда он мог осмелиться разжечь в доме свою трубку, и снег выпал бы в августе, если бы он хоть раз, пописав, забыл спустить за собой воду в унитазе.

— Ты снял белье?

Моментально его открытая физиономия стала удивленной, а потом виноватой.

— О Боже! Я зачитался и совсем забыл. Сейчас я схожу. — Он уже торопливо натягивал башмаки.

— Ничего, не беспокойся, — сказала она и направилась к кухне.

— Уилма, я принесу!

— Не утруждай себя, — сладким тоном произнесла она. — Я вовсе не желаю, чтобы ты отрывался от своей газеты или Ванн Уайт только лишь оттого, что последние шесть часов я провела на ногах, за кассой. Сиди где сидишь, Питер. Наслаждайся.

Ей не нужно было оборачиваться, чтобы проверить его реакцию; после семи лет супружества она была твердо уверена, что у Питера Майкла Джерзика никаких сюрпризов для нее не осталось. С лица у него никогда не сходит смесь обиды и досады. Он стоит так несколько секунд после ее ухода, как человек, который только что вышел из ванны и не может точно вспомнить, вытерся он или нет, а потом пойдет накрывать на стол и мыть кастрюлю. Он задаст ей множество вопросов о том, как прошел ее день, внимательно

выслушает все ответы и ни разу не прервет рассказами о своем дне в «Уильямсе Брауне», крупном агентстве недвижимости в Оксфорде, где он работает. Последнее устраивало Уилму как нельзя лучше, поскольку она считала недвижимость самой нудной и скучной темой на свете. После обеда он уберет со стола без единого напоминания, а она станет читать газету. Все это будет им проделано потому, что он забыл про одну свою пустяковую обязанность. Она же была вовсе не против снять белье — на самом деле она обожала запах белья, весь день сушившегося на солнце, но рассказывать о том Питу не входило в ее планы. Это был ее маленький секрет.

У нее было множество таких секретов, и она умела хранить их по одной-единственной причине: на войне все средства хороши. Случались вечера, когда она возвращалась домой и битый час, а то и два могли уйти у нее на позиционные бои, прежде чем ей удавалось склонить мужа к полной капитуляции и заменить на карте военных действий все его белые флажки своими красными. Сегодня битва была выиграна меньше чем за две минуты, после того как она переступила порог своего дома, и Уилму это вполне устраивало.

В душе она считала, что супружество — это сражение длиной в жизнь, а в такой долгой кампании, где нельзя ни брать пленных, ни давать пощады, ни оставлять непройденной хотя бы пядь вражеской земли, подобные легкие победы могут в конечном счете обернуться поражением. Но это время еще не пришло, и потому она отправилась снимать белье с корзиной под мышкой и с легким сердцем.

Она прошла половину заднего двора и удивленно застыла на месте. Где же, черт возьми, простыни?

Она должна была ясно видеть их отсюда — большие прямоугольные полотнища, белеющие в темноте, но... их там не было. Их что, ветром унесло? Очень странно! Днем дул легкий ветерок, но ведь не ураган же. Может, их кто-то стащил?

Потом она почувствовала порыв ветра и услышала громкий ленивый хлопок. Ага, значит, они где-то там... Если вы выросли в католической семье, где было тринадцать детей, все младше вас, вы ни с чем не спутаете хлопанье подсыхающей на веревке простыни. Но что-то было не то в этом звуке. Какой-то он был слишком тяжелый.

Уилма сделала еще один шаг вперед. Ее лицо, на котором постоянно лежала печать ожидания какой-то неприятности, потемнело. Она наконец увидела простыни, вернее... полотнища, которые должны были быть простынями. Но они были темные.

Она сделала еще один маленький шагок, а по дворику опять пролетел порыв ветерка. Полотна затрепыхались, и, прежде чем она успела протянуть руку, ее ударило что-то тяжелое и скользкое. Что-то грязное проехалось по щекам, что-то сырое и твердое прижалось к телу, словно ее пыталась ухватить холодная твердая лапа.

Она была не из тех женщин, что часто вскрикивают, но тут закричала, уронив бельевую корзину. Снова раздался тяжелый хлопок, и она попыталась увернуться от качающейся перед ней тени. Споткнулась о валяющуюся на земле корзину, поскользнулась и рухнула на одно колено, избежав падения ничком только благодаря счастливой случайности и быстрой реакции.

Тяжелая, мокрая штуковина прошла по ее спине и шее. Уилма снова закричала и поползла на четвереньках прочь от бельевых веревок. Часть волос выбилась из-под платка и растрепалась по щекам, щекоча их. Она не выносила такой щекотки, но еще меньше могла вынести это липкое прикосновение какой-то темной гадости, висящей на ее бельевой веревке.

Дверь кухни распахнулась, и во дворике раздался испуганный голос Пита:

— Уилма? Уилма, с тобой все в порядке?

Позади не прекращались тяжелые хлопки — противные звуки, похожие на смешки при забитых грязью голосовых связках. А тут еще в соседнем дворе стал истерически лаять своим писклявым голоском щенок Хаверхиллов: «Ийаф-йяфф-йяфф», — что тоже не улучшило настроения Уилмы.

Она поднялась на ноги и увидела Пита, осторожно спускающегося по заднему крыльцу.

— Уилма? — позвал он. — Ты не упала? С тобой все в порядке?

— Да! — яростно крикнула она. — Да, я упала! Да, со мной все в порядке! Включи этот чертов свет!

— Ты не ушибла себе...

— Да включи же ты этот чертов свет! — рявкнула она на него и вытерла ладонь о свою куртку. Ладонь была вся в липкой грязи и птичьим помете. Она так разозлилась, что перед глазами у нее поплыли светящиеся точки, мерцавшие с частотой ее собственного пульса... А больше всего она злилась на самое себя — за то, что испугалась. Хотя бы на секунду.

— Ййафф-йяфф-йяфф! — Чертов щенок на соседском дворе совсем взбесился. Господи, как же она ненавидела собак, особенно горластых.

Тень Пита отступила на верхнюю ступеньку кухонного крыльца. Дверь на кухню распахнулась, его рука скользнула внутрь, и дворик залило светом.

Уилма оглядела себя и увидела на своей новой куртке широкие коричневые потеки. Она яростно вытерла лицо, вытянула вперед руку и увидела, что та тоже стала коричневой. Она чувствовала, как и по шее у нее стекает что-то жидкое.

— Грязь! — прорычала она, не веря своим глазам и от изумления даже не соображая, что говорит вслух. Кто мог сделать с ней такое? Кто посмел?

— Что ты сказала, родная? — спросил Пит. Он медленно подходил к ней и теперь застыл на некотором расстоянии. Лицо Уилмы исказилось так, что Пит Джерзик ужаснулся: можно было подумать, что под кожей у нее копошится клубок змей.

— Грязь! — заорала она, простирая к нему руки... Комья коричневой грязи сорвались с кончиков ее пальцев. — Грязь, ты слышишь? Грязь!

Пит посмотрел за ее спину; до него наконец дошло. Рот у него приоткрылся. Уилма развернулась и взглянула туда, куда смотрел он. Фонарь над кухонной дверью безжалостно освещал двор и бельевые веревки, высвечивая все, что нужно было высветить. Простыни, которые она повесила чистыми, теперь свисали с прищепок грязными сырыми комьями. Они были не просто испачканы; они были все вымазаны грязью, покрыты ею.

Уилма оглядела двор и увидела глубокие ямки, откуда выковыривали грязь. Она увидела ясные следы на траве, там, где злоумышленник ходил взад-вперед, набирая грязь, подходя к простыням, швыряя ее и возвращаясь за новой порцией.

— Черт бы его побрал! — заорала она.

— Уилма... пойдем в дом, родная, и я... — Пит запнулся, а потом, когда мысль созрела, с облегчением выговорил: — Я сварю нам чай.

— На хрен чай! — рявкнула Уилма на самом пределе своих вокальных возможностей, а с соседского двора щенок Хаверхиллов перешел на непрерывное «йяфф-йяфф-йяфф»... Ох, как же она ненавидела собак, ее просто *сводила с ума* эта маленькая паскудная собачонка!

Ярость переполняла ее; она подошла к веревке, ухватила за простыни и стала стаскивать их. Ее пальцы задели за веревку, и та загудела, как гитарная струна. Висевшая на ней простыня грязным сырым комом упала на землю. Сжав кулаки и прищутив глаза, как ребенок, пускающий в пляс, Уилма сделала один длинный лягушачий прыжок и приземлилась на простыне. Та издала чавкающий звук и забрызгала грязью ее нейлоновые чулки. Это была последняя капля. Она широко раскрыла рот и выплеснула свою ярость в крике. О, она найдет того, кто сделал это. Как пить дать — найдет. Уж будьте уверены. А когда найдет...

— У вас все в порядке, миссис Джерзик? — раздался дрожащий от испуга голосок миссис Хаверхилл.

— Да, черт возьми, мы попиваем «Стерно» и смотрим Лоуренса Белка, можете вы заткнуть пасть вашему псу?! — проорала Уилма.

Тяжело дыша, она отшвырнула от себя грязную простыню. Волосы ее растрепались и облепили лицо. Она резко тряхнула головой. Эта проклятая собака сведет ее с ума. Горластый кабысдох... Тут ее мысль застопорилась с почти слышным щелчком.

Собаки.

Горластые вонючие псы.

Кто живет почти за углом, прямо на Форд-стрит?

Подождите! Что за безумная дамочка с недоделанной собакой по кличке Рейдер живет здесь, прямо за углом?

Конечно, Нетти Кобб, вот кто.

Собака брехала всю весну, этот ее щенячий визг доставал до самой селезенки, и в конце концов Уилма позвонила Нетти и сказала, что, если та не может заткнуть своей псине пасть, пусть лучше от нее избавится. Через неделю, когда не последовало никаких мер (по крайней мере тех, которые удовлетворили бы Уилму), она снова позвонила Нетти и сказала ей, что если та не может утихомирить свою собаку, она, Уилма, будет вынуждена позвонить в полицию. На следующий день, когда чертова псина опять начала визжать и лаять, она так и сделала.

Где-то через неделю после этого Нетти появилась в «маркете» (в отличие от Уилмы Нетти была из тех, кто какое-то время прокручивает все мысли у себя в мозгу — даже высиживает их, — прежде чем сумеет что-то предпринять). Она отстояла очередь к кассе Уилмы, хотя не сделала ни единой покупки, и когда подошел ее черед, произнесла скрипучим писклявым голоском:

— Оставь в покое меня и моего Рейдера, Уилма Джерзик. Он хороший, славный песик, и ты лучше перестань нас обижать.

Всегда готовая к схватке, Уилма ни на миг не была обескуражена стычкой на рабочем месте. Больше того — это даже пришлось ей по душе.

— Дамочка, ты еще не знаешь, как обижают. Но если ты не сумеешь заткнуть пасть своей чертовой псине, то узнаешь, и очень скоро.

Дамочка Кобо побледнела как смерть, но взяла себя в руки, так крепко стиснув свою сумочку, что сухожилия проступили на ее тощих ручках от запястий до самых локтей.

— Я тебя предупредила, — сказала она и поспешила прочь.

— Ой-ей-ей, у меня уже трусики мокрые, — громко крикнула ей вслед Уилма (вкус битвы всегда приводил ее в хорошее настроение), но Нетти не обернулась, а лишь ускорила шаг.

После этого собака утихомирилась. Это слегка разочаровало Уилму, потому что весна выдалась скучной. Пит не подавал никаких признаков сопротивления, и Уилма пребывала в зимней скуке, которую никак не могли развеять зеленеющие деревья и трава. В чем она действительно нуждалась и что могло привнести вкус и краски в ее жизнь, так это добрая вендетта. Казалось, тут психопатка Нетти идеально подходит, но раз уж собака научилась вести себя как следует, похоже, Уилме следовало подыскать кого-нибудь еще.

Однажды майским вечером собака снова начала лаять. Псина тявкнула всего несколько раз, но Уилма все равно схватилась за телефон и позвонила Нетти — она отметила ее номер в книжке на случай, если представится такая возможность.

Она не стала тратить время на любезности, а сразу взяла быка за рога:

— Это Уилма Джерзик, милочка. Я звоню сказать тебе, что, если ты не заткнешь пасть своей собачонке, я это сделаю сама.

— Он уже перестал! — закричала Нетти. — Я забрала его в дом, как только вернулась и услышала! Оставь меня и Рейдера в покое! Я тебя предупреждала! Если ты не оставишь, тебе придется пожалеть об этом!

— Ты лучше запомни мои слова, — сказала ей Уилма. — С меня хватит. В следующий раз, когда он залает, я не стану докучать легавым. Я просто приду и перережу его чертову глотку.

И она повесила трубку раньше, чем Нетти успела что-то сказать. Главное правило схватки с врагами (родственниками, соседями, супругами) гласит, что последнее слово должно оставаться за нападающим.

С тех пор пса не было слышно. Может, он и тявкал пару раз, но Уилма этого не замечала; во-первых, это никогда ее так уж и не раздражало *на самом-то деле*, а кроме того,

Уилма вступила в куда более ожесточенную схватку с женщиной, державшей салон красоты в Касл-Вью, и почти забыла про Нетти и Рейдера.

Но, быть может, Нетти не забыла про нее. Уилма только вчера видела Нетти в новом магазине. «И если взглядом можно было бы убивать, — подумала она, — я бы рухнула замертво на пол прямо там».

Стоя теперь возле своих измазанных грязью, испорченных простыней, она припомнила полное страха и вызова выражение лица у этой психованной суки: как завернулась ее губа, обнажив на мгновение зубы. Уилма хорошо знала, как выглядит неприкрытая ненависть, и она видела ее вчера на лице Нетти Кобо.

Я тебя предупреждала... Ты пожалеешь.

— Уилма, пойдем домой, — сказал Пит и осторожно положил руку ей на плечо.

Она резко стряхнула ее.

— Оставь меня в покое.

Пит отошел на шаг. Казалось, он хочет стиснуть руки, но не смеет.

«Может, она тоже про все позабыла, — подумала Уилма. — Во всяком случае, до тех пор, пока не увидала меня вчера в этом новом магазинчике. Или, может, она вынашивала что-то (*я тебя предупреждала*) все это время в своей психованной башке, а при виде меня окончательно чокнулась».

И в считанные секунды она окончательно уверилась в том, что это была Нетти: с кем еще она обменялась взглядами в последние несколько дней, кто мог бы иметь на нее зуб? Были и другие люди в городе, которые не любили ее, но шутка такого сорта — подлая и трусливая — подходила лишь под тот взгляд, каким окинула ее вчера Нетти. Такая смесь страха и (*ты пожалеешь*) ненависти... Она сама была похожа на собаку, отважившуюся укусить, лишь когда жертва повернется к ней спиной.

Да, это была Нетти Кобб. Точно. Чем больше Уилма думала об этом, тем крепче становилась ее уверенность. И поступку этому не было прощения. И не потому, что испорчены простыни. И не потому, что это подлая шутка. И даже не потому, что это может сделать только тот, у кого крыша поехала.

Не было прощения... потому что Уилма испугалась.

Правда, всего лишь на секунду — когда сырая коричневая штукавина выплыла из темноты и хлестнула ее по лицу, как холодная лапа какого-то чудовища... Но даже эта одна-единственная секунда дорого стоила.

— Уилма? — тревожно спросил Пит, когда она повернула к нему свое полное лицо. Ему не понравилось выражение, которое высветила лампа над крыльцом, — мертвенная бледность и скользкие черные тени. Ему не понравился прямой взгляд устремленных на него глаз. — Родная, с тобой все в порядке?

Она прошла мимо него, словно не слыша вопроса. Пит потрусил следом. Уилма вошла в дом и устремилась к телефону.

4

Когда зазвонил телефон, Нетти сидела у себя в комнате с Рейдером у ног и новым абажуром из кварцевого стекла на коленях. Было без двадцати минут восемь. От звонка она вздрогнула и крепче прижала к себе абажур, глядя на телефон с испугом и подозрением. На какое-то мгновение ее охватила жуткая убежденность — глупая, конечно, но казалось, она просто не в силах избавиться от подобных ощущений, — что это какой-то Представитель Власти звонит сообщить ей, что она должна вернуть прекрасный абажур, что он принадлежит кому-то другому, что такая чудная вещь никак не может находиться среди дешевых безделушек Нетти, ибо сама мысль об этом просто абсурдна.

Рейдер быстро взглянул на хозяйку, словно спросив, собирается она подойти к телефону или нет, а потом положил мордочку на лапы.

Нетти осторожно отложила абажур и сняла трубку. Наверно, это просто Полли звонит

спросить, не купит ли она чего-нибудь на обед в «Хемпхилл-маркете» завтра утром по пути на работу.

— Алло, Кобб слушает, — чеканным голосом произнесла она в трубку. Всю свою жизнь она панически боялась некоего Представителя Власти и открыла для себя, что лучший способ справиться с таким страхом, это разговаривать так, будто ты сама — представитель власти. Это не заставляло страх исчезнуть, но по крайней мере держало его под контролем.

— Я знаю, что это сделала ты! Ты, сука припадочная! — рявкнуло в трубке. Это было так неожиданно и страшно, как удар свалившейся с крыши сосульки.

У Нетти пресеклось дыхание; выражение дикого ужаса сковало ее лицо, а сердце попыталось прыгнуть к самому горлу. Рейдер снова вопросительно взглянул на нее.

— Кто... Кто...

— Ты знаешь, черт бы тебя побрал, кто, — сказал голос, и, конечно, Нетти уже знала — это была Уилма Джерзик. Эта страшная, злая женщина.

— Он не лаял! — Голос у Нетти был тонким и пронзительным, как у человека, вдохнувшего содержимое газового баллончика. — Он уже взрослый и совсем не лает! Он лежит здесь, у моих ног!

— Тебе что, нравится швырять грязью в мои простыни, ты, б.... полоумная? — Уилма пришла в ярость. Дамочка явно пытается сделать вид, что речь по-прежнему идет о собаке.

— Простыни? Какие простыни? Я... Я... — Нетти взглянула на кварцевый абажур и, казалось, набралась от него силы. — Оставь ты меня в покое! Это ты сумасшедшая, а не я!

— Я тебя за это достану. Никто не смеет приходить ко мне во двор и швырять грязью в мои простыни, пока меня нет дома. Никто. Никто, понятно тебе?! Дошло это до твоей тупой башки? Ты не будешь знать где, не будешь знать когда, а главное — не будешь знать как, но я... я... я тебя достану! Поняла?

Нетти изо всех сил прижала трубку к уху. Лицо ее стало мертвенно-бледным, кроме единственной ярко-красной полоски на лбу — между бровями и челкой. Зубы были стиснуты, а щеки раздувались и опадали как мехи при каждом вдохе и выдохе.

— Оставь меня в покое, а не то пожалеешь! — крикнула она высоким пронзительным голосом. Рейдер уже вскочил и стоял, наострив уши и тревожно озираясь, чувствуя в комнате какую-то угрозу. Он сердито тявкнул разок, Нетти его не слышала. — Ты очень пожалеешь! Я... У меня есть знакомые среди властей! Я их очень хорошо знаю! И мне не нужно тебя бояться!

Тихим голосом, в котором звучала искренность и дикая злоба, Уилма медленно проговорила:

— То, что ты вздумала тягаться со мной, — самая большая твоя ошибка за всю жизнь. Скоро ты это поймешь сама.

В трубке раздался щелчок.

— Ты не смеешь! — взвыла Нетти. Слезы текли по ее щекам — слезы страха и жуткой бессильной ярости. — Не смеешь, ты, дрянь! Я... Я тебя...

Послышался второй щелчок, а потом гудок открытой линии.

Нетти повесила трубку и минуты три сидела в кресле, не шевелясь, глядя в пространство. Потом заплакала. Рейдер снова тявкнул и положил лапы на край кресла. Нетти подхватила его и стала плакать, уткнувшись в шерстку собачонки. Рейдер лизнул ее в шею.

— Я не дам ей обидеть тебя, Рейдер, — сказала она, погладила собаку, пытаясь восстановить душевное равновесие. — Не дам этой плохой, гадкой женщине тебя тронуть. Она не Представитель Власти, совсем нет. Она просто старая дрянь, и, если только попробует тебя тронуть... или меня... она пожалеет.

Нетти наконец выпрямилась, нашла салфетку, забившуюся между подлокотником кресла и подушкой, и вытерла глаза. Она была напугана, но... она также чувствовала, как бурлит и кипит в ней злоба. Примерно то же она испытывала перед тем, как взять большую вилку для мяса в шкафу под мойкой и вонзить своему мужу в глотку.

Она сняла кварцевый абажур со стола и мягко прижала его к себе.

— Если она что-то затеет, она очень-очень пожалеет об этом, — сказала Нетти.

И она уселась, как прежде, с Рейдером у ног и абажуром на коленях, и сидела так очень долго.

5

Норрис Риджвик медленно ехал вниз по Мейн-стрит в своей патрульной машине, глаза на здания, выстроившиеся по западной стороне улицы. Его смена скоро заканчивалась, и он был этому очень рад. Он прекрасно помнил, как замечательно себя чувствовал с утра, до того, как этот идиот прицепился к нему; помнил, как стоял перед зеркалом в туалете, примеряя фуражку и с удовольствием размышляя о том, что выглядит как надо. Он помнил все это, но память казалась очень древней и выцветшей, как фотография прошлого столетия. С того момента, как этот идиот Китон вцепился в него, до нынешней минуты все шло наперекосяк.

Он заехал перекусить в «Цып-цып Тони» — закусочную на шоссе № 119. Обычно там хорошо кормили, но на этот раз у него после ленча разыгралась изжога, а потом его схватил жуткий понос. Около трех часов он наехал на гвоздь на городском шоссе № 7, возле дома старого Кэмбера, и ему пришлось менять колесо. Он вытер руки о свою свежеччищенную форменную куртку, не задумываясь о том, что делает, чтобы получше ухватить ослабшие болты, и оставил на рубаше четыре темно-серых полосы. Когда он с отчаянием глядел на результат своей деятельности, его желудок снова выдал очередной мучительный позыв, и он был вынужден устремиться в ближайшие кусты. То были скачки с препятствиями, когда решался вопрос, что он сделает раньше — стянет с себя штаны или наполнит их. *Эту* скачку Норрису удалось выиграть, но... Норрису не понравился вид куста, который он выбрал в качестве укрытия, — тот был похож на отравленную мину-ловушку, и, судя по тому, как протекал его день до этого момента, мог вполне таковой и оказаться.

Норрис медленно катил мимо зданий, составлявших деловой центр Касл-Рока: Норвежский банк и страховая компания, «Западное авто», закусочная «У Нэнси», черная дыра там, где когда-то стояла лавка Папаши Меррилла, «Шейте сами», «Самое необходимое», «Бытовая техника».

Вдруг Норрис ударил по тормозам и остановился. В окне «Самого необходимого» он увидел что-то потрясающее или... во всяком случае, ему показалось, что он это увидел.

Он глянул в заднее зеркальце, но Мейн-стрит была пустынна. Светофор-мигалка в нижнем конце делового квартала погас и несколько секунд не горел, пока внутри у него задумчиво щелкали реле. Потом замигал желтый свет в центре. Стало быть, уже девять. Девять часов вечера.

Норрис подал немного назад и остановился возле тротуара. Он взглянул на рацию, хотел было звякнуть 10-24 — патрульный выходит из машины, — но решил этого не делать. Он собирался лишь быстро окинуть взглядом витрину. Слегка прибавив звук у радики, прежде чем вылезать, он опустил стекло. Так-то оно лучше.

«На самом деле ты не видел того, что тебе показалось, — предупредил он себя, когда шел по тротуару, подтягивая штаны. — Быть того не может. Сегодня день разочарований, а не открытий. Это была просто чья-то «Зебко» с катушкой...»

Но нет. Удочка в витрине «Самого необходимого» лежала на аккуратном маленьком стенде вместе с сеткой и парой ярко-желтых спортивных ботинок, и это была явно не «Зебко». Это была «Базун». Он не видел такой с тех пор, как шестнадцать лет назад умер его отец. Норрису тогда было четырнадцать, и он любил «Базун» по двум причинам: за то, что это такое, и за то, что она означала.

Что это такое? Да просто самая лучшая озерно-речная удочка на свете, вот что это такое.

Что она означала? Хорошее времечко. Вот так, все очень просто. Хорошо проводили время — тощий маленький парнишка, Норрис Риджвик, и его старик. Хорошо было бродить

по лесу возле какого-нибудь ручья на краю города; хорошо было сидеть в маленькой лодочке посреди Касл-Лейка, когда все вокруг было окутано белым туманом, поднимавшимся с озера, как небольшие струйки пара, и скрывавшим их в своем, особом, отгороженном мире. Мире — только для мужчин. В каком-то другом мире матери скоро станут готовить завтрак, и тот мир был тоже неплох, но не так хорош, как этот. Ни один мир никогда не был так хорош — ни до, ни после.

После очередного отцовского инфаркта, оказавшегося роковым, «Базун» и катушка куда-то исчезли. Он помнил, как искал удочку в гараже после похорон, но она пропала. Он искал в подвале, заглянул даже в материну кладовку и родительскую спальню (хотя знал, что мама скорее позволит Генри Риджвику держать там слона, чем рыболовную снасть), но «Базун» пропала. Норрис всегда подозревал своего дядю Фила. Несколько раз он набирался мужества, чтобы спросить его, но каждый раз, когда дело доходило до простого прямого вопроса, он проглатывал нужные слова.

И теперь, глядя на эту удочку с катушкой, которая вполне могла быть той самой, отцовской, он впервые за весь день забыл про Зануду Китона. Его всего переполняла ясная и простая картинка-воспоминание: отец сидит на скамеечке в лодке — коробка со снастью стоит у его ног, — протягивая «Базун» Норрису, чтобы налить себе чашку кофе из большого красного термоса с серыми полосками. Он чувствует запах кофе, горячего и крепкого, и чувствует запах отцовского лосьона после бритья. Тот назывался «Джентльмен с Юга».

Неожиданно в нем проснулась старая печаль и заключила его в свои серые объятия. Он затосковал по отцу. После стольких лет эта старая боль снова стала грызть его с той же яростной силой и жадностью, как и в тот день, когда его мать вернулась домой из больницы, взяла его за руки и сказала: «Нам теперь нужно быть очень мужественными, Норрис».

Свет от фонарика, горящего на самом верху витрины, отражался яркими бликами от стальной поверхности катушки, и старая любовь охватила его с новой силой. Норрис уставился на «Базун» и стал думать о запахе горячего свежего кофе, струящемся от большого красного термоса с серыми полосками, и широкой, ровной глади озера. Он снова ощутил шероховатую поверхность пробковой ручки на удочке и медленно поднял руку, чтобы вытереть глаза.

— Офицер? — раздался тихий голос.

Норрис легонько вскрикнул и отпрянул от витрины. На секунду ему показалось, что он сейчас все-таки обделается — прекрасное завершение прекрасного дня. Ощущение миновало, и он оглянулся. Высокий мужчина в твидовом пиджаке стоял возле открытой двери магазина и смотрел на него с улыбкой.

— Я напугал вас? — спросил он. — Прошу прощения.

— Нет, — сказал Норрис и выдал на лице улыбку. Сердце у него по-прежнему стучало как барабан. — Ну... Может быть, чуть-чуть. Я разглядывал эту удочку и вспоминал старые времена.

— Я получил ее только сегодня, — сказал высокий мужчина. — Она старая, но в очень хорошем состоянии. Это, знаете ли, «Базун». Фирма не очень известная, но весьма почитаемая серьезными рыболовами. Она...

— Японская, — сказал Норрис. — Я знаю. У моего отца была такая.

— Правда? — Улыбка мужчины стала шире. обнажившиеся зубы были неровными, но все же улыбка показалась Норрису очень приятной. — Вот так совпадение!

— Да, — кивнул Норрис.

— Меня зовут Лиланд Гонт. Это мой магазин. — С этими словами он протянул Норрису руку.

Секундное отвращение пронзило Норриса, когда эти длинные пальцы обхватили его ладонь. Однако рукопожатие Гонта длилось не больше секунды, и, когда он убрал руку, ощущение тут же пропало. Норрис решил, что виной тому его желудок, все еще страдающий от тех поганых моллюсков, которых он съел за ленчем. В следующий раз, когда он окажется там, то остановит свой выбор на цыплятах — кстати, заведение специализируется именно на

них.

— Я мог бы уступить вам эту удочку по очень сходной цене, — сказал мистер Гонт. — Почему бы вам не зайти, офицер Риджвик? Мы обсудим это.

Норрис слегка удивился. Он был уверен, что не называл этому старому хрычу своего имени. Он уже раскрыл было рот, чтобы спросить, откуда оно известно Гонту, но тут же снова захлопнул его. Он носил над значком маленький жетон со своими именем и фамилией. Дело было, конечно, в этом.

— Вообще-то мне не положено, — сказал он и, обернувшись, кинул взгляд на патрульную машину. Он слышал отсюда рацию — одни статические помехи; за весь вечер не было ни одного вызова. — Понимаете, я на дежурстве. Формально я заканчиваю в девять, но по правилам, пока я не сдам машину...

— Это займет всего минуту или чуть больше, — настаивал Гонт, весело глядя на Норриса. — Когда я решаю заключить с кем-то сделку, офицер Риджвик, я не теряю времени даром. Особенно если речь идет о человеке, который по ночам охраняет мое дело.

Норрис удержался от того, чтобы заметить мистеру Гонту, что девять вечера — еще не ночь и что в маленьком сонном городке вроде Касл-Рока защищать собственность местных бизнесменов — не очень большая морока. Он снова взглянул на «Базун» с катушкой, и старые воспоминания — столь удивительной силы и достоверности — вновь охватили его. Он представил, как поедет на озеро с такой удочкой в этот уик-энд — отправится с утра пораньше с коробкой червей и большим термосом со свежим кофе от Нэнси. Это почти как снова побыть со своим стариком.

— Ну...

— Давайте же, — настаивал Гонт. — Если уж я решил что-то продать после закрытия, то и вы можете сделать маленькую покупку в рабочее время. И, по правде говоря, офицер Риджвик... я не думаю, что кто-то сподобится сегодня вечером ограбить банк. А вы?

Норрис взглянул в сторону банка, который осветился сначала желтым светом, а потом синим — от мигалки на патрульной машине, — и засмеялся.

— Сомневаюсь, — сказал он.

— Ну так?..

— Ладно, — согласился Норрис. — Но если нам не удастся заключить сделку за пару минут, мне действительно надо будет бежать.

Лиланд Гонт одновременно зевнул и расхохотался.

— Кажется, я слышу мягкий шелест выворачиваемых карманов, — заметил он. — Заходите, офицер Риджвик, мы уложимся в пару минут.

— Я и правда очень хотел бы иметь эту удочку, — выпалил Норрис. Это было не самым удачным началом торга, и он знал это, но просто не мог удержаться.

— И вы ее получите, — заверил его мистер Гонт. — Я предложу вам лучшую сделку в вашей жизни, офицер Риджвик.

Он провел Норриса внутрь «Самого необходимого» и закрыл за собой дверь.

Глава 6

1

Уилма Джерзик знала своего мужа совсем не так хорошо, как ей казалось.

Она легла спать в четверг, рассчитывая в пятницу с утра первым делом пойти к Нетти Кобб и *принять меры*. Ее частые и многочисленные враги порой просто испарялись, но в тех случаях, когда они переходили в наступление, площадку и вид оружия выбирала Уилма. Первое правило ее воинственного образа жизни гласило: *последнее слово — всегда за тобой*. Второе: первый выпад — всегда твой. *Принять меры* в ее понимании и означало — сделать первый выпад, и она намеревалась расправиться с Нетти не мешкая. Она сказала Питу, что поглядит, сколько раз ей нужно будет крутануть башку этой психованной суки, пока она не

слетит у нее с шеи.

Она ожидала, что, натянутая, как струна, почти всю ночь не сможет заснуть; это ей было не впервой. Но не прошло и десяти минут после того, как Уилма легла, и... она уже мирно спала, а когда проснулась, чувствовала себя свежей и на удивление спокойной. Когда она уселась за кухонный стол в своем домашнем халате в пятницу утром, ей пришло в голову, что, быть может, еще рановато *принимать окончательные меры*. Вчера вечером она нагнала страху на Нетти; как она ни бесилась, а это сознавала отчетливо. Нужно было быть бесчувственной, слепой и глухой, как камень, чтобы не заметить этого.

Почему бы не дать Миссис Душевнобольной-91 немножко порезвиться на свежем ветерке? Пускай *она* не поспит по ночам, гадая, с какой стороны ожидать атаки Уилмы. Можно пару раз нарочно показаться в окрестностях ее дома, сделать, быть может, еще несколько телефонных звонков. За чашкой кофе (Пит сидел за столом напротив и внимательно следил за ней поверх спортивной колонки в газете) Уилме пришло в голову, что если Нетти такая полоумная, как об этом все говорят, то, может, ей не нужно вообще принимать какие-то меры. Может быть, это как раз один из тех редких случаев, когда меры принимаются сами. Эта мысль так обрадовала ее, что она даже позволила Питу чмокнуть себя, уходя на работу.

Сама мысль о том, что этот испуганный мышонок, ее муж, может пичкать ее лекарствами, никогда не приходила в голову Уилме. Тем не менее Пит Джерзик сделал именно это, причем далеко не в первый раз.

Уилма знала, что запугала своего мужа, но не подозревала, до какой степени. Он не просто боялся ее, он жил в постоянном страхе, как, быть может, лишь туземцы где-нибудь в тропиках жили в дремучем страхе перед Великим Богом Огнедышащей Горы, который мог годами, а то и веками молча возвышаться над их убогим поселением, а потом вдруг взорваться убийственной волной раскаленной лавы.

У таких туземцев, не важно, настоящих или воображаемых, разумеется, были свои ритуалы умиротворения стихии. Они могли быть совершенно бесполезными, когда гора взрывалась громом и реки огня обрушивались на их деревни, но они вселяли в людей спокойствие, когда гора вела себя тихо. У Питера Джерзика не было пышных обрядов и ритуалов, которыми он мог бы утихомирить Уилму; более прозаические средства оказывались куда действенней. Например, лекарства по рецепту — вместо обычных успокоительных капель.

Он договорился о встрече с Реем Ван Алленом, единственным семейным терапевтом в Касл-Роке, и сказал тому, что хотел бы получить какое-нибудь сильнодействующее лекарство. Работа жутко выматывает его, сказал он Рею, и чем выше у него ставка, тем труднее ему оставлять все свои служебные проблемы у себя в офисе. И вот он решил, что настала пора поинтересоваться, не сумеет ли врач выписать какое-нибудь средство, способное сгладить хотя бы некоторые из острых углов.

Рей Ван Аллен ничего не знал о сложностях игр с недвижимостью, но хорошо представлял себе, на что должна походить жизнь с женщиной типа Уилмы. Он подозревал, что у Пита Джерзика было бы намного меньше тревог, если бы он вообще не выходил из своего офиса, но, конечно, не его дело было рассуждать об этом. Он выписал рецепт на ксанакс, прочел обычную коротенькую лекцию о препарате и пожелал парню удачи и терпения. Он полагал, что Питу, следующему по жизненной стезе в паре с сей конкретной особой, понадобится в избытке и то и другое.

Пит пользовался ксанаксом, но не злоупотреблял им. Он и словом не обмолвился об этом Уилме — с ней бы родимчик случился, узнай она, что муж *принимает наркотики*. Он с великими предосторожностями хранил рецепт на ксанакс у себя в портфеле, где лежали бумаги, которыми Уилма абсолютно не интересовалась. Принимал он около пяти-шести таблеток в месяц — в основном в дни перед началом месячных у своей супруги.

Потом прошлым летом Уилма затеяла ссору с Хенриеттой Лонгман, которая держала «Салон красоты» наверху, на Касл-Хилл. Предметом ссоры стала испорченная завивка.

После первой громкой перебранки на следующий день у них произошел обмен любезностями в «Хемпхилл-маркете», а еще через неделю — стычка с воплями и угрозами на Мейн-стрит. Последняя едва не переросла в потасовку.

Взяв вынужденный тайм-аут, Уилма металась по дому, как львица по клетке, клянясь, что «достанет эту суку, уложит ее в больницу». «Ей самой понадобится «Салон красоты», когда я разберусь с ней, — рычала Уилма сквозь стиснутые зубы. — Уж будь спокоен. Я пойду туда прямо с утра. Пойду и приму меры».

Пит с ужасом понял, что это не пустые угрозы; Уилма слов на ветер не бросала. Одному Богу известно, какую дикую шутку она может отмочить. Он живо представлял себе, как Уилма засовывает Хенриетту головой в какой-то клейкий раствор, отчего у женщины вылезают все волосы и она остается на всю жизнь лысой, как О'Коннор⁴.

Он надеялся, что за ночь страсти поутихнут, но, когда на следующее утро Уилма поднялась с постели, она была еще злее вчерашнего. Трудно было в это поверить, если бы сам того не видел. Темные круги у нее под глазами свидетельствовали о бессонной ночи.

— Уилма, — слабым голосом произнес он, — мне кажется, тебе не стоит идти сегодня в этот «Салон красоты». Я уверен, если ты хорошенько сама все обдумаешь...

— Я все хорошенько обдумала ночью, — ответила Уилма, устремив на него свой пугающий пристальный взгляд, — и решила, что, когда я покончу с ней, она никогда больше не испортит ни одной прически. Когда я покончу с ней, ей понадобится собака-поводырь, чтобы найти дорогу в собственный сортир. А если ты будешь сейчас крутить мне мозги, Пит, то вы с ней можете на пару заказать сразу двух немецких овчарок.

В отчаянии, не будучи уверен, что это сработает, но просто не видя другого способа предотвратить надвигающуюся катастрофу, Пит Джерзик достал из внутреннего карманчика портфеля бутылочку и кинул таблетку ксанакса в кофе Уилме. Потом он отправился на службу.

Это была первая победа Пита Джерзика в полном смысле этого слова.

Весь день он провел в мучительных терзаниях и шел домой, обуреваемый дурными предчувствиями (Хенриетта Лонгман мертва, а Уилма за решеткой — это была самая невинная из его фантазий). Поэтому он испытал огромную радость, когда обнаружил Уилму на кухне напевающей какую-то песенку.

Пит набрал в грудь воздуха, опустил пониже свой эмоциональный щит-заслон и спросил ее, что случилось с мадам Лонгман.

— Она не открывает раньше полудня, а к тому времени я уже остыла, — сказала Уилма. — Я все равно сходила туда выяснить отношения — в конце концов я обещала себе, что сделаю это. И ты знаешь, она предложила мне стаканчик шерри и сказала, что хочет вернуть мне мои деньги!

— О-о! Здорово! — сказал с облегчением Пит, страшно довольный, и... на этом «дело» Хенриетты было закончено. Несколько дней он провел в ожидании, что ярость Уилмы вернется, но она не вернулась — по крайней мере в данном направлении.

Он подумал, не предложить ли Уилме сходить к доктору Ван Аллену и взять собственный рецепт, но после долгих раздумий отказался от этой мысли. Уилма даст ему такую вздрючку, что он вылетит на околоземную орбиту, попробуй он предложить ей ПРИНИМАТЬ НАРКОТИКИ. Наркотики принимали наркоманы, транквилизаторы — слабонервные дамочки-слюнтяйки. Она же — благодарю покорно, — встречает жизнь с открытым забралом. А кроме того, неохотно признался самому себе Пит, правда была слишком проста, чтобы отрицать ее: Уилме *нравилось* беситься. Уилма в состоянии дикой ярости была полноценной Уилмой — Уилмой, осененной высшим предназначением.

И он любил ее — совсем как туземцы тех воображаемых тропиков наверняка любили своего Великого Бога Огнедышащей Горы. Его преклонение и страх на самом деле лишь

⁴ О'Коннор, Шинед — известная ирландская певица.

усиливали любовь; она была УИЛМОЙ, силой в себе, и он пытался сбить ее с курса, лишь когда опасался, что она причинит вред себе самой... что, в свою очередь, через мистическую субстанцию любви также отзовется и на нем.

С тех пор он лишь трижды подсовывал ей ксанакс. Третий раз — самый жуткий из всех, что были, — в Ночь Грязных Простыней. Он с диким упорством заставлял ее выпить чашку чаю, и когда она в конце концов согласилась (после короткого, но весьма удовлетворившего ее диалога с Нетти Кобб), он заварил особенно крепкого чая и бросил в чашку не одну таблетку ксанакса, а целых две. И наутро испытал огромное облегчение, увидев, как упала температура на ее градуснике злости.

Ни о чем таком Уилма Джерзик, уверенная в своей власти над душой и телом мужа, и не подозревала; однако именно это удержало ее от того, чтобы просто-напросто въехать на своем «юго» прямо в дверь Нетти и снять с нее скальп (или, во всяком случае, попытаться сделать это) в пятницу утром.

2

Не то чтобы Уилма забыла про Нетти, или простила ее, или в голову ей закралось хоть малейшее сомнение относительно того, кто надругался над ее бельем, — никакие лекарства на свете не смогли бы вызвать подобный эффект.

Вскоре после того, как Пит отправился на работу, Уилма села в свою «тачку» и медленно проехала по Уиллоу-стрит (на заднем бампере маленького желтого «юго» красовалась наклейка, оповещавшая весь мир: «ЕСЛИ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ МОЯ ЕЗДА, НАБЕРИТЕ 1-800 ДЕРЬМА НАЕШЬТЕСЬ»), Она свернула направо, на Форд-стрит, и, приблизившись к маленькому аккуратному домику Нетти Кобб, совсем сбросила скорость. Ей показалось, что одна занавеска дрогнула, и это было хорошим началом, но... только началом.

Она объехала квартал (проезжая мимо дома Расков на Понд-стрит, даже не удостоила его взглядом), мимо собственного дома на Уиллоу, и снова, во второй раз, на Форд-стрит. На этот раз, приблизившись к дому Нетти, она дважды просигналила и остановилась перед домиком, не выключая двигатель.

Занавеска снова колыхнулась. На этот раз — точно. Дамочка выглядывала из окна. Уилма представила себе ее за занавеской, дрожащую от чувства вины и страха, и поймала себя на том, что этот образ нравится ей даже больше, чем тот, с которым она ложилась вчера спать — тогда она представляла себе, как вертит и крутит башку этой сумасшедшей суки, пока она не отрывается от шеи, как у той девчушки в «Изгоняющем Дьявола».

— Мышка, я тебя вижу, — мрачно пробормотала она, когда занавеска застыла. — Не думай, что спрячешься.

Она снова объехала квартал, второй раз остановилась возле дома Нетти и опять просигналила, чтобы насладиться страхом этой сучки. На этот раз она стояла перед домом минут пять. Занавеска колыхнулась дважды. В конце концов, удовлетворенная, она поехала прочь.

«Психопатка весь остаток дня будет меня высматривать, — подумала она, подъезжая к собственному дому. — И побоится нос наружу высунуть».

С легким сердцем и легкой поступью Уилма зашла в дом, отыскала каталог и плюхнулась с ним на диван. Скоро она уже радостно заказывала три новых комплекта простыней — белый, желтый и кремовый.

3

Рейдер сидел в комнате посреди ковра и смотрел на свою хозяйку. В конце концов он легонько заскулил, словно напоминая, что сегодня рабочий день и она уже опоздала на полчаса. Сегодня она должна была пропылесосить верхний этаж у Полли, и еще должен был

прийти телефонный мастер с новыми аппаратами — с большими наборными кнопками. Тем, у кого такой жуткий артрит, как у Полли, обращаться с этими аппаратами намного легче.

Но как она может выйти?

Ведь эта сумасшедшая полька ездит где-то поблизости на своем маленьком автомобильчике.

Нетти уселась в кресло, держа на коленях абажур. Она не расставалась с ним с того самого момента, как сумасшедшая полька в первый раз проехала мимо ее дома. Потом та прикатила снова, остановилась и стала дудеть. Когда она убралась, Нетти решила, что все, быть может, закончилось, но не тут-то было... Женщина вернулась в третий раз... Нетти была уверена, что эта сумасшедшая попытается проникнуть в дом. Она сидела в кресле, одной рукой прижимая к себе абажур, а другой — Рейдера, и мучительно соображала, что же ей делать, если эта психопатка попытается вломиться сюда. Как ей защитить себя? Этого она не знала.

Наконец она набралась храбрости и выглянула еще раз в окно. Сумасшедшая полька уехала. Первое чувство облегчения сменилось страхом. Она боялась, что та выжидает где-то неподалеку, когда она выйдет; еще больший страх вызывала мысль, что, как только она выйдет, сумасшедшая полька проникнет в дом.

Придет сюда, увидит ее красивый абажур и разобьет об пол на тысячу мелких кусочков.

Рейдер снова заскулил.

— Я знаю, — почти простонала она. — Я знаю!

Пора было идти. Она была должницей и знала — чьей и почему. Полли Чалмерз очень много сделала для нее. Это Полли написала рекомендательное письмо, которое вызволило ее из Джанипер-Хилл. И это Полли поручилась за нее в банке, где ей дали ссуду на покупку дома. Если бы не Полли, отец которой был лучшим другом ее отца, она до сих пор снимала бы комнатку по ту сторону Тин-бриджа.

Но что, если она уйдет, а эта сумасшедшая полька вернется?

Рейдер не сумеет защитить ее абажур; он очень храбрый, но и очень маленький песик. Эта сумасшедшая полька может поранить его, если он попытается ее остановить. Нетти почувствовала, что ее мозг, пойманный в ловушку неразрешимой дилеммы, начал плавиться. Она снова застонала.

И вдруг, слава Богу, ей пришла в голову мысль.

Прижимая к себе абажур, она встала и пересекла комнату, где было почти темно из-за спущенных занавесок. Она зашла в кухню и открыла дверь в самом дальнем ее углу, которая вела в сарайчик, расположенный с этой стороны дома. Неясные силуэты поленницы и многих разнообразных предметов проступали в полумраке.

С потолка свисала одинокая лампочка на шнуре. У нее не было ни кнопки-выключателя, ни цепочки; она зажигалась, когда ее просто ввинчивали потуже в патрон. Нетти потянулась к лампочке, но... Остановилась в нерешительности. Если эта сумасшедшая полька ошибается на заднем дворе, она увидит, как зажегся свет. А если она увидит, как зажегся свет, она будет точно знать, где искать абажур из кварцевого стекла, верно?

— Ну нет, так легко ты меня не возьмешь, — прошептала Нетти, пробираясь мимо старого материнского буфета и ее же старого голландского книжного шкафа к поленнице. — Нет, не возьмешь, Уилма Джерзик. Я, знаешь ли, не так глупа. Уж будь спокойна.

Прижимая абажур к животу левой рукой, правой Нетти задернула единственное окошко сарая старым грязным тюлем. Потом осторожно выглянула из окна на задний двор, обшаривая взглядом каждый закуток. Она оставалась в этой позе почти целую минуту. На заднем дворе все было спокойно. Один раз ей показалось, что она увидела сумасшедшую польку в самом дальнем левом углу двора, но, взглядевшись пристальнее, она убедилась, что это всего лишь тень от старого дуба, растущего на заднем дворе Феронов. Нижние ветки дерева свисали на ее двор и слегка шевелились на ветру — вот почему она на секунду приняла тень от них за эту психопатку (психопатку-польку, если быть совсем точной).

Позади заскулил Рейдер. Она обернулась и увидела, что он стоит у двери в сарайчик, наострив ушки.

— Я знаю, — сказала она. — Знаю, маленький... Но мы ее одурачим. Она думает, что я тупица. Что ж, я преподам ей хороший урок.

Она двинулась обратно. Глаза привыкли к полумраку, и она решила, что зажигать лампу вообще не стоит. Нетти встала на цыпочки и принялась шарить рукой на верху буфета, пальцы нащупали ключ от шкафа слева. Ключом не пользовались уже много лет, но Нетти не сомневалась — она нашла именно то, что нужно.

Она открыла шкаф и положила туда стеклянный абажур рядом с пыльными тряпками и мышеловками.

— Я знаю, он заслуживает лучшего места, — тихонько сказала она Рейдеру, — но здесь он в безопасности, а это самое главное.

Нетти вставила ключ, повернула его и подергала дверцу. Та была заперта, заперта как следует, и неожиданно она почувствовала, как с души у нее свалился тяжелый камень.

Она снова подергала дверцу, кивнула сама себе и положила ключ в карман домашнего платья. Когда она придет к Полли, она найдет цепочку и повесит его себе на шею — это первое, что она сделает.

— Вот так! — сказала она Рейдеру, который начал вилять хвостиком. Возможно, он чувствовал, что кризис миновал. — С этим мы все устроили, мой маленький, а теперь я должна бежать на работу! Я и так опоздала!

Когда она натягивала на себя пальто, зазвонил телефон. Нетти сделала два шага по направлению к нему, а потом застыла на месте.

Рейдер один раз негромко твякнул и посмотрел на хозяйку. «Ты что, не знаешь, что нужно делать, когда звонит телефон? — спрашивали его глазки. — Даже я это знаю, а я ведь всего лишь собачка».

— Не подойду, — сказала Нетти.

«Я знаю, что это ты сделала, сука припадочная, знаю, знаю, знаю, что ты сделала, и я... Я тебя... ДОСТАНУ!» — слышалось ей.

— Не буду отвечать. Я иду на работу. Это *она* психопатка, а не я. Я ей ничего не сделала! *Ничегошеньки!*

Рейдер твякнул в знак согласия.

Телефон замолчал.

Нетти слегка расслабилась, но... Сердце ее по-прежнему бешено колотилось.

— Будь умницей, — сказала она Рейдеру, погладив собаку. — Я приду позже, потому что позже уйду. Но я люблю тебя, и если ты об этом не забудешь, то весь день будешь умницей.

Это был обычный ритуал перед уходом на работу, который Рейдер прекрасно знал. Он завилял хвостиком. Нетти открыла парадную дверь, выглянула наружу и, прежде чем выйти, огляделась по сторонам. У нее екнуло сердце, когда она заметила какое-то желтое пятно, но это была не машина сумасшедшей польки — мальчишка Поллардов оставил свою мотоциклетку с коляской прямо на тротуаре, только и всего.

Нетти заперла парадную дверь на ключ, а потом обошла дом — проверить, заперта ли дверь сарая. Та была заперта. Тогда Нетти направилась к дому Полли, держа сумочку под мышкой и шаря глазами вокруг в поисках машины этой сумасшедшей польки (она старалась сообразить, прятаться ли ей за изгородью, если она увидит ее, или просто стоять на месте). Нетти дошла почти до конца квартала, когда ей почудилось, что она как следует не проверила, заперта ли парадная дверь. С беспокойством она взглянула на часы и повернула назад. Проверила дверь. Та была надежно заперта. Нетти вздохнула с облегчением и решила проверить дверь в сарайчик — на всякий случай.

— Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, — пробормотала она себе под нос и обошла дом.

Она взялась за ручку двери в сарай, и тут рука ее застыла.

В доме снова зазвонил телефон.

— Она сумасшедшая, — простонала Нетти. — Я же ей *ничего* не сделала!

Дверь сарая была заперта, но она стояла возле нее, пока телефон не умолк. Потом она снова сунула сумочку под мышку и отправилась на работу.

4

На этот раз она прошла почти два квартала, пока ее вновь не охватило беспокойство, что она все-таки не закрыла как следует входную дверь. Она *знала*, что на самом деле заперла ее, но боялась ошибиться.

Нетти стояла в нерешительности возле голубого почтового ящика, на углу Форд- и Дакон-стрит. Она почти уже решила идти дальше, как вдруг заметила желтую машину, притормозившую возле перекрестка. Это был «форд», а не «тачка» сумасшедшей польки, но ей показалось, что это — знамение. Она торопливо пошла обратно к своему дому и снова проверила обе двери. Заперты. Она уже было повернула назад, но тут ей пришло в голову, что нужно еще проверить дверцу шкафа — на всякий случай.

Она знала, что та заперта, но боялась, что все-таки могла забыть повернуть ключ дважды.

Она открыла входную дверь и зашла в дом. Рейдер радостно прыгнул к ней и бешено завилял хвостом; она нагнулась погладить его, но — лишь на секунду. Ей нужно было побыстрее закрыть за собой входную дверь, потому что эта сумасшедшая полька могла появиться когда угодно. В любой момент.

Она захлопнула дверь, задвинула засов и прошла в сарай. Разумеется, дверца шкафа была заперта. Она вернулась в дом и с минуту постояла на кухне. Она уже начинала всерьез беспокоиться и подумывать, что ошиблась и дверца шкафа все-таки открыта. Может, она дернула ее недостаточно сильно, чтобы быть уверенной на все сто процентов. Может, дверца только прихлопнута.

Она снова вернулась в сарай, чтобы проверить, и пока ходила туда, опять зазвонил телефон. Она поспешила обратно, в потной правой ладонке сжимая ключ от шкафа. Ударилась голенью о скамеечку для ног и вскрикнула от боли.

Когда она добралась до комнаты, телефон уже замолчал.

— Я не могу сегодня идти на работу, — пробормотала она. — Я должна... должна... (*Стоять на страже*).

Да, именно так. Она должна стоять на страже.

Она сняла трубку и стала быстро набирать номер, прежде чем ее рассудок не начал снова грызть себя, как Рейдер грыз свои игрушки из сыромятной кожи.

— Алло? — раздался в трубке голос Полли. — «Шейте сами» слушает.

— Привет, Полли. Это я.

— Нетти? У тебя все в порядке?

— Да, Полли, но я звоню из дома. У меня схватило живот, — это уже была чистая правда, — и я хотела спросить, нельзя ли мне взять отгул? Я понимаю, надо пропылесосить наверху... и телефонный мастер должен... но я...

— Все нормально, — тут же отреагировала Полли. — Телефонный мастер не появится раньше двух, а я сегодня в любом случае уйду пораньше. Руки все еще здорово болят, и долго мне тут не выдержать. Я ему открою.

— Если я вам все-таки очень нужна сегодня, я могла бы...

— Нет, не очень, — сочувственно заверила ее Полли, и у Нетти от признательности слезы навернулись на глаза. Полли была так добра.

— Сильные боли, а, Нетти? Может, я позвоню доктору Ван Аллену?

— Да нет... просто расстройство. Все будет нормально. Если сумею, я приду к полудню.

— Ерунда, — быстро проговорила Полли. — Ты ни разу не брала отгул, с тех пор как

работаешь у меня. Забирайся в постель и постарайся заснуть. И помни: если вздумаешь прийти сюда, я все равно отошлю тебя домой.

— Спасибо вам, Полли, — сказала Нетти со слезами на глазах. — Вы так добры ко мне.

— Ты этого заслуживаешь. Мне надо идти, Нетти, — полно клиентов. Ложись в постель. Я позвоню около полудня — справлюсь, как у тебя дела.

— Спасибо.

— Поправляйся. Пока.

— Всего хорошего, — сказала Нетти, повесила трубку и тут же подошла к окну и отодвинула занавеску.

Улица была пуста — пока. Она вернулась в сарай, открыла шкаф и достала абажур. Стоило ей взять его в руки, как ее охватило чувство покоя. Она принесла абажур в кухню, вымыла теплой водой с мылом и бережно вытерла.

Потом открыла один из кухонных ящиков и вытащила свой нож для разделки мяса. С ножом в одной руке и абажуром в другой она вернулась в комнату и уселась в полумраке в кресло. Она просидела так все утро — с абажуром на коленях и зажатым в правой руке тесаком для рубки мяса.

Телефон звонил еще дважды.

Нетти не брала трубку.

Глава 7

1

В пятницу одиннадцатого октября в новом магазине Касл-Рока был горячий денек, особенно когда перевалило за полдень и все начали получать в банке наличные по чекам. Наличные в руке побуждают к покупке — так утверждали доброхоты, успевшие заглянуть сюда в среду. Конечно, нашлись и такие, которые считали, что вряд ли стоит доверять суждениям тех, кто оказался настолько бестактным, что посетил новый магазин в *самый первый день его открытия*, но их оказалось меньшинство, и маленький серебряный колокольчик на входной двери «Самого необходимого» звякал весь день напролет.

Много товаров было или доставлено, или распаковано со среды. Тем, кто интересовался подробностями, трудно было поверить, что товары доставили — никто не видел подъезжавшего фургона или автобуса, — но вряд ли это имело значение. В пятницу в «Самом необходимом» ассортимент был куда шире, и это — главное.

Взять хотя бы кукол. Или красиво вырезанные из дерева автоматические пилы — некоторые даже двусторонние. Необычная шахматная доска; фигурки, сделанные чьей-то явно талантливой рукой из горного хрусталя в виде африканских животных: скачущие жирафы — офицеры, носороги с опущенными для битвы головами — лады, шакалы — пешки, львы — короли, гибкие гепарды — ферзи. Ожерелье из черного жемчуга, явно дорогое — никто так и не осмелился спросить, сколько оно стоит (по крайней мере в тот день), но такое красивое, что на него больно было смотреть, и некоторые посетители «Самого необходимого» отправились по домам, испытывал грусть и странное недовольство: стоило им прикрыть глаза, как перед мысленным взором начинало плясать в темноте это ожерелье — черное на черном фоне. Причем это касалось не только женщин.

Пара танцующих кукол-клоунов. Музыкальная шкатулка — старая, с резным узором; мистер Гонт сказал, что она наверняка играет что-то необычное, когда открывается, но он не помнит, что именно. А шкатулка была заперта. Он посоветовал возможным покупателям поискать кого-то, кто мог бы сделать к ней ключ; вокруг еще полно таких любителей старины, сказал он, которые владеют этим старинным ремеслом. Его несколько раз спрашивали, а можно ли вернуть шкатулку, если покупатель все же сумеет ее открыть, а мелодия окажется ему (или ей) не по вкусу. Мистер Гонт улыбался и указывал на висевшее на стене новое объявление, которое гласило:

CAVEAT EMPTOR⁵

— А это что еще значит? — спросила Лусил Данхем. Лусил работала официанткой у Нэн и забежала сюда со своей подругой Роз Эллен Майерз в перерыв на ленч.

— Это значит, что, если ты покупаешь кота в мешке, тебе остается облезлый кот, а ему — твой мешок, — сказала Роз Эллен. Она заметила, что мистер Гонт услышал ее слова (хотя могла поклясться, что видела его в другом конце магазина всего секунду назад), и густо покраснела.

Однако мистер Гонт лишь рассмеялся.

— Вот это верно, — сказал он ей. — Вы попали в самую точку!

Старый длинноствольный револьвер на одном стенде с табличкой: «НЭД БАНТЛАЙН — СПЕЦИАЛЬНЫЙ»; деревянный игрушечный мальчишка с рыжими волосами, веснушками и застывшей дружелюбной улыбкой («ХУДИ-ДУДИ-ТИПЧИК» — написано на табличке); милый, но непримечательный канцелярский прибор; набор старинных почтовых открыток; льняные носовые платки; чучела животных. Казалось, здесь есть вещи на любой вкус и — хотя во всем магазине не было ни одного ценника — на любой карман.

Торговля у мистера Гонта в этот день шла прекрасно. Большинство проданных им товаров были симпатичными, но отнюдь не антикварными. Тем не менее он заключил несколько «особых» сделок, и все они состоялись в те краткие паузы, когда в магазине находилось не более одного покупателя.

— Когда торговля идет медленно, я жутко устаю, — признался он Салли Ратклифф, учительнице Брайана Раска, со своей дружелюбной усмешкой. — А когда я устаю, то теряю бдительность. Плохо для продавца, но просто замечательно для покупателя.

Мисс Ратклифф была преданной овечкой баптистского стада преподобного Роуза; там она повстречала своего жениха, Лестера Пратта, и вдобавок к своему значку «Нет — Ночи Казино» носила еще один, гласивший: «Я — одна из спасенных, а ты?» Щепка с табличкой «Деревянная окаменелость из Святой Земли» сразу же привлекла ее внимание, и она не возражала, когда мистер Гонт вынул ту из стенда и вложил в ее руку. Она купила ее за семнадцать долларов и обещание сыграть маленькую безвредную шутку с Фрэнком Джуэттом, директором касл-рокской средней школы. Она вышла из магазина через пять минут после того, как вошла, с отвлеченным, мечтательным выражением лица. Мистер Гонт предложил ей завернуть покупку, но мисс Ратклифф отказалась, сказав, что хочет подержать ту в руке. Трудно было определить, глядя на юную леди, когда она выходила, ступают ли ее ноги по земле или плывут над ней.

2

Звякнул серебряный колокольчик. Вошла Кора Паск, желавшая купить изображение Короля; она немисливо расстроилась, когда мистер Гонт сообщил ей, что портрет продан. Кора захотела узнать, кто его купил.

— Сожалею, — сказал мистер Гонт, — но дама, по всей видимости, из другого штата. На ее машине был номерной знак Оклахомы.

— *Убить*ся можно! — воскликнула Кора со злостью и искренним отчаянием. Она даже не подозревала, как страшно ей хочется иметь эту вещь, пока мистер Гонт не сообщил, что та уже продана.

В этот момент в магазине находился Генри Джендрон со своей женой Иветт, и мистер Гонт попросил Кору подождать минутку, пока он их проводит. Ему кажется, у него есть

⁵ КУПЛЕННЫЕ ВЕЩИ ОБРАТНО НЕ ПРИНИМАЮТСЯ И НЕ ОБМЕНИВАЮТСЯ (лат. юр.), т.е. покупатель приобретает товар без гарантии качества.

кое-что еще, шепнул он ей, что представит для нее никак не меньший, а может, и больший интерес. Продав Джендронам маленького плюшевого медвежонка — подарок дочери, — и выпроводив их, он спросил Кору, не подождет ли она еще минутку, пока он поищет кое-что в задней комнате. Кора изъявила согласие, но без особого желания и интереса. Ее охватило глубокое уныние. Она видела в своей жизни сотни изображений Короля, быть может, тысячи; с полдюжины было у нее самой, но этот портрет казался... каким-то особенным. Она ненавидела женщину из Оклахомы.

Мистер Гонт возвратился с маленьким очешником из крокодиловой кожи. Он открыл его и показал Коре пару летних очков с дымчатыми стеклами. У нее перехватило дыхание; правая рука поднялась к шее, на которой запульсировала жилка.

— Они... — начала она, но не смогла больше вымолвить ни слова.

— Солнечные очки Короля, — мрачно кивнул мистер Гонт. — Одна из шестидесяти пар. Но мне говорили, что эти были его любимыми.

Кора купила очки за девятнадцать долларов пятьдесят центов.

— Я бы хотел получить также небольшую информацию, — сказал мистер Гонт, глядя на Кору мерцающими глазами. — Назовем это скромной дополнительной платой, идет?

— Информацию? — с сомнением переспросила Кора. — Что за информацию?

— Гляньте в окно, Кора.

Кора сделала то, о чем ее просили, ни на секунду не выпуская очки из рук. На противоположной стороне улицы перед «Клип Джойнт» стояла полицейская машина № 1, а возле нее, на тротуаре, Алан Пэнгборн разговаривал с Биллом Фуллертоном.

— Видите этого парня? — спросил Гонт.

— Кого? Билла Фуллер...

— Да нет, глупышка, — сказал Гонт. — Другого.

— Шерифа Пэнгборна?

— Точно.

— Да, вижу. — Коре было скучно и муторно. Голос Гонта, казалось, раздавался откуда-то издалека. Она не в силах была перестать думать о своей покупке — потрясающих солнечных очках. Ей хотелось добраться побыстрее до дому и сразу примерить их, но... Конечно, она не могла уйти, пока не разрешили, потому что сделка не завершена и мистер Гонт не сказал, что дело сделано.

— Он, похоже, из тех, кого ребята моего профиля называют тугими клиентами, — заметил мистер Гонт. — А что вы о нем думаете, а, Кора?

— Он умен, — сказала Кора. — Он никогда не будет таким шерифом, каким был старый Джордж Баннермэн — так говорит мой муж, — но он очень ушлый и бывает остер как бритва.

— Вот как? — В голосе мистера Гонта опять послышались усталые нотки. Он не сводил сузившихся в щелочки глаз от Алана Пэнгборна. — Хотите, я открою вам тайну, Кора? Мне не очень по душе ушлые люди, и я не люблю тугих клиентов. Честно говоря, я просто терпеть не могу тугих клиентов. Я не доверяю людям, которые вечно хотят перевернуть вещь и посмотреть, нет ли там трещинок, прежде чем купить, а вы?

Кора ничего не ответила. Она просто стояла, зажав в левой руке футляр с очками, и тупо смотрела в окно.

— Если бы мне понадобился кто-то, кто мог бы присмотреть за старым ушлым шерифом Пэнгборном, кого бы вы посоветовали мне выбрать, а, Кора?

— Полли Чалмерз, — произнесла Кора своим нетвердым голосом. — Она в нем души не чает.

Гонт тут же резко качнул головой. Между тем Алан подошел к своей машине, кинул небрежный взгляд на «Самое необходимое», сел в «тачку» и уехал.

— Не подходит.

— Шейла Бригем? — с сомнением спросила Кора. — Она работает диспетчером в конторе шерифа.

— Хорошая мысль, но она тоже не подходит. Еще один тугой клиент. Они встречаются — по несколько в каждом городе, Кора. Печально, но факт.

Кора обдумала это в своем плавающем где-то далеко сознании и в конце концов спросила:

— Может быть, Эдди Уорбуртон? Он — старший охранник здания муниципалитета.

Лицо Гонта просветлело.

— Охранник! — воскликнул он. — Ну да! Замечательно! Вот это дело! Просто блеск! — Он перегнулся через прилавок и чмокнул Кору в щеку.

С искаженным лицом она отпрянула и стала ожесточенно тереть это место на щеке. Издавала короткий булькающий звук, но Гонт, похоже, ничего не заметил. Лицо его расплылось в широкой светящейся улыбке.

Кора выходила (продолжая тереть щеку тыльной стороной ладони), когда в магазин вошли Стефани Бонзайнт и Синтия Роз Мартин из бридж-клуба с Эш-стрит. Кора в спешке едва не сбила с ног Стеффи, ее обуревало страстное желание как можно быстрее добрать до дома. Прийти домой и сразу примерить эти очки. По прежде она хотела умыться и избавиться от этого отвратительного поцелуя. Она прямо чувствовала, как он въедается в кожу и жжет, словно на щеке возникла язвочка.

Над дверью звякнул серебряный колокольчик.

3

Пока Стеффи стояла у окна, погруженная в прыгающие узоры старомодного калейдоскопа, который она отыскивала на одном из стендов, Синтия Роз подошла к мистеру Гонту и напомнила ему о том, что он обещал ей в среду: возможно, у него будет ваза, парная той, что она уже купила.

— Ну, — произнес мистер Гонт, улыбаясь ей заговорщической улыбкой, словно говоря: «Но-кричать-то-об-этом-не-стоит», — возможно, и есть. Вы способны избавиться на минуту-другую от вашей подруги?

Синтия Роз попросила Стеффи пойти к Нэн и заказать для нее кофе; она подойдет через несколько минут. Стеффи вышла с легким удивлением на лице.

Мистер Гонт прошел в заднюю комнату и вернулся с вазой. Она действительно оказалась парной той, что уже была у Синтии.

— Сколько? — спросила Синтия Роз и погладила чуть дрожащим пальцем прелестный узор. Она с некоторым сожалением вспомнила о том, какой восторг выразила по поводу своей покупки в среду. Наверно, он тогда просто закинул крючок, а уж теперь выпотрошит ее как следует. Эта ваза уже не отскочит за тридцать один доллар; на этот раз он обдерет ее как липку. Но она хотела украсить полку в комнате второй вазой; очень хотела.

Она с трудом поверила своим ушам, когда Лиланд Гонт ответил:

— Раз уж это моя первая неделя, почему бы мне не отдать обе за цену одной? Забирайте ее, дорогая... И наслаждайтесь.

Она была в таком шоке, что едва не выронила вазу, когда он вручил ее ей.

— Но как... Как вы сказали... Мне послышалось...

— Вам правильно послышалось, — сказал он, и неожиданно она почувствовала, что не может оторвать взгляд от его глаз. Франси ошиблась, подумала она. Они вовсе не зеленые. Они серые. Темно-серые. — Однако есть еще кое-что.

— Вот как?

— Да... Вы знаете заместителя шерифа по имени Норрис Риджвик?

Звякнул маленький серебряный колокольчик.

Эверетт Фрапкель, ассистент доктора Ван Аллена, купил трубку, которую заметил Брайан Раск в свой первый приход в «Самое необходимое», за двенадцать долларов и обещание сыграть шутку с Салли Ратклифф. Бедняга Слоупи Додд — заика, что посещал занятия по речевой терапии вместе с Брайаном, купил заварочный чайничек своей маме на

день рождения. Он обошелся ему в семьдесят один цент, и... обещание, данное без особых уговоров, сыграть смешную шутку с дружкой Салли Лестером Праттом. Мистер Гонт сказал, что снабдит Слоупи парочкой вещичек, которые ему понадобятся для этого розыгрыша, когда придет время, и Слоупи ответил, что это будет «нед-д-дурной ш-ш-шуткой». Джун Гауникс, жена владельца самой процветающей молочной фермы в городе, купила вазу клуазоне за девяносто семь долларов и обещание сыграть забавную шутку с отцом Бригемом, настоятелем церкви Богоматери на Чистых Водах. Вскоре после того, как она ушла, мистер Гонт устроил так, чтобы похожую шутку сыграли с преподобным Уилли.

День был насыщенный и продуктивный, и когда мистер Гонт наконец повесил табличку «ЗАКРЫТО» на окно и задернул штору, он выглядел усталым, но довольным. Дела шли успешно, и он даже предпринял меры для того, чтобы быть уверенным: шериф Пэнгборн не прервет его занятий. Это было неплохо. Открытие всегда было самой приятной частью его операции, но одновременно и самой трудной, а иногда могло быть и очень рискованным. Конечно, он может ошибаться насчет Пэнгборна, но Гонт научился доверять своим чувствам в подобных вопросах, а в Пэнгборне он чувствовал человека, которого хорошо бы держать от себя подальше... По крайней мере пока он не будет готов иметь дело с шерифом на своих собственных условиях. Мистер Гонт полагал, что ему предстоит очень насыщенная неделька, но прежде чем она закончится, полыхнут фейерверки.

И много...

4

В четверть седьмого вечера в пятницу Алан свернул на дорожку к дому Полли и выключил двигатель. Она встретила его в дверях теплым мягким поцелуем. Он заметил, что даже для этого коротенького похода на холод она надела перчатки, и нахмурился.

— Да ладно тебе, — сказала она. — Сегодня немножко получше. Ты привез цыпленка?

Он протянул ей белые, с жирными пятнами пакеты.

— К вашим услугам, дорогая леди.

— А я к вашим. — Она сделала ему неглубокий реверанс, взяла у него пакеты и провела его на кухню.

Он вытащил из-под стола стул, развернул его и уселся так, чтобы смотреть, как она снимает перчатки и разделяет на стеклянном блюде цыпленка. Он купил его в «Цып-цып Тони». Название — жутко деревенское, но цыпленок был отменный (по мнению Норриса, с моллюсками дело обстояло иначе). Единственная проблема с покупками на вынос, если живешь в двадцати милях оттуда, это заморозка и оттаивание, но... на то и существуют микроволновые печи, подумал он. Он вообще полагал, что микроволнухи годятся в трех случаях: для подогрева кофе, для поджарки кукурузных хлопьев и для оттаивания взятого на вынос у «Цып-цып Тони».

— Правда получше? — спросил он, когда она засунула цыпленка в печь и нажала все необходимые кнопки. Уточнять, о чем он, не требовалось — они оба знали, что он имеет в виду.

— Только чуть-чуть, — призналась она. — Но я уверена, что скоро будет намного лучше. Я начинаю чувствовать покалывание в ладонях, а так обычно бывает, когда начинает отпускать.

Она подняла руки вверх. Сначала Полли стеснялась своих некрасивых рук, даже теперь смущение до конца не исчезло, но она прошла длинный путь, учась принимать интерес Алана как проявление любви. Она по-прежнему думала, что руки ее выглядят уродливо и отвратительно, словно она носит невидимые перчатки — сшитые грубым и неумелым мастером, который натянул их ей на руки и приковал к запястьям навечно.

— Ты сегодня принимала какие-нибудь таблетки?

— Только одну. С утра.

На самом деле она приняла три — две утром и одну ближе к полудню, — и боль была

почти такая же, как вчера. Она боялась, что малюсенький сдвиг, о котором она говорила, был лишь продуктом воображения. Она не любила лгать Алану; считала, что ложь и любовь редко уживаются и никогда — надолго. Но она слишком долго была одна, и какая-то ее часть все еще очень боялась его неусыпной заботы. Она верила ему, но боялась, что он узнает слишком много.

Он стал очень настойчив по поводу клиники в Майо, и она знала, что, если он поймет, какие сильные у нее боли на сей раз, станет еще настойчивей. Она не хотела, чтобы ее чертovy руки стали самой главной составляющей их любви... и еще она боялась того, что может выявить обследование в такой клинике, как в Майо. С болью она могла жить, но была совсем не уверена, что сумеет жить без надежды.

— Ты не вытащишь картошку из печи? — попросила она. — Я хочу позвонить Нетти, прежде чем мы сядем за стол.

— А что с ней?

— Расстройство желудка. Она сегодня осталась дома. Я хочу удостовериться, что это не инфекция. Розали говорит, что сейчас кругом полно заразы, а Нетти жутко мнительна и ужасно боится врачей.

И когда она пошла к телефону, Алан, который знал, о чем и как думает Полли Чалмерз куда больше, чем догадывалась сама Полли, подумал: любимая, кто это говорит? Он был полицейским и просто не мог забывать о своих способах наблюдения, когда был не на дежурстве; это происходило чисто автоматически. Да он и не пытался. Если бы он был чуть более наблюдателен в течение последних месяцев жизни Анни, они с Тоддом могли бы остаться в живых.

Он заметил перчатки, когда Полли подошла к двери. Он заметил, что она стащила их зубами, а не пальцами. Он следил, как она разделяет цыпленка на блюде, и подметил легкую гримасу, скривившую ее губы, когда она подняла блюдо и засунула его в микроволновую печь. Это были плохие признаки. Он подошел к двери, отделяющей кухню от комнаты, желая посмотреть, как она будет обращаться с телефоном — спокойно или напряженно. Это был один из самых главных критериев, по которым он определял степень ее боли. И тут наконец ему удалось подметить добрый знак... Или то, что он принял за таковой.

Она набрала номер Нетти быстро и без запинок, а так как он стоял в дальнем конце комнаты, ему не было видно, что этот телефон — как и все остальные в доме, — поменяли сегодня днем на аппарат с увеличенными наборными кнопками. Он вернулся в кухню, краем уха прислушиваясь к тому, что происходило в комнате.

— Алло, Нетти?.. Я уже хотела повесить трубку. Я тебя разбудила? Да... Угу... Ну и как?.. О, отлично... Я тут думала о тебе... Нет, с ужином все в порядке. Алан притащил жареного цыпленка из «Цып-цып Тони» в Оксфорде... Да, это точно... Правда?..

Алан достал блюдо из шкафчика над кухонным столиком и подумал: она лжет про руки. Не важно, как она обращается с телефоном, — с ними так же плохо, как в прошлом году, а может, и еще хуже.

Догадка не очень его расстроила; его взгляд на ложь был гораздо шире, чем у Полли. Взять хотя бы ребенка. Она родила его в начале 1971-го, примерно через семь месяцев после того, как уехала из Касл-Рока на автобусе. Она рассказывала Алану, что ребенок — мальчик, которого она назвала Келтоном, — умер в Денвере, когда ему было три месяца. Синдром внезапной детской смерти — СВДС, кошмар всех молодых матерей. История была вполне достоверной, и Алан не сомневался, что Келтон Чалмерз действительно умер. Версия Полли грешила лишь одной неточностью: она не была правдой. Алан работал полицейским и, когда слышал ложь, умел распознать ее (кроме тех случаев, когда лгала Анни). Да-а, подумал он. Кроме тех случаев, когда лгала Анни. Это ты подметил точно.

Что указывало ему на ложь Полли? Дрожь ресниц над слишком широко раскрытыми глазами, слишком уж пристально уставившимися на него? То, как ее левая рука все время тянется к левому виску, поправляя прядь волос? То, как она быстро расставляет, а потом

скрещивает ноги — этот детский сигнал в играх, означающий: «Я понарошку».

Ничего из этого и все, вместе взятое. В основном это был просто звоночек, звякающий где-то внутри, как звякает в аэропорту детектор металла, когда через него проходит человек с металлической пластинкой в черепе.

Ложь никогда не волновала и не злила его. Есть люди, которые лгут ради выгоды, иные лгут от боли, есть такие, кто лжет просто потому, что сама идея говорить правду глубоко чужда им, и... наконец, есть люди которые лгут потому, что ожидают, когда придет время сказать правду. Он полагал, что ложь Полли относительно Келтона принадлежит к последней категории, и был согласен ждать. Со временем она решится открыть ему свои секреты. Торопиться некуда.

Торопиться некуда — сама эта мысль казалась роскошью.

Ее доносившийся из комнаты голос — звучный, спокойный и какой-то очень уместный, — тоже казался роскошью. Он еще не переступил до конца через чувство вины за то, что просто сидит здесь и знает, где лежат все тарелки и приборы, знает, в каком ящике в спальне лежит нижнее белье и где точно кончаются линии летнего загара на ее теле, но все это переставало иметь значение, когда он слышал голос Полли. Тогда оставался действительным лишь один простой факт, который перебивал все остальные: звук ее голоса становился звуком его дома.

— Я могу зайти к тебе попозже, если хочешь... Правда, Нетти?.. Ну что ж, отдохнуть сейчас — самое главное... Завтра?

Полли рассмеялась. Это был свободный, открытый смех, который всегда заставлял Алана почувствовать, что мир каким-то образом посвежел. Он подумал, что может ждать очень долго, пока ее тайны не выплывут наружу, если только она время от времени будет так смеяться.

— Бр-р-р, нет! Завтра — суббота! Я погрязну во грехе и весь день проваляюсь в постели.

Алан улыбнулся. Он выдвинул ящик под плитой, нашел пару прихваток и открыл духовку плиты. Одна картофелина, вторая, третья, четвертая. Ну, ради Бога, объясните, как они вдвоем смогут управиться с четырьмя огромными запеченными картофелинами? Но он, конечно, знал заранее, что еды будет слишком много, потому что Полли не умела готовить иначе. Наверняка в этих четырех картофелинах кроется какая-то тайна, и в один прекрасный день, когда он узнает ответы на все «почему» — большую их часть или хотя бы какие-то, — его чувство вины, быть может, пройдет.

Он вытащил картофелины из духовки. Секундой позже раздался сигнал микроволновой печи.

— Нетти, я должна бежать...

— Все в порядке! — крикнул Алан. — Я слежу за ней! Я ведь полицейский, красавица!

— Но ты звони мне, если понадобится. Ты уверена, что теперь все в порядке?.. А если что, ты ведь скажешь мне, Нетти, правда?.. Ну хорошо. Что?.. Да нет, я просто спрашиваю... И тебе тоже... Спокойной ночи, Нетти.

Вернувшись на кухню, она вытащила цыпленка на стол и быстро положила себе на тарелку одну картофелину.

— Алан, ты прелесть! Но не надо было этого делать!

— Всегда рад услужить, красавица! — Он понимал еще одно: когда у Полли плохо с руками, жизнь ее превращается в серию маленьких ожесточенных сражений; ритуалы повседневной жизни становятся суровыми испытаниями, которые нужно постоянно преодолевать, и поражения здесь были для нее так же постыдны, как боль. Загрузка посудомойки. Подбрасывание дров в камин. Манипулирование ножом и вилок, чтобы очистить от шкурки горячую картофелину.

— Садись, — сказал он, — давай пожую «цып-цып».

Она расхохоталась, а потом шлепнула его по спине — шлепнула запястьем, а не ладонью, и сторонний наблюдатель, сидящий в нем, отметил это. Но его более чувственное

восприятие отреагировало на то, как прижалось к нему ее нежное тело и как сладко пахнет шампунь, которым она сегодня вымыла голову.

— Ты самый замечательный, — тихо произнесла она.

Он поцеловал ее, сначала тихонько, а потом сильнее. Его руки скользнули по ее спине к ягодцам. Ткань стареньких джинсов была гладкой и мягкой, как мех.

— Садись на место, забияка, — сказала она наконец. — Сначала — пища, потом — игры.

— Это приказ? — Если бы с руками у нее и вправду не было получше, подумал он, она бы рассердилась.

Но она заявила:

— Официальный, — и, довольный, он уселся на место. Пока.

5

— Ал приедет домой на выходные? — спросила Полли, когда они вдвоем убрали со стола. Уцелевший сын Алана учился в Милтонской академии, южнее Бостона.

— Не-а, — буркнул Алан, счищая остатки цыпленка с тарелки.

— Я просто подумала, раз в понедельник нет занятий, потому что День Колумба... — очень осторожно начала Полли.

— Он едет к Дорфу на Кейп-Код, — сказал Алан. — Дорф — это Карл Дорфман, его товарищ и сосед по комнате. Ал позвонил в прошлый вторник и спросил, можно ли ему съездить туда на уик-энд. Я сказал — да, конечно.

Она тихонько тронула его за руку, и он обернулся.

— Алан, насколько я виновата?

— Виновата в чем? — искренне удивился он.

— Ты знаешь, о чем я; ты хороший отец и совсем не глуп. Сколько раз Ал бывал дома с тех пор, как снова начались занятия?

Вдруг Алан понял, что у нее на уме, и с облегчением ухмыльнулся.

— Всего один, — сказал он, — и то, потому что ему надо было поболтать со своим старым дружкой-компьютерщиком. Какие-то программы не запускались на его новом «Коммодоре-64», который я подарил ему на день рождения.

— Вот видишь? Это все из-за меня, Алан. Он считает, что я слишком скоро пытаюсь занять место его матери, и...

— О Боже, — вздохнул Алан. — И давно ты уже носишься с этой дурацкой идеей, будто Ал принимает тебя за злобную мачеху?

Она нахмурилась.

— Надеюсь, ты простишь меня за то, что я не нахожу эту мысль такой смешной, как ты...

Он мягко взял ее за локоть и поцеловал в губы.

— Я вовсе не нахожу ее смешной. Бывают времена — я как раз думал об этом, — когда мне кажется немного странным, что я здесь, с тобой... Каким-то слишком... поспешным. На самом деле это не так, но иногда мне так кажется. Понимаешь меня?

Она кивнула. Лоб у нее разгладился, но не до конца.

— Конечно, понимаю. Персонажи из фильмов и телесериалов всегда переживают чуть дольше, правда?

— Ты попала в точку. В кино всегда видишь кучу переживаний и очень немного страданий. Потому что страдания слишком реальны. Страдания... — Он выпустил ее из объятий, взял блюдо и начал медленно вытирать его. — Страдания *грубы*.

— Да.

— Потому иногда я чувствую себя немного виноватым, это — да. — Он поймал себя на том, что словно оправдывается, и грустно усмехнулся. — Отчасти из-за того, что это кажется слишком скорым, хотя это совсем не так, а отчасти потому, что кажется, будто я слишком

легко с этим справился, хотя это тоже неправда. Но мысль о том, что я должен страдать больше, иногда присутствует, не стану отрицать, однако в глубине души я знаю, что это чушь... Потому что часть меня — на самом деле очень большая часть — все еще страдает.

— Так ты, оказывается, человек, — мягко сказала она. — Как это жутко странно и порочно!

— Да, наверно. Что же касается Ала, то он справляется с этим по-своему. Это тоже неплохой способ — он достаточно тверд, чтобы я мог гордиться сыном. Ему все еще не хватает его матери, но если он до сих пор страдает — а я, пожалуй, не очень уверен в этом, — то страдает он из-за Тодда. Но твоя идея, будто он не приезжает, потому что не признает тебя... или нас... Это не в масть.

— Я жутко рада, что это не так. Ты даже не представляешь, какой камень упал у меня с души. Но все же это кажется мне...

— Не совсем правильным, да?

Она кивнула.

— Я понимаю тебя. Но поведение детей, даже когда оно нормально на девяносто восемь и восемь десятых, взрослым никогда не кажется правильным. Мы забываем, как легко они выздоравливают, и почти всегда забываем, как быстро они меняются. Ал сейчас отталкивается. От меня, от своих старых приятелей вроде Джимми Калтина, да и от самого Касл-Рока. Это просто стремление оттолкнуться, уйти прочь, вот и все. Как ракета, когда у нее врубается третья ступень. Дети всегда так делают, и, наверно, это всегда бывает немного грустным сюрпризом для их родителей.

— Кажется, все-таки рановато, — тихо сказала Полли. — В семнадцать еще рано отталкиваться.

— Да, это действительно рано, — согласился Алан. — Он лишился матери и брата из-за идиотского несчастного случая. Его жизнь разорвалась на части, моя жизнь тоже разорвалась на куски, и мы сблизились, как, наверно, поступают все отцы и сыновья в подобных ситуациях, чтобы выяснить, сможем ли мы найти и вернуть большую часть этих кусочков. Думаю, у нас это получилось неплохо, но я был бы просто слепцом, если бы не понял, что все изменилось. Моя жизнь, Полли, здесь, в Роке. Его жизнь — уже нет. Я думал, что, быть может, это вернется, но его взгляд, когда я предложил ему перевестись этой осенью в колледж Касл-Рока, быстро лишил меня этой иллюзии. Ему *не хочется* возвращаться сюда, потому что здесь слишком много воспоминаний. Я думаю, это может измениться... со временем... но сейчас я не стану его заставлять. Однако это все не имеет никакого отношения к тебе и ко мне. Поняла?

— Поняла, Алан!

— М-м-м?

— Ты скучаешь по нему, да?

— Да, — просто ответил Алан. — Каждый день. — Неожиданно он с ужасом понял, что вот-вот расплачется. Он отвернулся и бесцельно открыл дверцу шкафа, стараясь взять себя в руки. Самый простой способ сделать это — сменить тему, причем быстро. — Как Нетти? — спросил он и с облегчением отметил, что голос его звучит нормально.

— Она говорит, что к вечеру стало лучше, но она очень долго не подходила к телефону... Я уже представляла себе, как она валяется на полу без сознания.

— Наверно, она спала.

— Она сказала, что нет, и по голосу вроде не похоже. Знаешь, как отвечают, когда будит телефонный звонок?

Он кивнул. Тут опять сказывался полицейский опыт. Сколько раз ему приходилось будить кого-то звонками и самому просыпаться среди ночи от настойчивой трели телефона.

— Она сказала, что разбиралась с разным старьем своей матери в сарае, но...

— Если у нее расстройство желудка, ты, наверно, позвонила как раз в тот момент, когда она сидела в сортире, и она просто не захотела в этом признаться, — сухо заметил Алан.

Она обдумала это и расхохоталась.

— Ручаюсь, так оно и было. Это на нее похоже.

— Конечно. — Он заглянул в раковину и выключил кран. — Родная, мы все вымыли.

— Спасибо, Алан. — Она легонько потрепала его по щеке.

— Да, взгляни-ка, что я нашел, — сказал Алан. Он потянулся ей за ухо и вытащил оттуда монетку в пятьдесят центов. — Ты всегда их там хранишь, красотка?

— Как ты это делаешь? — спросила она, глядя на полдоллара с подлинным изумлением.

— Что делаю? — переспросил он. Монетка, казалось, плыла над мягко согнутыми суставами его правой руки. Он засунул ее между средним и безымянным пальцами и перевернул ладонь. Когда он снова повернул ее к ней, монетка исчезла. — Думаешь, мне стоит убежать отсюда и поступить в цирк?

Она улыбнулась.

— Нет... Оставайся здесь, со мной. Алан, ты считаешь, что я зря так беспокоюсь о Нетти?

— Нет, — ответил Алан. Он засунул правую руку — ту, в которую переложил пятьдесят центов, — в карман брюк, вытащил ее пустой и взялся за кухонное полотенце. — Ты вытащила ее из дурдома, дала ей работу и помогла купить дом. Ты чувствуешь, что несешь за нее ответственность, и полагаю, в какой-то степени так оно и есть. Если бы ты не беспокоилась о ней, я, пожалуй, стал бы беспокоиться о тебе.

Она взяла последний стакан с кухонной стойки. Алан увидел, что лицо ее исказила неожиданная гримаса, и понял, что она не сумеет его удержать, хотя стакан был почти сухим. Он быстро подался вперед, чуть согнув колени и вытянув руку. Движение его было столь грациозно, что оно показалось Полли почти балетным. Стакан выпал у нее из рук и мягко приземлился на его руку, повернутую ладонью кверху, меньше чем в восемнадцать дюймах от пола.

Боль, мучившая ее всю ночь — и подкатывавший к горлу страх того, что Алан догадается, как ей плохо, — неожиданно отступила под волной желания, столь сильного и неожиданного, что оно не просто удивило, а испугало ее. Желание — слишком мягко сказано, верно? То, что она чувствовала, было гораздо проще — эмоция одного, преобладающего цвета. Вожделение.

— Ты двигаешься, как чертова кошка, — сказала она, когда он выпрямился. Голос ее был глухим и слегка запинаящимся. Перед глазами у нее все еще проплывало грациозное движение его чуть согнутых ног и напрягшихся бедренных мышц. Мягкая поступь сильного самца. — Как может такой здоровый мужик так быстро двигаться?

— Не знаю, — сказал он и озадаченно взглянул на нее. — Что случилось, Полли? Ты выглядишь как-то странно. Чувствуешь слабость?

— Я чувствую, — сказала она, — что сейчас кончу, не успев снять трусики.

Тогда и на него тоже накатило. Просто накатило — и все. В этом не было ни плохого, ни хорошего, это просто *было*.

— Давай-ка посмотрим, — сказал он и двинулся вперед с такой грацией и скоростью, какие никто бы не заподозрил в нем, увидев, как он шагает по Мейн-стрит. — Давай проверим. — Он поставил стакан на столик и просунул правую руку ей между ног, прежде чем она успела сообразить, что он делает.

— Алан, что ты делаешь... — а потом, когда его палец мягко дотронулся до ее клитора, «делаешь» превратилось в «дела-а-а-а-ешь», и он легко поднял ее, воспользовавшись своей поразительной силой.

Она обвила его шею руками, даже в этот жаркий момент осторожно касаясь его лишь запястьями; ее ладонки торчали за его спиной, как твердые палочки, но они вдруг стали единственной частью ее тела, сохранившей твердость, а все остальное, казалось, просто таяло.

— Алан, опусти меня!

— И не подумаю, — сказал он и поднял ее еще выше, свободной рукой обняв ее за спину, между лопаток, когда стал прижимать крепче к себе. И вдруг она стала раскачиваться назад и вперед на руке между ее ног, как девчушка на деревянной лошадке, а он помогал ей раскачиваться, и она чувствовала себя, словно в удивительном полете, с ногами на весу, а волосами — где-то среди звезд.

— Алан...

— Держись крепче, красотка, — сказал он и засмеялся, словно она весила не больше подушки, набитой перьями. Она откинулась назад, почти не замечая его поддерживающей руки, только зная, что он не даст ей упасть, а он снова качнул ее вперед, одной рукой обнимая за спину, а другой что-то делая внизу — что-то, что она даже *не представляла себе*, и она снова откинулась назад, исступленно повторяя его имя.

Оргазм ударил ее как сладкая разрывная пуля и растекаясь от центра тела вверх и вниз. Ноги раскачивались в шести дюймах от пола (один тапочек соскочил и улетел аж в комнату), а голова откинулась назад так, что волосы упали ему на запястье маленьким щекочущим водопадиком, и в самый острый момент он поцеловал ее в сладкую белую складочку на шее.

Он опустил ее на пол, и... тут же быстро подхватил, когда у нее подогнулись колени.

— О Господи, — произнесла она, начиная слабо смеяться. — Господи... Алан, я же никогда не сумею отстирать эти джинсы.

Это застигло его врасплох, и он дико расхохотался. Он рухнул на кухонный стул, вытянул ноги прямо перед собой и со стонами ухватился за живот в жутком приступе смеха. Она сделала шаг к нему, он схватил ее, на секунду опустил себе на колени, а потом встал, держа ее на руках.

Она снова ощутила тот сладкий прилив чувства и нужды в нем, но на этот раз волна была яснее и более определенной. Теперь, подумала она, *теперь это влечение. Меня жутко влечет к этому мужчине.*

— Отнеси меня наверх, — сказала она. — А если не можешь так далеко, дотащи меня до дивана. А если не донесешь до дивана, давай прямо здесь, на полу.

— Пожалуй, до комнаты донесу, — сказал он. — Как твои руки, красотка?

— Какие руки? — сонно-мечтательно спросила она и закрыла глаза. Она вся ушла в спокойную ясную радость этой секунды, плывя по времени и пространству у него на руках, плывя в кромешной тьме, поддерживаемая лишь силой его рук. Она прижала лицо к его груди, а когда он уложил ее на диван, притянула его к себе и... на этот раз сделала это не запястьями, а ладонями.

6

Они провели на диване около часа, а потом еще долго — она не помнила сколько — в душе, пока горячая вода не стала остывать. Потом она отвела его к своей постели, куда улеглась сама, слишком усталая и удовлетворенная, чтобы сразу не задремать.

Она рассчитывала заниматься с ним любовью сегодня, но больше ради него, чем ради собственного желания. И, конечно же, не ожидала тех взрывов страсти, к которым это привело, но... была жутко довольна. Боль в руках снова напомнила о себе, но сегодня перкодан ей не понадобится.

— Алан, ты потрясающий любовник.

— И ты тоже.

— Принято единогласно, — пробормотала она, кладя голову ему на грудь. Услышала, как ровно бьется его сердце, словно говоря: а-га, а-га, такая работка ночью — по душе мне и моему хозяину. Она снова подивилась — и не без отдаленного эха той яростной страсти, охватившей ее раньше, — каким быстрым он был и каким сильным... По больше — каким быстрым. Она знала его с тех пор, как Анни пришла работать к ней, была его любовницей последние пять месяцев, но до сегодняшнего вечера даже не подозревала, как быстро он может двигаться. Это было, как полновесный вариант его трюков с монетками, карточными

фокусами и зверюшками-тенями, о которых знали почти все ребяташки в городе и всякий раз, как встречали его, умоляли показать. Это было сверхъестественно и... чудесно.

Она чувствовала, что засыпает. Ей надо было спросить его, останется ли он на ночь, и, если останется, сказать, чтобы он поставил машину в гараж: Касл-Рок — городишко маленький, и тут полным-полно злых языков, — но сейчас это казалось излишним. Алан сам об этом позаботится. Алан, вдруг подумала она, всегда обо всем позаботится.

— Есть свежие новости от Зануды или преподобного Уилли? — сонно спросила она.

Алан улыбнулся.

— Тихо на обоих фронтах — пока по крайней мере. Чем меньше я вижу мистера Китона и преподобного Роуза, тем больше они мне нравятся, и с этой точки зрения сегодняшний день прошел чудесно.

— Как хорошо, — пробормотала она.

— Да, но есть кое-что и получше.

— Что это?

— Норрис вернулся в прекрасном настроении. Он купил удочку и катушку с леской у твоего друга, мистера Гонта, и теперь может говорить только о том, как отправится на уик-энд на рыбалку. Я думаю, он отморозит себе задницу — какая бы маленькая она у него ни была, — но если Норрис весел, то весел и я. Я жутко расстроился, когда Китон изгадил ему вчера его парадный вид и хорошее настроение.

Многие порой смеются над Норрисом, потому что он такой тощий и вообще... Но за последние три года он стал очень неплохим охранником порядка для небольшого городка. А раним он ничуть не меньше других. И не его вина, что он похож на брата-близнеца Дона Ноттса.

— Угу-м-м-м...

Она засыпает... засыпает и плывет в сладкую тьму, где нет боли. Полли расслабилась и уснула со слабой улыбкой сытой кошки на губах.

7

Алан заснуть сразу не смог.

Внутренний голос вернулся, но фальшивая бодрость его тона исчезла. Теперь он звучал вопрошающе, просто и почти потерянно. «Где мы, Алан? — спрашивал он. — Разве это та комната? Та постель? Та женщина? Я, кажется, уже ничего не понимаю».

Неожиданно он поймал себя на том, что жалеет этот голос. Это не было жалостью к себе, потому что голос этот никогда не казался столь отделенным от него самого, как сейчас. Ему почудилось, что голос хочет говорить не больше, чем он — остальной он, Алан, существующий в настоящем и думающий о будущем, — хочет его слушать. Это был голос долга, голос печали. И по-прежнему голос вины.

Чуть больше двух лет назад у Анни Пэнгборн появились головные боли. Не очень сильные или так по крайней мере она говорила: она так же не любила рассказывать о них, как Полли о своем артрите. Потом как-то раз, бреясь — это случилось в самом начале 1990-го, — Алан заметил, что крышечка флакона из-под «анацина-3», стоящего возле раковины в ванной комнате, валяется рядом. Он хотел завернуть крышку и... застыл на месте. Он сам брал несколько таблеток аспирина из этого флакона, содержащего двести двадцать пять капсул, в конце прошлой недели. Тогда он был почти полным. Сейчас — почти пустым. Он стер остатки крема для бритья и отправился в «Шейте сами», где работала Анни с тех пор, как Полли Чалмерз открыла ателье и магазинчик. Он пригласил жену на чашку кофе и... пару вопросов. Спросил ее про аспирин. Он помнил, что чуть-чуть испугался (только чуть-чуть, печально согласился внутренний голос), но только чуть-чуть, потому что никто не принимает сто девяносто капсул аспирина за одну неделю; никто. Анни сказала ему, чтобы он не валял дурака. Она объяснила, что вытирала столик возле раковины и перевернула флакон. Крышка была неплотно завинчена, и почти все капсулки высыпались в раковину,

намокли, стали таять, и она выбросила их.

Так она сказала.

Но он был полицейским, и даже когда кончалось дежурство, не мог избавиться от механической привычки наблюдать за всем. Он не мог выключить детектор лжи. Если вы следите за людьми, когда они отвечают на ваши вопросы, действительно *следите* за ними, вы почти всегда знаете, когда они лгут. Алан однажды допрашивал человека, который выдавал себя, когда лгал, тем, что ковырял ногтем в передних зубах. Ложь выдавал его рот; казалось, само тело жаждет высказать правду. Поэтому он протянул руку через столик, за которым они сидели в закусочной «У Нэнси», взял Анни за руку и попросил ее сказать правду. И когда после некоторого колебания она сказала ему, что да, головные боли стали немножко сильнее, и да, она принимала довольно много аспирина, но нет, она не приняла все капсулы и флакон действительно опрокинулся в раковину, — он поверил ей. Он попался на самый что ни на есть старый трюк, который один жулик назвал «кинуть кость»: если ты врешь и тебя поймали на лжи, отступи и скажи *половину* правды. Если бы он следил за ней внимательней, он бы понял, что Анни с ним по-прежнему не совсем искренна. Он сумел бы заставить ее признать нечто такое, во что сам тогда почти не верил, а сейчас полагал правдой: что головные боли стали очень сильными и она принимала как минимум по двадцать таблеток аспирина в день. И если бы она признала это, он отвез бы ее в Бостон или Портленд в приемную невропатолога еще до конца той недели. Но она была его женой, а в те дни он был менее наблюдательным, когда кончалось его дежурство.

Он успокоил себя, записав ее на прием к Рею Ван Аллену, и она пошла на прием. Рей ничего не обнаружил, и Алан никогда не винил его за это. Рей проверил все обычные рефлексы, заглядывал ей в глаза надежным офтальмоскопом, проверил, не двоится ли зрение, и отправил ее в оксфордскую клинику — на рентген. Однако он не назначил сканирование мозга, а когда Анни сказала, что боли прошли, Рей поверил ей и, как считал Алан, тогда был прав. Алан знал, что доктора так же чувствительны к телесному языку лжи, как полицейские. Пациенты же ничуть не меньше расположены к вранью, чем подследственные, и мотив у них один и тот же: обыкновенный страх. Когда Рей видел Анни, он был «на дежурстве». И вполне возможно, что в промежутке между тем, когда Алан сделал свое открытие и когда Анни отправилась на прием к доктору Ван Аллену, боли прошли. Скорее всего прошли. Рей говорил Алану позже в долгом разговоре за стаканом бренди у себя дома, в Касл-Вью, что в случаях, когда опухоли расположены в верхней части мозга, нередко случается, что симптомы появляются и исчезают. «Обычно при верхних опухолях бывают припадки, — сказал он Алану, — и если бы с ней случился припадок, может быть...» — и пожал плечами. Да... Может быть. И очень может быть, что человек по имени Тад Бомонт⁶ явился невольным соучастником смерти его жены и сына, но Алан в глубине души в это не верил.

Не все, что случается в маленьких городках, становится известно местным жителям, независимо от того, насколько остер их слух и длинен язык. В Касл-Роке знали про Фрэнка Додда, полицейского, который сошел с ума и убивал женщин еще в дни шерифа Баннермэна, знали про Куджо, сенбернара, взбесившегося на городском шоссе № 3, и знали, что дом на озере, принадлежавший Таду Бомонту, новеллисту и местной городской знаменитости, сгорел дотла летом 1989-го. Но никто не знал подробностей этого пожара и того, что Бомонта преследовал человек, который был на самом деле не человеком, а существом, которому нет названия. Однако Алан Пэнгборн знал все эти подробности, и они до сих пор иногда не давали ему спать по ночам. Со всем этим было покончено к тому времени, как Алан серьезно обратил внимание на приступы головных болей Анни, разве что... на самом деле покончено не выло. Пьяные телефонные звонки Тада сделали Алана невольным свидетелем краха его брака и постепенной деградации и распада рассудка Бомонта. И еще возникла проблема собственного рассудка. В приемной какого-то врача Алан однажды

⁶ Тад Бомонт — главный герой романа С.Кинга «Темная половина».

прочитал статью о «черных дырах» — огромных пустотах в космосе, вроде бы пучинах антиматерии, жадно засасывающих все, что находится в пределах их досягаемости. Поздним летом и осенью 1989-го дело Бомонта стало персональной «черной дырой» Алана. Бывали дни, когда он ловил себя на том, что ставит под сомнение самые элементарные основы реальности и задумывается над тем, действительно ли все это произошло. Бывали ночи, когда он лежал без сна до тех пор, пока на востоке не занимался рассвет, боясь заснуть, боясь, что ему опять приснится сон, как прямо на него мчится черный «торнадо» с разлагающимся монстром за рулем, а наклейка на заднем бампере черного «торнадо» гласит: «КЛАССНЫЙ СУКИН СЫН».

В те дни при виде одного-единственного воробья, усевшегося на перилах крыльца или прыгающего по лужайке, ему хотелось кричать. Если бы его спросили, он сказал бы: «Когда у Анни возникли проблемы, я был не в себе». Но дело было не в этом; где-то в самой глубине собственного мозга Алан выдерживал отчаянную битву за свой рассудок. «КЛАССНЫЙ СУКИН СЫН» — вот с чем он боролся. И еще — с воробьями.

Он все еще был не в себе в тот мартовский день, когда Анни и Тодд забрались в старый «скаут», который они держали для поездок по городу, и отправились в «Хемпхилл-маркет». Алан снова и снова прокручивал в мозгу все ее действия в то утро и не мог отыскать в них ничего необычного, ничего, что выходило бы за рамки повседневности. Когда они уезжали, он сидел у себя в кабинете. Он выглянул в окно, возле которого стоял письменный стол, и помахал им рукой на прощание. Тодд, прежде чем забрался в машину, помахал в ответ. Это был последний раз, когда он видел их живыми. Через три мили после въезда на шоссе № 117 и меньше чем в миле от «Хемпхилл-маркета» «скаут» на большой скорости съехал с дороги и врезался в дерево. Полиция штата установила по разбитым частям машины, что Анни — за рулем обычно сама осторожность — выжимала самое малое семьдесят миль в час. Ремень Тодда был пристегнут. Ремень Анни — нет. Скорее всего она уже была мертва, когда пробила ветровое стекло, оставив внутри лишь одну ногу и половину руки. Тодд, возможно, был еще жив, когда взорвался поврежденный бензобак. Эта мысль грызла Алана больше всего на свете — ведь его десятилетний сын, который вел в школьной газете колонку по занимательной астрологии и играл в Младшей лиге, возможно, был жив. Не исключено, он сгорел заживо, пытаясь справиться с замком ремня безопасности.

Была сделана аутопсия. Она показала опухоль в мозгу. Небольшую, как сказал ему Ван Аллен. Размером, как он выразился, с орех. Он не уточнял, была ли она операбельна, если бы ее обнаружили вовремя, — это Алан понял по несчастному выражению лица Рея и его опущенным глазам. Ван Аллен сказал, что в конце концов приступ бы с ней произошел и открыл им глаза... случись это немного раньше. Приступ прошиб все ее тело подобно гальваническому шоку и привел к тому, что она утратила контроль над собой и вдавила педаль газа в пол. Он рассказал это Алану не по собственной воле, а потому что Алан безжалостно его допрашивал и потому что как врач он понимал: независимо от собственных страданий Алан намерен узнать правду... или по крайней мере ту правду, которую он или любой другой, кто не был с ними в машине в тот день, вообще может узнать. «Пожалуйста, — сказал Ван Аллен, легонько дотронувшись до руки Алана, — это был ужасный несчастный случай, но — ничего больше. Тебе нужно пройти через это. У тебя есть еще один сын, и ты нужен ему не меньше, чем он тебе. Тебе надо пройти через это и начать заниматься своими обычными делами».

Он постарался. Его мистический ужас перед делом Тада Бомонта, делом с *(воробьи, воробьи летают)* птицами, начал потихоньку растворяться, и он честно пытался заново склеить свою жизнь — вдовец, полицейский в маленьком городке, отец мальчика-подростка, повзрослевшего слишком рано, но... не из-за Полли, а из-за несчастного случая. Из-за страшной оглушающей травмы: «*Сынок, у меня ужасная новость: тебе надо взять себя в руки...*»

И конечно, он начал плакать, а вскоре расплакался и Ал.

Тем не менее они изо всех сил постарались восстановить то, что можно было

восстановить, и старались до сих пор. Сейчас дела шли немного лучше, но... две вещи никак не хотели исчезнуть.

Первое — большой флакон из-под аспирина, оказавшийся почти пустым всего лишь за неделю.

Второе — тот факт, что Анни не надела свой ремень безопасности.

Анни *всегда* надевала его.

Через три недели мучительных бессонных ночей он записался на прием к невропатологу в Портленде. Он отправился к нему, потому что тот мог лучше ответить на вопросы, которые Алан хотел задать, и еще потому, что ему надоело вытаскивать ответы клещами из Рея Ван Аллена. Доктора звали Скоупс, и впервые в жизни Алан спрятался за своей должностью: он сказал Скоупсу, что вопросы имеют отношение к текущему полицейскому расследованию. Врач подтвердил основное подозрение Алана: да, люди с мозговыми опухолями иногда бывают подвержены непредсказуемым эмоциональным всплескам и порой становятся одержимы манией самоубийства. Когда человек с опухолью в мозгу кончает с собой, сказал Скоупс, действие часто совершается импульсивно, на обдумывание поступка уходят доли минуты, если не считанные секунды. Алан спросил, может ли такой человек прихватить с собой на тот свет кого-то еще.

Скоупс сидел за своим столом, откинувшись в кресле и заведя сцепленные руки за голову, и не мог видеть рук Алана, которые были так намертво зажаты у него между колен, что пальцы стали белее снега. О да, сказал Скоупс. В подобных случаях это довольно распространенный вариант; опухоли головного мозга часто влекут за собой поведение, которое терапевт считал бы психопатическим. Иногда больной считает, что страданию, которое он испытывает, также подвержен кто-то из его любимых и близких, а то и все человечество; другой вариант — это убежденность в том, что любимые и близкие больного не захотят больше жить, если он умрет. Скоупс упомянул случай с Чарлзом Уитменом, забравшимся на верхушку Техасской башни, который, прежде чем покончить с собой, убил больше двух дюжин ни в чем не повинных людей, а также с учительницей средней школы в Иллинойсе, убившей нескольких своих учеников, прежде чем она пришла домой и всадила пулю себе в голову. В обоих случаях вскрытия показали опухоль мозга. В принципе такое возможно, но происходит далеко не во всех и даже не в большинстве случаев. Порой опухоли в мозгу вызывают странные, непредсказуемые поступки, но иногда симптомы вообще не проявляются. Невозможно сказать наверняка.

«Невозможно. Так оставь это», — сказал он себе.

Хороший совет, но... трудновыполнимый. Потому что был флакон из-под аспирина. И ремень.

В основном, конечно, ремень — он не выходил у Алана из головы, висел там маленьким черным облаком и никак не хотел исчезнуть. Она никогда не ездила без него. Даже если надо было проехать до конца квартала и обратно. Тодд пристегнул свой, как обычно. Означало ли это что-то? Если она решила, выехав на шоссе в последний раз, убить себя и взять с собой на тот свет Тодда... заставила бы она тогда и Тодда скинуть свой ремень? Ведь даже испытывая боль, в состоянии депрессии, в страданиях она вряд ли хотела бы, чтобы мучился Тодд, разве не так?

Невозможно сказать наверняка. Оставь это.

Но даже сейчас, лежа в постели рядом со спящей Полли, ему трудно было последовать этому совету. Его рассудок возвращался к этому снова и снова, как щенок, грызущий старый резиновый коврик своими маленькими острыми зубками.

И на этой точке к нему всегда приходило видение — кошмарный образ, который в конце концов привел его к Полли Чалмерз, потому что Полли была самым близким для Анни человеком... Если учесть дело Бомонта и психический стресс, который оно вызвало у Алана, Полли скорее всего в последние месяцы жизни значила для нее больше, чем он.

В этом видении Анни сбрасывала свой ремень, давила на педаль газа и отпускала руль. Отпускала руль, потому что в те последние несколько секунд для ее рук нашлось другое

занятие.

Отпускала руль, чтобы расстегнуть ремень Тодда.

Вот такое видение: «скаут» с ревом несется по дороге — семьдесят миль в час, не меньше, — виляет вправо, на деревья под белым мартовским небом, обещающим вскоре разразиться дождем, Анни борется с ремнем Тодда, а Тодд, крича от страха, отдирает от себя ее руки. Он видел, как любимое и родное лицо Анни превращается в маску злобной ведьмы, видел перекошенное от страха личико Тодда. Иногда он просыпался среди ночи, весь в поту, от звенящего в ушах крика сына: «Деревья, мамочка! Смотри на ДЕРЕВЬЯ!»

И однажды он отправился к Полли, пришел к закрытию ателье и спросил, не зайдет ли она к нему выпить стаканчик или, если ей это неудобно, нельзя ли ему зайти к ней.

Сидя у себя на кухне (*у себя* — заметил внутренний голос), поставив перед ней чашку чаю, а себе сварив кофе, он начал рассказывать ей — медленно, запинаясь — о своем кошмаре.

— Мне надо знать, если только это возможно, не было ли у нее периодов депрессии или безрассудства, о которых я не знал или... не замечал, — говорил он. — Я хочу знать... — Он на секунду беспомощно умолк. Он знал, какие слова должен произнести, но ему становилось все труднее и труднее их выговорить, словно связующая нить между его расстроенным, страдающим сознанием и ртом становилась все тоньше и вот-вот совсем оборвется. Он мучительно напрягся и продолжил:

— Мне не надо знать, была ли у нее тяга к самоубийству. Потому что, понимаете, погибла ведь не только Анни. С ней погиб Тодд, и если были призраки... Призраки, я хочу сказать... *Призраки*, которых я не замечал, то я виновен и в его смерти. И я чувствую, что должен это выяснить.

Тут он замолк с гулко бьющимся сердцем в груди. Он провел рукой по лбу и с удивлением отметил, что ладонь стала влажной от пота.

— Алан, — произнесла Полли и положила руку ему на запястье. Ее серо-голубые глаза смотрели прямо на него. — Если бы я видела такие признаки и никому о них не сказала, я была бы не в меньшей мере виновна, чем, похоже, хочется считать себя вам.

Он раскрыл рот — это он хорошо помнил. Полли могла заметить что-то в поведении Анни, что он упустил; в своих рассуждениях он пришел к такому выводу. Мысль о том, что такое наблюдение подразумевало обязанность что-то предпринять, до сих пор не приходила ему в голову.

— Так вы не заметили? — в конце концов выдавил он.

— Нет. Я раз за разом прокручивала это в уме. Я вовсе не хочу приуменьшать ваше горе и потерю, но вы не единственный, кто испытывает такие чувства, и вы не единственный, кто копается у себя в душе с тех пор, как произошла эта трагедия. Я снова и снова возвращалась к этому за последние несколько недель и до дурноты прокручивала в памяти разные сцены и разговоры, отталкиваясь от того, что показало вскрытие. И сейчас я делаю то же самое, когда вы рассказали мне об этом флаконе с аспирином. И знаете, что я отыскала?

— Что?..

— Пустоту, — сказала она без всякого нажима, отчего слово обрело странную убедительность. — Вообще ничего. Временами мне казалось, что она немножко бледненькая. Помню, несколько раз я слышала, как она разговаривает сама с собой, подкалывая юбку или распаковывая готовое платье. Это самое необычное, что я могу припомнить, и я много раз чувствовала из-за этого себя виноватой. А вы?

Алан кивнул.

— Но в большинстве случаев она вела себя точно так же, как и в первую нашу встречу: была весела, дружелюбна, всегда готова помочь... Хорошая подруга.

— Но...

Ее ладонь, все еще лежащая на его запястье, слегка сжалась.

— Нет, Алан. Никаких «но». Рей Ван Аллен тоже занимается этими... самобичеваниями-по-утрам, так, кажется, это называется. Вы вините его? Есть, по-вашему,

его вина в том, что он не заметил опухоль?

— Нет, но...

— А как насчет моей вины? Каждый день я работала с ней бок о бок; мы вместе пили кофе в десять, ели ленч — в полдень, снова кофе — в три. Со временем мы стали разговаривать очень откровенно, чем дольше мы были знакомы, тем больше нравились друг другу. Алан, я знаю, что она любила вас и как друга, и как любовника, и я знаю, что она любила мальчиков. Но тянула ли ее болезнь к самоубийству... я не замечала. Так скажите мне, вы вините *меня*? — Ее ясные голубые глаза взглянули на него честно и прямо.

— Нет, но...

Ее рука снова сжалась — легонько, но властно.

— Я хочу спросить вас кое о чем. Это важно, поэтому хорошенько подумайте.

Он кивнул.

— Рей был ее врачом, и, если даже это сидело в ней, он этого не видел. Я была ее подругой, и, если это и было в ней, я этого не замечала. Вы были ее мужем, и, если это и подтачивало ее, вы этого *тоже* не увидели. И вы считаете, что это все, что дальше идти некуда и не у кого спрашивать... но это не так.

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Был еще кое-кто, — сказала тогда Полли. — Кто, на мой взгляд, был ближе к ней, чем все мы.

— О ком вы го...

— Алан, а что говорил *Todd*?

Он уставился на нее непонимающим взглядом, словно она произнесла какую-то фразу на иностранном языке.

— *Todd*, — нетерпеливо произнесла она. — Тодд — ваш *сын*. Из-за которого вы не спите по ночам. Это же из-за *него*, правда? Из-за него, а не из-за нее?

— Да, — сказал он. — Из-за него.

Его голос прозвучал высоко и нетвердо, совсем непохоже на его собственный, и он почувствовал, как что-то начало подниматься внутри — что-то огромное и тяжелое. Сейчас, лежа здесь, в постели Полли, он вспомнил этот момент с почти сверхъестественной ясностью: ее ладонь на его запястье, в косых лучах заходящего солнца; ее темно-золотистые волосы; ее светлые глаза; ее мягкую настойчивость.

— Разве она силой затащила Тодда в машину, а, Алан? Он сопротивлялся? Кричал? Дрался с ней?

— Нет... Конечно, нет, но она ведь была его ма...

— Кому пришла в голову мысль, чтобы Тодд поехал с ней в торговый центр в тот день? Ей или ему? Вы можете вспомнить?

Он хотел уже было сказать, что нет, как вдруг вспомнил. Их голоса, доносящиеся из комнаты, когда он сидел за письменным столом и просматривал окружные ордера на предварительное задержание:

— Я хочу съездить в «Хемпхилл-маркет», Тодд, хочешь со мной?

— А можно мне посмотреть там новые видеокассеты?

— Думаю, да. Спроси отца, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Это была ее идея, — сказал он Полли.

— Вы уверены?

— Да. Но она *предложила* ему. Она *не приказывала*.

Эта штука у него внутри, эта тяжелая штука — все еще шевелилась: она упадет, подумал тогда он, и когда упадет, вырвет вместе с собой огромный кусище, потому что корни ее сидят очень глубоко.

— Он боялся ее?

Теперь она уже почти допрашивала его, так же как он допрашивал Рея Ван Аллена, но, казалось, он не в силах был сопротивляться. И он не был уверен, что хотел бы. Что-то тут было, это точно, что-то... что ни разу не приходило ему в голову во время долгих бессонных

ночей и что еще жило.

— Тодд боялся Анни? Господи, нет, конечно.

— А в последние несколько месяцев?

— Нет.

— В последние недели?

— Полли, я тогда был не в том состоянии, чтобы подмечать подробности и вообще замечать... Тогда случилась эта история с Тадом Бомонтом, писателем... Сумасшедшая история, и...

— Вы хотите сказать, вы так отключились, что даже не замечали Анни и Тодда, когда они были рядом, или что вы мало бывали дома?

— Нет... То есть да... Я хочу сказать, что, конечно, я был дома, но...

Это было странное ощущение, когда тебя допрашивают с пристрастием... Словно Полли накачала его новокаином, а потом стала молотить, как боксерскую грушу. И та тяжелая штукавина, чем бы она ни была, все еще двигалась, все еще подкатывалась к той черте, за которой закон притяжения начнет тянуть вниз.

— Тодд когда-нибудь подходил к вам и говорил: «Пап, я боюсь маму»?

— Нет...

— Он когда-нибудь говорил: «Пап, мне кажется, мама собирается покончить с собой, а заодно и со мной тоже»?

— Полли, но это же идиотизм! Я...

— Говорил?

— Нет!

— Говорил он хотя бы, что она странно разговаривает или ведет себя как-то необычно?

— Нет...

— А Ал был тогда в школе, верно?

— Какое это имеет отношение к...

— У нее в гнездышке оставался один ребенок. Когда вы уезжали на работу, они оставались в этом гнездышке вдвоем. Она ужинала с ним вдвоем, помогала ему готовить уроки, смотрела с ним телевизор...

— Читала ему... — сказал он странным глухим голосом, которого сам почти не узнал.

Она, наверно, была первым человеком, которого Тодд видел по утрам, и последним, кого он видел вечерами, — сказала Полли. Ее рука лежала на его запястье. Ее глаза смотрели на него прямо и честно. — Если кто-то и мог видеть, как это подступает, это был тот, кто погиб вместе с ней. *А этот человек не говорил ни слова.*

Вдруг та штука внутри его рухнула. Лицо его начало двигаться. Он чувствовал, как это происходит, — словно к разным точкам лица были прикреплены невидимые нити и каждую из них потянула чья-то мягкая, но настойчивая рука. Жар заполнил ему горло и попытался закупорить его. Жар бросился в лицо. Глаза наполнились слезами; Полли Чалмерз раздвоилась, потом стала расплываться и разбилась на сверкающие осколки. Грудь его расширилась, но в легких, казалось, не было воздуха. Ладони его перевернулись с той чудовищной быстротой, на которую лишь он один был способен, и сжали ее руки — наверно, это причинило ей жуткую боль, но она не издала ни звука.

— Мне не хватает ее! — крикнул он Полли, и болезненное рыдание разбило слова на куски. — Мне не хватает их обоих, о Господи, как же мне не хватает их обоих!

— Я знаю, — тихонько сказала Полли. — Я знаю. Все дело ведь в этом, да? В том, как вам их не хватает.

Он заплакал. Ал плакал каждый вечер целых две недели, и Алан не отходил от него, чтобы дать ему то успокоение, которое он только мог дать, но сам Алан не плакал. Он плакал теперь. Рыдания душили его, и у него не было сил сдерживать их. Он больше не мог заглушить свое горе, и наконец-то с громадным облегчением почувствовал, что у него нет желания это делать.

Ничего не видя перед собой, он отшвырнул от себя чашку с кофе и услышал, как она

ударилась об пол в каком-то другом мире и разбилась. Он уронил свою пылавшую голову на стол, обхватил ее руками и... плакал, плакал...

В какой-то момент он почувствовал, как она поднимает его голову своими прохладными руками — изуродованными добрыми руками, — и кладет ее к себе на живот. Она держала ее там, а он плакал. Долго. Очень долго.

8

Ее рука соскользнула с его груди. Алан тихонько подвинул ее, зная, что если он хотя бы легонько заденет кисть, то разбудит Полли. Глядя в потолок, он задумался, сознательно ли Полли спровоцировала взрыв его горя в тот день. Он склонялся к мысли, что да: или понимая, или интуитивно чувствуя, что ему необходимо выплеснуть свое страдание гораздо больше, чем отыскать ответы, которые наверняка находились не здесь.

Это было началом их отношений, хотя тогда он не воспринял это как начало; он скорее ощутил, как что-то закончилось. Между тем вечером и днем, когда он наконец набрался смелости и пригласил Полли поужинать с ним, он часто думал о взгляде ее голубых глаз и ощущении от ее руки, лежащей на его запястье. Он задумывался о ее мягкой настойчивости, с которой она подталкивала его к мыслям, которые он или не заметил, или не хотел замечать. И в течение этого времени он старался разобраться со своим новым отношением к смерти Анни; как только преграда между ним и его горем была устранена, эти новые чувства выплеснулись целым фонтаном. Главным и самым поганым из них была жуткая злоба на нее за то, что она скрывала болезнь, которую можно было лечить и вылечить, и... за то, что она взяла с собой в торговый центр в тот день их сына. Он поделился некоторыми из этих чувств с Полли, когда они сидели в «У Берчез» хмурым дождливым вечером в прошлом апреле.

— Вы перестали думать о самоубийстве и начали думать об убийстве, — сказала она. — Вот почему вы злитесь, Алан.

Он покачал головой и начал что-то говорить, но она перегнулась через стол и осторожно прижала один из своих неровных пальцев к его губам — на одно мгновение. Замолкни ты. И этот жест так поразил его, что он действительно замолк.

— Да, — сказала она. — Я не собираюсь допрашивать вас на этот раз, Алан... Прошло очень много времени с тех пор, как я ужинала где-то с мужчиной, и мне это слишком нравится, чтобы я стала разыгрывать сейчас из себя мадам Пинкертон. Но люди не злятся друг на друга — во всяком случае, не так, как вы, — за несчастный случай, если только он не был сопряжен с уж очень большой небрежностью. Если бы Анни и Тодд погибли из-за того, что отказали тормоза у «скаута», вы могли бы винить себя за то, что не проверили их, или могли подать в суд на Сонни Джакетта за то, что он схалтурил, когда вы в последний раз отвозили ему машину на профилактику, но вы бы не стали винить ее. Разве нет?

— Думаю, да.

— А я знаю, что да. Может быть, это все-таки был несчастный случай, Алан. Вы знаете, что у нее мог быть припадок, когда она вела машину, потому что вам так сказал доктор Ван Аллен. Но вам никогда не приходило в голову, что она могла вильнуть в сторону, просто чтобы не столкнуться с оленем? Что это могла быть простая случайность?

Приходило. Олень, птица, даже просто встречная машина, выехавшая на ее полосу.

— Да, но ее ремень...

— Ох, да забудьте вы про этот проклятый ремень! — воскликнула она с такой горячностью, что кое-кто из сидящих за соседними столиками недоуменно оглянулся. — Может быть, у нее так болела голова, что она забыла один раз накинуть ремень, но это еще не значит, что она нарочно разбила машину. Приступ головной боли — сильный приступ — объясняет, почему ремень Тодда был застегнут. Но дело даже не в этом.

— А в чем тогда?

— В том, что здесь слишком много «может быть», которые подливают масла в огонь вашей злости. И даже если самые худшие ваши подозрения оказались бы правдой, вы все

равно никогда не будете знать наверняка, так ведь?

— Да...

— А если бы вы все-таки *узнали* ... — Она взглянула на него в упор. На столике между ними стояла свеча, глаза Полли казались темнее в ее пламени, и в каждом из них отражались огоньки. — Знаете, ведь опухоль в мозгу — это тоже несчастный случай. Алан, здесь нет криминала, нет... как вы называете это в вашей профессии?.. Нет преднамеренности. И пока вы не усвоите эго, не будет ни единого шанса.

— Какого шанса?

— *Нашего* шанса, — ровным голосом произнесла она. — Вы мне очень нравитесь, Алан, и я еще не слишком стара, чтоб рискнуть, но я достаточно взрослая, чтобы знать по довольно грустному опыту, куда могут завести меня мои чувства, если дать им волю. И я не позволю им подвести меня хотя бы близко к этой черте, пока вы не сумеете оставить в покое Анни и Тодда.

Он смотрел на нее так, словно утратил дар речи. Она хмуро встретила его взгляд, склоняясь над тарелкой; оранжевый отблеск пламени свечи мерцал на ее гладкой щеке. Снаружи ветер под ивами выдувал длинную ноту на тромбоне.

— Я слишком много наговорила? — спросила Полли. — Если так, я бы хотела, чтобы вы отвезли меня домой, Алан. Я ненавижу чувствовать себя смущенной почти так же, как ненавижу что-то скрывать.

Он протянул руку через столик и легонько коснулся ее ладони.

— Нет, Полли, вы не наговорили лишнего. Мне нравится вас слушать.

Тогда она улыбнулась. Улыбка осветила все ее лицо.

— В таком случае вы получите ваш шанс, — сказала она.

Так у них все началось. Они не чувствовали себя виноватыми, когда встречались, но оба сознавали необходимость быть осторожными — не только потому, что он занимал выборную должность в маленьком городке, а ей нужна была хорошая репутация среди местной общественности, чтобы поддерживать свое дело на плаву, но еще и оттого, что оба ощущали нечто этакое... Похоже, они еще не слишком состарились, чтобы рискнуть, но оба были чуть-чуть староваты, чтобы наплевать на все и поступать без оглядки. Необходимо было соблюдать осторожность.

Потом, в мае, он первый раз очутился с ней в постели, и она рассказала ему про все ее годы между Тогда и Теперь...

Он не совсем поверил в эту историю и был убежден, что в один прекрасный день она расскажет ее снова, не глядя на него и не прикасаясь так часто левой рукой к левому виску. Он понимал, как трудно ей было рассказать даже то, что она приоткрыла, и был согласен терпеливо ждать остального. Был *вынужден* проявлять терпение. Потому что тут требовалась осторожность. Длинного лета в Мэне ему вполне хватило, чтобы полюбить ее.

И теперь, глядя в темноте на потолок ее спальни, он задумался, не пришло ли время снова заговорить о браке. Он уже пытался однажды, в августе, но она повторила свой тогдашний жест — за столиком в «У Берчез». Умолкни. Он полагал...

Но тут поток его мыслей стал прерываться, и Алан плавно скользнул в объятия сна.

9

Во сне он бродил по огромному магазину, идя по длинному помещению, которому не было конца, и проход вдоль рядов сужался в маленькую точку вдаль. Здесь было все — все, что он когда-то страстно хотел купить, но не мог себе позволить: сенсорные часы, потрясающая на ощупь шляпа от «Аберкомби и Фитч», восьмимиллиметровая кинокамера «Белл и Хауэлл» и сотни других предметов, но... Кто-то все время стоял позади него, прямо за его плечом, так что он не мог его видеть.

— Здесь, у нас, мы называем это «дураков учат», старина, — заметил чей-то голос.

Алан узнал его. Он принадлежал тому классному водителю «торнадо», тому сукину

сыну, Джорджу Старку.

— Мы называем этот магазин «финишвилль», — сказал голос, — потому что это место, где сходятся все службы и товары.

Алан увидел громадную змею — она была похожа на питона с крысиной головкой, — выползающую из большой щели между компьютерами «Эппл» с табличкой на полке «Свободная продажа». Он отпрянул назад, но рука без единой линии на ладони схватила его за плечо и остановила.

— Давай, — настойчиво произнес голос, — бери что хочешь, старина. Бери все, что хочешь... и плати за это.

Но каждый предмет, до которого он дотрагивался, превращался в искореженную и оплавленную защелку от автомобильного ремня его сына.

Глава 8

1

У Дэнфорта Китона не было опухоли в мозгу, но когда в субботу ранним утром он сидел у себя в офисе, голова у него раскалывалась от боли. На его письменном столе, рядом со стопками заполненных налоговых деклараций за 1982-1989 годы, были разбросаны пачки корреспонденции — письма из налогового бюро штата Мэн и ксерокопии ответных писем.

Тучи явно начали сгущаться над его головой. Он знал это, но ничего не мог с этим поделать.

Вчера поздно вечером Китон ездил в Люистон, вернулся в Рок около половины первого и остаток ночи провел, без устали меряя шагами свой кабинет, пока его жена спала наверху, убаюканная снотворным. Он поймал себя на том, что взгляд его все чаще цепляется за маленькую кладовку в углу кабинета. Верхняя полка кладовки была забита свитерами — старыми и побитыми молью, — а под ними лежал резной деревянный ящик, который его отец сделал задолго до того, как Альцгеймер навис над ним мрачной тучей, украв его способность здраво мыслить и твердо помнить⁷. В коробке был револьвер.

В последнее время Китон стал подумывать о револьвере все чаще и чаще. Не для себя, нет; по крайней мере сначала не для себя. Для Них. Для Преследователей.

Без четверти шесть он вышел из дома и поехал по пустым предрассветным улицам к зданию муниципалитета. Эдди Уорбуртон со шваброй в руке и «честерфилдом» в зубах (позолоченная медаль святого Кристофера, которую он купил днем раньше в «Самом необходимом», была надежно спрятана под его рубашкой из голубого шамбре⁸) провожал его взглядом, пока он взбирался по лестнице на второй этаж. Эти двое не обменялись ни словом. Эдди привык за последний год к появлениям Китона в здании в неурочные часы, а Китон уже давным-давно вообще перестал замечать Эдди.

Китон сложил бумаги в стопку и, подавив сильное желание порвать их на мелкие кусочки и разбросать по кабинету, начал сортировать. В одну пачку — письма из налогового бюро, в другую — ответы. Он держал эти письма в нижнем ящике своего шкафа — ящике, ключ к которому был лишь у него одного.

В конце почти каждого письма стояла приписка: «ДК/шл». «ДК», разумеется, означало Дэнфорт Китон, а «шл» — Ширли Лоуренс, его секретаршу, которая печатала корреспонденцию под диктовку. Однако несмотря на стоявшие там ее инициалы, Ширли не перепечатывала ни один из его ответов на письма из бюро.

Кое-что имело смысл держать при себе.

⁷ Имеется в виду болезнь Альцгеймера — старческое слабоумие.

⁸ Шамбре — хлопчатобумажная ткань для рубашек.

В глаза ему бросилась фраза: «...и нами были замечены расхождения в ежеквартальных городских налоговых сборах за 1989 финансовый год...».

Он быстро отложил письмо в сторону.

Еще одна: «...При выборочном рассмотрении форм рабочих компенсаций за последний квартал 1987-го у нас возникли серьезные вопросы относительно...»

В папку.

И еще: «...полагаем, что Ваша просьба об отсрочке проверки кажется на этот раз преждевременной...»

Они кружились вокруг в тошнотворном хороводе, вызывая у него такое чувство, словно он сидит на какой-то жуткой, бешено вертящейся карусели и никак не может ее остановить и слезть.

«...вопросы относительно данных о фондах на фермерские...»

«...мы не нашли протокола о том, что городом уплачены...»

«...распределение средств из фондов штата не было должным образом оформлено...»

«...утерянные квитанции счетов должны...»

«...нехватка наличности не соответствует...»

«...вынуждены потребовать полную документацию расходов...»

И вот теперь это последнее письмо, что пришло вчера. И заставило его тащиться вечером в Люистон, куда он клялся себе никогда больше не ездить в сезон скачек.

Китон мрачно уставился на письмо. Голова у него гудела, в висках бился пульс, большая капля пота медленно скатилась между лопатками, по самой середине спины. Под глазами у него были большие темные круги, угол рта разъел герпес.

Отделение штата Мэн Августа, 04330
НАЛОГОВОЕ БЮРО

Заглавная буква под печатью штата, казалось, кричала, а обращение — холодное и официальное — угрожало:

Выборным Касл-Рока

Вот так. Никаких больше «Дорогой Дэн» или «Дорогой мистер Китон». Никаких добрых пожеланий семье на последней странице. Письмо было полно ледяной ненависти, как удар сосулькой по макушке.

Они хотели аудиторской проверки городских бумаг.

Всей городской бухгалтерии.

Городских налоговых протоколов, справок о федеральных доходах и отчислениях и доходах и отчислениях штата, муниципальных бюджетов на укрепление правопорядка, бюджетов паркового строительства, даже финансовых отчетов о развитии экспериментального лесного хозяйства, субсидируемого штатом.

Они хотели увидеть все, и они хотели увидеть это 17 октября. Значит, через пять дней, не считая сегодняшнего.

Они.

Письмо было подписано казначеем штата, аудитором и, что казалось еще более зловещим, генеральным прокурором штата — главным легавым Мэна. И подписи стояли подлинные — никаких факсимильных печаток.

— Они, — свистящим шепотом прошипел Китон, обращаясь к письму. Он потряс им, и оно мягко зашуршало. Он, как злобный пес, оскалил на него зубы. — *Они-и-и-и!*

Он швырнул письмо поверх стопки со всеми остальными посланиями и закрыл папку. На ее обложке было аккуратно напечатано: КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ, НАЛОГОВОЕ БЮРО ШТАТА МЭН

Китон секунду смотрел на закрытую папку. Потом он вытащил ручку из подставки

(чернильный прибор подарил когда-то ОБОК — Общество болтунов округа Касл) и большими неровными буквами вывел через всю обложку: ШТАТ МЭН — БЮРО КА-КА! Мгновение он любовался надписью, а потом внизу приписал: ШТАТ МЭН — БЮРО ЗАСРАНЦЕВ! Ручку он держал в кулаке, зажав ее как нож.

Закончив писать, он размахнулся и швырнул ручку через всю комнату. С негромким стуком она ударилась о стену и упала в дальнем углу.

Китон закрыл другую папку — ту, в которой лежали копии писем, написанных им самим (где он каждый раз приписывал маленькими буквами инициалы своей секретарши); письма, которые он составлял долгими бессонными ночами; письма, которые оказались ни на что не годными. Посередине лба у него набухла и начала пульсировать жилка.

Он встал, отнес обе папки к шкафу, положил их в самый нижний ящик, закрыл его и тщательно проверил, хорошо ли запер. Потом подошел к окну и, глядя на спящий город и делая глубокие вдохи и выдохи, попытался успокоиться.

Они охотились за ним. Преследователи. В тысячный раз он стал раздумывать над тем, кто же натравил Их на него с самого начала. Если бы он мог найти этого Главного Преследователя, если бы он только его отыскал, Китон достал бы ствол из коробки, лежащей под старыми, побитыми молью свитерами, и прикончил бы его. Однако он не стал бы делать это быстро. О нет. Он бы отстреливал от ублюдка кусок за куском и заставил бы его при этом распевать национальный гимн.

Его мысли перескочили на тощего заместителя шерифа Риджвика. А может быть, это он? Вообще-то он не производит впечатления ушлого парня, но... внешность — штука обманчивая. Пэнгборн сказал, что Риджвик присобачил квиток к «кадиллаку» по его приказу, но это еще не значит, что так оно и было на самом деле. А в мужском сортире, когда Риджвик обозвал его Занудой, в глазенках его светился какой-то подлый намек, словно он что-то знает. Работал ли уже здесь Риджвик, когда стали приходить первые письма из налогового бюро? Китон был уверен, что да. Сегодня он просмотрит личное дело этого парня, чтобы знать наверняка.

А как насчет самого Пэнгборна? Он-то ушлый — дальше некуда; он точно ненавидит Дэнфорта Китона (как и Они Все, верно? разве Все Они не ненавидят его?), и Пэнгборн прекрасно знает многих людей из Августы. Черт, да ведь он чуть ли не каждый Божий день болтает с ними по телефону! Телефонные счета приходят колоссальные — даже за служебную линию.

А может, они оба? И Пэнгборн, и Риджвик? Может, они заодно?

— Одиноким рейнджере со своим верным другом-индейцем Тон-то, — глухо произнес Китон и мрачно улыбнулся. — Если это ты, Пэнгборн, ты об этом пожалеешь. А если вы заодно, то вы *оба* пожалеете. — Руки его медленно сжались в кулаки. — Я не буду терпеть это вечно, уж будьте покойны.

Его аккуратно подстриженные ногти впились в ладони. Он даже не заметил, как на них выступила кровь. Может, это Риджвик, может — Пэнгборн, может — Мелисса Клаттербак, эта фригидная сука, городской казначей, а может быть, Билл Фуллертон. Второй выборный (он точно знал, что Фуллертон хочет занять его место и не успокоится, пока не добьется своего)...

А может быть, они *все* .

Все вместе.

Китон шумно выдохнул воздух, так что на небьющемся оконном стекле его кабинета появилось затуманенное пятнышко. Весь вопрос заключался в том, что ему теперь со всем этим делать? Что ему делать в эти дни — от сегодняшнего до 17-го числа?

Ответ был прост: он не знал.

2

Вся жизнь молодого Дэнфорта Китона была окрашена в простые цвета — черный и

белый, и его это вполне устраивало. Когда ему исполнилось четырнадцать, он ходил в школу Касл-Рока и подрабатывал в семейном автобизнесе — мыл помещение автосалона и надраивал выставочные модели. «Шевроле-Китон» была одной из самых старых ветвей «шевроле» в Новой Англии и главным фундаментом финансовой структуры их клана. Структура была и в самом деле основательная, по крайней мере до недавнего времени.

Все четыре года школы для всех без исключения он оставался Занудой. Он поступил на коммерческие курсы, заработал твердый Б-уровень, без малейшего напряжения прошел студенческий отбор и отправился в Бостон, в Бизнес-трейнер-колледж. В колледже он уверенно вышел на А-уровень и закончил учебное заведение на три семестра раньше срока... Вернувшись в Рок, он ясно дал всем понять, что дням Зануды пришел конец.

Жизнь текла прекрасно, пока они со Стивом Фрейзером не съездили как-то проветриться в Люистон девять или десять лет тому назад. Тогда-то и начались его беды; тогда-то всю его аккуратную черно-белую жизнь стала заливать расплывающаяся серая тень.

Он в жизни до этого не играл на бегах — ни будучи Занудой в школе Касл-Рока, ни будучи Дэном в колледже, ни будучи мистером Китон в «Шевроле-Китон» и в Совете выборных. Насколько Китону было известно, никто в его семье никогда не играл в азартные игры; он не мог припомнить среди семейных развлечений даже таких невинных, как «скат» по маленькой или «переверни-монетку». На такие вещи никогда не было никаких табу, никаких «не смей» — просто никто этого не делал. Китон в жизни не заключал никаких пари до той первой поездки со Стивом Фрейзером на скачки в Люистон. Больше он нигде не играл, да в этом и не было нужды. Тех бед, которые наделали люистонские скачки, Дэнфорду Китону хватало вполне.

Тогда он занимал должность третьего выборного. Стив Фрейзер, теперь уже пять лет как лежащий в сырой земле, был главным выборным Касл-Рока. Китон и Фрейзер поехали «в город проветриться» (так всегда назывались наезды в Люистон) вместе с Батчем Ниди, касл-рокским инспектором окружных социальных служб, и Гарри Самьюэлсом, который всю свою жизнь был выборным и скорее всего выборным и должен был помереть. Поводом для поездки послужила расширенная конференция окружных чиновников, а темой — новые законы налогообложения и сборов... И конечно же, именно налоговые сборы и послужили причиной всех его бед. Не будь их, Китона скорее принудили бы собственноручно выкопать себе могилу киркой и лопатой, чем залезать в городскую казну, а с их помощью он получил возможность пользоваться финансовым черпаком.

Конференция длилась два дня. Вечером, в перерыве, Стив предложил сделать вылазку в город и немного встряхнуться. Батч и Гарри отказались. Китону тоже не очень улыбалось провести вечер со Стивом Фрейзером — старым толстым транжирой с заплывшими жиром мозгами. И все-таки он пошел. Наверно, он пошел бы, даже если бы Стив предложил обойти все навозные кучи в преисподней. Ведь Стив худо-бедно был главным выборным. Гарри Самьюэлс прекрасно чувствовал себя, оставаясь вторым, третьим или четвертым выборным до конца жизни, Батч Ниди уже объявлял, что уйдет в отставку, когда закончится его срок, а вот Дэнфорт Китон вынашивал свои собственные честолюбивые замыслы, и ключом к ним был этот старый толстый осел Фрейзер.

Итак, они пошли развлекаться, сперва заглянув в «Освятись». Веселись в «Освятись»! — призывала вывеска над входом, и Фрейзер и впрямь здорово развеселился, заглатывая стаканчики виски с содовой так, словно виски из них выплеснули, и свистя вслед стриптизершам — те были почти все толстые, почти все старые и все без исключения сонные как мухи. Китон тогда подумал, что они словно замороженные. Еще он подумал, что вечер обещает быть долгим и унылым.

Потом они отправились на Люистонские бега, и все изменилось.

Они прибыли туда как раз к пятому заезду, и Фрейзер потащил отнекивающегося Китона к окошку, где принимали ставки, — потащил, как пастушья собака тащит заблудшего ягненка обратно к стаду.

— Стив, я же ничего в этом не смыслю...

— Это не важно, — радостно провозгласил Фрейзер, дыша парами виски прямо в лицо Китону. — Сегодня нам повезет, Зануда. Я прямо чувствую это.

Он понятия не имел, как делать ставки, а постоянная трепотня Фрейзера заглушала то, о чем переговаривались другие игроки, стоя в очереди к окошку двухдолларовых ставок.

Когда пришел его черед, он сунул парню в окошке пятидолларовую бумажку и сказал:

— Номер четыре.

— Победитель, место или заезд? — спросил парень, но на мгновение у Китона отнялся язык. За спиной у парня он увидел потрясающее зрелище. Трое служащих пересчитывали и сортировали огромные стопки купюр — там было больше наличных, чем Китон видел за всю свою жизнь.

— Место, победитель или заезд? — нетерпеливо повторил парень. — Быстрее, приятель. Здесь тебе не Публичная библиотека.

— Победитель, — сказал Китон. Он понятия не имел, что означают «место» и «заезд», но что такое «победитель», он хорошо знал.

Парень швырнул ему билет и три доллара сдачи — один доллар и бумажку в два доллара. Пока Фрейзер платил за свою ставку, Китон с интересом разглядывал двухдолларовую купюру. Он, конечно, знал, что такие бумажки есть, по живьём, кажется, никогда до сих пор их не видел. На ней был изображен Томас Джефферсон. Занятно. Вообще все здесь было очень занятно — запах лошадей, кукурузных хлопьев и орехов; спешащие куда-то толпы людей; атмосфера азарта. Место это жило той жизнью, на которую он как-то сразу отозвался. Он испытывал оживление подобного рода и раньше — да, много раз, но впервые почувствовал его в более широком смысле этого слова. Дэнфорт Китон, Зануда, который редко по-настоящему ощущал себя частью хоть чего-нибудь, почувствовал, что он — часть вот этого, что он к этому причастен. Здорово причастен.

— А это не сравнить с «Освятись», — сказал он Фрейзеру, когда тот присоединился к нему.

— Да, скачки — это вещь, — кивнул Фрейзер, — с ними даже чемпионаты мира не сравнятся, не то что... Пошли поближе к дорожке. Ты на какую лошадь поставил?

Китон уже не помнил, и ему пришлось свериться с билетом.

— Номер четыре, — сказал он.

— Место или заезд?

— Э-э... Победитель.

С добродушным сожалением Фрейзер покачал головой и похлопал его по плечу.

— На победителя — это говенная ставка, Зануда. Говенная, даже когда табло тотализатора говорит, что нет. Но ты скоро научишься.

И он, конечно, научился.

Где-то раздалось громкое «бан-н-нг» — ударил колокол, — и Китон подскочил от неожиданности. «Они пошпшилиии!» — проревели динамики ипподрома. Громовой рев взметнулся над толпой, и Китон вдруг ощутил, как по телу его прошел электрический разряд. Копыта замесили грязь на треке. Фрейзер одной рукой ухватил Китона за локоть, а другой стал буравить толпу, сгрудившуюся у дорожки. Они очутились меньше чем в двадцати ярдах от финишной прямой.

Голос из динамика оглашал номера: номер седьмой, Моя Милашка, ведет на первом круге, вторая — номер восьмой, Разбитая Лужайка, третья — номер первый, Привет. Номер четвертый звали Абсолют — самое тупое имя для лошади, которое Китон слышал за всю свою жизнь, — и он бежал шестым. Китон почти не переживал из-за этого. Он был заморожен несущимися лошадьми, их переливающимися под светом прожекторов шкурами, мельканием спиц в колесах на поворотах и яркими расцветками шелковых костюмов жокеев. Когда лошади вышли на финишную прямую, Разбитая Лужайка начала прижимать Мою Милашку. Моя Милашка оборвала построики, и Разбитая Лужайка пронеслась мимо нее. В то же время Абсолют начал выбиваться вперед — Китон увидел это раньше, чем лишенный телесной оболочки голос из динамика оповестил об этом следящих за треком, и почти не

почувствовал, как Фрейзер ухватил его за локоть, и почти не услышал, как тот проорал ему:

— Это твоя лошадь. Зануда! Это твоя лошадь, и у нее есть шанс! Когда лошади выскочили на финишную прямую и устремились к тому месту, где стояли Китон и Фрейзер, вся толпа начала реветь. Китон снова ощутил, как по его телу прошел электрический ток — на сей раз не один *разряд*, а целый каскад. Он стал реветь вместе со всеми; на следующий день он так охрип, что едва мог сипеть.

— Абсолют! — орал он. — Давай, Абсолют, давай, сука, СКАЧИ!

— Рысью, — сказал Фрейзер, смеясь так, что слезы текли у него по щекам. — Давай, сука, рысью! Ты это хочешь сказать, Зануда?

Китон не обращал на него внимания. Он находился в другом мире. Он посылал мысленные вопли к Абсолюту, телепатически внушая лошади силу.

— Теперь впереди Разбитая Лужайка и Привет. Привет и Разбитая Лужайка, — гремел божественный голос из динамиков, — и их быстро настигает Абсолют, пока они проходят к последней восьмьюшке мили...

Лошади подошли совсем близко, поднимая клубы пыли. Абсолют неся с выгнутой шеей, вытянув голову вперед, ноги его поднимались и падали, как поршни; он обошел Привета и Разбитую Лужайку, которая здорово отстала на том месте, где стояли Китон и Фрейзер, и продолжала отставать все больше.

Когда на табло зажглись цифры, Китону пришлось спросить у Фрейзера, что они означают. Фрейзер взглянул на свой билет, потом на табло и беззвучно свистнул.

— Я вернул свои бабки? — взволнованно спросил Китон.

— Зануда, ты сделал кое-что получше. Абсолют шел тридцать к одному.

Прежде чем они ушли с ипподрома той ночью, Китон выиграл больше трехсот долларов. Вот так и родилось у него это наваждение.

3

Он снял свой плащ с вешалки в углу кабинета, надел его и собрался было уходить, но, взявшись за дверную ручку, вдруг застыл и оглянулся. Напротив окна на стене висело зеркало. Китон долго и подозрительно смотрел на него, а потом подошел к нему вплотную. Он не вчера родился и знал, как Они используют зеркала.

Он приставил к зеркалу лицо, не обращая внимания на свое отражение с мертвенно-бледной кожей и налитыми кровью глазами, и прижал к обеим щекам ладони, загородившись от света. Он искал камеру на той стороне. Искал Их.

Но ничего не увидел.

Простояв так довольно долго, он сделал шаг назад, протер для вида запотевшее стекло рукавом плаща и вышел из кабинета. Пока ничего. Но это не значит, что Они не придут сегодня вечером, не снимут его зеркало и не заменят его односторонним стеклом. Шпионить — любимое дело Преследователей. Придется теперь проверять зеркало каждый день.

— И я буду, — произнес он, обращаясь к пустому лестничному пролету. — Буду, можете не сомневаться.

Эдди Уорбуртон мыл пол в вестибюле и даже не поднял глаз на Китона, когда тот выходил на улицу.

Машину Китон оставил позади здания, но ехать ему не хотелось. Он чувствовал себя слишком заведенным, чтобы садиться за руль; если сядет, то скорее всего врежется в чью-нибудь витрину. В своем распаленном состоянии он даже не замечал, что движется не к дому, а в обратном направлении. Была суббота, четверть восьмого утра, и он одиноко брел по пустынному деловому кварталу Касл-Рока.

Мысли его очень скоро вернулись к той первой ночи на Люистонском ипподроме. Казалось, он тогда не сделал ничего плохого. Стив Фрейзер проиграл тридцать долларов и после девятого заезда сказал, что уходит. Китон заявил, что, пожалуй, еще побудет там немного. Он едва взглянул на Фрейзера и почти не заметил, как тот ушел. Помнится, он еще

подумал, что это неплохо, когда никто не бубнит все время под руку: Зануда, сделай то. Зануда, сделай это. Он терпеть не мог эту дурацкую кличку, и Стив, разумеется, знал это — потому и пользовался.

На следующей неделе он снова приехал туда, на сей раз один, и проиграл шестьдесят долларов от прошлого выигрыша. Но его это почти не занимало. Хотя он часто думал о тех огромных пачках купюр, дело было вовсе не в деньгах, нет: деньги были лишь символом, который забираешь с собой; своего рода вещественным доказательством того, что ты был здесь; был, пускай недолго, частью грандиозного представления. Что ему действительно было нужно, так это безудержное, рвущееся наружу возбуждение, охватывавшее толпу, когда звонил колокол на старте, с тяжелым скрипом открывались ворота и динамик орал: «Они пошшшлиии!» Что его и впрямь заводило, так это рев толпы, когда коляски выезжали на третий круг и рвались что есть силы к финишной прямой, это истерические вопли с трибун, когда они заканчивали четвертый круг и устремлялись на финишную прямую. Это было здорово, ох, как же это было здорово! Это было *так* здорово, что... становилось опасным.

И Китон решил держаться от этого подальше. Его жизненный путь был тщательно продуман. Он намеревался стать главным выборным, когда Стив Фрейзер наконец отбросит копыта, а через шесть-семь лет после этого собирался выставить свою кандидатуру в палату представителей штата. А потом, кто знает? Федеральная палата не была чем-то недостижимым для человека с честолюбием, способностями и... здравым рассудком.

В этом-то и заключалась *главная* беда ипподрома. Сначала он этого не понимал, но понял — и довольно скоро. Ипподром — это место, где люди платят деньги, покупают билеты и... чуть-чуть сходят с ума. На время.

Китон слишком часто сталкивался с безумием в своей собственной семье, чтобы спокойно относиться к притягательной силе Люистонского ипподрома. Это была палка о двух концах, ловушка со спрятанными кольями, заряженный револьвер со снятым предохранителем. Он знал — стоило ему появиться там, и он не мог уйти, пока не закончится последний заезд. Он пытался. Однажды он проделал почти весь путь до турникетов, пока что-то в подсознании — что-то могучее, властное, ящероподобное — не поднялось со дна, не взяло над ним верх и не повернуло его обратно. Китон жутко испугался пробуждения этого ящера. Лучше было его не будить.

Три года он держался. Потом, в 1984-м, Стив Фрейзер ушел на пенсию, и Китона выбрали главным. Тогда и пришла настоящая беда.

Он отправился на ипподром отпраздновать свою победу, а поскольку у него был праздник, он решил пуститься во все тяжкие. Он миновал двух- и пятидолларовые окошки и направился прямо к окну десятидолларовых ставок. Той ночью он проиграл сто шестьдесят долларов — больше, чем он мог потерять безболезненно (жене он сказал на следующий день, что проиграл сорок), но не больше того, что он мог себе позволить. Никак не больше.

Через неделю он вернулся, чтобы отыграться за прошлый проигрыш и завязать навсегда. И ему это почти удалось. Вся соль была в «почти» — точно так же, как когда-то он «почти» вышел за турникеты. Еще через неделю он проиграл двести десять долларов. Это пробило такую брешь в его счете, которую Миртл наверняка бы заметила, поэтому, чтобы прикрыть ее, он позаимствовал немного из городского фонда домашних животных. Всего сотню. Сущую безделицу.

Дальше — пошло и поехало. Доска была и впрямь о двух концах, и как только начинаешь скользить по ней, так уже не можешь остановиться. Можно расходовать силы, цепляясь за края и замедляя падение, но... это только продлевает агонию.

Когда Миртл в конце концов убедилась, что его отлучки связаны не с женщиной на стороне, что это всего-навсего лошадиные бега, она вздохнула с облегчением. Это отвлекало его от дома, где он играл роль тирана, а много проигрывать он не мог, рассудила она, потому что это никак не отражалось на чековой книжке. Просто Дэнфорт нашел себе безобидное для своих средних лет развлечение.

Всего-навсего скачки, подумал Китон, шагая по Мейн-стрит с засунутыми глубоко в карманы плаща руками. Он издал странный, дикий смешок, который, случись кому-то оказаться рядом на улице, заставил бы прохожего обернуться. Миртл следила за чековой книжкой. Мысль о том, что Дэнфорт мог растратить Т-акции, в которые были переведены все их сбережения, никогда не приходила ей в голову. Как не была она осведомлена и о том, что «Шевроле-Китон» на краю краха.

Она следила за чековой книжкой и вела домашние счета.

Он был Хранителем Главных Ценностей.

Когда дело касается растраты, Хранителю Главных Ценностей лучше удастся ее скрыть, но... в конце концов ларчик неизбежно должен открыться. Вербки и обертка на ларчике Китона начали трещать и рваться осенью 1990-го. Он пытался, как мог, связать концы с концами, надеясь отыгаться на ипподроме. К тому времени он нашел букмекера, который давал ему возможность делать ставки куда крупнее, чем позволял ипподром.

Однако это не принесло удачи.

А потом, этим летом, его начали преследовать всерьез. До того Они лишь играли с ним. Теперь Они были готовы убить, и до Судного Дня оставалось меньше недели.

«Я достану Их, — подумал Китон. — Со мной еще не все кончено. У меня есть еще парочка трюков в рукаве».

Однако что это за трюки, он не знал, и в этом-то и была вся беда.

«Ничего. Есть какой-то выход. Я знаю, он должен быть...» Здесь поток его мыслей вдруг оборвался. Он стоял перед новым магазином — «Самое необходимое», — и то, что он увидел на витрине, на секунду-другую вытеснило все остальное из его головы.

Это была ярко раскрашенная прямоугольная картонная коробка с картинкой спереди. Похоже на настольную игру. Но это была игра, связанная со скачками. И он готов был поклясться, что на картинке — две лошади, идущие голова в голову на финишную прямую, — были изображены Люистонские скачки. Не будь он Занудой Китоном, если там, на заднем плане, нарисована не Главная трибуна.

Игра называлась «ВЫИГРЫШНЫЙ БИЛЕТИК».

Китон стоял и смотрел на нее почти целых пять минут словно загипнотизированный — как мальчишка смотрит на витрину с электрической железной дорогой. Потом он медленно прошел под темно-зеленый навес, чтобы посмотреть, работает ли магазин по субботам. На двери с внутренней стороны за стеклом висела табличка с одним-единственным словом:

ОТКРЫТО

Китон секунду разглядывал ее, думая — как до него думал Брайан Раск, — что ее забыли снять по ошибке. Магазины, да еще в Касл-Роке на Мейн-стрит, не открываются в семь утра, особенно по субботам. И тем не менее он взялся за дверную ручку. Она легко повернулась.

Когда он открыл дверь, над головой звякнул маленький серебряный колокольчик.

4

— На самом деле это не игра, — говорил пять минут спустя Лиланд Гонт. — Тут вы ошиблись.

Китон сидел в плюшевом кресле с высокой спинкой, в котором на этой неделе до него уже успели посидеть Нетти Кобо, Майра Эванс, Эдди Уорбуртон, Эверетт Франкель, Синтия Роз Мартин и многие другие. Перед ним стояла чашка душистого ямайского кофе. Гонт, оказавшийся чертовски славным парнем для заезжего торговца, настоял, чтобы Китон выпил хотя бы одну. Сам он, перегнувшись в витрину, осторожно доставал коробку. Он был одет в великолепно сидящий темно-бордовый смокинг, и ни один волосок не нарушал его идеального пробора. Он сообщил Китону, что часто открывает магазин в неурочные часы, потому что, сколько себя помнит, страдает бессонницей.

— Даже когда я был совсем молод, — сказал он с горькой усмешкой, — а с тех пор

прошло очень много лет.

Однако, по мнению Китона, он выглядел свежим, как маргаритка, кроме глаз — так налитых кровью, что, казалось, их родной цвет — красный.

Он вытащил наконец коробку и поставил ее на маленький столик рядом с Китоном.

— Она сразу бросилась мне в глаза, — сказал Китон. — Картинка здорово похожа на Люистонский ипподром. Когда-то я бывал там.

— Любите азартные игры, да? — с улыбкой спросил Гонт.

Китон уже хотел было сказать, что никогда в жизни не играл на бегах, но передумал. Улыбка Гонта была не просто дружелюбной; это была улыбка понимания, и вдруг ему показалось, что рядом с ним его товарищ по несчастью. Что, кстати, свидетельствовало, как близко он стоял у опасной черты, потому что, когда он пожал Гонту руку, на него накатила волна такого неожиданного и глубокого отвращения, словно все мышцы свело судорогой. На какое-то мгновение его охватила жуткая уверенность, что он наконец-то отыскал своего Главного Преследователя. Придется взять себя в руки; ни к чему заходить слишком далеко.

— Приходилось рискнуть пару раз, — сказал он.

— К сожалению, и мне тоже, — кивнул Гонт. Его покрасневшие глаза на мгновение уперлись в глаза Китона, и в них промелькнуло абсолютное понимание или... Китону так показалось. — Я играл на всех бегах от Атлантики до Тихого океана, и я совершенно уверен, что ипподром на коробке — это Лонгакр-парк в Сан-Диего. Теперь его там, конечно, нет — построены новые дома.

— Во-от как, — протянул Китон.

— Но позвольте, я покажу вам эту вещицу. Думаю, она вас заинтересует.

Он снял крышку с коробки и осторожно вытащил жестяную беговую дорожку на подставке длиной в три и шириной в полтора фута. Она была похожа на детские игрушки Китона — те, что делали в Японии сразу после войны. Трек представлял собой копию двухмильного заезда. На нем было очерчено восемь узких полос, и восемь же жестяных лошадок стояли у стартовой черты. Каждая была насажена на маленький шпенек.

— Ого, — сказал Китон и ухмыльнулся. Он улыбался первый раз за много недель, и ощущение от улыбки показалось ему странным и незнакомым.

— «Да вы толком-то ничего и не усекли», как говаривал один мой знакомый, — ухмыльнулся в ответ Гонт. — Эта малютка, мистер Китон, осталась с тридцатого или тридцать пятого года. Настоящий антиквариат. Однако это не просто игрушечные бега тех дней.

— Нет?

— Нет. Вы знаете, что такое спиритическая доска?

— Конечно. Дощечка, которой задаешь вопросы, а она должна выдавать ответы из потустороннего мира.

— Точно. Ну так вот в годы Депрессии было полно игроков, которые верили, что «Выигрышный билетик» — это та же спиритическая доска для скачек.

Его глаза снова встретились с взглядом Китона. Они, казалось, дружески улыбались, и Китон не в силах был отвести от них взгляд точно так же, как не мог уйти с ипподрома до конца последнего заезда, когда однажды попытался это сделать.

— Глупо, не правда ли?

— Да, — согласился Китон. Но это вовсе не казалось ему глупым. Это казалось совершенно... совершенно...

Совершенно естественным.

Гонт порылся в коробке и вытащил маленький жестяной ключик.

— Каждый раз выигрывает другая лошадка. Полагаю, внутри там есть какое-то устройство, обеспечивающее очередность, — примитивный, но достаточно надежный механизм. Теперь смотрите.

Он вставил ключик в отверстие на боку жестяной подставки, на которой стояли

лошадки, и стал поворачивать его. Раздались негромкие пощелкивания. Когда ключик дошел до упора, Гонт вытащил его.

— На какую ставите? — спросил он.

— На пятую.

— Отлично, а я ставлю на шестую. Сыграем по маленькой? Просто для интереса?

— Конечно! По сколько?

— Не на деньги, — сказал Гонт. — Мои времена играть на деньги, мистер Китон, давным-давно миновали. Это самая неинтересная из всех ставок. Давайте договоримся так: если ваша лошадка выигрывает, я оказываю вам маленькую любезность. На ваш выбор. Если первой приходит моя, придется вам оказать мне любезность.

— А если приходит любая другая, все ставки отменяются?

— Точно. Вы готовы?

— Ага, — сдавленно произнес Китон и наклонился поближе к жестяной беговой дорожке. Руки он зажал между своими жирными коленями.

Перед стартовой чертой была сделана небольшая жестяная загородка. Гонт негромко скомандовал:

— Пошлии! — и выдернул ее.

Колесики и шестеренки под подставкой начали крутиться. Лошадки пересекли стартовую черту и двинулись вперед, каждая по своей дорожке. Сначала они шли медленно, раскачиваясь на своих стерженьках и передвигаясь маленькими толчками, пока главная пружина — или их было несколько, — раскручивалась внутри доски, но, пройдя первый круг, они стали набирать скорость.

Две лошадки вырвались вперед, преследуемые еще шестью, а остальные отстали.

— Давай, пятерка! — тихо вскрикнул Китон. — Давай, шевелись, сука!

Словно услышав его, маленькая жестяная лошадка начала отрываться от остальных. На половине круга она сравнялась с семеркой. Шестая, на которую ставил Гонт, тоже начала вырываться вперед.

«Выигрышный билетик» дрожал и трясся на маленьком столике. Лицо Китона склонилось над доской, как огромная бледная луна. Капелька пота с его лба упала на крохотного жестяного жокея, сидевшего на лошади № 3; будь он настоящий, здорово бы промок.

На третьем круге семерка набрала скорость и догнала первых двух. Первой среди них была пятерка Китона, а шестерка Гонта висела у нее на хвосте. Эти две, лихо подпрыгивая на своих стерженьках, здорово оторвались от остальных.

— Давай, сукина дочь! — заорал Китон. Он совершенно забыл, что лошадки эти — всего лишь грубо вырезанные из жести фигурки. Он забыл, что находится в магазине человека, которого видит первый раз в жизни. Старое, знакомое возбуждение вновь охватило его и трясло, как фокстерьер крысу. — Давай же, доставай их! Жми, тварь, ЖМИ! Дай им ЖАРУ!

Пятерка поравнялась с лидирующей и... вырвалась вперед. Лошадь Гонта почти догнала ее и отставала всего на корпус, когда пятерка первой пересекла финишную прямую.

Механизм еле двигался, но большинство лошадей снова встало у стартовой черты, прежде чем совсем кончился завод. Гонт пальцем подтолкнул отставших, чтобы они заняли место на старте для следующего заезда.

— У-уф! — выдохнул Китон и вытер взмокшие брови. Он чувствовал себя совершенно вымотанным, но... все-таки гораздо лучше, чем за последние месяцы. — А это было неплохо!

— Да, просто здорово, — кивнул Гонт.

— В те времена понимали толк в вещичках, верно?

— Понимали, — с улыбкой согласился Гонт. — И похоже, с меня причитается, мистер Китон.

— А-а, забудьте — это было забавно.

— Ну уж нет. Джентльмен всегда платит за проигрыш. Как говорится, дайте мне знать

за денек-другой, когда захотите прикупить фишек.

Когда захотите прикупить фишек.

Все навалилось на него снова. Фишки! Его фишки все — у Них! *Они!* .. В четверг Они пересчитают его фишки, и тогда... Что тогда? Что?

Перед глазами у него заплясали газетные заголовки с проклятиями.

— Хотите знать, как заядлые игроки в тридцатые годы пользовались этой игрушкой? — негромко спросил Гонт.

— Да, конечно, — ответил Китон, но на самом деле это было ему до лампочки, пока... Пока он не поднял взгляд. Глаза Гонта снова смотрели на него в упор, они опять завладели им, и мысль о том, чтобы использовать детскую игрушку для предсказания победителя, показалась вполне разумной.

— Так вот, — сказал Гонт, — они брали газету с перечнем заездов и их участников на текущий день и один за другим прогоняли все заезды. Прямо на этой доске, понимаете? Каждой лошади они давали в каждом заезде определенное имя, взятое из газеты, — просто касались пальцем одной из жестяных лошадок и произносили вслух имя, а потом заводили и запускали эту штуку. Так они прогоняли всю программу — восемь, десять, дюжину заездов. А потом они отправлялись на ипподром и ставили на тех лошадей, которые выигрывали у них дома.

— Это срабатывало? — спросил Китон. Ему показалось, что голос его идет откуда-то издалека. Совсем издалека. Он словно плавал в глазах Лиланда Гонта... в их красноватой пене. Ощущение было странное, но, как ни удивительно, весьма приятное.

— Говорят, да, — сказал Гонт. — Скорее всего просто глупое суеверие, но... Не хотите ли сами купить игрушку и попробовать?

— Да, — выдохнул Китон.

— Вы — тот человек, которому здорово нужен... выигрышный билетик, а, Дэнфорт?

— И не один. Мне нужна целая куча. Сколько?

Лиланд Гонт рассмеялся.

— О нет... *так* не пойдет! Ведь я у вас в долгу! Знаете что, откройте бумажник и дайте мне первую купюру, которую вытащите оттуда. Я уверен, она будет в самый раз.

И Китон открыл бумажник и, не отрывая взгляда от лица Гонта, вытащил купюру, и, конечно, она оказалась точно такой же — с изображением Томаса Джефферсона, — как та, что навлекла на него когда-то все нынешние беды.

5

Гонт убрал ее с быстротой фокусника, показывавшего очередной трюк, и сказал:

— Есть *еще* кое-что.

— Что?

Гонт подался вперед, посмотрел честным взором на Китона и на мгновение коснулся рукой его колена.

— Мистер Китон, — сказал он негромко, — вы знаете про... Них?

У Китона на миг перехватило дыхание, как у спящего, нырнувшего в ночной кошмар.

— Да, — прошептал он. — О Господи, да.

— Этот город весь полон ими, — продолжал Гонт все тем же тихим, доверительным голосом. — Просто переполнен. Не прошло и недели, как я открыл магазин, но мне это уже известно. Я думаю, Они охотятся за мной. По сути дела, я уверен в этом. И мне может понадобиться ваша помощь.

— Да, — сказал Китон. Голос его окреп: — Клянусь Богом, вы ее получите!

— Видите ли, вы впервые меня встречаете и ровным счетом ничем не обязаны мне...

Китон, для которого Гонт был уже самым близким другом из всех, с кем он был знаком за последние десять лет, открыл рот, чтобы возразить. Но Гонт простер к нему руку, и протест умер, не успев родиться.

— ...И вы понятия не имеете, продал ли я вам то, что действительно будет работать, или мешок иллюзий... того сорта, что превращаются в кошмары, стоит вам свистнуть. Я не сомневаюсь, что вы уже верите в эту штуку; у меня, если можно так выразиться, большой дар убеждать людей. Но я верю в довольных покупателей, мистер Китон, и только в довольных. Я много лет занимаюсь своим делом, и свою репутацию я составил на довольных клиентах. Поэтому возьмите эту игрушку. Если она сработает — отлично. Если нет, подарите ее Армии спасения или вышвырните на городскую свалку. Что вы теряете? Пару зелененьких?

— Пару зелененьких, — согласился Китон как заворуженный.

— Но если она *сработает* и если вам удастся избавиться от ваших временных финансовых затруднений, возвращайтесь навестить меня. Мы посидим, выпьем кофе, как сегодня утром, и... поговорим о Них.

— Дело зашло слишком далеко, чтобы можно было просто взять и вернуть свои деньги, — произнес Китон ясным, но бесцветным голосом человека, разговаривающего во сне. — Даже если штука сработает, я не успею прогнать все заезды за пять дней.

— За пять дней многое может перемениться, — задумчиво сказал мистер Гонт. Он поднялся на ноги движением, исполненным какой-то порочной грации. — У вас впереди трудный день... И у меня тоже.

— Но Они... — запротестовал было Китон. — Как же с Ними?

Гонт дотронулся одной из своих длинных, мягких ладоней до локтя Китона, и при всем своем одурманенном состоянии тот почувствовал, как его желудок едва не вывернуло наизнанку.

— Мы разберемся с Ними, — сказал Гонт, — можете не беспокоиться.

6

— Джон! — окликнул Алан Джона Лапойнта, когда тот через боковую дверь появился в конторе шерифа. — Хорошо, что ты пришел!

Субботним утром, в половине одиннадцатого, контора шерифа Касл-Рока, как обычно, была пуста — Норрис ловил где-то рыбу, а Китон Томас отправился в Стэнфорд навещать своих замужних сестер. Шейла Бригем была у приходского священника церкви Богородицы на Чистых Водах — помогала брату составлять очередное письмо в газету, объясняющее абсолютную безвредность Ночи Казино. Отец Бригем также хотел, чтобы письмо ясно выражало его убеждение, что у Уильяма Роуза окончательно поехала крыша. Разумеется, такую вещь нельзя было высказать прямо — тем более в местной газете, — но отец Джон и его сестра Шейла прикладывали все усилия, чтобы отразить как можно яснее существо дела. Энди Клагтербак был где-то на дежурстве или так, во всяком случае, полагал Алан: он не объявлялся с тех пор, как Алан час назад приехал в контору. Пока не появился и Джон; единственным, кто находился в здании муниципалитета кроме Алана, был, похоже, Эдди Уорбуртон, возившийся сейчас в углу с водоохладителем.

— Что случилось, док? — спросил Джон Лапойнт, присев на угол письменного стола Алана.

— В субботу утром? Не много. Но посмотри сюда. — Алан расстегнул правый манжет своей рубашки хаки и закатал рукав. — Заметь, ладонь у меня не отрывается от запястья.

— Угу, — кивнул Джон, вытащил из кармана брюк пластинку «Джуси фрут», сорвал с нее обертку и сунул жвачку в рот.

Алан продемонстрировал свою открытую пустую ладонь, повернул кисть, показав ее тыльную сторону, и сжал руку в кулак. Потом указательным пальцем левой руки он полез в кулак правой и, вытащив оттуда маленький шелковый хвостик, приподнял брови и взглянул на Джона.

— Неплохо, м-мм?

— Если это шарф Шейлы, она вряд ли обрадуется. Он теперь весь измят и пропах

твоим потом, — сказал Джон. Похоже, трюк не произвел на него никакого впечатления.

— Я не виноват, что она оставила его на столе, — возразил Алан. — Кроме того, волшебники не потеют. А теперь: «Абракадабра, тьфу-тьфу-тьфу!» — Он вытащил из правого кулака шарф Шейлы и дунул на него. Шарф взметнулся вверх и приземлился на пишущую машинку Норриса, как яркая бабочка. Алан взглянул на Джона и со вздохом спросил: — Что, не фонтан?

— Симпатичный фокус, — великодушно сказал Джон, — но я уже видел его несколько раз раньше. Раз эдак тридцать или сорок.

— А ты что скажешь, Эдди? — окликнул Алан Уорбуртона. — Неплохо для заместителя Великого Мага, а?

Эдди едва удостоил его взглядом, на мгновение оторвавшись от охладителя, в который сейчас заливал воду из пластиковых канистр с этикетками «ВЕСЕННЯЯ ВОДА».

— Не видел, шериф. Извините.

— Оба вы безнадежны, — заявил Алан. — Но предупреждаю, Джон, я сейчас работаю над его усовершенствованием. И обещаю, ты скоро рот разинешь.

— Угу. Алан, ты по-прежнему хочешь, чтобы я проверял сортиры в этом новом ресторане на Ривер-роуд?

— Хочу, — сказал Алан.

— Ну почему именно я всегда должен копать в дерьме? Почему Норрис не может...

— Норрис проверяет сортиры в «Веселых тропинках» в июле и августе, — сказал Алан. — Я это делаю в июне. Так что хватит базарить, Джонни, сейчас твоя очередь. И я хочу, чтобы ты взял пробы воды. Возьми несколько специальных пробирок, которые прислали из Августы. Там должна еще остаться упаковка — в шкафу, в коридоре. По-моему, я видел их за коробкой крекеров Норриса.

— Ладно, твоя взяла, — сказал Джон. — Но должен заметить, что проверять воду на содержание разных микроорганизмов — обязанность владельца ресторана. Я сверялся с кодексом.

— Разумеется, — кивнул Алан. — Но, Джонни, речь ведь идет о Тимми Гендоне. Тебе это ни о чем не говорит?

— Говорит. Я не куплю в этой новой пообедаловке гамбургер, даже если буду подыхать с голоду.

— Точно! — воскликнул Алан, встал и похлопал Джона по плечу. — И, я надеюсь, мы сумеем отобрать лицензию у этого придурка до того, как количество бродячих кошек и собак в Касл-Роке начнет резко сокращаться.

— Но это же поганое дело, Алан.

— Ничего подобного, это Тимми Гендон — поганец. Принеси сегодня пробы воды, и я отправлю их, до конца дня в отдел здравоохранения Августы.

— А ты что будешь делать утром?

Алан спустил рукава рубашки и застегнул манжет.

— Сейчас я отправлюсь в «Самое необходимое», — сказал он. — Хочу повидаться с мистером Лиландом Гонтом. Он произвел большое впечатление на Полли, и, судя по тому, что я слышал, она не единственная в городе, кого он очаровал. Ты его видел?

— Нет еще, — сказал Джон, и они вместе направились к двери. — Но пару раз проезжал мимо. Забавные там штучки на витрине.

Они прошли мимо Эдди, протиравшего большую стеклянную бутылку водоохладителя тряпочкой, которую он извлек из заднего кармана штанов. Он даже не взглянул на них, когда они выходили, — будто погруженный в мир своих собственных грез. Но как только парадная дверь за ними захлопнулась, Эдди Уорбуртон поспешил к кабинке диспетчера и снял телефонную трубку.

— Хорошо... Да... Да, я понял.

Лиланд Гонт стоял рядом со своим кассовым аппаратом, прижимая к уху радиотелефон «Кобра». Улыбка — тоненькая, как только что появившийся в ясном небе серп месяца, — скривила его губы.

— Спасибо, Эдди. Спасибо большое.

Гонт подошел к занавеске, отделявшей магазин от заднего помещения, слегка раздвинул ее и наклонился. Верхняя часть его туловища исчезла за занавеской. Когда он выпрямился, в руках у него была табличка.

— Можешь идти домой... да... Да, будь уверен, я не забуду. Я никогда не забываю лиц и услуг, Эдди, и это одна из причин, почему я так сильно не люблю, когда мне напоминают о них. До свидания. — Не дожидаясь ответа, он нажал на кнопку «конец разговора», убрал антенну и сунул телефон в карман своего смокинга. Окошко на входной двери было задернуто шторкой. Мистер Гонт сунул руку между шторкой и стеклом, чтобы убрать табличку с надписью

ОТКРЫТО

Он заменил ее на ту, которую достал из-за занавески, а потом подошел к окну витрины — посмотреть, как подъезжает Алан Пэнгборн.

Пэнгборн некоторое время постоял у окна, заглядывая внутрь, прежде чем подойти к двери; он даже приставил на секунду ладони к стеклу. Хотя Гонт стоял прямо перед ним с раскинутыми в стороны руками, шериф его не видел.

Лицо Пэнгборна не понравилось мистеру Гонту с первого взгляда. Впрочем, это его не удивило. Он умел читать по лицам людей еще лучше, чем запоминать их; надпись на этом лице была большой и в некотором роде опасной.

Неожиданно лицо Пэнгборна изменилось; глаза немного расширились, а добродушная линия рта сузилась и вытянулась в тонкую прямую. Гонт испытал приступ мгновенного и совершенно несвойственного ему страха. «Он видит меня!» — пронеслось у него в голове, хотя это, конечно, было невозможно. Шериф сделал полшага назад и... рассмеялся. Гонт сразу же понял, что произошло, но это ничуть не заглушило его моментально возникшую глубокую неприязнь к Пэнгборну.

— Убирайся отсюда, шериф, — прошептал он. — Убирайся и оставь меня в покое.

8

Алан долго стоял у магазина, разглядывая витрину. Он раздумывал над тем, вокруг чего разгорелся сыр-бор. Перед тем как поехать к Полли вчера вечером, он поговорил с Розали Дрейк, и в устах Розали «Самое необходимое» предстало как аналог «Тиффани» на севере Новой Англии, однако выставленный в витрине фарфоровый сервиз вовсе не выглядел как вещичка, ради которой стоит вскакивать среди ночи и будить мамочку телефонным звонком — в лучшем случае средненькое качество обычной распродажи. У нескольких тарелок были сколы на краях, а у одной по самой середине проходила трещинка толщиной в волос.

«Ну ладно, — подумал Алан, — каждому свое. Может, этому сервизу добрая сотня лет и он стоит целое состояние, а я просто невежда и не разбираюсь в этом».

Он прижал ладони к стеклу, чтобы заглянуть за витрину, но смотреть было не на что — свет не горел, внутри было пусто. Потом ему показалось, что он уловил чью-то тень — кто-то странный и прозрачный разглядывал его изнутри с призрачным и враждебным интересом. Он сделал полшага назад, прежде чем до него дошло, что он видит собственное отражение. Он рассмеялся, слегка смутившись от своей ошибки, и подошел к двери.

Шторка была опущена; за стеклом висела табличка с написанными от руки словами:

УЕХАЛ В ПОРТЛЕНД ПОЛУЧАТЬ ТОВАР ЖАЛЬ, ЧТО НЕ ЗАСТАЛИ МЕНЯ
ПОЖАЛУЙСТА, ПРИХОДИТЕ ЕЩЕ

Алан достал из внутреннего кармана бумажник, вытащил оттуда визитку и на обороте написал:

Дорогой мистер Гонт.

Я заезжал в субботу утром, чтобы поприветствовать Вас и сказать «добро пожаловать в наш городишко». Жаль, что не застал Вас. Надеюсь, Вам понравился Касл-Рок! В понедельник загляну снова. Может быть, выпьем по чашке кофе. Если могу быть чем-то Вам полезен, мои телефоны — служебный и домашний — на обороте.

Алан Пэнгборн.

Он нагнулся, просунул визитку под дверь и снова выпрямился. Еще несколько секунд он разглядывал витрину, прикидывая, кому может понадобится набор треснувших тарелок. И пока он стоял так, на него накатило странное, липкое ощущение — будто за ним кто-то наблюдает. Алан обернулся, но не увидел позади никого, кроме Лестера Пратта. Лестер наклеивал одну из этих чертовых листовок на телефонную будку и даже не смотрел в его сторону. Алан пожал плечами и направился к зданию муниципалитета. В понедельник у него будет достаточно времени, чтобы повидаться с Лиландом Гонтом; в понедельник все будет нормально.

9

Лиланд Гонт смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом подошел к двери и поднял визитку Алана. Он внимательно прочитал написанное на обеих сторонах карточки, и на губах у него заиграла улыбка. Шериф собирается заглянуть сюда снова в понедельник, так? Что ж, это очень кстати, поскольку мистер Гонт полагал, что к понедельнику шерифу округа Касл придется жарить совсем другую рыбку. И другой рыбки будет предостаточно. И это было действительно очень кстати, потому что ему и раньше приходилось встречать людей вроде Пэнгборна; от них следовало держаться подальше, во всяком случае, пока налаживаешь какое-то дело и обзаводишься клиентурой. Люди вроде Пэнгборна видят слишком многое.

— Что-то случилось с вами, шериф, — сказал Гонт. — И это что-то делает вас еще более опасным, чем вам полагается быть. И еще: это написано у вас на лице. Интересно, что же это такое? Что-то, что вы сделали, что-то, что вы видели, или и то, и другое вместе?

Он стоял, выглядывая на улицу, и его губы медленно приподнялись и обнажили крупные неровные зубы. Разговаривал он обычно тихим, умиротворяющим голосом как человек, который долгое время был своим единственным и самым лучшим собеседником.

— Насколько я понимаю, вы — что-то вроде салонного мага, мой высокопоставленный друг. Любите фокусы. Я покажу вам парочку новеньких трюков, прежде чем уеду из города. И я уверен, вы будете от них в восторге.

Сняв визитную карточку шерифа, он сжал ее в кулаке. Когда она совсем исчезла, язычок пламени вырвался из щели между его средним и безымянным пальцами. Он снова раскрыл ладонь, и хотя бледные струйки дыма поднимались с поверхности его ладони, от визитки не осталось и следа — даже горстки пепла.

— Абракадабра, тьфу-тьфу-тьфу, — тихонько проговорил Гонт.

10

Миртл Китон в третий раз за этот день подошла к двери кабинета мужа и прислушалась. Когда она встала около девяти часов утра, Дэнфорт уже сидел там запершись. И теперь, в час

дня, он все еще находился там, а дверь была по-прежнему закрыта. Когда она спросила, не принести ли ему ленч, он глухим голосом велел ей отправляться подальше, потому что он занят.

Она подняла было руку, чтобы снова постучать в дверь, но... застыла, слегка наклонив голову. Из-за двери послышался шум — какие-то скрежещущие, пощелкивающие звуки. Они напомнили ей звук, который издавали часы с кукушкой ее матери за неделю до того, как окончательно развалились.

Она тихонько постучалась снова.

— Дэнфорт?

— Оставь меня в покое! — раздался его голос, в котором сквозило то ли возбуждение, то ли страх.

— Дэнфорт, с тобой все в порядке?

— Да, черт бы тебя побрал! Оставь меня в покое! Я скоро выйду!

Щелканье и скрежет. Скрежет и щелканье. Звук, как от набившейся в миксер грязи. Он немного пугал ее. Она надеялась, что Дэнфорт не сорвался там с катушек. Он так *странно* вел себя в последнее время.

— Дэнфорт, хочешь, я съезжу в булочную и куплю пончиков?

— Да! — проорал он. — Да! Да! Пончиков! Туалетной бумаги! Салфеток для соплей! Поезжай куда хочешь! Купи что угодно! *Только оставь меня в покое!*

Огорченная и обеспокоенная, она постояла так еще несколько секунд, раздумывая, не постучаться ли снова, но потом решила этого не делать. Она уже не была уверена в том, что хочет знать, чем занимается там, за закрытой дверью, Дэнфорт. Она даже не была уверена, что хочет, чтобы он открыл дверь.

Она надела туфли и теплый плащ — было солнечно, но прохладно, — и пошла к машине. Она заехала в «Сельскую духовку» в самом конце Мейн-стрит и купила полдюжины пончиков — с медом для себя и с шоколадными орешками для Дэнфорта. Она надеялась, что пончики хоть чуть-чуть его подбодрят — ее-то шоколад всегда взбадривал.

По дороге обратно она кинула взгляд на витрину «Самого необходимого». То, что она там увидела, заставило ее резко и сильно нажать на педаль тормоза. Если бы кто-то ехал за ней, он бы наверняка долбанул ее сзади.

На витрине стояла самая *потрясающая* кукла на свете.

Штора, конечно, была поднята. И табличка, висевшая за стеклом, гласила:

ОТКРЫТО

Разумеется.

11

Полли Чалмерз провела субботний полдень самым несвойственным для нее образом: ровным счетом ничего не делая. Она сидела у окна в своей деревянной бостонской качалке, аккуратно сложив руки на коленях и глядя на редко проезжающие по улице машины. Алан позвонил ей перед выездом на дежурство, рассказал, как упустил Лиланда Гонта, и спросил, как она себя чувствует и не нужно ли ей чего-нибудь. Она сказала, что чувствует себя прекрасно и, спасибо, ей ничего не надо. Оба эти утверждения были лживыми: чувствовала она себя далеко не отлично и очень нуждалась в некоторых вещах. Первым в списке стояло лекарство от артриты.

Нет, Полли... говорила она себе, что тебе на самом деле нужно, так это немного храбрости. Столько, чтобы подойти к мужчине, которого ты любишь, и сказать: «Алан, я рассказала тебе не всю правду про те годы, что меня не было в Касл-Роке, и я просто наврала тебе про то, что случилось с моим сыном. Теперь я хочу попросить у тебя прощения и рассказать правду».

Это выходит так просто, когда разговариваешь сама с собой. Сложно становится, только когда смотришь любимому человеку в глаза и стараешься подобрать ключ, которым можно отпереть свое сердце, не разодрав его на кровоточащие, трепещущие от боли кусочки.

Боль и ложь; ложь и боль. Две вещи, вокруг которых в последнее время вертится вся ее жизнь.

— Как ты сегодня, Полли?

— Отлично, Алан. Все в норме.

На самом деле все было ужасно. И не то чтобы у нее так страшно болели руки в эту самую секунду; она почти желала, чтобы они заболели, ибо, как бы ни страшна была боль, когда она наконец приходила, ожидание боли было куда страшнее.

Вскоре после полудня она ощутила теплое покалывание — почти вибрацию — в кистях. Вокруг суставов и у основания больших пальцев образовались жаркие кружочки; она чувствовала, как они растекаются из-под каждого ногтя маленькими узкими полосками, как невеселые улыбки. Так уже случалось с ней раньше — дважды, — и она знала, что это значит. Ей предстояло пережить то, что ее тетя Бетти, у которой был такой же артрит, называла настоящим кошмаром. «Когда руки у меня начинает покалывать электрическими булавками, я всегда знаю, что пора задраивать люки», — говаривала Бетти, и теперь Полли старалась задраивать свои люки — впрочем, без особого успеха.

Снаружи двое мальчишек выскочили на середину улицы, играя с мячом. Тот, что был справа — младший из парней Лоусов, — подпрыгнул, пытаясь перехватить пас. Мяч ударил его по пальцам и отскочил на лужайку Полли. Побежав за ним, он увидел, что она выглядывает из окна, и махнул ей рукой. Полли подняла в ответ руку... и почувствовала внезапный приступ боли, словно накрывший кисть толстым слоем поднятой ветром угольной пыли. Потом боль исчезла, и осталось лишь прежнее покалывание, похожее на сгущающийся перед грозой воздух.

Боль придет — в свое время; она ничего не могла с этим поделать. А ложь, которую она сплела Алану про Келтона, — дело другое. И правда, подумала она, вовсе не так уж страшна и ужасна... И он, возможно, подозревает, а может, и знает, что она солгала ему. Знает. Ты же видела это по его лицу... Так почему же это так тяжело, Полли? Ну почему?

Отчасти из-за артрита, полагала она, а отчасти от болеутоляющего, на которое она стала полагаться все больше и больше: эти две вещи как-то затуманивали разумные мысли, превращали прямой и ясный угол зрения в странную, изломанную кривую. И потом, ведь была еще собственная боль Алана... И прямота и честность, с которыми он открыл ее. Он выложил ей все как на духу, без всяких колебаний.

Его чувства, вызванные странным несчастным случаем, унесшим жизни Тодда и Анни, были сбивчивыми и темными — полным-полно мерзких (и пугающих) всплесков эмоций, но тем не менее он раскрылся перед ней весь. И сделал это, потому что хотел выяснить, не знала ли она что-то такое про душевное состояние Анни, чего не знал он... Но еще он сделал это, потому что играть по-честному и держать такие вещи на виду — просто часть его натуры. Она боялась его реакции, когда (и если) он узнает, что честная игра не всегда присуща ее натуре; что сердце у нее, как и руки, тронут ранним инеем.

Она неловко поежилась в своем кресле.

«Я *должна* ему сказать — рано или поздно, но мне *придется*. И никакие рассуждения не могут объяснить, почему мне это так тяжело; не могу даже объяснить, почему я вообще стала лгать ему. Я хочу сказать, что ведь не убивала своего сына...»

Она вздохнула — звук был больше похож на всхлип — и выпрямилась в кресле, отыскивая глазами играющих в мяч ребятшек, но они уже убежали. Полли откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

вечерней свиданке, а потом яростно спорила с родителями и прочими родственниками о том, чем это должно закончиться. Они хотели, чтобы она вышла замуж за Пола Шихана по прозвищу Дюк — парнишку, от которого она залетела. Она в ответ объявила, что не вышла бы за Дюка, даже если бы он был последним парнем на всем белом свете. Это была правда, но гордость не позволяла ей сказать, что Дюк не хотел жениться на ней — по словам его ближайшего друга, он уже лихорадочно готовился к вступлению в морскую пехоту, как только ему исполнится восемнадцать... что должно было случиться меньше чем через шесть недель.

— Давай-ка расставим все точки над «и», — сказал Ньютон Чалмерз, а затем сломал последний хрупкий мостик, соединяющий его с дочерью. — Он был достаточно хорош, чтобы трахаться с ним, но слишком плох, чтобы выйти за него, — я правильно понял?

Тогда она попыталась сбежать из дома, но мать поймала ее. Если она не выйдет за этого мальчишку, сказала Лоррейн Чалмерз своим сладким, рассудительным голосом, едва не сводившим Полли с ума, когда она была девчонкой, им придется отослать ее к теге Саре в Миннесоту. Она сможет оставаться в Сант-Клауде, пока не родится ребенок, а потом отдать его на усыновление.

— Я знаю, почему вы хотите, чтобы я уехала, — сказала Полли. — Это из-за тетушки Эвелин, правда? Вы боитесь, что, если она пронюхает о зернышке в моей печке, то вычеркнет вас из своего завещания. Все дело в деньгах, разве не так? А до меня вам и дела нет. Вам на меня просто нас...

Под сладким, рассудительным голосом Лоррейн Чалмерз всегда скрывался скверный характер. Она обрушила последний тоненький мостик между собой и дочерью, дав Полли пощечину.

И Полли убежала из дома. Это случилось очень-очень давно — в июле 1970-го.

Она решила немного передохнуть, когда добралась до Денвера, и проработала там до тех пор, пока не родила ребенка в благотворительном заведении, которое пациенты называли Нидл-парком. Она твердо решила отдать ребенка на усыновление, но что-то — быть может, чувство, охватившее ее, когда патронажная сестра принесла его ей после родов, — заставило ее передумать.

Она назвала мальчика Келтоном в честь деда по отцовской линии. Собственное решение оставить ребенка немного испугало ее, поскольку она считала себя разумной практичной девушкой, а между тем ничего из того, что произошло с ней за последний год, не соответствовало этому образу. Прежде всего разумная практичная девушка забеременела без брачных уз, в то время как разумные практичные девушки таких вещей просто не делают. Затем разумная, практичная девушка убежала из дома и родила своего ребенка в городе, где раньше никогда не бывала и о котором ничего не знала. И в довершение всего разумная практичная девушка решила оставить ребенка и взять его с собой в будущую жизнь, которую она себе совершенно не представляла и о которой трудно было даже гадать.

По крайней мере она не оставила ребенка из чувства противоречия; в этом ее обвинить никто бы не смог. Она сама была удивлена любовью — этим самым простым, самым сильным и самым беспощадным из всех чувств.

Итак, она поехала дальше. Нет... Они поехали дальше. Она сменила несколько унылых и противных работ, и наконец они осели в Сан-Франциско, где она, вероятно, хотела начать все сначала. Ранним летом 1971-го Сан-Франциско напоминал рай для хиппи — в нем обреталось огромное количество волосатиков со шнурками на лбу и бит-групп с названиями вроде «Гроздь виноградинок» или «Лифт на тринадцатом этаже».

Как пелось в популярной в те годы песенке Скотта Маккензи о Сан-Франциско, летом там наступала пора влюбленных. Полли Чалмерз, которую даже тогда вряд ли кто-нибудь принял бы за хиппи, как-то пропустила период влюбленности. Дом со взломанными почтовыми ящиками, где поселилась она с Келтоном, был битком набит наркотой, которая носила на шеях плакаты и значки с призывами к миру, а в грязных и рваных мотоциклетных ботсах — выкидные ножи. Самыми частыми визитерами здесь были сыщики, репортеры и

полицейские — много полицейских, и лучше было не обзывать их здесь в лицо свиньями; легавые тоже упустили свое время влюбленности и, может, оттого были здорово раздражены.

Полли подала заявку на материальную помощь и обнаружила, что не прожила достаточно долго в Калифорнии, чтобы получить пособие — быть может, сейчас кое-что и изменилось, но в 1971-м молодой незамужней матери было так же трудно жить в Сан-Франциско, как и в любом другом месте. Она подала заявку на пособие для детей малоимущих и стала ждать — и надеяться, — что из этого выйдет. Келтон никогда не пропускал кормежки, но сама она вечно перехватывала кусок на ходу — не многие из тех, что знали Полли теперь, узнали бы ее в той худощавой молодой женщине, часто голодной и всегда испуганной. Воспоминания о тех трех первых годах на Западном побережье, спрятанные в дальнем уголке ее памяти, как старая одежда в кладовке, были кошмарны и отвратительны, как страшные сны.

И не в этом ли состояла большая часть ее упорного нежелания рассказать Алану про те годы? Не хотела ли она просто не вытаскивать их на свет? Она была не единственной, кто страдал от унижения собственной гордости, упорного нежелания обратиться за помощью и порочного лицемерия тех времен, провозглашавших триумф свободной любви и в то же самое время объявлявших одиноких незамужних матерей с детьми изгоями, существами, находившимися за гранью нормального общества. Келтон был заложником ее успеха, когда она яростно прогрызала себе дорогу в этом дурацком крестовом походе.

Самое страшное заключалось в том, что ее положение медленно начало выправляться. Весной 1972-го она в конце концов добилась помощи от штата, ее первый чек от ПДМ должен был прийти в следующем месяце, и она уже строила планы переезда в дом получше, когда случился пожар.

Звонок застал ее на работе во время обеда, и потом в бесконечных снах Норвил, повар-на-подхвате, который в те дни все время пытался залезть ей в трусики, снова и снова поворачивался к ней, держа в руке телефонную трубку, и снова и снова повторял одну и ту же фразу: «Полли, это полиция, они хотят поговорить с тобой. Полли, это полиция, они хотят поговорить с тобой».

Они действительно хотели поговорить с ней, потому что они вытащили тела молодой женщины и маленького ребенка с выгоревшего третьего этажа жилого многоквартирного дома. Оба тела обгорели до неузнаваемости. Они знали, кто был этот ребенок, и они знали бы, кто была эта женщина, если бы Полли в то время не находилась на работе.

Через три месяца после смерти Келтона она вышла на работу. Она испытывала такое жуткое одиночество, что почти сходила с ума; отчаяние было столь глубоким и сильным, что она даже не отдавала себе отчета в том, как страдает. Наконец она написала письмо домашним, сообщив матери и отцу, лишь что она в Сан-Франциско, что она родила мальчика и что мальчика этого с ней больше нет. Даже под пыткой она не стала бы делиться подробностями. Возвращаться домой тогда не входило в ее планы — во всяком случае, в сознательные планы, — но ей начало казаться, что, если она не восстановит хоть какие-то из своих старых привязанностей, немалая часть ее самой где-то глубоко внутри начнет медленно отмирать, дюйм за дюймом, как умирает порой изнутри сильное могучее дерево, лишенное влаги.

Мать тут же ответила ей на почтовый ящик, номер которого Полли дала вместо обратного адреса, умоляя дочь вернуться в Касл-Рок... вернуться домой. В письмо она вложила чек на семьсот долларов. В маленькой квартирке, где жила Полли после смерти Келтона, было жарко натоплено, и перед тем, как начать собирать вещи, Полли захотелось выпить стакан холодной воды. Пока она пила воду, Полли поняла, что готова вернуться домой просто потому, что ее мать просила — почти умоляла — об этом. Она даже не обдумала этого, что почти наверняка было ошибкой. Начать с того, что именно такое поведение — сначала-прыгнуть-потом-подумать, — а вовсе не маленький тщедушный отросток Дюка Шихана навлекло на нее все ее беды.

Итак, она присела на свою узкую односпальную кровать и стала думать. Думала она долго и в конце концов порвала чек и написала матери письмо. Оно заняло меньше странички, но на него ушло у нее около четырех часов.

Я хочу вернуться или по крайней мере попытаться это сделать, но я не хочу, чтобы мы выкопали все старые кости и начали снова обсасывать их, если я приеду. Не знаю, возможно ли в принципе то, чего я хочу — начать жизнь заново на старом месте, — но я бы хотела попытаться. Поэтому мне пришла в голову мысль: давай какое-то время просто переписываться. Ты — со мной, я — с папой. Я замечала, что на бумаге труднее быть злым и упрямым, поэтому давайте сначала немного поговорим так, прежде чем разговаривать лицом к лицу.

Они разговаривали таким способом почти полгода, а потом в один прекрасный день, в январе 1973-го, мистер и миссис Чалмерз объявились на пороге ее квартирки с чемоданами в руках. Они остановились в отеле «Марк Хопкинс» и сразу объявили, что без нее в Касл-Рок не вернутся.

Полли обдумала это, испытывая целую вереницу чувств: злость на то, что они повели себя так настырно, растроганность от доброго и довольно наивного оттенка этой настырности и панику оттого, что теперь ей не увиливать от всех тех вопросов, ответов на которые она так тщательно избегала в своих письмах.

Она обещала поужинать с ними, но не более того — с остальными решениями придется подождать. Отец сказал ей, что снял номер в «Хопкинсе» всего на одну ночь. «Тогда тебе лучше продлить срок», — сказала Полли.

Она очень хотела поговорить с ними, прежде чем принять окончательное решение, — устроить более тонкий тест, чем тот, который они прошли в переписке. Однако этот первый их совместный вечер стал последним. Он также оказался последним вечером, когда она видела своего отца в добром здравии, и почти весь вечер она провела, охваченная дикой злобой на него.

Не успели они еще пригубить первый бокал вина, как начались все старые споры, которых так легко удавалось избегать в письмах. Сначала это походило на пристрелку, но чем больше ее отец пил, тем сильнее стало напоминать шквальный огонь. Он поджег запал, когда заявил, что они оба понимают, что Полли получила хороший урок и теперь пора зарыть томагавки в землю. Миссис Чалмерз подлила масла в огонь, включив свой старый, сладковато-рассудительный голосок. «А где ребенок, дорогая? Уж это по крайней мере ты могла бы нам рассказать. Ты, наверно, отдала его в приют, да?»

Полли знала эти голоса, знала, что они означают, еще по очень старым временам. Ее отец высказывал свою потребность во власти; любой ценой власть должна была быть восстановлена. Ее мать подчеркивала, что выказывает свою любовь и заботу единственным способом, который она знала: требуя откровенности. Оба эти голоса — так хорошо знакомые, так сильно любимые и... ненавидимые — разбудили в ней застарелую дикую ярость.

Они ушли из ресторана, не доев и половины блюд, а на следующий день мистер и миссис Чалмерз улетели в Мэн одни.

После трехмесячной паузы переписка снова возобновилась. Мать написала Полли первая и извинилась за ужасный вечер. Мольбы вернуться домой прекратились. Это удивило Полли и... наполнило какую-то потайную и не очень знакомую часть ее сознания беспокойством. Она почувствовала, что ее мать в конце концов ставит на ней крест. В сложившихся обстоятельствах думать так было глупо и нелепо, но это ни в малейшей степени не могло изменить ее ощущений.

Наверно, ты лучше себя знаешь, — написала ей мать. — Твоему отцу и мне трудно смириться с этим, потому что для нас ты по-прежнему наша маленькая дочурка. Я думаю, он был напуган, когда увидел тебя — такую красивую и повзрослевшую. И ты не должна винить его за то, как он себя повел. Он не очень хорошо себя чувствовал; у него снова начались рези в желудке. Врач говорит, что это всего лишь желчный пузырь, и как только он согласится на операцию, все будет хорошо, но я очень за него беспокоюсь.

Полли ответила в таком же рассудительном тоне. Теперь ей было легче это сделать — она поступила на деловые курсы и строила планы вернуться в Мэи самостоятельно. А потом, в конце 1975-го, пришла телеграмма, короткая и резкая: «У / ТВОЕГО ОТЦА РАК. ОН УМИРАЕТ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРИЕЗЖАЙ ДОМОЙ. С ЛЮБОВЬЮ, МАМА».

Она застала его еще в живых, когда приехала в клинику в Бриджтоне с колющими мозг воспоминаниями при виде всех знакомых мест. Одна и та же мысль упорно билась в ее голове на каждом повороте дороги от Портлендского аэропорта к высоким горам и низеньким холмам Западного Мэна. «Последний раз я видела это, когда была маленькой!»

Ньютон Чалмерз лежал в отдельной палате, изредка приходя в сознание, с трубочками в носу и разными аппаратами, обступившими его жадным полукругом. Через три дня он умер. Полли собиралась вернуться сразу в Калифорнию — она теперь думала о ней как о своем доме, — но четыре дня спустя после смерти отца с ее матерью случился инфаркт.

Полли переехала в родительский дом. Она ухаживала за матерью три с половиной месяца, и каждую ночь ей снился Норвил, повар-на-подхвате в ресторанчике «Твой лучший ужин». Снова и снова Норвил поворачивался к ней, держа телефон в правой руке — той самой, на тыльной стороне которой был вытатуирован орел и надпись: «СМЕРТЬ ЛУЧШЕ БЕСЧЕСТЬЯ». «Полли, это полиция, — говорил Норвил. — Они хотят поговорить с тобой. Полли, это полиция. *Они хотят* поговорить с тобой».

Ее мать уже снова была на ногах и без устали говорила о продаже дома и переезде к Полли в Калифорнию (чего она никогда в жизни бы не сделала, но Полли не разрушала ее мечты — к этому времени она стала старше и немного добрее), когда с ней случился второй инфаркт. И в промозглый мартовский день 1976-го Полли очутилась на городском кладбище, стояла рядом со своей теткой Эвелин и глядела на гроб, покоящийся на подставках рядом со свежей могилой отца.

Тело матери пролежало в городском морге всю зиму, пока не оттаяла земля. По одному из тех чудовищных совпадений, которое не посмеет выдумать ни один современный писатель, погребение мужа состоялось всего за день до смерти жены. На последнем пристанище Ньютона Чалмерза еще так и не был уложен дерн; земля была слишком сырой, и могила выглядела непристойно-голой. Взгляд Полли все время перебегал с гроба матери на могилу отца. Как будто она только и ждала, когда его наконец похоронят, думала Полли.

Когда закончилась короткая служба, тетя Эвви отозвала ее в сторонку. Последняя из оставшихся в живых родственница Полли стояла рядом с похоронным катафалком «Хей и Пибоди» — женщина, фигура которой напоминала тонкую хворостинку, в мужском черном плаще и странного вида ярко-красных ботинках с сигаретой «герберт тарейтон» в уголке рта. Когда Полли подошла к ней, та чиркнула деревянной спичкой о ноготь большого пальца и поднесла огонек к кончику сигареты. Она глубоко затянулась и выпустила струю дыма в холодный весенний воздух. Ее трость (простая сосновая палка; пройдет еще три года, прежде чем ей вручат Почетную бостонскую трость как самой старой жительнице города) была воткнута в землю между ног.

Сейчас, сидя в бостонской качалке, которая, несомненно, пришлась бы старухе по душе, Полли подсчитала, что той весной тете Эвви должно было быть восемьдесят восемь — восемьдесят восемь, а дымила, как паровоз, — хотя выглядела она почти так же, как и в те годы, когда Полли была маленькой и выпрашивала у нее грошовые сладости из нескончаемого запаса, который тетя Эвви хранила в кармане своего передника. Многое изменилось в Касл-Роке за те годы, что ее здесь не было, но тетя Эвви осталась прежней.

— Ну, с *этим* покончено, — сказала тетя Эвви своим хриплым, прокуренным голосом. — Теперь они оба в земле, Полли. И мать, и отец.

Тогда Полли разрыдалась. Сначала ей показалось, что тетя Эвви станет утешать ее, и ее плоть содрогнулась от мысли о прикосновении старухи — она *не хотела*, чтобы ее утешали.

Но ей не стоило беспокоиться. Эвелин Чалмерз была не из тех женщин, которые утешают кого-то; позже Полли казалось, что та, пожалуй, вообще считала саму мысль об утешении бредовой. Так или иначе, она просто стояла с тростью, воткнутой в землю между

красных ботишков, курила и ждала, пока Полли не взяла себя в руки и рыдания не сменились всхлипываниями.

Когда со слезами было покончено, тетя Эвви спросила:

— Твой мальчишка — тот, из-за кого они затеяли весь этот сыр-бор, — умер, верно?

И хотя Полли ревностно скрывала эту тайну ото всех, она кивнула и сказала:

— Его звали Келтон.

— Хорошее имя, — кивнула тетя Эвви. Она вынула изо рта сигарету и легонько выпустила дым так, чтобы потом успеть втянуть его носом — Лоррейн Чалмерз называла это «двойной затяжкой» и всегда морщила носик, когда произносила эти слова. — Я поняла это сразу, когда ты приехала навестить меня. По глазам.

— Случился пожар, — сказала Полли, подняв на нее глаза. У нее был платок, но он весь промок, поэтому Полли убрала его в карман и воспользовалась кулачками, чтобы утереть слезы, совсем как маленькая девчушка, свалившаяся с велосипеда и ободравшая коленки. — Скорее всего его устроила та молодая женщина, которую я наняла сидеть с ребенком.

— Ага, — буркнула тетя Эвви. — Но хочешь, я раскрою тебе один секрет, а, Триша?

Полли кивнула со слабой улыбкой. Ее настоящее имя было Патриция, но с самого раннего детства она была Полли для всех. Для всех, кроме тети Эвви.

— Малыш Келтон умер, но... ты — нет. — Тетя Эвви отшвырнула сигарету и для убедительности ткнула костлявым указательным пальцем Полли в грудь. — Ты — нет. Так что же ты собираешься с этим делать?

Полли долго обдумывала ответ.

— Я возвращаюсь назад, в Калифорнию, — в конце концов сказала она. — И это все, что я знаю.

— Что ж, для начала неплохо. Но этого мало. — И тут тетя Эвви сказала нечто очень схожее с тем, что говорила сама Полли годы спустя, когда пошла ужинать в «У Берчез» с Аланом Пэнгборном. — Ты не преступница, Триша. Тебе не приходило это в голову?

— Я... Я не знаю.

— Значит, не приходило. Пока ты не поймешь этого, совершенно не важно, куда ты уедешь и что станешь делать. Не будет ни единого шанса.

— Какого шанса? — озадаченно спросила она.

— Твоего шанса. Шанса на нормальную жизнь. Сейчас ты похожа на женщину, которая видит призраков. Не все верят в призраков, а я верю. Знаешь, что это такое, Триша?

Полли медленно покачала головой.

— Мужчины и женщины, не сумевшие переступить через свое прошлое, — сказала тетя Эвви. — *Вот* что они такое. А не *эти*, — и она махнула рукой на гроб, стоящий на подставках возле свежей могилы. — Мертвые есть мертвые. Мы хороним их, и они остаются в земле.

— Я чувствую...

— Да, — сказала тетя Эвви. — Я знаю. Но они — нет. Твоя мать и мой племянник — нет. Твой мальчишка — тот, что умер, когда ты была далеко, — нет. Ты понимаешь меня?

Она поняла. Кое-что, во всяком случае.

— Ты права, что не хочешь оставаться здесь, Полли, — по крайней мере сейчас права. Поезжай туда, откуда приехала. Или куда-нибудь еще — на Соленое озеро, в Гонолулу, в Багдад — куда хочешь. Это не имеет значения, потому что рано или поздно ты *все равно* вернешься сюда. Я знаю. Это место принадлежит тебе, а ты принадлежишь ему. Это сидит в каждой черточке твоего лица, в твоей походке, в манере разговаривать, даже в том, как у тебя суживаются глаза, когда ты смотришь на тех, кого раньше никогда не видела. Касл-Рок создан для тебя, а ты — для него. Незачем торопиться. «Ступай туда, где место твое» — сказано в Хорошей Книге. Но ступай туда живой, Триша. Не становись призраком. А если все-таки станешь, то, наверно, тебе лучше сюда не возвращаться.

Старуха резко огляделась вокруг.

— Этот чертов городишко и так весь набит призраками, — буркнула она.

— Я постараюсь, тетя Эвви.

— Да... Я знаю, ты стараешься. Старание — тоже часть твоей натуры, — Тетя Эвви пристально оглядела ее с головы до ног. — Ты была симпатичной и честной девушкой, хотя и не очень везучей. Что ж, везет дуракам. Это все, на что им остается надеяться, беднягам. Мне сдается, что ты и сейчас симпатичная и честная, а это самое главное. Думаю, ты выкарабкаешься. — А потом скороговоркой, почти неслышно: — Я люблю тебя, Триша Чалмерз. Всегда любила.

— Я тоже люблю тебя, тетя Эвви.

И очень осторожно — как обычно выражают свои чувства лишь очень молодые и очень старые люди — они обнялись. Полли почувствовала знакомый запах старой шляпки тети Эвви — букетик фиалок — и снова заплакала.

Когда она отступила на шаг, тетя Эвви полезла в карман своего плаща. Полли смотрела на нее, ожидая, что та достанет платок, и пораженно думала, что наконец, после стольких лет, она увидит, как старуха плачет. Но она этого не увидела. Вместо платка тетя Эвви вытащила конфетку в обертке — как всегда вытаскивала в те дни, когда Полли Чалмерз была маленькой девчушкой с косичками, болтавшимися на плечиках короткого платьица.

— Хочешь сладенького, детка? — бодро спросила тетя Эвви.

13

За окном стали сгущаться сумерки.

Полли выпрямилась в кресле-качалке и поняла, что почти заснула. Она шевельнула рукой, и острый гвоздь боли проткнул кисть до локтя, прежде чем сменился горячим покалыванием. Да, скоро станет погано — это точно. Позже вечером или завтра будет и в самом деле погано.

Полли, не обращай внимания на то, что не можешь изменить, но есть одна вещь, которую ты можешь... должна изменить. Ты должна сказать Алану правду про Келтона. Ты должна прекратить нянчить этот призрак у себя в сердце, сказала она себе.

Но другой голос стал возражать — злой, испуганный, крикливый. Она приняла его за голос гордости — и только, но была поражена его силой и убежденностью, когда он стал требовать, чтобы те старые дни, та прежняя жизнь оставалась скрытой... от Алана и от кого бы то ни было. Коротенькая жизнь и ужасная смерть ее малыша не должны быть брошены на истязание острым и длинным языкам городских сплетников...

«Что за глупости ты мелешь, Триша? — спросила тетя Эвви у нее в мозгу — тетя Эвви, умершая столько лет назад, до последнего вздоха дымившая своими любимыми «тарейтонами». — Какое имеет значение, узнает или не узнает Алан о том, как умер Келтон? Какое имеет значение, даже если об этом узнают все старые сплетники в твоём родном городке, от Ленни Партриджа до Миртл Китон? Ты что, думаешь, кому-то до сих пор есть дело до твоего зернышка? Эх ты, глупая гусыня. Перестань мучить себя — это все запоздалые новости. Они не стоят даже лишней чашки кофе, за которой их кто-то будет мусолить в закуской Нэн».

Может, и так, но она принадлежала себе, черт возьми, *себе*. И жизнь малыша, и его смерть принадлежали ей. И сама она принадлежала тоже себе — не отцу, не матери, не Дюку Шихану. Она принадлежала *только себе*. Эта напуганная, одинокая девчонка, которая каждую ночь стирала свои трусики в грязной кухонной раковине, потому что у нее было только три пары; эта напуганная девчонка с вечной болячкой в уголке губ или на краешке ноздри; эта девчонка, которая порой садилась у окна, не обращая внимания на гудящий кондиционер, опускала голову на сложенные руки и плакала — эта девчонка принадлежала *только ей*.

Ее воспоминания о темных ночах, проведенных с сыном — Келтон сосет ее маленькую

грудь, пока она читает Джона Д. Макдоналда⁹ в бумажной обложке, а потревоженные «тачки» на узких улочках города взрываются ревом противоугонных сирен, — эти воспоминания были ее. Выплаканные ею слезы; пережитое одиночество; долгие туманные полдни в закусочной, полные стремления избежать римских рук и русских пальцев Норвила Бейтса, и стыд, с которым она наконец добилась нелегкого перемирия; независимость и достоинство, за которые она так яростно сражалась и безрассудно цеплялась... Все это принадлежало ей одной и не должно стать достоянием всего города.

«Полли, речь не о том, чтобы это стало достоянием города, и ты это прекрасно знаешь. Речь о том, что станет достоянием Алана».

Сидя в своей качалке, она упрямо затрясла головой, даже не замечая этого жеста. Наверно, она провела слишком много бессонных ночей и бесконечных темных утренних часов, чтобы без боя сдать свой внутренний мирок.

Со временем она все расскажет Алану — она сама не думала, что будет так долго держать это в тайне, — но время это пока не пришло. Конечно же, нет... Особенно когда ее руки говорят ей, что в следующие несколько дней она вообще ни о чем не будет в состоянии думать, кроме жуткой боли.

Зазвонил телефон. Это наверняка Алан — вернулся с дежурства и беспокоится, как там она. Полли встала и пошла к аппарату. Осторожно, двумя руками она сняла трубку и приготовилась говорить ему то, что, по ее мнению, он хотел услышать. Голос тети Эвви попытался вмешаться, попытался сказать ей, что это глупо, что это просто детское и, быть может, даже опасное упрямство. Быстро и грубо Полли велела этому голосу заткнуться.

— Алло? — бодрым голосом произнесла она. — О, привет, Алан! Как ты? Хорошо.

Она немного послушала, а потом улыбнулась. Если бы она посмотрела на себя в зеркало, то увидела бы отражение женщины, которая вот-вот закричит, но... она не посмотрела.

— Нормально, Алан, — сказала она. — У меня все нормально.

14

Было уже почти пора отправляться на ипподром.

Почти.

— Давай, — прошептал Дэнфорт Китон. Пот стекал ручьями по его лицу. — Давай, давай, ну, *давай же*.

Он сидел, склонившись над «Выигрышным билетиком» — чтобы освободить место для игрушки, он сбросил все со стола и большую часть дня провел, играя с ней.

Начал он с «Истории Голубой Травы: Сорок лет дерби в Кентукки» — прокрутил по меньшей мере две дюжины скачек, давая жестяным лошадам «Выигрышного билетика» клички настоящих, участвовавших в заездах, точно, как объяснял мистер Гонт. И жестяные лошадки с именами победителей, отмеченными в дерби, приходили первыми. Каждый раз. Это было поразительно — так поразительно, что пробило уже четыре, когда он заметил, что потратил целый день на заезды давно минувших лет, а ведь ему надо было прокрутить на сегодняшний вечер еще десяток свежих — на Люистонском ипподроме.

Деньги сами сыпались ему в карман, нужно было только успеть их подобрать.

Последний час люистонская «Дейли сан» лежала слева от «Выигрышного билетика». Справа он положил лист бумаги, который вырвал из своего блокнота. На этом листке крупным корявым почерком Китона было написано:

1-й заезд — Базука Джоан

⁹ Джон Д. Макдоналд — популярный в 60-е годы американский писатель, автор серии остросюжетных романов.

2-й заезд — Филли Дельфия
3-й заезд — Причуда Тэмми
4-й заезд — Ну и ну
5-й заезд — Эй, Джордж
6-й заезд — Придурок
7-й заезд — Гром Каско
8-й заезд — Сынок
9-й заезд — Тико-Тико

К пяти часам пополудни Дэнфорт уже крутил последний заезд. Лошадки со щелканьем и скрежетом неслись по треку. Одна из них обогнала остальных на шесть корпусов и первой пересекла финиш.

Китон схватил газету и углубился в колонку скачек. Его лицо так просветлело, что он стал похож на святого. «Малабар, — прошептал он и потряс сжатыми кулаками. Карандаш, зажатый в одном из них, выскочил и закатился куда-то, как швейная иглолка. — Это Малабар! Тридцать к одному — *наконец-то!* Бог ты мой, Малабар!»

Приплясывая, он нацарапал кличку на листе бумаги. Через пять минут «Выигрышный билетик» был заперт в кладовке его кабинета, а Дэнфорт Китон на своем «кадиллаке» катил в Люистон.

Глава 9

1

Без четверти десять утра в воскресенье Нетти Кобб натянула свой плащ и торопливо застегнула его на все пуговицы. На лице ее застыла мрачная решимость. Она стояла на кухне. Рейдер сидел на полу и смотрел на нее, словно спрашивая, действительно ли она пойти на сей раз решилась.

— Да, я решила, — сказала она ему.

Рейдер застучал хвостом по полу, словно выражая свою уверенность в том, что она справится.

— Я приготовила вкусный салат для Полли и собираюсь отнести его ей. Мой абажур заперт в буфете, и я *знаю*, что он заперт — мне не нужно возвращаться и проверять, потому что я знаю это. Этой сумасшедшей польке не удастся держать меня в заточении в моем собственном доме. Если я встречу ее на улице, я ей покажу! Я ее предупреждала!

Она должна была выйти, должна... И она это знала. Два дня она не выходила из дому и начала понимать, что чем больше она будет тянуть, тем труднее ей будет выйти. Чем дольше она сидела в комнате с задернутыми шторами, тем труднее ей становилось их поднять. Она чувствовала, как застарелый жуткий страх медленно вползает в ее мысли.

Сегодня утром она поднялась рано — в пять часов! — и приготовила для Полли вкусный салат, как раз такой, как та любила: с грибами и шпинатом. Грибы она положила консервированные, потому что не посмела пойти вчера вечером в «Хемпхилл-маркет», но все равно считала, что салат удался. Он стоял на столике в кастрюльке, накрытой алюминиевой крышкой.

Она взяла кастрюльку и пошла к входной двери.

— Будь умницей, Рейдер. Я вернусь через час, если только Полли не угостит меня кофе, — тогда чуть-чуть попозже. Но все будет нормально. Мне совершенно не о чем беспокоиться. Я ничего не делала с простынями этой сумасшедшей польки, и если она станет приставать ко мне, я сумею дать ей отпор.

Рейдер сурово твякнул в знак того, что понял и поверил.

Она открыла дверь, выглянула наружу и никого не увидела. Форд-стрит была пуста, как может быть пуста только улица в маленьком городке воскресным утром. Вдалеке один

церковный колокол созывал баптистов преподобного Роуза на молитву, а другой — скликал католиков отца Бригема.

Собрав все свое мужество, Нетти шагнула на воскресное солнышко, поставила кастрюльку с салатом на крыльцо, захлопнула дверь и заперла ее на ключ. Потом вытащила ключ из двери и провела им по запястью, оставив маленький красный след. Нагнувшись за салатом, она подумала: «Теперь, когда ты пройдешь полквартиры, а может, даже раньше, тебе начнет казаться, что ты не заперла дверь. Но ты заперла ее. Ты поставила салат на крыльцо, чтобы сделать это. Но если ты все же не поверишь себе, погляди на свою руку и вспомни, что ты оставила царапину своим собственным ключом... после того как заперла им дверь. Помни об этом, Нетти, когда к тебе снова поползут разные сомнения, и все будет нормально».

Это была чудесная мысль, и поцарапать руку ключом от дома — тоже замечательная. Красный след был чем-то *конкретным*, и впервые за два последних дня (и две почти бессонные ночи) Нетти и в самом деле почувствовала себя лучше. Она вышла на тротуар с высоко поднятой головой и так крепко стиснутыми губами, что они почти исчезли. На тротуаре она поглядела в обе стороны улицы, ища взглядом маленький желтый автомобильчик сумасшедшей польки. Если он окажется здесь, она подойдет прямо к нему и скажет этой сумасшедшей польке, чтобы та оставила ее в покое. Однако машины нигде не было видно. Единственный автомобиль на всей улице — старый оранжевый фургон, — припаркованный неподалеку, был пуст.

Отлично.

И Нетти отправилась к дому Полли Чалмерз, а когда сомнения вновь охватили ее, она вспомнила, что абажур из кварцевого стекла надежно спрятан в буфете, Рейдер — на страже, а парадная дверь заперта. В особенности — последнее. Парадная дверь заперта, и чтобы удостовериться в этом, стоило лишь взглянуть на красный след от ключа на своей руке.

И потому Нетти шагала с высоко поднятой головой, а когда дошла до конца квартала, то свернула за угол, даже не оглянувшись.

2

Когда психопатка скрылась из виду, Хью Прист выпрямился за рулем казенного оранжевого фургона, который он пригнал из безлюдного автопарка в семь утра (он сразу лег на сиденье, как только увидел психопатку Нетти, выходящую из дома). Хью поставил переключатель скоростей на нейтралку, и фургон медленно и бесшумно покатился с пригорка к дому Нетти Кобб.

3

Звонок в дверь пробудил Полли от мутного состояния, которое было не то чтобы сном, а какой-то сонной наркотической дремотой. Она села на кровати и обнаружила, что лежала в своей домашней кофте. Когда она успела ее надеть? Какое-то мгновение она не могла вспомнить, и это испугало ее. Потом до нее дошло. Боль, которую она ждала, пришла точно по расписанию — самая поганая артритная боль за всю ее жизнь. Она сходила в ванную, где обнаружила, что не может даже оторвать кусочка туалетной бумаги от рулона. И она приняла таблетку, надела домашнюю кофту и села у окна в спальне — ждать, пока таблетка подействует. В какой-то момент на нее, вероятно, накатила сон и она снова легла в постель.

Руки ощущались как грубые керамические фигурки, обожженные до того, что едва не трескались. Боль — одновременно и горячая, и холодная — глубоко вгрызлась в плоть, как сетка, сплетенная из отравленной проволоки. В отчаянии она простерла вверх свои ладони — свои бедные, ужасные, изуродованные ладони, — а внизу снова раздался звонок в дверь. У нее невольно вырвался слабый, жалобный крик.

Она вышла на площадку, держа руки перед собой, как собака держит лапы,

выпрашивая кусочек сахара.

— Кто там?! — крикнула она вниз. Голос у нее был хриловатый, заспанный. Язык во рту был похож на шутовину, которой чистили кошачий домик.

— Это Нетти! — послышался голос снизу. — С вами все в порядке, Полли?

Нетти? Господи, Боже мой, что могло понадобиться здесь Нетти в воскресенье, да еще до рассвета?

— Все нормально! — отозвалась она. — Я должна что-нибудь накинуть на себя! Открой своим ключом, милая!

Когда Полли услышала, как в замке поворачивается ключ Нетти, она поспешила обратно в спальню. Там она взглянула на часы на столике возле кровати и поняла, что рассвело уже несколько часов назад. В спальне она вовсе не собиралась ничего накидывать на себя: домашняя кофта вполне сойдет для Нетти. Но ей нужна была таблетка. Никогда, никогда в жизни ей не нужна была таблетка так, как сейчас, сию минуту.

Она даже не подозревала, в каком она плохом состоянии, пока не попыталась принять одну. Таблетки — в виде капсулок — лежали в маленьком стеклянном блюдце на каминной полке. Она сумела сунуть руку в блюдечко, но никак не могла ухватить таблетку. Пальцы были словно щупальца какого-то механизма, заржавевшего от нехватки смазки.

Она старалась изо всех сил, напрягла всю свою волю, чтобы заставить пальцы сомкнуться вокруг одной из желатиновых капсулок. В результате она добилась еле заметного движения и взрыва жуткой боли. Вот и все. От боли и ярости она издала слабый стон.

— Полли? — раздался заботливый голос Нетти уже на лестнице. Жители Касл-Рока могли сколько угодно считать Нетти туповатой, подумала Полли, но в том, что касалось недуга Полли, Нетти была отнюдь не тупа. Слишком долго она пробыла в этом доме, чтобы ее можно было одурачить... И она слишком любила Полли. — Полли, с вами правда все в порядке?

— Побудь внизу, дорогая! — отозвалась она, стараясь, чтобы голос ее звучал весело и оживленно. Вытащив руку из блюдца и наклонив над ним голову, она подумала: Господи, прошу, не дай ей сейчас подняться сюда. Не дай ей увидеть, как я это делаю.

Как собака, собравшаяся попить воды из своей миски, она опустила голову в блюдце и высунула язык. Боль, стыд, ужас, а главное — жуткая, черная депрессия охватили ее. Она прижимала язык к одной из капсулок, пока та не приклеилась, а потом втянула ее в рот и проглотила — уже не как собака, а как муравьед, отправляющий в желудок что-то вкусненькое.

Когда таблетка с трудом прошла через ее сухое горло, она подумала: я бы все отдала, только чтобы освободиться от этого. Все. Все, что угодно.

4

Хью Прист теперь редко видел сны; в эти дни он вообще плохо спал. Но прошлой ночью ему приснился сон — настоящее видение. И этот сон рассказал ему все, что ему нужно было узнать, и все, что ему надо сделать.

Во сне он сидел за своим кухонным столом, пил пиво и смотрел передачу под названием: «Распродажа века». Все, что там продавали, он уже видел в том новом магазине — «Самое необходимое». И у всех участников аукциона кровь текла из ушей и из уголков глаз. Они смеялись, но выглядели страшно испуганными.

И вдруг приглушенный голос стал звать:

— Хью! Хью! Выпусти меня, Хью!

Голос раздавался из кладовки. Он подошел к дверце и открыл ее, приготовившись врезать тому, кто там спрятался. Но там никого не было; лишь груда старых ботинок, шарфов, рыболовные снасти и два его ружья.

— Хью!

Он взглянул наверх, потому что голос раздавался с полки. Это был лисий хвост. Лисий хвост разговаривал. И Хью тут же узнал этот голос. Это был голос Лиланда Гонта. Он снял хвост с полки, в очередной раз изумившись его плюшевой мягкости — фактуре, немного похожей на шелк, немного — на шерсть, а на самом деле не бывшей ни тем, ни другим и хранившей свой собственный таинственный секрет.

— Спасибо, Хью, — сказал лисий хвост. — Тут все так забито. И ты оставил на полке старую трубку. У-ух! Она здорово воняет.

— Ты хочешь отправиться в другое место? — спросил Хью. Он чувствовал себя немного по-дурацки, разговаривая с лисьим хвостом, пусть даже во сне.

— Нет... Я уже привыкаю. Но мне нужно поговорить с тобой. Ты должен кое-что сделать, помнишь? Ты обещал.

— Психопатка Нетти, — кивнул он. — Я должен сыграть шутку с психопаткой Нетти.

— Верно, — сказал лисий хвост. — И ты должен сделать это, как только проснешься. Итак, слушай.

Хью стал слушать.

Лисий хвост сказал ему, что в доме Нетти никого не будет, кроме собаки, но теперь, когда Хью подъехал к дому, он решил, что более разумнее все-таки постучаться. Что он и сделал. Он услышал, как внутри раздалось торопливое постукивание коготков по деревянному полу, и больше ничего. Он постучал снова, просто на всякий случай. С другой стороны двери раздалось короткое строгое тьяканье.

— Рейдер? — спросил Хью. Лисий хвост сказал ему во сне, как зовут песика. Хью решил, что это хорошая кличка, пусть даже дама, которая придумала ее, и не умнее фруктового пирожного.

Снова раздалось тьяканье, на этот раз уже не такое суровое. Хью достал связку ключей из нагрудного кармана своей клетчатой охотничьей куртки и принялся внимательно рассматривать ее. Эта связка валялась у него с незапамятных времен, и он даже не мог вспомнить, что отпирали болтавшиеся на ней ключи, но четыре из них — отмычки с длинными стержнями — как раз и были ему нужны сейчас.

Хью огляделся по сторонам, увидел, что улица по-прежнему пустынна, как и была, когда он только подъехал, и принялся пробовать ключи один за другим.

5

Когда Нетти увидела бледное, опухшее лицо Полли и ее измученные глаза, собственные страхи, терзавшие ее острыми зубами хорька всю дорогу, пока она шла сюда, были тут же забыты. Ей даже не надо было смотреть на руки Полли, по-прежнему свисающие на уровне талии (было жутко больно опускать их до конца), чтобы понять, что происходит.

Салат был бесцеремонно брошен на столик у подножия лестницы. Если бы он очутился на полу, Нетти не удостоила бы его взглядом. Нервная женщина, которую Касл-Рок привык видеть на своих улицах — женщина, выглядевшая так, словно она бежит сломя голову от какого-то несчастья, даже когда она просто шла на почту, — исчезла. Ее место заняла другая Нетти: Нетти у Полли Чалмерз.

— Пойдемте в комнату, — живо сказала она. — Я достану термоперчатки.

— Нетти, со мной все в порядке, — слабым голосом произнесла Полли. — Я уже приняла таблетку и через несколько минут, я уверена...

Но Нетти уже обняла ее за талию и вела в комнату.

— Что вы делали? Спали, поджав их под себя, а?

— Нет... Тогда я бы проснулась. Это просто... — Она рассмеялась. Смех был слабым и жалобным. — Просто боль. Я знала, что сегодня будет скверно, но не думала, что так плохо. И термоперчатки не помогают.

— Иногда помогают. И вы сами это знаете. Посидите-ка здесь.

Тон Нетти не терпел возражений. Она стояла рядом с Полли, пока та не уселась в кресло. Потом пошла в ванную внизу взять термоперчатки. Полли отказалась от них еще год назад, но Нетти, похоже, относилась к ним с каким-то суеверием. Куриный бульон по рецепту Нетти — однажды назвал их Алан, и они оба тогда расхохотались.

Полли сидела, положив руки на подлокотники кресла, как деревянные обрубки, и смотрела на диван, где они с Аланом занимались любовью вечером в пятницу. Тогда руки у нее совсем не болели, и казалось, с той поры минула тысяча лет. Ей пришло в голову, что удовольствие, каким бы сильным и глубоким оно ни было, всегда призрачно, эфемерно. Любовь, может, и правит миром, но она не сомневалась, что только крики раненых и жестоко обиженных заставляют Вселенную вертеться вокруг своей громадной стеклянной оси.

«Эх ты, тупая кушетка, — подумала она. — Глупый ты пустой диван, какой мне от тебя сейчас прок?»

Нетти вернулась с термоперчатками. Они были похожи на стеганные боксерские перчатки, соединенные изолированным электрическим проводом. Вилка со шнуром торчала из тыльной стороны левой. Полли увидела как-то рекламу этих перчаток не где-нибудь, а в «Хорошей домохозяйке». Она позвонила в национальный фонд артрита — добавочный 800 — и узнала, что термоперчатки и в самом деле в некоторых случаях приносят временное облегчение. Когда она показала рекламу доктору Ван Аллену, он пробурчал свою любимую и хорошо знакомую ей даже два года назад присказку: «Ну, хуже не будет».

— Нетти, я уверена, что через несколько минут...

— ...Вам станет лучше, — закончила за нее Нетти. — Конечно, станет. И может быть, это поможет. Поднимите руки, Полли.

Полли сдалась и приподняла руки. Нетти взяла перчатки за края, раскрыла их и надела на руки Полли с осторожностью минера, накрывающего взрывпакет С-4 антиосколочным покрывалом. Полли не верила, что термоперчатки могут хоть чем-то помочь, но... забота и участие Нетти уже сделали свое дело.

Нетти взяла вилку, встала на колени и воткнула ее в розетку возле кресла. Перчатки стали тихонько урчать, и первые струйки сухого тепла коснулись кожи на руках Полли.

— Ты слишком балуешь меня, — тихо сказала Полли, — тебе известно это?

— Ничего подобного, — ответила Нетти. — Никогда в жизни. — Голос ее прозвучал чуть хрипловато, а в глазах засиял яркий и влажный блеск. — Полли, я не должна вмешиваться в ваши дела, но я не могу больше молчать. Вы должны что-то сделать с вашими бедными руками. *Должны*. Так просто больше не может продолжаться.

— Я знаю, милая. Знаю. — Полли сделала героическую попытку одолеть высоченную стену депрессии, заполонившей все ее сознание. — Почему ты пришла, Нетти? Ведь не ради того, чтобы чуть-чуть поджарить мои руки, а?

Лицо Нетти просветлело.

— Я сделала для вас салат.

— Правда? Ох, Нетти, тебе не надо было этим заниматься!

— Не надо было? Ну а я так не думаю. Я думаю, вам сегодня будет не до готовки и завтра тоже. Я сейчас положу его в холодильник.

— Спасибо. Огромное тебе спасибо.

— Я рада, что сделала его. Вдвойне рада теперь, когда вас увидела. — Она подошла к двери в коридор и обернулась. На лицо ее упал косой луч солнца, и в это мгновение Полли могла бы увидеть, какой усталой и измученной выглядит Нетти, если бы ее саму так не терзала жуткая боль. — А вы не вздумайте встать сейчас!

Из кухни послышалось хлопанье дверцы холодильника — Нетти убрала туда салат, а потом крикнула:

— Может, я сварю кофе? Хотите чашечку? Мне это не трудно.

— Да, — сказала Полли, — это было бы чудесно. — Перчатки теперь урчали громче; они были уже очень теплыми. И то ли они и впрямь помогали, то ли таблетка начала брать свое так, как не подействовала та, что она приняла в пять утра. Скорее всего, подумала она, и

то и другое вместе. — Только Нетти, если тебе уже пора возвращаться...

Нетти появилась в дверях. Она уже достала из кладовки передник и надела его, а в руке держала небольшой старый кофейник. Она в жизни не пользовалась новой цифровой кофеваркой «Тосиба», и... Полли вынуждена была признать, что кофе Нетти в маленьком жестяном кофейнике получается вкуснее.

— Для меня нет лучшего места, куда бы я могла пойти, чем этот дом, — сказала Нетти. — А кроме того, дверь у меня заперта и Рейдер на страже.

— Не сомневаюсь, — с улыбкой сказала Полли. Она прекрасно знала Рейдера. Он весил всего двадцать фунтов и переворачивался на спинку, чтобы ему почесали животик, перед всеми, кто бы ни зашел в дом — будь то почтальон, электрик или уличный торговец.

— Я думаю, она рано или поздно оставит меня в покое, — сказала Нетти. — Я ее предупредила. И я не видела и не слышала ее нигде поблизости... Думаю, до нее дошло, что я не шутила.

— Кого предупреждала? О чем? — спросила Полли, но Нетти уже вышла из комнаты, а Полли была прикована к своему креслу термоперчатками. А к тому времени, когда Нетти появилась снова с кофейным подносом, перкодан начал обволакивать ее туманом и она начисто забыла о странном замечании Нетти... что было вовсе не удивительно, поскольку Нетти довольно часто отпускала странные реплики.

Нетти положила в чашку Полли сахар, налила сливки и поддержала ее так, чтобы Полли могла выпить. Они принялись болтать о том о сем, и, разумеется, очень скоро разговор зашел о новом магазине. Нетти снова рассказала ей о покупке абажура из кварцевого стекла, но уже без того придыхания, которого могла бы ожидать Полли, учитывая всю необычность такого поступка в жизни Нетти. Однако разговор заставил ее вспомнить о другом: записке, которую мистер Гонт положил в коробку из-под пирога.

— Я совсем забыла... Мистер Гонт просил меня заглянуть к нему сегодня вечером. Возможно, у него будет какая-то вещица, которая может мне приглянуться.

— Но вы же не пойдете, правда? Ведь ваши руки...

— Может, и схожу. Им уже легче — по-моему, перчатки на этот раз чуть-чуть помогли. И нужно же мне хоть *что-то* сделать. — Она взглянула на Нетти почти с мольбой.

— Ну... наверно. — Неожиданно Нетти осенила одна мысль. — Знаете, я могу зайти туда по дороге домой и спросить его, не сможет ли он заглянуть к вам!

— О нет, Нетти, тебе это совсем не по пути!

— Подумаешь, лишних два квартала. — Нетти тайком бросила хитроватый взгляд на Полли. — И потом, у него может оказаться еще что-нибудь из кварцевого стекла. У меня сейчас нет денег на еще один абажур, но он-то ведь этого не знает, а просто поглядеть — ничего не стоит, верно?

— Но просить его зайти сюда...

— Я объясню ему, что с вами, — решительно сказала Нетти и начала ставить чашки обратно на подносик. — Деловые люди часто приходят на дом показать что-то, если хотят продать вам вещичку, разве нет?

Полли взглянула на нее с изумлением и симпатией.

— Знаешь, Нетти, ты совсем другая, когда здесь.

Нетти удивленно подняла на нее глаза.

— Правда?

— Да.

— Как это — другая?

— В хорошем смысле. Не бери в голову. Если у меня не будет рецидива, я думаю, мне захочется выйти днем. Но если ты все-таки будешь проходить мимо «Самого необходимого»...

— Пройду. — В глазах у Нетти засветилось страстное желание. Как только эта мысль пришла ей в голову, она захватила ее всю целиком со страшной силой. Сделать что-то для

Полли — это целебное успокоительное средство для ее издерганных нервов, и — точка.

— ...И если ты застанешь его на месте, дай ему мой домашний номер телефона и попроси позвонить, если та вещица, о которой он говорил мне, уже прибыла. Тебе не трудно сделать это?

— Будьте спокойны! — сказала Нетти. Она встала с подносыком и отнесла его на кухню. Там она сняла передник, повесила его на крючок в подсобке и уже в плаще вернулась в комнату, чтобы снять с Полли термоперчатки. Полли снова поблагодарила ее — и не только за салат. Руки у нее все еще здорово болели, но эту боль можно было терпеть. Она уже могла шевелить пальцами.

— Не стоит, — сказала Нетти. — И знаете что? Вы уже выглядите лучше. Лицо порозовело. Когда я только вошла и увидела вас, я просто испугалась. Что-нибудь еще сделать, пока я тут?

— Нет, не надо. — Полли потянулась и легонько обхватила руку Нетти своей еще очень теплой от термоперчаток рукой. — Я очень рада, что ты зашла, милая.

В тех редких случаях, когда Нетти улыбалась, она улыбалась каждой черточкой своего лица; словно солнышко выглянуло из-за туч в пасмурное утро.

— Я люблю вас, Полли.

— Конечно. Я тоже люблю тебя, Нетти, — тронутая, сказала Полли.

Нетти ушла. Это был последний раз, когда Полли видела ее живой.

6

Замок на парадной двери в доме Нетти Кобб был не сложнее защелки на коробке конфет; первая же отмычка, которую Хью всунул в него, сработала с парой слабых щелчков. Он распахнул дверь.

Маленький песик — коричневый, с белой грудкой — сидел на полу в прихожей. Когда луч утреннего солнца упал на него, а потом его заслонила огромная тень Хью, песик строго тявкнул.

— Ты, должно быть, Рейдер, — вкрадчиво произнес Хью и полез рукой в карман.

Песик еще раз тявкнул и доверчиво перевернулся на спинку, задрав все четыре лапки вверх.

— Эй, да ты совсем ручной! — сказал Хью. Обрубок хвоста Рейдера застучал по деревянному полу в знак согласия. Хью закрыл входную дверь и присел на корточки возле собаки. Одной рукой он стал почесывать грудку песика справа, в том волшебном месте, которое каким-то образом соединено с правой задней лапкой и заставляет ее быстро подергиваться в воздухе. Другой рукой он вытащил из кармана свой армейский шведский нож.

— Ты хар-р-роший парень, да? — бормотал Хью. — Хар-р-роший...

Он перестал почесывать собаку и вытащил из кармана рубашки клочок бумаги. Неразборчивым корявым почерком школьника на нем был написан текст, который продиктовал ему лисий хвост. Хью присел за кухонный стол и записал его, даже не успев одеться, чтобы не забыть ни единого слова:

Чтоб никто не швырял грязь в мои стиранные простыни. Я говорила тебе, что тебя достану!

Он вытащил лезвие-шило, спрятанное в одном из «карманчиков» ножа, и наколот на него записку. Потом он зажал нож в кулаке, повернув рукоятку так, чтобы шило очутилось между указательным и средним пальцами его могучей ладони, и снова стал почесывать Рейдера, который все это время лежал на спинке и весело поглядывал на Хью. Он ручной, снова подумал Хью.

— Да! Ты у нас отличный па-арень! Ты у нас самый лу-у-ч-ший? — спрашивал Хью, почесывая собаку. Теперь уже обе задние лапки Рейдера весело болтались в воздухе, словно он крутил педали невидимого велосипеда. — Да, ты самый лучший! Да-а! И знаешь, что у

меня есть? У меня есть лисий хвост! Точно!

Хью держал нож-шило с наколотой на него запиской прямо над белым пятнышком на груди Рейдера.

— А знаешь, что еще? Он у меня и останется!

Он резко опустил правую руку, а левой, которой почесывал Рейдера, крепко прижимал песика к полу, пока три раза сильно поворачивал шило. Струя теплой крови брызнула вверх и залила обе его руки. Песик слабо дернулся и тут же затих и вытянулся на полу, не успев издать даже своего строгого и безобидного тьяканья, — больше он его уже не издаст никогда.

С тяжело бьющимся сердцем Хью поднялся на ноги. Вдруг ему стало очень погано от того, что он сделал, — он почувствовал себя почти больным. Сумасшедшей она была или нет, но она совсем одна на всем белом свете, а он убил того, кто, наверно, был ее единственным маленьким другом.

Он вытер свои окровавленные руки о рубаху. На темном материале почти не осталось пятен. Он не мог оторвать глаз от собаки. Он сделал это. Да, это сделал он, и он это знал, но никак не мог поверить, словно совершил все в каком-то трансе.

Внутренний голос, который иногда беседовал с ним о встречах ветеранов, вдруг заговорил: «Да... и ты, наверно, сумеешь убедить себя в этом. Но ни в каком трансе ты не был; ты прекрасно соображал, что делал.

И почему».

Его стала охватывать паника. Надо было убираться отсюда. Он медленно попятился по прихожей, сдавленно вскрикнул, когда наткнулся спиной на дверь, не оборачиваясь, стал шарить рукой в поисках ручки и наконец нащупал ее. Повернув ручку, он выскользнул из дома сумасшедшей Нетти и дико огляделся вокруг, почти готовый увидеть здесь половину жителей города, которые смотрели на него печальными, осуждающими глазами. Но он никого не увидел, кроме мальчишки, который катил на велосипеде по улице. К багажнику велосипеда была привязана в каком-то неловком положении сумка-холодильник для пикников. Проезжая, парнишка едва удостоил Хью взглядом, а когда он исчез из виду, раздался звон церковного колокола... на этот раз созывавший методистов.

Хью быстро пошел по тротуару. Он уговаривал себя не бежать, но все равно уже трусил рысцой, когда поравнялся со своим фургоном. Он распахнул дверцу, бухнулся за руль и ткнул ключом в замок зажигания. Он тыкал ключом раза три-четыре, но этот чертов ключ каждый раз попадал мимо. Ему пришлось придержать правую руку левой, чтобы включить зажигание. Брови заливал пот. Он много раз страдал от похмелья, но никогда еще не чувствовал себя так... Это было похоже на приступ малярии или чего-то в этом роде.

Фургон завелся с ревом, выпустив голубое облако дыма. Нога Хью соскочила с педали сцепления. Фургон рывком отпрыгнул от тротуара и заглох. Ловя ртом воздух, Хью снова завел двигатель, тронулся с места и дал газу.

К тому времени, когда он доехал до автопарка (который по-прежнему был безлюден, как лунный кратер) и поменял фургон на свой старый залатанный «бьюик», он уже забыл и про Рейдера, и про жуткое дело, которое сотворил своим ножом. Он весь был поглощен совсем другим — кое-чем поважнее. По дороге к автопарку его охватило страшное подозрение: кто-то побывал у него дома, пока он отсутствовал, и украл его лисий хвост.

Выжимая больше шестидесяти, он подлетел к дому, тормознул в четырех дюймах от своего шаткого крыльца, подняв тучу пыли, и, перепрыгивая сразу через две ступеньки, взбежал на крыльцо. Влетев в дом, он сразу ринулся к кладовке, распахнул дверцу, встал на цыпочки и дрожащими руками принялся шарить на верхней полке.

Поначалу руки натыкались лишь на голое дерево, и Хью всхлипнул от ярости и страха. Потом его левая рука глубоко погрузилась в мягкий плюш — не шелк и не шерсть, — и он весь блаженно отдался чувству огромного облегчения. Так голодный хватается за кусок жратвы, смертельно усталый валится отдыхать, а больной малярией заглатывает хинин... Барабанный бой у него в груди начал понемногу стихать. Он вытащил лисий хвост из

тайника и уселся за кухонный стол. Потом разложил хвост на своих мясистых ляжках и начал гладить его обеими руками.

Так Хью просидел по меньшей мере часа три.

7

Парнишка, которого заметил на улице, но не узнал Хью — тот, что проехал мимо на велосипеде, — был Брайан Раск. Прошлой ночью Брайану тоже приснился сон, давший и ему поручение на это утро.

Во сне начинался седьмой раунд мирового чемпионата — какого-то древнего, времен Элвиса Пресли, — этого старого соперничества, бейсбольной битвы — «Доджеры» против «Янки». Сэнди Кауфакс стоял в защите, страхуя Да-Бумса. А еще в перерывах между бросками он говорил с Брайаном Раском, стоявшим рядом с ним. Сэнди Кауфакс в точности изложил Брайану, что тот должен сделать. Он объяснил все предельно четко: расставил все точки над «и». Тут не было никаких проблем.

Проблема заключалась в другом: Брайан не хотел делать этого. Споря с такой легендой бейсбола, как Сэнди Кауфакс, он чувствовал себя муравьем, но тем не менее пытался спорить.

— Вы не понимаете, мистер Кауфакс, — говорил он, — я же должен был сыграть шутку с Уилмой Джерзик, и я сделал это. Уже сделал.

— Ну и что? — спросил Сэнди Кауфакс. — Что с того, ушастик?

— Ну, уговор есть уговор. Восемьдесят пять центов и одна шутка.

— А ты уверен в этом, ушастик? Одна шутка? Уверен? Разве он сказал что-то вроде: «Не больше, чем одна шутка»? Что-то определенное на этот счет?

Брайан не мог точно вспомнить, но в нем росла уверенность, что его надуют. Нет... Даже не надуют. Ловят. Как мышку на кусочек сыра.

— Послушай-ка, что я тебе скажу, ушастик. Уговор...

Не договорив, он издал негромкое «у-ух», отбивая сильный бросок. Мяч упал в рукавицу с холодным треском ружейного выстрела. Пыль поднялась с рукавицы, и с подступающим к горлу отчаянием Брайан понял, что узнал темноглазые глаза, глядящие на него из-под маски. Эти глаза принадлежали мистеру Гонту.

Сэнди Кауфакс поймал возвратный пас мистера Гонта и взглянул на Брайана прозрачными, как коричневые стеклышки, глазами.

— Уговор, — сказал он, — это то, что я называю уговором, ушастик.

Но глаза Сэнди Кауфакса были вовсе не карими, понял Брайан во сне. Они были тоже голубыми, что казалось вполне естественным — ведь Сэнди Кауфакс был *также* и мистером Гонтом.

— Но...

Кауфакс — Гонт поднял руку в перчатке.

— Знаешь, что я тебе скажу, ушастик: я *ненавижу* это слово. Из всех слов в английском языке это — явно самое поганое. Мне кажется, это самое поганое слово в *любом* языке. Ты знаешь, что такое «но», ушастик? «Но» — так понукают лошадь.

Человек в старомодной форме бруклинских «Доджеров» поймал мяч в перчатку и повернулся к Брайану. Точно, это был мистер Гонт, и Брайан ощутил, как жуткий, леденящий ужас сковал его сердце.

— Я говорил, что хочу, чтобы ты сыграл шутку с Уилмой, это правда, Брайан. Но я никогда не говорил, что это должна быть всего лишь *одна-единственная* шутка. Ты согласился, ушастик. Веришь мне или хочешь прослушать пленку с записью нашего разговора?

— Я верю вам, — сказал Брайан чуть не плача. — Верю, но...

— Что я тебе говорил сейчас про это слово, ушастик?

Брайан уронил голову на грудь и с трудом сглотнул.

— Тебе нужно еще долго учиться торговаться, — сказал Кауфакс — Гонт. — И тебе, и всем остальным в Касл-Роке. Это одна из причин, по которой я приехал сюда, — провести небольшой семинар по дивному искусству торговли. Был один малый в городе — джентльмен по имени Меррилл, — который кое-что понимал в этом, но его давно уже нет и отыскать его очень трудно. — Он ухмыльнулся, обнажив крупные неровные зубы Лиланда Гонта на узком длинном лице Сэнди Кауфакса. — А что такое «сделка», Брайан, — тут мне тоже нужно многому вас научить.

— Но... — слово слетело с языка Брайана до того, как он успел проглотить его.

— Никаких «но», — сказал Кауфакс — Гонт. Он нагнулся и угрюмо взглянул на Брайана из-под козырька своей бейсбольной кепки. — Мистер Гонт лучше знает. Ну-ка повтори это, Брайан.

Кадык Брайана дернулся, но никакого звука не вырвалось из его горла. Лицо у него горело, к глазам подступали слезы.

Огромная холодная рука опустилась на плечо Брайана. И сдавила его.

— Повторяй!

— Мистер Гонт... — Брайану пришлось еще раз сглотнуть, чтобы выдавить слова. — Мистер Гонт лучше знает.

— Вот это правильно, ушастик. Это точно. Стало быть, ты сделаешь то, что я скажу... *все, что я скажу*.

Брайан собрал всю свою волю и совершил еще одну, последнюю попытку:

— А что, если я скажу «нет»? Что, если я скажу «нет», потому что я не понимаю этих... как-там-их-называют... условий?

Кауфакс — Гонт вынул мяч из перчатки и обхватил его другой рукой — из швов просочились маленькие капельки крови.

— Ты не можешь сказать «нет», Брайан, — вкрадчиво произнес он. — Уже не можешь. Ведь это седьмой раунд мирового чемпионата. Все цыплятки вернулись в курятник, и пришло время посчитать их. Взгляни-ка вокруг. Хорошенько взгляни.

Брайан огляделся и с ужасом увидел, что стадион «Эббетс-Филд» заполнен так, что люди стоят в проходах, и... *он знал их всех*. Он узнал мать и отца, сидящих с его маленьким братом Шоном в ложе комиссара. Вся его группа по коррекции речи в полном составе с мисс Ратклифф с одной стороны и ее здоровенным дружком-тупицей Лестером Пратгом с другой расселась в первом ряду, попивая колу «Роял Краун» и заедая сосисками. Вся контора шерифа Касл-Рока сидела на галерке, потягивая пиво из пластиковых стаканчиков с изображениями участниц конкурса «Мисс Рейнолд» нынешнего года. Он увидел весь свой класс в воскресной школе, городских выборных, Майру и Чака Эванс, своих теток и двоюродных братьев. В третьем ряду, вон там, сидел Сонни Джакетт, и когда Кауфакс — Гонт швырнул кровоточащий мяч и тот вновь с ружейным треском врезался в перчатку, Брайан заметил, что лицо за маской теперь стало физиономией Хью Приста.

— Раздавлю тебя, дружок, — сказал Прист, швыряя мяч обратно. — Ты и пикнуть не успеешь.

— Сам видишь, ушастик, теперь дело уже не в бейсбольном вкладыше, — сказал из-за его спины Кауфакс — Гонт. — Ты ведь уже понял, да? Когда ты швырял ту грязь на простыни Уилмы Джерзик, ты кое-что начал. Как тот парнишка, который, громко крикнув в теплый зимний день в горах, вызывает снежную лавину. Теперь у тебя выбор простой. Ты можешь продолжать, а можешь стоять где стоишь и... похоронить сам себя под этой лавиной.

Во сне Брайан расплакался. Он все понял. Теперь, когда было уже поздно что-либо изменить, он наконец все понял.

Гонт сдавил мяч. Кровь из него потекла сильнее, а пальцы Гонта глубоко вдавились в белую мягкую поверхность мяча.

— Если ты не хочешь, чтобы весь Касл-Рок узнал, что это ты вызвал лавину, Брайан, тебе лучше сделать все, как я сказал.

Брайан заплакал сильнее.

— Когда имеешь дело со мной, — сказал Гонт, замахиваясь для броска, — тебе стоит запомнить две вещи: мистер Гонт лучше знает, и... дело не сделано, пока мистер Гонт *не скажет*, что оно сделано.

Он сделал бросок — тем резким и неуловимым движением, которое принесло славу Сэнди Кауфаксу (так по крайней мере считал отец Брайана), и когда мяч ударился в рукавицу Хью Приста, тот взорвался. Кровь, волосы, окровавленные куски мяса полетели во все стороны, ярко освещенные осенним солнцем. И Брайан проснулся, рыдая в подушку.

8

И вот он отправился делать то, что велел ему сделать мистер Гонт. Уйти из дому оказалось довольно легко: он просто сказал отцу и матери, что не хочет идти в церковь с утра, потому что у него болит живот (причем ему даже не пришлось тут врать). Как только они ушли, он сделал все необходимые приготовления. Трудно было крутить педали велосипеда, а сохранять равновесие — еще трудней из-за сумки-холодильника на багажнике. Она была очень тяжелой, и когда он добрался до дома Джерзиков, он весь вымок от пота и еле дышал. На этот раз он не колебался — никаких звонков в дверь, никаких предлогов. В доме никого не было. Сэнди Кауфакс — Гонт сказал ему во сне, что Джерзики надолго задержатся в церкви после одиннадцатичасовой мессы, чтобы обсудить грядущее празднество Ночи

Казино, а потом отправятся навестить друзей. Брайан ему поверил. И единственное, чего он сейчас страстно хотел, это как можно быстрее покончить с поганым, кошмарным делом. А когда все будет кончено, он поедет домой, заведет велосипед в гараж и остаток дня проваляется в постели.

Обеими руками он снял сумку-холодильник с багажника и опустил ее на траву. Он стоял за изгородью, где его никто не мог увидеть. То, что он собирался сделать, должно было произвести много шума, но Кауфакс—Гонт велел ему не беспокоиться об этом. Он сказал, что люди, живущие на Уиллоу-стрит, большей частью католики и почти все, кто не отправился на одиннадцатичасовую мессу, побывали на восьмичасовой, а потом поехали на разные воскресные прогулки. Брайан не знал, правда это или нет. Он знал наверняка лишь две вещи: мистер Гонт лучше знает, и дело не сделано до тех пор, пока мистер Гонт не скажет, что оно сделано. И он принялся за работу.

Брайан открыл сумку-холодильник. Там лежало около дюжины крупных булыжников. Каждый из них был обернут в кусок бумаги, вырванный из школьной тетради Брайана, и аккуратно скреплен одной или двумя резинками. На каждом листке большими буквами было написано:

**Я ГОВОРИЛА ТЕБЕ, ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ.
ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.**

Брайан взял один из них и поднялся по лужайке, встав меньше чем в десяти футах от окна в большую комнату Джерзиков — в начале шестидесятых, когда строился этот дом, такие окна называли витражами. Он оглянулся, заколебался — лишь на мгновение, — а потом сделал бросок, точь-в-точь как Сэнди Кауфакс в седьмом раунде чемпионата мира. Раздался громкий, немзыкальный звон, а потом тяжелый удар — когда камень упал на ковер в комнате и покатился по полу.

Этот звук возымел странное действие на Брайана. Страх оставил его, и отвращение к этому поступку — который, что бы он себе ни придумывал, он никак не мог выдать за какую-то безобидную шутку, — тоже улетучилось. Звон разбитого стекла вызвал у него возбуждение... по сути дела, заставил его испытать примерно то же, что он чувствовал во время своих грез о мисс Ратклифф. Те грезы были дурацкими, и теперь он это понимал, но в этом ничего дурацкого не было. Это было реальным.

Кроме того, он ощутил, что теперь желал иметь вкладыш с Сэнди Кауфаксом больше, чем когда бы то ни было. Он открыл для себя еще один закон обладания и то странное психологическое состояние, которое оно вызывает: чем больше приходится платить за то, что тебе принадлежит, тем сильнее хочется сохранить это у себя.

Брайан взял еще два камня и подошел к разбитому окну. Он заглянул внутрь и увидел первый брошенный камень, лежащий на пороге двери из комнаты в кухню. Он выглядел совсем не на месте — как резиновый сапог на алтаре в церкви или роза на моторе трактора. Одна из резинок, прикреплявших бумагу к камню, соскочила, но вторая держалась нормально. Взгляд Брайана переместился влево, и он поймал себя на том, что прицеливается в телевизор Джерзиков.

Брайан размахнулся и сделал бросок. Камень попал прямо в экран «Сони». Раздался дикий треск, вспышка света, и ковер осыпало дождем стеклянных осколков. Телевизор дрогнул на своей подставке, но не упал. «Два—ноль!» — пробормотал Брайан, и из горла у него вырвался странный сдавленный смешок.

Он швырнул следующий камень в несколько керамических фигурок, стоявших на столике у дивана, но промахнулся. Камень с треском ударился в стену, выбив кусок штукатурки.

Брайан взял сумку с булыжниками и обошел дом с другой стороны. Он разбил два окна в спальне. Потом позади дома здоровенным камнем он разбил окно в верхней части кухонной двери и зашвырнул в дыру еще несколько булыжников поменьше. Один из них сбил кухонный комбайн, стоявший на столике. Другой разбил дверцу микроволновой печи и остался у нее внутри. «Три—ноль! Молоток, ушастик!» — вскричал Брайан, а потом так сильно расхохотался, что едва не намочил штаны.

Когда приступ смеха прошел, он завершил свой обход вокруг дома. Сумка стала гораздо легче, он без труда тащил ее в одной руке. Последними тремя камнями он разбил окна в подвале, прикрытые цветами на клумбах Уилмы, а потом еще оборвал цветы и разбросал их среди осколков — на добавку. Покончив с этим, он закрыл сумку, вернулся к велосипеду, водрузил сумку на багажник и взобрался в седло, чтобы ехать домой.

Рядом с Джерзиками жили Мислабурски. Когда Брайан выезжал с дорожки, ведущей к дому Джерзиков, миссис Мислабурски открывала парадную дверь и вышла на крыльцо. На ней был зеленый фартук, а волосы торчали вверх рыжей метелкой. Выглядела она как фурия с рекламы Рождества в аду.

— Мальчик, что там происходит? — резко спросила она.

— Точно не знаю. По-моему, миссис и мистер Джерзик немножечко ссорятся, — не останавливаясь, сказал Брайан. — Я приезжал спросить, не нужно ли им расчищать подъездную дорожку этой зимой, но решил, что заеду как-нибудь в другой раз.

Миссис Мислабурски кинула беглый и мрачный взгляд в сторону дома Джерзиков. С того места, где она стояла, из-за изгороди был виден лишь второй этаж.

— На твоём месте я вообще больше бы не приезжала, — сказала она. — Эта женщина напоминает мне тех маленьких рыбок, что водятся в Южной Америке. Которые могут подчистую съесть быка.

— Пираний? — спросил Брайан.

— Вот-вот, они самые.

Брайан продолжал крутить педали, удаляясь от женщины в зеленом фартуке и с рыжей метелкой на голове. Сердце у него билось быстро, но совсем не стучало молотком и не пыталось выпрыгнуть из груди. Какая-то часть его сознания была в полной уверенности, что все это ему снится. Он вовсе не чувствовал себя самим собой — Брайаном Раском, почти отличником, членом школьного совета и Лиги добропорядочных горожан средней школы, получающих только высшие баллы на экзаменах.

— В один прекрасный день она пристукнет кого-нибудь! — убежденно крикнула миссис Мислабурски вслед Брайану. — Помяни мое слово!

— Ничуть этому не удивлюсь, — прошептал себе под нос Брайан.

Он провел весь остаток дня в постели. При обычных обстоятельствах это, возможно, послужило бы достаточным поводом для Кору, чтобы отвезти его в Норвею, к врачу. Однако сегодня она даже не заметила, что ее сын неважно себя чувствует. И все из-за чудесных очков, которые продал ей мистер Гонт, — она была полностью поглощена ими.

Брайан встал с постели около шести, за четверть часа до того, как вернулся его отец, удививший рыбу на озере с двумя своими друзьями. Брайан подошел к холодильнику, достал бутылку пепси и выпил ее, стоя у плиты. Ему уже было намного лучше.

Он чувствовал, что наконец-то выполнил свою часть сделки, заключенной с мистером Гонтом.

Он также пришел к выводу, что мистер Гонт и в самом Деле знает лучше.

9

Нетти Кобб, не испытывая ни тени дурного предчувствия от того, какой неприятный сюрприз ждет ее дома, шла по Мейн-стрит к «Самому необходимому» в очень хорошем настроении. Интуиция подсказывала ей, что, невзирая на воскресный день, магазин будет открыт, и интуиция ее не подвела.

— Миссис Кобб! — приветствовал ее Лиланд Гонт, когда она вошла. — Как я рад вас видеть!

— Я тоже рада видеть вас, мистер Гонт, — сказала она, и... это было правдой.

Мистер Гонт подошел к ней с протянутой рукой, но Нетти отпрянула, чтобы избежать его прикосновения. Это было крайне невежливо, но она просто не могла себя пересилить. И мистер Гонт, храни его Господь, кажется, понимал это. Он улыбнулся и сменил курс; закрыв за ней дверь и с ловкостью профессионального игрока, забирающего выигрыш, заменил табличку «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО».

— Садитесь, миссис Кобб! Прошу вас, садитесь!

— Хорошо, спасибо, но... Я пришла лишь сказать вам, что Полли... Полли... — Она чувствовала себя как-то странно. Не плохо, а именно странно.словно в легком, кружащем голову дурмане. Довольно неловко она уселась в одно из плюшевых кресел. Потом мистер Гонт оказался прямо перед ней, глядя ей в глаза, и мир, сосредоточившийся вокруг него, снова обрел стабильность.

— Полли неважно себя чувствует, да? — спросил мистер Гонт.

— Да, — благодарно кивнула Нетти. — Понимаете, это ее руки. У нее...

— Артрит. Да, это ужасно. Жизнь — скверная штука, а потом живешь-живешь, да и помрешь, как кошка сказала и на хвосте своем бант завязала. Я знаю, Нетти. — Глаза мистера Гонта снова стали расти. — Но мне нет никакой нужды заходить к ней или звонить. Ее рукам уже лучше.

— Да? — спросила Нетти словно издалека.

— Еще бы! Они, конечно, еще болят, что хорошо, но болят не настолько, чтобы она не могла прийти, что еще лучше, — вы согласны, Нетти?

— Да, — рассеянно произнесла Нетти, понятия не имея, с чем она соглашается.

— У вас, Нетти, — сказал мистер Гонт самым своим мягким и бодрим голосом, — сегодня впереди большой день.

— У меня? — Это было для нее новостью; она собиралась провести сегодняшний день в своем любимом кресле — вязать и смотреть телевизор с Рейдером у ног.

— Да. *Очень* большой день. Поэтому я хочу, чтобы вы посидели здесь и отдохнули, пока я схожу и принесу кое-что. Посидите?

— Да...

— Вот и хорошо. И почему бы вам не прикрыть глаза, а? Отдохните *как следует*, Нетти!

Нетти послушно закрыла глаза. Она не знала, сколько прошло времени, когда мистер Гонт велел ей снова открыть их. Открыв глаза, она ощутила прилив разочарования. Когда

кто-то просит вас закрыть глаза, он часто хочет сделать вам что-нибудь приятное. Какой-нибудь подарок. Открывая глаза, она надеялась на это. Быть может, в руках у мистера Гонта окажется еще один кварцевый абажур. Но он держал лишь пачку бумаги. Листки были небольшими, розового цвета. Каждый был озаглавлен:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

— О-о, — протянула она, — а я думала... это будет кварцевое стекло.

— Я не думаю, что вам еще понадобится кварцевое стекло, Нетти.

— Нет? — Приступ разочарования повторился. На сей раз он оказался сильнее.

— Нет. Печально, но факт. Тем не менее я полагаю, вы помните, что обещали кое-что сделать для меня. — Мистер Гонт уселся рядом с ней. — Вы ведь *помните*, не так ли?

— Да, — сказала она. — Вы хотите, чтобы я сыграла шутку с Занудой. Вы хотите, чтобы я подложила ему в дом какие-то бумаги.

— Верно, Нетти. Совершенно правильно. У вас сохранился ключ, который я вам дал?

Медленно, словно выполняя балетное па под водой, Нетти достала ключ из правого кармана своего плаща и подняла так, чтобы мистер Гонт мог его видеть.

— Очень хорошо! — тепло сказал он ей. — Теперь положите его обратно. Положите его туда, где он останется в целости и сохранности.

Она повиновалась.

— Итак, вот бумаги. — Он вложил розовую пачку в одну ее руку и ленту скотча — в другую. Где-то у нее внутри звякнули предостерегающие колокольчики, но очень издали и еле-еле слышно.

— Я надеюсь, это не займет много времени. Мне скоро уже нужно быть дома. Я должна кормить Рейдера. Это мой маленький песик.

— Я знаю все про Рейдера, — произнес мистер Гонт и одарил ее широкой улыбкой. — Но у меня такое предчувствие, что сегодня у него не будет аппетита. И, мне кажется, волноваться, что он наделает лужу на полу в кухне, вам тоже не стоит.

— Но...

Одним из своих длинных пальцев он дотронулся до ее губ, и она немедленно почувствовала, что ее выворачивает наизнанку.

— Не надо, — простонала она, вжимаясь в спинку кресла. — Не надо, это ужасно...

— Так говорят, — согласно кивнул мистер Гонт. — Поэтому, если вы не хотите, чтобы это повторилось, Нетти, вы никогда не должны произносить то самое ужасное коротенькое словечко,

— Какое словечко?

— *Но*. Я не признаю этого слова. На самом деле, если сказать честно, я *ненавижу* это слово. В лучшем из всех возможных миров не будет никакой нужды в этом коротеньком, но тягучем словечке. Я хочу, чтобы вы сказали кое-что еще для меня, Нетти... Я хочу, чтобы вы произнесли слова, которые я люблю. Слова, которые я просто *обожаю*.

— Какие слова?

— «Мистер Гонт лучше знает». Скажите это.

— Мистер Гонт лучше знает, — повторила она, и стоило только этим словам слететь у нее с языка, как она поняла, насколько они правдивы и точны.

— Мистер Гонт *всегда* лучше знает.

— Мистер Гонт всегда лучше знает.

— Правильно! Точно! Как папочка! — воскликнул мистер Гонт и неприятно расхохотался. Звук был такой, словно где-то глубоко под землей каменные плиты стали тереться друг о друга, и пока он смеялся, карий цвет его глаз быстро сменялся голубым, потом зеленым, потом черным и опять карим. — А теперь, Нетти, слушайте внимательно. Вы

выполните эту мою маленькую просьбу, а потом можете отправляться домой. Вы понимаете?

Нетти поняла.

И стала очень внимательно слушать.

Глава 10

1

Саут-Пэрис — маленький грязный фабричный городок, лежащий в восемнадцати милях к северо-востоку от Касл-Рока. Это отнюдь не единственный провинциальный городишко в Мэне, названный в честь европейского города или страны; есть еще Мадрид (жители произносят это название как Мэдрид¹⁰), Швеция, Этна, Кембридж и Франкфурт.

Может, кому-то известно, как и почему вышло, что так много мест, где шоссе чуть расширяется, обрело столь экзотические названия, но лично мне — нет.

Мне известно только, что около двадцати лет назад один очень хороший повар-француз решил уехать из Нью-Йорка и открыть свой собственный ресторан в районе Мэнских озер, а потом прикинул, что лучшего места для подобного предприятия, чем городок с названием Саут-Пэрис ему не найти. Отвадить его не смогла даже вонь от громяхующих фабрик, и в результате возникло заведение под названием «У Мориса». Оно и по сей день там, на шоссе № 117, возле железнодорожных платформ, как раз через дорогу от «Макдоналдса». И именно к «Морису» повез свою жену на ленч Дэнфорт Китон, Зануда, в воскресенье, 13 октября.

Добрую часть этого воскресного дня Миртл провела в каком-то сладком полусне, и причиной тому послужила отнюдь не прекрасная еда «У Мориса». Последние несколько месяцев — на самом деле почти год — жизнь ее с Дэнфортом была очень нелегкой и, мягко говоря, неприятной. Он не обращал на нее никакого внимания, игнорировал почти полностью... За исключением тех моментов, когда он на нее орал. Ее уважение к себе, которое никогда не было особенно большим, почти совсем иссякло. Как и любая другая женщина, она прекрасно знала, что оскорбления вовсе не обязательно наносить кулаками. Мужчины не хуже женщин умеют ранить языком, а уж Дэнфорт Китон прекрасно знал, как им пользоваться; за последний год он нанес ей тысячи невидимых ранок острыми как бритва краями своего языка.

Она не знала про ставки на скачках и в самом деле верила, что он ездит на ипподром, в основном чтобы просто посмотреть на бега и отвлечься. Не знала она и о растрате.

Ей было известно, что некоторые члены семьи Дэнфорта страдали психическими расстройствами, но и в голову не приходило связывать этот факт с самим Дэнфортом. Он не напивался допьяна, не забывал одеться перед тем, как выйти на улицу, не болтал с людьми, которых не было рядом, и потому она пребывала в полной уверенности, что с ним все в порядке. Другими словами, она полагала, что с ней самой что-то неладно и это что-то в какой-то момент заставило Дэнфорта разлюбить ее. Последние полгода или около того она жила, постоянно видя перед собой мрачную перспективу; тридцать, а то и сорок лет, которые ей предстояло прожить без любви в качестве подруги человека, обливавшего ее сначала злобой, потом холодным, презрительным сарказмом, а в конце концов и вовсе забывшего о ее существовании. Она превратилась для Дэнфорта в предмет мебели... Если только она, конечно, не оказывалась у него на пути: в таких случаях — когда вовремя не подавался ужин, когда пол в его кабинете казался ему грязным, даже если газеты лежали не в том порядке, к которому он привык, когда он выходил к завтраку, — Дэнфорт обзывал ее тупицей. Он говорил, что, отвались у нее завтра задница, она и то не будет знать, где ее искать. Он говорил, что, если бы мозги были порохом, она не сумела бы взорвать свой собственный нос без капсюля. Поначалу она пыталась защищаться от таких тирад, но он играючи ломал ее

¹⁰ Mad — сумасшедший (англ.).

защиту, как стены карточного замка. Если она злилась в ответ, он заливал ее такой дикой яростью, что она жутко пугалась. Поэтому она перестала злиться и погрузилась в пучину растерянности. В эти дни она лишь беспомощно улыбалась в ответ на его злобу, обещала исправиться, шла в спальню, ложилась на кровать и плакала... И спрашивала себя, во что же она превратилась, и мечтала-мечтала-леч/ляла о подруге, с которой можно было бы поговорить обо всем.

Вместо подруг она разговаривала со своими куклами. Она начала собирать их в первые годы замужества и держала в коробках на антресолях. Однако в последний год она перетасила их в комнату для шитья и порой, когда слезы высыхали, тихонько уползала туда и играла с ними. Они никогда не кричали. Они никогда не игнорировали ее. Они никогда не спрашивали ее, как она стала такой тупицей — сразу родилась или брала уроки.

Самую чудесную куклу на свете она отыскала вчера, в новом магазине.

А сегодня все изменилось.

Точнее, сегодня утром.

Ее рука нырнула под стол, и она ущипнула себя (не первый раз за день), просто чтобы убедиться, что не спит. Но и после этого ничего не исчезло, она оставалась здесь, «У Мориса»; сидела в лучах яркого октябрьского солнца, и Дэнфорт по-прежнему сидел за тем же столом, прямо напротив нее, ел с отменным аппетитом, на лице его играла улыбка, и оттого оно казалось ей почти незнакомым, потому что она целую вечность не видела, как он улыбается.

Она не знала, что вызвало такую перемену, и боялась спрашивать. Знала, что прошлым вечером он ездил на Люистонские скачки, как уже давно делал почти каждый вечер (наверно, потому, что там он встречал более интересных людей, чем те, которых видел каждый день здесь, в Касл-Роке, — в частности, чем его собственная жена), и, проснувшись утром, она ожидала увидеть его половину постели пустой (а то и вовсе не смятой, что означало бы, что остаток ночи он дремал в кресле у себя в кабинете) и услышать его раздраженное бормотание внизу.

Вместо этого она увидела его лежащим в постели рядом с ней в полосатой красной пижаме, которую она подарила ему в прошлом году на Рождество. В первый раз она увидела его в ней — до этого он вообще, кажется, не вытаскивал ее из коробки. И он не спал.

Он перевернулся на другой бок, очутился лицом к лицу с ней и улыбнулся. В первый момент его улыбка испугала ее. Она подумала, что он собирается убить ее.

Он дотронулся рукой до ее груди, подмигнул ей и спросил:

— Хочешь, Миртл? Или для тебя еще рановато?

И они стали заниматься любовью, первый раз за пять с лишним месяцев они занимались любовью, и он был просто великолепен, а теперь они ели ленч «У Мориса» в воскресный полдень, словно парочка юных влюбленных.

Она не знала, что послужило причиной такой чудесной перемены в ее муже, и ей было на это наплевать. Она лишь хотела наслаждаться этим и надеяться, что так теперь будет всегда.

— Все нормально, Миртл? — спросил Китон, отрываясь от тарелки и усердно вытирая лицо салфеткой.

Она робко потянулась через стол и дотронулась до его Руки.

— Все хорошо. Все просто... просто чудесно.

Ей пришлось убрать руку, чтобы быстро вытереть салфеткой глаза.

2

Китон продолжал вгрызаться в свой бифштекс, или как там его называют лягушатники, с большим аппетитом. Причина его радости была проста. Каждая лошадь, которую он отметил вчера днем с помощью «Выигрышного билетика», пришла первой на скачках вечером. Даже Малабар со ставками тридцать к одному в десятом заезде. Возвращаясь в

Касл-Рок, он словно не катил по шоссе, а плыл по воздуху. Карманы его плаща были набиты деньгами — он выиграл чуть больше восемнадцати тысяч долларов. Его букмекер, наверно, до сих пор гадают, куда пойдут эти деньги, но так никогда и не узнает. Это знал Китон; все деньги хранились в целости в дальнем углу кладовки при его кабинете. Они лежали в конверте. Конверт лежал в коробке от «Выигрышного билетика», рядом с драгоценной игрушкой.

Впервые за много месяцев он хорошо выспался, а когда проснулся, в мозгу у него забрезжила одна мыслишка насчет аудиторской проверки. Идея, конечно, не фонтан, но все же лучше тьмы египетской, сгустившейся в его голове с тех пор, как пришло то ужасное последнее письмо. Казалось, все, что ему было нужно, чтобы сдвинуть свои мозги с нейтралки, это один крупный выигрыш на бегах.

Он, конечно, не сможет полностью отыгаться до того, как прозвенит последний звонок, это ясно. Прежде всего Люистонские скачки — единственный ипподром, где весь осенний сезон бега проводятся ежевечерне, и при любом раскладе урожай тут не может быть особенно велик. Он мог поездить по местным окружным ярмаркам и сорвать на тамошних бегах несколько тысяч, но этого тоже не хватит. Кроме того, даже на ипподроме он не мог рисковать, выигрывая много вечеров подряд. Его букмекер начнет беспокоиться, а потом вообще откажется принимать ставки.

Но Китон пришел к выводу, что сможет отыгаться хотя бы частично и уменьшить таким образом сумму недостачи. Также он мог придумать легенду. Какой-нибудь проект, который не удался. Ужасная ошибка, но... он взял за нее на себя полную ответственность и теперь расплачивается. Он может указать на то, что по-настоящему нечестный человек в его положении мог бы присвоить себе гораздо больше средств из городской казны — намного больше, чем он, — а потом сбежать в такое местечко (солнечное местечко, где полно пальм, песчаных пляжей и молоденьких девочек в бикини), откуда добиться выдачи весьма трудно, а то и вовсе невозможно.

Подобно Христу, он может призвать тех, кто сам без греха, первыми бросить в него камень. Это должно заставить их повременить. Если среди них найдется такой чистоплюй, который ни разу не запускал лапы в пирог штата, Китон согласится съесть его трусы. Без соли.

Им придется дать ему время. Теперь, когда он нашел в себе силы справиться с истерикой и как следует обдумать ситуацию, он был почти уверен, что придется. В конце концов они ведь тоже политики. И они должны понимать, что у прессы останется еще много чернил и перьев после того, как они покончат с Дэнном Китоном, и для них — стражей общественного достояния. Они должны знать, какие подробности всплывут на волне публичного расследования или даже (упаси, Господи) процесса о растрате. Например, вопросы о том, как долго — за отчетный период, джентльмены, — продолжалась скромная деятельность мистера Китона с финансами? И как получилось, что налоговое бюро штата не почуяло запах жареного еще гораздо раньше? Весьма неприятные вопросы для честолюбивых и амбициозных людей.

Он верил, что сумеет вывернуться. Гарантий — никаких, но в принципе возможно.

И все это благодаря мистеру Гонту.

Господи, как же он любил Лиланда Гонта!

— Дэнфорт? — робко обратилась к нему Миртл.

— М-мм? — поднял он на нее взгляд.

— Это мой самый лучший день за последние много лет. Я просто хочу, чтобы ты знал...

Я так благодарна тебе за то, что провела этот день с тобой.

— А-а! — сказал он. С ним произошла странная штука: какое-то мгновение он никак не мог вспомнить имя женщины, сидящей напротив. — Ну... Миртл, мне тоже было очень приятно.

— Ты поедешь на скачки сегодня вечером?

— Нет, — сказал он. — Пожалуй, сегодня я останусь дома.

— Это просто чудесно, — сказала она. Ей показалось это столь восхитительным, что она опять была вынуждена промокнуть глаза салфеткой.

Он улыбнулся ей — не той своей прежней ласковой улыбкой, которой когда-то сумел завоевать ее расположение и любовь, но довольно похожей.

— Слушай, Миртл! Хочешь десерт? — и подмигнул игриво.

Она хихикнула и махнула на него салфеткой:

— Ах ты-ы-ы!..

3

Дом Китона стоял на Касл-Вью особняком. Для Нетти Кобб это была долгая прогулка вверх, на холм, и когда она добралась туда, то очень замерзла и ноги у нее устали. По дороге она встретила всего троих или четверых прохожих, и никто из них даже не глянул на нее; они все глубоко закутались в воротники своих плащей, поскольку дул холодный резкий ветер. Рекламное приложение из чьей-то «Санди телеграм» перелетело через улицу, а потом взмыло вверх, в темно-синее небо, как некая странная птица, когда она свернула на дорожку к дому Китона. Мистер Гонт сказал ей, что Зануды и Миртл не будет дома, а мистер Гонт знает лучше. Дверца гаража была поднята, и «кадиллак»-пароход, на котором ездил Зануда, отсутствовал.

Нетти пошла по дорожке, остановилась у парадной двери и достала из левого кармана плаща стопку листов и скотч. Ей очень хотелось домой — к фильму «Воскресный ужин» по телевизору и к Рейдеру, свернувшемуся у ее ног. И скоро она там окажется — как только покончит с этим делом. Ей даже не обязательно будет утруждать себя вязанием. Она может просто сидеть со своим кварцевым абажуром на коленях. Она оторвала первый розовый листок и приклеила его скотчем на табличку возле дверного звонка — чеканку с надписью «КИТОНЫ. ТОРГОВЦЕВ ПРОСИМ НЕ ЗВОНИТЬ». Убрала скотч и стопку листов в левый карман, потом из правого достала ключ и сунула его в замок. Прежде чем повернуть ключ, она быстренько прочла, что было написано на розовом листке, который только что приклеила у входа. Хотя она замерзла и устала, но все равно не могла удержаться

легкой улыбки. То была и впрямь забавная шутка, особенно если учесть, как Зануда водил машину. Это просто чудо, что он до сих пор никого не угробил. Но тем не менее она не желала бы очутиться на месте того человека, чья подпись красовалась в нижнем углу листка. Зануда может страшно разозлиться. Даже мальчишкой он не выносил шуток.

Она повернула ключ в замке. Дверь легко отворилась.

Нетти вошла внутрь.

4

— Еще кофе? — спросил Китон.

— Мне нет, — улыбнулась Миртл. — Я и так уже под завязку.

— Тогда поехали домой. Я хочу посмотреть «Патриотов» по телику. — Он взглянул на часы. — Если поторопимся, думаю, успею к самому началу матча.

Еще больше обрадовавшись, Миртл кивнула. Телевизор стоял в общей комнате, и, если Дэн собирался смотреть матч, значит, он не намерен запирается на весь вечер у себя в кабинете.

— Тогда давай поспешим, — сказала она.

Повелительным жестом Китон вскинул вверх палец:

— Официант? Счет, пожалуйста.

5

Желание поскорее уйти у Нетти пропало; ей нравилось в доме Зануды и Миртл.

Во-первых, здесь было тепло. Во-вторых, пребывание в этом доме давало Нетти неожиданное ощущение власти — это было все равно что наблюдать две реальные человеческие жизни из-за кулис. Она начала свой обход сверху, заглядывая в каждую комнату. Их было много, особенно если учесть отсутствие детей; но, как любила повторять ее мать, деньги к деньгам.

Она открыла шкафы Миртл и рассматривала ее белье. Некоторые принадлежности были шелковыми — дорогие штучки, — но, по мнению Нетти, большинство вещей выглядело просто старьем. Так же обстояло и с платьями, что висели в стенных шкафах. Нетти прошла в ванную комнату, просмотрела там лекарства в аптечке, а оттуда направилась в комнату для шитья, где пришла в восторг от кукол. Чудный дом. Просто прелесть. Жаль, что его хозяин — кусок дерьма.

Нетти взглянула на часы и решила, что пора начинать приклеивать маленькие розовые листки. Сейчас она этим займется.

Как только осмолит комнаты внизу.

6

— Дэнфорт, ты не слишком быстро едешь? — спросила, едва не задохнувшись, Миртл, когда они резко обошли медленно трясущийся по шоссе пикап. Машина, ехавшая навстречу, громко просигналила, когда Китон вернулся в свой ряд.

— Я хочу успеть к началу, — сказал он и свернул налево, на Мейпл-Шугар-роуд, минуя знак с надписью: «Касл-Рок — 8 миль».

7

Нетти щелкнула выключателем телевизора — у Китонов был большой цветной «Мицубиси» — посмотрела немного «Вечерний ужин». Там играли Ава Гарднер и Грегори Пек. Кажется, Грегори был влюблен в Аву, хотя трудно сказать наверняка; может, он любил ту, другую женщину. Разразилась ядерная война. Грегори Пек командовал подводной лодкой. Все это не очень интересовало Нетти, поэтому она выключила телевизор, наклеила розовый листок на экран и пошла на кухню. Там она осмотрела все, что хранилось в кухонных шкафчиках (тарелки «корелле», очень миленькие, но кастрюли и сковородки — ничего особенного), а потом открыла холодильник и сморщила нос. Слишком много остатков. Много остатков — верный признак безалаберного ведения хозяйства. Правда, Зануда об этом наверняка не догадывается — за *это* она готова была поручиться. Мужчины вроде Китона способны заблудиться в собственной кухне даже с картой и собакой-поводырем.

Она снова взглянула на свои часы и принялась за дело. Уж очень много времени, оказалось, она потратила на осмотр дома. *Слишком* много. И Нетти торопливо принялась отрывать от пачки розовые листки и наклеивать их на разные предметы — на холодильник, на плиту, на телефон, висевший на кухонной стене рядом с дверью в гараж, на дверной косяк у входа в столовую.

И чем быстрее она это делала, тем больше нервничала.

8

Нетти только-только принялась за дело, когда красный «кадиллак» Китона пересек Тин-бридж и устремился вверх по Уотермилл-лейн к Касл-Вью.

— Дэнфорт? — неожиданно спросила Миртл. — Ты не мог бы высадить меня у дома Аманды Уильямс? Я знаю, это немного не по пути, но у нее моя форма для творожного пудинга. Я подумала... — Робкая улыбка снова осветила ее лицо. — Подумала, что могла бы сделать тебе — нам, — небольшое лакомство. Закусим во время футбольного матча. Тебе не надо меня ждать, можешь просто высадить там.

Он уже раскрыл было рот, чтобы сказать ей, что дом Уильямсов им совсем не по пути, что матч уже вот-вот начнется и она может забрать свою чертову кастрюльку завтра. Тем более он терпеть не мог горячий творог — там наверняка до черта микробов, но... Но передумал. Кроме него самого, в Совет выборных входили два вислоухих ублюдка и одна тупоголовая сука. Сукой была Манди Уильямс. Китон не без отвращения встречался по пятницам с Биллом Фуллертоном, городским парикмахером, и Гарри Самьюэлсом, единственным в городе гробовщиком. Не без труда ему удавалось делать вид, что это обычные рутинные встречи, поскольку сие не соответствовало действительности. Всегда существовала вероятность того, что налоговое бюро посылает письма и им тоже. Он уговаривал себя, что нет — пока, во всяком случае, нет, — но суки Уильямс в пятницу не было.

— Ладно, — сказал он, а потом добавил: — Можешь заодно поинтересоваться, нет ли каких-нибудь городских новостей, на которые она обратила внимание. Чего-нибудь такого, о чем мне стоило бы поговорить с ней.

— Ох, родной, ты же знаешь, я никогда не могу правильно запомнить всю эту...

— Я *знаю*, но ты ведь можешь хотя бы спросить, верно? Ведь не настолько же ты тупа, чтобы не суметь задать простой вопрос, а?

— Да, — поспешно признала она тихим голосом.

Он потрепал ее по руке.

— Ну, извини.

Она пораженно взглянула на него. Он *извинился*. Перед ней. Миртл подумала, что, может, он и делал это когда-то, в ранние годы их брака, но точно вспомнить не смогла.

— Просто спроси ее, не интересовались ли ребята из управления штата чем-нибудь в последнее время, — сказал он. — Ну, соблюдением правил землепользования, этими чертовыми канализационными трубами или... может быть, налогами. Я бы сам заехал и спросил, но хочу успеть к началу матча.

— Хорошо, Дэн.

Дом Уильямсов стоял на полпути к Касл-Вью. Китон лихо въехал на подъездную дорожку и остановился прямо за машиной хозяйки. Разумеется, иностранной. Марки «вольво». Китон подозревал, что Манди — тайная коммунистка или лесбиянка, а может, и то, и другое.

Миртл открыла дверцу и, выйдя из машины, глянула на него с робкой, неуверенной улыбкой.

— Я буду дома через полчаса, — сказала она.

— Отлично. Не забудь спросить ее про городские новости.

И если в пересказе Миртл — разумеется, сбивчивом и бестолковом — что-то в ответах Аманды Уильямс хоть чуть-чуть кольнет Китона, он лично встретится с этой сукой... завтра. Не сегодня. Сегодня — его день. Сегодня у него слишком хорошее настроение, чтобы портить его даже одним видом Аманды Уильямс, не говоря уже о том, чтобы точить с ней лясы.

Не дождавшись даже, пока Миртл как следует захлопнет дверцу, он резко дал задний ход и вывел «кадиллак» на улицу.

9

Нетти как раз приклеила последние розовые листки на дверь в кладовую в кабинете Китона, когда услышала звук подъезжающей машины. Глухой вскрик вырвался у нее из горла. На мгновение она застыла на месте, не в силах даже пошевелиться. «*Попалась!*» — пронеслось у нее в голове, как только послышалось ровное мягкое урчание мощного двигателя «кадиллака». — *Попалась! О Господи, меня застукали! Он убьет меня!*»

В ответ в голове у нее зазвучал голос мистера Гонта. Теперь тон его был вовсе не дружелюбный, а холодно-приказной. Голос исходил, казалось, из самой сердцевины ее мозга.

«Да, скорее всего он убьет тебя, Нетти, если поймает. А если ты будешь паниковать, он наверняка тебя поймает. Стало быть, ответ прост: не паникуй. Выйди из кабинета. Сейчас же. Не беги, но иди быстро. И как можно тише».

Она торопливо прошла на негнущихся как палки ногах по вытертому турецкому ковру на полу в кабинете Китона, едва слышно бормоча «мистер Гонт лучше знает», и вошла в комнату. Розовые бумажные прямоугольнички, казалось, глядели на нее со всех предметов, с каждой поверхности. Один даже свисал на длинной ленте из-под потолка прямо с люстры. Звук мотора усилился, у него появилось эхо — Зануда въехал в гараж.

«Давай, Нетти! Уходи немедленно! Это твой последний шанс!»

Она побежала через комнату, зацепилась ногой за пуфик и растянулась на полу. При этом она так сильно ударилась головой, что, наверно, потеряла бы сознание, если бы не тоненький половичок. В глазах у нее замелькали голубые искры. Она поднялась на ноги, смутно соображая, что со лба у нее капает кровь, и стала неловко шарить по входной двери, нащупывая дверную ручку, когда звук мотора в гараже заглох. Она обернулась и кинула затравленный, полный ужаса взгляд в направлении кухни. Ей была видна отсюда дверь в гараж — дверь, в которую он сейчас войдет, — и на этой двери тоже болтался розовый листок.

Дверная ручка под ее рукой повернулась, но дверь не открывалась. Казалось, она заперта.

Из гаража послышался звук захлопывающейся дверцы автомобиля, а потом скрежет опускающейся автоматической наружной двери гаража. До нее донеслись его шаги по бетонному полу. Зануда шел посвистывая.

Безумный взгляд Нетти, полузатуманенный красной пеленой от сочащейся из ранки на лбу крови, упал на засов. Он был задвинут. Вот почему дверь не открывалась. Наверно, она сама задвинула его, когда вошла, хотя и не помнила этого. Она отодвинула засов, открыла дверь и шагнула наружу.

Меньше чем через секунду дверь из гаража в кухню отворилась, и, на ходу расстегивая плащ, в нее вошел Дэнфорт Китон. И застыл на месте. Свист замер на его губах. Рука так и осталась на нижней пуговице плаща, застыли вытянутые в трубочку губы, только глаза его по мере того, как он оглядывал кухню, все больше расширялись, готовые выскочить из орбит.

Если бы он сразу подошел к окну, то увидел бы, как по лужайке несется Нетти, а полы ее расстегнутого плаща колышутся подобно крыльям летучей мыши. Может, он и не узнал бы ее, но наверняка увидел бы, что это женщина. И скорее всего это могло бы изменить последующий ход событий. Однако вид розовых листков, висевших повсюду, приковал его к месту, и в первый момент шока его мозг оказался способен исторгнуть два — всего два — слова. Они пульсировали у него в голове, как вспыхивающая неоновая вывеска:

ЭТО ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ!

ЭТО ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ!

ЭТО ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ!

10

Нетти выбежала на тротуар и изо всех сил припустила вниз по Касл-Вью. Каблучки ее выбивали тревожную дробь по асфальту, и ей казалось, что она слышит не одну пару ног, а Зануда бежит за ней следом. Зануда преследует ее и, поймав, причинит ей боль, но... это не имело значения. Не имело значения, потому что он мог сделать хуже, чем просто причинить ей боль. Зануда был важной шишкой в городе. И пожелай он отослать ее обратно в Джанипер-Хилл — ее пошлют туда. Поэтому Нетти неслась как угорелая. Капля

крови стекла со лба прямо ей в глаз, и на мгновение она увидела весь мир через розовую линзу, словно симпатичные домики на Касл-Вью вдруг стали истекать кровью. Она

вытерла глаз рукавом плаща и побежала дальше.

Улица была пустынна, большинство глаз в домах в этот воскресный полдень были прикованы к матчу «Патриоты» — «Реактивщики». Только один человек засек Нетти.

В тот самый момент, когда Нетти проносилась мимо, Танси Уильямс, возвратившаяся из Портленда, куда они на два дня ездили с мамочкой навестить дедушку, выглядывала в окно. Она сосала леденец, сжимая под мышкой своего плюшевого медвежонка по имени Оуэн, и тут же доложила:

— Мама, сейчас тетя пробежала.

Аманда Уильямс тем временем сидела на кухне с Миртл Китон. Обе держали в руках по чашке кофе, разделенные формой для творожного пудинга, которая стояла на столике между ними. Миртл только что спросила, нет ли каких-нибудь городских новостей, о которых следовало бы знать Дэну, и Аманда весьма удивилась этому вопросу. Если Зануда хотел узнать о чем-то, почему он не заехал сам? И вообще, что за странный вопрос в воскресный полдень?

— Родная, мама занята с миссис Китон.

— У нее кровь, — продолжала докладывать Танси.

Аманда улыбнулась Миртл.

— Я же говорила Бадди, раз уж он взял напрокат кассету с «Роковым влечением», то, прежде чем смотреть ее, надо было хотя бы подождать, пока Танси уснет.

Тем временем Нетти продолжала бежать. На перекрестке Касл-Вью и Лаурел ей пришлось остановиться и передохнуть. Лужайку перед Публичной библиотекой ограждал узорный каменный заборчик, и она прислонилась к нему, ловя ртом воздух, пока ветер раздувал ее плащ. Ладони она прижала к левому боку, который здорово ныл.

Она оглянулась на холм и увидела, что улица пуста. Никакой Зануда не преследовал ее — всему виной было разыгравшееся воображение. Через несколько секунд она набралась сил и порылась в карманах плаща, чтобы найти салфетку и вытереть кровь с лица. Салфетку она нашла, а заодно обнаружила, что ключа от дома Зануды в ее кармане больше нет. Он мог вывалиться, когда она бежала вниз с холма, но скорее всего она оставила его в двери, в замке. Хотя какое это теперь имело значение? Ей удалось выбраться из дома, прежде чем туда вошел Китон — вот что главное. Она поблагодарила за это Бога и голос мистера Гонта, заговоривший с ней как раз вовремя, совсем забыв, что именно мистер Гонт явился причиной ее пребывания в доме Зануды.

Она взглянула на кровавый след на салфетке и решила, что рана не такая уж серьезная. Кровь, похоже, уже запеклась. Колики в боку тоже стихали. Она оторвалась от каменного заборчика и с опущенной головой, чтобы не было видно ранки на лбу, двинулась в сторону своего дома.

Дом — вот о чем надо было сейчас думать. О доме и о ее прекрасном кварцевом абажуре. О доме и о Рейдере. Когда она очутится у себя дома, запрет двери, опустит шторы, включит телевизор и Рейдер заснет у ее ног, все это покажется лишь дурным сном — вроде дурного сна насчет Джанипер-Хилл, в который она погрузилась после того, как убила своего мужа.

Дом — вот ее место.

Нетти слегка ускорила шаг. Скоро она уже будет там.

11

Пит и Уилма Джерзик отправились после мессы на ленч к Пуласки, а после ленча Пит с Джейком Пуласки уселись перед телевизором поглядеть, как «Патриоты» поддадут пару нью-йоркским задницам. Уилму футбол ничуть не занимал, равно как, впрочем, и бейсбол, хоккей или баскетбол. Единственный профессиональный вид спорта, который она обожала, была борьба, и, хотя Пит об этом не подозревал, она не моргнув глазом бросила бы его ради Джея Стронгбоу.

Она помогла Фриде вымыть посуду, а потом сказала, что поедет домой и досмотрит остаток воскресного супербоевика — сегодня шел «Пляж» с Грегори Пеком. Она сказала Питу, что возьмет машину.

— Ну и отлично, — отреагировал он, не отрывая взгляда от экрана телевизора. — Я могу и прогуляться пешком.

— Будет для тебя чертовски полезно, — выходя, пробормотала она сквозь зубы.

Уилма пребывала в хорошем настроении, и главная причина этого была связана с Ночью Казино. Отец Джон не отступился вопреки ожиданиям Уилмы, и ей понравилось то, как он выглядел сегодня утром во время проповеди под названием: «Пусть каждый возделывает свой сад». Его тон был как всегда ровным и спокойным, но голубые глаза и вздернутый подбородок спокойствия отнюдь не излучали. Как не смогли одурачить ни Уилму, ни всех остальных его садоводческие метафоры — по смыслу проповедь была проста: если баптисты будут и дальше совать свой общий, коллективный нос на морковную грядку католиков, они получают пинка под их общий, коллективный зад.

Мысль о пинке под зад (в особенности баптистский) всегда приводила Уилму в хорошее расположение духа.

Кроме того, перспектива коллективного пинка под зад была не единственным светлым пятном, отметившим воскресный полдень Уилмы. Во-первых, не нужно готовить воскресный обед — Пит надежно пристроен у Джейка и Фриды. Если ей повезет, он весь день проведет, глядя, как игроки пытаются разорвать друг другу селезенки, а она спокойно посмотрит кино. Но прежде, подумала она, надо бы звякнуть старой подруге Нетти. Пожалуй, она неплохо затравила психопатку Негги, и все это замечательно... для начала. И *только* для начала. Нетти по-прежнему предстоит расплата за выпачканные простыни, что бы она там себе ни воображала. Пришло время предпринять следующие шаги относительно мисс Душевнобольной-91. Эта перспектива наполнила Уилму нетерпеливым и радостным предвкушением удовольствия, и по дороге домой она выжимала из машины все, на что та была способна.

12

Словно во сне, Дэнфорт Китон подошел к своему холодильнику и оторвал приклеенный к дверце розовый листок со словами: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, отпечатанными сверху большими черными буквами.

Ниже шел текст:

Пока — ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, но, пожалуйста, прочитайте и запомните!

Вы нарушили одно (или более) правило дорожного движения. Патрульный офицер в качестве меры пресечения на этот раз избрал формулировку: «отпустить с предупреждением», но он записал марку, модель и номер Вашей машины, и в следующий раз Вы будете привлечены к ответственности. Пожалуйста, запомните, что правила дорожного движения распространяются на ВСЕХ.

Езьте осторожно!

Не подвергайте риску Вашу жизнь!

Управление полиции благодарит Вас!

Ниже шли пустые строчки, обозначенные: «МАРКА», «МОДЕЛЬ» и «НОМЕР». В первых двух были впечатаны слова: «кадиллак» и «севилья», а в строчке для номера:

ЗАНУДА 1-Й

Большая часть свободного места была занята перечислением обычных нарушений дорожного движения вроде пропуска сигнала светофора, пропуска стоп-знака, парковки в

неположенном месте. Ничего здесь не было подчеркнуто. В самом низу стояли слова: «ПРОЧИЕ НАРУШЕНИЯ», а за ними — две пустые строчки. «ПРОЧИЕ НАРУШЕНИЯ» были подчеркнуты. Текст в строчках, предназначенных для описания нарушений, аккуратно впечатанный заглавными буквами, гласил:

ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ БОЛЬШИМ УБЛЮДКОМ КАСЛ-РОКА

А в самом низу располагалась строчка с напечатанными над ней словами: «Патрульный офицер». Там стоял оттиск с резиновой печати Норриса Риджвика.

Медленно, очень медленно Китон сжал в кулаке розовый листок. Тот зашуршал, сминаясь, и исчез за большими суставами пальцев. Китон стоял посреди кухни, разглядывая остальные розовые листки. Вена на лбу у него яростно пульсировала, отсчитывая секунды.

— Я убью его, — прошептал Китон. — Клянусь Богом и всеми святыми, я убью эту маленькую тощую сволочь.

13

Когда Нетти добралась до дома, было всего двадцать минут второго, но ей казалось, что она отсутствовала месяц, если не год. Стоило ей ступить на цементную дорожку, ведущую к двери, как все страхи, казалось, слетели с плеч невидимыми нитями. Голова все еще болела от удара, но, на ее взгляд, головная боль была очень небольшой платой за возможность никем не замеченной и не преследуемой добраться до своего собственного маленького дома.

Свой ключ она не потеряла, он лежал во внутреннем кармане жакета. Она вытащила его и вставила в замок.

— Рейдер? — позвала она, поворачивая ключ. — Рейдер, я дома!

Она открыла дверь.

— Где наш малыш? Где маленький? Он у нас га-алод-ненький? Он кусать хочет? — В прихожей было темно, и поначалу она не увидела маленький комок, лежащий на полу. Она вытащила ключ из замка и вошла внутрь. — Плоголодался, маленький? Ну, иди к мамочке! Мы га-ало-одне...

Ее нога наткнулась на что-то одновременно и мягкое, и уже твердеющее, и сюсюканье оборвалось на полуслове. Она глянула вниз и увидела Рейдера.

Сначала она пыталась убедить себя, что глаза лгут, что не может она видеть то, что видит — не может, не может, не может. Это вовсе не Рейдер — там, на полу, с чем-то, торчащим из его груди... Да это же просто невозможно, правда?

Она закрыла дверь и стала яростно колотить по настенному выключателю. Наконец в прихожей вспыхнул свет, и она увидела... лежащего на полу Рейдера. Он лежал на спине, как обычно ложился, когда хотел, чтобы ему почесали брюшко, и из него торчало что-то... похожее... похожее на...

Нетти издала высокий, воющий крик — такой высокий, что он прозвучал как писк какого-то огромного комара, — и упала на колени возле своего песика.

— *Рейдер! О Господи, Господи, Великий и Всемогуций! О Боже, Рейдер, ты ведь не умер, правда? Ты ведь не мертвый?*

Ее рука — холодная, ледяная рука — царапала эту красную штуковину, торчащую из грудки собачки, как несколько секунд назад царапала выключатель на стене. Наконец она сумела ухватиться за ручку и с силой, порожденной ужасом и отчаянием, вытащила ее. Штопор вылез, издав сочный чмокающий звук и потащив за собой кусочки плоти, крошечные капельки крови и несколько волосинок. От него осталась черная дырка размером с пулю мелкого калибра. Нетти закричала. Она выронила окровавленный штопор и подхватила маленькое окоченевшее тельце на руки.

— *Рейдер!* — крикнула она. — *Мой маленький песик! Нет! О-о, нет!*

Она качала его у груди, пытаясь вернуть к жизни своим теплом, но, похоже, у нее самой больше не было тепла. Она была холодной, совсем холодной.

Через какое-то время она положила его тельце на пол в прихожей и принялась шарить рукой по полу, пока не наткнулась на армейский нож с торчащим из рукоятки смертельным жалом штопора. Она безучастно подняла его, но безучастность мигом прошла, как только она увидела, что на орудие убийства наколота записка. Бумага была испачкана кровью ее бедной маленькой собачки, но все равно она сумела разобрать нацарапанные на ней слова:

Чтоб никто не швырял грязь в мои стиранные простыни. Я говорила тебе, что тебя достану!

Горе и ужас медленно покинули взор Нетти и сменились страшной догадкой, полыхнувшей у нее в глазах серебряными искрами. Ее щеки, побелевшие как молоко, когда она наконец поняла, что произошло здесь, начали покрываться темно-красными пятнами. Губы медленно раздвинулись, приоткрыв зубы. Она приблизила записку к губам, словно хотела укусить ее, и два хриплых, жарких слова с присвистом вырвались у нее изо рта:

— Ты... сука!

Она смяла записку и швырнула ее в стену; та отскочила и упала возле тельца Рейдера. Нетти наступила на нее, потом подняла, плюнула и снова отшвырнула прочь. Встала и медленно пошла на кухню, то сжимая руки в кулаки, то растопыривая пальцы.

14

Уилма Джерзик вывела свой маленький желтый «юго» на подъездную дорожку, вылезла из машины и быстро пошла к парадной двери дома, отыскивая на ходу в сумочке ключ. Весело напевая про себя «Любовь вращает шар земной...», она вытащила ключ, вставила его в замок, и... задержалась, уловив краем глаза какое-то движение. Она посмотрела направо, и у нее перехватило дыхание от того, что она там увидела.

Занавески в комнате колыхались на легком полуденном ветерке. Колыхались они снаружи, потому что узорчатое стекло, заменить которое обошлось Клонисам в четыреста долларов, когда их придурок-сынок разбил его три года назад бейсбольным мячом, было расколото. Длинные осколки торчали в раме, как стрелы с остриями, направленными на большую дыру в середине.

— Какого хрена?! — закричала Уилма и с такой силой повернула в замке ключ, что тот едва не сломался.

Она ринулась внутрь, схватившись за дверь, чтобы захлопнуть ее за собой, и застыла на месте. Первый раз за всю свою сознательную жизнь Уилма Вадловски-Джерзик была не в силах шевельнуться, словно на нее накатил столбняк.

Комната лежала в руинах. Телевизор — их чудесный телевизор с большим экраном, за который они еще не расплатились до конца, — был разбит вдребезги. Черные внутрен

ности дымились. Тысяча блестящих осколков от трубки валялась на ковре. На противоположном конце комнаты в стене зияла огромная дыра, а внизу под ней лежал большой сверток, очертаниями напоминавший тапочек. Еще один, такой же, валялся на пороге кухни.

Она закрыла за собой дверь и подошла к свертку у порога. Какая-то до конца не вырубившаяся часть рассудка велела ей быть предельно осторожной — это могла быть бомба. Проходя мимо телевизора, она почувствовала горячий противный запах — что-то среднее между паленой изоляцией и подгоревшей ветчиной.

Она присела на корточки возле свертка на пороге и увидела, что это вовсе не сверток — по крайней мере в обычном понимании. Это был булыжник, обернутый листком разлинованной бумаги, прикрепленной к камню резинкой. Она вытащила листок из-под

резинки и прочла записку:

Я ГОВОРИЛА ТЕБЕ, ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ.
ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Прочитав ее дважды, она взглянула на другой камень, подошла к нему и сорвала с него листок — та же бумага и та же записка. Она выпрямилась, держа в каждой руке по смятому листку, и переводила взгляд с одного листка на другой и обратно, словно зритель на теннисном матче. В конце концов она произнесла три слова:

— Это Нетти... Курва.

Она прошла в кухню и сквозь стиснутые зубы судорожно, со свистом втянула в себя воздух. Порезала руку об осколок стекла, вытаскивая камень из микроволновой печи, и рассеянно извлекла осколок из ладони, прежде чем снять листок с булыжника — ту же записку с теми же словами...

Уилма быстро прошлась по остальным комнатам внизу, оглядела все разрушения и собрала остальные записки. Они все были одинаковыми. Она снова вернулась в кухню и, не веря своим глазам, вновь оглядела руины.

— Нетти, — повторила она.

Наконец айсберг охватившего ее шока начал таять. Первым чувством, пришедшим ему на смену, была не злоба, а изумление. Ну, подумала она, эта женщина и впрямь сумасшедшая. Должна быть сумасшедшей, если она думает, что может сделать такое со мной — со мной! — и дожить до заката. Она что, думает, что имеет дело с Золушкой с молочной, мать ее, фермы?

Уилма судорожно сжала листки с записками и, нагнувшись, яростно потерла комом бумаги по своему широченному заду.

— Задницу я потерла твоим последним предупреждением! — крикнула она и отшвырнула листки прочь.

С почти ребяческим изумлением она снова оглядела кухню. Дыра в микроволновой печи. Искореженная дверца холодильника «Амана». Повсюду битое стекло. В комнате — телевизор, обошедшийся им почти в тысячу шестьсот зеленых, — вонял поджаренным собачьим дерьмом. И кто все это сделал? Кто?

Как кто? Нетти Кобб — вот кто. Мисс Душевнобольная-91.

Уилма улыбнулась.

Тот, кто не знал Уилму, мог по ошибке принять эту улыбку за мягкую и добрую, за улыбку любви или в крайнем случае нежной дружбы. Глаза ее сияли отблеском какого-то сильного чувства; неопытный наблюдатель мог принять его за восторг. Но если бы Питер Джерзик, знавший Уилму лучше всех, увидел в это мгновение ее лицо, он кинулся бы бежать без оглядки с такой скоростью, на какую только были способны его ноги.

— Нет, — сказала Уилма мягким, почти ласковым голосом. — О нет, детка, ты не понимаешь. Ты не понимаешь, что значит тягаться с Уилмой. Ты даже не представляешь себе, что значит тягаться с Уилмой Вадловски-Джерзик. — Ее улыбка стала шире. — Но ты поймешь...

Над микроволновой печью на стене висели две стальные магнитные полоски. Почти все ножи с них сбил тот камень Брайана, что попал в печь; они лежали на рабочем столике грудой, напоминавшей бирюльки. Уилма вытащила из кучи самый длинный — разделочный нож с белой костяной ручкой — и медленно провела пораненной стеклом ладонью по краю лезвия, оставляя на стали кровавый след.

— Я преподам тебе славный урок.

Зажав нож в кулаке, Уилма двинулась через комнату; осколки от оконного стекла и телевизионной трубки хрустели под каблуками ее черных «церковных» туфель. Она вышла из дома, не закрыв за собой дверь, и, срезав угол по лужайке, устремилась по направлению к Форд-стрит.

В то самое мгновение, когда Уилма выбирала разделочный нож из груды на рабочем столике, Нетти Кобб вытаскивала из кухонного ящика большой нож для мяса. Она знала, что он был очень острый, поскольку не прошло и месяца с тех пор, как она носила его точить Биллу Фуллертону в парикмахерскую.

Достав нож, Нетти повернулась и медленно прошла через прихожую к входной двери. На секунду она остановилась и встала на колени перед тельцем Рейдера — ее бедного маленького песика, никому в жизни не сделавшего ничего плохого.

— Я предупреждала ее, — негромко сказала она, поглаживая шерстку собачки. — Я ее предупреждала, я предупреждала эту сумасшедшую польку, как только могла... Как только могла. Собачка ты моя родная, жди меня. Жди меня, скоро я буду с тобой.

Она встала и вышла из дома, так же, как и Уилма, не дав себе труда закрыть дверь. Никакие соображения безопасности больше не интересовали Нетти. Она постояла секунду на крыльце, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, а потом, срезав угол, пересекла свою лужайку и двинулась по направлению к Уиллоу-стрит.

Дэнфорт Китон вбежал в свой кабинет, распахнул дверцу кладовки и принялся шарить на дальней полке. На одно ужасное мгновение ему почудилось, что игрушка исчезла, что этот чертов взломщик-преследователь — заместитель, его мать, шерифа, — похитил игрушку, а вместе с ней и все его надежды на будущее. Потом его рука наткнулась на коробку, и он откинул крышку. Крошечный ипподром был на месте, и конверт лежал под ним. Он повертел конвертом в разные стороны, прислушиваясь к шелесту купюр внутри, а потом положил его на место.

Быстро подойдя к окну, он взглянул, не идет ли Миртл. Она не должна видеть розовые листки. Их все нужно снять до того, как она появится, но сколько же их? Сотня? Он оглядел кабинет и увидел, что они расклеены повсюду, на каждом предмете. Тысяча? Да, наверно. Может, тысяча, а может, и две. Что ж, если она придет раньше, чем он успеет снять все, ей придется подождать на крыльце, потому что он не впустит ее в дом, пока каждая из этих проклятых меток Преследователей не сгорит в кухонной плите. Каждая...

Он сорвал листок; свисающий с люстры. Клейкая лента прилипла к его щеке, и он смахнул ее со слабой вспышкой

злости. На этом листке в графе «ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ» блестело одно-единственное слово:

РАСТРАТА

Он подбежал к торшеру возле кресла и сорвал листок с абажура:

ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ: ПЕРЕРАСХОД ГОРОДСКИХ ФОНДОВ

На телевизоре:

ДЕРЕТ ЛОШАДЕЙ

На застекленной грамоте «За примерное членство в Лай-онс-клубе»:

ЗАДАЕТ МАТЕРИ ОВСА

На двери в кухню:

ПОСТОЯННО СПУСКАЕТ ДЕНЬГИ
НА ЛЮИСТОНСКИХ БЕГАХ

На двери в гараж:

ШИЗОИДНАЯ ПАРАНОЙЯ
В БАШКЕ-ПОМОЙКЕ

Он срывал их так быстро, как только мог — с вытаращенными глазами и растрепанными редяющими волосами. Очень скоро он начал задыхаться и кашлять, а щеки его стало заливать отвратительным лиловым цветом. Он был похож на толстого ребенка со взрослым лицом, занятого ка-кими-то странными и отчаянно важными поисками.

На китайской шкатулке:

КРАЖА ИЗ ГОРОДСКОГО
ПЕНСИОННОГО ФОНДА

Китон влетел обратно в комнату со стопкой листков, зажатой в правой руке, и полосками клейкой ленты, торчащими из кулака, и принялся сдирать остальные листки. Те, что были здесь, все с жутким упорством вертелись вокруг одного и того же:

РАСТРАТА

ГРАБЕЖ

ВОРОВСТВО

РАСТРАТА

МОШЕННИЧЕСТВО

ПЕРЕРАСХОД

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ

РАСТРАТА

Чаще других — это последнее слово; кричащее, обвиняющее:

ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ: РАСТРАТА

Ему почудился какой-то звук снаружи, и он снова подбежал к окну. Может, это Миртл. А может, Норрис Риджвик, приехавший поглазеть и поиздеваться. Если так, Китон достанет револьвер и пристрелит его. Но не в голову. Нет. В голову — это слишком быстро и слишком легко для такого подонка, как Риджвик. Китон проделает ему дыру в животе и оставит подыхать от собственных воплей на лужайке.

Но это лишь «скаут» Гарсонов полз вниз по Вью к городу. Скотт Гарсон был самым влиятельным банкиром в Касл-Роке. Китон с женой иногда обедали с Гарсонами; те были

приятной парой, а сам Гарсон — значительной политической фигурой. Что бы он подумал, если бы увидел эти листки? Что бы он сказал о слове «РАСТРАТА», вновь и вновь орущем с розовых штрафных квитков, как вопит женщина, которую насилюют среди ночи?

Задыхаясь, он устремился обратно в столовую. Не пропустил ли он какого-то квитка? Кажется, нет. Кажется, он собрал все, по крайней мере здесь...

Нет! Вот еще один! Прямо на лестничной ступеньке? О Господи, что, если бы он его пропустил? О Боже!

Он подскочил к нему и сорвал со ступеньки.

МАРКА: ГОВНОМОБИЛЬ

МОДЕЛЬ: ПОНОШЕННОЕ СТАРЬЕ

НОМЕР: СТАРЫЙ ХРЕН 1-Й

ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ:
ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Остались еще? Китон галопом промчался по комнатам внизу. Рубашка у него выбилась из брюк, и волосатый живот колыхался над ремнем. Вроде больше не было... Во всяком случае, внизу.

Он снова кинул беспокойный взгляд в окно — не появилась ли Миртл — и с гулко бьющимся в груди сердцем устремился наверх.

17

Уилма и Нетти встретились на углу Уиллоу- и Форд-стрит. Они застыли, словно по команде, и уставились друг на друга, как стрелки-забияки в вестерне. Ветер хлопал лапами плащей. Солнце то выглядывало из-за туч, то снова пряталось; тени их появлялись и исчезали, как робкие незваные гости.

Обе улицы были пусты. Этот маленький уголок осеннего полдня принадлежал только им.

— Ты, сука! Ты убила мою собаку!

— Ты разбила мой телевизор! Ты разбила все окна! Ты разбила мою микроволновую печку, курва ты психованная!

— Я тебя предупреждала!

— Засунь свое предупреждение в свою грязную задницу!

— Я убью тебя!

— Только сделай шаг, и кое-кто здесь подохнет, это точно, только это буду не я!

Последние слова Уилма выкрикнула с ужасом и нарастающим изумлением; выражение лица Нетти впервые дало ей понять, что они обе затеяли нечто более серьезное, чем оторвать рукав или выдрать друг у друга клочок волос. Прежде всего как Нетти оказалась здесь? Где же фактор внезапности? Как события столь быстро могли подойти к своей развязке?

Но польская кровь, что текла в жилах Уилмы, сочла подобные вопросы неуместными. Здесь должна была состояться битва — вот что главное.

Нетти со своим тесаком устремилась к ней, оскалив зубы, из ее горла вырвался длинный воинственный рык.

Уилма пригнулась, выставив свой нож как гигантскую опасную бритву. Когда Нетти оказалась рядом, Уилма сделала выпад. И нож глубоко вонзился Нетти в пах, потом задрался вверх и вскрыл ей живот, откуда выплеснулась струя пахучей жижи. На мгновение Уилмой овладел ужас от того, что она сделала — неужели это Уилма Джерзик держалась за ручку ножа, погруженного в тело Нетти, — и рука разжалась. Острие ножа застыло, так и не достав

до колотящегося в сумасшедшем ритме сердца Нетти.

— АААХ ТЫЫЫ СССУКА! — заорала Нетти и рубанула тесаком вниз. Он вошел в плечо Уилмы, с глухим треском перебив ей ключицу.

Всплеск жуткой боли вышиб все разумные мысли из головы Уилмы. Она выдернула нож из Нетти.

Нетти тоже вытащила свой тесак; ей пришлось сделать это обеими руками, и, когда она в конце концов вырвала его из кости, клубок кишок вывалился из кровавого отверстия в ее платье и повис блестящим влажным узлом.

Обе женщины медленно кружились на тротуаре, оставляя следы ног в собственной крови. На тротуаре стал появляться рисунок какого-то дикого танца Артура Мюррея. Нетти чувствовала, как свет медленными волнами странным образом пульсирует у нее перед глазами — все предметы теряли цвет, оставляя ее в черно-белом мире, а потом цвет медленно возвращался. Она слышала стук своего сердца — глухие, неторопливые удары. Понимала, что ранена, но не чувствовала боли. Думала, что Уилма слегка задела ей бок.

Уилма понимала, как сильно ранена; сознавала, что не может поднять правую руку, а вся спина ее вымокла в крови. Однако у нее и в мыслях не было бежать. Она в жизни никогда ни от кого не бегала, а сейчас тем более.

— Эй! — крикнул им кто-то с другой стороны улицы. — Эй, что вы там делаете? Вы... Вы это там прекратите, слышите! Прекратите сейчас же, или я вызову полицию!

Уилма повернула голову на крик. И в тот самый миг, когда она отвлеклась, Нетти сделала шаг вперед и воткнула тесак в жирную мясистую ногу Уилмы. Он проткнул мякоть бедра, уперся в тазобедренную кость и сломал ее. Кровь хлынула фонтаном. Уилма заорала и качнулась назад, рубя ножом воздух перед собой. Ноги ее переплелись, и она с глухим ударом рухнула на тротуар.

— Эй! Эй! — Это была старуха, стоявшая на крыльце своего дома, прижимая к горлу платок мышинного цвета. Глаза ее за очками превратились во влажные блюдца, полные ужаса и страха. Тоненьким старушечьим голоском она закричала: — *Помогите! Полиция! Убивают! Убивааают!*

Женщины на углу Уиллоу- и Форд-стрит не обратили на нее никакого внимания. Уилма возилась в кровавой луже возле стоп-знака, и когда Нетти двинулась к ней, она заставила себя сесть, оперевшись о столб и держа на коленях задранный острием вверх нож.

— Давай, ссука! — прошипела она. — Иди ко мне... Если идешь, так иди.

Нетти подошла с перекошенным, дергающимся ртом. Клубок внутренностей болтался из стороны в сторону, как зародыш при выкидыше, оставляя следы на одежде. Ее правая нога споткнулась о вытянутую левую ногу Уилмы, и она стала падать. Разделочный нож Уилмы поймал ее как раз под пятое ребро. Ртом, наполнившимся кровью, она издала рык, подняла тесак и резко опустила его. Он вонзился в макушку Уилмы Джерзик с одним-единственным глухим звуком: «Чок!» Уилма забилась в конвульсиях, тело ее выгнулось и задергалось. С каждым движением нож входил все глубже и глубже Нетти под ребра.

— Убила... моего... *песика*, — выдавила Нетти, выплевывая с каждым словом тяжелый сгусток крови в задранное вверх лицо Уилмы. Потом она дернулась всем телом и застыла. Голова ее ударилась о столб стоп-знака.

Дергающаяся нога Уилмы скользнула в сточную канаву. Дорогая черная «церковная» туфля слетела с ноги и приземлилась на куче листьев; низкий каблук смотрел прямо в небо, на быстро бегущие по нему облака. Пальцы на ноге сжались один раз... другой... и застыли.

Две женщины лежали обнявшись, как любовники, и кровь их стекала в канаву, оставляя на асфальте узор цвета корицы.

— УБИВААААЮТ! — снова возвестила старуха на противоположной стороне улицы, а потом откинулась назад и рухнула на пол собственной прихожей, потеряв сознание.

Жители окрестных домов стали подходить к окнам, открывать двери, спрашивая друг друга, что случилось, выходили в иалисаднички — сначала осторожно приближались к месту действия, а потом с ладонями, прижатыми ко рту, неслись прочь от открывшегося им

кровавого поля битвы.

В конце концов кто-то позвонил в контору шерифа.

18

Полли Чалмерз медленно шла вверх по Мейн-стрит к «Самому необходимому» в теплых варежках на гудящих от боли руках, когда до нее донесся вой первой полицейской сирены. Она остановилась и стала смотреть, как один из трех окружных патрульных «плимудов» с включенными и крутящимися мигалками миновал перекресток Мейн- и Лаурел-стрит. Он выжимал не меньше пятидесяти миль в час и продолжал набирать скорость. За ним следовал второй.

Нахмурившись, она проводила их взглядом. Мчащиеся патрульные машины с сиренами были редкостью в Роке. Она задумалась. Что же произошло? Похоже, что-то более серьезное, чем взобравшаяся на дерево кошка. Впрочем, Алан расскажет ей, когда позвонит сегодня вечером.

Полли снова устремила взгляд вверх по улице и увидела Лиланда Гонта. Стоя в дверях своего магазина, он с легким любопытством смотрел вслед патрульным машинам. Что ж, это свидетельствовало об одном — он был у себя. Нетти так и не позвонила и не сообщила ей, застала она его или нет. Это не очень удивило Полли: поверхность рассудка Нетти была скользкой — некоторые вещи порой соскальзывали с нее.

Она пошла дальше. Мистер Гонт оглянулся и увидел ее. Лицо его осветила улыбка.

— Мисс Чалмерз! Как хорошо, что вам удалось заглянуть ко мне! — Она слабо улыбнулась в ответ. Боль, немного утихшая с утра, теперь возвращалась, стискивая жесткой проволоочной сеткой мякоть рук.

— Я думала, мы остановились на Полли.

— Ладно, Полли. Заходите... Я очень рад вас видеть. По какому поводу весь этот шум?

— Не знаю, — пожала она плечами. Он придержал для нее дверь, и она прошла мимо него в магазин. — Наверно, кому-то стало плохо и его нужно отвезти в больницу. «Скорая помощь» из Норвея по выходным тащится очень медленно. Хотя зачем было диспетчеру посылать две патрульные машины...

Мистер Гонт закрыл за собой дверь. Колокольчик звякнул. Шторка на окошке двери была опущена, и теперь, когда солнце ушло, внутри «Самого необходимого» стало темновато... Но если сумерки вообще могут быть приятными, подумала Полли, то здесь они были именно такими. Небольшой торшер отбрасывал кружок золотистого света на прилавок, где стоял старомодный кассовый аппарат мистера Гонта. На прилавке лежала раскрытая книжка — «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

Мистер Гонт пристально смотрел на Полли, и она вынуждена была снова улыбнуться в ответ на участливое выражение его глаз.

— Руки у меня последние дни как с цепи сорвались, — сказала она, — и, наверно, я выгляжу совсем не как Деми Мур.

— Вы выглядите, как женщина, которая очень устала и испытывает постоянные муки, — произнес он.

Улыбку с ее лица как ветром сдуло. В голосе его звучало понимание и глубокое сочувствие, и на мгновение Полли испугалась, что может разрыдаться. Слезы удержала одна довольно странная мысль: *его руки* ... «Если я заплачу, — подумала она, — он попытается меня успокоить и... коснется своими руками».

Она выдавила улыбку.

— Я выживу. Мне это всегда удавалось. Скажите... Нетти Кобб случайно к вам не заходила?

— Сегодня? — нахмурился он. — Нет, сегодня — нет. Если бы она зашла, я показал бы ей новую вещицу из кварцевого стекла, которую получил вчера. Она не такая прелестная, как та, что я продал Нетти на прошлой неделе, но я подумал, что, быть может, она все-таки

заинтересуется ею. А почему вы спросили?

— Да... просто так, — сказала Полли. — Она говорила, что, может быть, зайдет, но Нетти... Нетти часто забывает, что говорит.

— Она показалась мне женщиной, у которой была нелегкая жизнь, — мрачно произнес мистер Гонт.

— Да. Да... Это так. — Полли проговорила это медленно и как-то механически. Казалось, она не в силах была оторвать свой взгляд от его глаз. Потом одна из ее ладоней ударилась о стекло стенда, и это разорвало странную нить, связавшую ее глаза со взглядом Гонта. Порвала эту нить резкая вспышка боли.

— С вами все в порядке?

— Да, все нормально, — сказала Полли, но это было ложью. Все и близко не было к норме.

Мистер Гонт явно понял это.

— Вам нехорошо, — убежденно произнес он. — И все же у меня есть к вам небольшое дельце. Та вещица, о которой я писал вам, прибыла. Я хочу дать вам ее и отправить вас домой.

— *Дать* мне?

— Да нет, я не предлагаю вам ее в подарок, — сказал он, заходя за кассу. — Для этого мы еще недостаточно близко знакомы, не так ли?

Она улыбнулась. Он явно был добрым человеком и, естественно, хотел оказать любезность тому, кто первым в Касл-Роке сделал что-то хорошее для него. Но ей было очень тяжело реагировать на это — даже во время этого разговора. Боль грызла ее руки со страшной силой. Сейчас она уже жалела, что пришла, и, добрый там он или не добрый, все, чего она страстно желала сейчас, это поскорее добраться до дома и принять таблетку перкодана.

— Это вещь такого рода, что торговец, если он порядочный человек, обязан предоставить ее на пробу. — Он вытащил связку ключей, выбрал на ней один и открыл ящик под кассовым аппаратом. — Если вы испробуете ее в течение нескольких дней и увидите, что для вас она бесполезна — а должен сказать, что скорее всего так оно и случится, — вы вернете ее мне. С другой стороны, если вы обнаружите, что она приносит вам какое-то облегчение, мы сможем обсудить цену. — Он улыбнулся ей. — И хочу вас уверить, для вас будет сделана огромная скидка.

Она озадаченно уставилась на него. Облегчение? О чем это он?

Он вытащил небольшую белую коробочку и поставил ее на прилавок. Своей странной длиннопалой рукой снял крышку и вытащил из аккуратно уложенной ватной прокладки внутри коробочки маленький серебряный предмет на красивой цепочке. Ей показалось это чем-то вроде ожерелья, но предмет, повисший на цепочке, когда мистер Гонт пропустил ее между своими пальцами, был похож на шарик-ситечко для заварки чая или на слишком большой наперсток.

— Он египетский, Полли. Очень старый. Не такой старый, как пирамиды — конечно же, нет, — но все-таки очень древний. Что-то там есть, внутри. Думаю, какое-то высушенное растение, хотя и не уверен. — Он подергал пальцами вверх и вниз цепочку. Серебряный шарик-ситечко (если это было ситечко) закачался на конце цепочки. Что-то стало перекашиваться в нем с шуршащим, скользким звуком, показавшимся Полли слегка неприятным.

— Он называется «азка» или, быть может, «азаках», — сказал мистер Гонт. — Так или иначе, это амулет, который должен снимать боль.

Полли попыталась улыбнуться. Она хотела быть вежливой, но, в самом деле, она что... проделала весь путь сюда ради вот *этого* ? Ради вещицы, не представляющей никакой ценности даже как безделушка. Эта азка была безобразной, и — это еще мягко сказано.

— Я не думаю, что...

— Я тоже не думаю, — сказал он. — Но отчаянные положения иногда требуют

отчаянных мер. Уверяю вас, он подлинный... Во всяком случае, сделан не на Тайване. Это старый египетский амулет — не произведение искусства, но, без сомнения, ручная работа периода Позднего упадка. Он имеет сертификат, определяющий его как инструмент *benka-litis*, белой магии. Я хочу, чтобы вы взяли и поносили его. Наверно, это звучит глупо. И, возможно, так оно и есть. Но на земле и небесах существуют такие вещи, которые нам и не снились, даже при самом философском настрое.

— Вы на самом деле верите в это? — спросила Полли.

— Да. Я видел в своей жизни целебные амулеты и медальоны, которые выглядели обычными безделушками. — Его темные глаза на мгновение засветились странным блеском. — *Множество* подобных вещей. Диковинные уголки этого мира полны таких загадок, Полли. Но не об этом сейчас речь... Речь ведь идет о *вас*. Даже в первый день, когда я и не подозревал, что боль так сильна, как сейчас, я хорошо понимал, насколько неприятно ваше состояние. И я подумал, что эта маленькая... вещица... Что стоит ее попробовать. В конце концов, что вы теряете? Ведь все, что вы пробовали до сих пор, не помогло, не так ли?

— Я очень благодарна вам за участие, мистер Гонт, правда, благодарна, но...

— Лиланд, пожалуйста.

— Да, конечно. Я благодарна вам за участие, *Лиланд*, но боюсь, что я не суеверна.

Она подняла взгляд и увидела, что его темные сверкающие глаза смотрят на нее в упор.

— Не имеет значения, суеверны вы или нет, Полли, ибо... суеверно вот *это*. — Он подергал пальцами. Азка легонько качнулся на конце цепочки.

Она снова открыла рот, но слова застряли у нее в горле. Она вдруг вспомнила один из дней прошлой весной. Нетти забыла свой экземпляр «Взгляда внутрь», когда уходила домой. Рассеянно листая страницы и просматривая истории о детях-оборотнях в Кливленде и горных образованиях на Луне, напоминающих лик Христа, Полли наткнулась на рекламу чего-то, что называлось «Молитвенником древних». Предполагалось, что это лечит головные, желудочные боли и артрит.

К рекламе был приложен черно-белый рисунок, на котором парень с длинной бородой и в чародейском колпаке (по мнению Полли, либо Нострадамус, либо Гэндалф) держал что-то похожее на детский волчок над человеком в инвалидном кресле. От волчка шел веер лучей к инвалиду, и хотя в рекламе прямо этого не говорилось, создавалось такое впечатление, будто мужчина в кресле через пару дней сможет лихо отплясывать джигу. Разумеется, это была глупая, суеверная чушь, рассчитанная на тех, чей разум притупился, а то и вовсе надломился под тяжестью постоянных, непрекращающихся болей и страданий, но все же...

Она долго тогда сидела, уставясь на рекламу, и какой бы чушью та ни была, едва удержалась, чтобы не набрать номер, начинавшийся с восьмерки и двух нулей, приведенный в конце страницы для заказов по телефону. Потому что рано или поздно...

— Рано или поздно человек, страдающий от боли, должен испытать даже самые сомнительные тропки, если есть шанс, что тропки эти могут привести к облегчению, — сказал мистер Гонт. — Разве нет?

— Я... Я не...

— Терапия золотом... термоперчатки... даже радиоактивное облучение... Ничего из этого вам не помогло, не так ли?

— Откуда вам все это известно?

— Хороший торговец обязан знать нужды своих клиентов, — произнес мистер Гонт мягким гипнотическим голосом. Он двинулся к ней, держа широким кольцом цепочку с болтающимся на ней амулетом. Она отдернулась от его длинных рук с блестящими ногтями.

— Не надо бояться, дорогая леди. Я не трону ни один волосок на вашей головке. Если вы будете сидеть спокойно... и не двигаться.

И Полли успокоилась. И стояла, не шевелясь, скрестив руки в шерстяных варежках перед собой, пока мистер Гонт надевал серебряную цепочку ей на шею. Он делал это с мягкостью отца, опускающего подвенечную вуаль своей дочери. Вдруг она почувствовала

себя очень далеко от мистера Гонта, от «Самого необходимого», от Касл-Рока, даже от себя самой. Она ощутила себя стоящей среди какой-то пыльной равнины под бескрайним небом, в сотнях миль от какого бы то ни было человеческого существа.

Азка, легонько звякнув, упал на «молнию» ее кожаной шоферской куртки.

— Засуньте его под ваш жакет. А когда придете домой — еще и под блузку. Для максимального эффекта его нужно носить как можно ближе к телу.

— Я не могу просунуть его под жакет, — медленно, как во сне, произнесла Полли. — «Молния»... Я не могу расстегнуть «молнию».

— Не можете? А вы попробуйте.

И Полли, стащив одну шерстяную варежку, попробовала. К ее огромному удивлению, она обнаружила, что сумела сжать большой и указательный пальцы, ухватить ушко «молнии» и потянуть его вниз.

— Ну, вот видите.

Маленький серебряный шарик упал ей на блузку. Он показался ей очень тяжелым и вызвал некоторое неудобство. С вялым любопытством она подумала: интересно, а что там внутри? Отчего возникает этот скользкий, шуршащий звук? Он сказал, это какое-то растение, но звук непохож был на шуршание листка, даже если его растерли в порошок. Ей казалось, что-то шевелится там само по себе.

Мистер Гонт, кажется, догадался о неловкости, которую она испытывала.

— Вы привыкнете к нему, и быстрее, чем думаете, — сказал он. — Поверьте мне на слово.

Снаружи, словно за тысячу миль отсюда, до нее донесся вой сирен. Они вопили, как потревоженные злые духи.

Мистер Гонт отвернулся, его взгляд оторвался от лица Полли, и она потихоньку стала сосредоточиваться. Она испытывала легкое недоумение, но вместе с тем чувствовала себя неплохо — как после короткого, но освежающего сна. Ощущение некоторого неудобства и тревоги прошло.

— Руки по-прежнему болят, — сказала она, и это было правдой, но... болели ли они так же сильно? Ей казалось, она испытывала некоторое облегчение, однако это было не более чем догадкой — ее охватило подозрение, будто мистер Гонт воздействовал на нее каким-то гипнозом, чтобы убедить ее взять амулет. А может, это всего лишь тепло внутри магазина по сравнению с холодом снаружи.

— Сомневаюсь, что ожидаемый эффект может быть мгновенным, — сухо заметил мистер Гонт. — Дайте ему время, Полли... Хорошо?

— Ладно, — пожала она плечами.

В конце концов, что ей терять? Шарик маленький, так что почти не будет выпирать под блузкой и кофтой. Коль скоро никто не будет знать о нем, ей не придется отвечать ни на какие расспросы, и это ее вполне устраивало — Розали Дрейк была очень любопытной, а Алан, в котором суеверия было не больше, чем у пня, наверно, стал бы потешаться над ней. Что же касается Нетти... Ну, Нетти, пожалуй, молчала бы как рыба, если бы узнала, что Полли носит принадлежность «белой магии» вроде тех, что продаются в ее любимом «Взгляде внутрь».

— Вы не должны его снимать нигде, даже когда принимаете душ, — сказал мистер Гонт. — Да в этом и нет нужды. Шарик серебряный и ржаветь не будет.

— А что, если я сниму его?

Он как-то смущенно кашлянул в ладонь.

— Видите ли, целебный эффект амулета обладает кумулятивным свойством. Тому, кто его носит, становится чуть лучше сегодня, еще чуть лучше завтра, и так далее. Так, во всяком случае, мне говорили.

«Интересно, кто говорил?» — подумала она.

— Если же амулет все же снять, то владелец возвращается в свое болезненное состояние не постепенно, а сразу, и тогда проходят дни, а то и недели после того, как азка

надет вновь, прежде чем достигнутое улучшение восстановится.

Полли слабо рассмеялась. Она просто не могла удержаться и облегченно вздохнула, когда Лиланд Гонт засмеялся вместе с ней.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал он, — но я лишь хочу помочь, если сумею. Вы мне верите?

— Верю, — кивнула она, — и спасибо вам огромное.

Но когда он провожал ее к выходу, она задумалась кое о чем еще. Например, об этом состоянии, близком к трансу, которое охватило ее, когда он надевал ей через голову цепочку. И об устойчивой неприязни к малейшей вероятности того, что он может дотронуться до нее. Как-то эти ощущения не очень вязались с волнами дружелюбия, благодарности и сочувствия, исходящими от него чуть ли не видимыми глазу лучами.

Может, он как-то гипнотизировал ее? Глупая мысль, конечно, но... Она постаралась точно вспомнить, как она себя чувствовала, когда они обсуждали этот амулет, но не смогла. Если он и делал что-то подобное, то это, без сомнения, произошло случайно и не без ее помощи. Но скорее всего она вошла в тот полутранс, который иногда вызывает слишком большая доза перкодана. Это было на первом месте среди всего, чего она терпеть не могла в этих таблетках... Впрочем, нет — на втором. Чего она и впрямь не выносила в них, это того, что они уже не всегда оказывали то действие, которое от них требовалось.

— Я бы отвез вас домой, если бы водил машину, — сказал мистер Гонт, — но, увы, мне так и не довелось научиться.

— Со мной все совершенно нормально, — сказала Полли, — и я очень благодарна вам за вашу доброту.

— Благодарить будете, когда это подействует, — возразил он. — Удачного вам дня, Полли.

Раздался вой сирен. Он доносился из восточной части города, со стороны Элм-, Уиллоу-, Понд- и Форд-стрит. Полли повернула голову в направлении звука. Что-то в этом вое, особенно в такой тихий и спокойный полдень, вызывало тревожные мысли — если не образы, — о надвигающейся роковой судьбе. Вой стал таять, постепенно стихая в ясном осеннем воздухе.

Она обернулась, чтобы поделиться впечатлениями с мистером Гонтом, но дверь магазина оказалась уже закрытой. Табличка со словом «ЗАКРЫТО» висела между опущенной шторкой и стеклом, покачиваясь на веревочке. Пока она стояла спиной, он вошел внутрь — так тихо, что она не слышала ни звука.

Полли медленно зашагала к дому. Прежде чем она дошла до конца Мейн-стрит, мимо нее пронеслась еще одна патрульная машина — на сей раз патрульный автомобиль полиции штата.

19

— Дэнфорт?

Миртл Китон вошла через парадную дверь в комнату. Форму для пудинга она держала под мышкой левой руки, пока вытаскивала ключ, который Дэнфорт оставил в двери.

— Дэнфорт, я пришла!

Ответа не последовало, телевизор — выключен. Это было довольно странно — ведь он так торопился домой, чтобы успеть к началу матча. Она на секунду задумалась, не поехал ли он смотреть матч к соседям — например, к Гарсонам, — но дверь гаража была опущена, и это означало, что он убрал туда машину. А Дэнфорт никогда не ходит пешком, если можно подъехать. И уж во всяком случае, не станет взбираться пешком вверх по Вью — там крутой подъем.

— Дэнфорт? Ты дома?

Никакого ответа. Один стул в столовой перевернут. Нахмурившись, она поставила

форму на стол и подняла стул.

Первый всплеск беспокойства — легкий как паутинка — шевельнулся у нее в мозгу. Она подошла к двери в кабинет — та была закрыта. Она прижала ухо к деревянной панели и прислушалась. Ей показалось, что до нее донесся тихий скрип его кресла возле письменного стола.

— Дэнфорт? Ты здесь?

Молчание... Но ей почудилось, она услышала тихое покашливание. Ее охватил ужас. В последнее время Дэнфорт испытывал огромные нагрузки — он был единственным из городских выборных, кто работал как следует, — и весил куда больше, чем следовало. Что, если у него сердечный приступ? Что, если он лежит там на полу? Что, если тот звук, который донесся до нее, вовсе не кашель, а... задыхающийся хрип Дэнфорта?

Чудесные утренние и дневные часы, которые они провели вместе, придавали этой мысли кошмарную достоверность: сперва сладчайший взлет, а потом жуткое падение. Она потянулась к дверной ручке и... вместо того, чтобы повернуть ручку, отвела руку и нервно прижала ее к горлу. Несколько неудачных попыток раз и навсегда научили ее никогда не входить к Дэнфорту в кабинет без стука и... никогда не соваться в его святая святых без приглашения.

Да, но если у него плохо с сердцем, или... или... подумала она и вспомнила перевернутый стул. Новая волна ужаса накатила на нее.

Допустим, он вернулся домой и наткнулся здесь на грабителя. Что, если грабитель ударом по голове лишил Дэнфорта сознания, а потом уволок его в кабинет?

Чуть дрожащей рукой она быстро несколько раз постучала в дверь.

— Дэнфорт? С тобой все в порядке?

Никакого ответа. Ни звука во всем доме, кроме медленного тиканья дедушкиных часов в комнате и... да, теперь она была уверена — скрипа кресла в кабинете Дэнфорта.

Ее рука снова потянулась к дверной ручке.

— Дэнфорт, ты...

Кончики ее пальцев уже дотронулись до ручки, когда раздался его рык, заставивший ее с тоненьким испуганным вскриком отпрянуть от двери:

— Оставь меня в покое! Можешь ты наконец оставить меня в покое, ты, старая сука?!

Она застонала. Сердце ее судорожно забилося у самого горла. В голосе его прозвучало не просто раздраженное удивление, а настоящая ярость и неприкрытая ненависть. После такого спокойного и приятного утра он не смог бы задеть ее сильнее, даже если бы исполосовал ей щеки пригоршней бритвенных лезвий.

— Дэнфорт... Я подумала, что тебе плохо, — пробормотала она так тихо, что едва услышала свой собственный голос.

— Оставь меня в покое! — Теперь, судя по звуку, он стоял у самой двери.

«О Господи, у него такой голос, словно он сошел с ума, — подумала она. — Как же так могло случиться? Что произошло с тех пор, как он высадил меня у дома Аманды?»

Но на эти вопросы у нее не было ответа. Была лишь боль. И она тихонько уползла вверх, достала из шкафа в комнате для шитья свою красивую новую куклу и пошла с ней в спальню. Там она скинула туфли и улеглась на свою половину супружеской кровати, крепко обняв куклу и прижав ее к себе.

Откуда-то издалека до нее донесся вой полицейских сирен, но она не обратила на него никакого внимания.

Спальня в это время дня выглядела очень уютно — вся залитая ярким октябрьским солнцем. Но Миртл этого не видела. В глазах у нее стояла сплошная тьма, она испытывала лишь отчаяние — глубокое, горестное отчаяние, которое не могла: приглушить даже ее чудесная кукла. Отчаяние заполнило все ее горло и, казалось, не давало дышать.

Она была так счастлива сегодня... Так жутко счастлива. И *он* тоже был счастлив. Она не сомневалась в этом. А теперь все стало еще хуже, чем было прежде. Намного хуже.

Что же случилось?

О Господи, ну что же могло случиться? И кто в этом виноват?
Глядя в потолок, Миртл все крепче прижимала к себе куклу и через некоторое время стала плакать, давиться в рыданиях, сотрясавших все ее тело.

Глава 11

1

За четверть часа до полуночи в это долгое-долгое октябрьское воскресенье дверь в подвальном помещении клиники «Кеннебек-Уэлли» отворилась и из нее вышел шериф Алан Пэнгборн. Он шел медленно, опустив голову, шаркая ногами в мягких больничных тапочках по покрытому линолеумом полу. Табличка на закрывшейся за ним двери гласила:

МОРГ

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

В дальнем конце коридора сторож в серой робе медленными, ленивыми движениями возил по полу электрической полумойкой. Алан пошел по направлению к нему, на ходу стягивая с головы больничную шапочку. Задрав полу зеленого халата, он засунул шапочку в задний карман джинсов. Мягкий шорох щеток нагонял на него сон. Клиника в Августе была последним местом, где он хотел бы оказаться этой ночью.

Когда он подошел к сторожу, тот поднял голову и выключил полумойку.

— Неважно выглядишь, друг, — приветствовал он Алана.

— Нечему удивляться. У тебя нет сигареты?

Сторож вытащил пачку «Лаки» из нагрудного кармана и выбил щелчком одну сигарету для Алана.

— Правда, тут курить нельзя, — заметил он и кивнул на дверь в морг. — Док Райан шею намылит.

Алан кивнул.

— А где можно? — спросил он.

Сторож провел его в другой коридор и указал на дверь сбоку.

— Она выходит на аллею возле здания. Только приставь к ней что-нибудь, чтобы она не захлопнулась, а то придется тащиться к главному входу, чтобы снова попасть внутрь. Спички есть?

Алан двинулся по коридору, буркнув на ходу:

— У меня зажигалка. Спасибо за курево.

— Я слышал, сегодня привезли двойной улов, — бросил ему вслед сторож.

— Точно, — подтвердил Алан не оборачиваясь.

— Жуткое дело — эти вскрытия, верно?

— Да, — сказал Алан.

За его спиной снова послышалось мерное урчание полумойки. Жуткое дело, это точно. Вскрытия Нетти Кобб и Уилмы Джерзик были двадцать третьим и двадцать четвертым за время его службы... Все прежние не были подарками, но два последних — не приведи Господи.

Дверь, которую указал ему сторож, была с пружиной. Алан огляделся, ища, чем бы ее подпереть, и не нашел ничего подходящего. Он стянул с себя зеленый халат, свернул его в комок и распахнул дверь. Ночной воздух ворвался внутрь; хотя и влажный, он все равно принес с собой свежесть после устойчивого запаха формалина в коридоре морга и прилегающем к нему помещении, где проводились вскрытия. Алан засунул свернутый халат между косяком и дверью и вышел наружу. Он осторожно отпустил дверь, убедился в том, что халат не даст защелке захлопнуться, и забыл о ней. Прислонился к шлакоблочной стене,

рядом с полоской света, струящегося из-за неплотно прикрытой двери, и закурил сигарету.

От первой затяжки закружилась голова. Почти два года он пытался бросить курить, и порой ему это почти удавалось, но... В конце концов что-нибудь обязательно случалось. В этом-то и состоит вся мука и весь смысл работы полицейского: что-то всегда случается.

Он взглянул на звезды, которые всегда действовали на него успокаивающе, но увидел не много; яркие фонари, окружавшие больницу, затмевали их. Он сумел отыскать Большую Медведицу, Орион и бледную розовую точку — по-видимому, Марс, — и все.

Марс, подумал он. Вот оно что. Боги войны с Марса приземлились в Касл-Роке около полудня и первыми, кого они повстречали, оказались Нетти и эта сука Джерзик. Боги войны покусали их, и те взбесились. Это единственное объяснение, которое подходит.

Он подумал, а что, если войти в морг и сказать Генри Райану, главному медицинскому эксперту штата Мэн: это все — последствия инопланетного вторжения, док. Дело закрыто. Вряд ли Райан будет приятно удивлен. Ему тоже досталось этой ночью.

Алан глубоко затыкнулся. Кружилась там голова или нет, но вкус был потрясающий, и он теперь прекрасно понимал, почему курение запрещено во всех помещениях любой больницы в Америке. Жан Кальвин попал в самую точку: то, что приносит вам подобные ощущения, не может быть полезно. Но хоть сейчас дайте подышать никотином, босс, — это ведь так чудесно.

Он рассеянно подумал, как было бы здорово купить целый олок этих самых «Лаки», отрывать у них фильтры и прикуривать эти чертовы штуки одну за одной от зажигалки. Он подумал, как хорошо было бы надраться. Однако, на его взгляд, сейчас было то самое неподходящее время. Еще один нерушимый закон бытия — когда тебе действительно позарез нужно надраться, ты не можешь себе этого позволить. На секунду Алану пришла в голову вялая мысль о том, что, быть может, самые заядлые алкоголики — единственные люди на свете, у которых есть четкая и правильная шкала ценностей.

Щелочка света у его ног расширилась. Алан оглянулся и увидел Норриса Риджвика. Норрис шагнул наружу и прислонился к стене рядом с Аланом. На голове у него все еще болталась зеленая больничная шапочка, но она сидела криво, а ленточки лежали на плечах, укрытых халатом. Цвет халата идеально подходил к цвету его лица.

— О Господи, Алан.

— Это у тебя первое, да?

— Нет, я присутствовал при вскрытии один раз, когда работал в Северном Уиндхэме. Отравление угарным газом, но эти... Господи, Алан.

— Да, — ответил он и выпустил струю дыма изо рта, — Господи.

— У тебя есть еще сигареты?

— Нет... Извини. Я стрельнул эту у сторожа. — Он глянул на своего заместителя с легким любопытством. — А я не знал, что ты куришь, Норрис.

— Я не курю. Но подумал, что самое время начать.

Алан тихонько рассмеялся.

— Слушай, я жду не дожусь завтрашнего утра, чтобы поехать на рыбалку. Или, пока мы не разгребем эту заваруху, отгулы отменяются?

Алан подумал и отрицательно качнул головой. Вовсе это были никакие не боги войны с Марса; дело выглядело очень простым. В каком-то смысле именно оттого таким страшным. И он не видел причин, чтобы отменять выходные дни Норриса.

— Здорово, — сказал Норрис, а потом добавил: — Но я останусь, если ты хочешь, Алан. Никаких проблем.

— Не стоит, Норрис, — отмахнулся Алан. — Джон и Клатт уже связались со мной — Клатт отправился с парнями из Отдела по расследованиям убийств поболтать с Питом Джерзиком, а Джон поехал с командой, отрабатывающей линию Нетти. Они держат связь между собой. Все, в общем, ясно. Погано, но ясно.

И так оно и было, хотя... Все равно его это жутко задело. На каком-то глубинном уровне сознания, его это задело.

по-настоящему.

— Но что же все-таки случилось? Я понимаю, эта сука Джерзик напрашивалась много лет, но, я думал, когда она кому-то надоест, то заработает синяк под глазом... Или останется со сломанной рукой, но... не такое. Она что, просто нарвалась не на ту бабу?

— Похоже, этим все и исчерпывается, — сказал Алан. — Уилма не могла придумать худшего варианта в Касл-Роке, где стоило бы затевать свару.

— Свару?

— Прошлой весной Полли подарила Нетти щенка. Он немножко лаял в первое время. Уилма здорово бесилась по этому поводу.

— Правда? Я не помню протокола с этой жалобой.

— Официально она жаловалась лишь один раз. Я перехватил бумагу — меня просила Полли. Она чувствовала себя отчасти ответственной, прежде всего потому, что ведь именно она подарила Нетти собачку. Нетти обещала, что будет все время держать песика в доме, и на этом я поставил точку. Собака перестала лаять, но Уилма явно продолжала цепляться к Нетти. Полли говорит, что Нетти переходит на другую сторону улицы, стоит Уилме показаться хотя бы даже за два квартала. Нетти жутко боялась дурного глаза. Но на прошлой неделе она переступила черту. Пока Пит и Уилма были на работе, она пошла к дому Джерзиков, увидела простыни, висевшие на бельевой веревке, и вымазала их грязью.

Норрис присвистнул.

— Алан, ты перехватил и *эту* жалобу?

Алан покачал головой.

— С тех пор и до сегодняшнего полудня все оставалось строго между двумя подругами.

— А как насчет Пита Джерзика?

— А ты *знаешь* Пита?

— Ну... — Норрис запнулся, поразмыслил о Пите, потом об Уилме. Потом представил их вместе и медленно кивнул. — Он боялся, что Уилма сожрет его с потрохами, если он попытается разыгрывать из себя арбитра... Вот он и стоял в стороне. Так?

— Что-то вроде того. Возможно, он слегка оттянул происшедшее, по крайней мере на какое-то время. По словам Клатта, Пит сказал ребятам из ОРУ, что Уилма хотела бежать к Нетти, как только увидела свои простыни. Она была готова рвать и метать: позвонила Нетти по телефону и сказала, что оторвет ей башку, а на ее место сунет кусок собственного дерьма.

Норрис кивнул. В промежутке между вскрытиями Уилмы и Нетти он позвонил в диспетчерскую Касл-Рока и попросил список жалоб и дел, где упоминались обе женщины. «Послужной» список Нетти был короток — состоял всего из одного пункта. Она зарезала собственного мужа, и — конец главы. Никаких упоминаний до того и никаких после, включая и те несколько лет, что она прожила после возвращения в Рок. Уилма была штучкой совсем иного сорта. Она никого никогда не убивала, но перечень жалоб — и ее собственных, и заявленных на нее — был очень длинный и брал начало со времен ее учебы в старших классах средней школы Касл-Рока, когда она врезала в глаз учительнице, оставившей ее заниматься после уроков. В двух случаях взволнованные женщины, имевшие несчастье попасть в черный список Уилмы, требовали себе полицейскую охрану. За эти годы Уилма также фигурировала в качестве ответчика в трех делах по жалобам на словесные оскорбления и угрозы физической расправы. В конце концов все обвинения были сняты, но не нужно было долго изучать список, чтобы понять: никто в здравом уме и трезвой памяти — как бы у него или нее ни чесался язык или руки — не стал бы выбирать Уилму в качестве спарринг-партнера.

— Они плохо действовали друг на друга, — пробормотал Норрис.

— Хуже некуда.

— В первый раз, когда Уилма рвалась туда, мужу удалось отговорить ее?

— Он знал, что и пробовать не стоит. Он сказал Клатту, что подбросил две таблетки ксанакса ей в чай, и это охладило ее пыл. Вообще, судя по словам Джерзика, он был уверен,

что с этим покончено.

— Ты ему веришь, Алан?

— Да-а... Настолько, насколько я вообще могу кому-то верить, не побеседовав с ним лично.

— Что за дрянь он бросил ей в чай? Снотворное?

— Транквилизатор. Джерзик сообщил ребятам из ОРУ, что уже пользовался им пару раз раньше, когда она начинала беситься, и это заметно охлаждало ее. Он думал, что и на сей раз это подействовало.

— Но не вышло.

— Я думаю, поначалу вышло. По крайней мере Уилма не помчалась туда сразу и не вцепилась Нетти в задницу. Но я уверен, она продолжала донимать Нетти; это была ее тактика, когда они цеплялись из-за собаки. Названивать по телефону, нарочно проезжать мимо дома — такие вот штучки. У Нетти была тонкая шкурка, и такие маневры, вероятно, ее здорово доставали. Джон Лапойнт и команда из ОРУ, к которой я его приставил, около семи вечера заглянули к Полли. По словам Полли, Нетти была чем-то обеспокоена. Она навещала Полли с утра и что-то такое сказала, но Полли тогда не поняла или не расслышала... — Алан вздохнул. — Теперь она, наверно, жалеет, что не прислушалась как следует.

— Алан, как Полли приняла это?

— Думаю, в общем, довольно стойко. — Он говорил с ней дважды: один раз из дома, неподалеку от места происшествия, а второй раз отсюда, из больницы, сразу, как только они приехали с Норрисом. Оба раза ее голос звучал ровно и сдержанно, но под этой гладью он безошибочно уловил слезы и всплески горя. При первом звонке он особо не удивился тому, что она уже в курсе почти всего случившегося; новости — а плохие в особенности — быстро облетают всю округу в маленьких городках.

— Что же вызвало большую стычку?

Алан удивленно взглянул на Норриса, а потом сообразил, что тот еще не знает. В перерыве между двумя вскрытиями шериф уже получил более или менее полный доклад от Джона Лапойнта, а Норрис в это время висел на другом телефоне, разговаривая с Шейлой Бригем и составляя перечень жалоб, где упоминались обе женщины.

— Одна из них решила перейти к действиям, — сказал он. — Я подозреваю, что Уилма, но в деталях картина пока еще не ясна. Похоже, Уилма отправилась к Нетти с утра, когда Нетти пошла проведать Полли. Должно быть, Нетти не заперла дверь и даже как следует не захлопнула, и она распахнулась от ветра — ты же помнишь, какой ветрище дул сегодня.

— Ага.

— Итак, возможно, все началось с очередной поездки перед домом Нетти, чтобы держать ее на взводе. Потом Уилма заметила открытую дверь, и... Может, все было и *не совсем так*, но в принципе, по-моему, верно.

Слова еще не успели слететь у него с языка, а он уже уловил в них ложь. *Не было* это верно, вот в чем вся беда. Это должно было быть верно, он хотел, чтобы это было верно, но — не получалось. И что сводило его с ума — то, что не было причин для такого ощущения неверности, неправильности самой очевидной версии — по крайней мере такой, за которую он мог реально зацепиться. Он сумел подобраться близко лишь настолько, чтобы удивиться, как могла Нетти забыть не только запереть дверь, но и как следует захлопнуть ее, если она так заиклилась на Уилме Джерзик, так боялась ее... Но за это зацепиться невозможно. Этого явно недостаточно, потому что не все шарики у Нетти вертелись в нужную сторону и трудно вычислить, о чем может забыть, а о чем — нет человек с такой неустойчивой психикой. И все же...

— Что сделала Уилма? — спросил Норрис. — Обосрала весь дом?

— Убила собаку Нетти.

— Что?

— То, что слышал.

— Боже мой! Вот... сука!

— Ну, это мы про нее и так знали, верно?

— Да, но все же...

Вот опять. Даже от Норриса Риджвика, у которого двадцать процентов его бумаготворчества после стольких лет работы все еще шло в мусорную корзину: «Да, но все же».

— Она сделала это армейским ножом. Вытащила штопор и наколола на него записку, где было сказано, что это — расплата за то, что Нетти изгадила ее простыни. Тогда Нетти отправилась к Уилме с грудой булыжников. Она пришила к камням резинками свои записки. Там было написано, что камни — последнее предупреждение Уилме. Она расколотила булыжниками у Джерзиков все окна первого этажа.

— Матерь Божья, — произнес Норрис не без некоторого восхищения.

— Джерзики отправились на одиннадцатичасовую мессу в десять тридцать или около того. После мессы они поехали на ленч к Пуласки. Пит Джерзик остался смотреть «Патриотов» с Джейком Пуласки, поэтому он никоим образом не мог даже попытаться вовремя успокоить Уилму.

— А на углу они встретились случайно? — спросил Норрис.

— Вряд ли. Я думаю, Уилма вернулась домой, увидела разгром, позвонила Нетти и вызвала ее на бой.

— Ты полагаешь... как на дуэль?

— Именно так и полагаю.

Норрис присвистнул и несколько секунд стоял молча, сцепив ладони за спиной и уставясь в темноту.

— Алан, почему нам полагается присутствовать на этих чертовых вскрытиях?

— По протоколу, наверно, — сказал Алан, но тут было и нечто большее... по крайней мере для него. Если тебе что-то не нравится в деле, если чувствуешь что-то неладное (как он сейчас), тут всегда есть шанс заметить нечто такое, что сдвинет твои мозги с нейтралки и поможет включить хотя бы первую передачу. Можешь вдруг увидеть тот самый крючок, на который и надо повесить шляпу.

— По-моему, настало время учредить в округе специальную должность — офицер для протокола, — буркнул Норрис, и Алан рассмеялся.

Однако в глубине души ему было вовсе не смешно, и даже не потому, что Полли будет жутко переживать. Что-то в этом деле было не так. На поверхности — все вроде просто, но глубже, там, где живут (и порой прячутся) инстинкты, марсианские боги войны казались более убедительными. Во всяком случае, Алану.

«Эй, перестань! Разве ты не сумел разложить сейчас Норрису все по полочкам, — сказал он себе, — да так быстро, что даже не успел докурить одну несчастную сигарету?»

Да, разложил. В том-то и беда или по крайней мере часть беды. Неужели две женщины —, пусть одна из них была полудурочкой, а другая отъявленной стервой — повстречались на углу городской улицы и настругали щепок друг из дружки, как пара взбесившихся наркоманов, по такому ничтожному поводу?

Этого Алан не знал. А поскольку не знал, ему ничего не оставалось делать, кроме как отшвырнуть сигарету и начать прокручивать в уме все с самого начала.

2

Для Алана все началось с телефонного звонка Энди Клаттербака. Алан только-только выключил телевизор с матчем «Патриоты» — «Реактивщики» («Патриоты» уже продули — пропустили решающий мяч, а второй защитник опоздал минуты на три) и надевал свой плащ, как зазвонил телефон. Алан собирался дойти до «Самого необходимого», посмотреть, не появился ли мистер Гонт. Он прикинул, что может даже встретить там Полли. Звонок Клатта сбил все его планы.

Клатт сообщил, что Эдди Уорбуртон как раз повесил телефонную трубку, когда он,

Клатт, вернулся с ленча. Какая-то заваруха началась в районе «аллеи» — дрались женщины или что-то в этом роде. Эдди сказал Клатту, что нужно бы звякнуть шерифу и доложить об этом.

— А за каким, интересно, чертом Эдди Уорбуртон хватается трубку в диспетчерской конторы шерифа? — раздраженно поинтересовался Алан.

— Ну, наверно, в диспетчерской никого не было, и он решил...

— Он знает правила не хуже остальных — когда в диспетчерской нет дежурных, телефон может надрываться до опупения, но ни одна сволочь не должна отвечать на вызов.

— Я не могу ответить за него, зачем он снял трубку, — с плохо скрытым раздражением сказал Клатт, — но не думаю, что это сейчас самое важное. Второй звонок по этому поводу раздался четыре минуты назад, когда я разговаривал с Эдди. Звонила старушка. Она не назвалась — или была слишком растерянна, или пожелала остаться неизвестной. Как бы там ни было, она говорит, что там серьезная драка, на углу Уиллоу- и Форд-стрит. Дерутся две женщины. Звонившая сказала, что в ход пошли ножи. По ее словам, они все еще там.

— Все еще дерутся?

— Нет... Обе лежат. Драка закончилась.

— Ладно. — Мысли Алана защелкали быстрее, как набирающий скорость экспресс. — Клатт, ты зарегистрировал звонок?

— Еще бы.

— Хорошо. Сегодня ведь дежурит Ситон? Отправь его туда немедленно.

— Уже отправил.

— Умница. Теперь звони в полицию штата.

— Ты хочешь, чтобы они прислали опергруппу?

— Пока нет. Сейчас просто доложи им обстановку. Встретимся на месте, Клатт.

Прибыв на место преступления и увидев следы побоища, Алан связался по рации с Оксфордскими полицейскими казармами штата и сказал, чтобы немедленно выслали оперативную группу... Даже две, если это возможно. К тому времени Клатт и Ситон Томас стояли возле тел, прося людей разойтись по домам. Подъехал Норрис, окинул взглядом место происшествия и достал из багажника своей патрульной машины рулон желтой ленты с надписью «ЗОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН». На ленте лежал толстый слой пыли, и, как сам Норрис позже признался Алану, он боялся, что она не станет клеиться, до того она была старой.

Однако лента еще клеилась. Норрис присобачил ее к стволам дубов, соорудив вокруг трупов большой треугольник, жертвы лежали в обнимку друг с другом и с основанием стоп-знака. Зрители не разошлись по домам, но ретировались в свои палисадники. Их было около полусотни, и число зевак все увеличивалось по мере треска телефонных звонков — все, кто жил по соседству, торопились поглазеть на трагическую развязку. Энди Клаттербак и Ситон Томас уже были на грани того, чтобы пустить в ход кулаки и открыть предупредительную стрельбу. Алан мог им только посочувствовать.

В Мэне расследованием убийств занимается Отдел по расследованию тяжких преступлений в полиции штата, и для не очень обстрелянных мальцов (а они в большинстве своем именно такие) самое поганое время наступает между обнаружением преступления и прибытием оперативной группы ОРТП. И местные полицейские, и ребята из округа прекрасно знают, что именно на этом отрезке времени чаще всего рвется так называемая цепь улик. Как правило, они также хорошо осведомлены о том, что все их действия в этот отрезок времени будут подвергнуты строжайшему разному понедельничными «свежими головами» — в основном из судебных инстанций и Управления генерального прокурора, — которые считают всех необстрелянных мальцов, даже ребят из округа, сворой щенят с вымазанными салом ладонями и трясущимися пальцами.

А тут еще эти кучки молчаливых зевак на лужайках напротив, на другой стороне улицы. Они напоминали Алану зомби из фильма «Восставшие из мертвых».

Он достал с заднего сиденья своей патрульной машины громкоговоритель на

батарейках и велел зевакам разойтись немедленно по домам. Они помялись и стали расходиться. Тогда он снова мысленно прокрутил всю рутинную процедуру и связался по рации с диспетчерской. Трубку взяла Сэнди Макмиллан. Она была не так надежна, как Шейла Бригем, но нищие не выбирают, и потом... Алан рассчитывал, что Шейла услышит, что произошло, и скоро появится. Если не чувство долга, то уж любопытство наверняка заставит ее примчаться.

Алан велел Сэнди разыскать Рея Ван Аллена. Рей был медицинским экспертом округа Касл — а заодно и коронером¹¹, — и Алан хотел, чтобы он по возможности присутствовал здесь, когда появится оперативная группа.

— Хорошо, шериф, — важно ответила Сэнди. — Линия свободна.

Алан вернулся к своим подчиненным на место происшествия.

— Кто из вас засвидетельствовал, что женщины мертвы?

Клатт и Ситон Томас смущенно переглянулись, и у

Алана екнуло сердце. Один—ноль в пользу понедельничных «свежих голов», хотя... может быть, и нет. Первая оперативная группа еще не прибыла — правда, уже доносился вой сирены. Алан нагнулся, нырнул под ленту и подошел к стоп-знаку — на цыпочках, как ребенок, пытающийся потихоньку улизнуть из дома, после того как набедокурил.

Кровь растекалась в основном между телами и в забитой листьями канаве рядом, но немало ее было — судейские называют это остаточным кровотечением — и вокруг трупов. Алан встал на колено перед этим забрызганным кровью кругом, вытянул руку и понял, что сможет дотянуться до трупов — он не сомневался, что там лежали трупы, — если изо всех сил вытянется вперед.

Он оглянулся на Ситона, Норриса и Клатта. Они сбились в кучу и уставились на него вытаращенными глазами.

— Сфотографируйте меня, — сказал он.

Клатт и Ситон смотрели на него так, словно он обратился к ним по-китайски, но Норрис сразу побежал к машине Алана и стал рыться там на заднем сиденье, пока не нашел старый «Поляроид» — одну из двух камер, которыми они всегда делали снимки на месте происшествий. На следующем заседании выборных Алан собирался потребовать как минимум еще одну, но сегодня днем грядущая встреча с выборными казалась чем-то совершенно неважным.

Норрис прибежал с камерой, навел ее и нажал на спуск.

— Сделай еще один, на всякий случай, — сказал Алан. — И тела сними. Мне не нужно, чтобы потом трепались, будто мы загадили тут все следы и улики.

Он сознавал, что в голосе его звучат нотки раздражения, но ничего не мог с этим поделать.

Норрис сделал еще один снимок, запечатлев позу Алана вне круга улик и оба лежащих тела возле основания стоп-знака. Алан осторожно потянулся вперед и дотронулся пальцами до окровавленной шеи женщины, лежавшей сверху. Пульса, конечно, не было, но под его пальцами голова женщины откинулась и повернулась набок. Алан моментально узнал Нетти и сразу же подумал о Полли.

О Боже, горестно пронеслось у него в мозгу. Потом, несмотря на то, что из черепа Уилмы торчал тесак для разделки мяса, он все-таки проверил отсутствие пульса и у нее.

Лоб и щеки ее были в мелких капельках крови, что походило на какую-то языческую татуировку.

Алан поднялся с колен и вернулся к своим подчиненным, стоявшим по другую сторону ленты. Он никак не мог выкинуть из головы Полли, хотя знал, что так нельзя. Надо во что бы то ни стало заставить себя перестать думать о ней сейчас, иначе он может наделать здесь

¹¹ Коронер — в США особый судебный следователь, в обязанности которого входит расследование случаев насильственной или внезапной смерти.

массу глупостей. Интересно, узнал ли кто-нибудь из зевак Нетти? Если узнал, Полли услышит обо всем раньше, чем он позвонит ей... Только бы она не вздумала прийти сюда, чтобы самой посмотреть, в отчаянии подумал он.

«Ты не можешь сейчас заниматься этим и переживать, — приструнил он себя. — Судя по этой картине, у тебя на шее двойное убийство».

— Достань блокнот, — велел он Норрису, — сегодня ты у нас за секретаря.

— Господи, Алан, ты же знаешь, какой у меня почерк... и орфография тоже...

— Ничего, пиши.

Норрис сунул «ПолярOID» Клатту и достал из заднего кармана блокнот. Вместе с блокнотом из кармана вывалилась пачка квитков-предупреждений за нарушение дорожных правил с факсимильным оттиском его фамилии на каждом. Норрис нагнулся, поднял пачку с тротуара и рассеянно засунул ее обратно в карман.

— Запиши, что голова женщины, лежащей сверху, опознанной жертвы № 1, была прислонена к столбу стоп-знака. Я ненамеренно сдвинул ее, проверяя пульс.

Как легко переходить на полицейский жаргон, подумал Алан, где машины становятся «транспортными средствами», бандиты — «подозреваемыми», а мертвые горожане — «опознанными жертвами». Полицейский жаргон — замечательнее пуленепробиваемого барьера из стекла...

Он повернулся к Клатту и велел ему сфотографировать нынешнее положение тел, испытывая громадное облегчение оттого, что вовремя приказал Норрису запечатлеть первоначальное положение, прежде чем дотронулся до женщин.

Клатт сделал снимок.

Алан снова повернулся к Норрису.

— Отметь дальше, что, когда голова жертвы №1 сдвинулась, я сумел опознать ее как Петицию Кобб.

Ситон негромко свистнул

— Ты хочешь сказать, это Нетти?

— Да, именно это я и хочу сказать.

Норрис записал информацию в свой блокнот и спросил:

— Что теперь будем делать, Алан?

— Ждать оперативную группу и постараемся быть похожими на живых к тому времени, когда они появятся, — буркнул Алан.

Опергруппа прибыла меньше чем через три минуты, на двух машинах, в сопровождении Рея Ван Аллена на своем стареньком, разваливающемся «субару-брате». Еще через пять минут на голубом автобусе подъехала группа криминалистов из полиции штата. Все члены полицейской команды тут же задымили сигаретами. Алан знал, что все будет именно так. Тела еще не успели остыть и лежали прямо на улице, но ритуал с сигаретами оставался неизменным.

Началась неприятная работа, которая на полицейском жаргоне носила название «обработки местности». Продолжалась она и после того, как стемнело. Алан уже несколько раз работал раньше с Генри Пейтоном, начальником Оксфордских казарм, и никогда не замечал у того хотя бы намек на воображение. Это был типичный трудяга, но трудяга добросовестный и скрупулезный. И только потому, что делом занимался не кто-нибудь, а Генри, Алан позволил себе ненадолго отлучиться и звякнуть Полли.

Когда он вернулся, с ладоней жертв были уже сняты слепки, которые упаковали в пластиковые пакетики на «молнии». Одна нога Уилмы Джерзик, с которой слетела туфля, подверглась той же операции. Ребята из криминалистической лаборатории сделали около трехсот снимков. К этому моменту прибыло еще больше людей из полиции штата. Часть сдерживала толпу зевак, снова подошедших вплотную к месту происшествия, остальные разворачивали прибывших телевизионщиков к зданию муниципалитета. Полицейский художник набросал положение тел на плане места происшествия.

Наконец, после того как покончили с осмотром места, занялись самими телами. Пейтон

протянул Алану пару хирургических резиновых перчаток.

— Тесак или нож?

— Я возьму тесак, — сказал Алан. Из двух орудий тесак был больше запачкан — на нем сохранились остатки мозга Уилмы Джерзик, — но он не хотел трогать Нетти. Она всегда нравилась ему.

Когда орудия убийства были извлечены из тел, упакованы и отправлены в Августу, обе оперативные группы приступили к исследованию местности вокруг тел, все еще лежащих в смертельном объятии посреди лужи запекшейся крови. Когда Рею Ван Аллену наконец позволили погрузить их в карету «скорой помощи», всю сцену осветили фары полицейских машин, и санитарам пришлось повозиться, чтобы отделить Нетти от Уилмы.

В течение почти всей этой процедуры все лучшие люди полиции Касл-Рока стояли на отшибе, оказавшись вроде как не у дел.

По завершении этого странного действия под названием «Исследование места происшествия» Генри Пейтон встал рядом с Аланом возле оградительной ленты.

— Поганый способ проводить воскресный день.

Алан кивнул.

— Жаль, что голова сдвинулась при тебе. Не повезло.

Алан снова кивнул.

— Но вряд ли кто-то станет доставать тебя насчет этого. У тебя есть по крайней мере один отличный снимок — в изначальной позе. — Он взглянул на Норриса, разговаривавшего с Клаттом, и только что подъехавшим Джоном Лапойнтом. — Тебе просто повезло, что этот малый не заслонил пальцем объектив.

— Да, Норрис хорошо справляется.

— Как пожарная к... Когда он на своем месте. Как бы там ни было, все выглядит довольно просто.

Алан кивнул в третий раз. В том-то и вся беда; он знал это задолго до того, как они с Норрисом завершали воскресный денек на задней аллейке Кеннебекского госпиталя. Все это дело выглядело, пожалуй, *слишком* простым.

— Поедешь на танцульки в морге?

— Да. Вскрытие будет делать Райан?

— Насколько мне известно, да.

— Я, пожалуй, возьму с собой Норриса. Тела отправят сначала в Оксфорд, верно?

— Угу. Там мы их упакуем.

— Если мы с Норрисом отправимся сейчас, то доберемся до Августы раньше их.

Генри Пейтон кивнул.

— Почему бы и нет? Я думаю, здесь больше делать нечего.

— Я бы хотел отправить по одному из своих людей с каждой вашей группой. Как наблюдателей. Ты не возражаешь?

Пейтон задумался.

— Да нет... Но кто останется следить за порядком? Этот козел Ситон Томас?

Алан неожиданно ощутил вспышку чего-то более сильного, нежели простое раздражение. Денек выдался долгий, он уже с лихвой выслушал все презрительные выпады Пейтона против своих помощников, но... ему нужно было быть с Генри заодно, чтобы не остаться за бортом того, что формально являлось делом полиции штата, и потому он прикусил язык.

— Да ладно, Генри. Сегодня же воскресенье. Даже «Пьяный тигр» закрывается раньше.

— Почему ты не хочешь выпускать это из рук, Алан? Здесь есть какая-то закавыка? Насколько я знаю, эти две женщины друг друга терпеть не могли, а та, что сверху, однажды уже с кем-то управилась. По-моему, с собственным мужем.

Алан задумался.

— Да нет, — сказал он, — никакой закавыки. По крайней мере я ничего такого не знаю. Это просто...

— Просто еще не укладывается в голове?
— Что-то вроде.
— Ладно. Но пусть твои ребята зарубят себе на носу: они там — только чтобы слушать, и — не больше.

Алан улыбнулся. Он подумал, не сказать ли Пейтону, что, вели только он Клатту и Джону Лапойнту задавать вопросы, и они скорее всего тут же разбегутся в разные стороны, и решил не говорить.

— Можешь не сомневаться, — заверил он Пейтона. — Они будут держать рты на замке.

3

И вот они стояли с Норрисом Риджвиком вечером самого длинного на его памяти воскресного дня. Но у дня этого было нечто общее с жизнями Нетти и Уилмы: он закончился.

— Ты думаешь, нам стоит снять комнату в мотеле и переночевать здесь? — робко спросил Норрис, и Алану не надо было уметь читать мысли, чтобы догадаться, о чем думает от о рыбалке, которая завтра сорвется.

— Ни Боже мой. — Алан нагнулся и поднял свой скомканный халат, который подкладывал под дверной косяк. — Надо мотать отсюда.

— Отличная мысль, — согласился Норрис почти весело — в первый раз с тех пор, как они встретились сегодня с Аланом на месте преступления. Через пять минут они уже мчались в Касл-Рок по шоссе № 43, буровя фарами патрульной машины сгустившуюся тьму. Когда они приехали в Рок, шел уже четвертый час утра понедельника.

4

Алан остановился возле здания муниципалитета и вылез из машины. Его фургон был припаркован рядом со стареньким «фольксвагеном» Норриса — в дальнем углу стоянки.

— Ты прямо домой? — спросил он Норриса.

Тот смущенно улыбнулся, потупил глаза и ответил:

— Сейчас... только переоденусь в гражданку.

— Норрис, сколько раз я предупреждал тебя, чтобы ты не превращал мужской туалет в раздевалку?

— Да ладно тебе, Алан... Я ведь не каждый раз это делаю... — протянул Норрис обиженно, хотя они оба знали, что делает он это каждый раз.

Алан вздохнул.

— Не обращай внимания... У тебя выдался тот еще денек. Извини.

— Произошло убийство, — пожал плечами Норрис. — А они у нас бывают довольно редко. Но когда случаются, наверно, все должны как-то подтянуться.

— Если Сэнди или Шейла все еще там, пускай выпишут тебе сверхурочные.

— Ну да, и дадут лишний повод Зануде к чему-нибудь прицепиться? — несколько натянуто рассмеялся Норрис. — Я, пожалуй, обойдусь. Как-нибудь переживу, Алан.

— Он что, цепляется к тебе? — За последние несколько дней Алан совершенно забыл про главного выборного.

— Нет... Но когда мы встречаемся на улице, он смотрит волком. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже был трупом не живее Нетти с Уилмой.

— Я сам выпишу счет завтра утром.

— Если на нем будет стоять твоя подпись, тогда ладно, — согласился Норрис, направляясь к двери с табличкой: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». — Спокойной ночи, Алан.

— Удачи на рыбалке.

Норрис тут же просветлел.

— Спасибо... Тебе непременно надо взглянуть на удочку, которую я купил в новом магазине. Алан, это просто чудо.

— Ну, еще бы, — ухмыльнулся шериф. — Я и сам хочу заглянуть к этому парню — кажется, у него там вещички на любой вкус. Так, может, и для меня что-нибудь найдется?

— Почему бы и нет? — кивнул Норрис. — У него действительно есть все на свете. Сам увидишь.

— Спокойной ночи, Норрис. Спасибо тебе еще раз.

— Ерунда. — Но Норрис был явно доволен.

Алан сел в свою машину, вырулил со стоянки и свернул на Мейн-стрит. Он оглядывал здания по обеим сторонам улицы чисто автоматически, даже не отдавая себе отчета в этом, но... тем не менее собирая и процеживая информацию. Среди прочего он заметил, что в жилых помещениях над магазином «Самое необходимое» горел свет. Для обитателей маленького городка было уже поздновато. Он подумал, не страдает ли мистер Гонт бессонницей, и снова напомнил себе, что ему нужно заглянуть туда, — но время терпит, решил он; сейчас главное — разобраться до конца с Нетти и Уилмой.

Он доехал до угла Мейн- и Лаурел-стрит, включил сигнал левого поворота, потом затормозил на середине перекрестка и свернул направо. К черту дом. Там стало холодно и пусто с тех пор, как его оставшийся в живых сын уехал оттуда со своим приятелем на Кейп-Код. В этом доме было слишком много закрытых дверей, за которыми пряталось слишком много воспоминаний. А в другой части города жила живая женщина, которая наверняка нуждается сейчас в мужском плече. Быть может, нуждается не менее сильно, чем этот мужчина — в женской ласке.

Пять минут спустя Алан потушил фары и тихонько въехал на дорожку у дома Полли. Дверь, конечно, заперта, но он знает, с какой стороны крыльца и под какой ступенькой нужно пошарить.

5

— Сэнди, что ты делаешь здесь так поздно? — спросил Норрис, входя в контору и ослабляя узел галстука.

Сандра Макмиллан, увядшая блондинка, последние лет двадцать работавшая на полставки диспетчером округа, принялась натягивать свой плащ.

— У Шейлы были билеты на Билла Косби¹² в Портленде, — сообщила она Норрису. — Она сказала, что подежурит, но я отпустила ее — буквально вытолкала за дверь. Ну скажи, часто Билл Косби приезжает в Мэн?

А часто женщины решают разрезать одна другую на куски из-за собачонки, взятой, наверно, из приюта для бродячих животных округа Касл? — подумал Норрис, но вслух сказал:

— Пожалуй, редко.

— Да вообще *никогда*, — вздохнула Сэнди. — Хочешь, я скажу тебе по секрету — теперь, когда все позади, я почти жалею, что не сказала «да», когда Шейла предложила остаться. Здесь была такая свистопляска — наверно, из каждой телестудии в штате звонили раз по десять и где-то до одиннадцати или около того контора была похожа на рождественскую распродажу.

— Ладно, иди домой. Я тебя отпускаю. Ты включила «выродка»?

«Выродком» они называли устройство, которое в отсутствие диспетчеров переключало звонки на домашний телефон Алана. Если у Алана на четвертый звонок никто не брал трубку, «выродок» врубался и советовал звонившему набрать номер полиции штата в

¹² Билл Косби — известный американский комик, артист эстрады, кино и театра.

Оксфорде. Это была довольно убогая система, которая никак не годилась для большого города, но в округе Касл с самым маленьким населением из всех шестнадцати округов штата Мэн она работала отлично.

— Он включен.

— Хорошо. У меня такое впечатление, что Алан поехал не домой.

Сэнди понимающе приподняла брови.

— Были новости от лейтенанта Пейтона? — спросил Норрис.

— Ничего... — Она помолчала. — Норрис, это было жутко? Я имею в виду тех двух женщин.

— Да, пожалуй, — кивнул он. Его гражданская одежда аккуратно висела на вешалке, которую он пристроил на ручке шкафа с делами. Он снял вешалку и направился в мужской туалет. За последние три года у него вошло в привычку переодеваться на работе, хотя ему редко приходилось делать это в столь поздний час. — Иди домой, Сэнди. Я запроу все перед уходом.

Он зашел в предбанник туалета и повесил вешалку на дверцу кабинки. Когда он расстегивал форменную рубашку, в дверь раздался легкий стук.

— Норрис? — позвала Сэнди.

— А кто, по-твоему, здесь еще может быть? — отозвался он.

— Я чуть не забыла: кто-то оставил для тебя подарок. Он на твоём столе.

Норрис застыл с полуспущенными штанами.

— Подарок? От кого?

— Не знаю — тут ведь был просто сумасшедший дом. Но на нем карточка. И бантик. Наверно, это от твоей тайной возлюбленной.

— Моя возлюбленная такая тайная, что даже мне о ней ничего не известно, — с сожалением произнес Норрис. Он вылез из форменных штанов и положил их возле двери в кабинку, а сам стал натягивать джинсы.

Снаружи Сэнди Макмиллан недобро улыбнулась.

— Мистер Китон заходил вечером, — сказала она. — Может, это он оставил. Может, это его воздушный поцелуйчик.

— Ну и денек, — рассмеялся Норрис.

— Ладно, не забудь рассказать мне завтра — я умираю от любопытства. Очень миленький пакетик. Спокойной ночи, Норрис.

— Бай-бай.

«Интересно, кто мог оставить мне подарок», — подумал он, застегивая «молнию» на джинсах.

6

Сэнди отправилась домой, подняв на выходе воротник своего плаща — холодная ночь напомнила ей, что зима не за горами. Синтия Роз Мартин была одной из многих, кого она видела сегодня — Синтия заглянула в контору ранним вечером. Однако Сэнди и не подумала упомянуть об этом в разговоре с Норрисом; он очень редко пересекался с Мартинами как на социальном уровне, так и в профессиональной среде. Синтия Роз сказала, что разыскивает своего мужа, и это показалось Сэнди вполне разумным (хотя вечерок выдался таким, что Сэнди вряд ли показалось бы странным, если бы дамочка заявила, что ищет здесь Михаила Барышникова), поскольку Элберт Мартин занимался в городе юриспруденцией.

Сэнди сказала, что не видела в этот вечер мистера Мартина, но Синди Роз может сама, если ей угодно, заглянуть наверх и посмотреть, нет ли его у мистера Китона. Синди сказала, что она, пожалуй, так и сделает, раз уж она здесь. В этот момент сигнальная панель снова вспыхнула, как рождественская елка, и Сэнди не видела, как Синди Роз достала из своей большой сумки прямоугольный сверток в яркой фольге с голубым бархатным бантом и положила его на стол Норриса Риджвика. Когда она делала это, на ее приятном личике

появилась улыбка, однако улыбку эту нельзя было назвать приятной. Вообще-то она была скорее жестокой.

7

Норрис услышал, как хлопнула дверь, а потом издалека до него донеслось урчание машины Сэнди. Он заправил рубашку в джинсы, влез в мокасины и аккуратно расправил форменную одежду на вешалке. Понюхав рубашку под мышками, он решил, что отдавать ее в чистку пока рановато. Уже хорошо: цент сэкономил — цент заработал.

Выйдя из мужского туалета, он пристроил вешалку на ручку того же шкафа, на которой она висела, так, чтобы была не видна от входной двери. Это тоже было неплохо, потому что Алан всякий раз рычал, как медведь, когда Норрис оставлял свои шмотки разбросанными по всей конторе, и говорил, что полицейский участок походит на прачечную.

Потом Норрис подошел к своему столу. Кто-то и впрямь оставил для него подарок — коробку, завернутую в голубую фольгу, перевязанную голубой бархатной лентой с большим бантом сверху. Из-под ленты торчал белый квадратный конверт. Обуреваемый любопытством, Норрис вытащил конверт и

распечатал. Внутри лежала карточка с напечатанной заглавными буквами короткой загадочной надписью:

!!!ТОЛЬКО НАПОМИНАНИЕ!!!

Он нахмурился. Единственными на всем белом свете людьми, которые постоянно напоминали ему о чем-то, были Алан и его собственная мать, но... мать умерла пять лет назад. Он взял сверток, стянул ленту и осторожно отложил бант в сторону. Потом снял бумагу, под которой оказалась обычная коробка из белого картона — около фута в длину, дюйма четыре в ширину и столько же в высоту. Крышка была приклеена липкой лентой.

Норрис оторвал ленту и раскрыл коробку. На предмете, находившемся внутри, лежал листок белой оберточной бумаги — такой тоненькой, что была видна ровная поверхность с несколькими выступающими гранями под ним, но не настолько прозрачной, чтобы распознать, что за штуку он скрывает.

Он полез внутрь, чтобы снять обертку, и его указательный палец уперся во что-то твердое — какую-то выступающую металлическую пластину. И тяжелая стальная челюсть сомкнулась на листе оберточной бумаги, а также на трех пальцах Норриса Риджвика. Боль пронзила руку до плеча. Он заорал и качнулся назад, обхватив правое запястье пальцами левой руки. Белая коробка свалилась на пол. Оберточная бумага смялась.

Ох, мать твою, как же больно! Он схватился за свисавшую сморщенной лентой обертку и сорвал ее. Под ней оказалась огромная мышеловка «Победа». Кто-то взвел ее, засунул в коробку, накрыл оберточной бумагой, чтобы она была не видна, а потом завернул коробку в голубую фольгу. Теперь она вцепилась в три пальца его правой руки. Он видел, что она начисто сорвала ноготь с указательного пальца — осталось лишь кровоточащее месиво живого мяса.

— Аа-а, ссука! — проорал Норрис. В шоке от боли он сперва хрястнул мышеловкой о стол Джона Лапойнта, вместо того чтобы отогнуть стальной зажим. Все, чего он этим достиг, — это нового приступа жуткой боли во всей руке. Он снова заорал, схватил зажим и потянул его назад. Пальцы высвободились, и мышеловка лязгнула о пол. Стальной зажим снова защелкнулся на деревянной основе.

Норрис секунду постоял на месте, весь дрожа, потом снова ринулся в мужской туалет, пустил холодную воду в раковине и сунул правую руку под кран. Боль была адской, как будто резался зуб мудрости. Он стоял с искаженным гримасой боли лицом, глядя, как струйки крови стекают в раковину, и вспомнил слова Сэнди: «Мистер Китон заходил... Может, это он оставил. Может, это его воздушный поцелуйчик».

И карточка: «ТОЛЬКО НАПОМИНАНИЕ».

Ну да, это был Зануда, кто же еще! Он не сомневался ни секунды. Точно! Это в его стиле!

— Ах ты, сучий потрох, — простонал Норрис.

Холодная вода остудила пальцы, заглушила ужасную

боль, но он понимал, что боль вернется к тому времени, когда он доберется до дома. Аспирин может немного помочь, но все равно спать ему сегодня уже не придется. Как, впрочем, и ловить рыбу завтра.

«Нет, я поеду... — сказал он себе. — Поеду на рыбалку, даже если моя рука отвалится к чертям. Я собирался ехать, я готовился, и никакой сраный Дэнфорт Китон, никакой сраный Зануда меня не остановит».

Он выключил воду и бумажным полотенцем осторожно промокнул руку. Ни один из защелкнутых мышеловкой пальцев не был сломан — так по крайней мере ему казалось, — но они уже начали распухать, и никакая вода тут не поможет. Зажим оставил темно-лиловый рубец на пальцах, между первым и вторым суставом. Голое мясо из-под сорванного ногтя на указательном пальце сочилося каплями крови, и пульсирующая боль, приглушенная струей холодной воды, возвращалась.

Он вернулся в пустой офис и взглянул на защелкнутую ловушку, валявшуюся на боку возле стола Джона Лапойнта. Осторожно поднял ее, положил обратно в подарочную коробку и сунул коробку в верхний ящик своего стола. Потом вытащил из нижнего ящика флакон с аспирином и вытряс из него три таблетки прямо в рот. Обертку, фольгу, ленту и бант он бросил в мусорную корзину, прикрыв сверху листами бумаги.

Он не собирался посвящать ни Алана, ни кого бы то ни было в подробности той грязной шутки, которую сыграл с ним Зануда. Они не стали бы смеяться, но Норрис знал, что они подумали бы, или... полагал, что знает: «Только Норрис Риджвик мог попасться на такое — сунуть руку прямо во взведенную мышеловку... Нет, вы представьте себе!»

«Наверно, это от твоей тайной возлюбленной... Мистер Китон заходил вечером... Может, это его воздушный поцелуйчик...» — вспомнились ему слова Сэнди.

— Я сам с этим разберусь, — глухим, мрачным голосом произнес Норрис. Свою пораненную руку он прижимал к груди. — Разберусь по-своему и в свое время.

Вдруг ему пришла в голову другая мысль: что, если Зануда не стал полагаться на одну лишь мышеловку, которая в конце концов могла и не сработать? Что, если он побывал у Норриса дома? Там лежала удочка «Базун», и он ее даже не запер — просто поставил в углу сарая, рядом с плетеной корзиной для рыбы.

Что, если Зануда прознал о ней и решил... сломать?

— Если он это сделал, я сломаю его самого, — сказал Норрис. Он так глухо и злобно прорычал это, что ни Генри Пейтон, ни другие коллеги по охране порядка никогда не узнали бы его голоса. Уходя из конторы, он совершенно забыл о том, что ее нужно запереть. На какое-то время он даже забыл про боль в руке. Единственное, что сейчас имело для него значение, — это поскорее добраться до дома. Добраться до дома и удостовериться, что с удочкой все в порядке.

8

Когда Алан зашел в комнату, одеяло на кровати не шевельнулось, и он подумал, что Полли спит — не иначе, не без помощи принятого на ночь перкодана. Он тихонько разделся и скользнул в постель. Когда голова его коснулась подушки, он увидел, что глаза ее открыты и смотрят прямо на него. На мгновение он так удивился, что даже вздрогнул.

— Что за незнакомец вторгся в девичью постель? — тихонько спросила она.

— Всего лишь я, — ответил он, чуть улыбнувшись. — Прости, что разбудил тебя, девица.

— Я не спала, — с этими словами она обняла его за шею. Он положил свою руку ей на

талию. Ее сонное тепло было очень приятным, как теплый комочек меха. На мгновение он ощутил что-то твердое на своей груди, и ему показалось, что на ней под хлопковой ночной рубашкой что-то надето. Но предмет тут же скатился между ее левой грудью и подмышкой и повис там на своей тоненькой серебряной цепочке.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Она прижалась лицом к его щеке, не выпуская Алана из объятий. Он почувствовал, как ее руки сомкнулись позади его шеи.

— Нет, — сказала она. Слово вылетело, как дрожащий вздох, и она начала всхлипывать.

Он прижимал ее к себе и гладил волосы, пока она плакала.

— Алан, почему она не рассказала мне о том, что делала эта женщина? — наконец спросила Полли и чуть-чуть отодвинулась от него. Теперь, когда его глаза немного привыкли к темноте, он мог разглядеть ее лицо — темные глаза, темные волосы, белую кожу.

— Я не знаю, — сказал он.

— Если бы она рассказала мне, я бы приняла меры! Я бы сама сходила к Уилме Джерзик и... и...

Не стоило ей говорить, что Нетти действовала не менее решительно, чем Уилма, что Нетти вела себя ничуть не менее жестоко. Как, пожалуй, не стоило объяснять, что порой наступает время, когда ни одну Нетти Кобб — равно как и ни одну Уилму Джерзик на свете — уже не остановишь. Порой наступает миг, когда это становится никому не под силу.

— Уже половина четвертого утра, — сказал он. — Это плохое время для разных там «если бы да кабы». — Он колебался мгновение, прежде чем продолжить: — По словам Джона Лапойнта, Нетти сказала тебе что-то про Уилму сегодня утром... уже вчера утром. Что это было?

Полли задумалась.

— Ну, я не уверена, что это она про Уилму, тогда, во всяком случае, не была уверена. Нетти принесла салат. А мои руки... Мне было действительно погано. Она это сразу поняла. Нетти... была... бывала... ну, туповата в некоторых вещах, но я ничего не могла от нее скрыть.

— Она очень любила тебя, — мрачно произнес Алан, и это вызвало новый всплеск всхлипываний. Он знал, что так будет, как знал, что сколько-то слез должно быть выплакано — не важно, который там час. Пока не выплачешь их, они будут терзать и жечь тебя изнутри.

Через некоторое время Полли успокоилась. Когда она заговорила, ее руки снова сомкнулись на шее Алана.

— Она вытащила эти дурацкие термоперчатки, но на сей раз они и вправду помогли... Во всяком случае, кризис миновал... А потом она сварила кофе. Я спросила, есть ли у нее неотложные дела дома, и она сказала, что нет. Она сказала, что дом сторожит Рейдер, а потом прибавила... что-то вроде: «Как бы там ни было, я думаю, она оставит меня в покое. Я ее не слышала и не видела, так что, наверно, до нее все-таки дошло...» Это не точно, Алан, но примерно так.

— В котором часу она заходила?

— Около четверти одиннадцатого. Может, чуть раньше или чуть позже, но не намного... А что, Алан? Это имеет какое-то значение?

Когда Алан скользнул к ней под простыню, ему казалось, он заснет, стоит только его голове коснуться подушки. Теперь сна не было ни в одном глазу и мысль напряженно работала.

— Нет, — помолчав, сказал он. — Не думаю, что это значит нечто большее, чем... просто она думала об Уилме.

— Невозможно во все это поверить. Казалось, ей настолько лучше... И на самом деле так оно и было. Помнишь, я рассказывала тебе, как она набралась храбрости и сама зашла в «Самое необходимое» в прошлый четверг?

— Да.

Полли отпустила его и резко откинулась на спину. При этом Алан услышал тихое металлическое позвякивание, но снова не обратил на это внимания. Его мысли все еще вертелись вокруг того, что сейчас сообщила ему Полли; он прикидывал, примериваясь и так, и эдак, как ювелир разглядывает камешек подозрительного достоинства.

— Мне придется заняться устройством похорон, — сказала она. — У Нетти остались какие-то родственники в Ярмуте — всего несколько, но они не хотели слышать о ней, когда она была жива, и уж, конечно, еще меньше захотят теперь, когда она умерла. Но мне придется позвонить им утром. Алан, мне можно будет сходить к Нетти домой? По-моему, у нее была записная книжка.

— Я принесу ее тебе. Ты не сможешь сама ничего взять оттуда, по крайней мере пока доктор Райан не напечатает результаты вскрытия, но я не вижу большой беды, если ты спишешь несколько телефонных номеров.

— Спасибо.

Неожиданно ему в голову пришла одна мысль.

— Полли, а в котором часу Нетти ушла отсюда?

— Думаю, где-то без четверти одиннадцать. Самое позднее около одиннадцати. По-моему, она провела здесь меньше часа. А что?

— Ничего, — ответил он. На мгновение у него в мозгу вспыхнула мысль: если Нетти долго пробыла у Полли, у нее могло просто не хватить времени, чтобы вернуться домой, обнаружить трупик своей собаки, набрать камней, написать записки, прикрепить их к булыжникам, а потом пойти к Уилме и расколотить ей окна. Но если Нетти ушла от Полли без четверти одиннадцать, у нее оставалось два часа с лишним. Это больше чем достаточно.

«Эй, Алан, — заговорил внутренний голос, тот самый фальшиво-бодренький голосок, который обычно теребил его насчет Анни и Тодда. — Почему ты так жаждешь разложить все по полочкам, а, приятель?»

Этого Алан не знал. Не знал он и еще кое-чего — прежде всего каким образом Нетти привезла булыжники к дому Джерзиков? У нее не было водительских прав, и она не умела водить машину.

«Кончай валять дурака, — посоветовал ему внутренний голос. — Она написала записки у себя дома — может быть, прямо в холле, возле трупа своей собаки, — а резинки достала из кухонного шкафчика. Ей не нужно было тащить камни с собой — их полно на заднем дворе Уилмы. Верно?»

Верно. И все-таки он не мог выкинуть из головы мысль о том, что камни были принесены уже с прикрепленными к ним записками. Он не мог найти какое-то конкретное объяснение этой уверенности, это просто казалось правильным и очевидным... Вроде того, что ожидаешь от ребенка или кого-то, кто думает, как ребенок.

— Кого-то вроде Нетти Кобб.

— Ну, хватит... Плюнь на это!

Но он не мог.

Полли дотронулась до его щеки.

— Я жутко рада, что ты приехал, Алан. У тебя, наверно, тоже был кошмарный день.

— Бывали похуже, но он уже закончился. Тебе тоже пора выкинуть все из головы и немного поспать. Завтра тебе предстоит куча дел. Хочешь, я принесу тебе таблетку?

— Нет, Алан, с руками наконец чуть получше... — Она запнулась и беспокойно завопилась под одеялом.

— Что случилось?

— Ничего, — сказала она. — Это не важно. Думаю, теперь, когда ты здесь, я смогу заснуть. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, родная.

Она откатилась от него, натянула на себя одеяло и замерла. На секунду он задумался о том, как Полли обнимала его — как сомкнула руки у него за шеей. Если ей удалось так сжать

пальцы, значит, ей действительно лучше. Это хорошая новость — быть может, лучшая с той самой поры, когда Клатт позвонил ему во время футбольного матча, который он смотрел по телевизору. Только бы ей и дальше было полегче.

У Полли был легкий насморк, и теперь она начала тихонько посапывать — звук показался Алану довольно приятным. Было совсем неплохо делить постель с реальной живой женщиной, издающей реальные звуки и... иногда стаскивающей на себя одеяло. Он ухмыльнулся в темноте.

Потом его мысли снова вернулись к случившемуся, и улыбка растаяла.

Я думаю, она в конце концов оставит меня в покое. Я не видела и не слышала ее, так что, наверно, до нее все-таки дошло.

Я не видела и не слышала ее.

Наверно, до нее все-таки дошло.

Случай вроде этого не нуждался в расследовании; даже Ситон Томас мог точно определить, что произошло, кинув один-единственный взгляд на место преступления через свои очки. Вместо дуэльных пистолетов были использованы кухонные принадлежности, но результат тот же: два тела в морге с V-образными швами после вскрытия. Единственный вопрос: почему так случилось? У него было несколько вопросов, кое-что вызывало смутные сомнения, но они наверняка рассеются еще до того, как тела Уилмы и Нетти будут преданы земле.

Теперь смутные сомнения стали более определенными, а некоторые из них (наверно, до нее все-таки дошло) обрели имена.

Для Алана криминальный случай был похож на сад, окруженный высокой стеной. Туда нужно войти, поэтому приходится искать калитку. Иногда калиток оказывалось несколько, но его опыт свидетельствовал, что по крайней мере одна-то всегда находится. Если бы ее не было, то как, скажите на милость, туда заходит садовник, чтобы скосить траву? Она может быть широкой, со стрелкой-указателем и полыхающей неоновой вывеской с надписью «ВХОД ЗДЕСЬ», а может быть и крошечной, причем так плотно увитой плющом, что приходится попотеть, прежде чем отыщешь ее. Но она есть всегда, и если искать как следует, не боясь, что заработаешь несколько царапин на руках, продираясь сквозь заросли, она обязательно отыщется.

Иногда калиткой оказывалась какая-то улика, найденная на месте преступления. Иногда это был свидетель. Иногда этим служил вывод, основанный на событиях и логике. В данном случае Пэнгборн сделал следующие выводы: первый — за Уилмой тянулся длинный шлейф свар и ссор с угрозами; второй — на сей раз она выбрала неудачную партнершу для своих игр; третий — Нетти снова взъерилась, как в тот раз, когда убила своего мужа. Но...

Я не видела и не слышала ее.

Если Нетти действительно так сказала, что это меняет? Сколько выводов можно сделать из одной фразы? Алан не знал.

Он устал в темноту спальни и задумался: удастся ли ему в конечном счете отыскать калитку?

А если Полли плохо расслышала то, что сказала Нетти?

Технически это было возможно, но Алан так не думал. Действия Нетти подтверждали — до некоторой степени — версию Полли. Нетти не пришла на работу к Полли в пятницу — сказалась больной. Возможно, она действительно плохо себя чувствовала, а может быть, просто боялась Уилмы. В этом был резон; от Пита Джерзика им стало известно, что после того, как Уилма обнаружила свои оскверненные простыни, она по меньшей мере один раз звонила Нетти с угрозами. Она могла сделать и еще несколько звонков — на следующий день, — о которых Пит не знал. Но Нетти навестила Полли со своей стряпней в воскресенье утром. Стала бы она это делать, если бы Уилма продолжала раздувать огонь? Алан так не думал.

Кроме того, оставались еще камни, которые швыряли в окна Уилмы. Каждый был с запиской, в каждой одна и та же фраза: «Я ГОВОРИЛА, ЧТОБЫ ТЫ ОСТАВИЛА МЕНЯ В

ПОКОЕ, ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ». Предупреждение обычно означает, что тому, кого предупреждают, дают время на изменение его (или ее) поведения, однако время Нетти и Уилмы вышло. Они встретились на углу улицы всего через два часа после того, как камни полетели в окна дома Джерзиков.

Алан полагал, что при желании это можно объяснить. Найдя своего песика мертвым, Нетти могла прийти в ярость. Равно как и Уилма, вернувшись домой и увидев урон, нанесенный ее жилищу. И высечь последнюю искру вполне мог один-единственный телефонный звонок. Кто-то из двух женщин позвонил, и... понеслось.

Алан перевернулся на другой бок, жалея, что прошли те добрые старые времена, когда еще можно было фиксировать все местные звонки. Обладай он реальным, материальным подтверждением того факта, что перед своей последней встречей Уилма и Нетти разговаривали друг с другом, он чувствовал бы себя намного лучше. И все же... Примем этот последний телефонный звонок как данность — его последствия очевидны и говорят сами за себя.

Должно быть, это произошло так, подумал он. Нетти возвращается домой от Полли и находит своего песика мертвым на полу в прихожей. Она читает записку, наколотую на штопор. Потом пишет один и тот же текст на четырнадцать или шестнадцать клочках бумаги и кладет их в карман своего плаща. Еще находит связку резинок. Придя к Уилме, она подбирает на заднем дворе четырнадцать или шестнадцать камней и резинками прикрепляет к ним клочки бумаги. Да, сначала прикрепляет, а потом принимается бросать камни в окна; если бы она действовала иначе — прикрепила две-три записки, швырнула эти камни и взялась за следующие, — у нее на все про все ушло бы гораздо больше времени. Покончив с этим, она возвращается домой и еще немного рыдает над своей убитой собачкой.

Все это казалось ему совершенно нереальным.

Просто полным бредом.

Подобная версия предполагала цепь мотивов и поступков, никоим образом не соответствовавших тому, что он знал о Нетти Кобб. Убийство ее мужа явилось следствием долгих унижений и обид, но само по себе убийство было непреднамеренным, совершенным женщиной, потерявшей рассудок. Если протоколы в старых делах Джорджа Баннермэна были верными, Нетти, вне всяких сомнений, не писала Альбиону Коббу никаких предупредительных записок.

Версия, которая казалась Алану верной, была гораздо проще: Нетти приходит домой от Полли. Находит свою собаку мертвой в прихожей. Достает из кухонного ящика тесак и устремляется на улицу, чтобы отхватить приличный кусок мяса от задницы Уилмы.

Но если все было так, то кто разбил окна в доме Уилмы?

— Да еще со временем все выходит так странно... — пробормотал он и снова беспокойно заворочался в постели.

Джон Лапойнт всю вторую половину дня и весь вечер в воскресенье мотался с оперативной группой, отрабатывавшей все действия и маршруты Нетти — те маршруты, которые удалось установить. Она ходила к Полли с салатом. Она сказала Полли, что по дороге домой, наверно, зайдет в новый магазин «Самое необходимое» и поболтает с хозяином, Лиландом Гонтом, если застанет его там, — Полли сказала, что мистер Гонт пригласил ее взглянуть на одну безделушку в этот день, и Нетти должна была сказать мистеру Гонту, что Полли, наверно, придет, хотя руки у нее сегодня здорово болят.

Если бы Нетти и в самом деле заходила в «Самое необходимое» — поболталась там, потрепалась с владельцем нового магазина, от которого все в городе были в таком восторге и которого Алан до сих пор не имел удовольствия видеть, — это могло свести на нет возможность ее участия в битье окон и вывести на сцену новый персонаж — неизвестного метателя камней. Но она туда не заходила. Магазин был закрыт. Гонт сообщил и Полли, которая действительно заглянула к нему позже, и ребятам из ОРУ, что он в глаза не видел Нетти с того самого дня, как она купила у него абажур из кварцевого стекла. Впрочем, как бы там ни было, он провел все утро в заднем помещении, слушая классическую музыку и

составляя опись товаров. Если бы кто-то и постучался в магазин, он вряд ли бы услышал. Таким образом, Нетти должна была отправиться прямиком домой, а это давало ей время на все те поступки, которые, по мнению Алана, были так на нее непохожи.

Щелочка возможностей Уилмы Джерзик была еще уже. У ее мужа хранились в подвале кое-какие инструменты; он находился там в воскресенье с восьми утра до десяти с лишним. Потом, по его словам, он понял, что уже поздно, закончил работу и поднялся наверх, чтобы переодеться к одиннадцатичасовой мессе. Он сказал полицейским, что Уилма была в душе, когда он зашел в спальню, и у Алана не было причин подвергать сомнению свидетельство овдовевшего вчера мужа Уилмы.

Вероятно, все происходило так: Уилма покидает дом, чтобы прокатиться, без двадцати пяти или без двадцати десять. Пит работает в подвале, мастерит наличники для окон или что-то там еще и понятия не имеет, что она уехала. Уилма подъезжает к дому Нетти примерно без четверти десять — прямо через пару минут после того, как Нетти отправляется к Полли, — и видит открытую дверь. Для Уилмы это просто перст судьбы. Она паркует машину, заходит в дом, убивает собаку, пишет по внезапному наитию записку и убирается восвояси. Никто из соседей не помнил, что видел ярко-желтый «юго» Уилмы — странный факт, но еще не доказательство того, что машины там не было. Ведь большинство соседей к этому времени уже разбрелись — или в церковь, или навещать друзей в городе.

Уилма приезжает домой, идет наверх, пока Пит выключает свою циркулярную пилу или что там еще, и раздевается. Когда Пит заходит в ванную смыть с рук опилки, прежде чем надеть костюм и галстук, Уилма только-только залезла под душ; может, она даже не успела еще окатиться первой струей воды.

Тот факт, что Пит Джерзик обнаружил свою жену в душе, во всей этой неразберихе был единственным, казавшимся Алану логичным и естественным. Штопор, которым убили собаку, был вполне смертоносным орудием, но довольно коротким. Ей понадобилось принять душ, чтобы смыть следы крови с рук.

С одной стороны, Уилма разминулась с Нетти, а с другой — с мужем. Возможно ли такое? Да. Редкое совпадение случайностей, но *в принципе* возможное.

Ну и оставь это, Алан. Оставь и поспи.

Но он по-прежнему не мог заснуть — что-то продолжало его мучить. Причем *здорово*.

Алан снова перевернулся на спину и услышал, как внизу, в комнате, часы негромко пробили четыре. В своих размышлениях он снова зашел в тупик, но все равно никак не мог отключиться.

Он постарался представить себе, как Нетти сидит за своим кухонным столом и терпеливо пишет снова и снова: «ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ...», — а меньше чем в двадцати футах от нее лежит мертвое тельце ее любимой собачки. И как он ни старался это представить, у него ничего не получалось. То, что казалось калиткой, ведущей в конкретный сад, все больше походило на чрезвычайно правдоподобное изображение калитки на высокой непробиваемой стене. Имитация. Муляж.

Приходила ли Нетти к дому Уилмы на Уиллоу-стрит? Била ли она стекла? Этого он не знал. Но он прекрасно знал, что Нетти Кобб все еще вызывала к себе интерес в Касл-Роке... Та самая сумасшедшая дамочка, которая убила своего мужа и провела столько лет в Джанипер-Хилл. И в тех редких случаях, когда она выходила за жесткие рамки своих обычных повседневных действий, на нее обращали внимание. Ее замечали. Если бы она неслась по Уиллоу-стрит в воскресенье утром — быть может, бормоча что-то на ходу и наверняка плача, — ее бы заметили. Завтра Алан примется стучаться в двери на всем пути между двумя домами и задавать вопросы.

Наконец-то на него начал накатывать сон. А вместе со сном — образы груды камней, каждый из которых был обернут клочком бумаги с запиской. И снова он подумал: если их швыряла не Нетти, то *кто* ?

Ночь с воскресенья на понедельник шла к концу, близился рассвет, знаменовавший начало новой, крайне интересной недели, молодой человек по имени Рикки Биссонетт вынырнул из-за изгороди, окружавшей домик баптистского пастора. Внутри аккуратного, как с иголочки строения спал сном праведника преподобный Уильям Роуз.

Рикки, девятнадцатилетний и не обремененный мозгами парень, работал в «Санокко» у Сонни. Он закончил работу несколько часов назад, но ошивался в конторе, поджидая, пока не станет достаточно поздно (или достаточно рано), чтобы можно было сыграть маленькую шутку с его преподобием Роузом. В пятницу днем Рикки заглянул в новый магазинчик и разговорился с владельцем, оказавшимся занятым стариком. Слово за слово, и в какой-то момент Рикки услышал, как он рассказывает мистеру Гонту о своем самом жарком и сокровенном желании. Он упомянул имя молодой фотомодели — очень молодой фотомодели — и сообщил мистеру Гонту, что отдал бы все на свете за несколько фотографий этой юной дамы без одежды.

— Вы знаете, у меня есть кое-что в этом роде, и, возможно, вас это заинтересует, — сказал мистер Гонт. Он оглядел помещение магазина, словно удостовераясь, что, кроме них, здесь никого нет, а потом подошел к двери и поменял табличку «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». Вернувшись к своему месту за кассой, он нырнул под прилавок и вынырнул, держа в руках конверт без штампа. — Взгляните на эти, мистер Биссонетт, — произнес мистер Гонт и подмигнул довольно пошлым образом, — полагаю, вы будете удивлены. Возможно, даже придете в восторг.

Скорее он был просто ошеломлен. Это была та самая фотомодель — *должна* была быть! — но гораздо больше, чем просто раздетая. На некоторых снимках она была с известным актером. На других — с *двумя* известными актерами, один из которых по возрасту мог свободно годиться ей в отцы. А на остальных...

Но прежде чем он успел взглянуть на остальные (а их было не меньше пятидесяти, а то и больше — великолепных глянцевых, цветных фотографий, восемь на десять), мистер Гонт убрал их с прилавка.

— Это... — Рикки, задыхаясь, выдавил очень известное всем любителям сальных плакатов и шоу имя.

— О нет, — запротестовал мистер Гонт, в то время как его нефритовые глаза говорили: «О да». — Я уверен, это не может быть... но сходство поразительное, не правда ли? Торговля такими снимками, разумеется, противозаконна — даже оставив в стороне сексуальные сюжеты: девчонке никак не больше семнадцати, кем бы она ни была. Но тем не менее меня можно уговорить на такую сделку, мистер Биссонетт. Мою кровь сжигает лихорадка, но зовется она не малярией, а коммерцией. Итак? Поторгуемся?

Они поторговались. И в результате Рикки Биссонетт купил семьдесят два порнографических снимка за тридцать шесть долларов и... эту маленькую шутку.

Сгибаясь, он перебежал лужайку перед пасторским домиком, на мгновение укрылся в тени крыльца и, убедившись, что никто за ним не следит, поднялся по ступенькам. Из заднего кармана он достал белую карточку, открыл щель для почты, просунул туда карточку и кончиками пальцев придержал крышку прорези, чтобы она не щелкнула, когда закрывалась. Потом съехал по перилам крыльца и бегом пересек лужайку в обратном направлении. У него были большие планы на два или три часа темноты, еще остававшиеся до рассвета этого понедельника; в них входили семьдесят две фотографии и большая бутылка «Джергенс» — лосьона для рук.

Карточка, словно большой белый мотылек, спланировала из щели для почты на коврик в прихожей пасторского домика и приземлилась кверху текстом следующего содержания:

Ну, здорово, ты, драная баптистская крыса. Мы хотим сказать тебе, чтобы ты перестал мутить воду насчет нашей Ночи Казино. Мы собираемся просто немного

поразвлечься, а тебя никто не трогает. Как бы там ни бычо, мы, Истинные Католики, устали от твоей баптистской мути. Мы прекрасно знаем, что все вы, баптисты, вонючие козлы и жополизы. Но вот ЭТО ты лучше как следует заруби себе на носу, твое преподобие Уилли Пароход: если ты не прекратишь совать свой нос в наши дела, мы напустим такую вонь на тебя и всех твоих дружков-жополизов, что вы будете ВОНЯТЬ ВЕЧНО!

Оставь нас в покое, баптистская крыса, или ЗДОРОВО ПОЖАЛЕЕШЬ, СУКИН ТЫ СЫН.

«Просто Предупреждение» от ИСТИННЫХ КАТОЛИКОВ КАСЛ-РОКА.

Его преподобие Роуз обнаружил записку, когда спустился вниз в халате за утренней газетой. Его реакцию, наверно, лучше просто вообразить, чем пытаться описывать.

10

Заведя руки за спину, Лиланд Гонт стоял у окна в передней комнате, помещавшейся над «Самым необходимым», и смотрел на город Касл-Рок.

От вида четырехкомнатной квартиры Гонта у всякого из горожан глаза бы полезли на лоб, поскольку в ней ничего не было — вообще ничего. Ни кровати, ни светильника, ни единого стула. Шкафы стояли открытыми и пустыми. Только комки пыли лениво перекачивались по голому, без всяких ковров полу под слабым сквознячком, продувавшим помещение на уровне щиколоток. Единственной деталью интерьера, если можно так выразиться, было обрамление окон; уютные домашние занавески. Они были видны даже с улицы.

Город спал. В магазинах было темно, в домах тоже, светила только мигалка на перекрестке Мейн-стрит и Уотермилл-лейн, моргающая сонными желтыми вспышками. Гонт оглядывал город нежным и ласковым взглядом. Пока еще город не принадлежал ему, но это пока. Он уже наложил на него свою лапу. Они еще не знают этого, но... узнают. И скоро.

Большое Открытие прошло очень-очень неплохо.

Мистер Гонт считал себя электриком человеческой души. В маленьком городишке вроде Касл-Рока все распределительные коробки располагались впритык друг к другу; а потому все, что нужно было сделать, — это открыть коробки и... только переставлять провода. Замкнуть Уилму Джерзик на Нетти Кобб, воспользовавшись проводами из двух других распределительных коробок — какого-нибудь паренька вроде Брайана Раска и, скажем, пьяницы наподобие Хью Приста. Точно так же замыкаешь и других — Зануду Китона на Норриса Риджвика, Фрэнка Джуэтта на Джорджа Нельсона, Салли Ратклифф на Лестера Пратта.

На каком-то этапе следует проверить одно из таких замыканий, просто чтобы убедиться, что все работает правильно, как он сделал сегодня, — а потом лежишь себе тихо и время от времени посылаешь разряд по цепям, чтобы было нескучно. Чтобы было горячо. Но в большинстве случаев просто лежишь тихо, пока все не сделано, а потом... врубаешь ток.

На всю катушку...

Весь — сразу.

И все, что здесь нужно, это понимание человеческой природы и...

— Разумеется, по-настоящему это вопрос спроса и предложения, — промурлыкал Лиланд Гонт, глядя на засыпающий город.

А почему? Ну... да просто потому. Просто потому...

Люди всегда мыслят категориями души, и конечно, он возьмет с собой столько, сколько сможет, когда закроет магазин; души для Лиланда Гонта были как трофеи для охотника, как выпотрошенная рыбешка для рыболова. В практическом смысле они для него нынче стоили не много, но все равно он по-прежнему набирал столько, сколько мог, что бы он там ни говорил — ради меньшего не стоило и затевать игру.

Хотя двигали им не души; не они заставляли его играть, а удовольствие. Простое

удовольствие. Это было единственное, что имело значение теперь, потому что с годами начинаешь искать развлечения везде, где только можешь их найти.

Мистер Гонт убрал руки из-за спины — те самые руки, которые вызывали отвращение у каждого, кто имел несчастье ощутить их хрустящее прикосновение, — и крепко сжал их; костяшки пальцев правой руки вмялись в ладонь левой, а костяшки левой легли поверх правой. Его ногти — длинные, толстые, желтые — были очень острыми и врезались в кожу, так что через несколько мгновений из-под них выступили темно-красные капли густой крови.

Брайан Раск вскрикнул во сне.

Майра Эванс сунула руки между ног и принялась яростно мастурбировать — во сне Король занимался с ней любовью.

Дэнфорт Китон увидел себя лежащим посреди стартовой дорожки на Люистонском ипподроме и закрыл лицо ладонями, когда лошади с ударом гонга ринулись прямо на него.

Салли Ратклифф приснилось, что она открывает дверцу «мустанга» Лестера Пратта и видит, что внутри машина кишит змеями.

Хью Прист собственным криком пробудил себя ото сна, в котором Генри Бюфорт, бармен «Пьяного тигра», облил горячей смесью и поджег его лисий хвост.

Эверетту Франкелю, ассистенту Рея Ван Аллена, приснилось, что он сунул в рот свою новую трубку и мундштук, превратившись в лезвие бритвы, отрезал ему его собственный язык.

Полли Чалмерз принялась тихо стонать, а внутри маленького серебряного шарика, который она носила на груди, что-то зашевелилось и зашуршало, словно маленькие крылышки мотылька, испуская слабый, пыльный аромат, как... букет увядших фиалок.

Лиланд Гонт медленно ослабил хватку. Его крупные неровные зубы обнажились в усмешке, которая одновременно была веселой и омерзительной. По всему Касл-Року сны улетели прочь и спящие тут же расслабились.

Пока...

Скоро взойдет солнце. Начнется новый день, со всеми его сюрпризами и загадками. Он полагал, что настало время нанять себе помощника, но... это вовсе не означало, что помощник станет неподвластен тому процессу, который уже приведен в действие, — нет, конечно.

Это испортило бы все веселье.

Лиланд Гонт стоял у окна, глядя на город, раскинувшийся внизу, — такой беззащитный во всей этой чудесной тьме.

Часть вторая Распродажа века

Глава 12

1

На рассвете 14 октября, в понедельник, был День Колумба, и в Касл-Роке стояла ясная и жаркая погода. Жители ворчали на жару и, встречаясь в городском парке, в закусочной «У Нэнси», на скамейках перед зданием муниципалитета, говорили, что это неестественно. Возможно, это как-то связано с этими чертовыми горящими скважинами в Кувейте, полагали они, а может — с этой дурацкой дырой в озоновом слое, о которой вечно болтают по телеку. Старожилы заявляли, что в годы их молодости во второй неделе октября, в семь часов утра никогда не бывало семидесяти градусов¹³.

¹³ По Фаренгейту; это около 39° по Цельсию.

Это, конечно, было неправдой, и большинство из них прекрасно это знали; каждые два-три года бабье лето отбивалось от рук и выдавались четыре-пять деньков, напоминавших середину июля. А потом в одно прекрасное утро можно было проснуться с ощущением вроде бы летнего холодка и увидеть покрытый инеем палисадник и мелькающие во влажном воздухе снежинки. Все они это прекрасно знали, но погода была слишком хорошей темой для разговора, чтобы разрушать ее признанием истины. Никому не хотелось спорить; когда становится не по сезону жарко, доводы и аргументы обычно не в ходу.

Люди легко могут впасть в раздражение, а для того, чтобы представить себе, что происходит, когда люди становятся раздражительными, жителям Касл-Рока стоило лишь взглянуть на перекресток Уиллоу- и Форд-стрит.

— Вот на этих двух баб и накатило, — заявил Ленни Партридж, самый старый житель городка и главный сплетник, стоя на ступеньках окружного суда, занимавшего западное крыло здания муниципалитета. — Обе сдурели, как крысы, заваленные в своей говенной норе. Эта дамочка Кобб ведь уже тыкала раньше вилкой в своего мужа. — Ленни подтянул сзади мешковатые штаны. — Заколола его, как свинью, так-то вот. А, чтоб им пусто было! Ну разве бабы временами не съезжают с катушек? — Он поглядел на небо и добавил: — При такой жаре впереди еще много свар. Я видел такое и раньше. Что надо сделать шерифу Пэнгборну, так это первым делом велеть Генри Бюфорту прикрыть «Тигра», пока погода снова не станет нормальной.

— Я не против, старина, — сказал Чарли Фортин. — Мне ничего не стоит на пару деньков запасть пивком в «Хемпхилле» и спокойно попить его у себя дома.

Это вызвало взрыв смеха в тесном кружке мужчин, собравшихся вокруг мистера Партриджа, и мрачную усмешку самого старожилы. Кружок распался. Большинству собеседников — праздник ли там или нет — нужно было приниматься за работу. Несколько грузовиков, стоявших возле закусочной «У Нэнси», уже отъезжали на погрузочные работы в Свиден, Ноддс-Ридж и на Касл-Лейк.

2

Дэнфорт Китон по прозвищу Зануда сидел у себя в кабинете в одних трусах. Трусы все намокли от пота. Он не выходил из комнаты с воскресного вечера, когда совершил короткую вылазку в здание муниципалитета. Там он забрал папку с налоговыми делами и привез ее домой. Главный выборный Касл-Рока в третий раз смазывал свой «кольт». Этим утром в какой-то момент он хотел зарядить его и убить свою жену. Потом его одолело желание съездить в муниципалитет, отыскать этого сукина сына Риджвика (он понятия не имел, что у Норриса был выходной) и убить его. И в последнюю очередь он намеревался, запершись в своем кабинете, застрелиться сам. Он решил, что, только предприняв все эти шаги именно в такой строгой последовательности, сумеет раз и навсегда избавиться от Преследователей. Он был просто дураком, когда полагал иначе. Даже настольная игра, волшебным образом определяющая победителей на ипподромах, не могла остановить Их. О нет. Вчера он получил наглядное тому подтверждение, когда вернулся домой и обнаружил эти страшные розовые листки, расклеенные по всему дому.

На письменном столе зазвонил телефон. От испуга Китон нажал на курок револьвера. Раздался сухой щелчок. Будь «кольт» заряжен, пуля прошила бы дверь кабинета.

Китон сорвал трубку и сердито заорал:

— Неужели нельзя оставить меня в покое?!

Ответивший ему тихий голос заставил его тут же умолкнуть. То был голос мистера Гонта, и он пролился на полыхающую огнем душу Китона как целебный бальзам.

— Повезло ли вам с той игрушкой, которую я продал вам, мистер Китон?

— Она сработала! — ликующе воскликнул Китон. На мгновение он забыл, что планировал в это утро кучу кровавых убийств, а потом и самоубийство. — Я выигрывал в

каждом заезде, ей-богу!

— Что ж, это прекрасно, — тепло произнес мистер Гонт.

Лицо Китона снова помрачнело. Голос упал до еле слышного шепота.

— А потом... вчера... когда я вернулся домой... — У него не хватало сил продолжать, а секундой позже, к своему огромному удивлению и еще большей радости, он понял, что этого и не требуется.

— Вы обнаружили, что Они побывали у вас дома? — спросил мистер Гонт.

— Да. Да! Откуда вы зна...

— Они повсюду в этом городе, — сказал мистер Гонт. — Я ведь говорил вам, когда мы встречались, не правда ли?

— Да! И... — Китон неожиданно замолк, и лицо его исказилось от ужаса. — Они могли подключиться к этой линии, вы понимаете, мистер Гонт? Они могут слушать наш разговор прямо сейчас!

Мистер Гонт не утратил ни капли спокойствия.

— Да, могут, но Они этого не делают. Пожалуйста, не считайте меня наивным, мистер Китон. Я уже сталкивался с Ними раньше. И не один раз.

— Я так и думал, — сказал Китон. Он сознавал, что та дикая радость, которую он ощущал, наслаждаясь «Выигрышным билетиком», и близко не могла сравниться с нынешней — после целой вечности одинокой борьбы обрести родственную душу.

— У меня есть небольшое электронное устройство, подключенное к моей линии, — своим ровным, расслабленным голосом продолжал мистер Гонт. — Если линия прослушивается, загорается маленькая лампочка. Я смотрю на нее сейчас, мистер Китон, — и она не горит. Темна, как и некоторые сердца в этом городе.

— Ага, так вы *знаете*, да? — произнес Дэнфорт Китон дрожащим, срывающимся голосом. Он чувствовал, что вот-вот расплачется.

— Да. И я позвонил вам, мистер Китон, чтобы предупредить: вы не должны совершать никаких опрометчивых поступков. — Голос мистера Гонта был мягким, обволакивающим, и, вслушиваясь в него, Китон почувствовал, что его рассудок начинает уноситься куда-то вдаль, словно детский воздушный шарик. — Это было бы слишком роскошным подарком для Них. В самом деле, вы понимаете, что произошло бы, если бы вы погибли?

— Нет, — пробормотал Китон. Он глядел из окна на улицу. Глаза его были мечтательны и пусты.

— Они бы устроили вечеринку! — мягко воскликнул мистер Гонт. — Они бы все перепились в конторе шерифа! Они отправились бы на городское кладбище и стали бы мочиться на вашу могилу!

— Шериф Пэнгборн? — неуверенно промямлил Китон.

— Ну, не считаете же вы на самом деле, что такому болвану, как помощник шерифа Риджвик, позволено действовать в подобном случае без указаний сверху, а?

— Да... Да, конечно. — Он начинал видеть все более отчетливо. Они, это всегда были Они — бесформенная черная туча вокруг него, а когда бросаешься на тучу, всегда остаешься ни с чем. Теперь он наконец начал понимать, что у Них есть лица и имена. Они даже могут оказаться ранимы. Эта мысль явилась для него громадным облегчением.

— Пэнгборн, Фуллертон, Самыозлс, дамочка Уильямс, ваша собственная жена — все они часть этого, мистер Китон, но у меня есть подозрение — очень большое подозрение, — что заправила — шериф Пэнгборн. Если я прав, то ему только на руку, если вы прикончите одного-двух из его подчиненных, а потом сами уйдете с дороги. Еще бы, я полагаю, он все это время только того и добивался. Но вы одурачите его, мистер Китон, не так ли?

— Да-аа-а! — яростно прошептал Китон. — Что я должен делать?

— Сегодня ничего. Занимайтесь своими делами, как обычно. Если хотите, поезжайте вечером на скачки и насладитесь вашим новым приобретением. Если Они увидят, что вы такой же, как всегда, это собьет Их с толку. Это приведет к смятению и растерянности в стане врага.

— Смятение и растерянность, — медленно проговорил Китон, пробуя слова на вкус.
— Да. Я вынашиваю свои собственные планы и, когда придет время, дам вам знать.
— Дадите?
— О да, конечно, мистер Китон. Вы чрезвычайно важны для меня. По сути дела, я бы даже отважился сказать, что не смогу без вас обойтись.

Мистер Гонт отключился. Китон отложил свой револьвер и щеточку в сторону. Потом он поднялся наверх, бросил потные трусы в пакет с грязным бельем, принял душ и оделся. Когда он спустился вниз, Миртл поначалу было отпрянула от него, но Китон заговорил с ней ласково и чмокнул в щеку. Миртл начала успокаиваться. Что бы ни случилось с Дэнфортом, кризис, кажется, прошел.

3

Эверетт Франкель, здоровенный рыжий мужик, походил на ирландца из графства Корк, что было вовсе не удивительно, поскольку именно из Корка вышли предки его матери. Он работал ассистентом Рея Ван Аллена уже четыре года, с тех самых пор, как уволился из флота.

В понедельник утром он приехал в каслскую семейную амбулаторию без четверти восемь, и Нэнси Рамидж, главная медсестра, попросила его сразу съездить на ферму Бергмейеров. По ее словам, Элен Бергмейер перенесла ночью что-то вроде эпилептического припадка. Если Эверетт подтвердит диагноз, ему следует привезти в город на своей машине, чтобы доктор — а он скоро приедет — осмотрел пациентку и решил, нужно ли отправлять ее в больницу на обследование.

В обычный день Эверетт огорчился бы, что его сразу посылают на вызов, да еще так далеко за город, но в такое не по сезону жаркое утро поездка за город казалась как нельзя кстати.

Кроме того, у него еще была трубка.

Усевшись в свой «плимут», он открыл отделение для перчаток и извлек ее оттуда. Это была пеньковая трубка с глубокой и широкой чашечкой. Вырезал ее настоящий мастер; цветы, птицы и виноградные лозы обвивали чашечку причудливым узором, казалось, меняющимся, когда смотришь на него под разными углами. Он оставил трубку в машине не только потому, что курить в кабинете врача запрещалось; еще он не хотел, чтобы ее увидели другие (особенно эта вечно сующая свой нос в чужие дела Нэнси Рамидж). Сначала они захотят узнать, где он ее достал. Потом им станет интересно, сколько он за нее заплатил.

Кроме того, кто-то может позавидовать и захочет украсть...

Он зажал мундштук между зубами и в очередной раз восхитился тем, как замечательно тот устроился там — точно *на своем месте*. Он опустил на секунду зеркало заднего вида, чтобы посмотреть на себя, и остался вполне доволен своим отражением. На взгляд Франкеля, трубка делала его старше, мудрее, импозантнее на вид. А когда он зажимал мундштук зубами и чашечка задиралась чуть-чуть вверх — ровно настолько, насколько нужно, — он и *ощущал* себя старше, мудрее и импозантнее.

Он поехал по Мейн-стрит, намереваясь сразу пересечь Тин-бридж, отделяющий городок от предместья, но, подъезжая к «Самому необходимому», замедлил ход. Зеленый тент мелькнул перед ним как рыболовный крючок. Неожиданно он почувствовал необходимость — по сути дела, приказ — остановиться.

Он затормозил, стал было вылезать из машины, но вспомнил, что все еще сжимает в зубах трубку. Он вынул ее изо рта (ощутив мимолетный приступ сожаления), снова запер в отделении для перчаток и вылез из машины. На сей раз он добрался до тротуара, но снова вернулся к «плимуту» и как следует запер все четыре дверцы. С такой прекрасной трубкой надо держать ухо востро. Такую замечательную трубку может попытаться украсть кто угодно... Кто угодно...

Он подошел к магазину и застыл в разочаровании. На дверях висела табличка:

ЗАКРЫТО ПО СЛУЧАЮ ДНЯ КОЛУМБА

Эверетт уже собрался было повернуть назад, когда дверь отворилась. На пороге стоял мистер Гонт; в своем светло-коричневом пиджаке с замшевыми нашивками на локтях и темно-серых брюках он выглядел не менее презентабельно и роскошно, чем трубка Эверетта.

— Заходите, мистер Франкель, — пригласил он, — рад вас видеть.

— Да я тут ехал за город... по одному делу... и вот подумал, что надо бы заглянуть и сказать вам еще раз, как мне нравится моя новая трубка. Я всегда хотел именно такую.

— Знаю, — кивнул мистер Гонт.

— Но я вижу, у вас закрыто, так что не стану вам ме...

— У меня всегда открыто для моих любимых клиентов, мистер Франкель, а вы входите в их число. И высоко значитесь в этом списке. Входите, — и он сделал приглашающий жест рукой.

Эверетт отпрянул от руки. Лиланд Гонт весело рассмеялся и сделал шаг в сторону, пропуская молодого ассистента врача.

— Я вообще-то не могу задерживаться, — начал было Эверетт, но почувствовал, как ноги сами несут его в сумрачную глубь магазина, словно они лучше знают, что ему делать.

— Ну конечно, — подхватил мистер Гонт, — целитель должен быть на своем месте, дабы размыкать оковы недуга, стягивающие брненное тело, и... — брови его приподнялись, а стиснутые зубы обнажились в ухмылке, — изгонять демонов, поразивших душу больного. Я прав?

— Наверно, — сказал Эверетт. Он ощутил укол беспокойства, когда мистер Гонт закрыл дверь. Не случилось бы чего с его трубкой. Иногда воры забираются в машины. Порой они делают это даже при свете дня.

— С вашей трубкой все будет в порядке, — успокоил его мистер Гонт. Он достал из кармана простой конверт, на белой бумаге значились всего два слова: «С любовью». — Доктор Франкель, вы помните, что обещали мне сыграть одну маленькую шутку?

— Я не док...

Брови мистера Гонта сомкнулись так, что Эверетт мигом осекся и сделал полшага назад.

— Вы помните или *не* помните? — резко спросил мистер Гонт. — Лучше отвечайте побыстрее, молодой человек, я уже не так уверен насчет трубки, как секунду назад.

— Я помню! — выпалил Эверетт. Голос его дрожал от ужаса. — Салли Ратклифф! Логопед!

Единая линия бровей мистера Гонта разгладилась, а вместе с ней расслабился и Эверетт Франкель.

— Верно, — произнес мистер Гонт. — И время для маленькой шутки пришло, доктор. Вот.

Он протянул конверт Эверетту, и тот взял его очень осторожно, следя за тем, чтобы его пальцы не коснулись руки мистера Гонта.

— Сегодня в школе каникулы, но юная мисс Ратклифф сидит у себя в кабинете и приводит в порядок бумаги, — сказал мистер Гонт. — Я знаю, это не по дороге к ферме Бергмейеров...

— Откуда вы *все* знаете? — слабым голосом спросил Эверетт.

Мистер Гонт нетерпеливо отмахнулся.

— Но вы можете заехать туда на обратном пути, верно?

— Думаю, да.

— А поскольку к посторонним в школе, даже когда там нет учащихся, относятся с некоторой подозрительностью, вы можете объяснить ваше присутствие тем, что заехали в школьный кабинет медсестры, не так ли?

— Если она там, пожалуй, я могу это сделать, — сказал Эверетт. — Вообще-то я

должен это сделать, поскольку...

— ...вы до сих пор не забрали справки о прививках, — закончил за него мистер Гонт. — Ну и отлично. Кстати, ее там нет, но вы ведь этого не знаете, правильно? Просто просуньте голову в дверь кабинета, а потом уйдите. Но я хочу, чтобы по дороге туда или на обратном пути вы положили этот конверт в машину, которую мисс Ратклифф одолжила у своего молодого человека. Я хочу, чтобы вы положили его под водительское сиденье, но... не целиком, а так, чтобы уголок конверта оставался виден снаружи.

Эверетт прекрасно знал, кто такой «молодой человек мисс Ратклифф»: инструктор физкультуры в колледже. Будь у него выбор, Эверетт предпочел бы сыграть шутку с Лестером Праттом, чем с его невестой. Пратт был жирным молодым баптистом и обычно носил голубые майки и голубые тренировочные штаны (мокрые от пота) с белыми полосками по внешним швам. Он был из тех парней, которые источают пот и учение Иисуса из каждой поры примерно в равных (весьма солидных) долях. Эверетту он был вполне безразличен. Он вяло интересовался, переспал ли уже Лестер с Салли или нет, — она была лакомым кусочком. Он думал, что вряд ли, а потом ему пришло в голову, что когда Лестер разогревается от слишком долгой возни вокруг да около ее прелестей, Салли, наверно, заставляет его делать приседания на заднем дворике или дюжину-другую раз обежать вокруг дома.

— Салли снова ездит на «пратт-авто»?

— Разумеется, — с легким раздражением сказал мистер Гонт. — Вы закончили острить, доктор Франкель?

— Конечно, — сказал он, неожиданно испытав глубокое облегчение.

Он слегка беспокоился по поводу той шутки, которую обещал сыграть мистеру Гонту, а теперь понял, что волноваться было глупо. Мистер Гонт вовсе не собирался заставлять его подкладывать шутиху в девшкин башмачок, подсыпать слабительное в ее кофе с молоком или делать что-то в этом роде. Разве может обычный конверт наделать много вреда?

Светлая и любезная улыбка снова озарила лицо мистера Гонта.

— Очень хорошо, — сказал он и подошел к Эверетту, который с ужасом следил, как мистер Гонт явно собирается положить ему руку на плечо.

Эверетт быстро отступил назад. Таким способом мистер Гонт оттеснил его к входной двери и распахнул ее.

— Наслаждайтесь своей трубкой, — сказал он. — Я говорил вам, что она когда-то принадлежала сэру Артуру Конан Дойлу, создателю великого Шерлока Холмса?

— Нет! — воскликнул Эверетт Франкель.

— Ну, разумеется, не говорил, — ухмыльнулся мистер Гонт. — Это было бы неправдой, а я никогда не лгу в вопросах бизнеса, доктор Франкель. Не забудьте о моем маленьком поручении.

— Не забуду.

— Тогда всего наилучшего. Желаю приятно провести день.

— И вам то...

Но Эверетт говорил в пустоту. Дверь с опущенной шторкой уже захлопнулась за ним.

Секунду он туповато смотрел на нее, а потом медленно пошел к своему «плимуту». Если бы его попросили подробно пересказать все, что он говорил мистеру Гонту и что мистер Гонт говорил ему, у него бы ничего не получилось, потому что он точно не помнил. Он чувствовал себя так, словно ему сделали укол легкой анестезии.

Усевшись снова за руль, Эверетт первым делом открыл отделение для перчаток, положил туда конверт с надписью «С любовью» и достал трубку. Уж одно-то он помнил — как мистер Гонт поддразнил его, сказав, что трубка когда-то принадлежала Конан Дойлу. И он чуть было не поверил. Какая глупость! Стоило лишь сунуть ее в рот и сжать зубами мундштук, чтобы сразу понять: настоящим владельцем трубки был Герман Геринг.

Эверетт Франкель включил двигатель и медленно выехал из города. И по пути на ферму Бергмейеров он лишь дважды случайно съезжал на обочину, когда любовался в

зеркале, как идет ему эта трубка.

4

Зубоврачебные кабинеты Элберта Джендрона размещались в Касл-Билдинге — уродливом кирпичном строении, стоявшем напротив здания муниципалитета и приземистой бетонной коробки, приютившей отдел водоснабжения округа Касл. Касл-Билдинг отбрасывал свою тень на Касл-Стрим и Тин-бридж с 1924-го и служил пристанищем трем из пяти городских адвокатов, одному оптометристу, аудиологу, нескольким независимым владельцам недвижимости, консультанту по кредитам, женской справочной службе и магазину рам. С полдюжины остальных помещений в здании в данное время пустовало.

Элберт, бывший одним из рьяных прихожан церкви Богоматери на Чистых Водах со времен старого отца О'Нила, уже слегка сдал: его некогда черные волосы постепенно обретали цвет перца с солью, широкие плечи ссутулились, чего никогда не случалось в молодые годы, но выглядел он все еще довольно внушительно — при своих шести футах и семи дюймах и двухстах восьмидесяти фунтах он был самым крупным мужчиной в городе, если не в целом округе.

Он взбирался по узкой лестнице на четвертый, и последний, этаж медленно, останавливаясь на площадках и переводя дыхание, прежде чем продолжать путь, памятуя о шуме, который отыскал у него в сердце доктор Ван Аллен. На середине последнего пролета он заметил листок, приклеенный к непрозрачной стеклянной панели на двери в его кабинет, и разобрал надпись: «Элберту Джендрону, ДДС».

Он сумел прочесть первую строчку этой записки еще за пять ступенек до верхней площадки, и с шумом там или без шума, но его сердце застучало гораздо быстрее. Однако раззадорила его не усталость, а ярость.

Слушай, ты, пожиратель макрели! — было написано на верху страницы ярко-красным фломастером.

Элберт сорвал записку с двери и быстро прочитал ее. Читая, он дышал через нос, и сопение делало его похожим на разъяренного быка.

Слушай, ты, пожиратель макрели!

Мы пытались вразумить тебя — «Имеющий уши да услышит», — но все напрасно. Козни дьявола встретятся на пути твоём, и по делам его ты поймешь, кто перед тобой. Мы смирились с твоим папистским идолопоклонством и даже с твоим распущенным поклонением вавилонской блуднице. Но теперь ты зашел слишком далеко. В Касл-Роке не будет игр в кости с сатаной!

Истинные христиане слышат запах адского огня и серы в Касл-Роке этой осенью. И если ты не слышишь его, так это оттого, что ноздри у тебя забиты твоим собственным грехом и ничтожеством. УСЛЫШЬ НАШЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ВНЕМЛИ ЕМУ: ОСТАВЬ СВОЙ ПОМЫСЕЛ ПРЕВРАТИТЬ ЭТОТ ГОРОД В ПРИТОН ВОРОВ И ИГРОКОВ, ИЛИ ТЫ ПОЧУЕШЬ ЗАПАХ АДСКОГО ПЛАМЕНИ! ТЫ ПОЧУЕШЬ ЗАПАХ СЕРЫ!

«...нечестивый уловлен делами рук своих. Да обратятся нечестивые в ад, все народы, забывающие Бога».

Псалом 9:17,18.

УСЛЫШЬ И ВНЕМЛИ, НЕ ТО ТВОИ ЖАЛОБНЫЕ ВОПЛИ БУДУТ И ВПРЯМЬ ГРОМКИМИ.

Истинные баптисты Касл-Рока

— Чтоб тебе пусто было, — наконец произнес Элберт и смял записку в своем окорокоподобном кулаке. — Этот обувной торговец... этот маленький идиотик-баптист окончательно спятил.

И первым делом, после того как открыл дверь своего кабинета, он позвонил отцу Джону и сказал ему, что их, быть может, ожидают крутые времена до Ночи Казино.

— Не волнуйся, Элберт, — спокойно ответил отец Бригем. — Если этот идиот тронет нас, он узнает, как мы, пожиратели макрели, можем давать сдачи... Я правильно говорю?

— Вы совершенно правы, отец, — сказал Элберт, все еще сжимая записку в кулаке. Он взглянул на нее, и под его моржовыми усами заиграла недобрая улыбка. — Совершенно правы.

5

К четверти одиннадцатого в это утро цифровое табло на фасаде банка показало температуру в Касл-Роке — семьдесят семь градусов. На дальнем конце Тин-бриджа не по сезону жаркое солнце пустило яркий лучик — дневную звездочку, — отразившийся от движущегося предмета в том месте, где шоссе № 117 выходило из-за горизонта и устремлялось к городу. Алан Пэнгборн сидел у себя в кабинете и просматривал доклады по делу об убийстве Джеррик — Кобб и не замечал отражения этой звездочки на металле и стекле. Впрочем, если бы он и заметил его, то вряд ли заинтересовался — в конце концов это был всего лишь движущийся к городу автомобиль. А между тем ослепительно яркий блеск хрома и стекла, мчащийся к мосту на скорости более семидесяти миль в час, нес с собой значительные перемены в судьбе Алана Пэнгборна, да и... всего города.

В дверном окошке «Самого необходимого» длиннопалая рука, вынырнувшая из рукава светло-коричневого спортивного пиджака, убрала табличку с надписью «ЗАКРЫТО ПО СЛУЧАЮ ДНЯ КОЛУМБА». Ее место заняла другая табличка. На ней было написано:

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК

6

Машина выжимала не меньше пятидесяти, когда пересекала мост, при въезде на который висел знак, ограничивающий скорость двадцатью пятью. На такой автомобиль старшекласники обычно взирают с восхищением и завистью: светло-зеленый «додж-челленджер» со вздернутым задом, отчего нос его почти зарывался в асфальт. Сквозь дымчатые стекла можно было с трудом разглядеть дугообразную решетку на роликах, идущую через крышу от переднего сиденья к заднему. Задний ее конец был заклеен плакатиком: ЛАНЬ, ЭКОНОМИЧНАЯ, ПРОЧНАЯ, УСТОЙЧИВАЯ В ТРЯСКЕ, БЛЕСТЯЩИЕ ФОРМЫ, СНАБЖЕНА ГИДРАВЛИКОЙ. Цилиндры довольно урчали на девяносто шестом бензине, который можно купить лишь на скоростном шоссе Оксфорд—Плейн, в северной части Портленда.

Машина замедлила ход на перекрестке Мейн- и Лаурел-стрит и с глухим скрипом покрышек въехала на одно из свободных парковочных мест перед парикмахерской. В этот момент в парикмахерской было пусто: Билл Фуллертон и его второй мастер Генри Джендрон сидели в креслах для клиентов под старыми рекламными щитами «Брилкрема» и «Лосьона из диких корешков» и читали одну на двоих утреннюю газету. Когда водитель выключил двигатель и рокот цилиндров заглох, они оба подняли глаза.

— Убойная штука. Я таких не видел, — сказал Генри.

— Угу, — кивнул Билл и потрогал большим и указательным пальцами нижнюю губу.

Они оба выжидательно следили за тем, как открывалась дверца водителя. Из темного нутра «челленджера» вынырнул поношенный черный сапог на шнуровке, а за ним вся нога, туго обтянутая линиялой штаниной. Мгновением позже на жаркий солнцепек вылез водитель, снял темные очки и, засовывая их в вырез своей майки, окинул окрестность ленивым презрительным взглядом.

— Ого, — произнес Генри, — похоже, нам выпала неудачная фишка.

Забыв про лежащую у него на коленях часть газеты со спортивной колонкой, Билл Фуллертон уставился на прибывшего со слегка отвисшей челюстью.

— Чтобы я так жил, — выдохнул он, — это же Эйс Меррилл.

— Какого черта он здесь забыл? — высокомерно буркнул Генри. — Я думал, он где-то там, в Меканик-Фоллс, и тамошним морочит мозги.

— Не знаю... — протянул Билл, снова дотрагиваясь пальцами до нижней губы. — Ты глянь на него! Весь уже серый, как крыса, а гадости в нем на двоих! Сколько ему лет?

Генри пожал плечами.

— За сорок, даже к пятидесяти — это точно. Да и кого волнует, сколько ему лет? Сколько бы ни было, а по мне, от него только беды и ждать.

Словно услышав, Эйс повернулся к стеклянной витрине и пренебрежительно-издевательски помахал им рукой. Оба дернулись и фыркнули с достоинством, точь-в-точь как парочка пожилых горничных, до которых дошло, что развязный свист, послышавшийся из-за дверей в холл, адресован им.

Эйс сунул руки в карманы своих вытертых джинсов «Лоу Райдере» и зашагал прочь — образец человека, которому принадлежит все время во Вселенной и которого ничто не колышет.

— Думаешь, стоит позвонить шерифу Пэнгборну? — спросил Генри.

Билли Фуллертон помолчал, снова потрогал свою нижнюю губу и в конце концов изрек:

— Он сам скоро узнает, что Эйс вернулся в город. Чего я буду ему трезвонить? Да и тебе тоже не стоит.

Они сидели и молча следили, как Эйс вышагивает по Мейн-стрит, пока он не скрылся из виду.

7

Никому бы и в голову не пришло, глядя, как Эйс Меррилл вышагивал по Мейн-стрит, что у этого человека огромные, просто отчаянные неприятности. Его трудности могли в какой-то мере сравниться разве что с проблемами Зануды Китона; Эйс задолжал кое-кому приличный кусок. Если быть точным, больше восьмидесяти тысяч. Но самое худшее, что могли сделать с Занудой его кредиторы, — это посадить за решетку. А вот если Эйс не вернет свой долг в самое ближайшее время, то есть к первому ноября, кредиторы вполне могут закопать его в землю.

Мальчишки, которых Эйс Меррилл когда-то держал в страхе — парни вроде Тедди Дачемпа, Криса Чамберса и Верна Тессио, — узнали бы его моментально, несмотря на поседевшие волосы. В те годы, когда Эйс работал на местной текстильной фабрике (она закрылась пять лет назад), все выглядело несколько иначе. В те дни его пороки ограничивались пристрастием к пиву и мелкими кражами. В результате первого он здорово набрал вес, а по поводу второго привлекал к себе пристальное внимание тогдашнего шерифа Джорджа Баннермзна. Потом Эйс открыл для себя кокаин.

Он бросил работу на фабрике, сбросил пятьдесят фунтов, занимаясь беготней — очень быстрой беготней, — и с помощью чудесного порошка докатился до ограбления. Его финансовое положение начало раскачиваться, как это бывает лишь у очень крупных торговцев на рынке акций и кокаиновых дельцов. Он мог начать месяц на нуле, а закончить его с пятьюдесятью или шестьюдесятью тысячами долларов, засунутыми под корни высохшей яблони за домом на Кренберри-Бог-роуд. Сегодня он заказывал обед из семи блюд «У Мориса», а завтра мог есть макароны с сыром всухомятку в кухоньке своего трейлера. Все зависело от цен на рынке и объема поставок, поскольку Эйс, как и большинство кокаиновых дельцов, сам был лучшим из своих клиентов.

Через год с небольшим после того, как обновленный Эйс — длинный, тонкий, седеющий наркоман-любитель, — выскочил из костюма мелкого воришки, в котором

пребывал с тех самых пор, как его пути со средним образованием разошлись, он повстречал кое-каких ребят из Коннектикута. Эти ребята торговали оружием, равно как и взрывными устройствами. Эйс моментально нашел с ними общий язык; как и он, братья Корсон сами были своими лучшими и выгоднейшими покупателями. Они предложили Эйсу что-то вроде льготного права на большой калибр по всей центральной части Мэна, и Эйс с радостью согласился. Деловым это согласие было не в большей степени, чем занятие кокаином — влечением души: если Эйс и любил что-то на свете, кроме автомобилей и белого порошка, так это было оружие.

Как-то раз, оказавшись на мели, он отправился повидаться со своим дядей, который давал займы половине города и, по слухам, купался в деньгах. Эйс не видел причин, почему бы он сам не мог подойти для подобной ссуды; он был молод (ну... сорок восемь... *относительно* молод), у него были перспективы и он состоял с Папашей в кровном родстве.

Однако его дядя смотрел на вещи совсем по-другому.

— Нет, — ответил ему Реджиналд Марион Меррилл — Папаша Меррилл. — Я знаю, откуда у тебя деньги, когда они у тебя *водятся*. От этого белого дерьма.

— Но, дядя Реджиналд...

— Можешь мне не дядькать, — перебил его Папаша. — У тебя и сейчас пятно от порошка под носом. Безалаберность. Парни, потребляющие это белое дерьмо и зарабатывающие на нем, всегда становятся безалаберными. А все безалаберные кончают тюрьмой. Да и то, если повезет. А если нет, они удобряют собой землю шести футов длиной и трех глубиной. А я не могу получить причитающийся мне долг с того, кто помер или отбывает срок. Иными словами, я не дал бы тебе и волоска со своей задницы.

Эта незадача случилась вскоре после того, как Алан Пэнгборн приступил к обязанностям шерифа округа Касл. И для начала прихватил Эйса с двумя его друзьями, когда они пытались вскрыть сейф Генри Бюфорта в конторе «Пьяного тигра». Это было прекрасное дело, прямо как из учебника, и Эйс очутился в Шоушэнкской тюрьме меньше чем через четыре месяца после того, как его предупредил об этом дядюшка. Обвинения в умышленном грабеже Эйсу удалось избежать, но все равно он получил прилично за взлом и вторжение в чужие владения в ночное время.

Вышел он весной 1989-го и переехал в Меканик-Фоллс. Ему пришлось отправиться на работу; управление скоростной дороги Оксфорд-Плейн участвовало в программе досрочного освобождения, и Джон Эйс Меррилл занял должность ремонтника и еще полставки дорожного механика.

Многие его дружки ошивались поблизости — не говоря уж о бывших клиентах, — и вскоре Эйс снова занялся старым делом, набивая себе новые шишки.

Он работал на скоростной дороге, пока не истек срок приговора, и уволился на следующий же день после формального окончания трудовой повинности. Раздался телефонный звонок от братьев Корсон из Данбери, штат Коннектикут, и вскоре он снова взялся за стреляющие железяки и боливийскую пудру.

Похоже, ставки, пока он сидел за решеткой, возросли; вместо винтовок, револьверов и пистолетов теперь он вел оживленную торговлю автоматическим и полуавтоматическим оружием. Вершины его бизнес достиг в июне нынешнего года, когда он продал наземную ракету «Тандерболт» какому-то заморскому клиенту с южноамериканским акцентом. Заморский гость уложил ракету, а потом заплатил Эйсу семнадцать тысяч долларов новенькими сотнями с идущими вразнобой серийными номерами.

— Что можно разнести такой штуковиной? — с некоторым восхищением спросил Эйс.

— Все, что угодно, *senor*, — без улыбки ответил иностранец.

А в июле все пошло прахом. Эйс до сих пор толком не понимал, как это могло случиться, и лишь сожалел, что не работал по кокаину, как и по оружию, с братьями Корсон. Он взял на продажу два фунта колумбийского порошка у одного парня в Портленде, расплатившись с помощью ссуды от Майка и Дейва Корсонов. Они вложили в дело около

восьмидесяти пяти штук. Порция такого зелья должна была стоить вдвое дороже — анализ показал высший класс. Эйс соображал, что восемьдесят пять штук — гораздо больший кусок, чем те, с которыми он раньше имел дело, но чувствовал себя уверенным и готовым к бою. В те дни главным лозунгом в жизни Эйса Меррилла было: «Нет проблем!» С тех пор многое изменилось. И здорово изменилось.

Начало положил звонок Дейва Корсона из Данбери, штат Коннектикут, спросившего, что, интересно, Эйс себе думает, пытаясь сбегать под видом кокаина питьевую соду. Парню из Портленда, что бы там ни показал анализ, удалось провести Эйса, и когда это дошло до Дейва Корсона, из его голоса исчезли дружеские нотки. Строго говоря, его голос стал совсем не дружелюбным.

Эйс мог сделать ноги. Вместо этого он собрал все свое мужество — а оно у него присутствовало, несмотря на возраст, — и отправился навестить братьев Корсон. Он изложил им свое понимание случившегося. Свои объяснения он давал в салоне автобуса «додж» с полом, застеленным ковром, с кроватью с подогревом и зеркалом на потолке. Он старался, чтобы его аргументы звучали крайне убедительно. Ему *пришлось* быть убедительным, поскольку автобус стоял в конце грязного тупика, в нескольких милях от Данбери, за рулем сидел черный малый по имени Тимми Каланча, а братья Корсоны, Майк и Дейв, держали Эйса под прицелом автоматических винтовок.

Пока Эйс говорил, он все время ловил себя на том, что в голове у него вертится предупреждение дяди перед налетом на «Пьяного тигра». *А все безалаберные кончают тюрьмой, да и то, если повезет. А если нет, они удобряют собой землю шестидесяти футов длиной и трех глубиной.* Что ж, в первой части Папаша был прав; Эйс намеревался использовать все свое красноречие, чтобы постараться избежать второй части. В могиле не действовали программы по досрочному освобождению.

Он был очень красноречив. И в какой-то момент произнес два магических слова: Дакки Морин.

— Ты купил эту туфту у Дакки ? — спросил Майк Корсон, широко вытаращив свои налитые кровью глаза. — Ты уверен, что это был он?

— Конечно, уверен, — ответил Эйс. — А что?

Братья Корсон переглянулись и начали смеяться. Эйс не знал, над чем они смеются, но все равно обрадовался. Это показалось ему хорошим знаком.

— Как он выглядел? — спросил Дейв Корсон.

— Он высокий... не такой, как этот, — Эйс ткнул пальцем в шофера, который раскачивался в такт музыке в наушниках, — но длинный. Он — канак. Но болтает не хуже нас. Носит маленькую золотую серьгу.

— Это пройдоха Даффи Дак, — кивнул Майк.

— По правде говоря, я и сам удивляюсь, как это никто до сих пор не примочил парня, — сказал Дейв Корсон, переглянувшись с братом, и они оба в недоумении покачали головами.

— Я думал, с ним все нормально, — сказал Эйс. — С Дакки всегда все было в порядке.

— Ты ведь был на отдыхе, верно? — спросил Майк Корсон.

— Маленький отпуск в отеле с зарешеченными окнами, — пояснил Дейв.

— Должно быть, ты еще не вернулся, когда Джим нарвался на пустышку, — сказал Майк. — С тех пор дела у него пошли из рук вон плохо.

— И теперь он любит крутить один и тот же маленький фокус, — добавил Дейв. — Знаешь, что такое «кусай-бери», а, Эйс?

Эйс поразмыслил немного и отрицательно помотал головой.

— Еще как знаешь, — сказал Дейв. — Ведь именно так тебе и прищемили задницу. Дакки показал тебе пакеты, набитые белым порошком. В одном был хороший кокаин, а в другом — дерьмо. Такое же, как ты сам, Эйс.

— Мы пробовали его! — воскликнул Эйс. — Я взял пакет наугад, и мы попробовали!

Майк и Дейв переглянулись с мрачными ухмылками.

— Они пробовали, — сказал Дейв Корсон.

— Он взял пакет наугад, — добавил Майк.

Оба подняли глаза кверху и переглянулись через зеркало на потолке.

— Ну? — спросил Эйс, переводя взгляд с одного брата на другого. Он был рад, что они знали, кто такой Дакки, обрадовался тому, что они поверили, что он не хотел их надуть, но в то же время он испытывал и огорчение. Они обращались с ним, как с шестеркой, а Эйс Меррилл ничьей шестеркой никогда не был.

— Что «ну»? — переспросил Майк Корсон. — Если бы ты не был уверен, что сам выбрал пакет, дело бы не выгорело, так? Дакки, как старый фокусник, крутит один и тот же заезженный трюк: «Выберите карту — любую карту». Слышал про такой, а, жопа?

Несмотря на их стволы, Эйс взъерился.

— Ты брось меня так называть, — буркнул он.

— Мы будем тебя называть как захотим, — сказал Дейв. — За тобой, Эйс, должок в восемьдесят пять кусков, а все, что мы имеем в залог бабок, это мешок говенной питьевой соды ценой в полтора доллара. Мы, если захотим, будем звать тебя Хуберт Ж. Полиз, понял?

Они снова переглянулись с братом и поняли друг друга без слов. Дейв встал, постучал Каланчу Тимми по плечу и дал ему свою винтовку. Потом Дейв и Майк вышли из автобуса, встали рядом возле зарослей сумаха на окраине какого-то фермерского уголья и долго о чем-то разговаривали. Эйс не знал, какие слова там произносятся, но прекрасно понимал, что происходит. Они решали, что с ним делать.

Он сидел на краешке кровати с подогревом, обливаясь потом, и ждал, когда они вернутся. Каланча Тимми развалился в командирском кресле Майка Корсона, наставив ствол на Эйса и покачивая головой в такт музыке в наушниках. Еле слышно до Эйса доносились голоса Марвина Гэя и Тамми Террела — новомодных рок-звезд, — исполняющих «Мою ошибку».

Наконец Майк и Дейв вернулись,

— Мы дадим тебе три месяца, чтобы расплатиться, — сказал Майк, и Эйс почувствовал дурноту от облегчения. — Сейчас мы больше хотим вернуть наши бабки, чем содрать с тебя шкуру. Но это еще не все.

— Мы хотим разобраться с Дакки Морином, — пояснил Дейв. — Он уже достаточно нагадил, и с него хватит.

— Парень бросает тень на всех нас, — добавил Майк.

— Мы думаем, ты сумеешь его отыскать, — сказал Дейв. — Не иначе он решит, что тот, кто окажется задницей один раз, так задницей навсегда и останется.

— У тебя есть какие-то возражения против этого, а, жопа? — Возражений у Эйса не было. Он был счастлив оттого, что доживет до следующего уик-энда.

— Последний срок — первое ноября, — сказал Дейв. — Ты возвращаешь нам наши деньги к первому ноября, и мы все отправляемся с визитом к Дакки. Если же нет, то мы поглядим, сколько можно наструтать из тебя кусочков, пока ты наконец не сдохнешь.

8

Когда случился весь этот конфуз, у Эйса было в запасе около дюжины стволов — автоматов и полуавтоматов, — большого калибра. Львиную часть своей трехмесячной отсрочки он потратил на попытки обратить это оружие в наличные деньги. Если бы ему это удалось, он сумел бы превратить наличность в кокаин. Когда необходимо обернуть большие бабки, лучшего средства, чем кокаин, просто не сыскать.

Но оружейный рынок переживал времена застоя. Ему удалось продать лишь половину своего запаса — не очень большого калибра. Во вторую неделю сентября он нашел многообещающего клиента в Рабочем клубе, в Люистоне. Клиент всеми возможными способами давал понять, что согласен приобрести по меньшей мере шесть, а может, и все десять автоматических стволов при условии, что предложение исходит от дилера с

надежным именем в оружейном бизнесе. Эйс мог выполнить это условие: имена братьев Корсон были одними из самых надежных среди торговцев оружием.

Эйс заскочил на минутку в грязный сортир, чтобы подзарядиться свежей дозой перед окончательным утверждением контракта. Он пребывал в радостной эйфории сродни той, что подвела нескольких американских президентов; ему казалось, что он видит свет в конце туннеля.

Он выложил из кармана рубашки на раковину маленькое зеркальце и стал вытряхивать на него кокаин, когда из соседней кабинки вдруг послышался голос. Эйс так никогда и не узнал, чей это был голос; он знал лишь, что обладатель этого голоса избавил его от пятнадцати лет строгого режима в федеральной тюрьме.

— Парень, с которым ты разговариваешь, увешан проводами, — произнес голос из соседней кабинки, и, выйдя из сортира, Эйс покинул заведение через заднюю дверь.

9

После этого провала (ему ни разу не пришло в голову, что его невидимый информатор мог просто подшутить над ним) Эйса охватила странного рода апатия. Он стал бояться предпринять хоть какой-либо шаг, кроме случайных покупок порошка для личного пользования. Никогда прежде он не испытывал ощущения такой безысходности. Он ненавидел это чувство, но просто ничего не мог с ним поделать. Первое, с чего он начинал каждый Божий день, — смотрел на календарь. Ноябрь стремительно летел ему навстречу.

В конце концов утром сегодняшнего дня он проснулся до рассвета с мыслью, мерцавшей перед ним странным голубым светом: ему надо ехать домой. Надо вернуться в Касл-Рок. Там его ждет ответ. Возвращение домой казалось единственно правильным решением, но... даже если оно и было неверным, вдруг смена декораций сможет помочь ему как-то преодолеть странный барьер, заклинивший рассудок. В Меканик-Фоллс он был просто Джоном Мерриллом, бывшим зеком, живущим с пластиковыми шторами на окнах и картонкой на двери. В Касл-Роке он всегда был Эйсом Мерриллом, великаном-людоедом из ночных кошмаров целого поколения ребятишек. В Меканик-Фоллс он был бедным белым бродягой — парнем, у которого есть обычный «додж», но нет даже гаража для него. В Касл-Роке он был когда-то, пусть недолгое время, кем-то вроде некоронованного короля.

Итак, ему надо во что бы то ни стало вернуться туда, и вот он здесь, и... что же теперь?

Этого Эйс не знал. Городок казался меньше, грязнее и еще безлюднее, чем он помнил его. Он полагал, что Пэнгборн крутится где-то поблизости и довольно скоро старик Билл Фуллертон позвонит ему и сообщит, кто вернулся в родные края. Пэнгборн отыщет его и спросит, что это он, интересно, тут делает. Он спросит, есть ли у Эйса работа. Работы у него не было, и он даже не мог сослаться на то, что приехал навестить своего дядюшку, поскольку Папаша Меррилл как на грех сидел в своей лавке, когда та выгорела дотла. «Ладно, Эйс, — скажет Пэнгборн, — тогда почему бы тебе не сесть в свою колымагу и не убраться отсюда подобру-поздорову?»

И что прикажете возразить на это?

Эйс не знал. Он знал лишь одно: та вспышка голубого света, с которой он пробудился сегодня, все еще мерцала где-то внутри его сознания.

Он увидел, что место, где стояла «Чего изволите», все еще оставалось незанятым. Там не было ничего, кроме сорной травы, обгорелых досок и осколков от старой вывески. В разбитом стекле отражались яркие слепящие лучи горячего солнца. Смотреть тут было не на что, но Эйсу все-таки захотелось взглянуть. Он начал переходить улицу и почти дошел до заветного пустыря, как внимание его привлек зеленый тент через два фасада. Сбоку на нем было написано:

САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ

Что за странное название для провинциального магазина? Эйс пошел к тенту — взглянуть на пустое место, где стояла раньше ловушка его дядюшки для туристов, он еще успеет; вряд ли кто-то на него позарится. Первое, что бросилось ему в глаза, это табличка с надписью:

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК

Он не обратил на нее внимания. Хотя он и сам не знал, зачем вернулся в Касл-Рок, но уж явно не для того, чтобы устроиться мальчишкой на побегушках.

На витрине лежало несколько классных штучек — из тех, что он с удовольствием прихватил бы с собой, случись ему наведаться ночью без приглашения в чей-нибудь богатый особняк. Шахматная доска с вырезанными фигурами-зверушками. Ожерелье из черного жемчуга — на вид оно показалось Эйсу дорогим, но он подумал, что жемчужины скорее всего искусственные. Ну, еще бы, кому в этом дерьмовом городишке будет по карману настоящий жемчуг? И тем не менее неплохая работа — выглядят как настоящие. И еще...

Сузившимися глазами Эйс взглянул на книгу за ожерельем. Она лежала так, что была хорошо видна ее обложка с силуэтами двух мужчин, стоящих в сумерках на какой-то грядке. Один держал в руках ломик, другой — лопату. Похоже, они рыли яму. Книга называлась «Затерянные и закопанные сокровища Новой Англии». Имя автора было напечатано под картинкой маленькими белыми буквами: Реджиналд Меррилл.

Эйс подошел к двери и подергал ручку. Она легко повернулась. Над головой у него звякнул колокольчик. Эйс Меррилл вошел в «Самое необходимое».

10

— Нет, — сказал Эйс, глядя на книгу, которую мистер Гонт достал с витрины и вложил ему в руки. — Это не та, что мне нужна. Вы, наверно, вытащили другую по ошибке.

— Уверяю вас, это единственная книга на витрине, — с легким удивлением произнес мистер Гонт. — Если вы мне не верите, взгляните сами.

Инстинктивно Эйс дернулся было к витрине, а потом, устало вздохнув, сказал:

— Да нет, все верно.

Книга, которую вручил ему владелец магазина, была «Остров сокровищ» Роберта Л. Стивенсона. Ясное дело — он все время думал о Папаше Меррилле и ошибся. Впрочем, главной ошибкой был его приезд в Касл-Рок. Какого хрена он, интересно, это сделал?

— Послушайте, у вас тут очень занятный магазинчик и все такое, но... мне уже пора двигаться. Я загляну как-нибудь в другой раз, мистер...

— Гонт, — подсказал владелец магазина, протягивая свою руку, — Лиланд Гонт.

Эйс протянул ему свою — и их руки встретились. Ему показалось, что в момент прикосновения его пронзила мощная гальваническая сила. Мозг снова наполнился голубым светом, на этот раз ровным и ослепительно ярким.

Он убрал руку, чувствуя дурноту и дрожь в коленях.

— Что это было? — прошептал он.

— По-моему, это называется «привлечение внимания», — спокойно произнес мистер Гонт. — Вы захотите обратить на меня внимание, мистер Меррилл.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? Я не называл вам свое имя.

— О, я знаю, кто вы такой, — коротко рассмеявшись, сказал мистер Гонт. — Я ждал вас.

— Как вы могли меня ждать? Я и сам не знал, что приеду, пока не сел за руль.

— Прошу прощения, одну минуточку. — Гонт шагнул к витрине, наклонился и поднял табличку, стоявшую у стены. Потом убрал с витрины табличку:

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК, а на ее место повесил:

ЗАКРЫТО ПО СЛУЧАЮ ДНЯ КОЛУМБА.

— Зачем вы это сделали? — спросил Эйс. Он чувствовал себя так, словно влез в колючую проволоку, через которую пропущен слабый электрический ток.

— Это обычная практика всех владельцев магазинов — снимать объявления о найме, когда свободные места уже заняты, — мрачновато пояснил мистер Гонт. — Мой бизнес в Касл-Роке разросся, его масштаб теперь меня вполне удовлетворяет, но мне нужна еще одна крепкая спина и лишняя пара рук. Я теперь стал так быстро уставать.

— Эй, но я не...

— Еще мне нужен шофер, — продолжал мистер Гонт. — Вождение, я полагаю, ваше основное искусство. Итак, первая ваша работа, Эйс, это поездка в Бостон. Там у меня в гараже стоит автомобиль. Он вам понравится — это «такер».

— «Такер»? — На мгновение Эйс совсем забыл, что он приехал в городок вовсе не за тем, чтобы наниматься мальчишкой на побегушках... равно как и шофером. — Вы хотите сказать, как в том фильме, ну, про...

— Не совсем, — ответил мистер Гонт. Он зашел за прилавок, на котором стоял старомодный кассовый аппарат, достал из кармана ключ и открыл ящик под кассой. Оттуда он вынул два маленьких конверта — один положил на прилавок, а другой протянул Эйсу. — Кое-что в нем усовершенствовано. Вот ключи.

— Эй, постойте... Одну минуту! Я же сказал вам...

Глаза мистера Гонта были какого-то странного цвета — Эйс никак не мог разобрать какого, но, когда они потемнели, а потом, сверкнув, вперились в него, Эйс почувствовал, как у него снова подгибаются колени.

— Ты по уши в дерьме, Эйс, и если ты не перестанешь вести себя как страус, спрятавший голову в песок, я, пожалуй, утрачу интерес и не стану тебе помогать. Помощников для магазина везде навалом — по десять центов за дюжину. Можешь мне поверить. Уж я-то знаю. За годы я нанимал их сотни. Может быть, тысячи. Так что перестань выпендриваться и *бери ключи*.

Эйс взял маленький конверт. Когда кончики его пальцев коснулись руки мистера Гонта, Мерилла снова ослепила вспышка голубого света. Он застонал.

— Вы поедете на своей машине по тому адресу, который я вам дам, — сказал мистер Гонт, — и оставите ее там, где сейчас стоит мой автомобиль. Я буду ждать вас здесь самое позднее к полуночи. Думаю, в действительности вы приедете гораздо раньше. — Он обнажил в ухмылке все свои зубы. — Моя машина гораздо быстрее, чем можно судить по ее внешнему виду.

— Послушайте, мистер... — попробовал снова возразить Эйс.

— Гонт.

Эйс кивнул, как дергает головой кукла на веревочке, которой управляет не очень искусный артист.

— При других обстоятельствах я бы, наверно, согласился. Вы... интересный человек. — Это было не совсем то слово, которое он хотел произнести, но единственное пришедшее ему на ум в данный момент. — Но в одном вы правы: я действительно очутился в дерьме, и если за две недели мне не удастся раздобыть солидный куш наличными...

— Ну а как насчет книги? — спросил мистер Гонт удивленным и вместе с тем ободряющим тоном. — Разве вы не из-за нее вошли сюда?

— Но она оказалась не той, что я...

Он сообразил, что все еще держит книгу в руках, и опустил взгляд. Картинка оставалась прежней, но надпись на титульном листе снова поменялась на ту, которую он видел в витрине: «Реджиналд Меррилл. Затерянные и закопанные сокровища Новой Англии».

— Что это?.. — глухо пробормотал он и вдруг все понял. Он был совсем не в Касл-Роке: он валялся у себя дома, в Меканик-Фоллс, на грязной постели, и все это ему снится.

— По-моему, похоже на книгу, — сказал мистер Гонт. — А кстати, разве вашего покойного дядюшку звали не Реджиналдом Мерриллом? Любопытное совпадение.

— Мой дядя в жизни не писал ничего, кроме чеков и налоговых деклараций, — произнес Эйс все тем же глухим, сонным голосом. Он перевел взгляд на Гонта и почувствовал, что уже не в силах отвести от него глаз. Глаза Гонта меняли свой цвет: голубые... серые... темные... карие... черные.

— Ну, допустим, — признал мистер Гонт. — Допустим, имя на обложке — просто псевдоним. Возможно, данный том написал я сам.

— Вы?

Мистер Гонт подпер пальцами подбородок.

— Возможно, это вовсе даже и не книга. Может быть, все по-настоящему необычные вещи, которые я продаю, совсем не то, чем они кажутся. Что, если они все на самом деле невзрачные штуковины с одним-единственным замечательным свойством — способностью принимать формы предметов, о которых мечтают во сне мужчины и женщины? — Он помолчал и задумчиво добавил: — Может быть, они сами — лишь мечты...

— Ни черта не понимаю...

— Я знаю, — улыбнулся мистер Гонт. — Это не важно. Скажите, Эйс, если бы ваш дядюшка *написал* книгу, разве не могла бы она кое-что порассказать о закопанных сокровищах? Не думаете ли вы, что сокровища — схороненные ли в земле или в карманах его приятелей, — старика сильно занимали?

— Деньги он любил, это верно, — мрачно произнес Эйс.

— Ну и что же с ними случилось?! — воскликнул мистер Гонт. — Он оставил сколько-нибудь вам? Ну, разумеется, оставил: разве вы не единственный его родственник?

— Он не оставил мне ни одного сраного цента! — яростно рявкнул Эйс. — Все в городе твердят, что старый ублюдок не потратил самый свой первый заработанный грош, но, когда он сдох, на банковском счету у него было меньше четырех тысяч долларов. Все они ушли на его же похороны и расчистку той свалки, которую он после себя оставил. А знаете, что нашли в его банковском сейфе, когда тот вскрыли?

— Да, — сказал мистер Гонт, и хотя губы его сохраняли серьезное, даже сочувственное выражение, глаза смеялись. — Купоны. Шесть купонов «Плейд» и четырнадцать — с «Голд Бонд».

— Точно! — фыркнул Эйс и мрачно взглянул на «Затерянные и закопанные сокровища Новой Англии». Ощущение какой-то неловкости и сонной прострации на время отступило под натиском ярости. — И знаете что? «Голд Бонд» теперь даже не спихнешь. Компания больше не существует. Все в Касл-Роке его боялись — даже я немного побаивался его, — и все были уверены, что он богат, как Скрудж, мать его, но он умер нищим.

— А может быть, он просто не доверял банкам, — предположил мистер Гонт. — Может быть, он закопал свои сокровища. Как вы думаете, такое возможно, а, Эйс?

Эйс открыл рот. Снова закрыл его. Открыл. Снова закрыл.

— Прекратите, — сказал мистер Гонт. — Так вы похожи на рыбу в аквариуме.

Эйс взглянул на книгу, которую держал в руках. Он положил ее на прилавок и пролистал страницы с мелким шрифтом. Вдруг что-то выпало оттуда — большой, неровно сложенный кусок коричневой бумаги. Он тут же узнал его; кусок был когда-то оторван от пакета из «Хемпхилл-маркета». Еще мальчишкой он часто видел, как его дядя отрывал кусочек коричневой бумаги вроде этого от одного из пакетов, которые держал под своим древним кассовым аппаратом. Сколько раз он смотрел, как дядя пишет какие-то цифры на таком клочке...

Дрожащими руками он развернул лист.

Перед ним была карта — это ясно, но поначалу он ничего не мог разобрать там. Казалось, это просто бессмысленный набор линий, волнистых черточек и кружков.

— Какого хрена?..

— Вам сейчас нужно немного собраться — прочистить мозги, только и всего, — сказал

мистер Гонт. — Вот это поможет.

Эйс поднял глаза. Мистер Гонт положил на стеклянную поверхность прилавка, рядом с кассовым аппаратом, маленькое зеркальце в узорчатой серебряной оправе. Потом открыл второй конверт из тех двух, что вытащил из ящика под кассой, и высыпал из него на зеркальце приличную порцию кокаина. На искушенный глаз Эйса порошок был отменного качества; свет от лампочки над прилавком засверкал тысячами искорок на ослепительно белых снежинках.

— Вот это да, мистер! — Ноздри у Эйса затрепетали от нетерпения. — Колумбийский?

— Нет, это специальная смесь, — ответил мистер Гонт. — Из Долины Лэнга. — Он достал из кармана своего коричневого пиджака золотой ножичек для разрезания бумаги и стал аккуратно сгребать порошок в длинную ровную полоску.

— Где это?

— Там, за горами. Далеко-далеко, — ответил мистер Гонт, не поднимая глаз. — Не задавай лишних вопросов, Эйс. Те, кто в долгах, должны просто радоваться хорошим вещам, встречающимся на их пути.

Он убрал ножичек обратно в карман, достал оттуда же коротенькую стеклянную соломинку и вручил ее Эйсу.

— Угощайся.

Соломинка оказалась на удивление тяжелой — явно не стекло, а какая-то порода горного хрусталя, подумал Эйс. Он склонился над зеркальцем, а потом заколебался. А что, если у старика СПИД или что-то в этом роде?

Не задавай лишних вопросов, Эйс. Те, кто в долгах, должны просто радоваться хорошим вещам, встречающимся на их пути.

— Аминь, — произнес он вслух и втянул носом порошок. Голова у него наполнилась тем слабым бананово-лимонным привкусом, которым обладает кокаин лишь очень высокого класса. Порошок был мягкий, но очень сильный. Эйс почувствовал, как учащенно забилось его сердце. И в то же время мысли обрели резкость и остроту и стали ясными, как хромированная поверхность. Он вспомнил, как один малый кое-что говорил ему вскоре после того, как он запал на это дело: «Когда принимаешь дозу, у вещей становится больше названий. Гораздо больше названий».

Тогда он не понял, но теперь, кажется, понимал.

Он протянул соломинку Гонту, но тот отрицательно покачал головой.

— Раньше пяти — никогда, — сказал он, — но ты угощайся, Эйс.

— Спасибо, — кивнул Эйс.

Он снова взглянул на карту и обнаружил, что теперь может легко прочитать ее. Две параллельные линии с крестиком между ними явно обозначали Тин-бридж, и стоило врубиться в это, все остальное тут же вставало на свои места. Волнистая линия, идущая через параллельные, через крестики и к самому верху бумаги, обозначала шоссе № 117. Маленький кружок с большим кругом позади — ферма Гэвинекс: большим кругом отмечен коровник. Все совпадало. Все засверкало простотой и ясностью, как горстка классного порошка, которую этот унылый пижон вытряхнул из маленького конверта.

Эйс снова склонился над зеркальцем.

— Заряжай — пли, — пробормотал он и втянул еще горстку. — Бах! Бах! Господи, ну и сильна же дрянь, — слабым голосом произнес он.

— Сильная дрянь, — мрачно согласился мистер Гонт.

Эйс вскинул голову — ему вдруг показалось, что пижон

смеется над ним, но лицо мистера Гонта было спокойным и безмятежным, и Эйс снова склонился над картой.

Теперь его внимание привлекли другие крестики. Их было семь... хотя нет, восемь. Один из них оказался на пустой заболоченной земле, принадлежащей старику Треблхорну, но... старик Треблхорн уже давно покоился в могиле, и не было ли как-то раз разговора о том, что дяде Реджиналду отошла большая часть его земли в уплату за какой-то должок?

А вот и еще один — на краю заповедника, по другую сторону Касл-Вью, если он правильно все понял. Еще два — на городской дороге № 3, возле кружка, вероятно, обозначающего землю старика Джо Кембера, ферму Семи Дубов. Два следующих — на земле, принадлежащей, по всей видимости, Даймонду Мэтчу, на западном берегу Касл-Лейка.

Эйс уставился на Гонта вытаращенными, налитыми кровью глазами.

— Он что, закопал свои деньги? И на это указывают крестики? Это и есть места, где он закопал свои бабки?

Мистер Гонт элегантно пожал плечами.

— Понятия не имею. Это кажется логичным, но зачастую логика не имеет ничего общего с людскими поступками.

— Но это *может быть*, — сказал Эйс. Он жутко завелся от возбуждения и большой дозы кокаина; мышцы его рук и живота взрывались так, словно их хлестали медной проволокой. Изможденное лицо, усеянное мальчишескими прыщиками, залила краска. — Это *возможно*! Все эти места, отмеченные крестиками... Вся эта земля могла принадлежать Папаше! Вы понимаете? Он мог заложить эту землю по слепой доверенности, или как там она, мать ее, называется... чтобы никто не мог ее купить... и никто не смог отыскать то, что он там спрятал.

Он втянул в себя остаток кокаина с зеркальца и перегнулся через прилавок. Его вытаращенные, налитые кровью глаза засверкали безумным блеском.

— Я мог бы не просто выбраться из дерьма, — произнес он еле слышным прерывающимся шепотом. — Я мог бы стать дико богатым.

— Да, — сказал мистер Гонт. — Я бы сказал, это вполне вероятно. Но не забывай про вот это, Эйс, — и он ткнул большим пальцем в стену позади себя, где висела табличка с надписью:

CAVEAT EMPTOR

Эйс взглянул на табличку.

— Что это значит? — спросил он.

— Это значит, что ты не первый, кто поверил, что отыскал в старой книге ключ к огромному богатству, — сказал мистер Гонт. — И еще это значит, что мне по-прежнему нужен помощник в магазине и шофер.

Эйс недоумевающе поглядел на него, а потом рассмеялся.

— Вы шутите? — Он ткнул пальцем в карту. — Мне придется черт те сколько копать.

Мистер Гонт с сожалением вздохнул, сложил пополам кусок коричневой бумаги, сунул его обратно в книгу и спрятал книгу в ящик под кассовым аппаратом. Все это он проделал с невероятной быстротой.

— Эй! — заорал Эйс. — Что вы делаете?

— Я как раз вспомнил, что книга уже обещана другому клиенту, мистер Меррилл. Прощу извинить меня. И, кстати, магазин ведь закрыт — День Колумба, знаете ли...

— Подождите минутку!

— Разумеется, если бы вы соизволили принять мое предложение, можно было бы что-нибудь придумать. Но я понимаю, вы очень заняты; вам, несомненно, нужно привести в порядок все ваши дела, прежде чем братья Корсон превратят вас в мясной фарш.

Рот у Эйса опять стал беззвучно открываться и закрываться. Он старался припомнить, где стояли маленькие крестики, и понял, что не в состоянии этого сделать. В его воспаленном, расстроенном рассудке все они, казалось, слились в один огромный крест... в крест наподобие кладбищенского.

— Ладно! — закричал он. — Ладно, я возьмусь за эту сраную работу!

— В таком случае, полагаю, эта книга все-таки продается, — сказал мистер Гонт, вытащил книгу из ящика и проверил, на месте ли коричневый листок. — Она стоит полтора

доллара. — Его зубы обнажились в широкой акульей усмешке. — А со скидкой для служащего магазина — один доллар тридцать пять центов.

Эйс вытащил бумажник из заднего кармана брюк, уронил его и чуть не разбил себе голову о край стеклянного стенда, наклонясь, чтобы поднять бумажник с пола.

— Но у меня должно быть какое-то свободное время, — сказал он.

— Естественно.

— Ведь мне в самом деле придется как следует покопать.

— Конечно.

— Времени у меня мало.

— Весьма мудро с вашей стороны помнить об этом.

— Как насчет сегодняшней ночи? Когда я вернусь из Бостона?

— А вы не устанете?

— Мистер Гонт, я не могу сейчас позволить себе уставать.

— Тут я, возможно, сумею вам помочь, — сказал мистер Гонт. Улыбка его стала шире, и зубы обнажились как на черепе. — Я хочу сказать, быть может, у меня найдется для вас небольшой «взбодри меня».

— Что? — Глаза Эйса полезли на лоб. — Что вы сказали?

— Простите?

— Да нет, ничего, — смешался Эйс, — не обращайтесь внимания.

— Хорошо... Ключи, которые я вам дал, у вас?

Эйс с удивлением обнаружил, что еще раньше сунул конверт с ключами себе в карман.

— Хорошо. — Мистер Гонт выбил на своем старом кассовом аппарате чек на доллар тридцать пять центов, взял пятидолларовую бумажку, которую Эйс положил на прилавок, и отсчитал три доллара и шестьдесят пять центов сдачи. Эйс взял сдачу и словно во сне сунул ее в карман.

— А теперь, Эйс, — сказал мистер Гонт, — позвольте мне дать вам несколько указаний. И помните, что я вам говорил: мне нужно, чтобы вы вернулись к полуночи. Если вы к полуночи не возвратитесь, я буду огорчен. Когда я огорчаюсь, я иногда бываю сердит. А когда это случается, лучше держаться от меня подальше.

— Рвете и мечете? — усмехнулся Эйс.

— Да, — сказал мистер Гонт, подняв взгляд, и усмешка его осветилась такой свирепой жестокостью, что Эйс сделал шаг назад. — Именно это я и делаю, Эйс. Рву и мечу. В самом деле. А теперь слушайте внимательно.

И Эйс стал внимательно слушать.

11

Было без четверти одиннадцать, и Алан уже собирался заехать к Нэнси, чтобы наскоро выпить чашку кофе, когда его вызвала Шейла Бригем. На первой линии Сонни Джакетт, сказала она, и он настаивает, чтобы его соединили с шерифом.

Алан включил телефон.

— Привет, Сонни. Чем могу помочь?

— Тут такое дело... — начал Сонни со своим ужасным восточным акцентом. — Страшно не хочется добавлять вам неприятностей после вчерашней двойной порции, шериф, но, похоже, ваш старый знакомый снова замаячил в городе.

— Кто именно?

— Эйс Меррилл. Его машина стоит прямо на улице.

«О, черт, кто следующий», — подумал Алан и спросил:

— Ты его видел?

— Не-а, но его «тачку» ни с чем не спутаешь. Темно-зеленый «додж-челленджер» — ребяташки называют его шомполом. Я видел такие в Долинах.

— Ладно, спасибо, Сонни.

— Не за что... Как по-вашему, Алан, зачем этот сопляк вернулся в Касл-Рок?
— Не знаю, — сказал Алан и, отключив телефон, подумал: но выяснить стоит, и побыстрей.

12

Рядом с зеленым «челленджером» оставалось свободное место. Алан втиснул туда патрульную машину №1, вылез и увидел Билла Фуллертон и Генри Джендрона, с интересом глядящих на него из витрины парикмахерской. Он приветственно махнул им рукой. Генри указал на другую сторону улицы. Алан кивнул и перешел дорогу. Вчера Уилма Джерзик и Нетти Кобб убивают одна другую на углу, а сегодня объявляется Эйс Меррилл, подумал он. Похоже, этот город превращается в «Цирк Барнума и Бейли»¹⁴.

Ступив на тротуар на противоположной стороне улицы, он сразу увидел Эйса, фланирующей походкой выскользнувшего из-под зеленого тента «Самого необходимого». Тот что-то держал в одной руке. Поначалу Алан не мог разобраться, что именно, но когда Эйс подошел поближе, Алан решил, что зрение обманывает его; он просто не мог поверить собственным глазам. Эйс Меррилл был вовсе не тем парнем, которого можно было встретить с книжкой в руках.

Они встретились перед пустырем, где когда-то стояла «Чего изволите».

— Привет, Эйс, — сказал Алан.

Эйс при виде шерифа, казалось, ничуть не удивился. Он вытащил темные очки из выреза майки, встряхнул их, держа за одну дужку, и нацепил на нос.

— Так-так-так... Как жизнь, начальник?

— Что ты делаешь в Касл-Роке, Эйс? — небрежно спросил Алан.

С преувеличенным интересом Эйс поглядел на небо. Тусклые отблески света мелькнули в линзах его темных очков.

— Хороший денек для прогулки, — сказал он. — Совсем летний.

— Чудесный, — согласился Алан. — У тебя есть права, Эйс?

— Как же я ездил бы, не будь у меня прав? — недоуменно возразил Эйс. — Ведь это было бы незаконно, верно?

— Вряд ли это ответ на мой вопрос.

— Я заново сдал на права, как только мне вернули мою розовенькую ксиву, — сказал Эйс. — И мои права в полном порядке. Ну как, начальник, это можно считать ответом?

— Пожалуй, я проверю это сам. — С этими словами Алан протянул руку.

— Да вы мне что же, не доверяете?! — воскликнул Эйс все с теми же поддразнивающими нотками в голосе, но Алан услышал за ними злобу.

— Ну, давай спешим это на то, что я родом с Миссури.

Эйс переложил книгу в левую руку, чтобы правой вытащить бумажник, и Алан как следует рассмотрел обложку. Это был «Остров сокровищ» Роберта Л. Стивенсона.

Права оказались в полном порядке.

— Документы на машину у меня в «бардачке» — можете взглянуть, если вам не лень перейти улицу, — сказал Эйс. Алан еще отчетливее уловил злобу в его голосе. И застарелую неприязнь.

— Пожалуй, я поверю тебе на слово, Эйс. Почему ты не хочешь сказать, зачем на самом деле вернулся в город?

— Я приехал поглядеть вот на *это*. — Эйс указал на пустырь. — Сам не знаю зачем, но вот я здесь. Вряд ли вы мне поверите, но тем не менее это правда.

Как ни странно, Алан поверил ему.

¹⁴ Барнум и Бейли — американские предприниматели, устроители цирка и дешевоых балаганов (1871). «Цирк Барнума и Бейли» олицетворяет собой, с одной стороны, успех в шоу-бизнесе, а с другой — нагромождение нелепых трюков.

— Я вижу, ты еще купил книгу.
— Я умею читать, — сказал Эйс. — Хотя вы и в это вряд ли поверите.
— Ну-ну, — Алан засунул большие пальцы за пояс. — Значит, поглядел на пустышку и купил книжку.

— Надо же, парень — поэт, и сам того не знает.
— Ну почему же, знаю. Это хорошо, что ты мне напомнил, Эйс. А теперь, я надеюсь, ты выкатишься из города, правда?

— А если нет? Тогда вы наверняка найдете, что пришить мне? Скажите, шериф Пэнгборн, слово «реабилитация» есть в вашем словаре?

— Есть, — сказал Алан, — но к Эйсу Мэррилли это слово не относится.

— Не стоит давить на меня, приятель.

— Я и не давлю. Когда начну, ты сразу поймешь.

Эйс снял свои темные очки.

— Вы, легавые, никогда не отстанете, верно? Вы никогда... мать вашу... не отстанете.

Алан промолчал.

В следующее мгновение к Эйсу, похоже, вернулась его выдержка. Он снова надел темные очки.

— Знаете, — сказал он, — думаю, я уеду. У меня есть, куда ехать, и полно дел.

— Это хорошо. Занятые руки — счастливые руки.

— Но если я захочу вернуться, я вернусь. Слышите *меня*?

— Я слышу, Эйс, и могу тебя заверить, что это будет не самый разумный твой поступок. Слышишь *меня*?

— Вы меня не пугайте.

— Если я тебя не пугаю, — сказал Алан, — то ты еще тупее, чем я думал.

Эйс секунду глядел на Алана сквозь темные очки, а потом рассмеялся. Алан не придал значения тому, как прозвучал этот смех — он был странным и вызывал мурашки. Алан стоял и смотрел, как Эйс своей расхлябанной походкой пересекает улицу, открывает дверцу своей машины и садится в нее. Через секунду мотор взревел, из глушителя вырвалось выхлопное облачко. Прохожие остановились поглазеть.

Такой глушитель запрещен, подумал Алан. Стеклопая трубка. Я могу штрафануть его за это.

Но какой в том прок? Есть рыбка покрупнее, чем Эйс Меррилл, который к тому же уезжает из города — на сей раз, будем надеяться, навсегда.

Он проводил глазами зеленый «челленджер», развернувшийся в неположенном месте на Мейн-стрит и ринувшийся в обратном направлении — к Касл-Стрим и городской окраине. Потом повернулся и окинул задумчивым взглядом зеленый тент. Эйс вернулся в родной город и купил книжку, а именно: «Остров сокровищ». Купил он ее в «Самом необходимом».

«А я полагал, магазин сегодня закрыт, — подумал Алан. — Разве так не было написано на табличке?»

Он прошелся по улице и остановился перед «Самым необходимым». Насчет таблички он не ошибся; она гласила:

ЗАКРЫТО ПО СЛУЧАЮ ДНЯ КОЛУМБА

«Если он впустил Эйса, может, впустит и меня?» — подумал Алан и поднял кулак, чтобы постучать в дверь. Но прежде чем он успел опустить его, включилась электронная пищалка радиотелефона, пристегнутая к его поясу. Алан нажал на кнопку, отключающую ненавистное устройство, и еще мгновение нерешительно потоптался перед дверью в магазин, но... на самом деле он уже знал, что ему придется делать. Если вы юрист или бизнесмен, то, наверно, можете позволить себе не обращать внимания на пищалку какое-то время, но если вы окружной шериф — причем не назначенный, а выбранный, — это отпадает.

Алан пересек тротуар, помедлил, а потом быстро обернулся. Он чувствовал себя в роли

водящего в игре «Красный свет» — того, кто должен ловить других игроков, в движении, чтобы заставить начать все заново. К нему вернулось ощущение, будто за ним наблюдают, причем ощущение очень сильное. Он был уверен, что заметит испуганное колыхание занавески на дверном стекле с внутренней стороны.

Но ничего этого не произошло. Магазин по-прежнему дремал на необычно жарком октябрьском солнцепеке, и если бы Алан не видел своими глазами, как оттуда выходил Эйс, он мог бы поклясться независимо от своих ощущений, что магазин пуст.

Он подошел к своей патрульной машине, достал микрофон и включил его.

— Звонил Генри Пейтон, — сообщила ему Шейла. — Он уже получил предварительные доклады по Нетти Кобб и Уилме Джерзик от Генри Райана — прием?

— Понял. Прием.

— Генри сказал, если вы хотите, чтобы он сообщил вам основные моменты, он будет у себя примерно до полудня. Прием.

— Ладно. Я сейчас на Мейн-стрит. Скоро буду. Прием.

— Угу. Алан?

— Да?

— Генри еще спросил, поставим ли мы у себя факс в этом веке, чтобы он мог просто посылать копии таких отчетов, а не названивать каждый раз и читать их вам по телефону. Прием.

— Скажи ему, пускай напишет письмо главному выборному, — сердито буркнул Алан. — Не я составляю бюджет, и ему это прекрасно известно.

— Ну, зачем кипятиться? Я же просто передаю, что он сказал. Прием.

Однако Алану показалось, что Шейла сама слегка раскипятилась.

— Конец связи, — сказал он, сел в машину и повесил микрофон на место.

Он глянул на здание банка и засек на большом цифровом табло время — десять пятьдесят и температуру — восемьдесят два градуса. «Господи, — подумал он, — как же нам это нехстати. Все в городе и без того накалены».

Погрузившись в задумчивость, Алан медленно ехал обратно к зданию муниципалитета. Он никак не мог стряхнуть с себя ощущение, будто что-то происходит в Касл-Роке — что-то на грани выхода из-под контроля. Это, конечно, было бредом — полным безумием, — но все равно он не мог выбросить этого из головы.

Глава 13

1

Занятий в городских школах в праздник не было, но даже если бы и были, Брайан Раск все равно остался бы дома. Брайан заболел. Болезнь была не физической: не корь, не краснуха и не скарлатина — самая тяжелая и изнурительная из всех детских недугов. Не была она и душевной — она задевала рассудок, это да, но это было похоже на что-то вроде побочного эффекта. Та его часть, которую поразила болезнь, находилась глубже, чем разум; какая-то неотъемлемая часть организма, не доступная ни докторским иголкам, ни микроскопам, ни рентгеновским лучам, стала серой и больной. Он всегда был веселым мальчиком — из тех, кого называют ясным солнышком, но теперь это солнышко закатилось, спряталось за тяжелой громадой серых туч, которая продолжала расти.

Тучи начали сгущаться в тот самый полдень, когда он бросил грязь на простыни Уилмы Джерзик; они сгустились еще больше, когда мистер Гонт явился к нему во сне в костюме гробовщика и сказал, что он, Брайан, еще не расплатился за Сэнди Кауфакса, но... Затмение не стало полным и абсолютным, пока он не спустился к завтраку нынешним утром.

Его отец сидел за кухонным столом в серой стеганой куртке, которую он носил в компании «Дик Перри — двери и отделочные работы» в Саут-Пэрисе, с лежащей перед ним раскрытой портлендской «Пресс геральд».

— Чертовы «Патриоты», — буркнул он, не отрываясь от газеты. — Когда они наконец возьмут себе защитника, чтоб уметь обращаться с мячом?

— Не чертыхайся при мальчиках, — сказала Кора, стоя у плиты, но не своим обычным раздраженным и резким тоном; голос ее звучал как-то отрешенно и словно издалека.

Брайан плюхнулся на свой стул и налил молока в кукурузные хлопья.

— Эй, Брай, — весело произнес Шон, — сходим сегодня в центр? Поиграем в видеоигры, а?

— Может быть, — сказал Брайан. — Наверно... — Но тут ему бросился в глаза заголовок на первой странице газеты, и он замолк на полуслове.

«СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА В КАСЛ-РОКЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ ГИБЕЛЬЮ ДВУХ ЖЕНЩИН

«Это была дуэль», — утверждает полиция штата».

Ниже были помещены фотографии обеих. Брайан узнал их. Одна была Нетти Кобб, жившая за углом, на Форд-стрит. Мать называла ее психованной, но Брайану она всегда казалась совершенно нормальной. Он несколько раз останавливался, чтобы приласкать ее песика, когда она выводила того на прогулку, и, на его взгляд, она ничем не отличалась от всех остальных соседей.

Вторая женщина была Уилма Джерзик.

Он уткнулся в свою тарелку, но так ничего и не съел. Когда отец ушел на работу, Брайан сгреб размокшие в молоке хлопья в мусорную корзину и поплелся наверх, в свою комнату. Он ждал, что мать пойдет следом за ним и примется ворчать — как это можно выбрасывать хорошую еду, когда в Африке голодает столько детей (она, похоже, считает, что мысль о голодающих детях может улучшить аппетит), но она осталась на кухне; этим утром она, казалось, витала где-то в своем собственном мире.

А вот Шон уже был тут как тут и, как обычно, стал приставать к нему:

— Ну так что, Брай? Хочешь сходить в центр? Хочешь? — Он почти приплясывал, переминаясь с ноги на ногу от распиравшего его возбуждения. — Мы можем сыграть в видеоигры или наведаться в тот новый магазин, где на витрине такие забавные...

— Убирайся отсюда! — заорал Брайан так, что его маленький братишка в испуге отшатнулся, а на лице его отразились страх и горькая обида.

— Эй, — позвал Брайан, — прости меня. Только запомни, Шон, ты не должен туда заходить. Это место... засасывает, как вонючее болото.

Нижняя губа у Шона подрагивала.

— А Кевин Пелки говорит...

— Кому ты больше веришь? Этой мокрице или своему старшему брату? Это нехорошее место, Шон. Оно... — Он облизнул пересохшие губы и выговорил то, что считал чистой правдой: — Оно плохое.

— Что с тобой случилось? — полным слез и ярости голосом спросил Шон. — Ты весь уик-энд как психованный! И мама тоже!

— Я неважно себя чувствую, вот и все.

— Ну, тогда... — Шон задумался, а потом просветлел: — Может, от видеоигр тебе станет лучше. Мы можем поиграть в «леталки», Брай! Там есть «леталки»! Ты сидишь прямо внутри, а она качается взад-вперед! Классная штука!

Брайан быстро обдумал предложение брата, но... нет. Он не мог отправиться в видеотеку сегодня. Сегодня — нет. А может, и вообще никогда. Там будут все ребята — сегодня, наверно, придется стоять в очереди, чтобы поиграть в хорошие игры вроде «леталок», — но теперь он уже не такой, как все остальные, и, может быть, уже никогда не будет таким.

В конце концов, это у него был вкладыш 1956 года с Сэнди Кауфаксом.

И все-таки ему хотелось сделать что-нибудь приятное для Шона, для кого угодно, чтобы хоть как-то сгладить тот чудовищный поступок, который он совершил с Уилмой Джерзик. Поэтому он сказал Шону, что, если ему захочется сыграть в видеоигры днем, он

может сейчас взять несколько четвертаков.

Брайан сам вытряс их из большой пластиковой бутылки из-под колы.

— Елки-палки! — проговорил Шон, и глаза его стали круглыми. — Здесь восемь... девять... десять монет! Ты, наверно, и в самом деле заболел!

— Да, похоже. Развлекайся на здоровье, Шон. И не говори маме, а то она заставит тебя положить их обратно.

— Она у себя в комнате, вертится в этих темных очках, — сказал Шон. — Она даже не знает, живы мы с тобой или нет. Противные они... От них мурашки бегают. — Он пристальнее взгляделся в Брайана. — Брай, а ты и в самом деле неважно выглядишь.

— Я и чувствую себя не ахти, — признался Брайан. — Пожалуй, прилягу.

— Ну... Я подожду тебя немного. Может, тебе станет лучше. Посмотрю мультики по пятьдесят шестому каналу. Если полетает, спускайся. — Шон тряхнул зажатými в кулаке монетками.

— Спускаюсь, — пообещал Брайан и тихо прикрыл дверь, когда его маленький братишка вышел из комнаты.

Но ему не полегчало. В течение дня он чувствовал себя все хуже и хуже (пасмурнее). Он думал о мистере Гонте. Он думал о Сэнди Кауфаксе. Он думал об этом кричащем заголовке — СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА В КАСЛ-РОКЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ ГИБЕЛЬЮ ДВУХ ЖЕНЩИН. Он думал о тех фотографиях — знакомых лицах, выплывающих из облака черных точек.

В какой-то момент он чуть было не заснул, но в спальне отца и матери заиграл маленький проигрыватель. Мама опять запустила свои заезженные сорокапятки с Элвисом. Она делала это на протяжении почти всего уик-энда.

Мысли крутились и вертелись в голове у Брайана, как подхваченные ветром обрывки газет.

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

— Знаешь, говорили, ты классным парнем был, но... оказалось просто ты это позабыл... Это была дуэль.

УБИЙСТВО: Нетти Кобб, та дама с собачкой.

— Ты и зайца никогда не поймал... не поймал...

Когда имеешь дело со мной, тебе лучше запомнить две вещи.

СХВАТКА: Уилма Джерзик, дама с простынями.

Мистер Гонт лучше знает...

—... И я с тобою не дружу... не дружу...

... И дуэль не закончена, пока мистер Гонт не СКАЖЕТ, что она закончена.

Эти мысли возвращались снова и снова, всплески ужаса, вины и отчаяния наслаивались на золотые хиты Элвиса Пресли. К полудню желудок Брайана стал подступать к горлу. В одних носках он поспешно спустился в ванную комнату в конце холла, закрылся там и, стараясь не издавать громкие звуки, склонился над унитазом.

Его вырвало. Мать ничего не услышала. Она по-прежнему не выходила из своей комнаты, где Элвис теперь рассказывал ей, как он хочет стать ее плюшевым медвежонком.

Когда Брайан медленно плелся обратно в свою комнату, чувствуя себя еще более несчастным, его вдруг охватил жуткий ужас: его вкладыш с Сэнди Кауфаксом исчез. Кто-то украл его прошлой ночью, пока он спал. Из-за этого вкладыша он стал соучастником убийства, и вот теперь вкладыш пропал.

Он бегом бросился в комнату, едва не поскользнулся на середине коврика у себя в спальне и стащил альбом с вкладышами со шкафа. Он с такой быстротой принялся перелистывать страницы, что некоторые из них оторвались от колец. Но вкладыш — *этот* вкладыш — был на месте: с последней страницы из пластикового кармашка на него глянуло знакомое лицо. Пока на месте, и Брайан почувствовал, как его охватило громадное и в то же время жалкое облегчение.

Он вытащил вкладыш из кармашка и прилег на кровать, держа его в руках. Он не знал, сможет ли когда-нибудь от него избавиться. Это было все, что он вынес из этого кошмара. Единственная вещь. Она больше не нравилась ему, но она была его собственностью. Если бы он мог сжечь ее и тем вернуть к жизни Нетти Кобб и Уилму Джерзик, то он сейчас уже озирался бы в поисках спичек (так он, во всяком случае, полагал), но он *не мог* оживить их этим, а раз уж не мог, то сама мысль о возможности потерять вкладыш и лишиться всего была просто невыносима.

Итак, он держал вкладыш в руках, смотрел в потолок и слушал приглушенный голос Элвиса, который перешел на «Деревянное сердце». Не было ничего удивительного в том, что Шон говорил про его неважный вид; лицо у него побелело, глаза стали огромными, темными и совсем большими. И его собственное сердце словно одеревенело.

Вдруг новая мысль, по-настоящему кошмарная, со скоростью кометы прорезала ослепительной вспышкой тьму в его рассудке. Его видели!

Он сел на кровати и с ужасом уставился на собственное отражение в зеркале на дверце шкафа. Ярко-зеленый фартук! Ярко-красный платок на пучке бигуди! Миссис Мислабурски!

— Мальчик, что там происходит?

— Точно не знаю. Думаю, мистер и миссис. Джерзик немного ссорятся.

Брайан встал с кровати и подошел к окну, почти готовый увидеть, как к дому уже подъезжает шериф Пэнгборн в патрульной полицейской машине. Пока что — нет, но скоро подъедет. Потому что, когда две женщины убивают друг друга, всегда бывает расследование. Миссис Мислабурски будут задавать вопросы. И она расскажет, что видела мальчика возле дома Джерзиков. И этим мальчиком, скажет она шерифу, был Брайан Раск.

Внизу зазвонил телефон. Его мать не взяла трубку, хотя в спальне был параллельный аппарат. Она продолжала танцевать под музыку. Наконец он услышал голос Шона: «Пожалуйста, кто вам нужен?»

Брайан спокойно подумал: «Все. Он выжмет это из меня. Я не смогу врать, не смогу врать полицейскому. Я даже не смог соврать миссис Лерокс насчет того, кто разбил вазу на ее столе, пока она ходила в учительскую. Он вытащит из меня все, и я сяду в тюрьму за убийство».

И тогда Брайан Раск впервые подумал о самоубийстве. Эти мысли не были ни зловещими, ни отвлеченными — напротив, очень спокойными и деловыми. Его отец держал ружье в гараже, и это ружье показалось ему именно тем, что нужно. Ружье могло разом разрешить все его проблемы.

— Брайа-а-а-ан! К телефону!

— Я не хочу разговаривать со Стэном! — гаркнул он. — Скажи, чтобы он перезвонил завтра!

— Это не Стэн! — крикнул в ответ Шон. — Это какой-то другой парень. Взрослый.

Огромные ледяные ладони схватили сердце Брайана и крепко стиснули его. Вот оно — звонит шериф Пэнгборн.

— Брайан, мне надо задать тебе несколько вопросов. Это очень важные вопросы. Боюсь, если ты сейчас не спустишься и не ответишь на них, мне придется приехать и забрать тебя. Мне придется приехать в полицейской машине. И очень скоро, Брайан, твое имя появится в газете, тебя покажут по телевизору, и эту передачу увидят все твои друзья. Еще ее увидят твои мать и отец и твой маленький братишка. А когда твое изображение появится на экране, диктор новостей скажет: «Это Брайан Раск — мальчик, замешанный в убийстве Уилмы Джерзик и Нетти Кобб».

— Кх...Кхт... Кто это?! — крикнул он слабым хриплым голосом.

— Не знаю. — Звонок оторвал Шона от «Оборотней», и его голос звучал раздраженно. — Кажется, он сказал, что его зовут Крауфикс. Или что-то в этом роде.

Крауфикс?

Брайан застыл в дверях своей комнаты, сердце его отчаянно колотилось в груди. Два ярких клоунских пятна загорелись на его бледном лице.

Нет, не Крауфикс.

Кауфакс.

Ему позвонил Сэнди Кауфакс. Но Брайан уже хорошо понимал, кто это был на самом деле.

На налившихся свинцовой тяжестью ногам он спустился вниз. Телефонная трубка, казалось, весила по меньшей мере фунтов пятьсот.

— Привет, Брайан, — мягко произнес мистер Гонт.

— ГГ.. Пр... Привет, — ответил Брайан все тем же слабым, срывающимся голосом.

— Тебе ни о чем не стоит волноваться, — сказал мистер Гонт. — Если бы миссис Мислабурски *видела*, как ты бросал те камни, она бы не спрашивала тебя, что там случилось, верно?

— Откуда вы знаете? — Брайан снова почувствовал, как к горлу подкатила тошнота.

— Не важно. Важно то, что ты сделал все правильно, Брайан. Совершенно правильно. Ты сказал, что миссис и мистер Джерзик, кажется, ссорятся. Если даже полиция отыщет тебя, они решат, что ты слышал того, кто бросал камни. Они решат, что ты не видел его, поскольку он находился за домом.

Брайан заглянул в комнату, где стоял телевизор, посмотреть, не подслушивает ли Шон. Тот не подслушивал; он устроился, скрестив ноги, перед теликом с пакетом кукурузных хлопьев на коленях.

— Я не умею врать! — прошептал он в трубку. — Я всегда попадаюсь, когда вру!

— Но на этот раз, Брайан, — сказал мистер Гонт, — на этот раз ты сделаешь все, как чемпион.

И самым страшным во всем была мысль Брайана о том, что мистер Гонт и здесь лучше знает.

2

Пока ее старший сын раздумывал о самоубийстве, а потом приглушенным отчаянным шепотом разговаривал с мистером Гонтом, Кора Раск тихо танцевала в своей спальне, облачившись в домашнюю кофту.

Только это была не ее спальня.

Стоило ей надеть темные очки, которые продал ей мистер Гонт, как она оказывалась в Стране Чудес.

Она танцевала в неправдоподобно великолепных комнатах, где пахло хвойным дезодорантом, к которому примешивался запах жаркого, где единственными звуками были тихий рокот кондиционеров (лишь немногие окна в Стране Чудес открывались; большинство было забито наглухо, и абсолютно все зашторены), шелест ее ног, утопающих в мягких коврах, и чудесный призывный голос Элвиса, поющего «Мое желание сбылось». Она танцевала под тяжелой люстрой французского хрусталя в столовой и возле хрустальных павлинов. Она касалась руками дорогих штор из голубого бархата. Мебель была вся во французском провинциальном стиле. Стены — кроваво-красные.

Декорация менялась, как в медленно расплывающемся кадре фильма, и Кора очутилась в нижнем помещении. Одна стена там была увешана рядами рогов, а другая заставлена полками с пластинками в золоченых альбомах. Потухшие экраны телевизоров уставились на нее с третьей стены, а за длинным резным баром разместились полки с ликерами — апельсиновыми, лимонными, вишневыми.

Устройство автоматической смены дисков на ее старом портативном проигрывателе с фотографией Короля на крышке щелкнуло. Следующая сорокапятка встала на место. Элвис начал петь «Голубое шоссе», и Кора кружась вошла в Комнату Джунглей с фигурками нахмурившихся божков Тики, диваном с готическими подлокотниками и зеркалом в ажурной раме из перьев, торчащих словно из груди живых фазанов.

Она танцевала. В темных очках, которые купила в «Самом необходимом», скрывавших

ее глаза, она танцевала. Танцевала в Стране Чудес, в то время как ее сын уполз обратно к себе, наверх, снова улегся в кровать, взглянул на длинное узкое лицо Сэнди Кауфакса и стал думать об алиби и ружье в гараже.

3

Средняя школа Касл-Рока — хмурая грудка красного кирпича, стоявшая между почтой и библиотекой, — была заложена в то время, когда взрослое население испытывало дискомфорт, если школа не была похожа на исправительную тюрьму. Здание было построено в 1926 году и идеально соответствовало этому критерию. С каждым годом город подходил чуть ближе к решению выстроить новую школу — с нормальными окнами, а не амбразурами, с площадкой для игр, непохожей на тюремный дворик, и классными комнатами, сохраняющими тепло зимой.

Классная комната, где Салли Ратклифф проводила занятия, ютилась в подвале, зажата между котельной и складом-подсобкой, набитой бумажными полотенцами, мелом, учебниками и залежами благоухающих опилок. При ее учительском столе и шести столиках поменьше для учеников в комнате негде было повернуться, но все равно Салли постаралась, насколько это было возможно, придать комнатухе хотя бы подобие уюта. Она знала, что большинству ребятишек, страдающих дефектами речи — шепелявым, заикам, гундосым, — их недостаток казался страшным и очень грустным. И совершенно незачем было вдобавок к этому создавать излишне мрачную окружающую обстановку.

Поэтому с пыльных труб под потолком свисало два плаката с автомобилями, на стенах были наклеены фотографии рок-звезд, а на двери — большой плакат с котом Гарфилдом. Из пасти Гарфилда вылетали обведенные в кружок слова: «Если даже глупый кот вроде меня может выговорить эту ерунду, значит, можете и вы!»

Папок у нее набралось много, хотя занятия в школе длились всего пять недель. Она намеревалась разбирать их целый день, но в четверть второго сложила все в одну кипу, сунула в ящик и заперла на ключ. Она сказала себе, что уходит так рано, потому что глупо в такой чудесный день сидеть в этой подвальной комнате, даже если котельная, к счастью, не шумит. Однако это была не вся правда. У нее были совершенно определенные планы на сегодня.

Она хотела прийти домой, сесть в свое кресло у окна так, чтобы солнце падало ей на колени, и хотела поразмышлять над удивительным кусочком дерева, который купила в «Самом необходимом».

Она все сильнее и сильнее верила в то, что щепка была истинным чудом — одним из маленьких божественных сокровищ, которые Господь разбросал по земле, чтобы уверовавшие в Него могли отыскать их. Прикосновение к ней освежало, как глоток холодной колодезной воды в жаркий день. Сжимать ее в руке было все равно как есть, когда ты голоден. Держать ее...

Держать ее было наслаждением.

Но кое-что еще и тревожило Салли. Она положила щепку в нижний ящик шкафчика в спальне, под стопку белья, и очень тщательно заперла дверь, когда уходила, но ее все-таки мучила ужасная тревога, что кто-то мог забраться в дом и утащить эту (*святую реликвию*) щепку. Она понимала, что это глупо — какому грабителю взбредет в голову красть старую серую деревяшку, даже если он найдет ее там? Но если грабитель случайно *коснется* ее... Если его голова наполнится теми звуками и образами, которые переполняют саму Салли всякий раз, когда она сжимает щепку в своем маленьком кулачке... Тогда...

Словом, она идет домой. Она переоденется в шорты и лифчик и проведет около часа в тихом (*наслаждении*) размышлении, ощущая, как пол под ее ногами превращается в медленно покачивающуюся палубу, вслушиваясь в рычание, мычание и блеяние животных, чувствуя тепло и свет другого солнца и ожидая волшебного мгновения — Салли не сомневалась, что оно наступит, если она подержит щепку в руках достаточно долго, будет

сидеть очень-очень тихо и настроиться на очень-очень молитвенный лад, — когда нос огромной деревянной лодки с тихим скрежетом уткнется в верхушку горы. Она не знала, почему Господь из всех истинно верующих на свете решил одарить этим ярким сверкающим чудом именно ее, но раз уж Он сделал это, Салли намеревалась прочувствовать наслаждение как можно глубже и полнее.

Она вышла из здания школы через боковую дверь и пошла через площадку для игр к учительской стоянке машин — высокая красивая женщина, длинноногая и светловолосая. Об этих ногах велось немало разговоров в парикмахерской, когда Салли проходила мимо на своих низких каблучках, обычно держа в одной руке сумочку, а в другой — Библию, полную закладок.

— Господи, у этой девки ноги растут прямо от подбородка, — однажды сказал Бобби Дугаз.

— Тебе не стоит о них переживать, — возразил Чарли Фортин. — Вокруг твоей задницы они никогда не обовьются. Она принадлежит Иисусу и Лестеру Пратту. Именно в таком порядке.

После этой остроты Чарли парикмахерская огласилась взрывом веселого мужского хохота. А снаружи Салли Ратклифф продолжала свой путь к его преподобию Роузу на вечерние библейские занятия, которые проводились для молодежи по четвергам, ни о чем не подозревая и не заботясь, надежно упакованная в счастливую невинность и добродетель.

Никто не отпускал никаких шуток о ногах или о каких-либо иных достопримечательностях Салли, если в парикмахерской случалось находиться Лестеру Пратту (а он заходил туда не реже чем каждые три недели — подровнять свою щетину). Все, кого это интересовало в городе, прекрасно знали, что он верит, будто Салли пишет духами и испражняется петуниями, а с человеком, сложенным как Лестер, о таких вещах лучше не спорить. Он был довольно дружелюбным парнем, но не выносил шуток на тему Господа и Салли. А парень вроде Лестера мог кому угодно, не напрягаясь, выдернуть при желании руки и ноги, а потом приставить их обратно, поменяв местами.

Лестер и Салли бывало обнимались и целовались, но они никогда еще не проходили весь *путь*. После таких объятий Лестер обычно возвращался домой в полном раздрызге — рассудок его разрывался от радости, а яйца зудели от неутоленного желания, — и мечтал о той ночи, теперь уже близкой, когда ему не придется останавливаться. Иногда он боялся, как бы ему не утопить ее в первый раз, когда они по-настоящему *сделают это*.

Салли тоже ждала свадьбы, хотя... последние несколько дней объятия Лестера казались ей чуть менее важными. Она раздумывала, сказать ли ему про деревянную щепку из Святой Земли, которую она купила в «Самом необходимом» — щепку с чудом внутри, — и в конце концов не сказала. Она, конечно, скажет; чудесами надо делиться. Не поделиться чудом — явный грех. Но она была удивлена (и немного расстроена) тем чувством ревнивого обладания, которое поднималось в ней всякий раз, когда она раздумывала, не показать ли щепку Лестеру и не предложить ли ему подержать ее.

«Нет! — воскликнул сердитый детский голосок, когда она впервые подумала об этом. — Нет, она моя! Для него она не будет значить то же, что для меня! Этого просто не может быть!»

Придет день, и она поделится с ним волшебной щепкой точно так же, как наступит день, когда она поделится с ним своим телом, но... ни для того, ни для другого время пока не настало.

Этот жаркий октябрьский полдень принадлежит лишь ей одной.

На парковке стояло всего несколько машин, и самой новенькой и красивой из них был «мустанг» Лестера. Ее собственная машина доставляла ей много хлопот — что-то сломалось в коробке передач, — но с «мустангом» не было никаких проблем. Когда она с утра позвонила Лестеру и спросила, можно ли ей снова взять его машину (она вернула ее только вчера после того, как брала на шесть дней), он тут же сказал, что сам подгонит ее — обратно он может пробежаться рысцой, а потом они с ребятами будут играть в футбол. Она не

сомневалась, что он отдал бы ей машину — сам настоял бы на этом, — даже если бы та была ему крайне необходима, и это казалось ей совершенно правильным. Она понимала — смутно, скорее интуитивно, чем от опытности, — что, если бы попросила, Лестер прыгнул бы через горящий обруч, и принимала это с наивным благодушием. Лес поклонялся ей; они оба поклонялись Господу; все шло своим чередом; земля вертелась вокруг своей оси — аминь.

Она забралась в «мустанг», и, когда клала сумочку на панель у ветрового стекла, ее взгляд упал на что-то белое, торчавшее из-под пассажирского сиденья. Что-то похожее на конверт.

Она нагнулась и вытащила его, подумав, как странно отыскать что-то подобное в «мустанге»; Лес обычно содержал машину в таком же порядке, как и свою собственную персону. На конверте стояли всего два слова, но они заставили Салли Ратклифф ощутить маленький противный толчок где-то внутри. «С любовью», — было написано там легким, плавным почерком.

Женским почерком.

Она перевернула конверт. Сзади ничего не написано, и он заклеен.

— С любовью? — задумчиво пробормотала Салли и вдруг поймала себя на том, что сидит в машине Лестера со все еще поднятыми стеклами и обливается потом как ненормальная. Она включила двигатель, опустила стекло со своей стороны и перегнулась через пассажирское сиденье, чтобы опустить второе.

Когда она наклонялась, ей почудилось, что она уловила слабый запах духов. Если так, то духи были не ее: она не пользовалась ни духами, ни косметикой. Согласно ее религии подобные вещи употребляли только проститутки (а кроме того, она в них не нуждалась).

Да никакие это не духи, сказала она себе. Просто легкий запах жимолости, растущей вдоль забора вокруг площадки для игр, — вот и все.

— С любовью? — снова пробормотала она, глядя на конверт. Конверт ей не ответил. Он просто лежал у нее на ладони.

Она погладила его пальцами, а потом легонько встряхнула. Ей показалось, что внутри лежит листок бумаги — по меньшей мере один листок — и что-то еще. Что-то еще, на ощупь похожее на фотографию.

Она приставила конверт к ветровому стеклу, но это ничего не дало; солнце уже скрылось за домами. После секундного колебания она вылезла из машины и посмотрела конверт на просвет. Ей удалось разглядеть лишь светлый прямоугольник — письмо, подумала она, — и квадратный листок потемнее — по всей видимости, вложенную фотографию от *(с любовью)* того, кто послал Лесу письмо.

Впрочем, оно, конечно, не было послано — во всяком случае, не по почте. На конверте не было ни марки, ни адреса, а лишь одна дурацкая надпись. И оно было запечатано, а это означало... Что? Что кто-то подкинул его в «мустанг» Лестера, пока Салли занималась своими папками.

Это могло случиться. А может, кто-то сунул письмо в машину ночью или даже вчера вечером, а Лестер его не заметил. В конце концов, виднелся лишь один его уголок; оно могло слегка высунуться из-под сиденья, когда она утром ехала в школу.

— Здравсте, мисс Ратклифф! — окликнул ее кто-то. Салли вздрогнула, опустила конверт и спрятала его в складках своей юбки. Сердце у нее виновато застучало.

Маленький Билли Мерчант шел по площадке, держа под мышкой роликовую доску. Салли махнула ему рукой и быстро уселась в машину. Лицо у нее горело. Она вся покраснелась. Это было глупо — да нет, просто бред какой-то, — но она вела себя так, словно Билли застал ее за тем, чего она не должна была делать.

«Ну а разве не так? Разве ты не старалась подглядеть, что там, в чужом конверте?» — спросила она себя.

И тогда она ощутила первый приступ ревности. А может, это как раз ее конверт; в Касл-Роке полно людей, которые знали, что последние несколько недель она ездит в машине Лестера не меньше, чем на собственной. А если даже письмо было не ее, то уж Лестер

принадлежал ей. Разве не она только что размышляла с такой приятной, мягкой безмятежностью, которую способны испытывать лишь молодые и красивые христианки, о том, что он прыгнул бы ради нее сквозь горящий обруч?

С любовью!

Никто не оставил бы это письмо здесь для нее — в этом она была совершенно уверена. У *нее* не было друзей, называющих ее «родная», «дорогая» или подписывающихся: «С любовью». Его оставили для Лестера. И...

Решение пришло неожиданно, и она с легким вздохом облегчения откинулась на светло-голубую спинку кресла. Лестер преподает физкультуру в колледже. Конечно, в его группе одни юноши, но в колледже полно девчонок, молодых и впечатлительных, которые видят его каждый день. А Лес — такой красивый молодой человек.

Какая-нибудь студентка сунула письмецо в его машину — вот и все. Она даже не посмела оставить его на приборном щитке, где он бы сразу заметил его.

— Он не будет против, если я открою, — вслух сказала Салли, оторвала от края конверта аккуратную полоску и положила в пепельницу, где никогда не бывало ни одного окурка. — А вечером мы вместе посмеемся над этим.

Она раскрыла конверт, и оттуда выпала кодаковская фотография. Она увидела снимок, и сердце ее на мгновение замерло. Потом она задохнулась, на щеках заалели ярко-красные пятна, а рука прикрыла рот, округлившийся от отчаяния в небольшое О. Салли никогда не бывала в «Пьяном тигре», поэтому она не могла знать, что фото сделано там, но она не была святой невинностью; она достаточно смотрела телевизор и бывала в кино, чтобы при виде бара понять, что это бар. На фотографии мужчина и женщина сидели за столиком в углу (*уютном* — уголке, настойчиво подсказал ей внутренний голосок) большого зала. На столе стоял кувшин пива и два стакана. Вокруг за столиками сидело множество народу, а позади находилась танцплощадка. Мужчина и женщина целовались.

На ней был искристый топик, обнажавший талию, и юбка, похоже, из белого полотна. Очень *короткая* юбка. Одной рукой мужчина весьма фамильярно обнимал ее за голую талию, а другая явно шарила у нее под юбкой, задирая ту еще выше. Салли могла увидеть даже кусочек трусиков.

Маленькая шлюшка, со злым отчаянием подумала Салли. Мужчина сидел спиной к фотографу; Салли был виден лишь подбородок и одно ухо. Но она видела, что он очень мускулист и его черные волосы коротко подстрижены. На нем была голубая майка — ребятишки называют такие футболками, — и голубые спортивные штаны с белой полоской по бокам. Лестер.

Лестер исследует местность под юбкой у маленькой шлюшки.

«Нет! — в панике вскричал ее рассудок. — Этого не может быть! Лестер не шляется по барам. Он даже не пьет! И он в жизни не станет целовать другую женщину, потому что любит меня! Я знаю, что любит, потому что... потому что он так говорит», — прозвенел у нее в ушах ее собственный тусклый, бесцветный голос. Она хотела смять фотографию и выбросить из машины, но не могла — а если кто-то найдет ее и... Что он подумает?

Она снова склонилась над снимком и принялась изучать его внимательным ревнивым взглядом.

Затылок мужчины заслонял большую часть лица женщины, но Салли была видна линия бровей, уголок одного глаза, левая щека и линия подбородка. Что еще важнее, ей была видна прическа женщины — лохматая шевелюра с челкой «перьями» на лбу.

У Джуди Либби были темные волосы. И Джуди Либби носила лохматую челку «перьями» на лбу.

«Ты ошибаешься. Нет, хуже — ты сошла с ума. Лес порвал с Джуди, когда она ушла из церкви. А потом она уехала. В Портленд, в Бостон или куда-то еще. Это чья-то идиотская шутка. Ты же знаешь, Лес никогда бы не...»

Но *знала* ли она? Знала ли на самом деле?

Все ее прежнее благодушие превратилось в свою противоположность, а из какого-то

потайного уголка ее сердечка вдруг заговорил голос, которого она никогда не слышала до сегодняшнего дня.

«Доверчивость невинности — главное орудие лжеца», — произнес он.

Впрочем, это вовсе не обязательно должна быть Джуди; и вовсе не обязательно мужчина должен оказаться Лестером. В конце концов невозможно ведь наверняка сказать, кто эти люди, пока они целуются, верно? Даже в кино, если опаздываешь к началу сеанса, нельзя сказать наверняка, даже если это какие-нибудь известные звезды. Приходится ждать, пока они не закончат и снова не повернутся к камере.

Это было не кино, заверил ее тот новый голос. Это была реальная жизнь. И если это не они, то что тогда делает в этой машине конверт?

Теперь ее взгляд сосредоточился на правой руке женщины, обнимающей за шею (Лестера) ее дружка. У нее были длинные, ухоженные ногти, покрытые темным лаком. У Джуди Либби были похожие. Салли помнила, что ее ничуть не удивило, когда Джуди перестала приходить в церковь. Она подумала тогда, что у девушки с такими ногтями уж никак не может быть на уме один Господь Вседержитель.

Ну хорошо, наверно, это Джуди Либби. Но это не означает, что рядом с ней Лестер. Возможно, это ее поганая выходка, направленная против нас обоих, потому что Лестер бросил Джуди, когда наконец понял, что из нее такая же христианка, как из Иуды Искарота. И потом, множество мужчин носят короткую стрижку и кто угодно может надеть голубую майку и пару тренировочных штанов с белыми полосками по бокам.

Тут ее взгляд упал на еще кое-что, и сердце у нее вдруг налилось свинцом. Мужчина носил часы на руке — электронные, цифровые. Салли узнала их, несмотря на то, что они были не в фокусе. Она не могла их не узнать — ведь она сама подарила их Лестеру на день рождения в прошлом месяце.

«Это может быть простым совпадением, — стал слабо возражать рассудок. — Ведь это всего-навсего «Сейко» — дороже я ничего не могла себе позволить. Такие часы может носить кто угодно». Но новый голос хрипло расхохотался. Новый голос пожелал узнать, кого, интересно, она дурачит. Было и еще кое-что. Она не видела кисть руки под юбкой у девчонки (хвала Господу за это маленькое одолжение), но ей была видна сама рука, и на этой руке были две родинки — чуть пониже локтя. Они почти соприкасались, образуя как бы восьмерку.

Как часто она любовно проводила пальчиком по этим самым родинкам, сидя с Лестером на крыльце! Как часто она целовала их, когда он гладил ее грудь (закованную в плотный бюстгальтер «Дж. С. Пенни», надеваемый как раз для таких любовных посиделок на заднем крыльце) и нашептывал ей на ушко обещания вести себя скромно и не преступать черту!

Точно, это был Лестер. Часы можно снять и надеть, а вот родинки — нет... Ей вспомнился отрывок старой песенки в стиле диско: «Плохие девчонки... ту-ду-ду... биип-биип...»

— Шлюха, шлюха, шлюха! — прошипела она, уставясь на фотографию, с какой-то странной порочной хрипотцой. — Как он мог к ней вернуться? Как?

«Может быть, потому, — сказал новый голос, — что она позволяет ему делать то, чего не позволяешь ты?»

Грудь Салли приподнялась; слегка лязгнув зубами, она сделала глубокий судорожный вдох.

Но они же в баре! Лестер не...

Потом она сообразила, что вопрос носит весьма вторичный характер. Если Лестер встречается с Джуди, если он обманывает ее насчет этого, то врет он, что не пьет пиво, или нет, это уже не столь важно, верно?

Дрожащей рукой Салли отложила фотографию и достала из конверта сложенный листок. Это был обычный лист почтовой бумаги персикового цвета с узорным краем. Когда она вытащила его, от него слабо запахло чем-то пыльным и сладким. Салли приложила его к

носу и глубоко вдохнула.

— Шлюха! — крикнула она хриплым, стонущим голосом. Если бы Джуди Либби оказалась сейчас перед ней, Салли набросилась бы на нее и расцарапала всю ее физиономию, хоть и стригла ногти коротко. Ей очень хотелось, чтобы Джуди оказалась здесь. И Лестер тоже. Он нескоро сумел бы сыграть в регби после того, как она разобралась бы с ним. Очень нескоро.

Она расправила письмо. Оно было коротким, написано школьной скорописью.

Дорогой Лес!

Фелисия щелкнула нас, когда мы сидели у «Тигра» тем вечером. Она сказала, что ей надо было бы нас пошантажировать. Но это она только дразнилась. Она отдала снимок мне, а я дарю его тебе как сувенир — на память о нашей БОЛЬШОЙ НОЧИ. Было ЖУТКО ГАДКО с твоей стороны засунуть руку мне под юбку у всех на виду, но это меня ТАК ЗАВЕЛО. И потом, ты такой СИЛЬНЫЙ. Чем дольше я смотрю на фотографию, тем больше меня это заводит. Если поглядишь как следует, увидишь мои трусики! Хорошо, что Фелисии не было рядом позже, когда никаких трусиков на мне уже не было!!! Скоро увидимся. А пока храни фотографию «на паМЯТЬ» обо мне, чтобы больше хотелось меня поМЯТЬ. А я буду думать о тебе и о твоей БОЛЬШОЙ ШТУЧКЕ. Теперь я лучше закончу, а то заведусь еще больше и мне придется заняться кое-чем противным. И пожалуйста, не беспокойся насчет САМ ЗНАЕШЬ КОВО. Она слишком занята возней с Иисусом, чтобы подозревать нас.

Твоя Джуди.

Салли сидела за рулем «мустанга» Лестера почти целых полчаса, снова и снова перечитывая письмо. Ее разум и чувства захлестнули злоба, ревность и боль. Была там еще и нотка сексуального возбуждения, но она никому и никогда бы в этом не призналась, и прежде всего — себе самой.

Глупая шлюшка даже не знает, как правильно пишется «кого», подумала она.

Ее взгляд выискивал все новые фразы, чтобы как следует вчитаться в смысл. Бросались в глаза те, где были слова из заглавных букв.

Наша БОЛЬШАЯ НОЧЬ

ЖУТКО ГАДКО

ТАК ЗАВЕЛАСЬ

ТАКОЙ СИЛЬНЫЙ

Твоей БОЛЬШОЙ ШТУЧКЕ

Но фраза, которая сильнее других подогревала ее ярость, все время вертелась у нее в мозгу — эта кошунственная игра слов:

...На паМЯТЬ обо мне, чтоб больше хотелось меня поМЯТЬ . Непрошенные картинки, одна похабнее другой, возникали в воображении Салли. Губы Лестера сомкнулись на одном из сосков Джуди Либби, а она стонет: «Давай, возьми, ты должен поМЯТЬ это на паМЯТЬ обо мне». Лестер стоит на коленях между раздвинутыми ногами Джуди Либби, а она снова и снова просит взять, поМЯТЬ это «на паМЯТЬ обо мне».

Она скомкала листок, бросила его на пол машины и, тяжело дыша, выпрямилась за рулем — волосы ее торчали во все стороны взмокшими патлами (она рассеянно водила по ним свободной рукой, когда изучала письмо). Потом она нагнулась, подняла записку, разгладила ее и засунула вместе с фотографией обратно в конверт. Руки у нее так тряслись,

что это ей удалось лишь с третьей попытки, и когда наконец конверт принял прежний вид, она надорвала его сбоку.

— Шлюха! — снова крикнула она и разразилась слезами. Слезы были горячими и обжигали щеки, как пылающие угли. — Сука! А ты! Ты! Лживый ублюдок!

Она резко повернула ключ в зажигании. «Мустанг» проснулся со злобным рыком, вполне подходившим под ее настроение. Она врубила передачу и сорвалась со стоянки в

облаке голубого дыма под жалобный визг трущихся об асфальт протекторов.

Билли Мерчант, выписывавший разнообразные фигуры на своей роликовой доске, проводил машину удивленным взглядом.

4

Через пятнадцать минут она уже была у себя в спальне — рылась в стопке нижнего белья в поисках щепки и никак не могла найти. Ее злость на Джуди и лживого ублюдка вытеснил панический ужас — что, если щепка пропала? Что, если ее все-таки украли?

Надорванный конверт Салли привезла с собой и сейчас поймала себя на том, что по-прежнему сжимает его в левой руке. Она отшвырнула конверт и обеими руками вытащила из ящика всю стопку своего скромного хлопчатобумажного белья, раскидав его по всей комнате. В ту секунду, когда из горла ее уже был готов вырваться исполненный ярости, страха и отчаяния крик, она увидела щепку. Она так резко выдвинула ящик, что деревяшка закатилась в самый дальний левый угол.

Она схватила ее и тут же ощутила волны спокойствия и умиротворения. Другой рукой она взяла конверт и вытянула обе руки прямо перед собой — добро и зло, спасение и проклятие, альфа и омега. Потом положила надорванный конверт в ящик и навалила на него беспорядочной грудой белье.

Салли уселась на пол, скрестив нош, и склонила голову над щепкой. Она закрыла глаза, ожидая, что пол начнет мягко покачиваться под ней и ее охватит умиротворение, когда она услышит голоса животных, бедных глупеньких зверюшек, вовремя спасенных от порока милостью Господней.

Вместо этого она услышала голос человека, продавшего ей щепку.

«Знаешь, ты обязательно должна разобраться с этим», — сказал мистер Гонт. — Во что бы то ни стало ты должна разобраться с этим... поганым делом».

— Да, — сказала Салли Ратклифф. — Да, я знаю.

В такой позе она просидела весь день в своей душевной девичьей спальне, размышляя и грезя в темном кругу, который очертила вокруг нее щепка, в темноте, похожей на капюшон кобры.

5

Глянь на короля с поклоном,

Он сегодня весь в зеленом...

Айко-айко...

Он не то чтобы мужчина,

Он сегодня секс-машина...

Айко-айко...

В то время как Салли Ратклифф грезила во тьме, Полли Чалмерз сидела в ярких солнечных лучах у окна, которое приоткрыла, чтобы впустить немножко не по сезону теплого октябрьского воздуха. Она включила свою швейную машину «Зингер-автоматик» и чистым приятным контральто напевала «Айко-айко».

— Я вижу, кое-кто чувствует себя сегодня лучше, — заметила вошедшая Розали Дрейк. — Судя по звукам, намного лучше.

Полли подняла глаза и странно улыбнулась.

— И да, и нет, — сказала она.

— Вы хотите сказать, что да и что ничего не можете с этим поделать.

Несколько секунд Полли обдумывала, а потом кивнула. Это не совсем верно, но, в общем, сойдет. Две женщины, умершие вместе вчера, сегодня снова оказались вместе — в похоронной конторе Самьюэлса. Завтра утром их отпоют в разных церквях, но днем они

снова станут соседями... на сей раз на городском кладбище. Полли считала себя отчасти в ответе за их гибель — в конце концов, если бы не она, Нетти никогда бы не вернулась в Касл-Рок.

Она написала все необходимые письма и заявления, побывала на всех слушаниях и даже нашла для Нетти место, где жить. А зачем? Вся чертовщина была в том, что Полли уже не могла этого припомнить — разве что это казалось вполне христианским поступком и последней данью старой дружбе их семей.

Она не снимала с себя вины, даже не позволяла никому себя уговаривать (у Алана хватало ума не пытаться), но не была уверена, что поступила бы иначе, представься ей сейчас такая возможность. Не во власти Полли, разумеется, было контролировать или исцелить саму сущность безумия Нетти, но все же та провела три счастливых и плодотворных года в Касл-Роке. Быть может, три таких года стоили длинной череды унылых серых лет, проведенных в казенном заведении до самой старости или смерти от скуки. И даже если Полли своим поступком расписалась под смертным приговором Уилмы Джерзик, разве не сама Уилма составила сей документ? В конце концов не Полли, а Уилма штопором заколола веселого и безобидного песика Нетти Кобб.

А другая половина ее сознания страдала от потери подруги и удивлялась, что Нетти могла совершить такое, в то время как, на взгляд Полли, ей становилось все лучше и лучше.

Большую часть утра она занималась устройством похорон и звонками родственникам Нетти (все они подтвердили, что их не будет на похоронах, как Полли и ожидала), и эта деятельность — рутинные процедуры, связанные со смертью, — помогала ей справиться с собственной печалью... что, собственно, и требуется от похорон.

Однако были еще разные мелочи, которые не давали ей покоя. Например, салат — он по-прежнему стоял в холодильнике, накрытый фольгой, чтобы не пересох. Наверно, они с Аланом съедят его на ужин, если Алан, конечно, сумеет выбраться сегодня. Одна она не станет его есть, это выше ее сил.

Полли все время вспоминала, как быстро Нетти замечала, когда ее мучила боль, как точно она умела определять степень этой боли и как она в последний раз принесла ей термоперчатки, настаивая, что сейчас они могут и вправду помочь. И конечно, ее последние слова, обращенные к Полли: «Я люблю вас, Полли».

— Полли, наша Полли, что же с нею случилось, отчего же, Полли, ты вдруг размечталась? — пропела Розали. Они с Полли вместе вспоминали этим утром Нетти, перебирали разные эпизоды и вместе поплакали друг у дружки в объятиях среди манекенов в платьях. Сейчас Розали тоже казалась веселой — может, оттого, что слышала, как Полли напевала.

«А может, потому, что она не казалась реальной нам обеим, — мелькнула мысль у Полли. — Вокруг нее всегда была какая-то тень — не совсем черная, нет, но... достаточно темная, чтобы ее было плохо видно. Вот отчего наша печаль такая слабенькая».

— Я слышу, — сказала Полли. — Мне действительно лучше, я действительно ничего не могу с этим поделать, и я очень благодарна за это. Как по-твоему, талия на месте?

— На месте, — кивнула Розали. — Не знаю, что меня больше удивило, когда я вернулась, — слышать, как вы поете, или стрекот швейной машины. Поднимите руки.

Полли послушно подняла обе руки. Их нельзя было спутать с руками королевы красоты — слегка скрюченные пальцы с неестественно увеличенными суставами, — но Розали видела, что опухлости сильно уменьшились с прошлой пятницы, когда от мучительной боли Полли ушла домой раньше обычного.

— Ого! — сказала Розали. — А они вообще болят?

— Конечно... но все равно меньше, чем болели весь месяц. Смотри.

Она медленно сжала пальцы в кулак, а потом с такой же осторожностью снова раскрыла ладони.

— Как минимум месяц я не могла так сделать.

На самом деле правда была еще поразительней, и Полли это знала: она не могла без мучительной боли сжать руки в кулаки с мая, если не с апреля.

— Ух ты!

— Итак, мне лучше, — сказала Полли, — и если бы Нетти была здесь и могла порадоваться этому, все вообще было бы замечательно.

Дверь в магазин распахнулась.

— Ты посмотришь, кто там? — попросила Полли. — Я хочу закончить рукав.

— Конечно. — Розали двинулась было к двери, а потом остановилась и обернулась. — Знаете, Нетти порадовалась бы за вас.

Полли кивнула.

— Знаю, — мрачно сказала она.

Розали пошла ко входу, чтобы обслужить покупателя. Когда она ушла, левая рука Полли легла на грудь и дотронулась до маленького, не многим больше обычного желудка, шарика, который висел под розовым свитером.

Азка — какое чудесное слово, подумала она и снова принялась шить на машине, поворачивая заготовку платья — первого, сшитого ею с прошлого лета, — туда-сюда под мелькающими серебряными бликами иголки.

Она рассеянно подумала: «А сколько, интересно, мистер Гонт запросит за амулет? Сколько бы ни запросил, — сказала она себе, — все равно будет мало. Я не стану — мне просто нельзя — так думать, когда дело дойдет до торговли, но все равно это чистая правда. Сколько бы он ни запросил, это будет хорошая сделка».

Глава 14

1

У выборных мужчин Касл-Рока (и единственной выборной дамы) была одна на всех секретарша на полной ставке — женщина с экзотическим именем, Ариадна Сент-Клер, — молодая, веселая, не особенно обремененная интеллектом, но не знающая усталости и симпатичная на вид. Ее большие груди каждый день вздымали новый ангорский свитер. Еще у нее были очень близорукие глаза — карие и словно плавающие за толстыми стеклами очков в роговой оправе. Зануде она нравилась. Он считал ее слишком тупой, чтобы быть одной из Них.

Ариадна просунула голову в его кабинет без четверти четыре.

— Мистер Китон, зашел Дик Брайфорд. Ему нужна подпись на бланке фондовой ссуды. Вы подпишете?

— Ну, давайте посмотрим, что там, — сказал Зануда, проворно засунув сегодняшнюю «Дейли сан», раскрытую на таблице бегов, в нижний ящик стола.

Сегодня он чувствовал себя лучше. Те проклятые розовые листки он сжег в кухонной печи, Миртл перестала шарахаться в сторону, как зашуганная кошка, при его приближении (он перестал обращать на нее внимание, но все равно раздражает, когда живущая с тобой женщина пугается тебя, как Бостонского Висельника), и он собирался сорвать еще один крупный куш на ипподроме сегодня вечером. По случаю праздника ставки (не говоря уже о выплатах) должны подняться.

Он уже мысленно подсчитывал барыши, оперируя в уме пятисотдолларовыми и тысячными купюрами.

Что же касается вонючего шерифа, его выроodka-заместителя и всей их гоп-компании... Что ж, они с мистером Гонтом знают про Них, и Зануда верил, что вдвоем-то уж они как-нибудь справятся.

По всем этим причинам он сумел пригласить Ариадну в свой кабинет с невозмутимым хладнокровием и в какой-то степени даже испытать обычное удовольствие, наблюдая, как плавно покачивается ее затянутая в тугую сбрую попка.

Она положила бланк фондовой ссуды ему на стол. Зануда взял его и откинулся на спинку своего вертящегося кресла. Требуемая сумма была проставлена в самой верхней

графе — девятьсот сорок долларов. Перевести ее следовало «Взрывным устройствам и сопутствующим товарам» в Люистон. В графе «Требуемые товары и/или услуги» Дик напечатал: «16 ящиков динамита». А ниже, в графе «Комментарии/объяснения», он написал:

Мы в конце концов очутились перед гранитным уступом возле гравийного карьера на городском шоссе № 5 — тем самым, о котором нас предупреждал геолог штата в 1987 г. (подробности в моем докладе). Так или иначе за уступом еще полно гравия, но чтобы добраться до него, нам нужно взорвать скалу. Это должно быть сделано до наступления холодов и зимних снегопадов. Если нам придется покупать гравий в Норвее по зимним ценам, налогоплательщики просто взвоют. Двух или трех взрывов вполне достаточно, а у «Взрывных устройств» сейчас имеется в наличии большой запас упаковок с динамитом — я проверял. При желании мы можем получить их уже завтра к полудню и начать работы в среду. Я отметил нужные места на случай, если кто-то из совета захочет приехать и взглянуть.

Внизу Дик нацарапал свою подпись.

Зануда дважды перечитал записку, задумчиво выбивая дробь пальцами на передних зубах, пока Ариадна стояла и ждала. Наконец он подался вперед, что-то исправил, вписал новую фразу, поставил свои инициалы возле исправлений и с росчерком расписался прямо под подписью Дика. Вручив розовый бланк Ариадне, он улыбнулся и сказал:

— Ну вот. А все считают меня скрягой!

Ариадна взглянула на бланк. Зануда поменял требуемую сумму в девятьсот сорок долларов на тысячу четыреста, а под объяснениями Дика по поводу того, зачем нужен динамит, добавил следующее: «Пока товар хорош, лучше взять сразу двадцать ящиков».

— Хотите поехать взглянуть на гравийный карьер, мистер Китон?

— Нет-нет, в этом нет необходимости. — Зануда откинулся в кресле и сцепил руки у себя за головой. — Но попроси Дика, чтобы он звякнул мне, когда поступит товар. Взрывчатки довольно много. И нам не нужно, чтобы она попала не в те руки, верно?

— Да, конечно, — сказала Ариадна и вышла из кабинета. Выйдя, она испытала облегчение. В улыбке мистера Китона было что-то такое... Ну, от чего мурашки бегают по коже.

Тем временем Зануда развернулся в кресле так, чтобы ему была видна Мейн-стрит — гораздо более оживленная, чем когда он с таким отчаянием смотрел на город в субботу утром. Многие успело произойти с тех пор, и он подозревал, что многому еще предстоит случиться в последующие несколько дней. Еще бы, с двадцатью ящиками динамита, покоящимися на складе общественных работ — складе, от которого у него, разумеется, был ключ, — может случиться почти все.

Все, что угодно.

2

Эйс Меррилл пересек Тобин-бридж и въехал в Бостон в четыре часа дня, но, когда он добрался до места назначения, было уже пять с лишним. Это был странный, большей частью грязный и пустынный район Кембриджа неподалеку от центра пересечения кривых, извилистых улочек, половина которых была с односторонним движением, а другая половина кончалась тупиками.

Полуразрушенные дома этого района развалах отбрасывали длинные тени на улицы, когда Эйс остановился перед заброшенным одноэтажным шлакоблочным строением на Уиппл-стрит. Оно стояло посреди заросшего травой пустыря.

Здание окружал проволочный забор, но он не вызвал никаких проблем; ворота давно были украдены, от них остались лишь петли. Эйс заметил на них следы от кусачек. Он провел «челленджер» через проем, где раньше были ворота, и медленно подъехал к

шлакоблочному строению.

Стены были голые, без окон. Ухабистая дорожка, по которой он ехал, вела к закрытой двери гаража со стороны здания, выходящей на Ривер-Чарлз. На воротах гаража тоже не было окон. «Челленджер» раскачивался на рессорах и нехотя полз через рытвины и ухабы по когда-то асфальтированной дороге. Он проехал мимо пустой детской коляски, валявшейся на гряде разбитого стекла. Сгнившая кукла со вдавленной внутрь половиной лица уставилась на него своим единственным тускло-голубым глазом, когда он поравнялся с ней. Эйс остановился перед закрытой дверью гаража. Что же ему, черт возьми, теперь делать? Шлакоблочное здание, похоже, пустовало с 1945-го или около того.

Эйс вылез из машины и вытащил из нагрудного кармана листок бумаги. На нем был написан адрес, где должна стоять машина Гонта. Он с сомнением поглядел на листок. Номера нескольких последних домов, которые он проезжал, указывали на то, что это, по-видимому, был номер 85 по Уиппл-стрит, но кто же, мать его, мог сказать наверняка? В таких местах никогда не бывает номеров на домах, а спросить не у кого. От всего этого района веяло чем-то таким, что не очень нравилось Эйсу. Пустыри. Раздетые, разбитые «тачки», с которых содрано все, что можно, вплоть до последних сантиметров медной проволоки. Незаселенные дома, ждущие только, когда местные политики получают по мозгам, чтобы развалиться под ударами гирь и напором бульдозеров. Кривые улочки, заканчивающиеся грязными дворами и заброшенными тупиками. У него ушел час на то, чтобы найти Уиппл-стрит, и теперь, когда он отыскал ее, он почти жалел, что не заблудился. Это была та часть города, где полицейские порой находят в пэззных мусорных ящиках и поломанных холодильниках трупы новорожденных младенцев.

Эйс подошел к двери гаража и поискал звонок, но его не было. Он приставил ухо к ржавому железу и прислушался. Тут вполне мог быть склад и продажа краденых «тачек»; пижон вроде Гонта, у которого есть такой классный кокаин, каким он угощал Эйса, вполне может шиться с теми, кто торгует «поршами» и «ламборгини» за наличные после захода солнца.

Он не слышал ничего, кроме тишины.

Наверно, это вовсе не то место, подумал он, но ведь он проехал всю эту чертову улицу в оба конца, и это было единственное место, достаточно просторное — и достаточно сохранившееся, — где могла разместиться большая машина. Разве что он облажался капитально и заехал вообще не в ту часть города. Эта мысль заставила его поежиться. «Я хочу, чтобы вы вернулись к полуночи, — сказал мистер Гонт. — Если вы не вернетесь к полуночи, я огорчусь. Когда я огорчаюсь, я бываю сердит».

Да расслабься ты, с трудом сказал сам себе Эйс. Он просто старый пижон с неудачно вставленной челюстью. Наверно, педик.

Но он не мог расслабиться и на самом деле вовсе не считал мистера Лиланда Гонта старым пижоном с неудачно вставленной челюстью. И как бы там ни было, ему почему-то очень не хотелось проверять на своей шкуре, пижон этот Гонт или нет.

Однако сейчас расклад был такой: скоро стемнеет, а Эйс очень не хотел задерживаться в этой части города до темноты. Что-то здесь было не то — что-то происходившее за стенами полуразвалившихся зданий с их пустыми глазницами окон и в разбитых машинах, стоявших на одних ободах у водосточных канав. С того момента, как Эйс подъехал к Уиппл-стрит, он не видел ни одного прохожего на тротуарах, ни одного человека, сидящего на крыльце или выглядывающего из окна, но... все равно у него было такое чувство, что за ним наблюдают. И сейчас — тоже: беспокойный зуд в коротко стриженных волосах на затылке.

Словно он уже больше не в Бостоне. Место скорее похоже на, будь она неладна, Мертвую зону.

Если вы не вернетесь к полуночи, я огорчусь.

Эйс сжал кулак и постучал в ржавую, безликую дверь гаража.

— Эй! Кто-нибудь там не желает взглянуть на товар? — крикнул он.

Никакого ответа.

Внизу на двери была ручка. Он подергал ее — никакого эффекта. Дверь не то что не поднялась в своих пазах, но даже не дрогнула.

Эйс выдохнул воздух и нервно огляделся. Его «челленджер» стоял неподалеку, и еще никогда в жизни он так не хотел забраться в него и отвалить. Но не смел.

Он обошел здание с другой стороны, но там ничего не было. Вообще ничего. Просто шлакоблочные плиты, покрашенные в противный грязно-зеленый цвет. Странная надпись была выведена краской из баллончика на задней стене гаража, и Эйс несколько секунд пялился на нее, не понимая, почему у него по коже поползли мурашки.

ПРАВИТ ЙОГ СОФОТ, гласили полустершиеся красные буквы.

Он снова подошел к двери и подумал: ну и что теперь?

Так ничего и не придумав, он забрался в «челленджер» и просто сидел и смотрел на двери гаража. Наконец он положил обе руки на звуковой сигнал, и последовал длинный раздраженный гудок.

Дверь в гараж тут же бесшумно поползла на роликах вверх.

Эйс тупо смотрел на нее с открытым ртом, и первым его желанием было просто включить двигатель «челленджера» и уехать отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Может, в Мехико — для начала. Потом он снова вспомнил про мистера Гонта и медленно вылез из машины. Он подошел к гаражу, как раз когда дверь полностью поднялась и застыла под потолком.

Внутреннее помещение было ярко освещено полудюжиной двухсотваттных лампочек, свисающих на электрических шнурах. Каждую лампочку обрамлял вырезанный конусом кусочек жести, поэтому все они отбрасывали на пол ровные кружки света. В дальнем конце на цементном полу стояла накрытая брезентом машина. Возле одной стены расположился стол с инструментами. У противоположной — один на другом стояли три упаковочных ящика, а сверху на них — старомодный катушечный магнитофон.

Больше в гараже ничего не было. И никого.

— Кто открыл дверь? — спросил Эйс слабым хриплым голосом. — Кто открыл эту хреновую дверь?

Но ответа не последовало.

3

Он завел «челленджер» в гараж и поставил у дальней стены — там было полно места. Потом снова подошел к двери. Рядом с ней на стене был пульт управления, и Эйс нажал кнопку «Вниз». Пустырь, на котором стоял этот странный гараж-сарай, был весь заполнен тенями, и от них у него шел зуд по коже. Ему все время казалось, что он видит, как там кто-то шевелится.

Дверь стала опускаться без единого скрипа или шороха. Ожидая, пока она встанет на место, Эйс поискал глазами звуковой сенсор, среагировавший на его гудок. Его нигде не было видно, хотя где-то он должен был быть — гаражные двери не открываются сами по себе.

Впрочем, подумал он, если где-то в этом городе и происходят такие говенные штучки, то, наверно, как раз на Уиппл-стрит.

Эйс подошел к упаковочным ящикам с магнитофоном наверху. Его ботинки издавали жалобные скрипящие звуки на цементном полу. Правит йог Софот, рассеянно подумал он и вздрогнул. Он понятия не имел, кто такой этот хреновый йог Софот — скорее всего какой-нибудь ублюдочный певец, у которого из грязного скальпа свисают девяносто фунтов металлических побрякушек, но все равно Эйсу очень не нравилось, как звучит его имя. Думать об имени в таком месте, как это, — похоже, не самая удачная мысль. Похоже, опасная мысль.

К одной из катушек на магнитофоне был приклеен листок бумаги с двумя словами,

написанными крупными заглавными буквами:

ВКЛЮЧИ МЕНЯ

Эйс оторвал записку и нажал кнопку «Пуск», Катушка начала вращаться, и, услышав голос, он слегка подпрыгнул. Хотя чей еще голос он ожидал здесь услышать? Ричарда Никсона?

— Привет, Эйс, — произнес записанный на пленку голос мистера Гонта. — Добро пожаловать в Бостон. Пожалуйста, сними чехол с моей машины и загрузи туда ящики. В них находится довольно специфический товар, который, полагаю, мне теперь понадобится, причем довольно скоро. Боюсь, тебе придется положить по крайней мере один ящик на заднее сиденье; багажник у «такера» оставляет желать лучшего. Твоя собственная машина будет здесь в безопасности, а обратная дорога — без приключений. И пожалуйста, запомни: чем быстрее ты вернешься, тем скорее сможешь начать изучать местность на своей карте. Приятного путешествия.

Дальше последовало шипение пустой пленки и слабый гул движка. Ситуация была просто дикой, и... чем дальше, тем невероятней она становилась. Мистер Гонт был здесь днем — *должен* был быть, потому что он упомянул про карту, а Эйс до сегодняшнего утра в глаза не видел ни карты, ни мистера Гонта. Старый козел, должно быть, прилетел сюда на самолете, пока Эйс ехал на машине. Но зачем? И какого хрена все это должно означать?

«Его здесь не было, — подумал он. — Мне плевать, возможно это или нет, но его здесь не было. Взглянуть хотя бы на этот чертов магнитофон. Никто уже больше не пользуется такими магнитофонами. И потом, сколько пыли на катушках. Пыль была и на записке. Все это дожидалось меня очень долго. Быть может, все это собирает здесь пыль с тех самых пор, как Пэнгборн послал меня в Шоушэнк.

Да, но это просто бред.

Чушь какая-то.

Тем не менее какая-то глубокая, потаенная часть его сознания верила, что это правда. Мистер Гонт в этот день здесь не был. Мистер Гонт провел полдень в Касл-Роке — Эйс это знал, — стоя у окна, глядя на прохожих и, может, даже время от времени заменяя табличку: «ЗАКРЫТО ПО СЛУЧАЮ ДНЯ КОЛУМБА» на «ОТКРЫТО», когда видел, скажем, что приближается нужный клиент — тот, с кем парень вроде мистера Гонта может проверить какое-нибудь дельце.

Но каким именно дельцем занимался мистер Гонт? Эйс не был уверен, что ему так уж хочется это знать. Но он хотел знать, что находилось в этих ящиках. Если уж он должен тащить их отсюда в Касл-Рок, он, черт возьми, *имеет право* знать.

Он нажал на кнопку «Стоп» на магнитофоне и снял его с ящиков. На рабочем столе отыскал среди инструментов молоток, взял стоявший у стены ломик, вернулся к ящикам и засунул острие лома под деревянную крышку самого верхнего из них. Когда он надавил на лом, крышка поднялась под скрип вылезающих гвоздей. Содержимое ящика было покрыто тяжелой промасленной тканью. Он стянул ее и буквально разинул рот от того, что предстало его глазам.

Капсюльные взрыватели.

Дюжины капсюльных взрывателей.

Может быть, сотни капсюльных взрывателей, каждый в своем уютном гнездышке из стружки.

Господи Боже мой, что он собирается сделать? Начать третью мировую войну?

С гулко стучащим в груди сердцем Эйс забил гвозди обратно и отставил ящик со взрывателями в сторону. Потом открыл следующий, ожидая увидеть ровные ряды толстых красных палочек, похожих на автомобильные стоп-сигналы.

Но там был не динамит. Там были стволы.

Всего, быть может, около дюжины, и все — мощные автоматические пистолеты. Запах

жирной смазки, в которой они лежали, ударил ему в нос. Он не знал, чьего они были производства — может, немецкие, — но хорошо знал, что они означают: от двадцати до пожизненного, если его возьмут с ними в Массачусетсе. У федеральных властей очень суровый взгляд на стволы, в особенности на автоматическое оружие.

Второй ящик он отставил в сторону, не забывая крышки, и открыл третий. Тот был полон патронов.

Эйс отступил на шаг, нервно потирая рот тыльной стороной правой руки.

Капсюльные взрыватели.

Автоматические пистолеты.

Патроны.

Это и есть товар?

— Без меня, — тихо произнес Эйс и покачал головой. — Я пас. Ни при какой погоде.

Мехико становился все желаннее и ближе. Может, даже Рио. Эйс не знал, строит ли Гонт ловушку или электрический стул, но он твердо знал, что не хочет иметь с этим дело ни за какие коврижки. Он отваливает, и отваливает прямо сейчас.

Взгляд его задержался на ящике с пистолетами.

«И я возьму с собой одного из этих малюток, — подумал он. — Хоть что-то за все мои хлопоты. Назовем это сувениром».

Он направился к ящику, и в ту же самую секунду катушки на магнитофоне снова завертелись, хотя никто не нажимал ни на какие кнопки.

— Даже не думай об этом, Эйс, — холодно посоветовал голос мистера Гонта, и Эйс вскрикнул. — Тебе лучше со мной не тягаться. Если ты только попробуешь — то, что собирались сделать с тобой братья Корсон, покажется тебе загородной прогулкой по сравнению с тем, что с тобой сделаю я. Теперь ты мой. Держись за меня, и мы хорошенько позабавимся. Держись за меня, и ты отплатишь каждому, кто делал тебе гадости в Касл-Роке... И ты уедешь богатым. Попробуй сделать мне наперекор, и ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Магнитофон выключился.

Вытащенные глаза Эйса уставились на шнур, взгляд пробежал до самого штепселя. Тот валялся на полу, покрытый толстым слоем пыли.

Да и розетки нигде поблизости видно не было.

4

Неожиданно Эйс почувствовал себя намного спокойнее, и это было не так уж странно, как могло показаться на первый взгляд. Стрелка его эмоционального барометра перестала бешено дергаться по двум причинам.

Во-первых, по складу ума Эйс был своего рода дикарем. Он чувствовал бы себя как рыба в воде, доведись ему жить в пещере и таскать свою сожительницу за волосы в свободное от швыряния камней во врагов время. Он был из тех, чьи реакции вполне предсказуемы, лишь когда они сталкиваются с превосходящим их авторитетом или силой. Такие столкновения случаются нечасто, но, когда они происходят, люди этого сорта гибнут перед сильнейшим почти сразу. Хотя он сам и не подозревал, именно эта его черта не позволила ему попросту улизнуть от братьев Корсон. Единственная потребность, превалирующая над жаждой властвовать у таких людей, как Эйс Меррилл, — это желание повалиться на брюхо и подставить беззащитную шею, как только появится настоящий вожак стаи.

Вторая причина была даже проще: он предпочел поверить в то, что все это ему снится. Какая-то часть его сознания понимала, что это неправда, но все же поверить в это было легче, чем в реальность происходящего; он даже не хотел допустить мысли о том, что может существовать мир, признающий присутствие мистера Гонта. Было гораздо легче — и безопаснее — просто выключить на некоторое время все мыслительные процессы и

завершить дело. Поступив таким образом, он может в конечном итоге пробудиться в привычном, хорошо знакомом мире. Бог свидетель, в том мире есть свои опасности, но по крайней мере тот мир ему вполне понятен.

Он забил молотком крышки на ящиках с пистолетами и патронами. Потом подошел к зачехленному автомобилю и ухватился за брезентовый чехол, тоже покрытый толстым слоем пыли. Стащил чехол и... на мгновение совершенно забыл обо всем, повергнутый в изумление и восхищение.

Точно, это был «такер», и он был великолепен.

Цвет — канареечно-желтый. Вытянутый кузов сверкал хромом по бокам и под узорным передним бампером. Третья фара уставилась на Эйса с самого центра капота под серебряным орнаментом, похожим на нос поезда-экспресса из будущего.

Эйс медленно обошел машину, пожирая ее глазами.

Сзади на боках тускло сверкали хромированные решетки; он понятия не имел, для чего они предназначены. Возле правого заднего подфарника сияли хромированные косые буквы, складывающиеся в два слова: «такер-талисман». Эйс никогда в жизни не слышал про такую модель. Он полагал, что единственной «тачкой», которую выпустил Престо Такер, была «Торпедо».

Сейчас у тебя другая проблема, старина, — на этой штуке нет номеров. Ты что, собираешься тащиться всю дорогу до Мэна в «тачке», которая бросается в глаза, как бородавка на носу, в «тачке» без номеров, нагруженной стволами и взрывателями?

Да. Именно это он и собирался сделать. Конечно, это была не самая удачная идея, да что там — просто поганая, но... любая другая означала попытку потягаться с мистером Лиландом Гонтом и казалась куда хуже. Кроме того, ведь это был сон.

Он вытряс ключи из конверта, подошел к багажнику и тщетно поискал замок. Потом вспомнил фильм с Джеффом Бриджесом и все понял. Как и в немецком «фольксвагене» и в «:чеви-корвире», двигатель «такера» находился сзади, а багажник спереди.

Довольно уверенно он отыскал замочек прямо под этой проклятой третьей фарой и открыл багажник. Тот и в самом деле был небольшим и совершенно пустым, если не считать одного предмета — маленькой бутылочки с белым порошком и с ложечкой, прикрепленной к крышке цепочкой. К цепочке был приклеен маленький клочок бумаги. Эйс оторвал клочок и прочел — мелкими заглавными буквами там было написано:

ПОНЮХАЙ МЕНЯ.

Эйс последовал этому указанию.

5

Почувствовав себя намного лучше после дозы несравненного зелья мистера Гонта, осветившего ему мозги, как фасад музыкального автомата «Рок-ола» Генри Бюфорта, Эйс загрузил пистолеты и патроны в багажник. Ящик с капсульными взрывателями он запихал на заднее сиденье, прервавшись лишь на секунду, чтобы глубоко втянуть в себя новую дозу порошка. Внутри машины пахло новой «тачкой» — запахом, не сравнимый ни с чем на свете (кроме разве женской прелести), и, сев за руль, он обнаружил, что машина новехонькая: счетчик спидометра у «такера-талисмана» миссера Гонта стоял на «00000,0».

Эйс воткнул ключ в зажигание и повернул его.

«Талисман» завелся с негромким восхитительным урчанием. Интересно, сколько у него лошадок под капотом? Он не знал, но похоже было, что целый табун. В тюремной библиотеке было полно книжек по автомобилям, и Эйс прочел почти все. У «такера-торпедо» было шесть цилиндров, движок около трехсот пятидесяти кубических дюймов, совсем как у автомобилей, выпускавшихся мистером Фордом в 1948-1952 годах. Мощность — примерно сто пятьдесят лошадиных сил.

У этого, похоже, еще больше. Намного больше.

Эйс испытывал сильное желание вылезти из машины, обойти ее сзади и взглянуть под капот, но... это было все равно что думать про то странное имя — йог-как-его-там-дальше. Почему-то это казалось неудачной мыслью, а удачной — как можно быстрее пригнать эту штуковину в Касл-Рок.

Он начал было вылезать из машины, чтобы подойти к пульту управления дверью гаража, но потом передумал и вместо этого нажал на гудок — посмотреть, не выйдет ли чего-нибудь. Кое-что вышло. Дверь бесшумно скользнула на роликах вверх.

Где-то тут наверняка есть звуковой сенсор, сказал он себе, но сам уже в это не верил. Да его это больше и не заботило. Он врубил первую передачу, и «талисман» выполз из гаража. Катя по ухабистой дорожке к дыре в заборе, он снова надавил на гудок, и в зеркале заднего обзора увидел, как лампы в гараже потухли, а дверь поползла вниз. В последний момент он уловил силуэт своего «челленджера», уткнувшегося носом в стену, и смятый брезент возле него, на полу. У Эйса возникло странное чувство, что он никогда больше не увидит своей машины. Он поймал себя на том, что и это его не заботит.

6

«Талисман» не только летел стрелой: он, казалось, знал свою дорогу назад к Сторроу-драйв и повороту на север. То и дело сигналы поворота зажигались сами собой. Когда это происходило, Эйс просто-напросто делал очередной поворот. Маленькая бостонская трущоба, где он обнаружил «такер», моментально осталась позади, и перед ним замаячила тень Тобин-бриджа, больше известного под названием Мистик-Ривер-бридж¹⁵ — черная громада на фоне темнеющего неба.

Эйс включил фары, и тут же перед ним возник резко очерченный веер света. Стоило ему повернуть рулевое колесо, как веер поворачивался вместе с ним. Эта чертова средняя фара была той еще штучкой. Неудивительно, что бедного дурачка, который изобрел эту машину, выкинули из дела, подумал Эйс.

Он уже проехал тридцать миль к северу от Бостона, когда заметил, что стрелка бензомера стоит на нуле. На первом же повороте он съехал с шоссе и затормозил у ближайшей автозаправки. Замасленными пальцами заправщик сдвинул свою кепку на затылок и, восхищенно причмокивая, обошел вокруг машины.

— Классная «тачка»! — воскликнул он. — Где вы ее взяли?

— В Долинах Лэнга, — не задумываясь ответил Эйс. — «Йог Софот винтэйдж моторе».

— Чего-чего?

— Давай, сынок, заправь ее — мы ведь не на викторине «Двадцать вопросов».

— О-о, гхм... — прокашлялся заправщик, снова окинув взглядом Эйса и моментально став покладистым и заискивающим. — Конечно! Еще бы!

И он попытался заправить бензобак, но автомат отключился, залив бензина на четырнадцать центов. Заправщик попробовал залить еще — вручную, но бензин лишь вытек на сверкающий желтый бок «талисмана» и полился на асфальт.

— По-моему, ему не нужен бензин, — робко предположил заправщик.

— По-моему, тоже.

— Может, у вас засорился бензопро...

— Вытри бензин с моей машины. Ты что, хочешь, чтобы краска покоробилась? У тебя не все дома?

Парень торопливо принялся обтирать бок машины, а Эйс отправился в туалет, чтобы слегка прочистить нос порошочком. Когда он вышел оттуда, заправщик стоял на почтительном расстоянии от «талисмана», нервно теребя тряпку в руках.

¹⁵ Мост Таинственной реки (англ.).

«Он испуган, — подумал Эйс. — Чего он боится? Меня?»

Нет, парнишка в рабочем фартуке даже не глядел в сторону Эйса; взор его был прикован к «такеру».

Он попробовал дотронуться до него, подумал Эйс.

Это открытие — а это было не что-нибудь, а именно открытие — раздвинуло уголки его губ в слабой мрачной улыбке.

Он попробовал дотронуться до машины, и что-то произошло. Что именно — не важно. Это дало ему понять, что смотреть можно, но лучше не трогать — вот что важно.

— Платить не надо, — сказал заправщик.

— Вот *это* ты верно усек, — сказал Эйс, уселся за руль и торопливо отъехал. У него появилась свежая мысль насчет «талисмана». С одной стороны, мысль была страшноватой, но с другой — *потрясающей*. Быть может, стрелка у него всегда на нуле, подумал он, а... бак — всегда полный.

7

Контрольный пункт для легковых автомобилей в Нью-Хэмпшире автоматический; бросаешь на доллар мелочи в прорезь турникета, красный свет сменяется зеленым — и можно ехать. Только когда Эйс подвел «талисман» к турникету, зеленый свет зажегся сам по себе и высветилась маленькая табличка:

ПРОЕЗД ОПЛАЧЕН, СПАСИБО

— Не стоит, — буркнул Эйс и двинулся к штату Мэн.

Оставив позади Портленд, он стал выжимать больше восьмидесяти миль в час, а под капотом у «талисмана» оставался еще большой запас. Сразу после выезда из Фалмута он прибавил газу и увидел полицейскую патрульную машину, приткнувшуюся к обочине. Из окошка водителя торчала четкая тень пистолета для измерения скорости.

«Ох ты, — подумал Эйс, — засек меня. Конец. Господи Боже мой, зачем же я так гнал со всем этим дерьмом в багажнике?»

Но он прекрасно знал зачем, и виной тому был вовсе не кокаин. В любое другое время, может, и кокаин, но не на этот раз. Дело было в «талисмани» — тот хотел ехать быстро. Эйс смотрел на спидометр, немного отпускал ногу на педали газа и... через пять минут ловил себя на том, что опять вдавливая педаль в пол на три четверти.

Он ждал, что патрульная «тачка» взревет и с моргающими голубыми огнями ринется за ним, но этого не произошло. Эйс пронесся мимо, выжимая не меньше восьмидесяти, а патрульный штат даже не шевельнулся.

Черт, он, наверно, дрыхнет.

Но Эйс-то знал, в чем дело. Когда из окошка высовывается пистолет-радар, всякому ясно, что парень внутри начеку и сделал стойку. Нет, случилось другое: патрульный штат просто не видел «талисман». Звучало, конечно, дико, но дело было именно в этом. Огромная желтая машина с тремя слепящими фарами спереди была невидима как для классной электронной техники, так и для легавых, которые этой техникой пользовались.

Ухмыляясь, Эйс разогнал «такер-талисман» мистера Гонта до ста десяти в час. Он вернулся в Рок в четверть девятого — почти за четыре часа до назначенного Гонтом срока.

8

Мистер Гонт вышел из магазина и встал под навесом — посмотреть, как Эйс загоняет «талисман» на одно из трех свободных парковочных мест перед «Самым необходимым».

— Ты выдал неплохое время, Эйс.

— Ага. Ну и «тачка»!

— Будь спок, — сказал мистер Гонт и провел ладонью по гладкому закругленному капоту. — Единственная в своем роде. Насколько я понимаю, ты привез мой товар.

— Да, мистер Гонт. На обратном пути я кое-что понял насчет этой машины — какая она особенная, но, считаю, вам все же стоит подумать, как достать для нее номера, может, талон на тех...

— Они не нужны, — беззаботно ответил мистер Гонт. — Будь добр, Эйс, поставь ее на аллейке за магазином. Я позабочусь о ней позже.

— Как? Когда? — Эйс неожиданно поймал себя на том, что ему не хочется возвращать машину мистеру Гонту. Дело было не только в том, что он оставил свою собственную «тачку» в Бостоне, а для его ночной работы ему требовались колеса; по сравнению с «талисманом» любая другая машина, на которой он когда-либо ездил, включая «челленджер», казалась просто телегой.

— А это, — сказал мистер Гонт, — уже мое дело. — Он невозмутимо взглянул на Эйса. — Для тебя же будет лучше, Эйс, если ты станешь относиться к своей работе, как к службе в армии. У тебя теперь есть три пути — верный путь, неверный и путь мистера Гонта. Если будешь держаться третьего, беда минует стороной. Ты меня понял?

— Ага. Понял.

— Ну и отлично. А теперь рули к заднему входу.

Эйс завел желтую машину за угол и медленно поехал вдоль узкой аллеи, проходящей позади деловых зданий на западной стороне Мейн-стрит. Задняя дверь «Самого необходимого» была открыта. Мистер Гонт стоял, освещенный желтым фонарем, и ждал. Он даже и не подумал помочь Эйсу, когда тот, пытаясь от натуги, перетаскивал ящики в заднее помещение магазина. Хоть Эйс этого не знал, но многие покупатели здорово удивились бы, увидев эту комнату. Они слышали, как за бархатной шторой, отделяющей магазин от складского помещения, мистер Гонт перебирал товары, двигал коробки, но... в комнате ничего не было до тех пор, пока Эйс не сложил ящики в том углу, на который указал ему мистер Гонт.

Хотя... Одна вещь там была. В дальнем углу под защелкнутой пружиной большой мышеловки «Победа» лежала коричневая норвежская крыса. Хребет у нее был сломан, передние зубы обнажились в смертельном оскале.

— Отличная работа, — сказал мистер Гонт, потирая свои длиннопалые ладони и улыбаясь. — Что ни говори, а вечер прошел не зря. Ты превзошел мои ожидания, Эйс.

— Благодарю вас, сэр! — выпалил Эйс и застыл пораженный. Никогда в жизни он никого еще не называл «сэром».

— Вот тебе кое-что за твои хлопоты. — Мистер Гонт вручил Эйсу коричневый конверт. Эйс сжал его кончиками пальцев и почувствовал слабый шорох порошка внутри. — Полагаю, тебе захочется кое-что исследовать сегодня ночью, не так ли? Это поможет тебе ощутить небольшой прилив свежих сил, как гласили старые рекламы зубного порошка.

Эйс вздрогнул.

— Ах черт! Черт! Я оставил книгу — ту самую, с картой — в своей «тачке»! Она осталась там, в Бостоне! Черт бы меня побрал! — Он стукнул себя кулаком по бедру.

Мистер Гонт улыбался.

— Не думаю, — сказал он. — По-моему, она в «такере».

— Да нет, я...

— Почему бы тебе не взглянуть?

Эйс так и сделал, и, разумеется, книга была там — лежала на приборном щитке, упираясь корешком в патентованное выгнутое ветровое стекло «такера». «Затерянные и закопанные сокровища Новой Англии». Он схватил ее и пролистал страницы. Карта была по-прежнему внутри. Он взглянул на мистера Гонта с немой благодарностью.

— Твои услуги мне не понадобятся до завтрашнего вечера, приблизительно до того же времени, что и сегодня, — сказал мистер Гонт. — Советую тебе проводить дневные часы у

себя дома, в Меканик-Фоллс. Тебя это вполне устроит; думаю, тебе захочется подольше поспать. Если я не ошибаюсь, впереди у тебя трудная ночь.

Эйс вспомнил маленькие крестики на карте и кивнул.

— Кроме того, в ближайшие день-другой тебе полезно будет избегать внимания шерифа Пэнгборна, — добавил мистер Гонт. — Не думаю, что это будет иметь значение после. — Губы его раздвинулись, а зубы выдвинулись вперед, раскрывая большую хищную пасть. — Полагаю, к концу недели многие вещи, очень важные до сих пор для большинства жителей этого города, вообще утратят какое бы то ни было значение. Как по-твоему, Эйс?

— Как скажете, — ответил Эйс. Он опять стал впадать в странное, потустороннее состояние, и ему было все равно. — Правда, я не знаю, на чем мне туда добираться.

— Все уже устроено, — сказал мистер Гонт. — Перед магазином ты увидишь припаркованную машину с ключами в зажигании. Машина, так сказать, от фирмы. Боюсь, это всего лишь «шевроле» — совершенно обычный «шевроле», но тем не менее он обеспечит тебе абсолютно надежную и бесперебойную езду. Конечно, автобус ТВ-новостей понравится тебе больше, но...

— Автобус? Какой автобус?

Мистер Гонт предпочел не отвечать на этот вопрос.

— Но с «шевроле» у тебя не будет никаких трудностей в смысле передвижения. Ручаюсь. Только не пытайся убежать на нем от полицейских ловушек. Боюсь, это не пройдет. Не тот экипаж. Совсем не тот.

— Я бы, конечно, хотел иметь «тачку» вроде вашей, сэр, мистер Гонт. Роскошная машина, — услышал Эйс собственный голос.

— Что ж, возможно, мы сумеем заключить сделку. Видишь ли, Эйс, моя политика в бизнесе крайне проста. Хочешь знать, в чем она состоит?

— Конечно, — совершенно искренне ответил Эйс.

— Все продается. Такова моя философия. Все — на продажу.

— Все на продажу, — мечтательно повторил Эйс. — Ух ты! Круто!

— Совершенно верно! Круто! А теперь, Эйс, я, пожалуй, перекушу. А то я был слишком занят — праздник ли там или нет. Я бы пригласил тебя присоединиться к моей трапезе, но...

— Не-е-е, я правда не могу...

— Конечно, ты не можешь. Тебе надо успеть во много мест и вырыть много ям, верно? Я буду ждать тебя завтра вечером, от восьми до девяти.

— От восьми до девяти.

— Да. Когда стемнеет.

— Когда никто ничего не знает и не видит, — мечтательно произнес Эйс.

— Точно! Прямо в десятку! Спокойной ночи, Эйс.

Мистер Гонт протянул руку. Эйс начал протягивать свою, и... вдруг увидел, что рука Гонта не пуста — в ней что-то болталось. Коричневая крыса из мышеловки в складской комнате. Эйс отшатнулся с негромким возгласом отвращения. Он понятия не имел, когда мистер Гонт успел взять крысу. Или, может, это другая?

Эйс решил, что это его не колышет. Он знал лишь, что не собирается пожимать руку сдохлой крысой, каким бы блестящим пижоном ни был мистер Гонт.

— Извини, — с улыбкой сказал мистер Гонт. — С каждым годом я становлюсь все забывчивей. Похоже, я только что пытался вручить тебе свой ужин, Эйс!

— Ужин?.. — слабым, глухим голосом пробормотал Эйс.

— Ну да. — Толстый желтый ноготь большого пальца распорол белый мех, скрывающий брюшко крысы; мгновением позже ее внутренности вывалились на лишенную линий ладонь мистера Гонта. Прежде чем Эйс смог увидеть что-то еще, мистер Гонт отвернулся, притворяя за собой заднюю дверь, выходящую на аллею. — Так куда же я положил сыр?..

Раздался металлический щелчок, и дверь захлопнулась, оставив Эйса снаружи.

Он согнулся почти пополам, решив, что сейчас его вырвет прямо на землю, между ботинок. Желудок сжался, комок подкатил к горлу и... снова опустился вниз.

Потому что он вовсе не видел того, что ему показалось.

— Это была шутка, — пробормотал он. — Он прятал резиновую крысу в кармане пиджака или что-то в этом роде. Обыкновенная шутка.

Так ли? А как тогда насчет внутренностей? И холодной желеобразной массы вокруг них? Как прикажешь это понимать?

Ты просто устал, подумал он. Все это — твое воображение и ничего больше. Это была резиновая крыса. А что до всего остального — начхать...

Но на какое-то мгновение все это, вместе взятое, — пустынный гараж, самоуправляющийся «такер», даже та зловещая надпись на стене: «ПРАВИТ ЙОГ СОФОТ» — попыталось возобладать, и властный внутренний голос рявкнул: «Уноси отсюда ноги! Убейся подальше, пока еще есть время!»

Но это была и впрямь безумная мысль. Там, в ночи, его ожидали деньги. Быть может, много денег. Может, целое состояние.

Несколько минут Эйс простоял в темноте, как робот, у которого сели батарейки. Мало-помалу к нему стало возвращаться некоторое чувство реальности — ощущение себя самого — и он решил, что крыса не имеет никакого значения. Равно как и «такер-талисман». Порошок — имел значение, карта — имела, и, как он подозревал, очень простая политика мистера Гонта в бизнесе тоже кое-что значила, но больше — ничего. Он просто не мог позволить чему-то еще иметь значение.

Он пошел по аллее, завернул за угол и очутился перед «Самым необходимым». Магазин был закрыт, свет не горел, как и во всех магазинах на нижней части Мейн-стрит. Прямо перед магазином мистера Гонта была припаркована машина — «чеви-селебрити», как и было обещано. Эйс попытался припомнить, была ли она там, когда он подъезжал на «талисмани», но не смог. Каждый раз, когда он напрягал свой рассудок и пытался прокрутить воспоминания о прошлом более давнем, чем последние несколько минут, тот словно попадал в дорожную пробку; он видел себя, протягивающего руку мистеру Гонту — самая естественная вещь на свете — и неожиданно замечающего, что тот держит в руке громадную дохлую крысу.

— А теперь я, пожалуй, перекушу. Я бы пригласил тебя присоединиться, но...

Ладно, это просто еще одна вещь, которая ничего не значит. «Чеви» на месте, а остальное — не важно. Эйс открыл дверцу, положил книжку с драгоценной картой на сиденье, а потом вытащил ключи из зажигания. Он обошел машину и открыл багажник. У него была одна неплохая мыслишка насчет того, что там будет, и он не ошибся: лом и лопата с короткой рукояткой лежали, аккуратно сложенные крест-накрест. Эйс всмотрелся пристальней и увидел, что мистер Гонт даже позаботился о паре прочных рабочих рукавиц.

— Мистер Гонт, вы ничего не упустили, — сказал он, захлопнул багажник и заметил на заднем бампере ярлык. Он наклонился поближе и увидел:

Я ДОПОТОПНЫЙ

Эйс засмеялся. Он все еще смеялся, когда пересекал Тин-бридж, беря курс на участок старого Треблхорна, с которого решил начать свои работы. Уже по ту сторону моста, взбираясь на холм Пэндерли, он разминулся с открытым фургоном, направлявшимся в обратную сторону — в город. Фургон был набит молодыми людьми. Они по-баптистски дружно и во весь голос распевали: «Какого друга обрели мы в Господе Иисусе!»

они с ребятами съездили на озеро Ауберн — миль за двадцать пять от города. Там открылся недельный палаточный сбор, и Вик Тремейн сказал, что там будет в пять часов специальный молебен с пением гимна по случаю Дня Колумба. Поскольку машина Лестера была у Салли и они с ней ничего не планировали на вечер — ни похода в кино, ни ужина в «Макдоналдсе» в Саут-Пэрисе, — он отправился вместе с Виком и остальными ребятами — всеми, как на подбор, истинными христианами.

Он, конечно, понимал, почему ребята так жаждут туда прокатиться, и причина была отнюдь не религиозная — во всяком случае, не только религиозная. На таких палаточных сборах, проходящих по всему северу Новой Англии с мая и до самой последней ярмарки домашнего скота в конце октября, всегда полно красивых девчонок, а распевание гимна (не говоря уже о горячих молебнах и хорошей дозе старого доброго христианского воодушевления) обычно приводит их в веселое и отзывчивое настроение.

Лестер, у которого была своя девушка, смотрел на планы и устремления приятелей со снисходительностью пожилого отца семейства, взирающего на молодые попки школьников. Он поехал с ними просто за компанию и еще потому, что всегда любил послушать хорошую молитву и попеть после изнурительной игры с ударами головой и силовыми приемами. Из всех известных ему способов охладиться и расслабиться это был самый лучший.

Сбор удался на славу, но в конце огромная туча народу пожелала оказаться в числе спасенных. В результате сбор продлился чуть дольше, чем желал бы Лестер. Он собирался звякнуть Салли и спросить, не хочет ли она сходить в «Уикси» съесть мороженого или еще чего. Как он давно заметил, порой девушки любят под влиянием момента совершать подобные поступки.

Они проехали Тин-бридж, и Вик высадил его на углу Мейн и Уотермилл-лейн.

— Отличная была игра, Лес! — окликнул его с заднего сиденья Билл Макфарланд.

— Еще бы! — весело отозвался Лестер. — Давайте повторим в субботу — может, мне удастся сломать тебе руку, а не просто вывернуть!

Четверо молодых парней в «тачке» Вика от души рассмеялись этой нехитрой шутке, и Вик уехал. Звуки гимна «Иисус — наш друг навечно» растворились в странно летнем воздухе. Обычно он становится влажным на заходе солнца даже в самые жаркие денечки бабьего лета. Но не сегодня вечером.

Лестер медленно взбирался на холм по пути к дому, чувствуя себя усталым, разбитым и совершенно удовлетворенным. Каждый день, когда ты отдал сердце Иисусу, — чудесный день, но некоторые дни бывают еще прекрасней. Этот был одним из самых замечательных, и все, что ему сейчас хотелось, это принять душ, звякнуть Салли и нырнуть в постель.

Поворачивая на дорожку к своему дому, он смотрел на звезды, стараясь отыскать созвездие Ориона, в результате чего на быстром ходу врезался животом прямо в задний борт своего «мустанга».

— Уу-у-у-х! — вырвалось у него. Лестер отшатнулся, согнулся почти пополам и схватился за свои ушибленные причиндалы. Через несколько секунд ему удалось поднять голову и посмотреть затуманенными от боли глазами на машину. Что она, прах ее побери, тут вообще делает? «Хонда» Салли никак не должна быть готова раньше среды... А может, четверга или пятницы — со всеми этими праздниками.

Потом в мозгу у него ярко вспыхнул оранжево-розовый свет — его осенило. Салли в доме! Она зашла, когда его не было, и теперь ждет его там! Может, она решила, что сегодняшняя ночь — их ночь! Секс до свадьбы — это, конечно, нехорошо, но иногда приходится разбить пару яиц, чтобы приготовить омлет. И если она там, он с радостью готов загладить и искупить этот грех после.

— Раз-два-три! — с воодушевлением крикнул Лестер Пратт. — Крошка Салли там внутри!

Он ринулся к крыльцу походкой краба, все еще держась за свои ноющие яйца. Впрочем, теперь они ныли не только от боли, но и от возбуждения. Он вытащил ключ из-под коврика и открыл дверь.

— Салли? — позвал Лестер. — Сал, ты здесь? Извини, я опоздал — ездили с ребятами на Ауберн, там было молитвенное собрание и...

Он осекся. Ответа не было, а это означало, что ее здесь нет. Если только она не...

Со всей скоростью, на какую он был способен, Лестер ринулся наверх в неожиданной уверенности, что найдет ее спящей в его постели. Она раскроет глаза и усядется на кровати, простыня соскользнет с ее чудных грудок (которые он осязал — ну, что-то в этом роде, — но никогда еще не видел); протянет к нему руки, ее прелестные сонные глаза широко раскроются, и... к тому времени, когда часы пробьют десять, они уже больше не будут непорочными. Раз-два-три!

Но спальня была так же пуста, как и кухня и комната внизу. Одеяла и простыни, как обычно, валялись на полу; Лестер был из тех парней, которые настолько переполнены энергией и святым духом, что просто не в состоянии спокойно проснуться и встать с постели утром; он вылетал из нее с жадной не просто встретить грядущий день, а скрутить его, швырнуть на зеленое поле и погонять, как мячик.

Сейчас он, однако, спускался по лестнице медленно и нахмурившись, что портило его широкое простодушное лицо. Машина была здесь, а Салли — нет. Что это могло значить, он не знал, но ему это явно не нравилось.

Он зажег свет на крыльце и решил посмотреть, не оставила ли она ему записку в машине. Он дошел до верхней ступеньки и застыл словно замороженный. Точно — там была записка, причем написанная прямо на крыле «мустанга» ярко-розовой краской из баллончика, взятого, по всей видимости, в его собственном гараже. Большие буквы нагло ухмылялись ему в лицо: ПОШЕЛ ТЫ К ЧЕРТУ, ЛЖИВЫЙ УБЛЮДОК!

Лестер долго стоял на верхней ступеньке крыльца, снова и снова перечитывая послание своей невесты. Где тут собака зарыта? Молитвенное собрание? Она решила, что он поехал на Ауберн, чтобы закадрить какую-нибудь девчонку? При всем его огорчении это была единственная мысль, в которой, на его взгляд, содержался хоть какой-то смысл.

Он вошел в дом и набрал номер Салли. Он ждал долго, гудков двадцать, но там никто не снимал трубку.

10

Салли знала, что он будет звонить, и поэтому попросила у Айрин Лутдженс разрешения переночевать у нее. Айрин, едва не лопааясь от любопытства, сказала: «Да о чем речь, конечно». Салли была так чем-то расстроена, что вовсе не выглядела красивой. Айрин не верила своим глазам, но факт оставался фактом.

Со своей стороны, Салли никоим образом не собиралась рассказывать ни Айрин, ни вообще кому бы то ни было о том, что произошло. Это было слишком ужасно, слишком постыдно. Она унесет это с собой в могилу. Итак, не меньше получаса она упорно отказывалась отвечать на расспросы Айрин, а потом вся история выплеснулась из нее вместе с горячим потоком слез. Айрин слушала, обнимая подругу, и глаза ее становились все больше и круглее.

— Все будет хорошо, — мурлыкала Айрин, баюкая Салли в своих объятиях. — Все будет хорошо, Салли — если даже этот сукин сын тебя не любит, то тебя любит Иисус. И я тоже. И его преподобие Роуз. И ты ведь наверняка чем-то отплатила этому мускулистому червяку, чтобы он как следует тебя запомнил, правда?

Салли кивнула, всхлипнув, а подруга гладила ее волосы и бормотала что-то утешительное. Айрин едва могла дождаться утра, когда она сможет обзвонить всех своих приятельниц. Они ей просто не поверят! Айрин жалела Салли — жалела искренне, но в то же время еще испытывала и что-то похожее на удовольствие от случившегося. Салли была такой хорошенькой, такой безупречно святой. И в каком-то смысле это даже приятно — хоть разок увидеть, как она в чем-то терпит полный крах.

«И Лестер — самый красивый парень в приходе. Если у них с Салли и вправду все

кончено, интересно, почему бы ему не закадрить меня? Порой он смотрит на меня так, словно ему интересно, какое у меня нижнее белье, так что тут нет ничего уж такого невероятного».

— Я так ужасно себя ч-ч-чувствую! — плакала Салли. — Т-т-т-акой г-г-грязной!

— Ну, еще бы, — соглашалась Айрин, продолжая успокаивать ее, гладить по волосам. — У тебя уже нет того письма и фотографии, а?

— Я с-с-сожгла их! — выкрикнула Салли, отрываясь от Айрин, а потом новый взрыв горя и отчаяния заставил ее вскочить и убежать в ванную.

— Ну конечно, сожгла, — пробормотала Айрин. — Именно так тебе и *следовало* поступить. — «И все же, — подумала она, — могла бы подождать, пока я не взгляну хоть разочек, ты, дурочка».

Салли провела ночь у Айрин, в комнате для гостей, но почти совсем не спала. Ее слезы в конце концов утихли, и большую часть ночи она провела, уставясь сухими глазами в темноту, охваченная такими жуткими и сладострастными фантазиями о мести, которые могла бы понять и разделить лишь прежде наивно-благодушная, а потом обманутая любовница.

Глава 15

1

Первый из клиентов мистера Гонта «только по предварительному заказу» прибыл ровно в восемь часов утра во вторник. Это была Лусил Данхем, официантка из закусочной «У Нэнси». Лусил страдала глубоко и безнадежно с тех пор, как увидела черный жемчуг на одном из стендов в «Самом необходимом». Она прекрасно понимала, что никогда не сможет купить столь дорогую вещь при том нищенском жалованье, которое платит ей эта живодерка Нэн Робертс, проработай она у нее хоть миллион лет. И тем не менее, когда мистер Гонт предложил ей обсудить это в приватной беседе, а не в присутствии половины города, заглядывающей им через плечо (образно выражаясь), Лусил клюнула на предложение, как голодная рыба на блестящую приманку.

Она вышла из «Самого необходимого» в двадцать минут девятого с отрешенной, мечтательной улыбкой счастья на лице. Она купила черный жемчуг за совершенно невообразимую сумму — тридцать восемь долларов и пятьдесят центов. Еще она обещала сыграть маленькую шутку — абсолютно безобидную — с этим надутым индюком, баптистским священником Уильямом Роузом. Для Лусил это была не работа, а одно удовольствие. Этот вечно цитирующий Библию вонючий козел ни разу не дал ей на чай даже десяти центов. Лусил (ревностная прихожанка методистской церкви, даже не помышлявшая о том, чтобы трясти хвостом на этом разнузданном шабаше в субботнюю ночь) много слышала о райском блаженстве на небесах; ей было интересно, известно ли его преподобию Роузу, что давать — куда почетнее, чем брать.

Что ж, вот она и отомстит ему... И потом, это ведь совершенно безобидно. Сам мистер Гонт так ей сказал.

Сей джентльмен проводил ее с приятной улыбкой. Впереди у него был напряженный день — *чрезвычайно* напряженный, с деловыми встречами примерно каждые полчаса и множеством телефонных звонков. Карнавал был подготовлен прекрасно: проверка одного из главных аттракционов прошла успешно; время дернуть за все веревочки разом было уже близко. Как и всегда, когда он достигал этой точки, будь то в Ливане, Анкаре, западных провинциях Канады или здесь, в Хайксвилле, США, он чувствовал, что в сутках не хватает часов. Однако нужно задействовать все средства для достижения цели, поскольку занятые руки — счастливые руки, и рвение благородно уже само по себе, и...

И если его старые глаза не обманывают, вторая посетительница этого дня, Иветт Джендрон, уже спешит к зеленому тенту над его витриной.

— Трудный, трудный, трудный денек, — пробормотал мистер Гонт и изобразил на своем лице широкую радушную улыбку.

2

Алан Пэнгборн вошел в свой офис в половине девятого, и его уже ждала записка, приклеенная сбоку на телефоне. Генри Пейтон из полиции штата звонил в семь сорок пять. Он просил Алана отзвонить ему как можно быстрее. Алан уселся в кресло, зажал трубку между ухом и плечом и ударил по кнопке автодозвона в Оксфордские казармы. Из верхнего ящика своего стола он достал четыре серебряных доллара.

— Привет, Алан, — сказал Генри. — Боюсь, у меня плохие новости по поводу твоего двойного убийства.

— Ага, значит, это уже стало моим двойным убийством, — кивнул Алан. Он зажал в кулаке четыре монетки, а потом снова разжал кулак: теперь там их было три. Он откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. — Тогда новости и в самом деле плохие.

— Судя по голосу, ты совсем не удивился.

— Совсем. — Он снова сжал кулак и мизинцем подвинул самую нижнюю монету из общей кучи. Это была очень деликатная операция, но... Алану — вполне по плечу. Серебряный доллар выскользнул из кулака и провалился в рукав. Раздалось негромкое «звяк!», когда монетка ударилась о первую, звук, который будет заглушен магическими заклинаниями во время настоящего исполнения. Алан снова раскрыл ладонь — теперь там лежали лишь две монетки.

— Тебя не затруднит рассказать почему? — спросил Генри не без некоторого нажима.

— Ну, последние два дня я почти только об этом и думаю, — сказал Алан. Даже это было преуменьшением. С того самого момента, когда он в воскресенье днем впервые увидел, что одной из женщин, валяющихся мертвыми у подножия стоп-знака, была Нетти Кобб, он вообще ни о чем другом не думал. Ему это даже снилось, и чувство, что все цифры тут явно не сходятся, превратилось в унылую уверенность. Таким образом, звонок Генри послужил не раздражителем, а облегчением и избавил Алана от неприятной необходимости самому звонить Пейтону.

Он зажал в кулаке два доллара.

Звяк!

Разжал руку. Теперь там лежал один.

— Что тебя беспокоит? — спросил Генри.

— Все, — решительно произнес Алан. — Начать с того, что это вообще произошло. А самое главное — как преступление укладывается во времени... Вернее, как оно не укладывается. Я все время пытаюсь представить себе, как Нетти Кобб находит свою собачку мертвой и садится писать все эти записки. И знаешь что? У меня это не выходит. И каждый раз, когда у меня это не выходит, я спрашиваю себя: какая часть этого проклятого идиотского дела для меня все еще закрыта?

Алан яростно сжал кулак, раскрыл ладонь, и... там не осталось ни одной монеты.

— Угу. Тогда, быть может, мои плохие новости оборачиваются для тебя хорошими. Алан, тут был замешан кто-то еще. Мы не знаем, кто убил собаку Нетти Кобб, но мы почти уверены, что это не Уилма Джерзик.

Алан торопливо убрал ноги со стола. Монетки высыпались из его рукава на письменный стол серебряным дождем. Одна из них встала на ребро и покатилась к краю стола. Ладонь Алана молнией метнулась к ней и схватила, прежде чем она успела упасть на пол.

— Думаю, тебе лучше выложить мне все по порядку, Генри.

— Угу. Начнем с собаки. Ее тело было отправлено Джону Палину, доктору-ветеринару в Южном Портленде. Он разбирается в животных, как Генри Райан в людях. Джон утверждает, что, поскольку штопор проткнул сердце пса и тот умер почти мгновенно, он

может дать нам довольно точное время смерти.

— Вот уж *поистине* славные новости, — буркнул Алан. Он вспомнил романы Агаты Кристи, которые пачками читала Анни. В них, похоже, всегда присутствовал некий дряхлый деревенский врач, который легко устанавливал время смерти — между половиной пятого и четвертью шестого вечера. После без малого двадцати лет службы в рядах стражей порядка Алан прекрасно знал, что гораздо более реалистическим отношением к моменту смерти было: «Где-то на прошлой неделе. Скорее всего».

— Конечно, а разве нет? Словом, этот доктор Палин утверждает, что собака умерла между десятью часами утра и полуднем. Питер Джерзик говорит, что, когда он пришел в спальню, чтобы переодеться для посещения церкви, в десять с небольшим, — его жена была в душе.

— Да, мы знали, что тут времени в обрез, — несколько разочарованно протянул Алан. — Но этот самый Палин должен сделать хоть какой-то допуск, если только он не сам Господь Бог. Уилме нужно каких-нибудь пятнадцать минут, чтобы привести себя в нормальный вид.

— Да? Ну и как, Алан, она была, по-твоему, в нормальном виде?

Алан обдумал вопрос и мрачно выдавил:

— Сказать по правде, старина, вовсе нет. Да она вообще никогда не бывала в нормальном виде. — А потом принудил себя добавить: — Все равно мы будем выглядеть довольно глупо, если станем опираться на доклад собачьего доктора и пробел в... сколько там?.., четверть часа.

— Ладно, перейдем теперь к записке на штопоре. Помнишь ее?

— «Никто не смеет мазать грязью мои чистые простыни. Я говорила, что достану тебя».

— Именно. Эксперт по почеркам в Августе все еще колдует над ней, но Питер Джерзик снабдил нас письмами, написанными рукой его жены, и у меня на столе лежат ксерокопии этих писем и записки на штопоре. Они не совпадают. Никак не совпадают.

— Да ты что!

— Да я ничего. Я просто думал, тебя уже вообще ничем не удивишь.

— Я знал, что что-то здесь не то, но все никак не мог выкинуть из головы именно эти камни с записками. По времени все действительно в обрез, это да, но в целом я уже готов был принять все как есть. В основном потому, что это кажется вполне в духе Уилмы Джерзик. Ты уверен, что она не пыталась изменить свой почерк? — Он сам не верил в это — сама мысль об инкогнито была уж точно не в стиле Уилмы Джерзик, однако такую возможность следовало предусмотреть.

— Я? Я уверен. Но я не эксперт, и что я думаю, суду неинтересно. Именно поэтому записки на графологической экспертизе.

— Когда этот спец по почеркам пришлет свой доклад?

— Кто знает? Но пока, Алан, поверь мне на слово — это небо и земля. Ничего похожего.

— Что ж, если Уилма этого не делала, то кто-то наверняка хотел, чтобы Нетти *решила*, что это сделала Уилма. Но кто? И зачем? Скажи на милость, *зачем*?

— Не знаю, ковбой, — это твой город. А пока у меня есть для тебя еще две вещи.

— Стреляй. — Алан сунул серебряные доллары обратно в ящик стола, а потом соорудил на стене тень высокого худого человека в цилиндре, марширующего от шкафа к окну. На обратном пути цилиндр превратился в тросточку.

— Кто бы там ни убил собаку, он оставил кровавые отпечатки пальцев на ручке с внутренней стороны входной двери Нетти — это хит номер один.

— Жаркое дело!

— Боюсь, в лучшем случае лишь тепленькое. Они смазанные. Видимо, подозреваемый оставил их, хватаясь за ручку уже на выходе.

— Что, совсем никуда не годятся?

— Мы соскребли несколько фрагментов, которые могут пригодиться, хотя вряд ли они сгодятся для суда. Я послал их в ФБР — кудесникам-по-пальчикам — в Виргинию. Они там научились делать чудеса в смысле восстановления по кусочкам. Однако процесс у них течет медленней, чем холодная патока, — наверно, пройдет неделя, а то и дней десять, пока придет ответ, — но пока что я сравнил эти кусочки с отпечатками дамочки Джерзик, которые мне прислали от нашего заботливого медицинского эксперта вчера вечером.

— Ничего похожего?

— Ну точно как с почерком. Алан, я сравнивал кусочки с целиковыми, и, вздумай я опираться в суде на что-то подобное, защита прогрызла бы мне вторую дырку в заднице. Но поскольку у нас с тобой, так сказать, приватная беседа, то — да, ничего похожего. Прежде всего размер. У Уилмы Джерзик маленькие ладони. Кусочки же явно принадлежат кому-то с большими руками. Даже со скидкой на смазанность — руки чертовски здоровые.

— Мужские отпечатки?

— Уверен. Но опять-таки это никогда не пройдет в суде.

— Да кого это колышет? — На стене неожиданно появилась тень маяка, которая тут же превратилась в пирамиду. Пирамида раскрылась как цветок и стала гусем, летящим в лучах солнца. Алан попытался представить себе лицо человека — не Уилмы Джерзик, а некоего *мужчины*, — зашедшего в дом Нетти, когда ее не было в воскресенье утром. Человека, который убил Рейдера штопором и навесил это убийство на Уилму. Он изо всех сил пытался представить себе его лицо, но видел одни лишь тени. — Генри, кто вообще захотел бы совершить подобное, кроме Уилмы?

— Я не знаю. Но думаю, мы могли бы заполучить свидетеля эпизода с камнями.

— *Что?! Кто это?*

— Мальчишка. Женщина, живущая по соседству с Джерзиками, слышала шум и вышла посмотреть, что там происходит. Она сказала, что, быть может, «эта сука» — ее собственное выражение — в конце концов окончательно рехнулась и выбросила своего мужа из окна. Она увидела испуганного мальчишку, катившего на велосипеде от их дома. Она спросила его, что случилось. Он сказал, что, наверно, мистер и миссис Джерзик ссорятся или дерутся. Ну и она тоже так решила, а поскольку шум к тому времени прекратился, она выкинула это из головы.

— Это, должно быть, Джиллиан Мислабурски, — сказал Алан. — Дом с другой стороны от Джерзиков пустует — он выставлен на продажу.

— Ага. Джиллиан Мисла-как-ее-там-ски. Так у меня и записано.

— Что за мальчишка?

— Не знаю. Она его узнала, но не помнит имени. Впрочем, она говорит, что он живет по соседству — может быть, с правой стороны того же квартала. Мы его отыщем.

— Сколько ему лет?

— Она говорит, между одиннадцатью и четырнадцатью.

— Генри? Будь другом, дай мне его найти. Сделаешь?

— Ага, — тут же сказал Генри, и Алан успокоился. — Я вообще не понимаю, почему мы должны вести это расследование, если преступление произошло прямо в центре округа. И в Портленде, и в Бангоре сами жарят свою рыбку, так чем хуже Касл-Рок? Господи, я даже не знал, как правильно произнести имя этой женщины, пока ты не сказал вслух.

— В Роке много поляков, — рассеянно пробормотал Алан. Он оторвал от блокнота с квитанциями о штрафе за нарушение дорожного движения розовый листок и нацарапал на обратной стороне: «Джилл Мислабурски и мальчик, 11—14».

— Если парнишку отыщут мои ребята, он увидит перед собой трех здоровенных патрульных штата и так испугается, что у него вообще все вылетит из головы, — сказал Генри. — А тебя он наверняка знает — ты ведь заходишь иногда в школы?

— Да, в рамках программы ПД¹⁶ и в День закона о безопасности, — сказал Алан. Он

¹⁶ ПД — поиск данных (для социальных и гуманитарных наук).

попытался перебрать в памяти семьи с детьми, живущие в соседних кварталах с Джерзиками и Мислабурски. Если Джилл Мислабурски его узнала, но не помнит имени, это скорее всего означает, что мальчишка живет за углом или, быть может, на Понд-стрит. Алан быстро записал на листке клейкой бумаги: «Де-Луас, Раск, Беллинге́м». Вероятно, были и другие семьи с детишками этого возраста, которые он сразу не мог припомнить, но для начала сгодятся и эти три. Опрос соседей почти наверняка позволит найти парня.

— Джилл знает, в какое время она слышала грохот и видела мальчика? — спросил он.

— Она не уверена, но думает, что после одиннадцати.

— Значит, это не ссора Джерзиков, потому что Уилма была на мессе.

— В точку.

— Стало быть, это наш дискобол.

— И это в точку.

— Генри, это действительно в точку.

— Два из трех — да. Еще один, и — ты выиграл тостер.

— Интересно, мальчишка видел, кто это был?

— Вообще-то при обычных обстоятельствах я бы сказал: «Слишком хорошо, чтобы оказаться правдой», — но дамочка Мислабурски говорит, что он был напуган, поэтому, может, и видел. Если он и вправду видел подозреваемого, ставлю пару пива, что это была не Нетти Кобб. Слушай, ковбой, по-моему, кто-то натравил их друг на дружку и, может, ради всего случившегося. Именно ради этого.

Однако Алан, знавший город куда лучше, чем Генри, счел это предположение фантастическим.

— Может, парнишка сделал это сам, — сказал он. — Может, *потому-то* он и выглядел напуганным. Что, если мы имеем дело с обыкновенным детским вандализмом?

— В мире, где правит бал Майкл Джексон и козел вроде Акселя Роуза, полагаю, все возможно, — буркнул Генри. — Но, знаешь, я бы куда охотнее принял версию вандализма, если бы парню было лет шестнадцать.

— Это верно, — согласился Алан.

— И к чему вообще сейчас гадать, если ты можешь отыскать мальчишку. А ты можешь это сделать, не так ли?

— Я почти уверен, что да. Но я бы хотел дожждаться, когда в школе кончатся уроки, если ты не против. Ты же сам говорил — не стоит его пугать.

— Я — за. Обе дамы никуда уже не денутся, разве что в землю. Тут вокруг полно репортеров, но они доставляют лишь мелкие неприятности — я отмахиваюсь от них как от мух.

Алан выглянул из окна как раз вовремя, чтобы заметить автобус телевизионщиков, медленно проезжавший мимо, видно, он направлялся к главному входу в здание суда за углом.

— Ага, они уже здесь, — сказал он.

— Можешь позвонить мне около пяти?

— Около четырех, — ответил Алан. — Спасибо, Генри.

— Не за что, — сказал Генри Пейтон и повесил трубку.

Первым побуждением Алана было отыскать Норриса

Риджвика и рассказать ему обо всем — что-то, а слушатель из Норриса отменный. Потом он вспомнил, что Норрис скорее всего торчит посреди Касл-Лейка, сжимая в руках свою новую удочку.

Он соорудил еще несколько теней-зверюшек на стене и встал, ощущая усталость и какое-то странное дурное предчувствие. Пожалуй, стоит объехать квартал, где произошли убийства. Он может вспомнить еще несколько семей с ребятами подходящего возраста, когда окинет взглядом дома, и — кто знает? — может быть, то, что Генри сказал насчет мальчишек, распространяется и на пожилых полек, покупающих одежду у Лайна Брайана? Память Джилл Мислабурски может проясниться, если вопросы ей будет задавать кто-то со

знакомой физиономией.

Он снял было с вешалки у двери свою форменную фуражку, а потом повесил ее обратно. «Может быть, сегодня лучше выглядеть полуофициально, — подумал он. — И раз такое дело, от меня не убудет, если я съезжу не в патрульной машине».

Он вышел из кабинета и на мгновение застыл от изумления. Джон Лапойнт превратил свой стол и все пространство вокруг в нечто такое, что требовало, пожалуй, помощи Красного Креста, как при наводнениях. Повсюду были разбросаны бумаги. Ящики громоздились один на другой в виде Вавилонской башни прямо на столе Джона. Башня эта готова была рухнуть в любой момент, а Джон, обычно самый жизнерадостный и добродушный из всех полицейских, был красен и ругался на чем свет стоит.

— Джонни, мне придется вымыть тебе язык с мылом, — с ухмылкой заметил Алан.

Джон подпрыгнул и резко крутанулся в кресле. При виде Алана он тоже изобразил на лице ухмылку — одновременно раздраженную и стыдливую.

— Прости, Алан, я просто...

И тогда Алан пришел в движение. Он пересек комнату с той молчаливой, какой-то струящейся быстротой, что так поразила Полли Чалмерз вечером в пятницу. Джон Лапойнт застыл с отвисшей челюстью. Потом уголком глаза он увидел, к чему ринулся Алан — два ящика на самом верху сооруженной им пирамиды покачнулись.

Алан успел предотвратить полный обвал, но при всей своей прыти не успел поймать верхний ящик — тот рухнул ему на ноги и из него посыпались бумаги, скрепки и скоросшиватели. Остальные ящики он успел удержать.

— Господи Иисусе! Вот это бросок! — воскликнул Лапойнт.

— Спасибо, Джон, — с болезненной улыбкой отреагировал Алан. Между тем ящики начали скользить и прижимать их сильнее к столу было уже бессмысленно — стол стал отъезжать. К тому же упавший ящик здорово ушиб ему пальцы на ногах. — Говори любые комплименты, но при этом, может, ты убережешь этот чертов ящик с моих ног.

— Прости! Верно! Сейчас! — Джон заторопился и, желая побыстрее убрать ящик, толкнул Алана. Алан ослабил хватку на двух ящиках, которые он успел вовремя поймать, и они тоже грохнулись ему на ноги.

— У-у-уй! — взвыл Алан, схватился было за правую ногу, но потом решил, что левой больнее. — Чтоб тебя!

— Господи, Алан, прости, пожалуйста!

— Что ты там держишь? — спросил Алан и заскакал подальше от ящиков, сжимая рукой левую ступню. — Половину каслской каменоломни?

— Наверно, прошло порядочно времени с тех пор, как я разбираю их последний раз, — виновато улыбнулся Джон и начал рассовывать бумаги и конторские принадлежности обратно по ящикам. Его красивое, с правильными чертами лицо залила краска. Он стоял на коленях, и, когда повернулся, чтобы собрать кнопки и скрепки, закатившиеся под стул Клатта, перевернул высокую стопку докладов и бланков, которую раньше сложил прямо на полу. Теперь контора шерифа напоминала зону артиллерийского обстрела.

— Ух! — горестно вздохнул Джон.

— Ух! — согласно кивнул Алан, усевшись на стол Норриса Риджвика и пытаясь массировать пальцы на ногах через толстые черные полицейские башмаки. — Именно ух, Джон. Очень точное описание ситуации. Лучше просто не скажешь.

— Прости, пожалуйста, — повторил Джон и ужом заполз под свой стол, собирая рассыпавшиеся кнопки и скрепки. Ноги его мотались из стороны в сторону согласно движениям рук и веером разбрасывали бумаги по полу.

— Джон, вылезай оттуда! — воскликнул Алан, изо всех сил пытаясь сдержать смех, но уже понимая, что долго не выдержит.

Лапойнт дернулся и здорово ударился головой о нижнюю поверхность стола. Другая кipa бумаг — на столе, — сдвинутая на самый край, чтобы освободить место для ящиков, свалилась на него сверху. В большинстве своем они оказались на полу, но отдельные листки

лениво разлетелись по всей комнате.

Он будет собирать их весь день, обреченно подумал Алан. А может, и целую неделю. И тут он уже, не имея сил сдерживаться, запрокинул голову и разразился хохотом. Энди Клаттербак, заглянувший в кабинку диспетчера, вышел посмотреть, что происходит.

— Шериф? — спросил он. — Все в порядке?

— Ага, — ответил Алан. Потом перевел взгляд на разбросанные доклады, справки и бланки, мысленно послал к черту завтрак и снова засмеялся. — Джон решил тут немного заняться бумагами, только и всего.

Джон вылез из-под стола и поднялся на ноги. Он был похож на парня, который только и ждет команды ползти по-пластунски или сделать сорок отжиманий. Вся его обычно аккуратная форма была в пыли, однако, несмотря на веселье, Алан машинально отметил про себя, что Эдди Уорбуртон давным-давно не протирал пол под служебными столами, и снова безудержно расхохотался. Клатт переводил удивленный взгляд с Джона на Алана и обратно.

— Ладно, — наконец сказал Алан, взяв себя в руки. — Что ты искал, Джон? Святой Грааль? Забытую мелодию?

— Бумажник, — ответил Джон, безуспешно пытаясь отряхнуть пыль с формы. — Не могу отыскать свой чертов бумажник.

— Ты смотрел в машине?

— В обеих, — уныло сказал Джон, с отвращением оглядев груды рассыпанных бумаг и скрепок вокруг своего стола. — И в патрульной, на которой я ездил вчера вечером, и в своем «понтиаке». Но иногда я засовываю бумажник в ящик, чтобы не натирал задницу, когда я сижу. Вот я и смотрел...

— Он не натирал бы тебе задницу, Джон, если б ты вечно не просиживал здесь штаны, — резонно заметил Энди Клаттербак.

— Клатт, — сказал Алан, — пойдй займись уличным движением.

— А?

Алан посмотрел на него в упор.

— Пойди найди себе какое-нибудь дело. Я думаю, мы с Джоном управимся здесь сами; мы опытные следователи, а если у нас ничего не выйдет, мы дадим тебе знать.

— А-а, пожалуйста. Я ведь только хотел помочь. Я знаю его бумажник. Он выглядит так, словно там вся библиотека Конгресса. Вообще-то...

— Спасибо за участие, Клатт. До встречи.

— Ладно, — сказал Клатт. — Всегда рад помочь. Пока, ребята.

Алан снова готов был расхохотаться, но сдержался. По невеселому лицу Джона было видно, что ему не до шуток. Он выглядел смущенным, но это еще не все. Алану приходилось терять в жизни пару бумажников, и он знал, какое это говенное ощущение. Потеря денег и кредитных карточек — лишь часть утраты, причем не обязательно наихудшая. Все время вспоминаешь ерунду, которую там держал, — ерунду для других, а для тебя совершенно необходимые мелочи, которые уже ничем не заменить.

Джон опустил на четвереньки и стал с несчастным видом собирать и сортировать бумаги. Алан принялся помогать ему.

— Ты здорово ушиб пальцы, Алан?

— Не-а. Ты же знаешь эти башмаки — все равно что доспехи. Джон, сколько было в бумажнике?

— Да, по-моему, не больше двадцати зеленых. Но я на прошлой неделе как раз получил охотничью лицензию, и она была там. Еще кредитка — «Мастер-кард». Если не найду этот чертов бумажник, придется звонить в банк и сказать, чтобы аннулировали номер. Но что мне жалко больше всего, так это фотографии. Мама, отец, сестры... Ну, сам понимаешь. Такие вот мелочи.

Но в действительности Джона волновали не снимки его отца и матери или кого-то из сестер; самым главным была фотография, где он был снят с Салли Ратклифф на Фрайбургской ярмарке, примерно за три месяца до того, как Салли порвала с ним ради этого

тупоголового Лестера Пратта.

— Ну, — сказал Алан, — они вернутся. Деньги и кредитка — вряд ли, а бумажник с фотографиями скорее всего пришлют домой. Так обычно бывает, Джон, ты ведь сам знаешь.

— Да-а, — вздохнул Джон, — так-то оно так... черт, я все пытаюсь вспомнить, был ли он со мной этим утром, когда я пришел на работу. И никак не могу.

— Ладно, будем надеяться, ты найдешь его. Повесь объявление на доску, хорошо?

— Повешу. И уберу это безобразие.

— Не сомневаюсь, Джон, конечно уберешь. И не вешай носа.

Качая головой, Алан отправился к парковочной стоянке.

3

Маленький серебряный колокольчик над дверью «Самого необходимого» звякнул, и Бабс Миллер, постоянный и неизменный член бридж-клуба на Эш-стрит, с некоторой робостью переступила порог.

— Миссис Миллер! — приветствовал ее Лиланд Гонт, сверяясь с листком бумаги, лежавшим рядом с кассовым аппаратом, и ставя там галочку. — Как хорошо, что вы сумели зайти! И как раз вовремя! Вас, кажется, заинтересовала музыкальная шкатулка, не так ли? Чудесной работы вещьца.

— Да, я хотела поговорить с вами насчет нее, — сказала Бабс. — Наверно, она уже продана. — Ей было трудно представить, что такая чудная вещь могла быть не продана. Но при мысли об этом у нее слегка кольнуло сердце. Та мелодия, которую играла шкатулка, — та, которую мистер Гонт, по его словам, никак не мог вспомнить... Ей казалось, она знает, что это за мелодия. Она однажды танцевала под эту мелодию в павильоне Старого сада с капитаном футбольной команды, а позже, в тот же вечер, по собственной воле утратила невинность под волшебной майской луной. Он подарил ей первый и последний оргазм в ее жизни, и все время, пока сладкая судорога сводила тело, мелодия звенела в ушах, вертелась в голове, как раскаленная проволока.

— Нет, она здесь, — сказал мистер Гонт. Он вынул шкатулку из застекленного стенда, где она стояла, скрытая «Поляроидом», и поставил на стол. При виде шкатулки лицо Бабс Миллер просветлело.

— Я уверена, она стбит больше, чем я могу себе позволить, во всяком случае, сразу, — сказала она, — но... Я действительно влюбилась в нее, мистер Гонт, и если только возможно расплатиться по частям... хоть как-то возможно, мистер Гонт, я... я...

Мистер Гонт улыбнулся. Это была особая, довольная улыбка.

— Я думаю, вы напрасно волнуетесь, — сказал он. — Вы будете удивлены тем, насколько умеренная цена у этой милой музыкальной шкатулки, миссис Миллер. Крайне удивлены. Присядьте. И давайте обсудим.

Она села.

Он подошел к ней.

Его глаза завладели ее взглядом.

Мелодия снова зазвучала у нее в ушах.

И Бабс пропала...

4

— Теперь я вспомнила, — сказала Алану Джиллиан Мислабурски. — Это был мальчишка Расков. По-моему, его зовут Вилли. Или, может, Брюс.

Они стояли в ее комнате, где центральное место занимал телевизор «Сони» и гигантское гипсовое распятие в углу за ним. По телику шла опера. Судя по тому, как Иисус закатил под терновым венцом глаза, он, вероятно, предпочел бы балет, подумал Алан. Или «Из зала суда». Миссис Мислабурски предложила Алану чашку кофе, но он отказался.

— Брайан, — сказал он.

— Точно! — воскликнула она.

На ней был все тот же ярко-зеленый фартук, но рыжую метелку волос она этим утром решила привести в порядок: папильотки размером с картонные цилиндрики внутри рулонов туалетной бумаги обрамляли ее голову причудливой короной.

— Вы уверены, миссис Мислабурски?

— Да. Я вспомнила, кто он, сегодня утром, когда встала. Его отец делал алюминиевую обшивку на нашем доме два года назад. Мальчик приходил и помогал ему. Он тогда показался мне очень милым.

— Как по-вашему, что он мог там делать?

— Он сказал, что хотел узнать, не нужно ли им расчищать зимой подъездную дорожку. По-моему, так. Он сказал, что зайдет попозже, когда они не будут ссориться. Бедный мальчишка испугался до смерти, и я его не виню. — Она покачала головой, и папильотки мягко зашуршали. — Мне жаль, что она так умерла... — Джилл Мислабурски понизила голос, — но я рада за Пита. Никто даже представить себе не может, что ему пришлось пережить в браке с этой женщиной. Никто. — Она со значением посмотрела на Христа на стене, а потом снова перевела взгляд на Алана.

— Угу, — произнес Алан. — А вы не заметили еще чего-нибудь, миссис Мислабурски? Чего-нибудь в доме, каких-то звуков или чего-то у мальчика, а?

Она приложила палец к носу и склонила голову набок.

— Да вроде нет. Этот мальчишка — Брайан Раск — вез сумку-холодильник на багажнике велосипеда. Я запомнила ее, но вряд ли это может...

— Стоп, — прервал ее Алан, предостерегающе поднимая руку. Его мозг вдруг осветила яркая вспышка. — Сумку-холодильник?

— Ну, знаете, вроде тех, которые берут с собой на пикники или вечеринки на свежем воздухе. Я запомнила ее, потому что она вообще-то была слишком велика для велосипедного багажника — лежала неровно и, казалось, вот-вот свалится.

— Спасибо, миссис Мислабурски, — медленно произнес Алан. — Большое вам спасибо.

— Это о чем-то вам говорит? Может послужить ключом к чему-то?

— Вряд ли.

Но он крепко задумался.

«Я бы куда охотнее принял версию вандализма, если бы парню было лет шестнадцать», — сказал Генри Пейтон. Алан был согласен с этим, но... ему приходилось сталкиваться и с двенадцатилетними вандалами, и он полагал, что в такую сумку могло поместиться довольно много булыжников.

Неожиданно он ощутил гораздо больший интерес к предстоящей в полдень беседе с юным Брайаном Раском.

5

Звякнул серебряный колокольчик. В «Самое необходимое» медленно и робко вошел Сонни Джакетт, он мял в руках свою заляпанную жирными пятнами бейсбольную кепку «Санок». Сонни двигался и вел себя как человек, не сомневающийся в том, что он вот-вот разобьет или сломает множество дорогих вещей, как бы он ни старался этого избежать; на лице у него было написано, что ломать вещи не его желание, а карма.

— Мистер Джакетт! — с привычным воодушевлением воскликнул Лиланд Гонт и поставил еще одну галочку на листке, лежавшем рядом с кассовым аппаратом. — Как я рад, что вы смогли заглянуть ко мне!

Сонни сделал еще три шага по комнате, а потом застыл на месте, беспокойно поглядывая из-за стеклянных стендов на мистера Гонта.

— Ну... — протянул он, — я вообще-то ничего покупать не собираюсь. Сразу заявляю.

Старик Гарри Самьюэлс сказал, будто вы спрашивали, не загляну ли я сюда, если выдастся свободная минутка. Сказал, у вас есть неплохой набор торцовых ключей. Я искал такой, но это не тот магазин, что мне по душе. Так что я к вам просто из вежливости, сэр.

— Что ж, я ценю вашу искренность, — сказал мистер Гонт, — но вы все-таки не торопитесь с выводами, мистер Джакетт. У меня есть отличный набор ключей — совместимых, двойного размера.

— Да? Ух ты! — Сонни поднял брови. Он знал, что такие штуки *бывают* — ключи подходят и к заграничным, и к американским «тачкам», — но никогда не видел их своими глазами. — Прямо вот такие?

— Да. Я отложил их в задней комнате, мистер Джакетт, как только узнал, что вы ищете их. В противном случае они исчезли бы почти сразу, а я хотел, чтобы вы по крайней мере взглянули на набор, прежде чем я продам его кому-то еще.

Сонни Джакетт моментально отреагировал с подозрительностью истинного янки:

— А почему это вы, интересно, так сделали?

— Потому что у меня самого классическая модель, а такие машины нуждаются в частом ремонте. Мне говорили, что вы лучший механик по эту сторону Дерри.

— А-а... — Сонни успокоился. — Может, и так. Какие у вас колеса?

— «Такер».

Брови у Сонни взметнулись вверх, и уважения во взгляде его на мистера Гонта явно поприбавилось.

— «Торпедо»? Вот это вещь!

— Нет. У меня «талисман».

— Как? Никогда не слышал про «такер-талисман».

— Было сделано всего две — оригинал и моя машина. Это было в пятьдесят третьем. Вскоре после этого мистер Такер уехал в Бразилию, где и умер. — Мистер Гонт изобразил на лице туманную улыбку. — Престо был неплохой парень и настоящий спец, когда дело касалось дизайна, но... он не был бизнесменом.

— Ну и?..

— Да, — туман в глазах мистера Гонта растаял. — То было вчера, а мы живем сегодня! Листай страницы, так, мистер Джакетт? Я всегда говорю, листай страницы — смотри вперед, смело шагай в будущее и никогда не оборачивайся!

Сонни как-то неуверенно скосил глаза на мистера Гонта и ничего не ответил.

— Позвольте, я покажу вам торцовые ключи.

Сонни согласился не сразу.

— Много заплатить не смогу. — Он снова с сомнением поглядел на застекленные стенды. — Гора счетов — в целую миллю. Иногда я подумываю, а не продать ли к черту все дело и не устроиться ли на работу в округ.

— Я вас понимаю, — сказал мистер Гонт. — И все — эти чертовы республиканцы, вот что я вам скажу.

Недоверчивое, напряженное лицо Сонни тут же разгладилось.

— Вот *тут* вы чертовски правы, мистер! — воскликнул он. — Джордж Буш почти что *раскурочил* всю страну... со своей чертовой войной! Но думаете, у демократов есть кого выставить против него на следующих выборах?

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой мистер Гонт.

— Взять того же Джесси Джексона, так он — нигер. — Сонни свирепо глянул на мистера Гонта, а тот слегка наклонил голову, словно говоря: да, мой друг, продолжай, не стесняйся. Мы оба — светские люди и не боимся называть лопату лопатой. Сонни Джакетт еще сильнее расслабился и стал меньше думать о своих замасленных руках, чувствуя себя почти как дома. — Я ничего не имею против нигеров, вы не думайте, но представить черномазого в Белом доме — *Белом доме!* — от этого дрожь пробирает.

— Конечно, — согласился мистер Гонт.

— А этот придурок из Нью-Йорка — Ма-ри-о Ку-о-а-мо! Думаете, парень с таким

именем может побить четырехглазого очкарика в Белом доме?

— Нет, — сказал мистер Гонт. Он поднял свою правую руку, и его длинный указательный палец оказался в четверти дюйма от противного, похожего на лопату большого. — Кроме того, я не доверяю людям с маленькими головками.

Сонни на секунду вытаращил глаза, потом шлепнул себя ладонью по колену и хрипло расхохотался.

— «Не доверяю людям с маленькими...» Вот это да! Вот это — в точку, мистер! Это чертовски метко!

Мистер Гонт ухмыльнулся.

И получил ухмылку в ответ.

Мистер Гонт принес набор торцовых случей в кожаном чехле с подкладкой из черного бархата — самый красивый набор из хромированной стали, который Сонни Джакетт видел за всю свою жизнь.

Они ухмылялись, склонившись над ключами, и скалили зубы, как обезьяны, готовые вот-вот подрасться.

И, разумеется, Сонни купил набор. Цена была поразительно низкой — сто семьдесят долларов плюс несколько забавных шуток, которые нужно было сыграть с Доном Хемпхиллом и преподобным Роузом. Сонни сказал мистеру Гонту, что это одно удовольствие, — он с наслаждением подпустит вони этим сукиным сынам, республиканским распевателям псалмов.

Они ухмылялись над шутками — еще бы, кто откажется подшутить над Уилли Пароходом и Доном Хемпхиллом.

Сонни Джакетт и Лиланд Гонт — просто парочка ухмыляющихся светских ребят. А над дверью снова звякнул маленький серебряный колокольчик.

6

Генри Бюфорт, владелец и содержатель «Пьяного тигра», жил примерно в четверти мили от своего заведения. Майра Эванс оставила машину на стоянке у «Тигра» — пустой на этом не по сезону жарком солнцепеке — и пошла пешком к дому. Учитывая цель ее похода, это казалось вполне разумной предосторожностью. Волноваться не стоило. «Тигр» никогда не закрывался раньше часу ночи, а Генри редко поднимался до часу дня. Все шторы — и наверху, и внизу — были опущены. Его машина, «тандерберд», в прекрасном состоянии — его краса и гордость, — стояла возле дома.

Майра была в джинсах и одном из голубых рабочих блузонов своего мужа. Подол блузона она не заправила в джинсы, так что он свисал почти до колен, скрывая ее пояс и висящие на нем ножны. Чак Эванс коллекционировал сувениры второй мировой войны (и уже успел сделать свою покупку в новом городском магазине, хотя она об этом не подозревала), а в ножнах торчал японский штык. Майра сняла его час назад со стены в подвальной мастерской Чака. При каждом шаге штык увесисто хлопал ее по правому бедру.

Ей очень хотелось побыстрее покончить с этим, чтобы вернуться к изображению Элвиса. Как она обнаружила, прикосновение к портрету порождало своего рода спектакль. Спектакль не был реальным, но почти во всех смыслах — вообще-то даже во всех — казался ей лучше любой реальности. Действие первое: концерт, где Король вытаскивал ее на сцену и танцевал с ней. Действие второе: зеленая гостиная после шоу. Действие третье: в лимузине. Один из дружков Элвиса по Мемфису вел лимузин, а Король даже не удосужился поднять темное стекло между салоном и водителем, прежде чем, пока они ехали в аэропорт, стал проделывать с ней на заднем сиденье жутко необычные и прекрасные штучки...

Действие пятое: в самолете. В этом акте они находились на борту «Лиз-Мари», реактивного «Конвея» Элвиса... А точнее, в большой двуспальной кровати, стоявшей за переборкой позади кабины. Этим действием Майра наслаждалась вчера и сегодня угром: улетаая на высоту в тридцать две тысячи футов в «Лиз-Мари», улетаая в постели с Королем;

она была не прочь остаться там с ним навсегда, но знала, что не останется. Они готовились к действию шестому: Стране Чудес. Как только они окажутся там, все станет еще лучше.

Но сначала ей предстояло устроить это маленькое дельце.

Этим утром, когда ее муж ушел, она лежала на кровати голая, в одном поясе для чулок (Король очень ясно дал понять, что желает, чтобы Майра оставила пояс) и, крепко сжимая в руках портрет, медленно раскачивалась на кровати и сладко постанывала. А потом вдруг двуспальная кровать исчезла. Исчез шелестящий гул моторов «Лиз-Мари». Исчез сладкий запах одеколона Короля «Английская кожа».

Вместо всех этих чудесных вещей появилось лицо мистера Гонта... только он уже больше не выглядел так, как в магазине. Кожа на его лице блестела, подогреваемая каким-то страшным тайным жаром. Лицо пульсировало и дергалось, словно что-то внутри пыталось выбраться наружу. А когда он улыбнулся, его большие квадратные зубы превратились в двойной ряд клыков.

— Время пришло, Майра, — произнес мистер Гонт.

— Я хочу быть с Элвисом, — заскулила она. — Я сделаю это, но только не сейчас... пожалуйста, не сейчас.

— Нет, сейчас. Ты обещала, и ты исполнишь свое обещание. А если не исполнишь, Майра, то очень пожалеешь.

Она услышала слабый треск, опустила взгляд и с ужасом увидела, что кривая трещинка пробежала по стеклу портрета как раз над лицом Короля.

— Нет! — закричала она. — Не делайте этого!

— А я этого и не делаю, — смеясь, отвечал мистер Гонт. — Это *ты* делаешь. Ты сама делаешь это — ведешь себя как маленькая, глупая и ленивая сучка. Здесь Америка, Майра, где только шлюхи занимаются делом в постели. Респектабельным гражданам в Америке приходится вылезать из постели и *зарабатывать* на вещи, которые им нужны, или они теряют их навсегда. По-моему, ты забыла об этом. Разумеется, я легко могу найти кого-нибудь еще, кто сыграет маленькую шутку с мистером Бюфортом, но тогда твой красивый партнер, Король...

Еще одна трещинка серебряной паутинкой пробежала по стеклу на портрете. И с диким ужасом она заметила, что с притоком воздуха под стекло лицо на портрете стало стареть, покрываться морщинами и словно разлагаться.

— Нет! Я все сделаю! Я сделаю это прямо сейчас! Вы видите, я уже встаю? Только остановите! *ОСТАНОВИТЕ!*

Майра спрыгнула на пол с такой прытью, словно обнаружила, что делит постель с гнездом скорпионов.

— Когда исполнишь свое обещание, Майра, — сказал мистер Гонт. Теперь его голос раздавался из какой-то глубокой впадины в ее мозгу. — Ты ведь знаешь, что делать, правда?

— Да, я знаю! — Майра в отчаянии поглядела на портрет — старый больной человек с лицом, опухшим от пороков и многолетних излишеств. Рука, сжимавшая микрофон, напоминала коготь стервятника.

— Когда ты исполнишь свое задание и вернешься, портрет будет в полном порядке. Только смотри, чтобы тебя никто не заметил, Майра. Если кто-то заметит тебя, *его* ты больше никогда не увидишь.

— Не заметит! — залопотала она. — Я клянусь, никто не заметит!

И теперь, приблизившись к дому Генри Бюфорта, она вспомнила о том предостережении. Она огляделась вокруг, желая убедиться, что на дороге никого нет. Шоссе было пустынно. Хрипло каркнула ворона на чьем-то по-октябрьски голом поле, и — больше ни звука. Казалось, день трепещет, как живое существо, а земля лежит, оглушенная под медленным биением его не по сезону жаркого сердца.

Майра пошла по дорожке к дому, на ходу задирая подол голубой блузы и проверяя, на месте ли ножны и штык в них. Пот, щекоча и вызывая зуд, стекал по ее спине и за бюстгальтер. В окружающем безмолвии и неподвижности она на краткий миг обрела

какую-то красоту, хотя сама об этом не подозревала и, скажи ей кто это, никогда бы не поверила. Ее расплывшееся лицо с обычно бессмысленным выражением наполнилось — по крайней мере в эти секунды — какой-то глубокой устремленностью и заботой, чего никогда не случалось раньше. У нее довольно четко обрисовались скулы — впервые со времен старших классов школы, когда она решила, что ее цель в жизни — съесть все сладкие пудинги и шоколадные конфеты с ромовыми начинками на свете. Последние четыре дня, или около того, она была так занята все более порочным сексом с Королем, что почти не думала о еде. Ее волосы, обычно свисавшие вдоль лица сальными космами, были собраны на затылке в небольшой конский хвост, открывающий лоб и брови. Вероятно, испуганные неожиданно огромной дозой гормонов и такой резкой нехваткой сахара после многих лет переизбытка, прыщи, покрывавшие все ее лицо сетью маленьких вулканчиков с тех пор, как ей минуло двенадцать, стали исчезать. Еще большая перемена произошла с глазами — огромными, голубыми, почти дикими. Это уже были глаза не Майры Эванс, а какого-то зверя из джунглей, в любой момент готового броситься и разорвать.

Она подошла к машине Генри. Теперь кто-то ехал по шоссе № 117 — старый, дребезжащий фермерский фургон полз в город. Майра скользнула за передок «тандерберда» и пригнулась за радиатором, пока фургон не исчез из виду. Тогда она выпрямилась, из нагрудного кармана блузона достала сложенный листок бумаги, развернула его, аккуратно разгладила и засунула под один из стеклоочистителей так, чтобы коротенькая записка была хорошо видна.

НИКОГДА НЕ СМЕЙ ВЫСТАВЛЯТЬ МЕНЯ И ОТБИРАТЬ КЛЮЧИ ОТ МОЕЙ МАШИНЫ, ТЫ, ЧЕРТОВ ЛЯГУШАТНИК! — было написано на листке.

Теперь пришла очередь штыка.

Она бросила еще один быстрый взгляд по сторонам, но единственным движущимся объектом в мире, залитом горячим солнцем, была ворона — должно быть, та самая, которая каркнула раньше. Птица села на верхушку телеграфного столба прямо напротив подъездной дорожки и, казалось, следила оттуда за ней.

Майра вытащила штык, крепко ухватила за него обеими руками и засадила по самую рукоятку в переднее колесо со стороны сиденья водителя. Лицо ее исказилось гримасой в предвкушении громкого хлопка, но раздалось лишь негромкое «у-у-х» — словно после доброго глотка крикнул здоровенный малый. «Тандерберд» заметно перекосялся на левую сторону. Майра дернула за штык, делая дыру пошире и мысленно благодаря Чака за то, что тот держал свои игрушки острыми.

Оставив резиновую улыбку на быстро спустившем колесе, она подошла ко второму, со стороны пассажирского сиденья, и проделала то же самое. Она по-прежнему страстно желала вернуться к своему портрету, но тем не менее была довольна, что пришла. Это как-то возбуждало. Мысль о том, каким станет выражение лица Генри, когда он увидит, что случилось с его драгоценной «тачкой», будила в ней похоть. Бог его знает почему, но она подумала, что когда в конце концов вернется на борт «Лиз-Мари», то покажет парочку новых трюков Королю.

Она двинулась к задним колесам. Штык уже не резал шины с прежней легкостью, но она восполнила этот его недостаток собственным энтузиазмом, энергично работая руками.

Когда дело было сделано и все четыре колеса были не просто проколоты, а прорезаны, Майра отступила на шаг, чтобы полюбоваться своей работой. Тяжело дыша, она вытерла пот со лба чисто мужским жестом. «Тандерберд» Генри Бюфорта опустился на добрых шесть дюймов ниже, чем был, когда она только подошла к нему. Он стоял на ободах, а дорогие шины распластались под ними сморщенными резиновыми подстилками. А потом, хоть ее об этом и никто не просил, Майра решила добавить последний штрих, который всегда имеет решающее значение. Она провела кончиком штыка по крылу машины, оставив на гладкой полированной поверхности длинную глубокую царапину.

Соприкоснувшись с металлом, штык издал негромкий скрежет, и Майра обернулась на дом в полной уверенности, что Генри Бюфорт услышал этот звук, что штора на окне спальни

сейчас взметнется вверх и он выглянет из окна.

Этого не произошло, но она понимала, что пора уходить. Она перевыполнила план, а кроме того, дома, в ее собственной спальне, ее ждал Король. Засунув штык в ножны и снова прикрыв их подолом блузона, Майра торопливо пошла прочь по дорожке. Лишь одна «тачка» проехала мимо нее, пока она шла к «Пьяному тигру», но машина ехала в том же направлении, и если только водитель не стал разглядывать женщину в зеркальце заднего обзора, он видел ее только со спины.

Она забралась в собственную «тачку», выдернула резинку из волос — они, как обычно, повисли сальными космами — и поехала в город. Руль она держала одной рукой, у второй нашлось дело в другом месте — ниже талии. Она вбежала в дом и ринулась наверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Портрет был на кровати — там, где она оставила его. Майра скинула туфли, стянула джинсы, схватила портрет и запрыгнула с ним в постель. Трещины на стекле исчезли — к Королю вернулись его молодость и красота.

То же самое можно было сказать и о Майре Эванс... по крайней мере в данный момент.

7

Серебряный колокольчик над дверью пропел свою тихую трель.

— Приветствую вас, миссис Поттер! — радостно сказал мистер Гонт и поставил галочку на листке возле кассы. — А я уж было решил, что вы не зайдете.

— Так почти и случилось, — ответила Ленор Поттер. Она выглядела расстроенной и раздраженной. Ее всегда тщательно уложенные серебряные волосы были собраны в непрезентабельный пучок. Из-под дорогой серой саржевой юбки на целый дюйм вылезала комбинация, а под глазами были темные круги. Сами глаза беспокойно шныряли вокруг с мрачной и злобной подозрительностью.

— Вы хотели взглянуть на куклу Худи-Дуди, не так ли? По-моему, вы говорили мне, что у вас целая коллекция детских суве...

— Видите ли, по правде сказать, я не думаю, что смогу рассматривать столь нежные вещи сегодня, — прервала его Ленор. Она была женой самого богатого юриста в Касл-Роке и обычно говорила ровным адвокатским тоном: — Мой рассудок сейчас в крайне неважном состоянии. У меня сегодня день фуксина¹⁷. Не просто красный, а именно фуксина!

С лицом, тут же принявшим выражение участия и сочувствия, мистер Гонт вышел из-за главного стенда.

— Моя дорогая леди, что случилось? Вы ужасно выглядите!

— Конечно, я выгляжу ужасно! — воскликнула она. — Нормальный поток моей физической ауры был нарушен — ужасно нарушен. Вместо голубой, цвета успокоения и нежности, вся моя *калава* окрасилась в яркий фуксин! И все по вине этой суки, что живет напротив! Этой поганой стервы!

Мистер Гонт сделал несколько успокаивающих пассов, ни разу не коснувшись Ленор Поттер.

— Какой такой суки, миссис Поттер? — спросил он, прекрасно зная ответ.

— Ну конечно, Бонзайнт! Этой мерзкой, лживой Стеффи Бонзайнт! Мистер Гонт, моя аура никогда раньше не была фуксиновой! Ярро-розовой — да, пару раз, а однажды, когда меня чуть не переехал пьяный в Оксфорде, я думаю, она могла на несколько минут стать красной. Но фуксиновой — никогда! Я просто не могу *так* жить!

— Ну конечно, дорогая моя, — успокоил ее мистер Гонт. — Никто и не думает, что можете.

В конце концов его глаза поймали ее взгляд. Это было не так просто — взгляд миссис Поттер так раздраженно шарил повсюду, но все-таки ему это удалось. И Ленор моментально

¹⁷ Фуксин — красный анилиновый краситель.

успокоилась. Она обнаружила, что смотреть в глаза мистера Гонта — все равно что уставиться в собственную ауру, после того как она выполнит все свои упражнения, правильно поест (в основном стручковую фасоль и ириски) и разгладит свою калаву по меньшей мере часовой медитацией с утра и перед сном. Его глаза отливали нежно-голубой дымкой чистого ясного неба.

— Пойдемте, — сказал он. — Вот сюда, — и провел ее к короткому ряду из трех плюшевых кресел с высокими спинками, в которых за последнюю неделю успело посидеть так много жителей Касл-Рока. И когда она уселась, мистер Гонт предложил: — А теперь расскажите мне обо всем.

— Она всегда меня ненавидела, — сказала Ленор. — Она всегда считала, что ее муж не делает карьеру в компании так быстро, как ей хотелось бы, потому что ему мешает мой муж. И что это я его так настраиваю. Это женщина с крошечными мозгами, обильными телесами и грязно-серой аурой. Вы должны таких знать.

— Разумеется, — кивнул мистер Гонт,

— Но я и не подозревала, как сильно она меня ненавидит, вплоть до сегодняшнего утра. — Ленор Поттер снова стала заводиться, несмотря на успокаивающее воздействие мистера Гонта. — Утром я встала и увидела, что все мои клумбы испорчены! *Разорены!* Все, что было так чудесно вчера, сегодня погибает! Все, что так полезно для ауры и прекрасно для калавы, умерщвлено. Этой сукой! Этой непотребной сукой Бонзайнт!

Ладошки Ленор сжались в кулачки, скрыв элегантный маникюр, а кулачки забарабанили по обтянутым плюшем подлокотникам кресла.

— Хризантемы, бархатцы, астры... Эта сука ночью пришла и вырвала их все с корнем! Разбросала повсюду! Мистер Гонт, знаете, где была сегодня утром моя декоративная капуста?

— Нет... Где же? — участливо спросил он, все еще делая руками мягкие плавные движения вокруг ее тела.

На самом деле он прекрасно знал, где была капуста, и у него не было и тени сомнения в том, кто повинен в порче калавы: Мелисса Клаттербак. Ленор Поттер не подозревала жену заместителя шерифа Клаттербака, потому что она просто не знала ее — равно как и Мелисса Клаттербак не была знакома с Ленор, — они лишь обменивались приветствиями при случайных встречах на улице. Со стороны Мелиссы не было никакой злобы (кроме, разумеется, того нормального злобного удовольствия, подумал мистер Гонт, присущего каждому, кто вытрясает душу из чьей-то самой любимой вещи). Она разворошила клумбы Ленор в качестве частичной платы за фарфоровый сервиз. Если посмотреть в корень, это был чистый бизнес. Доставляющий удовольствие — это да, подумал мистер Гонт, но кто сказал, что бизнес всегда должен быть в тягость?

— Мои цветы валяются на улице! — выкрикнула Ленор. — Посреди Касл-Вью! Она ничего не упустила! Даже мои африканские маргаритки пропали! Все пропало! Все!

— Вы ее видели?

— Мне не надо было ее видеть! Только она так ненавидит меня, что могла сделать такое. И на клумбе полно следов от ее высоких каблуков. Ручаюсь, эта маленькая проститутка даже в постель залезает в шпильках... О, мистер Гонт, — проскулила она. — Стоит мне закрыть глаза, как все вокруг становится лиловым! Что же мне теперь делать?

Какое-то время мистер Гонт молчал. Он лишь смотрел ей прямо в глаза до тех пор, пока она не успокоилась и не почувствовала себя где-то далеко.

— Так лучше? — в конце концов спросил он.

— Да! — ответила она слабым успокоившимся голосом. — По-моему, я снова могу видеть голубизну...

— Но вы слишком расстроены, чтобы даже думать о покупках.

— Да...

— Принимая во внимание то, что устроила вам эта сука...

— Да...

— Она должна заплатить за это.

— Да.

— Если она еще раз посмеет сделать что-то подобное, она заплатит.

— Да!

— Возможно, у меня есть как раз то, что требуется. Посидите здесь, миссис Поттер. Я очень скоро вернусь. А вы тем временем погрузитесь в голубые мысли.

— Голубые, — мечтательно кивнула она.

Вернувшись, мистер Гонт вложил в руки Ленор Поттер один из тех автоматических пистолетов, которые Эйс привез из Бостона. Он был заряжен и под лампочкой на стенде отливал черно-голубым.

Ленор подняла ствол на уровень глаз и взглянула на него с большим удовольствием и еще большим облегчением.

— Знаете, я бы никогда не стал никого уговаривать пристрелить кого-то, — сказал мистер Гонт. — По крайней мере без веской причины. Но вы, миссис Поттер, разговариваете как женщина, у которой, возможно, есть очень веская причина. Дело не в цветах — мы ведь с вами знаем, что главное не в них. Цветы можно вырастить новые. Но ваша карма... ваша калава... Ну а разве есть у нас — у нас у всех — что-то еще в этой жизни, а? — И он рассмеялся.

— Ничего, — согласно кивнула она и направила пистолет на стену. — Пух, пух, пух, пух. Это тебе, ты, маленькая завистливая шлюшка на шпильках. Надеюсь, твой муж сдохнет городским мусорщиком — вот что ему по заслугам. Вы *оба* этого заслуживаете.

— Видите этот маленький рычажок здесь, миссис Поттер? — Он показал на предохранитель.

— Да, вижу.

— Это предохранитель. Если эта сука придет снова и попытается навредить еще больше, вам нужно сначала передвинуть его вот сюда. Вы понимаете?

— О да, — сонным голосом ответила Ленор. — Я прекрасно понимаю. Ба-бах.

— Никто не будет вас винить. В конце концов женщина должна защищать свою собственность. Женщина обязана хранить свою карму. Эта дрянь, Бонзайнт, скорее всего больше не появится, но если она придет...

— Если она придет, это будет в последний раз. — Ленор прижала короткий ствол пистолета к губам и нежно поцеловала его.

— Теперь положите его в сумочку, — сказал мистер Гонт, — и отнесите домой. Вы же не знаете, может, она у вас в саду прямо сейчас. Вообще-то она может быть и у вас в доме.

Ленор пришла в ужас от такой мысли. Тонкие лиловые полосы стали завиваться и кружиться в ее голубой ауре. Она встала и сунула пистолет в сумочку. Мистер Гонт отвел взгляд, и, как только он сделал это, она быстро заморгала.

— Прошу прощения, мистер Гонт, но мне придется зайти в другой раз — посмотреть Худи-Дуди. Думаю, мне лучше сейчас направиться прямо домой. Кто знает, эта Бонзайнт может быть в моем саду прямо сейчас. Она даже может быть в *моем доме!*

— Какая жуткая мысль, — сказал мистер Гонт.

— Да, но собственность — это ответственность, и ее нужно защищать. Мы должны смотреть правде в глаза, мистер Гонт. Сколько я должна вам за... за... — Но она никак не могла вспомнить, что он продал ей, хотя и не сомневалась, что очень скоро вспомнит. Вместо слов она ткнула пальцем в сумочку.

— Для вас — бесплатно. Сегодня особый случай. Считайте это... — Его улыбка стала шире. — Подарком в знак знакомства.

— Благодарю вас, — сказала Ленор. — Мне стало намного лучше.

— Как и всегда, — с легким поклоном произнес мистер Гонт, — я рад был оказаться вам полезным.

Норрис Риджвик не ловил рыбу.

Норрис Риджвик заглядывал в окно спальни Хью Приста.

Хью лежал на своей кровати посреди груды белья и храпел так, что, казалось, дрожал потолок. На нем были лишь непромокаемые боксерские трусы, а большие руки с распухшими суставами сжимали смятый кусочек меха. Норрису было плохо видно — руки у Хью были здоровенными, а окно очень грязным, — но ему показалось, что это старый, побитый молыю лисий хвост. Впрочем, совершенно не важно, что это было; важно, что Хью спал.

Норрис вернулся на лужайку, где сразу за «бьюиком», принадлежащим Хью, на подъездной дорожке стояла его машина. Он открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья и протиснулся внутрь. Ящик с рыболовными принадлежностями стоял на полу. Удочка «Базун» лежала на заднем сиденье — он обнаружил, что чувствует себя лучше, в большей *безопасности*, когда держит ее при себе.

Он так еще и не воспользовался ею. Истинная причина была проста: он *боялся* ею пользоваться. Вчера он взял ее с собой на Касл-Лейк, а потом... как-то заколебался и застыл с удочкой за плечом.

«А что, если по-настоящему большая рыба заглотит приманку? — подумал он. — Например, копченка, а?»

Копченкой звалась старая коричневая форель — легендарная достопримечательность здешнего озера. Рыбаки Касл-Рока говорили про нее, что длиной она больше двух футов, коварна, как ласка, сильна, как горноста́й, и жестка, как гвоздь. Судя по рассказам старожилов, пасть копченки сверкает сталью крючков тех любителей, которые подсекали ее, но... так и не в силах были удержать.

Что, если она сломает удочку?

Поверить в то, что озерная форель, пусть даже такая огромная, как копченка (если она вообще существует), может сломать «Базун», было чистым безумием, но Норрис решил, что это возможно, и... судя по тому, как ему везло в последнее время, — вполне вероятно. Он так и слышал в ушах сухой треск, живо переживал свои мучения при виде сломанной пополам удочки — одна половина валяется на дне лодки, а другая — качается на воде, рядом. А если удочка сломана, это уже дело пропащее — с ней ничего не придумаешь, кроме как выбросить на свалку.

И в конце концов он закончил тем, что стал рыбачить своей старой «Зебко». Рыбы на ужин он не наловил, но... ему приснился мистер Гонт. Во сне мистер Гонт был в охотничьих сапогах и старой шляпе, припорошенной перышками, которые плясали на ее полях. Он сидел в лодке, качавшейся на ровной глади Касл-Лейка футах в тридцати от берега, а Норрис стоял на берегу, рядом со старой отцовской будкой, сгоревшей десять лет назад. Он стоял и слушал, а мистер Гонт говорил. Мистер Гонт напомнил Норрису о его обещании, и Норрис проснулся в твердом убеждении: он поступил совершенно правильно, отложив «Базун» и взяв вместо нее свою старую «Зебко». «Базун» была не просто хороша, а слишком хороша. Ловить ею здесь — не просто рискованно, а *чудовищно* рискованно.

Сейчас Норрис открыл свой рыболовный ящик, вытащил оттуда длинный нож для чистки рыбы и подошел к «бьюику» Хью.

Никто так этого не заслужил, как этот пьяный забулдыга, говорил он самому себе, но что-то внутри у него никак не могло согласиться с этим. Что-то внутри твердило ему, что он совершает чудовищную прискорбную ошибку, от которой может так никогда и не оправиться. Он был полицейским; часть его работы состояла в том, чтобы брать под арест людей, совершающих поступки вроде того, который намеревался совершить сейчас он сам. Вандализм чистой воды — вот что это такое, а вандалы — поганые парни.

«Тебе решать, Норрис, — раздался неожиданно у него в мозгу голос мистера Гонта. — Это твоя удочка. И у тебя есть данное тебе Господом право свободного выбора. Это твой выбор. И выбор у тебя есть всегда. Но...»

Голос в мозгу Норриса Риджвика не закончил мысль. Ему это было не нужно. Норрис знал, что последует за отказом: когда он вернется к своей машине, то обнаружит, что «Базун» сломана пополам. Потому что у каждого выбора — свои последствия. Потому что в Америке ты можешь иметь все, что пожелаешь, но лишь до тех пор, пока можешь за это платить. Если же не можешь или *отказываешься* платить, то навсегда останешься лишь страждущим.

«Кроме того, он бы сделал это со мной, — раздраженно подумал Норрис. — И кстати, даже не за такую чудесную удочку, как моя «Базун». Хью Прист родной матери перерезал бы глотку за бутылку виски и пачку «Лаки».

Так он подавил в себе чувство вины. И когда что-то внутри снова попыталось сказать ему: ну пожалуйста, подумай, прежде чем делать, пожалуйста, подумай, — он сумел заглушить этот голос. Он нагнулся и начал резать шины у «бьюика» Хью. Чем дольше он делал это, тем больше, как и Майра Эванс, увлекался. На закуску он разбил передние и задние подфарники и, закончив, положил на стеклоочиститель со стороны водителя записку:

Пока предупреждаю. Ты знаешь, зачем я приду в следующий раз, Хьюберт. Ты ударил мою «Рок-олу» в последний раз. Держись подальше от моего бара!

Потом со стучащим как молот в его узкой груди сердцем он снова подобрался к окну. Хью Прист спал глубоким сном, сжимая в руках клок облезлого меха.

Интересно, кому еще на всем белом свете может понадобится такая старая гряздая штукovina, подумал Норрис. Он держит его так, словно это его сраный плюшевый медвежонок.

Норрис вернулся к своей машине, забрался внутрь, включил нейтралку, и его старый «жучок» бесшумно покатился вниз по дорожке. Он не включил двигатель, пока машина не выехала на дорогу, а потом резко газанул и укатил так быстро, как только мог. Голова у него разламывалась от боли. Желудок противно пульсировал под ремнем брюк. Но он твердил и твердил себе, что все это не имеет никакого значения; он чувствует себя хорошо, ему хорошо, черт возьми, ему просто *чудесно*.

Это не очень-то помогало, пока он не потянулся к заднему сиденью и не зажал в левом кулаке узкую длинную удочку. Вот тогда он снова почувствовал себя спокойно.

Он так и держал ее в руке, пока не доехал до дома.

9

Серебряный колокольчик звякнул.

В «Самое необходимое» зашел Слоупи Додд.

— Привет, Слоупи, — сказал ему мистер Гонт.

— П-п-привет, м-м-мистер Го-Го...

— Можешь не мучиться, Слоупи. — Мистер Гонт поднял руку с выставленными вилкой двумя пальцами и поводил ею по воздуху перед невзрачным лицом Слоупи... Тот почувствовал, как что-то в его мозгу — какое-то странное, невнятное рычание — волшебным образом рассосалось. У него отвисла челюсть.

— Что вы со мной сделали? — выдохнул он. Слова свободно вылетели у него изо рта, как бусинки с нитки.

— Такой фокус, которому мисс Ратклифф, несомненно, пожелаала бы научиться, — сказал мистер Гонт. Он улыбнулся и поставил галочку на своем листке рядом с именем Слоупи. Потом взглянул на старинные часы, мерно тикавшие в углу. Было без четверти час. — Скажи, как тебе удалось уйти из школы так рано? Кто-нибудь может что-то заподозрить.

— Нет. — На лице у Слоупи все еще было написано изумление, казалось, он старается поглядеть на собственный рот, словно надеясь увидеть, как в столь небывалом четком порядке оттуда вылетают слова. — Я сказал миссис Де-Уиз, что у меня болит живот, она послала меня к школьной медсестре. Медсестре я сказал, что мне уже лучше, но все-таки болит. Она спросила, как я думаю, смогу я дойти до дому. Я сказал, что смогу, и она

отпустила меня. — Слоупи помолчал, а потом добавил: — Я пришел, потому что задремал в классе. И мне приснилось, что вы меня звали.

— Звал. — Мистер Гонт подпер своими одинаковой длины пальцами подбородок и улыбнулся мальчику. — Скажи, твоей матери понравился заварочный чайничек, который ты купил для нее?

Щеки Слоупи вспыхнули и налились кирпичным цветом. Он хотел что-то сказать, но потом раздумал и уставился на собственные башмаки.

Самым своим мягким и добрым голосом мистер Гонт спросил:

— Ты оставил его себе, не так ли?

Слоупи кивнул, по-прежнему уставясь себе под ноги. Он испытывал стыд и смущение. Но хуже всего было чувство горя и утраты: каким-то образом мистер Гонт развязал этот унылый, вызывающий раздражение узел у него в голове, но... Какой в этом теперь прок? Он был слишком смущен, чтобы говорить.

— Ну а зачем, скажи на милость, двенадцатилетнему мальчику нужен заварочный чайник?

Челка Слоупи, пару секунд назад подскакивавшая вверх и вниз, теперь замоталась из стороны в сторону, когда он протестующе завертел головой. Он не знал, зачем двенадцатилетнему мальчишке нужен заварочный чайник. Он знал лишь, что хотел оставить его себе. Он влюбился в него, он... и вправду... в него влюбился.

— ...ший, — пробормотал он наконец.

— Прошу прощения? — приподнял свои сросшиеся брови мистер Гонт.

— Я говорю, он такой хороший!

— Слоупи, Слоупи, — выходя из-за прилавка, покачал головой мистер Гонт, — мне не нужно объяснять это. Мне известно все об этой странной штуке, которую люди называют «гордостью обладания». Я положил его в основу моей карьеры.

Слоупи Додд в ужасе отпрянул от мистера Гонта.

— Не трогайте меня! — воскликнул он. — Пожалуйста, не трогайте!

— Слоупи, я так же не собираюсь дотрагиваться до тебя, как не собираюсь говорить, чтобы ты отдал чайник матери. Он — твой. Ты можешь делать с ним все, что хочешь. По сути дела, я приветствую твое решение оставить его себе.

— Вы... правда?..

— Правда! Конечно, правда! Эгоисты — счастливые люди. Я верю в это всем сердцем. Но, Слоупи...

Слоупи слегка приподнял голову и в страхе взглянул из-под спадающей на лоб рыжей челки на Лиланда Гонта.

— ...Пришло время окончательно расплатиться за покупку.

— А-а! — с огромным облегчением выдохнул Слоупи. — И это *все*, зачем я был вам нужен? А я думал, может быть, вы хотели... — Но он или не сумел, или не посмел закончить. Он сам не очень-то знал, что именно, по его мнению, хотел мистер Гонт.

— Да. Ты помнишь, с кем ты обещал сыграть шутку?

— Конечно. С тренером Праттом.

— Верно. Шутка эта состоит из двух частей: ты должен подложить кое-что в определенное место и ты должен кое-что сказать тренеру Пратту. И если ты точно последуешь моим указаниям, чайник останется твоим навсегда.

— И я смогу так говорить? — с жаром спросил Слоупи. — Смогу всегда говорить и не заикаться?

Мистер Гонт испустил вздох сожаления.

— Боюсь, Слоупи, все станет по-прежнему, как только ты выйдешь из моего магазина. По-моему, у меня есть где-то среди товаров средство от заикания, но...

— Пожалуйста! Ну пожалуйста, мистер Гонт! Я сделаю все! Я сделаю все, что угодно, с кем только скажете! Я ненавижу заикаться!

— Знаю, что сделаешь, но тут есть одна проблема, понимаешь меня? Шутки, которые

нужно сыграть, уже на исходе; вся моя танцкарта, если можно так выразиться, почти заполнена. Тебе просто нечем расплатиться.

Слоупи долго колебался, прежде чем снова сказать что-то, а когда заговорил, голос его звучал тихо и умоляюще:

— А не могли бы вы... Я хочу сказать, разве вы никогда не... даете вещи просто так, даром, а, мистер Гонт?

На лице мистера Гонта отразилось глубокое сожаление.

— О, Слоупи! Как часто я об этом думал, и как *подолгу* ! В моем сердце не иссякает колодец сострадания и жажда благотворительности. Но...

— Но что?

— Это уже не будет бизнесом, — закончил мистер Гонт. Он одарил Слоупи сочувственной улыбкой, но... глаза его сверкали так по-волчьи, что Слоупи отступил на шаг. — Ты меня понял, правда?

— Я... Да! Конечно, мистер Гонт!

— Кроме того, — продолжал мистер Гонт, — следующие несколько часов для меня — решающие. Когда дела как следует закручены, их редко можно остановить... Но сейчас я не могу допустить ни одной промашки. Если ты вдруг перестанешь заикаться, это может вызвать ненужные вопросы. Шериф и так уже лезет в дела, которые его совершенно не касаются. — На мгновение его лицо потемнело, а потом снова озарилось гадко-очаровательной улыбкой. — Но я позабочусь о нем, Слоупи. О да, позабочусь!

— Вы имеете в виду шерифа Пэнгборна?

— Да, именно шерифа Пэнгборна. — Мистер Гонт поднял два пальца и снова провел ими перед лицом Слоупи Додда, от лба к подбородку. — Но мы с тобой никогда не говорили о нем, правда?

— Говорили о *ком* ? — удивленно переспросил Слоупи.

— Вот именно.

На Лиланде Гонте сегодня был темно-серый твидовый пиджак, из кармана которого он вытащил черный кожаный бумажник. Он протянул его Слоупи, и тот осторожно взял бумажник, стараясь никоим образом не дотронуться до пальцев мистера Гонта.

— Ты ведь знаешь машину тренера Пратта, не так ли?

— «Мустанг»? Конечно.

— Положи это туда. Под пассажирское сиденье — так, чтобы высовывался только один уголок. Отправляйся прямо сейчас к школе — это должно лежать в машине до того, как прозвенит последний звонок. Ты понял меня?

— Да.

— Потом ты дождешься, пока он выйдет. А когда выйдет... — Мистер Гонт продолжал тихо бормотать, а Слоупи смотрел на него, приоткрыв рот, затуманенным взором и все время кивал головой.

Через несколько минут Слоупи Додд вышел из магазина с засунутым под рубашу бумажником Джона Лапойнта.

Глава 16

1

Нетти лежала в простом сером гробу, за который заплатила Полли Чалмерз. Алан просил у нее разрешения взять часть расходов на себя, но она отказалась в той простой и бесповоротной форме, которую он уже успел узнать и научился уважать и принимать как данность. Гроб стоял на настольных подставках над свежевырытой могилой на городском кладбище, неподалеку от места, где были похоронены родные Полли. Могильный холмик по соседству был покрыт ковром ярко-зеленой искусственной травы, искрящейся на горячем солнце. Эта фальшивая трава всегда вызывала у Алана дрожь. Что-то в ней было

непристойное, что-то жуткое. Это нравилось ему еще меньше, чем манера работников морга сначала потрошить умерших, а потом обрядить их наподобие кукол в лучшие одежды, словно они собираются присутствовать на важной деловой встрече в Бостоне, а недолгими годами гнить среди корней деревьев и червей.

Его преподобие Том Киллингворт, священник методистской церкви, дважды в неделю совершавший службы в Джанипер-Хилл и хорошо знавший Нетти, отпевал ее по просьбе Полли. Надгробное напутствие было коротким, но теплым, полным уважения к покойной, которую этот человек прекрасно знал, — женщине, храбро и неуклонно стремившейся выбраться из тени помешательства; женщине, которая приняла мужественное решение еще раз попытаться сладить с миром, причинившим ей столь сильные страдания.

— Когда я был подростком, — говорил Том Киллингворт, — моя мать хранила в комнате для шитья дощечку с прекрасным ирландским изречением. В нем было сказано: «Дай вам Господи попасть на небеса за полчаса до того, как дьявол узнает о вашей кончине». Нетти Кобб прожила трудную жизнь, во многих отношениях печальную, но я не верю, что она вступала в сделку с дьяволом. Несмотря на ее ужасную и безвременную кончину, мое сердце верит в то, что она отправилась в рай, а до дьявола еще не дошла весть о ее смерти. — Киллингворт воздел руки к небу в традиционном жесте бенедиктинцев. — Давайте же помолимся.

С другой стороны холма, оттуда, где в это же самое время хоронили Уилму Джерзик, доносилось множество голосов, которые усиливались и стихали в ответ на речь отца Джона Бригема. Машины там выстроились от места захоронения до самых восточных ворот кладбища; они приехали ради живого — Пита Джерзика, а не ради его умершей жены. Здесь же присутствовало всего пятеро: Полли, Алан, Розали Дрейк, старик Ленни Партридж (который посещал все похороны по одному главному принципу — если усопший был не из папского легиона) и Норрис Риджвик. Норрис был бледен и выглядел расстроенным. Рыба, наверно, плохо клевала, подумал Алан.

— Да благословит вас Господь и да сохранит Он светлые воспоминания о Нетти Кобб в ваших сердцах, — говорил Киллингворт, и Полли, стоявшая рядом с Аланом, снова принялась плакать. Он обнял ее за плечи, и она благодарно прижалась к нему, нащарив ладонью его руку и крепко сжав. — Да обратит Господь Свой лик на вас; да снизойдет к вам Его благословение; да просветлит Он души ваши, дарует вам покой. Аминь.

Сегодня было еще жарче, чем в День Колумба, и когда Алан поднял голову, лучи яркого солнца, отразившиеся в стальных подставках под гробом, брызнули ему прямо в глаза. Свободной рукой он вытер пот со лба, а Полли порылась в своей сумочке, достала чистую салфетку и вытерла мокрые глаза.

— Родная, с тобой все в порядке? — спросил Алан.

— Да... Но мне надо поплакать, Алан. Бедняжка Нетти. Бедная, бедная Нетти. Почему так случилось? Ну *почему*? — И она снова начала всхлипывать.

Алан, не перестававший задаваться тем же вопросом, обнял ее. Через плечо Полли он увидел, как Норрис побрел туда, где стояли машины, с видом человека, который или сам не знает, куда идет, или не до конца проснулся. Алан нахмурился. Потом к Норрису подошла Розали Дрейк, что-то сказала ему, и Норрис обнял ее.

«Он просто тоже ее знал, — подумал Алан, — и ему грустно — вот и все. Ты что-то много гоняешься за тенью в эти дни — может, главный вопрос: что случилось с тобой?»

Потом к ним подошел Киллингворт, и Полли, взяв себя в руки, повернулась к нему, чтобы поблагодарить. Киллингворт протянул ей обе руки. Со сдержанным изумлением Алан смотрел, как Полли без колебаний позволила огромным ладоням священника пожать ее руку. Он не мог припомнить, чтобы она когда-нибудь протягивала кому-то свою руку так свободно, не задумываясь.

Ей не просто чуть получше; ей здорово лучше. Что же, черт возьми, произошло?

По другую сторону холма гундосый и довольно противный голос отца Джона Бригема провозгласил: «Да пребудет с вами мир и покой».

— С вами мир и покой, — ответили хором его прихожане. Алан взглянул на простой серый гроб рядом с этим кошмарным холмиком с поддельной зеленой травкой и мысленно пожелал: «Спи спокойно, Нетти. Наконец-то ты обрела покой».

2

Когда начались двойные похороны на городском кладбище, Эдди Уорбуртон припарковал машину возле дома Полли. Он вылез из «тачки» — вовсе не такой новой и чудной, как та, что угробил этот вшивый ублюдок у «Саноко», — так, просто средство для перевозки тяжестей, — и осторожно огляделся по сторонам. Все казалось спокойным; улица мирно дремала в этот жаркий, похожий на августовский полдень.

Эдди торопливо зашагал по дорожке к дому, на ходу вытаскивая из-под рубашки весьма официально выглядевший конверт. Всего десять минут назад ему позвонил мистер Гонт и сказал, что пришло время окончательно расплатиться за медальон, вот он и приехал сюда... Что ни говори, а мистер Гонт был из тех парней, которые если уж говорят: «Лягушка», — то лучше прыгнуть и квакнуть.

Эдди взобрался по трем ступенькам на крыльцо Полли. Жаркий ветерок качнул колокольчики маленького флюгера над дверью, и они тихонько звякнули — самый безобидный звук, который только можно себе представить, но Эдди тихонько отпрыгнул в сторону. Он снова огляделся по сторонам, никого не увидел и взглянул на конверт. Он был адресован «Миссис Патриции Чалмерз» — фу-ты ну-ты! Эдди понятия не имел, что первое имя Полли было Патриция, да его это и не волновало. Его дело — сыграть эту маленькую шутку и убраться отсюда к чертям собачьим.

Он опустил конверт в прорезь для почты. Конверт скользнул вниз и приземлился на другие почтовые отправления: два каталога и брошюра с программой кабельного ТВ. Обыкновенный деловой конверт с именем и адресом Полли под смазанным почтовым штемпелем — в правом верхнем углу, и обратным адресом — в левом верхнем:

Отдел детских пособий Сан-Франциско.

666 Гири-стрит,

Сан-Франциско, Калифорния, 94112.

3

— Что это? — спросил Алан, когда они с Полли медленно спускались с холма к его машине. Он надеялся перемолвиться хотя бы словечком с Норрисом, но Норрис уже влез в свой «фольксваген» и укатил. Наверно, снова на озеро — еще немного порыбачить, прежде чем зайдет солнце.

Полли подняла на него все еще красные от слез глаза и по-прежнему бледное лицо и вымученно улыбнулась.

— Что — что?

— Твои руки. Что им помогло? Похоже на волшебство.

— Да, — сказала она и вытянула руки перед собой, растопылив пальцы, чтобы они были видны им обоим. — Чудо, правда?

Улыбка у нее стала чуть более искренней. Пальцы были по-прежнему искривлены и полусогнуты, суставы — припухшие, но жуткие опухлости, бывшие там еще в пятницу вечером, почти полностью исчезли.

— Давайте, мадам, выкладывайте.

— Я не уверена, что мне хочется рассказать тебе. Честно говоря, я немного смущаюсь.

Они остановились и помахали Розали, проезжавшей мимо них на своей старой голубой «тойоте».

— Давай, — сказал Алан, — колись.

— Ну, наверно, все дело было в том, чтобы встретить правильного врача, — сказала

она, и щеки у нее слегка заалели.

— И кто же это?

— Доктор Гонт, — произнесла она с коротким нервным смешком. — Доктор Лиланд Гонт.

— Гонт! — Он с удивлением взглянул на нее. — Какое отношение он может иметь к твоим рукам?

— Довези меня до его магазина, и я по дороге все тебе расскажу.

4

Через пять минут (одна из главных прелестей жизни в Касл-Роке, приходило порой Алану в голову, состояла в том, что почти все тут находилось в пяти минутах ходьбы или езды) он уже заруливал на одно из свободных парковочных мест перед «Самым необходимым». В витрине висела табличка, которую Алан уже видел:

ВТОРНИК И ЧЕТВЕРГ – ТОЛЬКО ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ЗАКАЗАМ

Неожиданно до Алана, который до сих пор как-то не удосуживался подумать об этом распорядке нового магазина, дошло, что «закрыто... только по предварительным заказам» — дьявольски странный способ для ведения дел в маленьком городке.

— Алан? — поколебавшись, спросила Полли. — Что с тобой? У тебя взгляд сумасшедшего.

— Я не сумасшедший, — сказал он. — С чего это мне вдруг сходить с ума? По правде говоря, я сам не знаю, как я себя чувствую. Наверно... — он издал короткий смешок и покрутил головой, — наверно, я сейчас, как любил говорить Тодд, «вишу-на-крючке». Шарлатанские средства? Как-то это на тебя не похоже, Пол.

Она моментально поджала губы, и, когда повернулась к нему, в глазах у нее промелькнуло предостережение.

— Я бы не стала произносить слово «шарлатанство». Шарлатанство — для дураков и... шарлатанство — присказки из реклам на задней обложке «Вида изнутри». Нельзя называть шарлатанством то, что действует, Алан. По-твоему, я не права?

Он раскрыл было рот, сам не зная, что собирается сказать, но она не дала ему произнести ни слова.

— Взгляни сюда. — И она протянула руки к ветровому стеклу, подставив их под солнечные лучи, и без всяких усилий несколько раз сжала и раскрыла ладони.

— Ладно, неудачное слово. Я просто...

— Да уж. Очень неудачное.

— Прости.

Тогда она всем корпусом повернулась к нему, сидя на том месте, где так часто раньше сидела Анни, — в когда-то семейной машине Пэнгборнов. «Почему я не продал ее до сих пор? — подумал Алан, — я что — свихнулся?»

Полли осторожно положила ладони на руку Алана.

— Ох, Алан, это превращается и впрямь во что-то неприятное — мы же *никогда* не ссоримся, и я не хочу начинать теперь. Я сегодня похоронила хорошую подругу, и мне не хочется вдобавок еще и поругаться со своим дружкой.

На его губах заиграла слабая ухмылка.

— Так вот, значит, кто я? Твой дружок.

— Ну... Ты мой *друг*. Так я по крайней мере могу сказать?

Он обнял ее, слегка пораженный тем, как близко они подошли к черте, за которой идут в ход резкие, обидные слова. И не потому, что ей стало хуже, а... потому, что ей стало *лучше*.

— Родная, ты можешь говорить все, что тебе хочется. Я ужасно люблю тебя.

— И мы никогда не будем ссориться. Что бы там ни случилось.
— Что бы там ни случилось, — торжественно повторил он.
— Потому что я тоже люблю тебя, Алан.
Он поцеловал ее в щеку и выпустил из объятий.
— Покажи мне эту штуковину — аскан, — которую он тебе дал.
— Это не аскан, это — *азка*. И он не *дал* мне его, он его одолжил на пробу. За тем я и приехала сюда — чтобы купить его. Я же говорила тебе. Я только надеюсь, что он не захочет за него луну с неба и все звезды в придачу.

Алану все это не нравилось. Он с трудом мог отвести глаза от рук Полли во время церемонии похорон — он видел, как она легко и свободно управлялась с замочком сумочки и рылась в ней в поисках салфетки, а потом защелкнула сумочку кончиками пальцев, не сжимая ее, как обычно, локтями, чтобы не причинить себе лишнюю боль. Он понимал, что с руками у нее получше, но вся эта история с волшебством — а начинка «пирога» оказалась именно таковой — причиняла ему сильное беспокойство. Это пахло какой-то нечестной игрой.

ВТОРНИК И ЧЕТВЕРГ — ТОЛЬКО ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ЗАКАЗАМ

Нигде, кроме нескольких модных ресторанов вроде «У Мориса», он не встречался с услугами «только-по-предварительным-заказам» с тех пор, как впервые приехал в штат Мэн. И в девяти случаях из десяти вы можете зайти к Морису прямо с улицы и сесть за столик, кроме... кроме летнего сезона, конечно, когда кругом полным-полно туристов.

ТОЛЬКО ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ЗАКАЗАМ

Тем не менее он видел (краем глаза), как люди входили туда и выходили всю неделю. Может, и не толпами, но было ясно, что манера мистера Гонта вести дела — странная там или нет — никоим образом не мешала его бизнесу. Иногда его клиенты заходили небольшими группами, но гораздо чаще поодиночке... так, во всяком случае, сейчас казалось Алану, когда он прокручивал в памяти события прошедшей недели. А разве не так обычно работают жулики? Они отсекают вас от стада, настигают, устраивают поудобнее, а потом объясняют, как удачно вы можете приобрести «линкольн-тыонелл» по крайне низкой «только-сегодняшней» цене.

— Алан? — Ее кулачок легонько стукнул его по лбу. — Алан, ты далеко?

Он взглянул на нее с улыбкой.

— Я здесь, Полли.

На ней был темно-синий джемпер и в тон ему — синий галстук, надетый для похорон Нетти. Пока Алан был погружен в свои мысли, она успела снять галстук и ловко расстегнуть две верхние пуговицы белой блузки под джемпером.

— Еще! — воскликнул он с ухмылкой. — Дальше! Мы желаем продолжения!

— Прекрати! — произнесла она строго, но улыбаясь. — Мы сидим посреди Мейн-стрит, и сейчас половина третьего дня. Кроме тсто, мы только что вернулись с похорон — на тот случай, если ты уже забыл.

— Что, уже правда так поздно? — изумился он.

— Если половина третьего это поздно, то да. — Она постучала по его запястью. — Ты когда-нибудь смотришь на эту штуку, или она болтается просто так, для красоты?

Он взглянул на часы и увидел, что уже скорее без двадцати три, чем половина. Занятия в средней школе заканчиваются в три. Если он хочет успеть к тому времени, как выйдет Брайан Раск, ему нужно двигать туда прямо сейчас.

— Покажи мне свою безделушку, — попросил он.

Она потянула за серебряную цепочку у себя на шее и вытащила маленький серебряный

предмет. Она держала его на ладони, но... когда он потянулся, чтобы дотронуться до него, сжала его в кулаке.

— Ой... Я не знаю, можно ли тебе, — сказала она. На ее губах играла улыбка, но его движение явно причинило ей неудобство. — Это может прервать вибрацию или что там еще.

— Да прекрати ты, Пол, — досадливо поморщился он.

— Послушай, — сказала она, — давай-ка условимся кое о чем, ладно? Идет? — В ее голосе снова зазвучала злость; она старалась сдерживать ее, но злость была. — Тебе легко насмехаться. У тебя нет увеличенных кнопок на телефоне и рецептов на увеличенные дозы перкодана.

— Эй, Полли! Это все...

— Нет, не надо никаких «эй, Полли». — Яркие-красные пятна выступили на ее щеках. Часть ее злобы, как она поняла позже, объяснялась очень просто: в воскресенье она относилась к этому точь-в-точь как Алан сейчас. Что-то произошло с той поры, что заставило ее изменить свое отношение, и перевернуть эту перемену оказалось нелегко. — Эта штука *действует*. Я понимаю, что это бред, но она *действует*. В воскресенье утром, когда заходила Нетти, у меня была самая настоящая агония. Я начала подумывать об ампутации как о единственном выходе. Алан, боль была такая, что я играла с этой мыслью и сама поражалась своему отношению к ней... Что-то вроде: «Ах да — ампутация! Почему же я раньше никогда об этом не думала? Это же так просто!» Теперь, спустя два дня, все, что я чувствую, это то, что доктор Ван Аллен называет «мимолетные болезненные ощущения», и даже это, кажется, проходит. Я помню, где-то год назад я провела неделю на рисовой диете, потому что это *вроде бы* могло помочь. Разве есть большая разница?

Злость испарилась из ее голоса, пока она говорила, и теперь она смотрела на него почти умоляюще.

— Я не знаю, Полли. Правда, не знаю.

Она снова открыла ладонь и теперь держала азку большим и указательным пальцами. Алан нагнулся, чтобы получше разглядеть, но уже не пытался дотронуться. Это был маленький серебряный предмет — не совсем круглый. Крошечные дырочки — не больше черных точек на газетной фотографии — усеивали его нижнюю часть. Он тускло блестел в лучах солнца.

И когда Алан смотрел на него, его охватило мощное, необъяснимое чувство: он ему не нравился. Совсем не нравился. И Алан подавил сильное желание просто-напросто сорвать его с шеи Полли и вышвырнуть в раскрытое окно.

«Да! Блестящая мысль, красавец! Только попробуй, и будешь подбирать свои зубы с собственных колен!»

— Иногда у меня возникает такое чувство, что там внутри что-то шевелится, — с улыбкой сказала Полли. — Вроде мексиканской горошины или чего-то в этом роде. Глупо, да?

— Не знаю.

Он смотрел, как она засовывает его обратно под блузу, с плохим предчувствием, но... как только «шарик» пропал из виду, а ее пальцы — явно гораздо более гибкие, чем обычно, — стали застегивать верхние пуговицы блузки, это ощущение стало исчезать. Не исчезало лишь растущее подозрение, что мистер Лиланд Гонт морочит голову его любимой женщине, и не ей одной.

— А тебе не кажется, что причина может быть в чем-то другом? — Теперь он двигался с осторожностью человека, перебирающегося по скользким камешкам через быстрый ручей. — Знаешь, у тебя ведь и раньше бывали улучшения.

— Конечно, знаю, — сказала Полли, с трудом сохраняя терпение. — Это же *мои* руки.

— Полли, я только пытаюсь...

— Я знала, что ты воспримешь это именно так, как воспринял сейчас, Алан. Все достаточно просто: я знаю, что такое ремиссия при артрите, и это — не то. За последние пять

или шесть лет бывали времена, когда я чувствовала себя довольно сносно, но даже в лучшие из них я никогда не чувствовала себя *так* хорошо. Это совсем по-другому. Это как... — Она замолкла, подумала немного и сделала нетерпеливый жест, в основном руками и плечами. — Это как снова *выздороветь*. Вряд ли ты точно поймешь, что я имею в виду, но лучше выразить это я не могу.

Он нахмурился и кивнул. Он понимал, что она хочет сказать, и он также понимал, что она говорит серьезно. Может быть, эта штука освободила какую-то дремлющую целебную силу ее собственного мозга. Возможно ли это, если болезнь, о которой идет речь, вовсе не психосоматического происхождения? Розенкрейцеры полагают, что подобные вещи случаются сплошь и рядом. Равно как и миллионы людей, покупающих для таких случаев книгу Л. Рона Хаббарда по дианетике. Сам он — не знал; единственное, что он мог сказать с уверенностью: он никогда своими глазами не видел слепца, полагающего, что он прозрел, или раненого, остановившего кровотечение простым усилием воли.

Он знал одно — что-то в этом было не то. Что-то в этом пахлодохлой рыбой, денька три провалявшейся на горячем солнцепеке.

— Давай прекратим, — сказала Полли. — Я уже выдохлась, пытаюсь сдерживаться и не рывкать на тебя. Зайдем туда вместе. Поговори сам с мистером Гонтом. Как бы там ни было, тебе пора с ним познакомиться. Может, он сумеет объяснить лучше, чем я, что делает эта вещичка и... чего не делает.

Он снова глянул на часы. В какой-то момент он решил было поступить так, как она предложила, и оставить Брайана Раска на потом. Но застать паренька выходящим из школы — поймать вне дома — казалось верным ходом. Ему будет куда проще выудить из парнишки ответы на все вопросы, если поговорить с ним без его матери, вмешивающейся в разговор, снующей вокруг сыночка, как львица, охраняющая потомство, и, может быть, даже запрещающей ему отвечать. Да, тут-то и ляжет водораздел: если выяснится, что ее сыночку есть что скрывать, или если даже миссис Раск просто подумает, что есть, Алану будет крайне затруднительно, а может, и вовсе невозможно получить необходимую информацию.

Тут его ждет лишь потенциальный жулик; у Брайана Раска он может отыскать ключ к загадке двойного убийства.

— Не могу, родная, — сказал он. — Может быть, сегодня, но попозже. Я должен подъехать в среднюю школу — поговорить кое с кем, и мне надо сделать это прямо сейчас.

— Это по поводу Нетти?

— Это по поводу Уилмы Джерзик, но... если моя интуиция меня не обманывает, Нетти это тоже касается. Если я что-нибудь разузнаю, я расскажу тебе потом. А пока сделай мне одно одолжение, а?

— Алан, я куплю это! Руки мои, а не твои!

— Да нет, я знаю, что ты купишь. Я лишь хочу, чтобы ты расплатилась с ним чеком — вот и все. У него нет никаких причин не взять чек — *если* он порядочный бизнесмен. Ты живешь в этом городе, твой банк — прямо напротив его магазина. Но если что-то вдруг стрясется, у тебя будет несколько дней в запасе, чтобы приостановить платеж.

— Понимаю, — произнесла Полли ровным голосом, но у Алана побежали по коже легкие мурашки от ощущения, что он все-таки поскользнулся на одном из камешков и бухнулся головой вниз в ручей. — Ты думаешь, что он жулик, да, Алан? Ты думаешь, он возьмет деньги у доверчивой дамы, а потом соберет свои вещички и исчезнет в ночи.

— Я не знаю, — спокойно сказал Алан. — Я знаю лишь, что он торгует в городе всего неделю. Поэтому принять обычные меры предосторожности — вполне разумный подход.

Да, это был вполне разумный подход, и Полли это понимала. И именно эта разумность, эта упрямая рациональность на фоне того, что казалось ей истинно волшебным исцелением, будила в ней злобу. Она подавила в себе желание ткнуть пальцами ему прямо в лицо с криком: «Ты *это* видишь, Алан? Ты что, *слепой* ?» И тот факт, что Алан был прав, что у мистера Гонта не должно возникнуть никаких проблем с ее чеком, если только он чист и ни в чем не грешен, лишь усиливал ее злость.

«Осторожнее, — прошептал ей голосок. — Будь осторожна, включи разум, прежде чем исторгнуть грязь изо рта. Помни, ты любишь этого человека».

Но другой голос — более холодный, который она с трудом признала за свой собственный, — ответил первому: «А люблю ли? Люблю ли на самом деле?»

— Ладно, — сказала она, сжав губы и отодвинувшись от него. — Спасибо тебе, Алан, за то, что ты так ревностно блюдешь мои интересы. Понимаешь, иногда я совсем забываю, как нуждаюсь в том, чтобы кто-то делал это. Разумеется, я выпишу ему чек.

— Полли...

— Нет, Алан, хватит разговоров. Сегодня я уже не могу не злиться на тебя. — Одним резким движением она открыла дверцу и вылезла из машины. Джемпер на секунду задрался, обнажив умопомрачительную линию ее бедер.

Он начал было вылезать из «тачки» со своей стороны, желая остановить ее, успокоить, объяснить, что высказал свои сомнения лишь потому, что заботится о ней, но... Снова взглянул на часы. Было без девяти минут три. Если он задержится даже ненадолго, то может упустить Брайана Раска.

— Поговорим вечером, — окликнул он ее из окна.

— Отлично, — сказала она. — Конечно, поговорим, Алан. — И не оборачиваясь пошла прямо к двери под зеленым тентом. Прежде чем Алан дал задний ход и вывел машину на мостовую, он услышал звяканье маленького серебряного колокольчика.

5

— Мисс Чалмерз! — радостно воскликнул мистер Гонт и поставил маленькую галочку почти в самом низу листка, лежащего возле кассового аппарата, — имя Полли стояло там предпоследним.

— Пожалуйста... Полли, — сказала она.

— Простите, — его улыбка стала шире, — Полли.

Она улыбнулась в ответ, но улыбка вышла принужденной. Теперь, когда она уже вошла сюда, она раскаивалась в том, с какой злостью рассталась с Аланом. Неожиданно она поймала себя на том, что едва удерживается от рыданий.

— Мисс Чалмерз? Полли? Вам нехорошо? — Мистер Гонт вышел из-за прилавка. — Вы страшно бледны. — Его лицо выражало живейшее участие. И этого человека Алан считает мошенником, подумала Полли. Если бы он только мог видеть его сейчас...

— Наверно, это от солнца, — произнесла она не совсем твердым голосом. — На улице так жарко.

— Но здесь, внутри, прохладно, — утешительно заметил он. — Входите, Полли. Входите и садитесь.

Он подвел ее, не касаясь рукой, к одному из красных плюшевых кресел. Она села, тесно сдвинув колени.

— Я случайно выглядывал из окна, — сказал он, усевшись на стул рядом с ней и сложив свои длинные ладони у себя на коленях, — и мне показалось, что вы о чем-то спорили с шерифом Пэнгборном.

— Пустяки, — ответила она, но одинокая слезинка заблестела в уголке ее левого глаза и скатилась вниз по щеке.

— Напротив, — возразил он, — это имеет огромное значение.

Она удивленно взглянула на него, и... темные глаза мистера Гонты поймали ее взгляд. Были ли они темными раньше? Она не могла точно припомнить, но... глядя в эти глаза, она ощущала, как все горести этого дня — похороны бедняжки Нетти, а потом глупая ссора с Аланом — начали растворяться.

— Это... правда?

— Полли, — мягко сказал он, — я полагаю, что все со временем будет прекрасно. Если вы мне доверяете. А это так? Вы доверяете мне?

— Да, — сказала Полли, хотя что-то у нее внутри, что-то далекое и расплывчатое, отчаянно пыталось предостеречь ее. — Да... Что бы там ни говорил Алан, я всем своим сердцем верю вам.

— Что ж, это чудесно, — сказал мистер Гонт. Он протянул руку и взял в нее руку Полли. Ее лицо на мгновение сморщилось от отвращения, а потом к нему снова вернулось отсутствующее и мечтательное выражение. — Это просто прекрасно. И знаете, вашему другу, шерифу, не стоило беспокоиться; ваш чек для меня — не хуже золота.

6

Алан понял, что опоздает, если не включит сирену-мигалку и не поставит ее на крыше машины. Ему не хотелось этого делать. Он не хотел, чтобы Брайан Раск увидел полицейский автомобиль; он хотел подъехать за Брайаном в обычном, слегка просевшем фургоне вроде того, на котором, вероятно, ездит отец мальчика.

Было уже слишком поздно ехать к самой школе. Вместо этого Алан остановился на перекрестке Мейн- и Скул-стрит. Здесь пролегал самый вероятный и логичный маршрут Брайана из школы домой; Алану оставалось лишь надеяться, что хоть в чем-то сегодня логика сработает.

Алан вышел из машины, прислонился к бамперу и нащупал в кармане палочку жевательной резинки. Он начал разворачивать ее и услышал трехчасовой звонок в средней школе — какой-то далекий и сонный в жарком солнечном воздухе.

Он решил поговорить с мистером Л и ландом Гонтом из Акрона, штат Огайо, не важно, по заказам там или не по заказам тот сегодня работает, как только закончит с Брайаном Раском, и... так же резко передумал. Сначала он позвонит в Управление генерального прокурора в Августу, чтобы они проверили имя Гонта по списку мошенников. Если там ничего нет, они могут послать запрос на это имя в компьютер LAWS R&I в Вашингтон — LAWS, по мнению Алана, была одним из немногих полезных новшеств, которые ввела администрация Никсона.

Первые ребята шумной ватагой уже шли по улице, прыгая, крича и смеясь. Неожиданная мысль вдруг осенила Алана, и, распахнув дверцу машины со стороны водительского сиденья, он потянулся к «бардачку» и стал рыться в нем. Фальшивая банка с орешками Тодда вывалилась оттуда и упала на пол.

Алан уже почти было плюнул на поиски, когда наконец нащупал то, за чем полез, и, захлопнув «бардачок», выбрался из машины. В руке он сжимал маленький картонный конверт с наклейкой, на которой было написано:

Фокус «Цветок с сюрпризом» «Блэкстоун магик корпорэйтед»

19 Гриир-ст.

Патерсон Н. Дж.

Из этого конверта Алан вытащил квадратик помельче — толстый пакетик из разноцветной оберточной бумаги — и засунул его под браслет часов. У каждого фокусника обязательно бывает на теле и в одежде несколько «потайных колодцев», и у каждого есть свой любимый «колодец». У Алана он был под браслетом часов.

Разобравшись со знаменитым «Цветком с сюрпризом», Алан снова стал следить за улицей, чтобы не упустить Брайана Раска. Он увидел мальчишку на велосипеде, ныряющего зигзагами сквозь кучки маленьких пешеходов, и тут же насторожился. Но потом он узнал одного из близнецов Ханлон и снова позволил себе расслабиться.

— Сбавь скорость, а то выпишу штраф, — рыкнул Алан, когда парнишка поравнялся с ним. Джей Ханлон пораженно уставился на него и чуть не врезался в дерево, а потом гораздо медленнее покатиł прочь.

Алан проводил его удовлетворенным взглядом, а потом снова повернулся лицом к

школе, чтобы не упустить Брайана Раска.

7

Салли Ратклифф поднялась по лесенке из своего маленького полуподвального кабинета на первый этаж через пять минут после трехчасового звонка и прошла через главный холл к учительской. Холл быстро пустел, как это всегда бывает в ясную и теплую погоду. Снаружи ребятишки кучками направлялись к автобусам № 2 и № 3, сонно загоравшим у стоянок. Низенькие каблочки Салли дробно стучали по полу. В руке она держала конверт, легонько прижимая его той стороной, на которой было выведено имя — Фрэнк Джуэтт, — к мягкой округлости своей груди.

Она задержалась у комнаты № 6 — соседняя дверь с учительской, — и заглянула туда через стекло. Мистер Джуэтт беседовал там с полудюжиной учителей, имеющих отношение к тренерской работе в осенний и зимний сезоны. Маленький, пухлый Фрэнк Джуэтт всегда напоминал Салли мистера Уэзерби, главного персонажа комиксов «Арчи», — как и у мистера Уэзерби, очки у него вечно сползали на кончик носа.

Справа от него сидела Алиса Таннер, школьный секретарь. Кажется, она делала какие-то записи.

Мистер Джуэтт посмотрел налево, увидел Салли, заглядывающую в окно, и одарил ее одной из своих гаденьких улыбочек. Она махнула рукой и заставила себя улыбнуться в ответ. Она еще живо помнила то время, когда могла улыбаться совершенно непринужденно; после молитвы улыбка была самой естественной вещью на свете.

Несколько других преподавателей тоже обернулись, яселяя поглядеть, на кого уставился их бесстрашный лидер. Обернулась и Алиса Таннер. Она застенчиво пошевелила пальчиками Салли и слащаво улыбнулась.

«Они знают, — подумала Салли. — Все до единого знают, что у нас с Лестером все кончено. Айрин была такой добренькой прошлой ночью... такой участливой... и так старательно всем разболтала — маленькая сучка».

Салли пошевелила пальчиками в ответ, чувствуя, как губы ее раздвигаются в робкой — и явно фальшивой — улыбке. «Чтоб тебе по дороге домой попасть под каток, шлюха ты мерзкая», — подумала она и пошла дальше, дробно стуча по полу низенькими каблочками.

Когда мистер Гонт позвонил ей во время перемены и сказал, что пришла пора до конца расплатиться за чудесную деревяшку, Салли восприняла это с энтузиазмом и каким-то болезненным удовольствием. Она чувствовала, что «маленькая шутка», которую она обещала сыграть с мистером Джуэттом, возымеет действие, и ее это вполне устраивало. Сегодня ее обурежала жажда действий.

Она взялась за ручку двери в учительскую и... замерла.

«Что с тобой происходит? — неожиданно спросила она сама себя. — У тебя есть щепка... чудесная, божественная щепка со спрятанным внутри ее чудесным, божественным видением. Разве подобные вещи не должны приносить радость людям, заставляя их чувствовать себя лучше? Спокойнее? Более близкими к Господу — Отцу нашему Всемогущему? Но ты не чувствуешь себя ни лучше, ни ближе к кому бы то ни было. Ты чувствуешь себя так, словно кто-то воткнул тебе в голову оголенный конец электрического провода».

— Да, но в этом не виновата ни я, ни щепка, — пробормотала Салли. — В этом виноват Лестер. Мистер Лестер Большой-Член-Пратт.

Маленькая девчушка в больших очках и с тяжелым ранцем оторвалась от рекламного плаката «Пепси-клуб», который она внимательно рассматривала, и с любопытством взглянула на Салли.

— А ты на что уставилась, Ирвин? — спросила Салли.

Ирвин моргнула и пробормотала:

— Ни-на-што, миз Рат-клифф.

— Тогда пойдی куда-нибудь еще и там уставься на это, — рявкнула Салли. — Уроки закончились, ты что, не в курсе?

Ирвин торопливо пошла по коридору, время от времени бросая недоверчивые взгляды через плечо.

Салли открыла дверь учительской и вошла внутрь. Она нашла конверт точно на том месте, которое указал ей мистер Гонт — за корзинами для мусора, возле дверей кафетерия, снаружи. Она сама написала на нем имя и фамилию мистера Джуэтта.

Она еще раз быстро огляделась вокруг, желая убедиться, что поблизости нет этой маленькой шлюшки, Алисы Таннер, а потом открыла дверь во внутренний кабинет, пересекла его и положила конверт на стол Фрэнка Джуэтта. Теперь оставалось сделать еще кое-что.

Она выдвинула верхний ящик стола и достала оттуда большие тяжелые ножницы, потом наклонилась и подергала ящик с левой стороны. Он был заперт. Мистер Гонт предупредил, что так скорее всего и случится. Салли выглянула в учительскую, убедилась, что та все еще пуста, а дверь в коридор по-прежнему закрыта. Хорошо. Отлично. Она засунула кончики ножниц в трещинку на крышке запертого ящика и сильно потянула их кверху. Дерево расщепилось, и Салли почувствовала, как ее соски со странной приятностью затвердели. Это было забавно. Страшновато, но — забавно.

Она еще раз просунула ножницы в расширившуюся щель — кончики их на этот раз воткнулись глубже — и снова потянула их кверху. Замок хрустнул, ящик выкатился на роликах, и взору Салли открылось его содержимое. От удивления она сначала открыла рот, а потом начала хихикать, издавая прерывистые, захлебывающиеся звуки, больше похожие на приглушенные вопли, чем на смех.

— Ох, мистер Джуэтт! Какой же вы шаловливый парнишка!

В ящике лежала пачка журналов карманного формата, и тот, что лежал сверху, как раз так и назывался — «Шаловливый парнишка». На расплывчатой фотографии на обложке красовался мальчик лет девяти. На нем была мотоциклетная кепка в стиле 50-х и — больше ничего.

Салли залезла в ящик и вытащила журналы — их было не меньше дюжины, а может, и больше. «Веселые мальчишки», «Голенькие детки», «Цветущие на ветру», «На ферме Бобби». Она пролистала один и не поверила своим глазам. Откуда берутся такие штучки? Они явно не продаются в аптеке, даже на самой верхней полке, о которой порой разорялся с амвона его преподобие Роуз, — той, где висит табличка: «ПОЖАЛУЙСТА, СМОТРЕТЬ ТОЛЬКО С 18 ЛЕТ И СТАРШЕ».

Вдруг в ее мозгу раздался очень хорошо знакомый ей голос: «Поторапливайся, Салли, если не хочешь, чтобы тебя застали здесь. Собрание вот-вот закончится».

А потом послышался другой голосок, женский, который Салли тоже почти узнала. Он был слышен так, словно она разговаривала с кем-то по телефону, и на том конце, где был ее собеседник, говорил кто-то еще, как бы создавая фон.

— ...Не просто нормальная, — произнес этот другой голосок. — Она поразительная.

Салли «выключила» эти голоса и принялась делать то, что велел ей мистер Гонт: разбросала непристойные журналы по всему кабинету мистера Джуэтта. Потом она положила на место ножницы и быстро вышла из комнатки, захлопнув за собой дверь. Она открыла дверь общей учительской и выглянула наружу. Никого... Только голоса из комнаты № 6 звучали громче, и оттуда слышался смех. Они уже собирались расходиться — собрание было на редкость коротким.

Слава Богу и мистеру Гонту, подумала она и выскользнула в коридор. Она почти дошла до входной двери, когда услышала, как все выходят из комнаты № 6. Салли не обернулась. Она поймала себя на том, что последние пять минут совсем не думала о мистере Лестере Большом-Члене-Пратте, и это было действительно здорово. Она решила пойти домой и устроить себе чудесную душистую ванну, чтобы забраться туда со своей волшебной щепкой и не думать о мистере Большом-Члене *часа два* — вот это будет потрясающе! Точно! Вот

это точ...

«Что ты там сделала? Что было в том конверте? Кто оставил его там, у входа в кафетерий? И когда? И наконец, самое главное, Салли, — что ты затеваешь?»

Секунду она стояла не шевелясь, чувствуя, как на лбу и висках выступают маленькие капельки пота. Глаза ее стали круглыми и удивленными, как у испуганного кролика. Потом они сузились, и она зашагала дальше. Она носила подвязки, и они терлись о ее ноги, вызывая странно-приятные ощущения, заставившие ее вспомнить частые объятия с Лестером.

«Плевать мне на то, что я сделала, — подумала она. — На самом деле я надеюсь, что это подействует. Он заслуживает такой шутки — на вид прямо мистер Уэзерби, а держит все эти поганые журнальчики. Да чтоб он подавился, когда зайдет к себе в кабинет».

— Да за...сь ты со своими журналами, — прошептала она.

Впервые в жизни она выругалась вслух, и ее затвердевшие соски начало приятно покалывать. Салли зашагала быстрее, и в голове у нее появились неясные, расплывчатые мысли о том, что, быть может, она займется в ванной еще кое-чем. Неожиданно она почувствовала, что у нее есть и кое-какие собственные потребности. Она еще не была уверена, что знает, как их удовлетворить, но... ей пришло в голову, что можно попробовать поискать способ. В конце концов Господь поможет тем, кто помогает себе сам.

8

— Ну как, по-вашему, это нормальная цена? — спросил мистер Гонт у Полли.

Полли хотела ответить, но запнулась. Внимание мистера Гонта, казалось, отвлеклось куда-то: он смотрел в пространство, и губы его беззвучно шевелились, словно он читал молитву.

— Мистер Гонт?

Он чуть вздрогнул, потом перевел взгляд на нее и улыбнулся.

— Прошу прощения, Полли. Иногда я как-то забываюсь.

— Цена не просто нормальная, — сказала ему Полли, — она потрясающая. — Она достала чековую книжку из сумочки и стала выписывать чек. Время от времени она словно в тумане начинала спрашивать себя, зачем она здесь, но тут же ощущала зов глаз мистера Гонта. И стоило ей поднять взгляд и посмотреть ему в глаза, как все вопросы и сомнения тут же исчезали.

Чек, который она вручила ему, был выписан на сорок шесть долларов. Мистер Гонт аккуратно сложил его и сунул в боковой карман своего спортивного пиджака.

— Не забудьте заполнить корешок, — сказал он, — а то ваш любопытный друг наверняка захочет взглянуть на него.

— Он зайдет повидать вас, — сказала Полли, послушно заполняя корешок чека, — он думает, что вы человек с секретом.

— У него очень много мыслей и планов, — заметил мистер Гонт. — Но планы его изменяются, а мысли растают, как утренний туман при первом ветерке. Поверьте мне на слово.

— Вы... Вы ведь не причините ему вреда, правда?

— Я? Вы неверного обо мне мнения, Патриция Чалмерз. Я пацифист — один из великих пацифистов мира сего. Я никогда не подниму руку на шерифа. Я просто хочу сказать, что в этот полдень у него будет много дел по ту сторону моста. Пока он еще об этом не подозревает, но очень скоро — узнает.

— О-о...

— А теперь, Полли...

— Да?

— Вашим чеком плата за азку не исчерпывается.

— Нет?

— Нет. — В руке мистер Гонт держал простой белый конверт. Полли понятия не имела, откуда он взялся, но это казалось ей само собой разумеющимся и вполне нормальным

явлением. — Чтобы окончательно расплатиться за ваш амулет, Полли, вам нужно помочь мне сыграть кое с кем маленькую шутку.

— С Аланом? — Она вдруг жутко испугалась, совсем как заяц, почуявший запах сухого дыма от лесного пожара жарким летним днем. — Вы имеете в виду Алана?

— Конечно же, нет, — сказал он. — Просить вас, чтобы вы сыграли шутку с кем-то, кого вы знаете, не говоря уже о том, что думаете, будто любите, было бы неэтично, моя дорогая.

— Да?

— Да... Хотя, я полагаю, вам следует хорошенько поразмыслить о ваших отношениях с шерифом, Полли. Вы можете прийти к выводу, что все сводится к довольно простому выбору: маленькая боль сейчас избавит от гораздо большей боли потом. Иначе говоря, тот, кто скоро женится, нередко потом долго сожалеет.

— Я не понимаю вас.

— Я знаю. Вы поймете меня лучше, Полли, когда разберете вашу почту. Видите ли, не я один привлек к себе внимание вашего настырного шерифа. А сейчас давайте обсудим ту маленькую шутку, которую я хочу, чтобы вы сыграли с одним парнем — я, кстати, его только что нанял на работу. Его зовут Меррилл.

— Эйс Меррилл?

Его улыбка погасла.

— Не перебивайте меня, Полли. Никогда не перебивайте меня, пока я говорю, если не хотите, чтобы ваши руки распухли так, словно в кровеносные сосуды вам закачали ядовитый газ.

Она отпрянула от него, и ее сонные, мечтательные глаза широко раскрылись.

— Я... Простите меня.

— Хорошо. Ваши извинения принимаются... на этот раз. А теперь слушайте меня, и слушайте очень внимательно.

9

Фрэнк Джуэтт и Брайон Макгинли, учитель географии и тренер по баскетболу, шли из комнаты № 6 в учительскую, чуть позади Алисы Таннер.

Фрэнк ухмылялся, рассказывая Брайону анекдот, который он сегодня услышал от продавца учебников. Речь там шла о враче, затруднявшемся поставить диагноз одной женщине. Он свел все к двум вариантам — СПИД или потеря ориентации, — но точнее сказать не мог.

— И вот ее муж отводит врача в сторонку, — бубнил Фрэнк, пока они заходили в учительскую. Алиса склонилась над своим письменным столом, просматривая стопку бумаг, и Фрэнк понизил голос. Алиса была жуткой ханжой, когда речь шла об анекдотах с малейшей сальностью.

— Ну и?.. — спросил Брайон, тоже начиная ухмыляться.

— Ну вот. Он здорово расстроился. И говорит: «Слушайте, док, неужели это все, что вы можете сказать? А есть способ определить точно, что у нее?»

Алиса выбрала два розовых бланка и пошла с ними во внутренний кабинет. Она дошла до двери и резко остановилась, словно наткнулась на какую-то невидимую стену. Ни один из ухмыляющихся белых провинциалов среднего возраста этого не заметил.

— «Конечно, проще простого, — говорит врач, — заведите ее в лес, миль на двадцать вглубь, и бросьте там. Если она найдет дорогу домой, лучше ее не трахайте».

Брайон Макгинли секунду глупо паялился на своего патрона, а потом залился раскатистым хохотом. Директор Джуэтт хохотал вместе с ним. Они так громко смеялись, что не расслышали, как Алиса первый раз окликнула Фрэнка. Но второй раз они уже не могли не услышать — второй раз она почти завопила.

Фрэнк торопливо подошел к ней и спросил:

— Алиса? В чем дело?.. — Потом он увидел, в *чем* дело, и его охватил жуткий страх — он словно окаменел. Слова замерли на языке. Он почувствовал, как кожа на гениталиях каким-то безумным образом сворачивается; казалось, его яйца стараются заползти туда, откуда они вылезли когда-то.

Это были журналы.

Те самые журналы из нижнего ящика.

Они были разбросаны по всему кабинету, как какое-то безумное конфетти: мальчики в школьных формах, мальчики в стогах сена, мальчики в соломенных шляпах, мальчики на детских лошадках.

— Боже правый, что это? — послышался хриплый от ужаса и изумления голос слева от Фрэнка. Он повернул голову в ту сторону (шейные позвонки у него при этом скрипнули, как ржавые дверные петли) и увидел, что Брайон Макгинли вытаращился на дикую грудку разбросанных журналов и глаза его едва не выскакивают из орбит.

«Это шутка, — попытался произнести он. — Чья-то глупая шутка, вот и все. Журналы не мои. Стоит лишь взглянуть на меня, чтобы убедиться — подобные журналы не могут... не могут иметь ничего общего с человеком моего... моей... моих...» Его — чего?

Он не знал, и в любом случае это не имело значения, потому что он утратил способность говорить. Начисто.

Трое взрослых людей стояли молча, в шоке уставившись на разорение, царившее в кабинете директора средней школы Фрэнка Джуэтта. Журнал, качавшийся на самом краешке кресла для посетителей, пошелестел страницами от притока горячего воздуха из полураскрытого окна, а потом упал на пол. «Шаловливый парнишка» — многообещающе зазывала его обложка.

«Шутка? Да, шутка, я скажу, что это была шутка, — проносилось в мозгу Джуэтта, — но разве они мне поверят? Допустим, кто-то взломал ящик стола... Подложил их туда... Поверят они в это?»

— Миссис Таннер? — послышался девчачий голосок позади них.

Все трое — Джуэтт, Таннер и Макгинли — резко обернулись, словно пойманные за чем-то постыдным и неприличным. Там стояли две девчонки-восьмиклассницы в красно-белых костюмчиках, какие носят ведущие на параде. Алиса Таннер и Брайон Макгинли почти одновременно подались вперед, чтобы заслонить собой обзор кабинета Фрэнка (сам Фрэнк Джуэтт, казалось, прирос к полу и превратился в камень), но они чуть-чуть опоздали. Глазки у обеих «ведущих» округлились. Одна из них — Дарлена Виккери — закрыла ладошками свой маленький бутанообразный ротик и, словно не веря своим глазам, вытаращилась на Фрэнка Джуэтта.

Ага, подумал Фрэнк, завтра к полудню вся школа уже будет в курсе, а к вечеру — весь город.

— Идите, девочки, — сказала миссис Таннер. — Кто-то сыграл гадкую шутку с мистером Джуэттом — очень гадкую Шутку, — и вы не должны никому об этом рассказывать. Ни единого слова. Вы меня поняли?

— Да, миссис Таннер, — сказала Айрин Макавой. Три минуты спустя она уже будет рассказывать своей лучшей подруге, Донне Белью, что кабинет мистера Джуэтта был весь усеян фотографиями мальчишек, одетых в одни тяжелые металлические браслеты.

— Да, миссис Таннер, — сказала Дарлена Виккери. Через пять минут она будет рассказывать то же самое *своей* лучшей подруге, Натали Прист.

— Давайте, — поддержал Алису Брайон Макгинли. Он пытался говорить обычным тоном, но голос его так и не оправился после шока. — Уходите отсюда.

Обе девчушки убежали; их красные юбочки весело хлопали по крепким коленкам.

Брайон медленно повернулся к Фрэнку.

— Я думаю... — начал он, но Фрэнк не обратил на него внимания.

Двигаясь медленно, как во сне, он вошел в свой кабинет, закрыл за собой дверь со словом «ДИРЕКТОР», выведенным аккуратными черными буквами на табличке, и стал

медленно собирать журналы.

«Ты же сейчас все равно что даешь им письменное признание!» — завопила какая-то часть его мозга. Однако он не обратил никакого внимания на этот вопль. Более глубокий слой его рассудка — примитивный голос инстинкта самосохранения — тоже говорил сейчас, и этот голос сказал, что в данный момент он как раз наиболее уязвим. Если он станет говорить сейчас с Алисой или Брайоном, если попытается объясниться, он подпишет себе смертный приговор.

Алиса стучалась в двери. Фрэнк игнорировал ее стук и продолжал полусонный обход кабинета, подбирая журналы, собранные им за последние девять лет. Он выписывал их один за другим издали и ездил получать на почту в Гейтс-Фоллс, каждый раз опасаясь, что полиция штата или почтовая инспекция обрушится ему на голову грудой кирпичей. Этого он избегал. А теперь...

«Они не поверят, что журналы твои, — произнес примитивный голос. — Они не позволят себе такой роскоши: поверить — ведь это расстроит такое множество уютненьких провинциальных представлений о жизни. Как только ты возьмешь себя в руки, ты с этим справишься, но... Кто же сотворил с тобой такое? Кто мог такое сделать?» (Фрэнку так и не пришлось в голову спросить себя, какая бредовая идея заставила его для начала притащить журналы сюда — из всех возможных мест выбрать именно это.)

Фрэнк Джуэтт мог заподозрить только одного человека — одного жителя Касл-Рока, который разделял с ним его тайную жизнь. Джордж Т. Нелсон, преподаватель труда в средней школе. Джордж Т. Нелсон, который, несмотря на свою обманчивую внешность крутого парня, был голубее крепа на старой отцовской шляпе. Джордж Т. Нелсон, с которым Фрэнк Джуэтт однажды побывал на своего рода вечеринке в Бостоне — такого рода, где было полно мужчин средних лет и небольшая кучка голых мальчиков. Такой вечеринке, за которую можно провести в тюрьме весь остаток жизни. Такой вечеринке...

На его столе лежал большой почтовый конверт, и посреди конверта было написано его имя. Фрэнк Джуэтт ощутил странное еканье в самой верхушке живота, похожее на чувство человека, сидящего в сорвавшемся с троса лифте. Он поднял взгляд и увидел, что Алиса и Брайон стоят, вытаращившись на него, буквально щека к щеке, с раскрытыми ртами. «Теперь я знаю, — подумал Фрэнк Джуэтт, — как себя чувствуют рыбы на суше».

Он махнул им рукой — дескать, *убирайтесь отсюда!* Они не ушли, и это почему-то его никоим образом не удивило. Это был кошмар, а в кошмарах события никогда не развиваются так, как хочется. Потому-то они и есть кошмары. Он испытывал жуткое чувство растерянности, но... где-то под этим, как тлеющая искорка под кучей сырых дров, разгорался маленький голубой огонек злости.

Положив пачку журналов на пол, он уселся за стол и обнаружил, что ящик, где они лежали, взломан, как он и опасался. Разорвав конверт, он извлек его содержимое. В основном это были глянцевые фотографии — его и Джорджа Т. Нелсона на вечеринке в Бостоне. Они развлекались с несколькими миловидными молоденькими пареньками (старшему из них было что-то около двенадцати), и на каждой фотографии лицо Джорджа Т. Нелсона было затемнено, а Фрэнка Джуэтта — идеально четким.

Впрочем, последнее обстоятельство не вызвало у Фрэнка удивления.

Еще в конверте была записка. Он вытащил ее и прочел.

Фрэнк, дружище.

Прости, что пришлось так поступить, но я должен уехать из города, и у меня нет времени рассусоливать. Мне нужны две тысячи баксов. Принеси их мне домой в семь вечера. Сейчас, конечно, тебе придется попрыгать, но ты мужик скользкий, и особых проблем у тебя не будет. А если не сделаешь, фотографии этого борделя будут висеть во всех телефонных будках города под листовками Ночи Казино. Тогда тебя, приятель, в два счета вышибут из города. Так что две штуки должны быть у меня сегодня до семи пятнадцати, иначе пожалеешь, что не родился кастратом.

Твой друг Джордж.

Твой друг.

Твой друг .

Его взгляд все время с изумлением и каким-то ужасом невольно возвращался к этой заключительной строчке.

Хорош, твою мать, *друг* , со своим поцелуйчиком Иуды и ударом ножа в спину!

Брайон Макгинли все еще постукивал рукой по двери, но когда Фрэнк Джуэтт наконец поднял голову, оторвавшись от того, что привлекало его внимание на столе, кулак Брайона застыл в воздухе. Лицо директора было мертвенно-бледным, кроме двух ярких клоунских пятен на щеках. Губы раздвинулись в узкой улыбке, обнажившей два ряда зубов.

Он ни капельки не был сейчас похож на мистера Уэзерби.

«Мой *друг* , — подумал Фрэнк. Одной рукой засовывая фотографии обратно в конверт, он смял записку в другой. Теперь голубая искорка злости стала оранжевой. Сырые дрова охватило пламя. — *Ладно, я приду туда. Я приду, и мы обсудим это дело с моим другом, Джорджем Т. Нелсоном*».

— Да, конечно, — сказал вслух Фрэнк Джуэтт. — *Конечно ...* — И его улыбка стала шире.

10

Время подходило к четверти четвертого, и Алан решил, что Брайан Раск, должно быть, пошел другой дорогой; вереница расхोившихся по домам учеников почти иссякла. Шериф уже полез было в карман за ключами от машины, когда заметил одинокую фигурку парнишки, катящего на велосипеде по Скул-стрит прямо к нему. Паренек ехал медленно, сгорбившись за рулем и так низко наклонив голову, что Алан не мог разглядеть его лица.

Но он видел, что лежало на багажнике велосипеда: сумка-холодильник.

11

— Вы поняли? — спросил мистер Гонт у Полли, державшей теперь в руках конверт.

— Да, я... Я поняла. Да, — ответила Полли, но на ее сонно-мечтательном лице отразилась тревога.

— Вы не кажетесь веселой.

— Ну... Я...

— Штуки вроде *азки* не всегда хорошо действуют на людей, которые невеселы, — сказал мистер Гонт. Он ткнул пальцем в маленький холмик на ее груди, где серебряный шарик прижимался к коже, и снова она почувствовала, как внутри шарика что-то странно шевельнулось. В то же самое мгновение жуткие судороги боли пронзили ее руки, словно на них с размаху накинули сетку из острых металлических крючков. Полли громко застонала.

Мистер Гонт согнул палец, которым ткнул в медальон, манящим жестом. Она снова почувствовала шевеление внутри серебряного шарика — на этот раз более явственно, — и боль прошла.

— Вы ведь не хотите вернуться к прежнему состоянию, а, Полли? — мягким, шелковым голосом спросил мистер Гонт.

— Нет! — закричала она. Грудь ее начала быстро вздыматься и опускаться. Руки стали торопливо тереться одна о другую, словно она что-то застирывала, а ее взгляд ни на секунду не отрывался от его глаз. — Пожалуйста, нет!

— Потому что все может стать еще хуже, верно?

— Да! Да, может!

— И никто этого не понимает, не так ли? Даже шериф. *Он-то* понятия не имеет, что значит проснуться в два часа ночи с адским огнем в ладонях, правда?

Она помотала головой и заплакала.

— Делайте все, как я говорю, Полли, и вам никогда больше не придется так просыпаться. И еще кое-что — делайте то, что я говорю, и если кто-то в Касл-Роке и узнает, что ваш ребенок сторел в трущобе Сан-Франциско, они узнают об этом не от меня.

Полли издала хриплый отчаянный крик — так вскрикивает женщина, которой приснился жуткий, кошмарный сон.

Мистер Гонт улыбнулся.

— Существует не одна разновидность ада, верно, Полли?

— Как вы узнали о нем? — прошептала она. — Никто не знает. Даже Алан. Я сказала Алану...

— Я знаю, потому что знать — моя профессия. А подозревать — его профессия, Полли. Алан так и не поверил тому, что вы ему рассказали.

— Он говорил...

— Я не сомневаюсь, что он говорил все, что нужно, но он не поверил вам. Женщина, которую вы наняли сидеть с ребенком, была наркоманкой, так? Тут не было *вашей* вины, Полли, но, разумеется, все, что привело к этой ситуации, являлось вопросом личного выбора, не так ли? *Вашего* выбора. Молодая женщина, которую вы наняли присматривать за Келтоном, задремала и выронила сигарету — а может, это была «травка», — в мусорную корзину. Вы можете сказать, что это ее палец нажал на спусковой крючок, но ружье было заряжено *вашей* гордыней, *вашей* неспособностью согнуть шею перед родителями и прочими почтенными жителями Касл-Рока.

Полли стала всхлипывать громче.

— Но разве молодая женщина не должна иметь собственную гордость? — мягко спросил мистер Гонт. — Когда уже ничего больше не остается, разве не должна она держаться хотя бы за эту единственную монетку, без которой ее кошелек останется совсем пустым?

Полли вызывающе подняла мокрое от слез лицо.

— Я полагала, это мое личное дело, — сказала она. — Я и сейчас так считаю. Пускай это гордыня, что с того?

— Да, — ответил он успокаивающим тоном. — Сказано неплохо, но... Они бы приняли вас обратно, не правда ли? Ваши мать и отец? Это было бы не очень приятно — с ребенком, вечно напоминающим им обо всем, с болтливыми языками, распускающими сочувственные сплетни, — но вполне возможно.

— Да, и каждый Божий день я бы уповала на то, чтобы выбраться из-под каблука своей матери! — выкрикнула она яростным, противным голосом, не имеющим почти ничего общего с ее нормальным тоном.

— Да, — подтвердил все так же успокаивающе мистер Гонт. — И потому вы остались там, где были. У вас был Келтон, и у вас была ваша гордость. И когда Келтон умер, осталась еще гордость... верно?

Полли издала крик боли и отчаяния и закрыла мокрое лицо ладонями.

— Это болит сильнее, чем ваши руки, правда? — спросил мистер Гонт. Полли кивнула, не отнимая ладоней от лица. Мистер Гонт заложил свою отвратительную длиннопалую ладонь себе за голову и сказал тоном, каким произносят панегирик: — Гуманизм! Как благородно! Какая жажда принести себя кому-то в жертву!

— Хватит! — простионала она. — Неужели вы не можете перестать?

— Это секрет, так ведь, Патриция?

— Да.

Он дотронулся до ее лба. Полли издала сдавленный стон, но не отодвинулась.

— Это та дверь в ад, которую вы хотели бы держать на замке, верно?

Она кивнула, не поднимая головы.

— Тогда делайте, что я говорю, Полли, — прошептал он, отвел одну из рук женщины от ее лица и стал гладить. — Делайте, что говорю, и держите язык за зубами. — Он

пристально взглянул на ее мокрые щеки и покрасневшие глаза. На какое-то мгновение его губы скривил слабый отблеск отвращения.

— Не знаю, от чего мне становится противней — от вида плачущей женщины или смеющегося мужчины. Утрите вы ваше проклятое личико, Полли.

Медленно, как во сне, она достала из сумочки вышитый носовой платочек и начала вытирать лицо.

— Так-то лучше, — сказал он и выпрямился. — Теперь я отпускаю вас домой, Полли, у вас есть дела. Но хочу, чтобы вы знали: мне было очень приятно иметь с вами дело. Я всегда так восхищаюсь дамами, которые черпают гордость в самих себе.

12

— Эй, Брайан... Хочешь, покажу тебе фокус? — Мальчик на велосипеде быстро поднял голову, челка его упала на глаза, и на лице его Алан увидел выражение, которое ни с чем не спутаешь: голый неприкрытый страх.

— Фокус? — дрожащим голосом переспросил паренек. — Какой фокус?

Алан не знал, чего боялся мальчишка, но одно он понял сразу: его волшебное искусство, на которое он часто полагался, как на ледакол, имея дело с детьми, на этот раз по каким-то причинам было совершенно неуместно. Лучшее, что он мог сделать, это отложить его подальше и как можно скорее начать все сначала.

Он выставил вперед свою левую руку — ту, на которой болтались часы, — и улыбнулся, глядя прямо на бледное, внимательное, испуганное личико Брайана.

— Как видишь, у меня ничего нет в рукаве и рука двигается свободно, от кисти до самого плеча. А теперь... *presto!*

Алан провел открытой правой ладонью по всей левой руке, легко вытащив при этом большим пальцем маленький пакетик из-под часов. Сжимая кулак, он отковырнул почти микроскопическую застёжку, скрепляющую пакетик. Лево́й ладонью он ударил по правой, а когда развел руки в стороны, огромный букет бумажных цветов расцвел там, где мгновением раньше не было ничего, кроме пустоты.

Алан сотни раз показывал этот фокус прежде и никогда так хорошо, как этим жарким октябрьским полднем, но... ожидаемая реакция — мгновенное изумление, а потом ухмылка, состоящая на треть из удивления и на две трети из восхищения, — так и не показалась на лице Брайана. Он с легким любопытством посмотрел на букет (казалось, в этом взоре проскользнуло облегчение, словно он ожидал гораздо менее приятный фокус), а потом перевел взгляд на лицо Алана.

— Неплохо, да? — спросил Алан и растянул губы в широкой улыбке, столь же натуральной, как челюсти его деда.

— Ага, — сказал Брайан.

— Так-так. Вижу, что ты в недоумении. — И Алан свел ладони вместе, осторожно сворачивая букет. Это было легко — пожалуй, даже слишком легко. Пора покупать новый экземпляр фокуса с цветком; их хватает ненадолго. Пружина в этом уже стала растягиваться, а яркая разноцветная бумага скоро начнет рваться.

Он снова раскрыл ладони, улыбаясь теперь более естественно. Букет исчез — опять превратился в маленький пакетик под браслетом его часов. Брайан Раск не улыбнулся в ответ; его лицо вообще было лишено всякого выражения. Остатки летнего загара не могли скрыть ни бледности, ни того, что кожа на лице была в том необычном состоянии, какое бывает при половом созревании: гроздь маленьких прыщиков на лбу, один побольше — в уголке рта, тени по обеим сторонам носа. Лиловатые тени были у него и под глазами, словно последний рат он высыпался давным-давно.

Этот парнишка явно не в порядке, подумал Алан. Что-то в нем здорово треснуло, если вообще не сломалось. Вариантов было два: или Брайан Раск видел того, кто учинил разгром в доме Джерзиков, или он сделал это сам. Любая из двух вероятностей была достаточно

поганой, но если речь идет о второй, то Алан с трудом мог представить себе размер и тяжесть вины, которая сейчас должна давить на этого мальчишку.

— Отличный фокус, шериф Пэнгборн, — совершенно бесцветным голосом произнес Брайан. — Правда.

— Спасибо... Рад, что тебе понравилось. Брайан, ты знаешь, о чем я хотел бы с тобой поговорить?

— Я... Кажется, знаю, — сказал Брайан, и Алана неожиданно охватила уверенность, что мальчишка сейчас сознается в битье стекол. Прямо здесь, на углу, сознается, и Алан сделает громадный шаг к раскрытию загадки того, что произошло между Нетти и Уилмой.

Но Брайан ничего больше не сказал. Он лишь поднял на Алана свои усталые, слегка покрасневшие глаза.

— Что произошло, сынок? — спросил шериф все тем же спокойным тоном. — Что произошло, когда ты был возле дома Джерзиков?

— Не знаю, — сказал Брайан. Голос его был все таким же бесцветным. — Но мне снилось это прошлой ночью. И в ночь на воскресенье — тоже. Мне снилось, как я иду к тому дому, только во сне я видел, от чего на самом деле был весь этот шум.

— И что это было, Брайан?

— Монстр, — сказал Брайан. Его голос не изменился, но в каждом глазу появилось по большой слезинке, повисшей на нижней реснице. — Во сне вместо того, чтобы уехать, как я сделал наяву, я стучался в дверь, дверь открывалась, и там был монстр, и он... он... съедал меня. — Слезинки задрожали и медленно скатились по раздраженной коже щек Брайана Раска.

Да, пожалуй, подумал Алан, может быть и такое — простой испуг, испуг того рода, какой может испытать маленький ребенок, не вовремя открывший дверь в спальню и увидевший, как трахаются его мать и отец. Он думает, что они дерутся, потому что он слишком мал и не знает, как выглядит трахающаяся парочка. А если они производят много шума, он даже может подумать, что они пытаются убить друг друга.

Но...

Но что-то тут было не так. Что-то не так, и все. Казалось, парнишка лжет напропалую, несмотря на его затравленный взгляд, так и говорящий: «Я хочу рассказать вам все». Что это могло значить? Алан точно не знал, но опыт подсказывал ему, что скорее всего Брайан знал того, кто бросал камни. Может, это был кто-то, кого Брайан считал нужным защищать. Или, может быть, метатель камней знал, что Брайан его видел, а Брайану было это известно. Возможно, парнишка просто боялся мести.

— Кто-то накидал камней в дом Джерзиков, — произнес Алан тихим и (как он надеялся) успокаивающим голосом.

— Да, сэр, — сказал Брайан еле слышно. — Наверно, так. Наверно, это могло быть такое. Я думал, они дерутся, но, может быть, это кто-то швырял камни. Бах, бух, тарарах.

Ритм похож па «Пурпурную банду», подумал Алан, но вслух говорить не стал.

— Ты решил, что они дерутся?

— Да, сэр.

— Ты действительно так подумал?

— Да, сэр.

— Ну что ж, — вздохнул Алан, — теперь ты знаешь, что это было. И ты знаешь, что это — поганая выходка. Швырять камни кому-то в окна — довольно серьезное дело, даже если из этого не следует ничего больше.

— Да, сэр.

— Но на сей раз кое-что еще последовало за этим. Ты ведь знаешь, что именно, Брайан?

— Да, сэр.

Эти глаза, смотрящие со спокойного, бледного лица... Алан начал понимать две вещи: этот парнишка *хотел* рассказать ему, что произошло, но почти наверняка он этого не

сделает.

— Ты выглядишь очень невеселым, Брайан.

— Да, сэр.

— «Да, сэр»... Это означает, что ты действительно невесел?

Брайан кивнул, и еще две слезинки скатились по его щекам. Алан испытывал два сильных и противоречивых чувства: глубокую жалость и дикое раздражение.

— Расскажи мне, почему ты невесел, Брайан.

— Мне всегда снились чудесные сны, — еле слышно заговорил Брайан. — Они были глупые, но все равно хорошие. Про мисс Ратклифф, мою учительницу по коррекции речи. Теперь я понимаю, это было глупо. Но раньше я этого не знал и было лучше. И знаете что? Я еще кое-что знаю теперь.

Его темные, ужасно грустные глаза встретились со взглядом Алана.

— Тот сон... про монстра, который бросает камни... он пугает меня, шериф Пэнгборн, но... грустно мне от тех вещей, которые я теперь знаю. Это все равно что знать, как фокусник делает свои трюки.

Он слегка наклонил голову, и Алан готов был поклясться, что Брайан смотрел на браслет от его часов.

— Иногда лучше быть глупым — вот что я теперь знаю.

Алан положил руку мальчику на плечо.

— Брайан, давай-ка поговорим начистоту, идет? Расскажи мне, что произошло. Расскажи, что ты видел и что ты делал.

— Я приехал узнать, не нужно ли им расчищать зимой дорожку, — сказал мальчик безжизненным, механическим голосом, здорово напугавшим Алана. Паренек выглядел, как почти все американские ребяташки одиннадцати-двенадцати лет, — кроссовки, джинсы, майка с портретом Берта Симпсона, — а говорил, как плохо запрограммированный робот, который вот-вот развалится от перегрузки. И в первый раз Алан задумался, а не видел ли Брайан Раск кого-нибудь из своих родителей, как они швыряли камни у дома Джерзиков.

— Я услышал шум, — продолжал паренек. Он рассказывал простыми утвердительными предложениями, как учат говорить полицейских детективов в суде. — Шум был страшный. Грохот, звон падающих и ломающихся предметов. И я укатил оттуда как можно быстрее. На крыльце соседнего дома стояла женщина. Она спросила меня, что там происходит. Я думаю, она тоже была испугана.

— Да, — подтвердил Алан. — Джиллиан Мислабурски. Я говорил с ней. — Он коснулся сумки-холодильника, косо лежавшей на багажнике велосипеда Брайана. От его внимания не ускользнуло то, как сжались губы мальчика, когда он сделал это. — Брайан, у тебя была эта сумка в то воскресное утро?

— Да, сэр, — сказал Брайан, вытер щеки тыльными сторонами рук и с беспокойством уставился на Алана.

— Что в ней было?

Брайан ничего не ответил, но Алану показалось, что губы у него дрогнули.

— Что в ней было, Брайан?

Брайан по-прежнему молчал.

— Она была набита камнями?

Медленно и четко Брайан покачал головой — нет.

— Что в ней было? — в третий раз спросил Алан.

— То же, что и сейчас, — прошептал Брайан.

— Могу я открыть ее и взглянуть?

— Да, сэр, — бесцветным голосом произнес Брайан. — Думаю, можете.

Алан откинул крышку и заглянул в сумку.

Она вся была набита бейсбольными вкладышами.

— Это мой обменный фонд. Я таскаю их с собой почти всюду, — сообщил Брайан.

— Ты... таскаешь их с собой?

— Да, сэр.

— Зачем, Брайан? Зачем ты возишь с собой повсюду сумку с бейсбольными вкладышами?

— Я же сказал вам — это обменный фонд. Кто знает, когда может подвернуться случай удачно обменяться с кем-то. Я все еще разыскиваю Джоя Фоя — он играл в «Невообразимой мечте» в шестьдесят седьмом — и вкладыш с Майком Гринвеллом. А мой любимый игрок — Гейтор. — И тут Алану показалось, что он различил едва заметный налет удовольствия в глазах паренька; он почти слышал мысленный голос, приговаривающий: «Обдурили мы тебя, обдурили мы тебя!» Но конечно же, это был его собственный голос — его собственное раздражение подлаживалось под ребяческий говорок.

Разве нет?

Хорошо, а что ты *рассчитывал* увидеть в этой сумке? Грудю булыжников с привязанными к ним записками? Ты что, правда полагал, что он направляется к *следующему* дому, чтобы сделать опять то же самое?

Да, признался он себе. Какая-то часть его именно так и полагала. Брайан Раск — мужичок с ноготок, гроза Касл-Рока. Безумный Рокер. Но, что самое худшее, он был точно уверен: Брайан Раск знает, какие мысли вертятся сейчас у него в голове.

Обдурили тебя! Обдурили мы тебя, шериф!

— Брайан, пожалуйста, скажи мне, что вообще происходит здесь вокруг. Если ты знаешь, прошу тебя, скажи.

Брайан закрыл крышку на сумке-холодильнике и ничего не ответил. В сонном полуденном воздухе раздалось негромкое «щелк».

— Не можешь сказать?

Брайан медленно кивнул — подтверждая, как показалось Алану, его правоту: он не мог сказать.

— Скажи мне, чего ты боишься, сынок? Может быть, я могу помочь тебе. — Он легонько постучал пальцем по значку, который носил на груди своей форменной рубашки. — Думаю, мне за то и платят, чтобы я вертел этой звездочкой. Потому что иногда я могу заставить разные страшные штучки исчезнуть.

— Я... — начал было Брайан, но тут ожила и пискнула полицейская рация, которую Алан прикрепил под приборным щитком своего семейного фургона три или четыре года назад.

— Номер Один, Номер Один, вызывает база. Вы меня слышите? Прием?

Глаза Брайана оторвались от Алана и уставились в направлении фургона и звука голоса Шейлы Бригем — голоса власти, голоса полиции. Алан увидел, что если паренек и был на грани какого-то признания (а возможно, он лишь принимал желаемое за действительное), то теперь этот момент прошел. Лицо мальчика закрылось, как дверца погреба.

— Сейчас иди домой, Брайан. Мы еще поговорим с тобой об этом... этом твоём сне... позже. Идет?

— Да, сэр, — сказал Брайан. — Наверно.

— А ты тем временем подумай о том, что я тебе сказал: быть шерифом — в основном и значит заставлять страшные штуки убираться восвояси.

— Мне нужно идти домой, шериф. Если я скоро не появлюсь дома, мама будет здорово ругать меня.

— Ну что ж, нам это ни к чему, — кивнул Алан. — Ступай, Брайан.

Он проводил мальчика взглядом. Голова Брайана была низко опущена, он опять, казалось, не столько ехал на велосипеде, сколько волочил его у себя между ног. Что-то тут было не так, настолько не так, что все поиски причин случившегося с Уилмой и Нетти отступали для Алана на второй план по сравнению с необходимостью выяснить, что же придало такое усталое и затравленное выражение лицу этого паренька.

В конце концов женщины были мертвы и лежали в могилах. Брайан Раск пока еще был

жив.

Алан подошел к старому, выдавшему виды фургону, который должен был продать еще год назад, сунулся внутрь, взял радиомикрофон и нажал на кнопку передачи.

— Да, Шейла, это Номер Один. Я слышу — говори.

— Вам звонил Генри Пейтон, Алан, — сообщила Шейла. — Он велел передать, что это срочно. Он хочет, чтобы я соединила вас с ним.

— Давай, — сказал Алан, чувствуя, как учащается пульс.

— Это может занять несколько минут.

— Отлично. Я буду здесь. Номер Один закончил.

Он облокотился на крыло машины в пятнистой тени, зажав в руке микрофон, и стал ждать, раздумывая, что такое срочное случилось в жизни Генри Пейтона.

13

Когда Полли добралась до дома, было двадцать минут четвертого, и она чувствовала, что всю ее раздрает в двух совершенно противоположных направлениях. С одной стороны, она ощущала глубокий и сильный позыв заняться поручением, которое дал ей мистер Гонт (ей не хотелось пользоваться его терминологией и называть это даже мысленно шуткой — Полли Чалмерз не была большой шутницей), выполнить его, чтобы *азка* наконец принадлежал ей. Концепция мистера Гонта — дело не сделано, пока мистер Гонт *не сказал*, что оно сделано, — крепко засела у нее в мозгу.

С другой стороны, она испытывала глубокое и непреодолимое желание связаться с Аланом, рассказать ему, что в точности произошло, или... по крайней мере столько, сколько она помнила из происшедшего. Что она точно помнила — и это наполняло ее стыдом и каким-то тихим ужасом, но она помнила это отлично, — это то, что мистер Лиланд Гонт ненавидел человека, которого любила Полли, и мистер Гонт делал что-то — *что-то* — очень неправильное. Алан должен знать. Даже если *азка* перестанет действовать, Алан должен знать.

Ты этого не хочешь.

Но нет — часть ее хотела именно этого. Та часть, которая жутко боялась мистера Гонта, хотя она и не могла точно припомнить, что он такого сделал, чтобы пробудить в ней этот ужас.

«Вы ведь не хотите вернуться к прежнему состоянию, а, Полли? Потому что все может стать еще хуже, верно?»

Нет, но... она не хотела, чтобы Алану причинили вред. Также она не хотела, чтобы мистер Гонт сделал то, что он собирался сделать, если это причинит вред (а она подозревала, что причинит) городу. И наконец, она не хотела принимать участия в чем-то неведомом, отправляясь к старой пустынной земле Кембера, в конце городского шоссе № 3, и устраивая какой-то розыгрыш, смысла которого далее не понимала.

Итак, эти противоречивые желания, высказываемые повелительными и непреклонными внутренними голосами, раздирали ее буквально на части, пока она медленно брела к дому. Если мистер Гонт и гипнотизировал ее каким-то образом (она была уверена в этом, когда выходила из магазина, но с течением времени эта уверенность таяла), то теперь действие гипноза полностью прошло. (Полли на самом деле в это верила.) И никогда еще в жизни она не ощущала *себя* такой неспособной принять какое-то решение — что же ей делать дальше, словно весь жизненный запас химического вещества, способствующего принятию решений, был украден из ее мозга.

В конце концов она пошла домой — делать то, что посоветовал ей сделать мистер Гонт (хотя она уже не помнила этого совета). Она просмотрит свою почту, а потом позвонит Алану и расскажет ему, что велел ей сделать мистер Гонт.

«Если ты это сделаешь, — мрачно заметил внутренний голос, — *азка* действительно перестанет действовать. И ты это знаешь».

Да, но... Все равно оставался вопрос правильности и неправильности поступков. Это ничего не меняло. Она позвонит Алану, извинится за то, что была так груба с ним, а потом расскажет ему, что хочет от нее мистер Гонт. Может быть, она даже отдаст конверт, который передал ей мистер Гонт — тот самый, который она должна положить в консервную банку.

Может быть.

Чувствуя себя немного лучше, Полли вставила ключ в замок на входной двери — снова почти неосознанно порадовавшись той легкости, с которой она это сделала, — и повернула его. Почта лежала на своем обычном месте, на ковре — не слишком обильная сегодня. Как правило, после выходного дня в почте бывало гораздо больше ерунды. Она нагнулась и подняла ее. Брошюра с программой кабельного ТВ с фантастической улыбкой Тома Круза на обложке; один каталог с выставки «Хорчоу» и второй — от «Резкого образа». А еще...

Полли заметила письмо, и комок ужаса начал расти у нее где-то глубоко в желудке. «Патриции Чалмерз, Касл-Рок — от отдела детских пособий, Сан-Франциско, Гири-стрит, 666». Она так хорошо помнила дом 666 по своим поездкам туда. Трех поездкам. И трем беседам с тремя чиновниками из отдела пособий детям неимущих, двое из них были мужчинами, которые смотрели на нее, как смотрят на конфетную обертку, прилипшую к парадному ботинку. Третьим чиновником оказалась громадная чернокожая женщина, знающая, как нужно слушать, и умеющая смеяться, и именно от этой женщины Полли в конце концов получила разрешение. Но она хорошо запомнила 666-й. Она помнила вытянутое, молочного цвета пятно на линолеуме, которое отбрасывало свет из большого окна в конце коридора; она помнила стук пишущих машинок, доносившийся из вечно раскрытых дверей; она помнила компанию мужчин, которые курили возле урны с песком в дальнем конце коридора, она помнила, как они смотрели на нее. Но особенно хорошо она помнила, каково ей было в ее лучшем наряде — темном нейлоновом брючном костюмчике и белой блузке, колготках «ножки-почти-голенькие» и туфлях на низком каблуке — и какой испуганной и одинокой она чувствовала себя там, потому что тускло освещенный коридор на втором этаже 666-го казался местом без души и сердца. Ее заявление на пособие детям неимущих было в конце концов утверждено, но запомнила она, конечно, отказы: мужские глаза — как они шарили по ее груди (их владельцы были одеты лучше, чем повар Норвил из закусочной, но во всем остальном, как ей казалось, разницы большой не было); мужские рты — как они кривились в показном осуждении, когда решалась проблема Келтона Чалмерза, ублюдочного выкормыша этой маленькой шлюшки, этой Дженни-заходи-попозже, которая только сейчас не выглядит как хиппи, но которая наверняка снимет свою шелковую блузку и пристойный брючный костюм, как только выйдет отсюда, не говоря уже о бюстгальтере, и натянет расклешенные джинсы и тесную вылинявшую майку, из которой так и будут выпирать ее соски. Их глаза говорили все это и даже больше, и хотя ответ из департамента пришел позже по почте, Полли сразу же поняла, что ей откажут. Она плакала, выходя оттуда после двух первых посещений, и теперь ей казалось, что она помнит каждый солоноватый след, оставленный слезинками на ее щеках, и то, как глазели на нее прохожие на улице — без всякого участия, лишь со скукой и любопытством.

Она никогда больше не хотела снова думать о тех временах и о том тусклом коридоре на втором этаже, но теперь воспоминания вернулись к ней так ясно и отчетливо, что она могла ощутить запах мастики на полу, могла вновь видеть молочное пятно света, падающего из большого окна, могла слышать сонный стрекот старых механических пишущих машинок, пережевывающих очередную грудку бюрократической рутины.

Что им нужно? Господи Боже, что могло быть нужно людям из дома номер 666 по Гири-стрит от нее сейчас, после стольких лет?

«Порви его!» — почти заорал голос внутри, и приказ этот был таким повелительным, что она едва так и не сделала.

Но вместо этого она надорвала конверт. В нем лежал один листок — ксерокопия. И хотя на конверте был ее адрес, она с изумлением увидела, что письмо адресовано не ей, а... шерифу Алану Пэнгборну.

Ее взгляд скользнул в самый низ письма. Имя, напечатанное под нацарапанной подписью, читалось как Джон Л. Перлмуттер, и имя это задело в ней какой-то далекий-далекий колокольчик. Взгляд ее скользнул еще ниже и в самом конце письма она увидела примечание: «Копия: Патриции Чалмерз». Что ж, это была ксерокопия, а не оригинал, и это прояснило загадку: почему оно адресовано Алану, а конверт ей (а также устраняла ее первую смущенную мысль, что ей прислали письмо по ошибке). Но что, скажите на милость...

Полли уселась на скамейку-качалку в прихожей и стала читать письмо. Лицо ее отражало целую вереницу самых разных эмоций, которые набегали словно облака на небо в беспокойный, ветреный день: удивление, догадка, стыд, ужас, злость и, в конце концов, ярость. Один раз она громко вскрикнула: «Нет!» — но потом силой заставила себя вернуться к письму и медленно дочитать его до конца.

*Отдел детских пособий 666, Гири-стрит,
Сан-Франциско, Калифорния, 94112 23 сентября, 1991 г.
Шерифу Алану Дж. Пэнгборну Контора шерифа округа Касл 2,
здание муниципалитета
Касл-Рок, Мейн-стрит, 04055*

Дорогой шериф Пэнгборн!

Я получил Ваше письмо от 1 сентября и в ответ сообщаю, что не могу в данном случае ничем помочь. Основное правило нашего отдела заключается в том, что информация о заявителях на пособия детям немущих (ПДН) выдается, лишь когда мы вынуждены так поступить по действующему судебному ордеру. Я показал Ваше письмо Мартину Д. Чангу, Нашему главному юридическому консультанту, который поручил мне сообщить Вам, что копия Вашего письма была Направлена в Генеральную прокуратуру штата Калифорния. Мистер Чанг сделал запрос, не является ли Ваша просьба сама по себе незаконной. Независимо от ответа на этот запрос должен заметить, что нахожу Ваше любопытство по поводу жизни этой женщины в Сан-Франциско как неуместным, так и оскорбительным.

Советую Вам, шериф Пэнгборн, прекратить заниматься этим вопросом во избежание серьезных служебных неприятностей.

С уважением, Джон Л. Перлмуттер, заместитель директора.

Копия: Патриции Чалмерз

Прочитав это кошмарное письмо в четвертый раз, Полли поднялась со скамейки и пошла на кухню. Шла она медленно и грациозно — словно плыла. Поначалу ее взгляд был туманным и неопределенным, но к тому времени, как она сняла трубку с висящего на стене телефона и на увеличенных кнопках набрала номер конторы шерифа, взгляд ее прояснился и в нем вспыхнул огонь, который спутать ни с чем нельзя: злоба такой силы, что она уже близка к ненависти.

Ее любовник, оказывается, разнюхивал ее прошлое — мысль эта казалась ей невероятной и в то же время каким-то странным образом правдоподобной. За последние четыре или пять месяцев она не раз сравнивала себя с Аланом Пэнгборном, и сравнения эти выходили отнюдь не в ее пользу. Его слезы — ее обманчивое спокойствие, за которым пряталось столько стыда, обиды и тайной гордыни. Его честность — ее мелкое вранье. Да он казался просто святым! Таким обескураживающе прямым и правильным! И как лицемерно выглядели все настойчивые уговоры оставить прошлое в покое!

А все это время он разнюхивал ее прошлое, пытаясь узнать реальную судьбу Келтона Чалмерза.

— Ах ты, ублюдок, — прошептала она, и когда в телефоне раздались гудки, суставы ее пальцев побелели от того, с какой силой она сдавила трубку.

Лестер Пратт обычно возвращался из школы в компании приятелей; они шли в «Хемпхилл-маркет» выпить содовой, а потом отправлялись к кому-нибудь домой — попеть гимны, сыграть во что-нибудь или просто поболтать. Однако сегодня Лестер вышел из школы один с рюкзаком за спиной (он не признавал традиционных учительских портфелей) и с опущенной головой. Если бы Алан мог видеть, как Лестер медленно бредет через школьный дворик к автостоянке, он был бы поражен тем, как он походит на Брайана Раска.

Трижды за этот день Лестер пытался связаться с Салли, чтобы выяснить, что же на всем белом свете ее так разозлило. Последний раз — во время перерыва на ленч. Он знал, что она в школе, но все, чего он сумел добиться, это разговора с Моной Лолесс, которая преподавала математику в шестых и седьмых классах и дружила с Салли.

— Она не может подойти к телефону, — сообщила ему Мона с теплотой морозильника, набитого мороженым.

— Почему? — почти проскулил он. — Давай, Мона, выкладывай.

— Я не знаю. — Тон Моной из мороженого в морозильнике превратился в жидкий кислород. — Мне известно только, что она ночевала у Айрин Лутдженс, а теперь выглядит так, словно всю ночь проплакала, и говорит, что не хочет с тобой разговаривать.

«И во всем этом виноват ты, — говорил замороженный тон Моной. — Я это прекрасно знаю, потому что ты мужчина, а все мужчины — свиньи, и это лишь еще один конкретный пример, подтверждающий общее правило».

— Но я же понятия не имею, из-за чего все это! — закричал Лестер. — Хоть это ты ей можешь сказать? Скажи ей, что я не знаю, почему она так окрысилась на меня! Скажи, что бы это ни было, это просто недоразумение, *потому что я ничего не понимаю!*

Последовала долгая пауза. Когда Мона снова заговорила, голос у нее чуть-чуть оттаял — не намного, но стал уже теплее, чем жидкий кислород.

— Ладно, Лестер, — сказала она. — Я скажу ей.

Теперь он поднял голову, втайне надеясь, что Салли сидит в его «мустанге», готовая к поцелую и примирению, но... машина была пуста. Единственный, кто был поблизости, это туповатый парнишка Слоупи Додд, который катался рядом с «тачкой» на своей роликовой доске.

Сзади к Лестеру подошел Стив Эдвардс и хлопнул его по плечу.

— Лес, дружище! Не хочешь заехать ко мне выпить стаканчик колы? Несколько ребят обещали подгрести. Нам надо поговорить насчет этого гнусного католического безобразия. Не забудь, сегодня вечером большое собрание в Церкви, и было бы неплохо, если бы мы, «ВМ», могли выступить единым фронтом, когда придется решать, что же делать. Я поделился идеей с Доном Хемпхиллом, и он сказал, что да, дескать, отлично, валяйте.

— Сегодня днем не могу, Стив. Может, в другой раз.

— Эй, Лес, ты что, не врубился? Другого раза может и не быть! Папские прихвостни шутить не собираются!

— Я не могу, — сказал Лес. «И если у тебя есть хоть одна извилина, — ясно говорило выражение его лица, — ты сейчас прекратишь на меня давить».

— Но... Но почему?

«Потому что мне надо узнать, что за чушь я сделал, что так разозлил свою девушку, — подумал Лестер. — И я выясню это, даже если мне придется вытрясти из нее душу». Вслух он сказал:

— Мне нужно кое-что сделать, Стив. Кое-что очень важное. Честное слово.

— Лес, если это насчет Салли...

В глазах Лестера сверкнул опасный блеск.

— Ты заткнись про Салли.

Стив, безобидный молодой человек, загоревшийся из-за шумихи вокруг Ночи Казино, все же горел не так ярко, чтобы переступить черту, столь четко обозначенную Лестером

Праттом. Но и так сразу сдаться он был не готов. Без Лестера Пратта собрание «Верующей молодежи» было просто пустым звуком, независимо от того, сколько членов «ВМ» придет. Стараясь, чтобы голос его звучал рассудительно, он спросил:

— Ты знаешь, какую анонимную открытку получил Билл?

— Да, — сказал Лестер.

Его преподобие Роуз нашел ее на полу у себя в прихожей — уже известную открытку «баптистской крысе». Его преподобие продемонстрировал ее на срочно созванном собрании только-парней-«ВМ», потому что, как он выразился, это невозможно представить, если не увидеть гнусность своими глазами. Трудно представить себе воочию, добавил его преподобие Роуз, всю мерзость, до которой могут докатиться католики, желая задуть правомочное осуждение их вдохновленной самим сатаной ночи азартных игр; возможно, вид этой мерзкой гнусности поможет «прекрасным молодым людям» осознать, против чего они восстанут. «Ибо разве не говорим мы, что предупрежденный — уже не безоружный?» — торжественно закончил его преподобие Роуз. Потом достал открытку (она была в целлофане, словно тот, кто брал ее в руки, мог чем-то заразиться) и пустил по рукам.

Прочитав ее, Лестер пришел в полную готовность звонить во все церковные колокола, но теперь вся эта затея казалась ему далекой и какой-то детской. Кого в самом деле волнует, если католики поиграют чуть-чуть на деньги и раздадут в качестве призов несколько новых автомобильных шин и кухонных приборов? Когда дошло до выбора между католиками и Салли, Лестер понял, о ком он должен заботиться.

— ...собратся, чтобы выработать план наших дальнейших действий! — продолжал бубнить между тем Стив. Он снова начал заводиться. — Лес, нам надо перехватить инициативу... Мы просто *обязаны*! Его преподобие Уилли говорит, что очень беспокоится, как бы эти так называемые истинные католики не перешли от слов к делу. Их следующим шагом может быть...

— Слушай, Стив, делай ты что хочешь, только отстань от меня!

Стив умолк на полуслове, явно шокированный и столь же явно ожидающий, что Лестер, обычно самый покладистый из всех ребят, сейчас придет в себя и извинится. Когда до него дошло, что извинений не последует, он попятился к зданию, увеличивая расстояние между собой и Лестером.

— Слушай, да у тебя и впрямь поганое настроение, — сказал он.

— Наконец-то до тебя дошло! — свирепо рявкнул Лестер ему вслед. Он сжал свои большие ладони в кулаки и упер их в бедра.

Но Лестер был не просто зол; он был обижен, черт возьми, жутко обижен, ему было больно, болело все, но больше всего — душа, вот он и хотел сорвать злость на ком-нибудь. Не на бедняге Стиве Эдвардсе; просто, позволив себе рыкнуть на Стива, он, казалось, повернул какой-то выключатель у себя внутри. Этот рубильник подключил ток ко многим приборам в его душе, которые обычно пребывали в темноте и безмолвии. Впервые с тех пор, как он влюбился в Салли, Лестер — обычно самый мирный и благодушный из всех парней — сам разозлился на нее. Какое она имеет право посылать его к черту? Кто ей дал право называть его ублюдком?

Она на что-то разозлилась, так? Ладно, пускай разозлилась. Может, он и сделал что-то неправильно и дал ей повод. Он понятия не имел, что это могло быть, но допустим (просто предположим для пользы дела), он сделал нечто. И это Дает ей право спускаться на него собак, даже не потрудившись сначала попросить объяснений? Это дает ей право ночевать у Айрин Лутдженс, чтобы он никак не мог ее отыскать? Или игнорировать все его телефонные звонки? Или нанимать в качестве посредницы Мону Лолесс?

«Я отыщу ее, — подумал Лестер, — и выясню, что ее грызет. Потом, когда с этим будет покончено, мы помиримся. А когда помиримся, я преподам ей тот же урок, который даю новичкам перед началом баскетбольных тренировок: о том, что доверие — ключ к слаженной игре команды».

Он скинул свой рюкзак, зашвырнул его на заднее сиденье и забрался в машину.

Усевшись, он вдруг заметил, что что-то высовывается из-под пассажирского сиденья. Что-то черное. Похожее на бумажник.

Лестер живо схватил его, подумав, что его, должно быть, оставила Салли. Если она оставила бумажник в его машине в один из дней долгого праздничного уик-энда, то сейчас уже наверняка спохватилась и ищет. Стало быть, она встревожена. А если он сумеет развеять ее тревогу по поводу потерянного бумажника, остальные объяснения будут уже не столь серьезными.

Но бумажник был не Салли; это он понял сразу, как только взглянул получше на предмет, лежавший под сиденьем. Он был из черной кожи. У Салли бумажник был из голубенькой замши и намного меньше.

Он с любопытством открыл бумажник. Первое же, что он увидел, ошеломило его, как сильный удар в солнечное сплетение. Это было удостоверение личности Джона Лапойнта, выданное ведомством шерифа.

Что, черт бы его побрал, Джон Лапойнт делал в *его* машине? «Салли пользовалась ею весь уик-энд, — шепнул голосок у него в мозгу. — Так какого черта он, по-твоему, делал в твоей машине?»

— Нет, — произнес он. — Не-ет, *никогда* она бы не стала... Она не стала бы встречаться с *ним*. Ни за что в жизни.

Но она *встречалась* с ним. Она и заместитель шерифа Джон Лапойнт встречались больше года, несмотря на растущую взаимную неприязнь католиков и баптистов Касл-Рока. Она порвала с ним перед тем, как начались телячьи восторги католиков насчет этой Ночи Казино, но...

Лестер снова вылез из машины и стал просматривать отделения бумажника с растущей подозрительностью. Вот водительские права Лапойнта — на фотографии там у него были усы, которые он отрастил, когда встречался с Салли. Лестер знал, как некоторые парни называли такие усики: «щекоталки прелестей». Вот рыболовная лицензия Джона Лапойнта. Вот фотографии отца и матери Джона Лапойнта. Вот его охотничий билет. А вот... *вот* ...

Лестер уставился на снимок. Это было фото Джона и Салли. Фото парня и его лучшей подружки. Они стояли перед чем-то вроде ярмарочного тира. Они смотрели друг на друга и смеялись. Салли держала в руках большого плюшевого медвежонка. Наверно, Лапойнт только что выиграл его для нее.

Лестер стоял и пялился на фотографию. На самой середине лба у него вздулась вена — довольно внушительная — и начала мерно пульсировать.

Как она его назвала? Лживым ублюдком?

— Так чья бы корова мычала... — прошептал Лестер.

В нем стала закипать ярость. И закипела она очень быстро. И когда кто-то тронул его за плечо, он круто развернулся, выронив бумажник и подняв сжатые кулаки. Еще миг, и он зашвырнул бы безобидного зайку Слоупи Додда аж в середину следующей недели.

— Т-т-тренер Пратт? — спросил Слоупи. Глаза у него были большие и круглые, но он не выглядел испуганным. Заинтересованным — да, но не испуганным. — С в-в-вами в-все в п-п-порядке?

— Все нормально, — глухо сказал Лестер. — Ступай домой, Слоупи. Нечего тебе здесь делать со своей доской на школьной автостоянке.

Он нагнулся, чтобы поднять выпавший из рук бумажник, но Слоупи благодаря разнице в росте был на два фута ближе к земле и опередил его. И прежде чем вернуть бумажник тренеру Пратту, он с любопытством взглянул на фотографию Джона Лапойнта на его водительских правах.

— Ага, — сказал Слоупи. — Т-т-тот самый п-п-парень. Т-точно.

Он вскочил на свою доску и приготовился отчалить, но прежде чем он успел откатиться, Лестер схватил его за ворот. Доска выскользнула из-под ног Слоупи, покатилась без него, наткнулась на рытвину и перевернулась. Майка Слоупи с надписью «ПРИВЕТСТВУЕМ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ РОК» — порвалась у шеи, но Слоупи, казалось, это нисколько не заботило; его,

похоже, даже не удивили действия Лестера и уж точно не испугали. Лестер этого не заметил. Лестеру было не до нюансов. Он был из тех здоровенных мужчин со вспыльчивым характером, скрывающимся под внешней покладистостью, — эдакой дремлющей убойной торпедой. Некоторым людям за всю их жизнь так и не удастся обнаружить в себе эту грозную начинку. Однако Лестер отыскал свою (а вернее, она отыскала его) и теперь оказался полностью во власти ее железной хватки.

Зажав ворот Слоупи в кулаке размером почти с банку консервированной ветчины, он склонил свое обливающееся потом лицо над мальчишкой. Вена у него на лбу пульсировала быстрее, чем прежде.

— Что значит — тот самый парень?

— Это т-т-тот самый п-п-парень, который в-в-встретил м-мисс Р-р-ратклифф после школы в п-прошлую п-пятницу.

— Встретил ее после школы? — хрипло переспросил Лестер. Он так встряхнул Слоупи, что зубы у того едва не провалились в глотку. — Ты уверен в этом?

— Да, — сказал Слоупи. — Они уехали в вашей м-м-ма-шине, т-тренер П-пратт. П-а-арень сел за р-руль.

— Сел за руль? Он вел мою машину? Джон Лапойнт вел мою машину, а в ней сидела Салли?

— Ну да, т-т-тот п-парень, — сказал Слоупи, ткнув пальцем в фотографию на водительском удостоверении. — Но п-перед тем, к-как они уселись в нее, он ее п-п-поцеловал.

— *Вот как?! —* Выражение лица Лестера стало очень спокойным, — В самом деле?

— Н-ну д-да, еще к-как, — сказал Слоупи, и широкая (и довольно сладострастная) улыбка осветила его мордашку.

Мягким, шелковым голосом, совершенно непохожим на его обычный, «а-ну-пошли-ребята», Лестер спросил:

— А она поцеловала его в ответ, а? Как ты думаешь, Слоупи?

Слоупи радостно вытаращил глаза.

— Еще к-к-как! Они ц-ц-целовались вз-з-засос, т-т-тре-нер П-пратт!

— Взасос? — промурлыкал Лестер своим новым шелковым голосом.

— Ага.

— *Прямо* взасос, — тем же тоном уже почти пропел Лестер.

— Еще б-бы!

Лестер отпустил Слоупеда (как называли его некоторые дружки) и выпрямился. Вена у него на лбу дергалась, как мощный насос. Он ухмыльнулся. Это была неприятная ухмылка, обнажившая, казалось, гораздо больше белых квадратных зубов, чем должно быть у нормального человека. Его голубые глаза превратились в узенькие треугольные щелочки. Короткий ежик его волос, казалось, оцетинился иглами во все стороны.

— Т-т-тренер П-п-пратт? — спросил Слоупи. — Что-то не т-т-так?

— Нет, — ответил Лестер Пратт своим новоприобретенным голосом. Усмешка не сходила с его лица. — Ничего такого, что я не мог бы уладить.

В воображении его руки уже сжимались на глотке этого лживого папского прихвостня, этого ловца плюшевых медвежат и чужих девушек, этого говноеда-французика, лягушатника Джона Лапойнта. Этой задницы, выдающей себя за парня. Задницы, обучившей любимую девушку Пратта — девушку, которая лишь чуть-чуть раздвигала губки, когда он, Лестер, ее целовал, — целоваться взасос.

Сначала он позаботится о Джоне Лапойнте. Тут нет никаких проблем. А когда покончит с этим, ему придется поговорить с Салли.

Или еще что-нибудь.

— Нет ничего такого на свете, что я не мог бы уладить, — повторил он своим новым шелковым голосом и сел за руль «мустанга». Машина покорно накренилась, когда двести двадцать фунтов мышц Лестера бухнулись на сиденье водителя. Он включил двигатель,

заставил его выдать серию рыков голодного тигра в клетке, а потом с визгом рванул с места. Слоупи, кашляя и театрально утирая пыль с лица, побрел туда, где лежала его роликовая доска.

Воротник майки был оторван начисто и лежал вроде черного ожерелья на выступающих ключицах Слоупи. Он ухмылялся. Он в точности выполнил все, что велел ему мистер Гонт, и это взорвалось, как связка гранат. Тренер Прагг выглядел злее мокрой курицы.

Теперь он мог идти домой и разглядывать свой заварочный чайник.

— Я б-бы т-только хотел п-перестать з-з-заикаться, — заметил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Потом Слоупи вскочил на свою доску и укатил.

15

Шейле пришлось попотеть, соединяя Алана с Генри Пейнтоном — она уже не сомневалась, что потеряла Генри, который, судя по его голосу, звонил крайне возбужденный, и теперь ей придется названивать ему снова, — и когда ей все-таки удалось совершить этот технический подвиг, вдруг загорелся индикатор личной линии Алана. Шейла отложила Незажженную сигарету и ответила на вызов:

— Контора шерифа округа Касл, линия шерифа Пэнгборна.

— Привет, Шейла. Я хочу поговорить с Аланом.

— Полли? — нахмурилась Шейла. Она не сомневалась, что узнала по голосу, кто это, но она никогда не слышала, чтобы Полли Чалмерз разговаривала таким тоном, как сейчас — холодно и сухо, как секретарша при большом начальстве в огромной фирме. — Это ты?

— Да, — сказала Полли. — Я хочу поговорить с Аланом.

— Слушай, Полли, сейчас нельзя. Он сейчас разговаривает с Генри Пейнтоном и не...

— Не разъединяй, — оборвала ее Полли, — я подожду.

Шейла начала потихоньку раздражаться.

— Ну... Гхм... Ладно, сделаю, но это не так-то просто. Понимаешь, Алан сейчас... Понимаешь, он на выезде. И мне пришлось отлавливать его для Генри.

— Если ты сумела отловить его для Генри Пейтона, значит, ты можешь отловить его и для меня, — холодно парировала Полли. — Верно?

— Ну, в общем, да, но я не знаю, как долго они будут...

— Мне все равно. Пусть говорят хоть до того, как ад замерзнет, — сказала Полли. — Не разъединяй меня, а когда они закончат, вызови мне Алана. Я бы не стала просить тебя, если бы это не было важным — ты ведь понимаешь это, Шейла, не так ли?

Да... Шейла это понимала. И она поняла еще кое-что: Полли начала пугать ее.

— Полли, с тобой все в порядке?

Последовала долгая пауза. Потом Полли ответила вопросом на вопрос.

— Шейла, ты печатала какую-нибудь корреспонденцию для шерифа Пэнгборна, адресованную в отдел детских пособий Сан-Франциско? Или, может быть, видела, как отправляли конверт с этим адресом?

Красные огни — целая серия вспышек — вдруг зажглись в мозгу Шейлы. Она почти боготворила Алана Пэнгборна, а Полли Чалмерз в чем-то его обвиняет. Она не представляла, в чем именно, но прекрасно умела улавливать обвинительные нотки в голосах — она отлично их знала.

— Я никому не имею права выдавать информацию такого рода, — сказала она голосом, температура которого резко упала градусов на двадцать. — Думаю, тебе лучше спросить у шерифа, Полли.

— Да... Пожалуй, я так и сделаю. А ты не разъединяй линию и свяжи меня с ним, как только сумеешь.

— Полли, что стряслось? Ты злишься на Алана? Ты же знаешь, он никогда бы не

сделал ничего такого, что...

— Я ничего такого и не говорю, — ответила Полли. — Если я спросила тебя о чем-то непопавшем, прошу прощения. Так ты оставишь меня на связи и соединишь с ним, когда освободится линия, или мне нужно пойти и разыскать его самой?

— Да нет, я соединю, — сказала Шейла. У нее как-то странно заколотилось сердце, словно случилось что-то ужасное. Как и многие женщины в Касл-Роке, она считала, что Алан и Полли страшно любят друг друга, и, как многие другие, она представляла их себе персонажами какой-то сказки, где в конце все оборачивается хорошо. Любовь каким-то образом побеждает. Но сейчас в голосе Полли звучала не просто злость; он был наполнен болью и еще чем-то. Шейле казалось, что это «что-то» приближалось к ненависти. — Не вешай трубку, Полли — возможно, ждать придется порядочно.

— Отлично. Спасибо, Шейла.

— Пожалуйста. — Она нажала на кнопку «ждите» и отыскивала свою сигарету. Закурив, она глубоко затянулась и, нахмурившись, уставилась на мигающий индикатор линии связи.

16

— Алан? — позвал Генри Пейтон. — Алан, ты меня слышишь? — Голос его звучал, как у диктора, ведущего передачу из большой пустой коробки из-под печенья.

— Я здесь, Генри.

— Полчаса назад мне звонили из ФБР, — сообщил Генри из своей пустой коробки. — Нам удалось ухватить очень удачный кусок на тех отпечатках.

Сердце Алана забило в сумасшедшем ритме.

— Тех, что были на дверной ручке в доме Нетти? Те кусочки?

— Именно. Они совпадают с отпечатками одного парня в вашем городе. Служил рядовым, а потом — мелкое воровство. Мы также получили его отпечатки из армейского личного дела.

— Давай не томи, выкладывай — кто он?

— Его зовут Хью Элберт Прист.

— Хью Прист! — воскликнул Алан. Если бы Пейтон назвал Ричарда Никсона, Алан не удивился бы больше. Насколько ему было известно, и тот, и другой примерно одинаково знали Нетти Кобб. — Зачем Хью Присту убивать собаку Нетти? Или, если уж на то пошло, бить окна Уилме Джерзик?

— Я не знаком с этим джентльменом, поэтому мне трудно сказать, — ответил Генри. — Почему бы тебе не взять и не спросить его об этом? И почему бы тебе не сделать это прямо сейчас, пока он не стал нервничать и не решил навестить родственников в Драй-Хамп в Южной Дакоте?

— Хорошая мысль, — сказал Алан. — Я перезвоню тебе позже, Генри. Спасибо.

— Только держи меня в курсе, ковбой, — ты же знаешь, дело полагается вести мне.

— Ага. Я позвоню тебе.

Раздался резкий металлический щелчок — бинк! — когда оборвалась связь, а затем рация Алана подала сигнал открытого вызова по телефону. Алан мельком прикинул, что подумают в компаниях «Йинекс» и Эй-ти-ти про такие фокусы, и нагнулся, чтобы повесить на место микрофон. Пока он нагибался, сигнал телефонной линии был прерван голосом Шейлы Бригем — каким-то совершенно несвойственным ей, неуверенным тоном она сказала:

— Шериф, у меня на связи Полли Чалмерз. Она просила соединить ее с вами, как только освободится линия.

Алан от неожиданности заморгал.

— Полли? — Он вдруг испугался, как пугаются телефонного звонка в три часа ночи. Никогда Полли не обращалась с такими просьбами, и если бы его спросили, Алан с полной уверенностью сказал бы, что никогда она и не станет обращаться, — это противоречило ее

представлениям о правилах приличия, а правилам приличия Полли придавала большое значение. — А в чем дело, Шейла, она не говорила?

— Нет, шериф.

Нет. Конечно же, она не сказала. И это он тоже знал. Полли не трезвонит о своих делах повсюду. Сам факт, что он задал такой вопрос, говорил о том, до какой степени он был удивлен.

— Шериф?

— Соедини ее, Шейла.

— Ладно, шериф.

Бинк!

Он стоял на солнцепеке, и сердце его стучало сильнее и быстрее, чем нужно. Ему это все не нравилось.

Снова послышался щелчок — бинк! — а потом раздался голос Шейлы — далекий, едва слышный:

— Говори, Полли, ты на связи.

— Алан? — Голос был такой громкий, что он откатнулся назад. Это был голос великана... Злого великана — это он понял сразу, достаточно было одного слова.

— Я здесь, Полли, — что такое?

На секунду в ответ воцарилась тишина. Где-то далекодалеко слышалось слабое бормотание других голосов по другим линиям. У него хватило времени, чтобы успеть подумать, не прервалась ли связь, и... почти понадеяться, что она прервалась.

— Алан, я знаю, что это открытая линия, — сказала она, — но ты поймешь, о чем я говорю. Как ты мог? Как ты только мог?

Что-то было знакомое в этом разговоре. Что-то вертелось на уме.

— Полли, я тебя не понимаю...

— О нет, думаю, что понимаешь, — ответила она. Голос ее становился все глуше, разбирать слова было все труднее, и Алан понял, что если она еще не плачет, то скоро начнет. — Как тяжело открывать, что совсем не знаешь человека, которого, думала, что знаешь. И как тяжело понимать, что лицо, которое, думала, ты любишь, — всего лишь маска.

Что-то знакомое... И теперь он уже знал, что именно. Это было как в тех ночных кошмарах, которые приходили к нему после гибели Анни и Тодда, — кошмарах, в которых он стоял на обочине и смотрел, как они проезжают мимо в «скауте». Они ехали к смерти. Он знал это, но ничего не мог изменить. Он пытался махать руками, но руки становились слишком тяжелыми. Он пытался крикнуть и не мог вспомнить, как открыть рот. Они ехали мимо него так, словно он был невидим, и сейчас было то же самое — как будто он каким-то жутким образом стал невидим для Полли.

— Анни... — Он с ужасом сообразил, чье имя произнес, и запнулся. — Полли. Я не знаю, о чем ты говоришь, Полли, но...

— Ты *знаешь* ! — вдруг закричала она. — Не смей говорить, что не знаешь, когда ты *знаешь* ! Почему ты не мог подождать, пока я сама не скажу тебе, Алан? А если уж ты не мог подождать, почему не *спросил* ? Почему должен был *делать все у меня за спиной*? Как ты мог это *делать у меня за спиной*?

Он крепко зажмурился, пытаясь остановить бешеную скачку мыслей, но это не помогло. Вместо этого в мозгу возникла отвратительная картина: Майк Нортон из «Джорнэл регистр» в Норвее склонился над газетным сканнером и яростно стенографирует разговор.

— Я не знаю, что, ты думаешь, я сделал, но ты явно ошибаешься. Давай сядем вместе, поговорим и...

— Нет. Я не думаю, что смогу видеться с тобой, Алан.

— Сможешь. И увидишься, я буду...

И тут встрял голос Генри Пейтона: «Почему бы тебе не сделать это прямо сейчас, пока он не стал нервничать и не решил навестить родственников в Драй-Хампе в Южной Дакоте?»

— Что ты будешь? — между тем спрашивала она. — Что ты будешь?

— Я просто кое-что вспомнил, — медленно произнес Алан.

— Ах, вспомнил? Случайно не про письмо, которое ты написал в начале сентября, а, Алан? Не про письмо ли в Сан-Франциско?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Полли. Я не могу сейчас приехать, потому что произошло непредвиденное в... в другом месте. Но *позже* ...

— Алан, ты что, не понял? — Она говорила сквозь всхлипывания, которые должны были делать ее речь невнятной, но почему-то не делали. — Нет никакого позже и больше не будет, ты...

— Полли, пожалуйста...

— *Нет!* Оставь меня в покое, слышишь? Оставь меня в покое, ты — вечно все разнохивающий, сующий нос в чужие дела сукин сын!

Бинк!

И Алан вдруг услышал длинный гудок открытой телефонной линии. Он оглянулся на перекресток Мейн- и Скул-стрит как человек, не знающий, где он находится, и понятия не имеющий, как он здесь оказался. Взгляд его приобрел отрешенно-удивленное выражение, какое бывает у боксеров за несколько секунд до того, как у них подгибаются колени и они падают ничком на ринг — как в долгую спячку.

Как это все случилось? И как могло все случиться так быстро? Он даже представить себе не мог. Весь город, похоже, слегка рехнулся на прошлой неделе... И теперь Полли тоже заразилась.

Бинк!

— М-м... шериф? — Это был голос Шейлы, и Алан по ее приглушенному, сочувственному голосу понял, что она прослушала по крайней мере часть его разговора с Полли. — Алан, вы здесь? Ответьте?

Неожиданно он ощутил сильнейшее желание вырвать микрофон из гнезда и зашвырнуть его в кусты на обочине дороги. А потом уехать прочь. Куда угодно. Просто перестать думать о чем бы то ни было и ехать куда глаза глядят.

Вместо этого он собрал все свои силы и заставил себя думать о Хью Присте. Это была его обязанность, поскольку теперь выходило, что, быть может, именно Хью спровоцировал гибель двух женщин. Сейчас его дело — Хью, а не Полли, и... он испытал огромное облегчение, спрятавшись за него.

Он нажал на кнопку «передача».

— Я здесь, Шейла.

— Алан, я, кажется, потеряла связь с Полли. Я... м-мм... Я не хотела подслушивать, но...

— Все в порядке, Шейла; мы закончили (в этом было что-то жуткое, но он запретил себе сейчас думать про это). Кто там есть рядом с тобой прямо сейчас?

— Джон возится с бумагами, — сказала Шейла с явным облегчением от перемены темы. — Клатт дежурит на патрульной. Судя по его последнему сообщению, где-то в районе Касл-Вью.

— Ладно. — Лицо Полли, искаженное чужеродной злобой, попыталось всплыть перед его мысленным взором. Усилием воли он отогнал видение и снова сосредоточился на Хью Присте. Но на одно кошмарное мгновение все лица вдруг исчезли, и перед ним открылась жуткая пустота.

— Алан? Вы здесь?

— Да. Где же мне быть. Свяжись с Клаттом и скажи, чтобы он подъехал к дому Хью Приста, в конце дороги на Касл-Хилл. Он знает, где это. Думаю, Хью на работе, но если он вдруг взял отгул, я хочу, чтобы Клатт задержал его и привез на допрос.

— Поняла, Алан.

— Скажи, чтобы он действовал с предельной осторожностью. Скажи, что Хью нужно допросить в связи с гибелью Нетти Кобб и Уилмы Джерзик. Остальное он должен вписать в

бланки сам.

— Ох! — В возгласе Шейлы прозвучали и ужас, и возбуждение.

— Я сейчас отправляюсь в автопарк. Надеюсь застать Хью там. Конец связи.

Засовывая микрофон в гнездо (ему казалось, он не выпускал его из рук целый год — не меньше), он подумал: если бы ты сказал Полли то, что секунду назад сообщил Шейле, ситуация, в которой ты очутился, могла бы стать чуть менее поганой.

А может, и нет — как он мог сказать наверняка, если даже не знал, что это была за ситуация? Полли обвинила его в разнюхивании чего-то и... в том, что он сует нос не в свои дела. Это обвинение скрывало под собой большую территорию, причем всю — окутанную мраком неизвестности. Было тут и еще кое-что. Передать диспетчеру приказ о поиске-и-задержании — часть того, что зовется его работой. Равно как и обеспечить, чтобы твои подчиненные знали, что тот, кого они должны задержать, может быть опасен. Выдавать же такую информацию своей подруге по открытой телефонной линии — совершенно другое дело. Он поступил правильно и прекрасно это знал.

Однако боль в его сердце не стихала, и он снова попытался сосредоточиться на предстоящем деле — разыскать Хью Приста, привезти его в контору, предоставить ему распроклятого адвоката, если он потребует такового, а потом расспросить, зачем он воткнул штопор в песика Нетти — Рейдера.

На какое-то мгновение это сработало, но, когда он включил двигатель фургона и тронулся с места, лицо Полли, а не Хью по-прежнему стояло у него перед глазами.

Глава 17

1

Приблизительно в то самое время, когда Алан ехал через весь город, чтобы арестовать Хью Приста, Генри Бюфорт стоял на подъездной дорожке у дома и смотрел на свой «тандерберд». В руке он сжимал записку, которую нашел под стеклоочистителем. Шины этот говенный ублюдок поуродовал здорово, но шины можно заменить. А вот царапина вдоль правого бока была для Генри как гвоздь в заднице. Он снова взглянул на записку и прочел ее вслух:

— «Никогда не смей выставлять меня и отбирать ключи от моей машины, ты, чертов лягушатник!»

Кого он недавно выставлял вон из бара? О, самую разношерстную публику. Вечера, когда ему не приходилось выставлять кого-то, выдавались крайне редко. Но выставить и оставить ключи висящими на доске за стойкой? За последнее время такое случилось лишь один раз.

Лишь один.

— Твою мать, — произнес владелец «Пьяного тигра» мягким, задумчивым голосом. — Так ты совсем спятил, ублюдок полоумный.

Он хотел было уже пойти обратно в дом и достать свой дробовик, но потом ему в голову пришло кое-что получше. «Тигр» находился совсем рядом, а там под стойкой бара он держал весьма необычную коробку. В ней лежал двуствольный «винчестер» со спиленными стволами — обрез. Он завел его с той самой поры, как этот придурок, Эйс Меррилл, попытался грабануть его несколько лет назад. Хранить такое оружие было незаконно, но Генри хранил его, хотя никогда им не пользовался.

Но сегодня, подумал Генри, пожалуй, он может пустить его в ход.

Он дотронулся до омерзительной царапины, которую Хью прочертил на боку его «тандерберда», а потом смял записку и отшвырнул ее прочь. Билли Таппер сейчас уже должен быть в «Тигре» — подметать пол и вытирать пыль. Генри возьмет обрез и одолжит у Билли «пontiак» — похоже, ему предстоит слегка поохотиться.

Генри пнул ногой скомканную в шарик записку, и та отлетела в траву.

— У тебя снова случился припадок слабоумия, Хью, но после сегодняшнего это больше не повторится — я тебе гарантирую. — Он в последний раз дотронулся до царапины. Никогда за всю свою жизнь он так не злился. — Это я тебе, мать твою, обеспечу.

Генри быстро зашагал по дороге к «Пьяному тигру».

2

Раздирая на куски спальню Джорджа Т. Нелсона, Фрэнк Джуэтт нашел под матрасом двуспальной кровати полунции кокаина. Он спустил порошок в унитаз и, глядя, как тот исчезает в отверстии, неожиданно ощутил спазм в желудке. Он начал было расстегивать штаны, но потом вместо того, чтобы спустить их здесь, вернулся в разгромленную спальню. Фрэнк отдавал себе отчет в том, что совершенно спятил, но его это больше не волновало. Сумасшедшим не нужно думать о будущем. Для сумасшедших будущее почти не имеет значения.

Одним из немногих нетронутых предметов в спальне была картина на стене. Портрет пожилой дамы. Она висела в дорогой золоченой раме, и это навело Фрэнка на мысль, что на картине изображена мать Джорджа Т. Нелсона. Живот его снова свела судорога Фрэнк снял картину со стены и положил на пол. Потом спустил штаны, уселся на корточки точно над картиной и справил естественную надобность.

Это явилось высшей точкой того, что пока было очень плохим днем.

3

Ленни Партридж, старейший житель Касл-Рока и обладатель Почетной бостонской трости, которой когда-то удостоилась тетушка Эвви Чалмерз, также ездил на старейшей в Касл-Роке машине — «шевроле-белл-эйр» 1966 года, бывшей когда-то белой. Теперь у «шевроле» вообще не было цвета — условно его можно было назвать грязно-дорожносерым. Автомобиль был не в очень хорошем состоянии. Пару лет назад заднее стекло заменили неровным куском пластика, пол проржавел настолько, что Ленни мог видеть сквозь него дорогу, а труба глушителя свисала, как высохшая рука путника, умершего от жажды в пустыне. Масло вечно текло. Когда Ленни следовал на своем «шевроле», позади него тянулся длинный шлейф голубого дыма, и поля, мимо которых он каждый день ездил в город, выглядели так, словно какой-то летчик-самоубийца опрыскал их ртутью. «Шевроле» потреблял три (а иногда и четыре) кварты масла в день. Такой жуткий перерасход ни в малейшей степени не трогал Ленни; он покупал отработанное машинное масло «Даймонд» у Сонни Джакетта пятигаллоновыми бутылками и всегда зорко следил, чтобы Сонни не забыл вычестить из цены десять процентов — полагающуюся ему скидку за «золотой возраст». А поскольку он никогда не выжимал из «белл-эйр» больше тридцати пяти миль за последние десять лет, «тачка» вполне могла продержаться на этом свете дольше, чем сам Ленни.

Пока Генри Бюфорт шагал к «Пьяному тигру», по другую сторону Тин-бриджа, почти в пяти милях отсюда, Ленни взбирался на своем ржавом «белл-эйре» на верхушку Касл-Хилл.

Посреди шоссе стоял какой-то человек с поднятыми в повелительном жесте руками — голый по пояс и босой. На нем были лишь штаны цвета хаки с расстегнутой «молнией», а на шее болтался побитый молью кусок меха.

Сердце в костлявой груди Ленни здорово екнуло, и обеими ногами в медленно разваливающихся высоких сапогах он надавил на педаль тормоза. С противным скрежетом она почти вдавилась в пол, и «белл-эйр» остановился меньше чем в трех футах от человека на дороге, в котором Ленни теперь признал Хью Приста. Хью даже не вздрогнул. Когда машина остановилась, он быстро ринулся к той дверце, за которой сидел Ленни, судорожно ловя ртом воздух, с рукой, прижатой к утепленной нижней рубаше, и прикидывая, не последний ли это сердечный приступ в его жизни.

— Хью! — выдохнул он. — Какого черта ты еще выдумал! Я чуть не раздавил тебя!

Я...

Хью распахнул дверцу. Клок меха, болтающийся у него на шее, качнулся вперед, и Ленни отпрянул. Он был похож на полусгнивший лисий хвост с большими проплешинами, и от него скверно пахло.

Хью схватил Ленни за подтяжки и выволок из машины. Ленни издал слабый писк, полный ужаса и ярости.

— Прости, старичок, — произнес Хью рассеянным голосом человека, у которого мысли заняты куда более серьезными проблемами. — Мне нужна твоя «тачка». Моя слегка вышла из строя.

Ты не можешь...

Но Хью совершенно определенно мог. Он швырнул Ленни через дорогу так, словно старик был обыкновенным мешком с тряпьем. Когда Ленни приземлился, раздался явственный хруст, и писклявые протесты сменились страдальческими воплями. Он сломал ключицу и два ребра.

Не взглянув в его сторону, Хью сел за руль «шевроле», захлопнул дверцу и нажал на акселератор. Двигатель издал удивленный вопль, а из болтающейся трубы глушителя вырвалось голубое облако дыма. И прежде чем Ленни сумел перевернуться на спину, Хью уже летел под гору, выжимая больше пятидесяти миль в час.

4

Энди Клаттербак свернул на Касл-Хилл-роуд примерно в 3.55. Он разминутся со старой развалюхой Ленни Партриджа, двигавшейся в противоположную сторону, не обратив на нее ни малейшего внимания. Все его мысли полностью сосредоточились на Хью Присте, а старый ржавый «белл-эйр» был просто частью окружающего ландшафта.

Клатт понятия не имел, как и почему Хью мог быть причастным к смертям Уилмы и Нетти, но все шло как надо; он был рядовым, и этим все сказано. Все «как» и «почему» — дело других, и сегодня был один из тех дней, когда его чертовски радовало это положение вещей. Он знал, что Хью был забулдыгой-алкашом, которого годы ничуть не исправили. Такой человек способен сделать все, что угодно... особенно если под градусом.

Так или иначе, скорее всего Хью на работе, подумал Клатт, но когда приблизился к загону для овец, который Хью величал своим домом, он тем не менее расстегнул кобуру своего служебного револьвера. Мгновением позже он увидел, как солнце играет на хrome и стекле машины, которая стояла на дорожке, ведущей к дому Хью, и нервы его натянулись так, что загудели, как телеграфные провода на ветру. *Машина* Хью была здесь, а когда чья-то машина стоит на месте, хозяин обычно дома. Таковы закономерности жизни в провинции.

Хью, покидая пешком свою обитель, свернул направо от города к вершине Касл-Хилл. Взгляни Клатт в этом направлении, он увидел бы Ленни Партриджа, лежащего на повороте шоссе и барахтающегося, как цыпленок, купающийся в пыли, но он туда не смотрел. Все внимание Клатта было сфокусировано на доме Хью. Тонкие крики Ленни, похожие на птичье чириканье, входили в одно ухо Клатта, пролетали сквозь мозг, не вызывая ни малейшего волнения, и выходили через другое.

Прежде чем вылезти из патрульной машины, Клатт вытащил свой револьвер.

5

Уильяму Тапперу было всего девятнадцать и, хотя он никоим образом не тянул на школьные грамоты, у него хватило ума прийти в ужас от поведения Генри, когда тот вошел в «Тигр» без двадцати четыре в последний день реального существования Касл-Рока. У него также хватило сообразительности довольно быстро отдать Генри ключи от своего «пontiака». Попробуй он отказать, и Генри (в обычных обстоятельствах самый лучший босс

из всех, на кого работал Таппер) в нынешнем состоянии просто сшиб бы его с ног и забрал их.

Поэтому в первый — и, быть может, единственный — раз в своей жизни Билли попытался схитрить.

— Генри, — сказал он робко, — по-моему, тебе не мешает выпить. И *мне* тоже. Что, если я сооружу нам по стаканчику, пока ты не ушел, а?

Генри исчез за стойкой бара. Билли слышал, как он возится там и матерится вполголоса. Наконец он выпрямился, держа в руках прямоугольную деревянную коробку с маленьким висячим замочком. Он поставил коробку на стойку и стал перебирать связку ключей, которую носил на поясе.

На предложение Билли он покачал было головой, но потом передумал. Выпивка, пожалуй, была не такой уж плохой мыслью; это придаст твердости как нервам, так и рукам.

Он отыскал нужный ключ, открыл замок на коробке, снял его и положил на стойку.

— Ладно, — сказал он. — Но если уж мы выпьем, то сделаем это по всем правилам. «Чивас». Простой — тебе, а мне — двойной. — Он предостерегающе погрозил Билли пальцем, и Билли вздрогнул — неожиданно ему показалось, что Генри собирается добавить: «Но ты пойдешь со мной». — И смотри не проболтайся своей матери, что я позволил тебе здесь выпить спиртное, понял?

— Так точно, сэр, — с облегчением сказал Билли и быстро полез доставать бутылку, пока Генри не передумал. — Прекрасно вас понял.

6

Дик Брандфорд, человек, заведующий самым большим и дорогостоящим предприятием в Касл-Роке — департаментом общественных работ — с отвращением поморщился.

— Нет, его здесь нет, — сообщил он Алану. — Сегодня вообще не объявлялся. Но если увидите его раньше, чем я, сделайте мне одолжение, скажите ему, что он уволен.

— Почему вы держали его так долго, Дик?

Они стояли на жарком дневном солнцепеке возле городского гаража № 1. Слева грузовик от «Перевозки и доставки больших конструкций» развернулся задом к складу. Еще из трех выгружали небольшие, но тяжелые деревянные ящики. На каждом из них был нарисован красный ромб, означавший, что содержимое взрывоопасно. Изнутри склада до Алана доносилось гудение кондиционеров — казалось очень странным слышать звук работающих кондиционеров в столь позднее время года, но вся последняя неделя в Касл-Роке была чрезвычайно странной.

— Я держал его дольше, чем надо было, — признал Дик и взъерошил ладонями свои короткие седеющие волосы. — Я делал это, потому что мне казалось, где-то у него внутри прячется неплохой парень. — Дик был из тех приземистых коротышек — огнетушитель на ножках, — которые на вид всегда готовы выдрать порядочный кусок из чьей-нибудь задницы. Тем не менее он был одним из самых добрых и мягких людей, которых Алан встречал в своей жизни. — Никто в этом городе так не вкалывал, как Хью, когда он не был пьян или с похмелья. И было у него что-то такое в лице, из-за чего мне казалось, что он не из тех, кто просто спивается и не просохнет, пока дьявол его не угробит. Я думал, может быть, на постоянной работе он выправится и заживет по-человечески. Но последнюю неделю...

— Что последнюю неделю?

— Парень совсем слетел с катушек. Похоже, он был все время в каком-то трансе, я не имею в виду пьянку... Казалось, взгляд его все время шарит где-то в собственной башке — когда разговариваешь с ним, он все время смотрит тебе за спину и никогда — прямо в глаза. И еще он стал болтать сам с собой.

— Сам с собой? О чем же?

— Не знаю. И, по-моему, остальные ребята тоже не знают. Я ненавижу выбрасывать людей на улицу, но насчет Хью решил еще до того, как вы подъехали сегодня. Я сыт им по

горло.

— Извините, Дик. — Алан вернулся к своей машине, позвонил Шейле и сказал ей, что Хью сегодня весь день не был на работе.

— Шейла, попробуй связаться с Клагтом и скажи ему, чтобы он в самом деле был на стреме. И пошли туда Джона для прикрытия. — Он поколебался, прежде чем продолжить, зная, что подобное предупреждение уже не один раз заканчивалось напрасной стрельбой, но все же откинул сомнения; он был обязан, это его долг по отношению к подчиненным, находящимся на дежурстве. — Клатт и Джон должны учесть, что Хью вооружен и опасен. Поняла?

— Вооружен и опасен.

— Ладно. Номер Один закончил.

Он положил микрофон на место и пошел обратно к Дику.

— Дик, как по-твоему, он мог убраться из города?

— Он? — Дик склонил голову набок и выплюнул табачный сок. — Такие ребята никогда не покидают родные места, пока не получают последний чек из зарплаты. Большинство из них вообще так никогда и не уезжает. Когда дело доходит до того, чтобы вспомнить, какие дороги ведут прочь из города, парней вроде Хью одолевает склероз.

Что-то отвлекло внимание Дика, и он повернулся к рабочим, разгружавшим деревянные ящики.

— Эй, ребята, поосторожней с ними! Вам надо разгрузить их, а не жонглировать!

— У вас тут много взрывчатки, — заметил Ллан.

— А? Да... двадцать ящиков. Должны взрывать гранитную гряду над гравийным карьером на шоссе номер пять. По мне, так у нас тут хватит, чтобы запустить Хью на Марс, если пожелаем.

— Зачем вы набрали так много?

— Это не моя идея; Зануда сделал приписку на моем заказе — Бог его знает зачем. Хотите, скажу вам кое-что? Он обделается, когда увидит счет за электричество за этот месяц, если... не настанут холода. Эти кондиционеры высасывают все соки, но такие игрушки нужно держать в холоде, а то они вспотеют. Говорят, что этим новым игрушкам все равно, но, я думаю, лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

— Зануда увеличил ваш заказ? — изумился Алан.

— Да... не помню точно — на четыре или шесть ящиков. Бывают же такие сюрпризы, а?

— Да уж. Дик, разрешите я позвоню из вашей конторы?

— Будьте как дома.

Алан прошел в кабинет Дика, уселся за его письменный стол и просидел так целую минуту — струйки пота оставляли на его форменной рубашке темные пятна под мышками, пока он вслушивался в бесконечные гудки домашнего телефона Полли. В конце концов он повесил трубку.

С опущенной головой он медленно вышел из кабинета. Дик, навешивавший замок на дверь склада с динамитом, повернул к Алану свое вытянутое и печальное лицо.

— Где-то внутри Хью Приста был хороший парень, Алан, Богом клянусь, был. И много раз этот парень появлялся снаружи. Я видел, как это случалось, чаще, чем думают другие. Просто Хью... — он пожал плечами, — ладно, чего теперь слюни распускать.

Алан кивнул.

— Алан, с вами все в порядке? Вы выглядите так, словно на вас что-то накатило.

— Все нормально, — слегка улыбнувшись, ответил Алан. Но это была неправда: на него таки накатило. И на Полли тоже. И на Хью. И на Брайана Раска. Кажется, на всех сегодня что-то накатило.

— Хотите стакан воды или холодного чая? У меня тут есть.

— Спасибо, я лучше поеду.

— Хорошо. Дайте мне знать, как все обернется.
Этого Алан не мог обещать, но у него было такое слабое
болезненное ощущение — в верхушке живота, — что Дик сам сможет прочесть об
этом через день-другой. Или увидеть по телевизору.

7

Старый «шевроле-белл-эйр» Ленни Партриджа зарулил на одно из парковочных мест перед «Самым необходимым» незадолго до четырех, и из машины выбрался объект задержания. Ширинка Хью была по-прежнему расстегнута, а лисий хвост все еще болтался у него на шее. Он пересек тротуар, шлепая босыми ногами по асфальту, и открыл дверь. Звякнул маленький серебряный колокольчик.

Единственный, кто видел, как он вошел в магазин, был Чарли Фортин. Он стоял у входа в «Западное авто» и курил одну из своих вонючих самокруток.

— Старый Хью совсем допился, — заметил Чарли, ни к кому не обращаясь.

Мистер Гонт встретил Хью довольной и понимающей улыбкой... словно к нему в магазин каждый день наведывался босой и голый по пояс человек с болтающимся лисьим хвостом на шее. Он поставил маленькую галочку на листке, лежащем рядом с кассой. Последнюю галочку.

— Со мной стряслась беда, — сказал Хью, уставившись на мистера Гонта. Его глаза бешено вращались в глазницах, словно шарики в китайском бильярде. — На этот раз я здорово вляпался.

— Знаю, — самым своим успокаивающим тоном произнес мистер Гонт.

— Мне казалось, правильной всего будет прийти сюда. Я сам не знаю... Вы мне снились все время. Я... Я не знаю, к кому мне еще пойти... Где то место...

— Здесь, здесь то самое место, Хью.

— Он порезал мои шины, — прошептал Хью. — Бюфорт, тот ублюдок, что держит «Пьяного тигра». Он оставил записку. Там сказано: «Ты знаешь, зачем я приду в следующий раз, Хьюберт». Я знаю, что это значит. Уж будьте спокойны — знаю. — Одна из мозолистых здоровенных лапищ Хью погладила паршивый мех, и по лицу его разлилось выражение счастливого блаженства. Оно выглядело бы очень глупым, если бы не было таким подлинным. — Мой прекрасный лисий хвост.

— Возможно, тебе следует позаботиться о нем, — задумчиво предположил мистер Гонт, — прежде чем он позаботится о тебе. Я знаю, это звучит немного... ну... *радикально* ... но если хорошенько подумать...

— Да! Да! Как раз это я и хочу сделать!

— Кажется, у меня есть как раз то, что нужно, — сказал мистер Гонт. Он нагнулся под прилавок, а когда снова выпрямился, в его левой руке был автоматический пистолет. Он положил его на стеклянную поверхность стенда. — С полным магазином.

Хью взял пистолет в руки. Вся его растерянность и злоба растаяли, словно дым, как только увесистая рукоятка заполнила ладонь. Он уловил слабый и приятный запах оружейной смазки.

— Я... Я оставил бумажник дома, — сказал он.

— О, тебе не стоит беспокоиться об этом, — утешил его мистер Гонт. — В «Самом необходимом», Хью, мы страхуем товары, которыми торгуем. — Неожиданно лицо его затвердело. Зубы оскалились, а глаза засверкали. — Иди и покончи с ним! — крикнул он резким голосом. — Прикончи ублюдка, желающего уничтожить то, что принадлежит тебе! Пойди и прикончи его, Хью! Защити себя! Защищай свою *собственность* !

Хью неожиданно ухмыльнулся.

— Спасибо, мистер Гонт. Спасибо вам большое.

— Не стоит, — отреагировал мистер Гонт, тут же вернувшись к своему обычному тону, но маленький серебряный колокольчик уже звякал — Хью выходил на улицу, на ходу

засовывая пистолет за пояс висящих мешком штанов.

Мистер Гонт подошел к окну и стал наблюдать, как Хью садится за руль изношенного «шевроле» и выезжает на мостовую. Фургон «будвайзер», медленно ползущий по Мейн-стрит, засигналил и вильнул в сторону, чтобы избежать Столкновения.

— Иди и прикончи его, Хью, — тихим голосом сказал мистер Гонт. Тонкие струйки дыма начали подниматься у него из ушей и из волос на голове; струи потолще выбились из ноздрей и между квадратных, белых, похожих на могильные плиты, зубов. — Прикончи всех, кого сумеешь. Вечеринка в разгаре, красавец.

Мистер Гонт откинул голову назад и захохотал.

8

Джон Лапойнт торопливо направился к боковому выходу из конторы шерифа — тому, что вел к парковочной стоянке у здания муниципалитета. Он был крайне возбужден, вооружен и опасен — не так уж часто получаешь возможность участвовать в аресте вооруженного и опасного подозреваемого. Во всяком случае, в маленьком сонном городишке вроде Касл-Рока. Он совершенно забыл о пропаже бумажника (по крайней мере в данный момент) и тем более о Салли Ратклифф.

Он подошел к двери как раз в тот момент, когда кто-то открыл ее с другой стороны. И тут же Джон оказался лицом к лицу с двумястами двадцатью фунтами плоти разъяренного учителя физкультуры.

— Как раз тот, кого я хочу повидать, — своим новым шелковым голосом произнес Лестер Пратт. Он повертел в руке черным кожаным бумажником. — Что-то посеял, ты, поганый, безбожный, азартный и лживый сукин сын?

Джон понятия не имел, что тут делал Лестер Пратт и как ему удалось найти его пропавший бумажник. Он знал лишь, что ему приказано прикрывать Клатта и он должен отправиться туда немедленно.

— Что бы это ни значило, Лестер, я поговорю с вами об этом позже, — сказал Джон и потянулся за своим бумажником. И когда Лестер сначала отдернул руку с бумажником, а потом этим самым бумажником здорово саданул его прямо по лицу, Джон больше изумился, чем пришел в ярость.

— О, я вовсе не собираюсь *разговаривать*, — произнес, вернее, промурлыкал Лестер. — Я не стану зря терять времени. — Он уронил бумажник, схватил Джона за плечи, поднял в воздух и швырнул обратно в контору. Лапойнт пролетел шесть футов по воздуху и приземлился на крышку стола Норриса Риджвика. Он прокатился на заднице по всей длине стола, расчистив дорогу сквозь груды бумаг и сбив на пол письменный прибор. За прибором на пол последовал сам Джон — с болезненным вскриком брякнулся спиной.

Шейла Бригем уставилась на эту сцену из окошка диспетчерской с открытым от ужаса и изумления ртом.

Лестер приближался к Лапойнту бойцовой походкой. Его кулаки были подняты в старомодной стойке Джона Л. Салливана, которая должна была выглядеть комично, но не выглядела.

— Я намерен преподать тебе урок, — промурлыкал Лестер. — Я покажу тебе, что бывает с католиками, которые сманивают девушек у баптистов. Я объясню тебе все по порядку, а когда закончу, ты усвоишь это так, что уже никогда не забудешь.

И Лестер Пратт приблизился на подходящую для педагогических внушений дистанцию.

9

Может, Билли Таппер и не хватал звезд с небес в смысле интеллекта, но он обладал достоинством сочувственного слушателя, а в этот полдень лучшим лекарством для ярости

Генри Бюфорта был как раз сочувственный слушатель. Генри выпил свою порцию, рассказал Билли, что произошло, и... пока говорил, он поймал себя на том, что слегка успокоился: до него дошло, что если бы он взял свой обрез и отправился в поход, то вполне мог закончить этот день не за стойкой своего бара, а за решеткой подвальной камеры в конторе шерифа. Он очень любил свой «тандерберд», но начал осознавать, что все-таки любил не настолько, чтобы отправляться из-за него в тюрьму. Шины он может заменить, а царапина на боку со временем сотрется. Что же касается Хью Приста, то пусть с ним разбирается закон.

Он допил стакан и встал.

— Вы все-таки поедете за ним, мистер Бюфорт? — с испугом спросил Билли.

— Не буду я тратить время попусту, — сказал Генри, и Билли облегченно вздохнул. — Пускай с ним разбирается Алан Пэнгборн. Разве я не за этим плачу налоги, а, Билли?

— Конечно. — Билли взглянул в окно, и лицо его еще больше прояснилось. Старая ржавая машина, которая когда-то была белой, а теперь потускнела настолько, что вовсе не имела цвета — назовем его грязно-дорожно-серым, — взбиралась на холм по направлению к «Пьяному тигру», оставляя за собой густой голубой туман выхлопных газов. — Глядите-ка! Это старик Ленни! Я не видел его тыщу лет!

— Ну, все равно мы не открываем раньше пяти, — сказал Генри. Он зашел за стойку, чтобы сделать телефонный звонок. Коробка с обрезом по-прежнему лежала на стойке.

«Кажется, я собирался пустить его в ход, — пораженно подумал он. — Похоже, я действительно хотел это сделать. Что за чертовщина вселяется порой в людей — отравка какая-то, что ли?»

Пока старая «тачка» Ленни заруливала на стоянку, Билли направился ко входной двери.

10

— Лестер... — начал было Джон Лапойнт, но тут кулак величиной с консервную банку от ветчины «Дэйзи», но немного тверже, пришел в соприкосновение с серединой его лица. Раздался отвратительный хруст, и его нос взорвался вспышкой страшной боли. Джон зажмурился, и темноту прорезал фонтан ярких искр. Лапойнт завертелся по комнате, бестолково размахивая руками, пытаясь сохранить равновесие и удержаться на ногах. Кровь ручьем хлынула у него из носа и изо рта. Он налетел на доску объявлений и сорвал ее со стены.

Лестер снова двинулся на него; брови его сосредоточенно нахмурились под короткой челкой.

В кабинке диспетчера Шейла включила рацию и стала громко выкрикивать имя Алана.

11

Фрэнк Джуэтт уже хотел было покинуть дом своего доброго старого «друга» Джорджа Т. Нелсона, как вдруг ему пришла в голову другая мысль. Она заключалась в том, что Джордж Т. Нелсон, вернувшись домой и застав свою спальню разгромленной, кокаин выброшенным, а портрет своей мамочки загаженным, может пойти поискать своего старого друга-по-развлечениям. Фрэнк решил, что было бы просто безумием уйти, не закончив то, что он начал... А если закончить то, что он начал, — значит отстрелить ублюдку-шантажисту яйца. Так тому и быть. Внизу в доме размещалась оружейная комната, и идея осуществить задуманное с помощью одного из собственных ружей Джорджа Т. Нелсона показалась Фрэнку олицетворением высшей справедливости. Если он не сумеет отпереть оружейную комнату или взломать дверь, он воспользуется одним из кухонных ножей своего старого друга-по-развлечениям и так доведет дело до конца. Он встанет за входной дверью и, когда Джордж Т. Нелсон войдет, или отстрелит ему его яйца, или схватит за волосы и перережет его глотку. Из двух вариантов ружье, пожалуй, будет надежнее, но чем дольше Фрэнк представлял себе, как горячая кровь Джорджа Т. Нелсона хлынет из перерезанной шеи по его

рукам, тем больше ему это нравилось. Подожди, Джорджи. Подожди, шантажист сраный.

В этот момент приятные размышления Фрэнка были нарушены попугайчиком Джорджа Т. Нелсона по имени Тэмми Фей, который выбрал для звонкой песенки самый неудачный момент в своей маленькой птичьей жизни. Странная и жуткая улыбка появилась на лице Фрэнка, когда он начал вслушиваться в это пение. «Как же я мог упустить эту чертову птицу?» — спрашивал он себя, направляясь в кухню.

После недолгих поисков он отыскал ящик с острыми ножами и следующие пятнадцать минут тыкал ножом сквозь прутья клетки Тэмми Фея, вызывая у маленькой птички приступы жуткой паники, пока ему это не наскучило и он не заколол попугайчика. Потом он спустился вниз посмотреть, что сможет придумать с дверью в оружейную комнату. Замок оказался на редкость простым, и, взбираясь по лестнице обратно на первый этаж, Фрэнк запел веселую песенку:

*Эй, не стоит нынче драться,
горевать и обижаться!
Почему? Все очень просто:
Санта-Клаус едет в гости
К лежебокам, к расторопным.
Горемыкам, недотепам.
Все он знает, хоть глаза
Снегом запорошены.
Так что вы уж, ради Бога,
Будьте все хорошими!*

Фрэнк, вместе со своей любимой мамочкой никогда не пропускавший по субботним вечерам Лоренса Уэлка, пропел последнюю строчку басом Ларри Хупера. Черт, да он прекрасно себя чувствовал! Как он только мог всего лишь час назад думать, что его жизнь кончена? Это был не конец; это было начало! Покончить с прошлым — особенно с дорогими старыми «друзьями» вроде Джорджа Т. Нелсона, — и вперед, к новой жизни!

Фрэнк устроился за дверью. Для охоты на медведя он неплохо вооружился; у стенки стоял «винчестер», за поясом торчал автоматический пистолет «лама», а в руке был зажат шеффингтонский нож для разделки мяса. С того места, где он стоял, ему была видна кучка желтых перьев — трупик Тэмми Фея. Легкая улыбка тронула губы мистера Уэзерби а его глаза — уже совершенно безумные — бессмысленно вращались за круглыми стеклами очков без оправы.

— Ради Бога, будьте все хорошими! — посоветовал он шепотом. Стоя там, он несколько раз пропел эту строчку, а потом еще несколько раз, когда устроился поудобнее — уселся возле двери, скрестив ноги, прислонясь спиной к стене и держа оружие у себя на коленях.

Очень скоро он с ужасом стал ловить себя на приступе жуткой сонливости. Казалось просто безумием засыпать, когда собрался перерезать кое-кому глотку, но... факт оставался фактом. Он вспомнил, как где-то читал (может быть, на одной из лекций в Мэнском университете в Фармингтоне — этом дурацком заведении, которое он закончил без всяких наград и отличий), что сильный нервный стресс порой дает именно такой эффект... А стресс у него был неслабый, это уж точно. Удивительно, как у него только сердце не лопнуло, как старая шина, когда он увидел все те журналы, разбросанные по кабинету.

Фрэнк решил, что рисковать глупо. Он слегка отодвинул длинный, соломенного цвета диван Джорджа Т. Нелсона от стены, заполз за него и лег там на спину, держа винтовку в левой руке. Его правая рука, по-прежнему сжимавшая рукоятку ножа, легла на грудь. Вот так. Гораздо лучше. Ковер Джорджа Т. Нелсона с длинным ворсом был вполне удобен.

— Ради Бога, будьте все хорошими, — шепотом пропел Фрэнк. Он продолжал напевать эту строчку и десять минут спустя, тихонько похрапывая, когда его уже сморил сон.

— Номер Один! — раздался крик Шейлы из радиации, висевшей под приборным щитком в машине Алана, когда он ехал через Тин-бридж, возвращаясь в город. — Ответьте, Номер Один! Отвечайте *немедленно* !

Алан почувствовал, как что-то болезненно екнуло у него в животе. Он не сомневался — Клатт нарвался на засаду у дома Хью Приста на Касл-Хилл-роуд. Господи, ну почему же он не велел Клатту встретиться с Джоном, прежде чем ехать брать Хью?

Ты знаешь почему — потому что не все твое внимание приковано к работе, когда ты отдаешь приказы. Если что-то произошло с Клаттом по твоей вине, тебе придется взглянуть правде в глаза и взять на себя свою долю ответственности. Но это будет потом. А сейчас твоя работа состоит в том, чтобы делать свое дело. Так делай же его, Алан, — забудь о Полли и делай свое проклятое дело.

Он сдернул микрофон с подставки.

— Номер Один слушает!

— Кто-то избивает Джона! — заорала Шейла. — Скорей приезжайте, Алан, он жутко бьет его!

Эта информация настолько противоречила тому, чего ожидал Алан, что на секунду он совершенно растерялся.

— Что? Кто? У нас?

— Скорее, он его убивает!

Все мгновенно стало на свои места. Конечно же, это Хью Прист. По каким-то причинам Хью пришел в контору шерифа еще до того, как Джон успел отправиться на Касл-Хилл, и стал махать кулаками. Опасность угрожала Джону Лапойнту, а не Энди Клаттербаку.

Алан схватил мигалку-сирену, включил ее и выставил на крышу машины. Съехав с моста на городской стороне, он мысленно попросил прощения у своего старого фургона и вдавил педаль газа в пол.

Клатт начал подозревать, что Хью нет дома, когда он увидел колеса его машины — шины были не просто спущены, а искромсаны в клочья. Тем не менее он хотел подойти к дому поближе, когда наконец услышал слабые крики о помощи.

Какое-то время он топтался в нерешительности, а потом повернулся и торопливо зашагал по дорожке прочь от дома. Тут он наконец увидел Ленни, лежавшего на обочине шоссе, и побежал к нему с болтающейся на боку кобурой.

— Помогите! — прокричал Ленни, когда Клатт опустился возле него на колени. — Хью Прист спятил... Он меня чуть прямо в рай не отправил!

— Где вам больно, Ленни? — спросил Клатт. Он дотронулся до плеча старика. Ленни издал короткий вопль — красноречивый ответ. Югатт встал, не очень представляя себе, что ему делать дальше. Слишком много мыслей перемешалось у него в мозгу. В чем он был точно уверен, так это в том, что ему отчаянно не хочется во все это впутываться.

— Не двигайтесь, — в конце концов сказал он. — Я сейчас вызову «скорую помощь».

— Я не собираюсь отплясывать тут танго, болван ты эдакий. — Ленни плакал и стонал от боли и был похож на старого пса с перебитой лапой.

— Верно, — сказал Клатт. Он бросился бежать к своей патрульной машине, но потом снова вернулся к Ленни: — Он взял вашу машину, да?

— Нет! — взвизгнул Ленни, прижимая ладони к сломанным ребрам. — Он вытряхнул меня, а потом улетел на волшебном ковре-самолете. Конечно, он взял мою «тачку»! А почему, по-твоему, я здесь лежу? Загораю, твою мать, что ли?

— Верно, — повторил Клатт и ринулся к своей машине. Четвертаки и десятицентовики вылетели из его кармана и рассыпались по дороге ярко сверкающими кружочками.

Он так быстро всунул голову в боковое окно, что чуть не разбил голову о дверцу, и схватил микрофон. Ему нужно было связаться с Шейлой, чтобы та выслала помощь старику, но это было не самое главное. И Алан, и полиция штата должны быть поставлены в известность, что Хью Прист теперь ездит на старом «шевроле-белл-эйр» Ленни Партриджа. Клатт точно не знал, какого года выпуска была эта «тачка», но никто не мог спутать этот старый бесцветный драндулет.

Но Шейлы не оказалось в диспетчерской. Три раза он пытался связаться с ней, и — никакого ответа. Вообще никакого.

Клатт услышал, как Ленни снова принялся кричать, и вошел в дом Хью, чтобы вызвать «скорую помощь» из Норвея по телефону.

Черт, Шейла выбрала удачный момент, чтобы засесть в сортире, подумал он.

14

Генри Бюфорт тоже пытался дозвониться в контору шерифа. Он стоял за стойкой бара, прижав трубку к уху. Гудок повторялся снова и снова.

— Давай же, — пробормотал он, — бери трубку, мать твою. Что вы там, ребята, уснули все, что ли?

Билли Таппер вышел наружу. Генри услышал, как он что-то крикнул, и нетерпеливо поднял взгляд. За криком последовал неожиданный громкий хлопок. Первой мыслью Генри было, что лопнула одна из старых шин Ленни, но... тут же раздались еще два хлопка.

Билли вошел обратно в помещение. Он шел очень медленно, прижимая одну руку к горлу, и между пальцами этой руки сочилась кровь.

— Хенри! — крикнул Билли каким-то диким голосом с акцентом кокни. — Хенри! Хен...

Он дошел до музыкального автомата, постоял там секунду, покачиваясь, а потом все в его теле словно разом выключилось и он рухнул на пол бесформенной тушей.

Его ноги, почти высовывающиеся за дверь, накрыла тень, а потом появился и хозяин тени. На шее у него болтался лисий хвост, а в одной руке был пистолет. Из ствола струился дымок. Крошечные капельки пота блестели в спутанных волосах на его груди между сосками. Кожа под глазами была коричневой и припухшей. Он перешагнул через Билли Таппера и ступил в полумрак «Пьяного тигра».

— Привет, Генри, — сказал Хью Прист.

15

Лапойнт не понимал, почему это происходит, но понимал, что Лестер убьет его, если не перестанет, — а Лестер не подавал ни малейших признаков того, что собирается умерить пыл. Лапойнт попытался сползти вниз по стене — туда, где Лестер не сможет достать его кулаками, но Лестер схватил его за рубаху и вздернул вверх. Лестер дышал по-прежнему легко и ровно. Его собственная рубашка даже не выбилась из-за пояса спортивных брюк.

— Вот так вот, Джонни, — проговорил Лестер и впечатал другой кулак в верхнюю губу Джона. Джон почувствовал, как она разрывается на зубах. — Отрасти свои поганые целованные усики на этом.

Джон вслепую отвел одну ногу и ударил изо всех сил. Лестер издал удивленный вопль и рухнул, но успел перед этим выставить обе руки вперед, ухватив Джона за залитую кровью рубашку и завалив помощника шерифа на себя. Они стали кататься по полу, пиная и колотя друг друга.

Оба были слишком заняты, чтобы увидеть, как Шейла Бригем вылетела из своей диспетчерской кабинки и забежала в кабинет Алана. Там она сорвала со стены винтовку и

ринулась обратно в приемную, теперь уже больше походившую на бойню. Лестер сидел на Джоне и старательно бил его головой об пол.

Шейла умела обращаться с винтовкой, которую держала в руках; она занималась стрельбой по мишеням с восьмилетнего возраста. Она прижала приклад к плечу и заорала:

— Отодвинься от него, Джон! Дай мне прицелиться!

Лестер со сверкающими глазами повернулся на звук ее голоса. Он оскалился на Шейлу, как разъяренная горилла, а потом снова принялся колотить Джона головой об пол.

16

Подъехав к зданию муниципалитета, Алан столкнулся с первым неожиданно удачным событием этого дня: с противоположной стороны к зданию подъезжал «фольксваген» Норриса Риджвика. Норрис был в гражданской одежде, но Алана это совершенно не смущало. Главное, он может его запрячь сегодня. Ох, ребята, как же он его запряжет!

Потом это тоже все лопнуло к чертям собачьим.

Большой красный «кадиллак», номер «Китон-1», неожиданно вылетел из узкой аллеи, примыкающей к парковочной стоянке у здания муниципалитета. Алан с отвисшей челюстью смотрел, как Зануда ударил «кадиллаком» в бок «жучка» Норриса. Скорость «кадиллака» была невелика, но он раза в четыре превосходил габаритами машину Норриса. Раздался треск рвущегося железа, и с жутким грохотом и звоном разбитого стекла «фольксваген» перевернулся на сторону пассажирского сиденья.

Алан ударил по тормозам и вышел из машины.

Зануда вылезал из своего «кадиллака».

Норрис с трудом выбирался через окошко «фольксвагена» с каким-то отрешенным выражением лица.

Сжимая кулаки, Зануда направился к Норрису. Ледяная усмешка напознала на его круглую толстую физиономию.

Алан кинул один-единственный взгляд на эту усмешку и бросился бежать.

17

Первый выстрел Хью разбил бутылку «Уайлд-терки» на полке за баром. Второй — стекло на документе, висящем в рамке над головой Генри, оставив круглую черную дырку в лицензии на продажу алкогольных напитков. Третий — превратил правую щеку Генри Бюфорта в розовое месиво из крови и разорванной плоти.

Генри вскрикнул, схватил коробку с обрезом и нырнул под стойку бара. Он понял, что Хью ранил его, но не знал, сильно или нет. Он сознавал лишь, что вся правая сторона его лица вдруг стала горячей, как печка, и что кровь — теплая, мокрая и липкая — стекает по его шее.

— Давай поговорим про «тачки», Генри, — сказал Хью, приближаясь к стойке. — Или нет, давай лучше поговорим про мой лисий хвост... Ну, что скажешь?

Генри открыл коробку. Внутри она была обита красным бархатом. Он сунул туда дрожащие мелкой дрожью руки и вытащил обрез. Он начал было перегибать его, но потом понял, что на это нет времени. Ему оставалось лишь уповать на то, что «винчестер» заряжен.

Он подобрал под себя ноги, готовясь выскочить и выдать Хью то, что, как он сильно надеялся, окажется для того большим сюрпризом.

18

Шейла поняла, что Джону не выбраться из-под этого сумасшедшего, в котором она теперь признала Лестера Патта, или Пратта... словом, учителя физкультуры в средней школе.

Она поняла, что Джону *никогда* оттуда не выбраться. Лестер перестал колотить его головой об пол и сомкнул свои огромные ладони на горле Джона.

Шейла перевернула винтовку, взяла ее за ствол, завела за плечо, а потом с силой описала прикладом ровную дугу.

В последний момент Лестер повернул голову — как раз вовремя, чтобы принять удар орехового приклада в стальной окантовке точно между глаз. Раздался противный треск, когда торец приклада пробил дыру в черепе Лестера и превратил лобную долю его мозга в желе. Такой звук мог бы издать пакет кукурузных хлопьев, если бы кто-то с силой наступил на него. Лестер Пратт был мертв еще до того, как рухнул на пол.

Шейла Бригем посмотрела на него и начала орать.

19

— Ты думал, я не узнаю, кто это был? — рычал Зануда Китон, вытаскивая Норриса — тот был в шоке, но невредим — из окошка «фольксвагена» со стороны кресла водителя. — Думал, я не узнаю, а сам поставил свое имя внизу каждого распроклятого листка? Думал так, да? Думал?

Он отвел один кулак назад, чтобы врезать Норрису, и Алан Пэнгборн аккуратнейшим образом надел на него наручник.

— У-хх! — воскликнул Зануда и тяжеломерно развернулся.

Внутри здания муниципалитета слышались чьи-то громкие крики.

Алан кинул беглый взгляд в направлении этого крика, а потом, потянув за второе кольцо на цепи наручников, подтащил Зануду к открытой дверце его собственного «кадиллака». Зануда тут же набросился на него. Алан удачно загородился от ударов плечом и застегнул второе кольцо на ручке дверцы машины.

Алан оглянулся на Норриса, стоявшего рядом. У него хватило времени отметить, что Норрис выглядит просто ужасно, и понять, что причина этого заключается не во взятии на абордаж его «жучка» главным выборным.

— Пошли, — сказал он Норрису. — У нас неприятности.

Но Норрис не обратил на него никакого внимания. Он ринулся мимо Алана и врезал Зануде Китону точно в глаз. Зануда издал удивленный вскрик и откинулся на дверцу машины. Та была еще открыта, и он своим весом захлопнул ее; выбившийся подол его вымокшей от пота белой рубашки защемился дверцей.

— Это тебе за мышеловку, ты, жирный придурок! — крикнул Норрис.

— Я тебя достану! — заорал Зануда в ответ. — Не думай, что тебе это так сойдет! Вы у меня все получите!

— Получи-ка вот это! — прорычал Норрис. Он снова двинулся на Китона, выставив кулачки перед своей вздымающейся цыплячьей грудью, но Алан схватил его и развернул к себе лицом.

— Прекрати! — рявкнул он прямо в лицо Норрису. — У нас неприятности там, внутри! Случилась беда!

Снова раздались крики в здании муниципалитета. Люди уже толпились на тротуарах по Мейн-стрит. Норрис посмотрел на кучки людей, а потом взглянул на Алана. Алан с облегчением увидел, что взгляд его прояснился и он пришел в себя. Более или менее.

— Что это, Алан? Это как-то связано с *ним*? — Он дернул подбородком в сторону «кадиллака». Зануда угрюмо смотрел оттуда на них, свободной рукой дергая наручник на другом запястье. Казалось, он вообще не слышит никаких криков.

— Нет, — сказал Алан. — Пистолет у тебя с собой?

Норрис отрицательно мотнул головой.

Алан расстегнул предохранительную кнопку на своей кобуре, вытащил свой служебный револьвер 38-го калибра и протянул его Норрису.

— А как же ты, Алан? — спросил Норрис.

— Мне руки нужны свободными. Давай, пошли. В конторе Хью Прист, и он спятил.

20

Хью Прист действительно спятил — это не вызывало больших сомнений, — но находился он в добрых трех милях от здания муниципалитета Касл-Рока.

— Давай поговорим про... — начал было он, но в этот момент Генри Бюфорт выпрыгнул из-под стойки бара с наставленным обрезом, как чертик из табакерки; правая сторона его рубахи вся вымокла в крови.

Генри и Хью выстрелили одновременно. Выстрел автоматического пистолета был заглушен громopodobным рыком обреза. Огонь и дым вырвались из спиленного ствола. Хью подбросило вверх и швырнуло через всю комнату; в воздухе мелькнули его босые пятки и красное месиво развороченной груди. Пистолет выпал из его руки. Концы лисьего хвоста тлели.

Когда пули Хью пробили правое легкое Генри, его бросило на полку позади бара. Бутылки попадали вниз, осыпав его осколками. Вся грудь у него онемела. Он выронил обрез и потянулся к телефону. В воздухе разлился густой запах пролитого алкоголя и горящего лисьего меха. Генри попытался вздохнуть, но, хотя грудь его вздымалась, воздух, похоже, в нее не набирался. Послышался тонкий свистящий звук — дырка в груди засасывала в себя воздух.

Казалось, телефон весит тысячу фунтов, но в конце концов ему удалось поднести трубку к уху и нажать на кнопку автоматического набора номера конторы шерифа.

Ту-у... ту-у... ту-у...

— Что там, вашу мать, у вас происходит, а? — прерывисто выдохнул Генри. — Я тут *подыхаю* ! Ответьте же, черт вас возьми!

Но в трубке по-прежнему раздавались долгие гудки.

21

Норрис нагнал Алана на середине аллеи, и они бок о бок зашли на маленькую парковочную стоянку у здания муниципалитета. Норрис сжимал в руке служебный револьвер Алана, держа палец на окантовке спускового крючка; короткий ствол глядел прямо в жаркое октябрьское небо. «Сааб» Шейлы Бригем стоял на своем месте рядом с патрульной №4 — машиной Джона Лапойнта, — больше машин там не было. Алан успел мельком подумать, где же «тачка» Хью, но гут боковая дверь из конторы шерифа широко распахнулась. Оттуда кто-то выскочил, держа за ствол винтовку. Норрис опустил короткое дуло револьвера и положил палец на спусковой крючок.

Алан мигом понял две вещи. Первая — Норрис сейчас выстрелит. Вторая — орудием человеком с винтовкой была Шейла Бригем, а не Хью Прист.

Почти сверхъестественная реакция Алана Пэнгборна спасла жизнь Шейле Бригем в этот полдень, но она была на волосок от смерти. Он даже не попытался крикнуть или ладонью попробовать отвести дуло револьвера в сторону — все это не увенчалось бы успехом. Вместо этого он выставил локоть, а потом дернул им вверх, как парень на сельской танцульке. Звук выстрела отдался громким эхом в закрытом дворике. Окно на втором этаже, в конторе городских служб, треснуло. Шейла выронила винтовку, которой она вышибла мозги из Лестера Пратта, и побежала к ним, крича и плача.

— Господи, — слабым, растерянным голосом произнес Норрис. Лицо его побелело как бумага, когда он протянул револьвер — рукояткой вперед — Алану. — Я чуть не застрелил Шейлу... Господи Боже мой.

— Алан! — плача крикнула Шейла. — Слава Богу!

Она бросилась к нему, не снижая скорости, и чуть не сбила с ног. Он засунул револьвер

в кобуру и обнял ее. Она вся дрожала, как электрический провод под слишком большим напряжением. Алан подозревал, что и сам здорово дрожит, а секунду назад чуть не намочил штаны. Шейла билась в истерике, совершенно ослепленная паническим ужасом, и быть может, это было даже неплохо: он думал, что она и понятия не имеет, как близка она была к роковой черте.

— Что там происходит, Шейла? — спросил он. — Быстро говори! — В ушах у него так звенело от выстрела, что он почти готов был поклясться — это где-то вдалеке звонит телефон.

22

Генри Бюфорт чувствовал себя как снеговик, тающий на солнце. Ноги у него подгибались. Он медленно опустился на колени, по-прежнему прижимая гудящую трубку к уху. Голова его затуманилась от терпкого запаха спиртного и паленого меха. К ним примешивался еще один горячий запах. Он подозревал, что это был запах Хью Приста.

Смутно он понимал, что к шерифу ему не дозвониться и он должен набрать какой-нибудь другой номер, но, пожалуй, это ему вряд ли удастся. Еще раз набрать номер было просто за пределами его возможностей — вот так. Поэтому он опустился на колени за стойкой бара в растущую лужу собственной крови, вслушиваясь в свист воздуха, доносящийся из дырки в своей груди, и отчаянно пытаюсь не потерять сознание. «Тигр» не открывается раньше часа. Билли мертв, и если никто не ответит на этот звонок, он тоже будет мертв к тому времени, как первые клиенты заглянут сюда освежиться парой стаканчиков.

— Пожалуйста, — прошептал Генри отчаянным, бездыханным голосом. — Пожалуйста, возьмите трубку, пожалуйста, кто-нибудь, вашу мать, возьмите трубку...

23

Шейла Бригем стала понемногу приходить в себя, и Алану удалось выудить из нее самое главное: она вырубил Хью прикладом винтовки. Значит, никто не попытается пристрелить их, когда они войдут в эту дверь.

Во всяком случае, он на это надеялся.

— Давай, — сказал он Норрису, — пошли.

— Алан... Когда она вышла... Я подумал...

— Я знаю, что ты подумал, но ничего плохого не случилось. Забудь об этом, Норрис. Там внутри — Джон. Пошли.

Они приблизились к двери и встали по обеим ее сторонам. Алан взглянул на Норриса.

— Входи потихоньку, — сказал он.

Норрис кивнул.

Алан ухватил дверную ручку, резко распахнул дверь и нырнул внутрь. Норрис, пригнувшись, последовал за ним.

Джон, ухитрившийся встать на ноги, одолел почти весь путь до двери. Алан и Норрис врезались в него, как арьергард старых питтсбургских меченосцев, и Джону пришлось испытать последнее болезненное унижение: сшибленный своими коллегами, он покатился по вымощенному плиткой полу, как кегля от меткого удара шаром в баре. Он с грохотом врезался в противоположную стену и издал какой-то усталый крик боли.

— Господи, это же Джон! — закричал Норрис. — Что за хрень!

— Помоги мне управиться с ним, — сказал Алан.

Они ринулись через всю комнату к Джону, который медленно сползал по стене. Вместо лица у него было кровавое месиво; нос резко вывернут влево, верхняя губа кровоточила, как порванная артерия. Когда Алан и Норрис подошли к нему, он подставил ладонь под подбородок и выплюнул на нее зуб.

— Он фумафедфый, — произнес Джон едва внятно — слова у него во рту превращались в кашу. — Фейла фрефала ему финтофкой. По-моему, она ефо убила.

— Джон, ты в порядке? — спросил Норрис.

— Я ф полной фопе, — сказал Джон и в доказательство тому наклонился вперед и изящно наблевал прямо между своих раздвинутых ног.

Алан огляделся вокруг. До него смутно дошло, что дело не в звоне у него в ушах; телефон действительно звонил. Но телефонный звонок сейчас был не главным. Он увидел Хью, лежащего лицом вниз у стены, подошел к нему и приставил ухо к его спине, пытаясь уловить биение сердца. Все, что ему удалось сначала услышать, это звон в ушах. Казалось, проклятый телефон разрывается на каждом столе.

— Ответь этойй штуке или разъедини ее! — рявкнул Алан Норрису.

Норрис подошел к ближайшему аппарату — им оказался тот, который стоял на его столе, — нажал на кнопку с мигающим индикатором и снял трубку.

— Не беспокойте нас сейчас, — сказал он. — У нас тут аварийная обстановка, звоните позже. — И повесил трубку, не дожидаясь ответа.

24

Генри Бюфорт отвел трубку — такую тяжелую-тяжелую трубку — от своего уха и посмотрел на нее слабеющим взглядом так, словно не верил своим глазам.

— *Что* ты сказал? — прошептал он.

Неожиданно пальцы его совсем ослабли, и он выпустил трубку — она была слишком тяжела. Он выронил ее на пол, медленно завалился на бок и остался лежать так, тяжело дыша.

25

Насколько мог судить Алан, с Хью все было кончено. Он ухватил его за плечи, перевернул и... Это оказался вовсе не Хью. Лицо было слишком измазано в крови, мозгах и осколках кости, чтобы он мог определить, кто это, но совершенно очевидно, это был не Хью Прист.

— Твою мать... — тихим изумленным голосом произнес он. — Что здесь происходит?

26

Дэнфорт Китон Зануда стоял посреди улицы, прикованный к своему собственному «кадиллаку», и смотрел, как Они наблюдают за ним. Теперь, когда Главный Преследователь и его Помощник ушли. Им ничего не оставалось, кроме как наблюдать.

Он смотрел на Них и знал, кто Они такие — все и каждый из Них.

Билл Фуллертон и Генри Джендрон стояли перед парикмахерской. Бобби Дугаз стоял между ними, простыня все еще болталась у него на шее, как огромная обеденная салфетка. Чарли Фортин стоял перед «Западным авто». Скотт Гарсон и его говенные дружки, Элберт Мартин и Говард Поттер, стояли у банка, где, наверно, перемывали его косточки, когда разыгралась вся сцена.

Глаза.

Эти гребаные глаза.

Глаза были повсюду.

И все они смотрели на него.

— Я вас вижу! — вдруг заорал Зануда. — Я вижу вас всех! ВСЕХ! И я знаю, что мне делать! Да-да! Будьте покойны!

Он открыл дверцу «кадиллака» и попытался забраться внутрь. Но не сумел. Он был прикован к наружной ручке. Цепочка у наручников была длинной, но не настолько.

Кто-то засмеялся.

Зануда хорошо расслышал этот смех.

Он оглянулся.

Многие жители Касл-Рока стояли возле деловых зданий на Мейн-стрит, разглядывая его черными прищуренными глазками умных крыс.

Все были здесь, кроме мистера Гонта.

И все же мистер Гонт был тут; мистер Гонт был у Зануды в голове и рассказывал ему, что тот в точности должен был сделать.

Зануда прислушался и... начал улыбаться.

27

Фургон «будвайзер», который Хью чуть было не протаранил в городе, останавливался возле нескольких забегаловок по другую сторону моста и в конце концов зарулил на стоянку возле «Пьяного тигра» в 4.01. Шофер вылез из машины, взял свой путевой лист, подтянул зеленые штаны и Направился к заведению. Не дойдя футов пяти до двери, он замер и вытаращил глаза. Ему была видна пара торчащих Из двери в бар ног.

— Боже милостивый! — воскликнул шофер. — Что с тобой, приятель?

Тут до его ушей донесся слабый, свистящий голос:

— ...Помогите...

Шофер вбежал внутрь и обнаружил едва живого Генри Бюфорта, скорчившегося под стойкой бара.

28

— Эфо Лефтер Пратт, — прошепелявил Джон Лапойнт. Поддерживаемый с одной стороны Норрисом, а с другой Шейлой, он доковылял до Алана, стоявшего на коленях возле тела.

— Кто? — спросил Алан, чувствуя себя так, словно он случайно попал в какую-то сумасшедшую комедию. «Рики и Люси отправляются ко всем чертям». Эй, Лестер, пора тебе объяснить нам кое-что...

— Лефтер Пратт, — терпеливо преодолевая боль, повторил Джон. — Он учитель физкультуры в колледже.

— А что он здесь делал? — спросил Алан.

Джон Лапойнт устало покачал головой.

— Не знаю, Алан. Он профто вофел и софол ф ума.

— Кто-нибудь здесь объяснит мне наконец, где Хью Прист? — простонал Алан. — Где Клатт? Ради всего святого, что здесь происходит?

29

Джордж Т. Нелсон стоял в дверях своей спальни, не веря собственным глазам. Комната выглядела так, словно какая-то панк-группа — «Секс пистолет» или «Крэмпс» — устроила здесь вечеринку вместе со всеми своими фанатами.

— Что... — начал было он, но не смог оольше ничего из себя выдавить. Да ему и не надо было. Он *знал* что. Кокаин, что же еще. Он толкал его среди персонала школы Касл-Рока в течение последних шести лет (не все учителя почитали то, что Эйс Меррилл иногда называл боливийской пудрой, но многие были страстными почитателями), и он оставил пол-униции почти чистого порошка под матрасом. Это был грабеж. Точно. Кто-то болтанул, а еще кого-то одолела жадность. Джордж полагал, что понял это сразу, как только подъехал к дому и увидел разбитое окно в кухне.

Он пересек комнату и онемевшими, словно мертвыми руками залез под матрас — пусто.

Кокаин исчез. Пакетик стоимостью почти в две штуки зеленых пропал. Будто во сне он проковылял в ванную комнату, посмотреть, осталась ли его маленькая порция для личных нужд в бутылочке из-под анацина на верхней полке в аптечке. Ему еще никогда так здорово не требовалась доза, как в эти минуты.

Он подошел к двери и застыл, выпучив глаза. Не полный разгром привлек его внимание, хотя это помещение тоже было здорово раскурочено, а унитаз... Стульчак был опущен и покрыт тонким слоем белой пудры.

Почему-то Джордж подозревал, что белая пыль — не детская присыпка «Джонсон».

Он подошел к унитазу, намочил палец, дотронулся им до порошка и сунул палец в рот. Кончик его языка тут же онемел. На полу между ванной и унитазом валялся пустой пластиковый пакетик. Картина ясная — сумасшедшая, но ясная. Кто-то зашел в дом, нашел кокаин, а потом... *спустил его в толчок*. Зачем? Зачем?! Этого он не знал, но решил, что, когда найдет того, кто это сделал, обязательно его спросит. Прямо перед тем, как оторвет ему башку. Спросить — никогда не повредит.

Его собственная трехграммовая порция была в целости и сохранности. Он взял бутылочку, вышел из ванной и снова застыл. Пересекая спальню от холла, он не заметил надругательства, но с того места, где он стоял теперь, пропустить это было просто невозможно.

Он простоял так довольно долго — глаза его вылезли из орбит от дикого ужаса, глотка судорожно дергалась. Клубочки вен на висках бешено трепыхались, как крылышки маленькой птички. Наконец он ухитрился выдавить одно короткое хриплое слово:

— ...Мамочка!..

Внизу, за соломенного цвета диваном Джорджа Т. Нелсона, спал Фрэнк Джуэтт.

30

Зевакам на нижней части Мейн-стрит, привлеченным на тротуары криками и выстрелом, теперь представилось новое зрелище: неторопливый побег главного выборного.

Зануда пролез в «кадиллак», насколько это было возможно, и поставил выключатель стартера в положение «включен», а потом нажал кнопку, опускающую стекло со стороны водителя. Он снова захлопнул дверцу и осторожно стал протискиваться внутрь через окошко.

Он все еще торчал из окна, левая рука, прикованная наручниками к ручке дверцы, вывернулась за ним под острым углом, а цепь наручников болталась где-то под мясистым левым бедром, когда к нему подошел Скотт Гарсон.

— Эй, Дэнфорт, — неуверенно произнес банкир, — я не думаю, что тебе стоит это делать. По-моему, ты арестован.

Зануда выглянул из-под своей правой подмышки, вдыхая собственный запах — довольно острый к этому времени, в самом деле довольно острый, — и увидел Гарсона вверх тормашками. Тот стоял прямо за Занудой и, судя по позе, мог попытаться вытащить Зануду из его собственного автомобиля.

Зануда подтянул ноги как можно выше, а потом, как лежащий пони, с силой резко выбросил их вперед. Каблуки его башмаков врезались в физиономию Гарсона с хрустом, принесшим Зануде полное удовлетворение. Очки Гарсона в золотой оправе треснули. Он взвыл, качнулся назад, прижимая руки к окровавленному лицу, и рухнул на спину.

— Ага! — рыкнул Зануда. — Не ждал такого, а? *Совсем* не ожидал, сукин ты сын, Преследователь поганый, верно?

Он протиснул остальную часть своего тела в машину. Длины цепи как раз хватило. Его плечевой сустав жутко хрустнул, а потом повернулся в чашечке ровно настолько, чтобы он сумел протиснуться под собственной рукой и опустить задницу на сиденье. Теперь он сидел за рулем с торчащей из окна прикованной рукой. «Кадиллак» тронулся с места.

Скотт Гарсон сел вовремя, чтобы увидеть мчащуюся на него машину. Радиатор

«кадиллака», казалось, навис над ним огромной хромированной глыбой, которая вот-вот готова была обрушиться и раздавить его.

Он бешено откатился влево, разминувшись со смертью на какую-то долю секунды. Одно из больших передних колес «кадиллака» проехало по его правой ладони, вдавив ее в асфальт, а потом заднее колесо довершило начатое. Лежа на спине, Гарсон скосил глаза на свои неестественно плоские пальцы размером теперь примерно с мастерок шпаклевщика, и завопил прямо в жаркое голубое небо.

31

— ТЭМ-М-МИ ФЕ-ЕЙ!

Этот вопль выдернул Фрэнка Джуэтта из глубокой дремы. В первые секунды он не имел ни малейшего представления, где находится, — лишь чувствовал, что это какое-то тесное, закрытое со всех сторон место. *Неприятное* место. И еще у него что-то было зажато в руке... Что же это такое?

Он поднял правую руку и чуть не выколол себе глаз ножом для разделки мяса.

— О-о! Не-е-ет! ТЭМ-М-МИ ФЕ-ЕЙ!

Он сразу все вспомнил. Он лежит за диваном своего доброго старого «друга» Джорджа Т. Нелсона, а сам Джордж Т. Нелсон собственной персоной шумно оплакивает своего мертвого попугая. Вместе с этим к Фрэнку вернулось и все остальное: журналы, разбросанные по всему его кабинету, шантажирующая записка, возможный (нет, скорее, очевидный, и чем больше он об этом думал, тем более очевидным ему это казалось) крах его карьеры, да и всей жизни.

А сейчас, как это ни казалось невероятным, до него доносились всхлипывания Джорджа Т. Нелсона. Он рыдал над каким-то проклятым пернатым куском дерьма. «Ну что ж, — подумал Фрэнк, — я избавлю тебя от твоей печали, Джордж. Кто знает, может быть, ты даже взлетишь в какой-нибудь птичий рай».

Всхлипывания приближались к дивану. Отлично, так еще лучше. Он выпрыгнет — с сюрпризом тебя, Джордж! — и ублюдок подохнет, не успев понять, что же случилось. Фрэнк уже готов был совершить свой прыжок, когда Джордж Т. Нелсон, все еще рыдая так, словно у него сейчас разорвется сердце от горя, со всего размаху уселся на диван. Он был тяжелым мужчиной, и всем своим весом придвинул диван вплотную к стене. Он не услышал удивленного сдавленного «у-уух!» позади себя — его собственные всхлипывания заглушали все остальные звуки. Он потянулся к телефону и сквозь слезы, застилавшие ему глаза, с первого раза (почти чудом) набрал телефон Фреда Рубина.

— Фред! — закричал он. — Фред, случилось что-то ужасное! Может быть, это продолжается! О Господи, Фред! О Боже мой!

Внизу и позади Фрэнк Джуэтт сражался за каждый вздох. В голове у него мелькали обрывки рассказов Эдгара Аллана По, которые он читал мальчишкой, про заживо похороненных. Его физиономию медленно заливало цветом старого кирпича. Тяжелая деревянная ножка, которую притиснуло к его груди, когда Джордж Т. Нелсон рухнул на диван, словно налилась свинцом. Спинка дивана уперлась ему в плечо и в щеку.

Над ним Джордж Т. Нелсон лихорадочно выплевывал в ухо Фреду Рубину краткое описание того, что он застал, когда вернулся к себе домой. Наконец он на секунду умолк, а потом выкрикнул:

— А мне плевать, можно об этом говорить по телефону или нет — КАК Я МОГУ ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ, КОГДА ОН УБИЛ ТЭММИ ФЕЯ? УБЛЮДОК УБИЛ ТЭММИ ФЕЯ! Кто мог это сделать, а, Фред? *Кто?* Ты должен мне помочь!

Наступила еще одна пауза, пока Джордж Т. Нелсон слушал, и Фрэнк со все возрастающей паникой стал понимать, что очень скоро потеряет сознание. Неожиданно до него дошло, что он должен сделать — достать автоматический пистолет «лама» и выстрелить через диван. Может, он не убьет Джорджа Т. Нелсона, может, он даже не *ранил* Джорджа

Т. Нелсона, но будь он проклят, если не привлечет *внимание* Джорджа Т. Нелсона. А как только он это сделает, есть неплохой шанс, что Джордж Т. Нелсон уберет свою жирную задницу с этого дивана, прежде чем Фрэнк подойдет тут с прижатым к радиатору отопления носом.

Фрэнк разнял пальцы, сжимавшие нож, и попытался дотянуться до пистолета, засунутого за пояс брюк. Ужас охватил его, когда он понял, что не может достать оружие — его пальцы сжимались и разжимались в целых двух дюймах от инкрустированной рукоятки пистолета из слоновой кости. Он собрал все оставшиеся у него силы и попробовал опустить руку чуть ниже, но зажатое плечо даже не шевельнулось; огромный диван — и солидный вес Джорджа Т. Нелсона — прочно держал его у стены. Его словно приколотили к стене гвоздями.

Черные розы — верные признаки приближающегося удушья — стали расцветать перед выпученными глазами Фрэнка.

Откуда-то из невообразимого далека он услышал, как его старый «друг» орет на Фреда Рубина, который, вне всяких сомнений, был партнером Джорджа Т. Нелсона по кокаиновым делам.

— О чем ты *говоришь* ? Я звоню тебе сказать, что у меня тут все разгромили, а ты советуешь мне пойти навестить какого-то нового красавчика на вашей улице? Фред, мне сейчас не до шашней, мне нужно...

Он запнулся, встал и прошелся по комнате. Собрав весь свой остаток сил, Фрэнк умудрился оттолкнуть диван на пару дюймов от стены. Это было совсем немного, но теперь он мог делать маленькие глоточки фантастически чудесного воздуха.

— Он чем торгует? — вскрикнул Джордж Т. Нелсон. — О, Господи Иисусе! Боже всемогущий! Почему ты мне так сразу и не сказал?

Снова молчание. Фрэнк лежал за диваном, как выброшенный на сушу кит, глотая воздух и надеясь, что его жутко разламывающаяся голова не взорвется. Еще несколько мгновений, и он встанет и отстрелит яйца своему старому «другу» Джорджу Т. Нелсону. Когда к нему вернется нормальное дыхание. И когда большие черные цветы окончательно растают в его глазах. Одну секунду. Ну, максимум две.

— Ладно, — сказал Джордж Т. Нелсон, — я схожу к нему. Вряд ли он такой уж чудотворец, как ты говоришь, но на безрыбье все сгодится, верно? Я вот что тебе скажу — мне насрать, занимается он такими делами или нет. Я разыщу того сукина сына, который устроил мне это — эго первым делом, — и приколочу его гвоздями к ближайшей стенке. Ты понял меня?

«Я понял, — подумал Фрэнк, — но кто кого приколотит к этой неведомой стенке, это мы еще посмотрим, мой дорогой дружочек».

— Да, я усек, как его зовут! — заорал Джордж Т. Нелсон в трубку. — Гонт, Гонт, мать его, Гонт!

Он с треском повесил трубку, а потом, должно быть, швырнул телефон через всю комнату — Фрэнк услышал звон бьющегося стекла. Через пару секунд Джордж Т. Нелсон издал последний стон и пулей вылетел из дома. Снаружи послышался звук включившегося двигателя его «айрока Z». Медленно отодвигая диван от стены, Фрэнк слышал, как машина покатила по дорожке, — покрышки взвизгнули на асфальте мостовой, и старый «друг» Фрэнка, Джордж Т. Нелсон, был таков.

Через две минуты из-за дивана показалась пара ладоней, ухватившихся за спинку, а потом между ладонями — лицо Фрэнка Джуэтта, бледное и безумное (очки без оправы, как у мистера Уэзерби, криво сидели на пуговице его носа, одно стекло треснуло). Спинка дивана оставила красную вмятину на правой щеке. Несколько клубочков пыли застряли в его редющих волосах.

Очень медленно, как распухший труп поднимается со дна реки к поверхности, на физиономию Фрэнка выплыла усмешка. На сей раз он упустил своего старого «друга» Джорджа Т. Нелсона, но Джордж не собирается уезжать из города. Это стало совершенно

очевидно из его разговора по телефону. Фрэнк отыщет его до конца дня. Как можно упустить его в городишке размером с Касл-Рок?

32

Шон Раск стоял у двери своего дома, ведущей в кухню, и с беспокойством поглядывал на гараж. Пять минут назад его старший брат зашел туда — Шон выглядывал из окна своей спальни и случайно увидел его. Брайан сжимал что-то в руке. На таком расстоянии Шон не мог разглядеть, что именно, но ему не нужно было видеть. Он знал. Это был новый бейсбольный вкладыш — тот, с которым Брайан так часто уползал к себе наверх, чтобы там разглядывать его. Брайан и не подозревал, что Шон знает о вкладыше, но Шон знал. Он даже знал, кто на нем изображен, поскольку сегодня вернулся из школы намного раньше Брайана и пробрался к нему в комнату, чтобы взглянуть на вкладыш. Он понятия не имел, почему брат так трясется над ним: это был старый, грязный, порванный и выцветший вкладыш с игроком, о котором Шон никогда не слыхивал: вратарь «Доджеров» из Лос-Анджелеса по имени Сэмми Коберг — одна победа и три поражения за всю спортивную жизнь. Парень так и не удержался хотя бы год в высшей лиге. Почему же Брайан так трясся над этим дешевеньким вкладышем?

Шон не знал. Он знал наверняка лишь две вещи: то, как Брайан трясся над ним, и то, как брат вел себя всю последнюю неделю, внушало страх. Совсем как в тех объявлениях по телику насчет ребят, пристрастившихся к наркотикам. Но ведь Брайан не стал бы принимать наркотики... правда?

Что-то в лице Брайана, когда тот направился в гараж, так напугало Шона, что он пошел рассказать об этом матери. Он точно не знал, что ей сказать, но, как оказалось, это не имело никакого значения, поскольку ему не удалось вымолвить ни слова. Она кружилась по спальне в купальном халате и тех идиотских темных очках из нового магазина.

— Мам, Бра... — начал он, и это было все, что он успел произнести.

— Уходи отсюда, Шон. Мамочка сейчас занята.

— Но, мам...

— Уходи, я сказала.

И прежде чем он успел выйти сам, она бесцеремонно вытолкнула его из спальни. Когда она толкала его, ее халат запахнул, и, прежде чем он успел отвернуться, он заметил, что под ним у нее ничего нет, даже ночной сорочки.

Она захлопнула за ним дверь. И заперла ее на ключ.

И вот теперь он стоял в дверях кухни и с тревогой ждал, когда же Брайан выйдет из гаража, но... Брайан не выходил.

Его тревога быстро росла и наконец превратилась в страх, с которым у него не хватало сил справиться. Шон вышел из кухни, пробежал по дорожке и вошел в гараж.

Внутри было темно, страшно жарко и пахло машинным маслом. В первую секунду он не заметил брата в полумраке и подумал, что тот, наверно, вышел через заднюю дверь во дворик. Потом глаза его привыкли к темноте и он издал слабый жалобный вскрик.

Брайан сидел у задней стены, рядом с газонокосилкой. Он держал в руках отцовское ружье. Приклад был уперт в пол. Дуло смотрело прямо ему в лицо. Одной рукой Брайан поддерживал ствол, а другой сжимал старый грязный бейсбольный вкладыш, который каким-то образом так перевернул всю его жизнь за одну прошедшую неделю.

— Брайан! — закричал Шон. — Что ты делаешь?

— Не подходи ближе, Шон, тебя забрызгает.

— Брайан, не надо! — закричал Шон и начал плакать. — Не будь таким слабаком! Ты... ты меня пугаешь!

— Я хочу, чтобы ты обещал мне кое-что, — сказал Брайан. Он стянул носки и кроссовки и теперь просовывал большой палец ноги в окантовку спускового крючка «ремингтона».

реальные плоды трудов мистера

Гонта, она находилась в конце городского шоссе № 3, возле участка старого Кембера. Она поехала туда сразу, как только закончила разговор с Аланом.

«Закончила? — подумала она. — Нет, дорогая, это звучит слишком цивилизованно. Как только ты швырнула трубку — ты это имела в виду?»

«Ладно, — согласилась она. — Как только я швырнула трубку. Но он вынюхивал за моей спиной. А когда я спросила его об этом, весь засуетился, а потом солгал. Он *солгал* мне. По-моему, такое поведение *заслуживает* нецивилизованного обращения».

Что-то неловко зашевелилось в ней в этот момент — что-то, может быть, и заговорившее, если бы она предоставила этому время и место, но она не дала ни того, ни другого. Она не желала никаких противоречивых голосов; вообще, по сути дела, не хотела думать о своем последнем разговоре с Аланом Пэнгборном. Она лишь хотела сделать свое дело здесь, в конце городского шоссе № 3, а потом вернуться домой. Дома, как только доберется туда, она собиралась принять холодную ванну, а потом часов на двенадцать или шестнадцать залечь в постель.

Тот голос в глубине сумел произнести лишь пять слов: «Но, Полли, ты не подумала...»

Нет. Она не подумала. Она полагала, что со временем ей придется подумать, но сейчас еще рано. Когда начнутся раздумья, начнется и боль. Сейчас же она хотела лишь сделать дело и... вообще ни о чем не думать.

Это место, как говорили некоторые, было полно призраков... Не так уж много лет назад двое людей — маленький мальчик и шериф Джордж Баннермэн — погибли во двореке этого дома. Двое других — Гарри Перивьер и сам Джо Кембер — умерли прямо у подножия холма. Полли припарковала свою машину возле того самого места, где женщина по имени Донна Трентон, однажды совершив роковую ошибку, остановила свой «форд-пинто» и вылезла из него. Азка качнулся между ее грудей, когда Полли затормозила.

С каким-то тяжелым чувством она окинула взглядом осевшее крыльцо, бесцветные стены, увитые плющом, и окна, почти все разбитые и уставившиеся на нее пустыми проемами. Кузнечики распевали свои идиотские песенки в траве, а горячее солнце жгло точно так же, как и в те кошмарные дни, когда Донна Трентон дралась здесь за свою жизнь и за жизнь своего сына.

«Что я здесь делаю? — подумала Полли. — Ради всего святого, что я здесь делаю?»

Но она прекрасно знала что, и это не имело никакого отношения ни к Алану Пэнгборну, ни к Келтону, ни к отделу детских пособий Сан-Франциско. Эта небольшая вылазка не имела ничего общего с любовью. Она родилась от боли — только и всего, но... этого было вполне достаточно.

Что-то было внутри маленького серебряного украшения. Что-то живое. Если она не выполнит свою часть сделки, которую заключила с Лиландом Гонтом, оно умрет. Она не знала, сумеет ли вынести, если ее снова будет раздирать та жуткая боль, которая разбудила ее в воскресенье утром. Если ей придется и дальше жить с такой болью, она покончит с собой.

— И это не против Алана, — прошептала она, направляясь к сараю с распахнутыми дверями и зловеще провисшей крышей. — Он сказал, что никогда не поднял бы на него руку.

«А почему это вообще тебя заботит?» — шепнул тот тревожный голосок внутри.

Ее заботило это, потому что она не хотела причинить вред Алану. Она злилась на него, да; была просто в ярости, но это не значило, что она должна опускаться до его уровня и поступать с ним так же низко, как он поступил с ней.

Но, Полли... ты не подумала...

Нет. *Нem!*

Она сыграет шутку с Эйсом Мерриллом, а на Эйса ей наплевать — она даже никогда его не видела, лишь знала по слухам. Шутка предназначалась Эйсу, но...

Но Алан, спровадивший когда-то Эйса Меррилла в Шоушэнк, каким-то образом был здесь замешан. Так говорило ей ее сердце.

А может она дать задний ход? Даже если захочет? Теперь был еще и Келтон. Мистер Гонт прямо не сказал ей, что известие о том, что случилось с ее сыном, обойдет весь город, если она не сделает все, как он велел, но... намекнул. А она не может допустить, чтобы это произошло.

Разве женщина не должна иметь собственную гордость? Когда все остальное пошло прахом, разве не должна она держаться хотя бы за это — последнюю свою монетку, без которой ее кошелек станет совсем пуст?

Да. И еще раз да. И еще раз.

Мистер Гонт сказал, что она найдет единственный инструмент, который ей понадобится, в сарае. И теперь Полли медленно шла в том направлении.

«Ступай туда, где твое место, но ступай туда живой, Триша, — говорила ей тетя Эвви. — Не будь призраком».

Но сейчас, входя в сарай Кембера мимо распахнутых и словно примерзших к своим ржавым петлям дверей, она ощутила себя привидением. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой призрачной. Азка шевельнулся между ее грудей... сейчас — сам по себе. Что-то есть там внутри. Что-то живое. Ей это не нравилось, но мысль о том, что произойдет, если эта штука умрет, нравилась ей еще меньше.

Она сделает то, что велел мистер Гонт, по крайней мере выполнит эту часть сделки, порвет свою связь с Аланом (теперь-то она видела и видела яснее ясного, что ошибкой было вообще начинать ее) и оставит свое прошлое при себе. Почему бы и нет?

В конце концов это ведь такая малость.

2

Лопата оказалась именно там, где он сказал, — стояла у одной из стен в пыльном луче пробивающегося сквозь щель в стене солнца. Полли взялась за гладкую, отполированную многими руками ручку.

Вдруг ей показалось, что она услышала тихое низкое рычание, донесшееся из тени сарая, словно взбесившийся сенбернар, убивший Большого Джорджа Баннермэна и послуживший причиной гибели Тада Трентона, был все еще здесь — восстал из мертвых и ждал своих новых жертв. Руки Полли покрылись гусиной кожей, и она торопливо вышла из сарая. Дворик тоже являл собой не очень радостное зрелище — с этим пустынным домом, уставившимся на нее, — но все же был лучше, чем сарай.

«Что я здесь делаю?» — снова горестно спросил внутренний голосок, и ответил ему голос тети Эвви: «Становишься призраком, вот что ты делаешь. Ты становишься призраком».

Полли зажмурилась.

— Прекрати! — яростно прошептала она. — Сейчас же *прекрати* !

— Вот это верно, — сказал Лиланд Гонт. — И потом, экая важность ? Это всего лишь маленькая безобидная шутка. А если от нее и случится что-то серьезное — разумеется, этого не произойдет, по предположим, — кто тому будет виной?

— Алан, — прошептала она. Ее глаза беспокойно бегали, а руки нервно сжимались и разжимались. — Если бы он был здесь и поговорил со мной... Если бы он сам не отдалился от меня, не совал свой нос в то, что его не касается...

Слабый голосок снова попытался было заговорить, но Лиланд Гонт вырубил его, прежде чем он смог произнести хоть одно словечко.

— И это верно, — сказал Гонт. — А насчет того, что ты здесь делаешь, Полли, — ответ очень простой: ты платишь. Вот что ты делаешь, и вот все, что ты делаешь. Призраки тут совершенно ни при чем. И запомни одно, потому что это самая простая и самая чудесная сторона коммерции: как только за вещь заплачено, она принадлежит тебе. Ты ведь и не рассчитывала, что такая чудесная штукавина окажется дешевой, верно? Но когда ты расплатишься, она станет твоей. Ты вольна распоряжаться, как хочешь, с тем, за что ты

заплатила. Ну а теперь ты так и будешь стоять здесь и слушать все эти старые испуганные голоса или сделаешь то, зачем пришла?

Полли снова открыла глаза. Азка неподвижно висел на конце цепочки. Если он и двигался раньше, в чем Полли уже не была уверена, то теперь замер. Дом был обыкновенным домом; слишком долго простоявший пустым, он теперь являл все неизбежные признаки запустения. Окна были не глазами, а обычными дырками с выбитыми стеклами — результат озорных мальчишеских игр. Если она и слышала что-то в сарае — а она уже не была уверена в этом, — то это был всего лишь треск рассыхающихся от необычной для октября жары досок.

Ее родители умерли. Ее прелестный маленький мальчик умер. И собака, которая так страшно терроризировала этот дворик в течение трех летних дней одиннадцать лет назад, тоже была мертва.

Никаких призраков не было и в помине.

— Включая и меня, — сказала она и пошла за сарай.

3

«Когда обойдете сарай сзади, — говорил мистер Гонт, — то увидите остатки старого трейлера». И она увидела его: «эйр-флоу» с серебряными бортиками, почти полностью скрытый золотистыми головками и высокими стеблями поздних подсолнухов.

«У левого края трейлера вы увидите большой плоский камень».

Она легко отыскала его. Камни такого размера обычно служили украшением сада.

«Отодвиньте камень и копайте. На глубине около двух футов вы найдете консервную банку «Криско».

Она отодвинула камень в сторону и начала копать. Меньше чем через пять минут лопата лязгнула о консервную банку. Она отшвырнула лопату и стала отбрасывать рыхлую землю пальцами, обрывая тонко сплетенную паутину корней. Через минуту она уже держала банку «Криско» в руках. Та была ржавой, но целехонькой. Сгнившая этикетка отстала от банки, и она увидела на ее обратной стороне рецепт: «Ананасовый торт с сюрпризом» (перечень ингредиентов был почти весь скрыт черными пятнами плесени) — и купон на срок годности, истекший в 1969-м. Она сунула пальцы под крышку банки и слегка поддела ее. Облачко воздуха, вырвавшегося изнутри, заставило Полли сморщить нос и на мгновение откинуть голову назад. Тот слабый внутренний голосок в последний раз попытался спросить ее, что она тут делает, но Полли заткнула его.

Она заглянула в банку и увидела то, о чем предупреждал ее мистер Гонт: пачку купонов «Голд Бонд» и несколько выцветших фотографий женщины, совершающей сексуальный акт с собакой породы колли.

Она вытащила все это, сунула в карман, а потом торопливо вытерла пальцы о свои джинсы, пообещав себе вымыть руки, как только представится такая возможность. От прикосновения к предметам, так долго пролежавшим под землей, у нее возникло гадливое ощущение чего-то нечистого.

Из другого своего кармана она вытащила запечатанный конверт. Заглавными буквами на нем было напечатано: ПОСЛАНИЕ БЕССТРАШНЫМ ОХОТНИКАМ ЗА КЛАДАМИ.

Полли положила конверт в консервную банку, закрыла ее крышкой и бросила обратно в яму. Лопатой она забросала яму землей — быстро и небрежно. Все, чего ей сейчас страстно хотелось, это убраться отсюда ко всем чертям...

Закончив, она торопливо направилась прочь. Лопату она забросила в высокие заросли сорняков. Она не собиралась тащить ее обратно в сарай, независимо от того, какими бы обыденными ни были объяснения тех звуков, которые она там слышала.

Добравшись до своей машины, она открыла сначала дверь со стороны пассажирского кресла, а потом «бардачок». Там она стала рыться в ворохе бумаг, пока не нашла старую коробку спичек. Лишь на четвертой спичке ей удалось разжечь маленький огонек. Боль в

руках почти совсем исчезла, но руки так сильно тряслись, что первые три спички она иссиркала напрасно.

Когда четвертая спичка загорелась, она зажала ее двумя пальцами правой руки — огонек был почти невидим на жарком полуденном солнце, — а левой вытащила из кармана джинсов скомканную пачку купонов и похабных снимков. Она поднесла огонек к пачке и держала его, пока не удостоверилась в том, что бумаги занялись пламенем. Тогда она убрала спичку и опустила пачку бумаг вниз, чтобы та получше разгорелась. Женщина на фотографиях была тощая, с провалившимися глазами, а собака выглядела запаршивевшей и достаточно умной, чтобы смущаться. Глядя, как верхняя фотография начинает тлеть и покрываться коричневым налетом, Полли испытала чувство облегчения. Когда снимки стали съезживаться, она швырнула горящую пачку в грязь, где когда-то женщина до смерти забила другую собаку — та была сенбернаром — бейсбольной битой.

Огонь разгорелся сильнее. Пачка купонов и фотографий быстро превращалась в черную золу. Пламя полыхнуло в последний раз и исчезло, и... в ту же секунду, разрушив неподвижность воздуха, прошелестел неожиданный ветерок и выдул кучу искр из горстки золы. Искорки взметнулись вверх маленьким фонтанчиком, и Полли проводила его расширившимися от испуга глазами. Откуда взялся сейчас этот порыв ветра, а?

«Ну хватит, пожалуйста! Неужели ты не можешь прекратить эти дурац...»

В этот момент низкое рычание — словно плавно работающего мотора — снова раздалось из горячей темной утробы сарая. Это не было игрой ее воображения, и это не было потрескиванием досок.

Это была собака.

Полли посмотрела туда с испугом и увидела два тускло мерцающих кружка света, уставившихся на нее из темноты.

Она обежала вокруг машины, в спешке больно ударившись бедром о правый борт, забралась внутрь, подняла все стекла, заперла все двери и повернула ключ в зажигании. Мотор рыкнул, но... не завелся.

«Никто не знает, где я, — сообразила она. — Никто, кроме мистера Гонта... А он никому не скажет».

На мгновение она представила себя в ловушке, в которую попала когда-то Донна Трентон с сынишкой, а потом... мотор проснулся, взревел, и она так торопливо подала назад, что едва не угодила в канаву по другую сторону шоссе. Она врубила передачу и помчалась обратно в город с такой скоростью, на которую только могла отважиться.

Она совершенно забыла про то, что собиралась вымыть руки.

4

Эйс Меррилл выбрался из постели примерно в то же время, когда Брайан Раск разнес себе голову в тридцати милях от него.

Он пошел в ванную, стаскивая по дороге грязные трусы, и мочился там, должно быть, целый час или два. Потом поднял одну руку, понюхал свою подмышку, кинул взгляд на душ и решил не принимать его. Впереди у него был большой день. Душ мог подождать.

Он вышел из ванной, не потрудившись спустить за собой воду — «после нас — хоть потоп» было немалой составной частью философии Эйса, — и направился прямо к шкафу, где на карманном зеркальце для бритья лежал остаток зелья мистера Гонта. Отличная штука — прохладно в носу, горячо в мозгу. Однако порошок уже был на исходе. Эйсу потребовалось здорово подзарядиться прошлой ночью, как и предупреждал мистер Гонт, но он почти не сомневался, что там, откуда это взялось, еще много осталось.

Эйс воспользовался краешком своих водительских прав, чтобы разделить остаток на несколько полосок. Он вытряхнул их себе в нос с помощью свернутой в трубочку пятидолларовой бумажки, и в голове у него взорвалось что-то вроде ядерной боеголовки.

— Буум! — крикнул Эйс Меррилл в лучших традициях Волка из мультиков «Уорнер

Бразерс». — А не поглядеть ли нам видюшник?

Он натянул полинявшие джинсы прямо на голое тело и влез в майку «Харлей Дэвидсон». Это как раз то, что все уважающие себя охотники за сокровищами носят в этом году, подумал он и дико расхохотался. Черт, порошок — ну просто прелесть!

Он уже стоял у двери, когда взгляд его упал на добычу прошлой ночи, и он вспомнил, что собирался звякнуть Нэгу Копленду в Портсмут. Он вернулся в спальню, порывшись в одежде, грязным комком валявшейся на шкафчике, и в конце концов отыскал мятую записную книжку. Он пошел на кухню, уселся за стол и набрал номер. Вряд ли он, конечно, застанет Нэта на месте, но все равно попробовать стоило. Кокаин разливался приятным звоном у него в голове, но он уже чувствовал, как первый подъем начинает улетучиваться. Доза кокаина делает из вас нового человека. Есть лишь один минус: первое, что требуется этому новому человеку, это еще одна доза, а запас Эйса был строго ограничен.

— Да-а? — раздался усталый голос возле его уха, и Эйс понял, что снова попал в десятку — ему везло.

— Нэт! — закричал он.

— Какой козел там орет?

— Это я, старина! Я!

— Эйс? Это ты?

— Кто же еще? Как делишки, Нэтти?

— Бывало и получше. — Нэт явно не испытывал большого прилива радости, услышав голос старого дружка по Шоушэнку. — Чего тебе надо, Эйс?

— Ну вот, разве так разговаривают с корешами? — обиженноотреагировал Эйс. Он прижал трубку к уху плечом и подвинул к себе пару ржавых консервных банок.

Одну из них он выкопал за домом старого Треблхорна, а другую нашел в яме погреба на ферме старого Мастерса, которая сгорела дотла, когда Эйсу не исполнилось и десяти лет. Содержимым первой банки оказались четыре пачки Зеленых Марок и несколько перевязанных пакетиков с сигаретными купонами. Во второй лежали несколько листов с разными купонами и шесть свертков с центами. Только они не были похожи на обычные центы.

Они были белыми.

— Может, я просто хотел поболтать о твоих делах, — поддразнил его Эйс. — Проверить, не отстают ли у тебя плитки в ванной, нет ли перебоев с газом. В таком разрезе...

— Чего тебе надо, Эйс? — устало повторил Нэт Копленд.

Эйс вытащил из старой банки один сверток. Бумага выцвела и из лиловой стала бледно-розовой. Он вытряхнул две монетки себе на ладонь и с любопытством уставился на них. Если кто-то и разбирается в таких штуковинах, то это, конечно, старина Нэт Копленд.

Когда-то он владел в Киттери магазином под названием «Монеты из коллекции Копленда». У него была и собственная коллекция монет, входившая в десятку лучших коллекций Новой Англии, по крайней мере если верить самому Нэту. Потом он тоже открыл для себя всю прелесть кокаина. За четыре или пять лет после этого открытия он спустил всю свою коллекцию, монету за монетой, чтобы ублажить нюх. В 1985-м полиция, прибывшая по сигналу бесшумной системы охраны в нумизматический магазин «Длинный Джон — монеты» в Портленде, обнаружила в задней комнате Нэта Копленда, набивавшего серебряными долларами

«Леди Свобода» свою кожаную сумку. Эйс познакомился с ним вскоре после этого.

— Ну что ж, мне в самом деле надо тебя кое о чем спросить.

— Спросить? И это все?

— И это все, мой верный дружочек.

— Ладно. — Голос Нэта потеплел, но — самую малость. — Тогда спрашивай. У меня мало времени.

— Точно, — согласился Эйс. — Дела, дела, дела. Всюду поспеть, всех сожрать, я прав, Нэтти? — и он засмеялся безумным смехом.

Дело было не только в принятой дозе; такой уж был денек. Он не сомкнул глаз до рассвета; кокаин заставил его бодрствовать почти до десяти утра, несмотря на задернутые шторы и физическую нагрузку, и он по-прежнему готов был жрать стальные решетки и плевать толстыми гвоздями. А почему бы и нет? Почему же, мать вашу, *нет*? Он был на пороге огромного богатства. Он знал это — чувствовал это всеми фибрами своей душонки.

— Эйс, у тебя на самом деле что-то есть на том, что ты называешь своим умом, или ты звонишь просто поморочить мне голову?

— Нет, я не морочу тебе голову. Поделись со мной одним крутым секретом, Нэтти, и тогда я, может быть, тоже поделюсь крутым секретом с тобой. Очень крутым.

— Серьезно? — Голос Нэтта Копленда моментально смягчился, стал вкрадчивым, почти благоговейным. — Ты мне не вешаешь лапшу, Эйс?

— Это лучшая лапша, какая у меня была, Нэтти-Недотрога. Так-то, дружок.

— И ты берешь меня в долю?

— Можешь не сомневаться, — сказал Эйс, никоим образом не собираясь этого делать. Он вытряхнул еще три или четыре необычных монетки из старой выцветшей упаковки и пальцем подровнял их в один ряд. — Но ты должен оказать мне любезность.

— Говори.

— Что тебе известно про белые центы?

На другом конце возникла пауза. Потом Нэт осторожно спросил?

— Белые центы? Ты имеешь в виду стальные центы?

— Я не знаю, что я имею в виду, — ты коллекционируешь монеты, а не я.

— Взгляни на дату выпуска. Посмотри, они с сорок первого по сорок пятый?

Эйс перевернул лежащие перед ним центы. Один был 1941-го; четыре — 43-го; последний — 45-го года.

— Ага. Точно. Сколько они стоят, Нэт? — Он попытался не выдать голосом волнения, но это ему не совсем удалось.

— Не много, если сдавать по одному, — сказал Нэт, — но намного больше, чем обычные центы. Может, по два доллара за штуку. Если они не бэо.

— Что это значит?

— Не бывшие в обращении. В хорошем состоянии. У тебя их много, Эйс?

— Не очень, — сказал Эйс. — Не очень, Нэтти-дружочек. — Но он был разочарован. Всего у него шесть свертков, значит, три сотни монет, и те, что лежали перед ним, были, на его взгляд, не в самом прекрасном виде. Не так, чтобы уж совсем замусоленные, но далеко не сверкающие новизной. Шестьсот долларов, максимум — восемьсот. Вряд ли тянет на большой куш.

— Привози их сюда и дай мне взглянуть, — предложил Нэт. — Я могу заплатить тебе по потолку. — Он колебался и добавил: — И привези с собой немножко этого твоего пороха.

— Я подумаю, — сказал Эйс.

— Эй, стой! Эйс, не вешай трубку!

— Отсоси-ка, Нэтти! — ответил Эйс и нажал на рычаг.

Некоторое время он не двигался, склонившись над свертками с монетками и двумя ржавыми банками. Во всем этом было что-то дикое. Бесполезные купоны и стальные центы на шестьсот долларов. Ну и с чем это едят?

Вот гадство, подумал Эйс. Это вообще ни с чем не едят. Где настоящие бабки? Где этот проклятый *клад*?

Он встал из-за стола, пошел в спальню и втянул в себя остаток дозы, которой ссудил его мистер Гонт. Когда он снова вернулся в кухню, в руках у него была книжка с картой внутри и чувствовал он себя намного веселей. Это все-таки *едят*. И *едят* прекрасно. Теперь, когда слегка прочистил себе мозги, он это понял.

В конце концов на карте было полно крестиков. Обе находки он сделал как раз в тех местах, на которые указывали крестики, — каждое было отмечено большим плоским камнем.

Крестики + плоские камни = закопанные сокровища. Похоже, у Папаши мозги размякли к старости чуть больше, чем полагали горожане. Похоже, он под занавес уже с трудом отличал бриллианты от углей, но настоящий клад — золото, наличность, быть может, ценные бумаги — все равно должен быть где-то под одним или несколькими плоскими камнями.

Он это доказал. Его дядюшка закопал не только старые заплесневевшие купоны, но и кое-что ценное. На старой ферме Мастерса он нашел шесть свертков стальных центов, стоивших по меньшей мере шестьсот долларов. Не так уж много, но... Это верный знак.

— Сокровища там, — тихо произнес Эйс. Глаза его сверкали сумасшедшим блеском. — Они все — там, в одной из семи ям. Или в двух. Или в трех.

Он *знал* это.

Он вытащил из книги коричневый листок-карту и стал водить по нему пальцем от одного крестика к другому, прикидывая, где скорее всего может находиться клад. Палец Эйса застрял на участке старого Джо Кембера. Это было единственное место, где два крестика стояли рядом друг с другом. Его палец стал медленно двигаться от одного к другому.

Джо Кембер погиб при трагических обстоятельствах, унесших еще три жизни. Его жена с сынишкой были в это время в отъезде. На отдыхе. У людей вроде Кемберов обычно отдыха не бывает, но везунчик Кембер выиграл какие-то бабки в государственной лотерее, припоминал Эйс. Он попытался вспомнить еще что-нибудь, но мозг застилал туман. У него своих забот хватает — полным-полно.

Что же сделала миссис Кембер, когда, вернувшись с сынишкой из небольшого путешествия, обнаружила, что Джо — выдающийся говнюк, судя по всему, что слышал о нем Эйс, — мертв? Они уехали из штата — так? А недвижимость? Возможно, она захотела побыстрее все продать. В Касл-Роке же, когда речь шла о спешной продаже, одно имя всплывало над всеми остальными; имя это было Реджиналд Марион — Папаша Меррилл. Приходила она к нему? Он предложил бы ей быструю и дешевую сделку — это было в его манере, — но если она торопилась уехать, быстрая и дешевая сделка могла ей как раз подойти. Проще говоря, к тому времени, когда Папаша отдал концы, собственность Кембера вполне могла принадлежать ему.

Вероятность такого поворота событий превратилась в мозгу Эйса в непоколебимую уверенность через несколько мгновений после того, как мысль вообще пришла ему в голову.

— Участок Кембера, — сказал он. — Ручаюсь, оно там! Я знаю — оно там!

Тысячи долларов! Быть может, десятки тысяч! Боже милостивый!

Он сложил карту, сунул ее обратно в книгу, а потом снова вприпрыжку ринулся к «шевроле», который одолжил ему мистер Гонт.

Правда, не давал покоя еще один вопрос: если Папаша все-таки был способен отличить алмазы от углей, зачем он вообще закапывал купоны?

Эйс нетерпеливо отогнал от себя эту мысль и выехал на шоссе, ведущее в Касл-Рок.

5

Дэнфорт Китон вернулся к себе домой на Касл-Вью, как раз когда Эйс направлялся в окраинные районы города. Зануда все еще был прикован к дверной ручке своего «кадиллака», но пребывал в состоянии дикой эйфории. Последние два года он неустанно сражался с тенями, и тени все время побеждали. Дело дошло до той точки, где он стал опасаться, что, быть может, сходит с ума... Во что, разумеется, они и стремились заставить его поверить.

По пути с Мейн-стрит домой он видел несколько спутниковых антенн на Вью. Ему доводилось замечать их и раньше, и он уже не раз задавал себе вопрос, не участвуют ли они в том, что происходит в городе. Теперь он был в этом уверен. Это были вовсе не спутниковые антенны, а разрушители мозгов. Быть может, и не все они направлены на его дом, но, уж будьте уверены, остальные были нацелены на нескольких горожан вроде него, которые понимали, что жуткий заговор уже набирает силу.

Зануда остановился на подъездной дорожке к своему дому и нажал на дистанционный пульт гаража, прикрепленный к солнцезащитному фильтру. Дверь гаража начала подниматься, но в то же мгновение он почувствовал дикий приступ головной боли. Он понял, что это — тоже часть заговора: ОНИ заменили настоящий пульт чем-то другим, чем-то, открывающим гараж и одновременно посылающим вредные лучи в его голову. Он оторвал пульт от фильтра и вышвырнул в окошко, прежде чем заехать в гараж.

Включив двигатель, он открыл дверцу и вылез из машины. Наручник приковывал его к дверце так же прочно, как цепь каторжника. На полках лежали аккуратно сложенные инструменты, но дотянуться до них он никак не мог. Зануда снова нырнул в машину и начал сигналить.

6

Когда раздался гудок, Миртл Китон, которая сегодня днем была вынуждена выполнить свое задание, лежала на кровати наверху в тревожном полузабытьи. Она резко села и вытаращила в ужасе глаза.

— *Я же сделала это!* — выдохнула она. — Я сделала то, что вы мне велели, а теперь, пожалуйста, оставьте меня в

покое! — Потом она сообразила, что уснула и что мистера Гонта здесь нет, и глубоко вздохнула, вся дрожа.

ТУУУ! ТУУУУУУ! ТУ-УУУ-УУУ-УУУУУУУУУУУУУУУУ!

Звук был похож на гудок «кадиллака». Она схватила куклу, лежащую рядом с ней на кровати — дивную куклу, которую купила в магазине мистера Гонта, — и прижала ее к себе, чтобы успокоиться. Она что-то сделала сегодня днем — что-то такое, что сумрачная и испуганная часть ее рассудка считала плохим поступком, очень плохим, — и с того момента кукла стала невыразимо дорога ей. Цена, как сказал бы мистер Гонт, всегда увеличивает ценность... во всяком случае, в глазах покупателя.

ТУУУ! ТУУУУУУУ! ТУУ-УУУУУУУ-УУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ!

Это действительно был гудок «кадиллака». Зачем Дэнфорт сидит в гараже и сигналит? Она решила, что ей стоит сходить и посмотреть.

— Но лучше ему не обижать мою куклу, — тихим голосом произнесла она. Она осторожно уложила ее под кровать со своей стороны. — Лучше ему не трогать ее, потому что здесь я провела последнюю черту.

Миртл была одной из многих, посетивших в этот день «Самое необходимое», — просто еще одним именем, против которого стояла галочка в списке мистера Гонта. Пришла она, как и все остальные, потому что мистер Гонт велел ей прийти. Известие об этом она получила тем способом, который прекрасно понял бы ее муж: она услышала голос в собственной голове.

Мистер Гонт сказал, что настало время расплатиться до конца за куклу... если она хочет сохранить ее у себя — не иначе. Она должна была отнести металлическую коробку и запечатанное письмо в Зал Дочерей Изабеллы, рядом с церковью Богоматери на Чистых Водах. В коробке были круглые дырочки со всех сторон, кроме донышка. Изнутри она слышала слабое тиканье. Она попыталась заглянуть в одну из дырочек — все это походило на устаревший динамик настольного радио, — но сумела разглядеть лишь тусклый предмет кубической формы. И, по правде говоря, она не очень-то всматривалась. Казалось, лучше этого не делать — Как-то... безопаснее.

На парковочной стоянке возле маленьких церквушек стояла машина, когда Миртл пришла туда пешком. Однако Холл церкви был пуст. Она заглянула за табличку, приклеенную к окошку в верхней части двери, чтобы убедиться в этом, а потом прочитала надпись на табличке:

ДОЧЕРИ ИЗАБЕЛЛЫ!

СОБРАНИЕ ВО ВТОРНИК В 19.00
ПОМОГИТЕ ОРГАНИЗОВАТЬ НОЧЬ КАЗИНО!

Миртл проскользнула внутрь. Слева от нее размещались ярко раскрашенные полки с ящичками, стоявшие у стены, — здесь детишки с продленки держали свои завтраки, а ребяташки из воскресной школы хранили рисунки и домашние работы. Миртл было велено положить посылку в один из этих ящичков, что она и сделала. Коробка точно подошла по размеру. В передней части комнаты стоял стол председательши с американским флагом по левую сторону и плакатом с изображением Пражского инфанта — по правую. Стол был уже приготовлен для вечернего собрания — с разложенными ручками, карандашами, подписными листами на Ночь Казино и с памятной книжкой председательши — в самом центре. Миртл положила конверт, который дал ей мистер Гонт, под эту книжку, чтобы Бетси Вайге, председательша комитета Дочерей Изабеллы в этом году, увидела ее сразу, как только поднимет свой блокнот.

ПРОЧТИ ЭТО СРАЗУ — ТЫ, ПАПИСТСКАЯ ШЛЮХА, — гласила напечатанная заглавными буквами надпись на конверте.

С бешено колотящимся в груди сердцем и давлением, подскочившим до луны, Миртл выскользнула на цыпочках из Зала Дочерей Изабеллы. Она на мгновение задержалась снаружи, прижав руку к обширной груди и стараясь перевести дух, и...

Увидела, как кто-то торопливо выходит из Колумбус-холла, находившегося прямо за церковью.

Это была Джун Гауникс. Она выглядела такой же испуганной и виноватой, какой ощущала себя Миртл. Женщина так поспешно соскочила со ступенек, что едва не упала, и торопливо пошла к одинокой «тачке» на стоянке, выбивая низенькими каблучками быструю дробь по асфальту.

Она подняла взгляд, увидела Миртл и побледнела. Потом она вгляделась пристальнее в лицо Миртл и... все поняла.

— Ты тоже? — тихо спросила она. Странная ухмылка — веселая и в то же время гаденькая — озарила ее физиономию. Такое выражение бывает на лице обычно послушного ребенка, который, сам не понимая зачем, подложил дохлую мышь в ящик стола своей любимой учительницы.

Миртл ощутила, как точно такая же ухмылка растягивает ее собственные губы. Тем не менее она попыталась изобразить непонимание:

— Ради Бога! Я не знаю, о чем ты!

— Знаешь. — Джун быстро огляделась вокруг, но кроме двух женщин в этот странный полдень поблизости никого не было. — Мистер Гонт.

Миртл кивнула и почувствовала, как ее щеки ярко и непривычно вспыхивают.

— Что ты купила? — спросила Джун.

— Куклу. А *ты* что купила?

— Вазу. Самую потрясающую вазу клуазонне¹⁸ на свете.

— А что ты там делала?

Смущенно улыбнувшись, Джун парировала:

— А *ты* что?

— Да так, ерунда. — Миртл оглянулась на Зал Дочерей Изабеллы и фыркнула. — В любом случае какая разница? Они всего лишь католики.

— Это верно, — ответила Джун (сама — бывшая католичка) и направилась к своей машине. Миртл не просила ее подвезти, а Джун Гауникс — не предложила. Миртл торопливо пошла прочь со стоянки и даже не подняла взгляд, когда Джун промчалась мимо нее в своем белом «сатурне». Все, чего хотелось сейчас Миртл, это пойти домой и

¹⁸ Перегородчатая эмаль.

— Не это, тупица, — сказал он. — Это дрель. Я что, дрель просил? А?
— Но, Дэнфорт... О-оо! Я же ничего не вижу!
— Ты, наверно, хочешь, чтобы я тебя отпустил. Тогда ты сможешь побежать в дом и позвонить Им, верно?

— Я не понимаю, о чем ты?
— Ну, еще бы. Ты же просто маленький невинный ягненок. И совершенно случайно убрала меня с дороги в воскресенье, чтобы этот недоделанный помощник шерифа мог спокойно понавешать те вшивые наклейки по всему дому, — ты ждешь, что я в это поверю?

Она обернулась и взглянула на него из-под распатланных волос. Кровь бусинками застыла на ее ресницах.

— Но... Но, Дэнфорт... Это ты пригласил меня в воскресенье. Ты сказал...
Он с силой дернул ее за волосы. Миртл закричала.
— А ну подай то, что я просил. Мы еще обсудим это позже.
С опущенной головой и волосами (кроме тех прядей, что сжимал Зануда), закрывающими лицо, она снова стала шарить руками по стене. Ее пальцы наткнулись на большую отвертку.

— Это — раз, — сказал он. — Давай теперь попробуем — два, если не возражаешь. ,
Она пошарила еще, и наконец ее дрожащие пальцы наткнулись на резиновый чехол, покрывающий рукоятку слесарного молотка.

— Хорошо. Теперь давай их мне.
Она стащила молоток с крючка, и он потянул ее. Отпустил ее волосы, готовый в любую секунду схватить их снова, если только она дернется и попробует убежать. Миртл не шевелилась. Она была окончательно запугана и хотела лишь, чтобы ее отпустили наверх, где она обнимет свою чудесную куклу и уснет. Она хотела заснуть навсегда.

Он взял инструменты из ее безвольных рук, приставил кончик отвертки к дверной ручке и несколько раз ударил по ней молотком. На четвертом ударе ручка отскочила. Зануда снял с нее кольцо наручника, а потом бросил отвертку и ручку на бетонный пол. Первым делом он нажал на кнопку, закрывающую дверь гаража, а потом, когда она со скрипом поползла вниз, приблизился к Миртл с молотком в руке.

— Ты спала с ним, Миртл? — мягко спросил он.
— Что?! — Она посмотрела на него вялым, апатичным взглядом.
Зануда принялся постукивать молотком по своей ладони. Удары о плоть были мягкими — тук! тук! тук!

— Ты спала с ним, после того как вы вдвоем понавешали эти чертовы розовые листки по всему дому?

Она тупо смотрела на него, не понимая, а сам Зануда совершенно забыл, что она была с ним в «У Мориса», когда сюда вломился Риджвик и проделал все это.

— Зануда, о чем ты го...
Он застыл с вытаращенными глазами.
— *Как ты меня назвала?*

Апатию как ветром сдуло. Она стала пятиться, инстинктивно съежившись. Гаражная дверь опустилась до конца. Теперь единственными звуками, раздававшимися в гараже, было шарканье ног и легонькое позвякивание наручников.

— Прости, — прошептала она. — Прости меня, Дэнфорт. — И она повернулась и побежала к кухонной двери.

Он настиг ее в трех шагах от двери, снова ухватил за волосы и притянул к себе.
— *Как ты меня назвала?!!* — заорал он и поднял молоток.
Ее взгляд, прикованный к молотку, взметнулся вверх.
— Дэнфорт, нет! Пожалуйста!..
— Как ты меня назвала? Как ты меня назвала?..

Он выкрикивал это снова и снова и каждый раз, задавая вопрос, сопровождал его тем мягким звуком ударов о живую плоть: тук! тук! тук!

Эйс приехал во дворик Кембера в пять часов. Он сунул карту сокровищ в задний карман джинсов, а потом открыл багажник. Оттуда он достал ломик и лопату, о которых своевременно позаботился мистер Гонт, и подошел к заросшему, покосившемуся крыльцу. Достав из кармана карту, он уселся на ступеньку, чтобы как следует изучить ее. Кратковременный эффект кокаина улетучился, но сердце по-прежнему учащенно билось. Поиск сокровищ, как он обнаружил, тоже был своего рода допингом.

На мгновение он поднял взгляд и быстро огляделся вокруг — поросший сорняками двор, полусгнивший сарай, кучки слепо уставившихся в небо подсолнухов. «Не фонтан, но все равно, по-моему, это здесь, — подумал он. — Вот на этом самом месте я навсегда обставлю братьев Корсон и разбогатею. Это здесь — или все сокровища, или часть. Прямо вот тут. Я чувствую».

Но он больше чем чувствовал — он слышал, как клад тихонько напевает ему, напевает из-под земли. Не десятки тысяч, а сотни тысяч. Может быть, даже около миллиона.

— Миллион долларов, — сдавленно прошептал Эйс и склонился над картой.

Пять минут спустя он уже пробирался к западному крылу дома Кемберов. Почти весь путь зарос высокими сорняками, но в конце концов он нашел то, что искал, — большой плоский камень. Он поднял его, отшвырнул в сторону и принялся неистово копать. Гие прошло и двух минут, как острие лопаты звякнуло о металл. Эйс упал на колени, завозился в грязи, как собака, откапывающая спрятанную кость, и через минуту вырыл закопанную банку из-под краски «Шервин-Уильямс».

Большинство постоянных нюхачей кокаина с таким же постоянством грызут свои ногти, и Эйс не был исключением. У него не было ногтей, и он никак не мог открыть крышку. Краска вокруг ободка засохла и держала ее крепко. С яростным рычанием Эйс вытащил карманный нож, сунул лезвие под ободок, нажал, и крышка отлетела. Он жадно полез внутрь.

Чеки!

Пачки и пачки чеков!

С криком он схватил их, вытащил, и... увидел, что жадность его обманула. Это были всего лишь купоны. На этот раз — «Ред Болле», действительные лишь на юге линии Мейсон — Диксон... да и то только до 1964-го, пока компания не свернула дела.

— Спичек на это говно жалко! — заорал Эйс и отшвырнул купоны. Пачки развязались, их подхватил неведомо откуда взявшийся горячий ветерок и понес прочь. Несколько бумажек застряли в сорной траве и повисли там, как грязные флажки. — Сволочь! Ублюдок! Сукин сын!

Он полез в глубь банки, даже перевернул ее, посмотреть, не прилипло ли что-нибудь к доньшку, но ничего больше не нашел. Отшвырнув банку прочь, он секунду тупо смотрел на нее, а потом подскочил и поддал ее ногой, как футбольный мяч.

Он снова полез в карман за картой. На мгновение его охватила жуткая паника, когда ему почудилось, что ее там нет, что он каким-то образом ухитрился потерять ее, но он лишь второпях засунул ее в самую глубь кармана. Он вытащил карту и развернул. Второй крестик находился сразу за сараем, и... неожиданно Эйсу пришла в голову восхитительная мысль, осветившая злобную тьму его рассудка.

Банка, которую он только что выкопал, служила отвлекающим маневром! Папаша мог подумать, что кто-то может обратить внимание, что он отметил разные места на своей земле плоскими камнями. Потому он и устроил старый фокус «заглоти червячка» здесь, на участке Кембера. Для пущей безопасности. Охотник, нашедший одну пустышку, в жизни не догадается, что есть другая отметина, на том же самом участке, только в более укромном местечке...

— Если только у него нет карты, — прошептал Эйс, — какая есть у меня.

Он подхватил лопату с ломиком и с вытаращенными глазами и развевающимися патлами седеющих волос устремился к сараю.

9

Он увидел старый трейлер «эйр-флоу» и побежал к нему, но когда был уже почти рядом, его нога зацепилась за что-то, и он растянулся прямо на земле. В мгновение ока он вскочил на ноги, огляделся и тут же увидел, обо что споткнулся.

Это была лопата. Со свежей землей на лезвии.

Плохое предчувствие начало закрадываться в голову Эйса; очень плохое. Оно зародилось в животе, потом подскочило вверх — к груди, а потом прыгнуло вниз — в самые яйца. Очень медленно губы его поползли кверху и в мерзком оскале обнажили зубы.

Он поднялся на ноги и увидел рядом камень-отметину, лежащий грязной стороной вверх. Его уже отбрасывали в сторону. Кто-то успел побывать здесь... причем, судя по всему, недавно. Кто-то опередил его в поисках клада.

— Нет, — прошептал он. Слово выпало из его оскаленного рта, как капля заразной крови или ядовитой слюны. — *Нет!*

Неподалеку от лопаты и перевернутого камня Эйс увидел кучку свежей земли, небрежно набросанной обратно в яму. Не трогая свои собственные инструменты и лопату, которую оставил вор, Эйс снова упал на колени и принялся руками выгребать землю из ямы. Через несколько секунд он наткнулся на консервную банку «Криско».

Он вытащил ее и сорвал крышку.

Внутри ничего не было, кроме белого конверта.

Эйс вытащил его и надорвал; из него вылетели два предмета: сложенный листок бумаги и еще один конверт — поменьше. Конверт Эйс оставил на потом и развернул лист бумаги. Это была записка с напечатанным на машинке текстом. У него отвисла челюсть, когда в самом верху листка он прочитал свое собственное имя:

Дорогой Эйс!

Я не уверен, что ты найдешь это, но закон не запрещает мне надеяться. Было очень забавно отправить тебя в Шоушэнк, но это было даже к лучшему. Жаль, что я не увижу твоей физиономии, когда ты закончишь это читать!

Вскоре после того, как я отправил тебя загорать, я навестил Папашу. Честно говоря, я навещал его довольно часто — примерно раз в месяц. Мы заключили соглашение: он платил мне сотню в месяц, а я закрывал глаза на его незаконные займы. Все очень культурно. Во время того визита,

о котором идет речь, он извинился и отлучился в сортир: «Чего-то съел», — сказал он. Ха-ха! Я воспользовался случаем и заглянул в его письменный стол, который он забыл запереть. Такая небрежность была не в его стиле, но, похоже, он боялся, что обделает портки, если срочно не сядет на толчок. Ха!

Я нашел только одну интересную вещь, но какую! Она была похожа на карту. На ней было полно крестиков, но один крестик — отмечавший как раз это место — был красный. Я положил карту обратно в стол до того, как Папаша вернулся. Он так и не узнал, что я видел ее. Я приехал сюда сразу после того, как он погиб, и выкопал эту жестянку из-под «Криско». Эйс, в ней было больше двухсот тысяч долларов. Но ты не волнуйся — я решил поделиться, что называется, «по справедливости» и оставляю тебе ровно столько, сколько ты заслужил.

Добро пожаловать обратно в город, Эйс Жона!

Искренне твой Алан Пэнгборн, шериф округа Касл.

P.S. Один мудрый совет, Эйс: теперь, когда ты все знаешь, бери свою долю и забудь обо всем. Знаешь ведь старую поговорку — что нашел, то твое. Если когда-нибудь

попробуешь доставать меня насчет дядюшкиных бабок, я тебе просверлю вторую дырку в заднице и засуну туда твою бабку.

Можешь мне поверить.

А.П.

Эйс выронил листок из онемевших пальцев и открыл второй конверт.

Оттуда выпала бумажка — купюра достоинством в один доллар.

...Я решил поделиться, что называется, «по справедливости» и оставляю тебе ровно столько, сколько ты заслужил.

— Ах ты, козел драный, — прошептал Эйс и трясущимися пальцами поднял долларовую бумажку.

Добро пожаловать обратно в город, Эйс Жона!

— Ах ты **СУКИН СЫН!** — заорал Эйс так громко, что в глотке у него что-то задрожало и чуть не порвалось. Послышалось слабое эхо: «...сын... сын... сын...»

Он начал рвать доллар, а потом усилием воли заставил себя успокоиться.

Вот так. И не иначе.

Он сохранит эту бумажку. Сукин сын хотел прикарманить деньги Папаши, так? Он спер то, что по праву принадлежало единственному живому родственнику Папаши, так? Что ж, ладно. Хорошо. *Отлично*. Но он должен тогда получить *все*. И Эйс об этом позаботится. И когда он вырежет ублюдку яйца своим карманным ножом, он обязательно засунет в кровавую дырку на их месте эту долларовую бумажку.

— Хочешь денежки, Папочка? — спросил Эйс мягким, мурлыкающим голосом. — Ладно. Идет. Нет проблем. Никаких... твою мать... проблем.

Он поднялся на ноги и двинулся обратно к машине не обычной своей легкой походкой, а каким-то ее скрюченным, окостеневшим вариантом.

На полпути он уже почти бежал.

Часть третья Все проходит

Глава 19

1

Уже без четверти шесть мрачные сумерки начали напозать на Касл-Рок; отблески молний засверкали на горизонте с южной стороны. Стали доноситься отдаленные глухие раскаты грома. Тучи надвигались на город, разрастаясь по мере приближения. Уличные фонари, управляемые фотоэлементами, включились на полную мощность на полчаса раньше обычного для этого времени года.

В нижней части Мейн-стрит царило столпотворение. Улица была заполнена машинами полиции штата и телевизионными автобусами. Звонки радиотелефонов разрывали треском горячий неподвижный воздух. Телевизионщики растягивали кабель и орали на людей — в основном ребятишек, — которые задевали его части, еще не прикрепленные к мостовой. Фотографы четырех ежедневных газет стояли возле оцепления, сомкнувшего кольцо вокруг здания муниципалитета, и делали снимки, которые должны были появиться на первых полосах на следующий день. Несколько местных жителей — на удивление мало, если кто-то удосужился это отметить, — чесали в затылке. Корреспондент телевидения стоял, освещенный мощным прожектором, и записывал на пленку свой репортаж на фоне здания муниципалитета.

— Безжалостная волна насилия прокатилась сегодня днем по Касл-Року, — начал он и

замолк. — Прокатилась? — с отвращением переспросил он сам себя. — Черт, давайте начнем все заново.

Слева от него пижон-телевизионщик с другого канала наблюдал, как его команда готовилась к тому, что минут через двадцать станет живой сенсацией. Большинство зевак привлекли знакомые лица телекорреспондентов, а не оцепление, где ничего не происходило после того, как двое санитаров «скорой помощи» вынесли тело невезучего Лестера Пратта в черном пластиковом мешке, погрузили его в машину и укатали.

Верхняя часть Мейн-стрит, за исключением голубых мигалок патрульных полицейских машин и ярких кругов света от телевизионных прожекторов, была почти пуста.

Почти.

То и дело какая-нибудь машина или фургон останавливались возле «Самого необходимого». То и дело какой-нибудь пешеход заглядывал в новый магазин, огни в витрине которого не горели, а шторка на окне под зеленым тентом была опущена. То и дело кто-то из зевак, чешущих в затылке посреди Мейн-стрит, отделялся от кучки зрителей и шел вверх, мимо пустыря, где когда-то стоял «Чего изволите», мимо закрытого и темного ателье «Шейте сами» — к новому магазину.

Никто не замечал вереницы посетителей — ни полицейские, ни осветители с операторами, ни корреспонденты, ни большинство зевак. Все смотрели на МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, повернувшись спинами к тому месту, где в каких-нибудь трехстах ярдах от них преступление продолжалось.

Если бы какой-нибудь равнодушный наблюдатель все же пригляделся к «Самому необходимому», он (или она) быстро бы уловил однообразие происходящего. Посетители приближались. Посетители видели табличку в витрине, гласившую:

ЗАКРЫТО ДО ПОСЛЕДУЮЩИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Посетители отступали на шаг с одинаковым выражением раздражения и огорчения на своих физиономиях — они были похожи на страдающих наркоманов, обнаруживших, что поставщик товара не пришел туда, где обещал их встретить. Что же мне теперь делать? — говорили их лица. Большинство опять делали шаг вперед, чтобы перечитать табличку, словно повторное, более тщательное изучение каким-то образом изменит ее смысл.

Лишь некоторые из них садились в свои машины и уезжали или брели к зданию муниципалитета поглазеть на бесплатное представление — выглядели они какими-то сонными и смутно разочарованными. Однако лица остальных озаряла неожиданная догадка. Они были похожи на людей, вдруг ухвативших какую-то главную концепцию вроде того, как начертить схему простого предложения или как привести пару дробей к наименьшему общему знаменателю.

Эти заходили за угол, на узенькую аллею, идущую вдоль деловых зданий на Мейн-стрит, — ту самую аллею, где Эйс позавчера вечером припарковал «такер-талисман».

Футах в сорока продолговатая полоска желтого света вырывалась из открытой двери и падала на асфальт. Свет становился все ярче по мере того, как день превращался в вечер. В самой середине полосы лежала тень, словно силуэт плакальщика на похоронах, вырезанный из черного крепа. Тень, конечно, принадлежала мистеру Гонту.

Он поставил стол прямо в дверях, на столе стояла пустая коробка из-под сигар «Рои-Ган». В эту коробку он клал деньги, полученные от покупателей, и из нее же давал сдачу. Клиенты приближались робко, в некоторых случаях даже испуганно, но всех их объединяло одно: все они были обозлены, у каждого имелся на кого-то большой зуб. Некоторые — таких было немного — поворачивали назад, так и не дойдя до самодельного прилавка мистера Гонта. Кто-то пускался бежать, вытаращив глаза, словно увидел какого-то страшного злого духа, лижущего в темноте свои когти. Однако большинство оставалось совершать сделку. И как только Гонт добродушно заговаривал с ними, занимаясь этой

странной коммерцией с-заднего-хода в качестве чудесного отвлечения в конце длинного рабочего дня, они тут же успокаивались.

Мистер Гонт наслаждался своим магазином, но никогда не чувствовал себя так удобно за стеклами витрин и под крышей над головой, как здесь, на свежем воздухе, когда первые дуновения приближающейся грозы ерошили ему волосы. В магазине с его удобными лампочками под потолком над стендами все было неплохо, но... здесь — гораздо лучше. И *всегда* было лучше.

Он начал свое дело много лет назад — бродячим разносчиком на пустынной поверхности далекой земли, коробейником, таскавшим свои товары на спине, торговцем, обычно приходившим с наступлением тьмы и всегда исчезавшим на следующее утро, оставляя за собой кровь, ужас и горе. Шли годы, и в Европе, когда разразилась чума и разъезжали повозки с мертвецами, он ездил из города в город и из страны в страну в повозке, запряженной тощей белой лошадью со страшными горящими глазами и языком, черным, как сердце убийцы. Он торговал своими товарами прямо с повозки... и исчезал, прежде чем его покупатели, платившие мелкими, стертыми монетами, а то и продуктами, могли понять, что же они купили *на самом деле*.

Времена изменились, изменились и методы; лица — тоже. Но когда на лицах написана нужда, они всегда одинаковы: это лица баранов, потерявших своего пастуха, и в такой коммерции он более всего чувствовал себя как рыба в воде, как тот разносчик из давних времен — не за изящным прилавком, возле кассового аппарата «Сведа», а за простым деревянным столом, давая сдачу из сигарной коробки и продавая одно и то же все снова, и снова, и снова.

Товары, так привлекавшие жителей Касл-Рока — черные жемчужины, святые реликвии, кварцевое стекло, трубки, старые комиксы, бейсбольные вкладыши, старинные калейдоскопы, — все исчезли. Мистер Гонт принялся за свое настоящее дело, а в конечном счете настоящее дело всегда кончается одним и тем же. Его главный товар тоже изменился с годами, как и все остальное, но перемены эти касались лишь поверхности, как разнообразные кремовые узоры на все том же темном и горьком пироге.

В конечном счете мистер Гонт всегда продавал им оружие... а они всегда покупали.

— О, благодарю вас, мистер Уорбуртон! — говорил мистер Гонт, принимая пятидолларовую бумажку от чернокожего охранника. Он вручил ему доллар сдачи и один из автоматических пистолетов, которые Эйс привез из Бостона.

— Спасибо, мисс Милликен! — Брал десять и давал восемь сдачи.

Он брал с них то, что они могли себе позволить, — ни центом меньше и ни центом больше. «Каждому — по его средствам» — было девизом мистера Гонта, и плевать на «каждому — по его нужде», потому что все они нуждались, и он пришел сюда заполнить их пустоту и покончить с их болью.

— Рад вас видеть, мистер Эмерсон!

О, это всегда было прекрасно, так прекрасно — снова заниматься делом по старинке. И никогда еще дела не шли так хорошо.

2

Алана Пэнгборна не было в Касл-Роке. Пока репортеры и полицейские толпились в одном конце Мейн-стрит, а Лиланд Гонт вел свою неприбыльную торговлю в другом, Алан сидел в приемном покое левого крыла госпиталя Северного Камберленда в Бриджтоне.

Отделение в этом крыле было небольшим — всего четырнадцать палат, — но недостаток пространства восполнялся обилием цвета. Стены палат были выкрашены яркими радужными красками. С потолка в приемном покое свисал вентилятор, украшенный птичками, грациозно вертевшимися и порхавшими вокруг центрального стержня.

Алан сидел перед громадной фреской с изображениями сценок из детских стишков. На одной части фрески перегнувшийся через стол человек протягивал что-то маленькому

мальчику явно провинциального вида, выглядевшего одновременно испуганным и очарованным. Что-то в этом образе поразило Алана, и отрывок из детского стишка прозвучал свистящим шепотком у него в мозгу:

*Пирожника Саймон Простак повстречал
По дороге на местный базар.
— Саймон Простак, — пирожник сказал, —
Отведай-ка мой товар!*

Полоски гусиной кожи выступили на руках Алана — крошечные пупырышки, похожие на капельки холодного пота. Он не мог объяснить причину, и это казалось вполне естественным. Никогда за всю свою жизнь он не чувствовал себя таким потрясенным, напуганным и выбитым из колеи. В Касл-Роке происходило что-то, полностью лежавшее за пределами его понимания. Это стало ясно лишь сегодня, во второй половине дня, но началось много дней, быть может, неделю назад. Он не знал, что именно, но понимал, что Нетти Кобб и Уилма Джерзик послужили лишь первыми предупредительными сигналами.

И он страшно опасался, что это продолжает разрастаться, пока он сидит тут со своими стишками про Саймона Простака и пирожника.

Медсестра — мисс Гендри, судя по небольшой табличке на ее груди — прошла по коридору на негромко поскрипывающих подошвах, грациозно огибая украшавшие холл игрушки. Когда Алан вошел сюда, полдюжины ребяташек — кто с повязками или гипсовыми лубками на руке или ноге, а кто с частично выбритыми головами, вероятно, после какой-то химиотерапии — играли в холле с кубиками и машинками, громко перекликаясь друг с дружкой. Теперь настал час ужина, и они все разошлись — или в столовую, или по своим палатам.

— Как он? — спросил Алан у мисс Гендри.

— Без перемен. — Она окинула Алана спокойным взглядом, в котором проскользнула некоторая враждебность. — Спит. Он должен спать. Он испытал сильнейший шок.

— Что слышно от его родителей?

— Мы звонили на работу его отцу, в Саут-Пэрис. Сегодня днем он работал в Нью-Хэмпшире. Потом, насколько я знаю, поехал домой и будет поставлен в известность, как только приедет. Скорее всего он появится здесь около девяти, но невозможно сказать наверняка.

— А как насчет матери?

— Я не знаю, — ответила мисс Гендри. Враждебность прозвучала более явственно, но на этот раз она была направлена не на Алана. — Это не я звонила. Я знаю лишь, что ее здесь нет. А теперь вы должны меня извинить — мне нужно подготовить каталку.

— Конечно, — пробормотал Алан. Он посмотрел, как она поворачивается, собираясь уйти, и встал. — Мисс Гендри?

Она повернулась к нему — взгляд был по-прежнему спокойным, но приподнятые брови выражали раздражение.

— Мисс Гендри, мне действительно необходимо поговорить с Шоном Раском. Я думаю, крайне необходимо.

— Вот как? — холодно отреагировала она.

— Что-то... — Алан неожиданно подумал о Полли, и голос его сорвался. Он прочистил горло и продолжал: — Что-то происходит в моем городе. Я полагаю, самоубийство Брайана Раска лишь часть этого. Также я полагаю, у Шона Раска может быть ключ ко всему остальному.

— Шериф Пэнгборн, Шону Раску всего семь лет. И если он действительно что-то знает, почему здесь нет других полицейских?

Других полицейских, подумал он. Она имеет в виду *квалифицированных* полицейских. Полицейских, которые не допрашивают одиннадцатилетних мальчишек на улице, чтобы

потом отослать их домой — кончать жизнь самоубийством в гараже.

— Потому что они заняты по горло, — сказал Алан, — и потому что они не знают город так, как знаю его я.

— Понимаю. — Она снова повернулась, чтобы уйти.

— Мисс Гендри...

— Шериф, я очень занята сегодня и...

— Брайан Раск — не единственный несчастный случай сегодня. Было по меньшей мере еще три. И владелец местного бара был доставлен в больницу в Норвее с огнестрельным ранением. Быть может, он выживет, но это должно выясниться в течение следующих тридцати шести часов. И у меня есть основания полагать, что волна убийств не закончилась.

Наконец ему удалось привлечь все ее внимание.

— Вы полагаете, Шон Раск что-то знает об этом?

— Он может знать, почему его брат покончил с собой. Если он знает, это может прояснить остальное. Так вы сообщите мне, когда он проснется?

Она поколебалась, а потом сказала:

— Это зависит от его душевного состояния, шериф. Независимо от того, что происходит у вас в городе, я не позволю доводить мальчика до истерики.

— Я понимаю.

— Понимаете? Хорошо. — Она окинула его взглядом, говорившим: тогда-сидите-здесь-смирно-и-не-доставляйте-мне-неприятностей, — и зашла за высокую стойку. Ему было слышно, как она устанавливает бутылочки и коробки на больничную каталку.

Алан встал, подошел к платному телефону-автомату в холле и снова набрал номер Полли. И опять раздались бесконечные гудки. Он набрал номер «Шейте сами», услышал автоответчик и повесил трубку. Он вернулся к своему стулу, сел и снова уставился на фреску.

«Вы забыли задать мне один вопрос, мисс Гендри, — подумал он. — Вы забыли спросить меня, почему я нахожусь здесь, если творится такое в той части округа, где я был избран, чтобы охранять и защищать ее. Вы забыли спросить меня, почему я не веду следствие, оставив какого-нибудь подчиненного — например, старого Ситона Томаса — сидеть здесь и ждать, когда проснется Шон Раск. Вы забыли меня спросить обо всем этом, мисс Гендри, и я знаю один секрет. Я рад, что вы забыли, — вот мой секрет».

Причина была столь же проста, сколь и унижительна. Кроме Портленда и Бангора, убийствами занималось не ведомство шерифа, а полиция штата. Генри Пейтон ухмылялся в случае с дуэлью Нетти и Уилмы, но сейчас он уже не ухмыляется. Просто не может себе позволить такой роскоши. Представители всех газет южной части Мэна и телевизионных станций или уже находились в Касл-Роке, или были на подходе. Пройдет не много времени, и к ним присоединятся их коллеги со всего штата... и если, как подозревал Алан, дело и впрямь не закончено, скоро сюда понаедут остальные.

Такова была простая реальность создавшейся ситуации, но это никак не отражалось на ощущениях Алана, а он чувствовал себя в роли игрока, который не справился со своей задачей, за что был отправлен тренером в душевую. Паскудное ощущение. Он сидел перед Саймоном Простаком и в который раз начал снова подводить итоги.

Лестер Пратт — мертв. Он явился в контору шерифа и в припадке ревности набросился на Джона Лапойнта. Это все из-за девушки, хотя Джон перед приездом «скорой» сказал Алану, что не встречался с Салли Ратклифф больше года.

— Я лиф иногда фтрефал ее на улифе и фафговаривал ф ней, да и то она фегда ффрафу обрывала меня. Она фитала, вто я обрефен фариться в аду. — Джон дотронулся до своего перебитого носа и моргнул. — Фейфас я и фуфत्वую фебя прямо в аду.

Джон сейчас лежал в больнице в Норвее с перебитым носом, сломанной челюстью и подозрением на внутренние повреждения. Шейла Бригем тоже находилась в больнице. Шок.

Хью Прист и Билли Тагтпер оба были мертвы. Известие

об этом пришло, как раз когда Шейла начала разваливаться на глазах. Позвонил шофер, развозивший пиво, у которого хватило ума сначала вызвать «скорую», а уж потом звонить шерифу. Парень был почти в такой же истерике, как Шейла Бригем, и Алан его не винил. К этому времени он и сам чуть не впал в истерику.

Генри Бюфорт — в критическом состоянии в результате многочисленных огнестрельных ранений.

Норрис Риджвик — исчез... И это почему-то было хуже всего. После звонка шофера Алан огляделся в поисках Норриса, но тот просто исчез. Алан решил, что он, должно быть, вышел на улицу, чтобы арестовать Дэнфорта, и сейчас вернется с первым выборным на цепочке, но, как показали дальнейшие события, Китона никто не арестовывал. Алан полагал, что его арестуют полицейские штата, если наткнутся на него в ходе расследования, но скорее всего вряд ли. У них были дела поважней. Пока же Норрис просто исчез. Где бы он ни был, отправился он туда пешком; когда Алан уезжал из города, «фольксваген» Норриса все еще лежал на боку посреди Мейн-стрит.

Свидетели показали, что Зануда залез в свой «кадиллак» через окошко и просто-напросто укатил. Единственный, кто попытался остановить его, дорого заплатил за это. Скотт Гарсон лежал в этом самом госпитале, в Северном Камберленде, со сломанной челюстью, сломанной скулой, сломанным запястьем и тремя сломанными пальцами. Могло быть и хуже; зеваки клялись, что Зануда явно пытался раздавить Скотта, когда тот лежал на мостовой.

Ленни Партридж, со сломанной ключицей и с Бог знает сколькими сломанными ребрами, тоже был где-то здесь. Энди Клаттербак ввалился с этой свежей новостью, когда Алан все еще пытался переварить тот факт, что первый выборный города теперь скрывается от закона, прикованный наручниками к большому красному «кадиллаку». Ленни остановил Хью Прист, выбросил старика на дорогу и укатил на его развалюхе. Алан полагал, что машину Ленни обнаружат на стоянке возле «Пьяного тигра», поскольку Хью именно там наворачочал дел.

И конечно, был Брайан Раск, пустивший себе пулю в череп в одиннадцатилетнем возрасте. Клатт едва приступил к рассказу, как снова раздался телефонный звонок. Шейлы к тому времени уже не было, Алан сам взял трубку и услышал истерические крики маленького мальчика, Шона Раска, который набрал номер шерифа, написанный на ярко-оранжевом листке возле телефона на кухне.

В общей сложности машины «скорой помощи» и аварийной службы из четырех разных городов съехались днем в Касл-Рок.

Теперь, повернувшись спиной к Саймону Простаку и пирожнику и уставившись на пластиковых птичек, порхающих вокруг вентилятора, Алан снова мысленно вернулся к Хью и Ленни Партриджу. Их стычку вряд ли можно было назвать самой суровой за сегодняшний день в Касл-Роке, но она, пожалуй, была одной из самых странных, и... Алан чувствовал, что ключ к этому делу может таиться в самой этой странности.

— Почему, ради всего святого, Хью не поехал на своей собственной машине, если у него так уж чесались руки на Генри Бюфорта? — спрашивал Алан у Клатта, запуская обе руки в свои и так уже дико взъерошенные волосы. — Зачем ему мог понадобиться старый кусок дерьма Ленни?

— Потому что «бьюик» Хью стоял на четырех ободах. Похоже, кто-то здорово поуродовал шины ножом, — пожимая плечами, ответил Клатт, с тоской оглядывая весь бардак, в который превратилась контора шерифа. — Может, он решил, что это сделал Генри Бюфорт.

Да, подумал сейчас Алан. Может быть, так. Это было безумием, но ведь не большим безумием, чем случай с Уилмой Джерзик, решившей, что Нетти Кобб сперва измазала грязью ее простыни, а потом швыряла камни в окна ее дома? И разве большим безумием, чем случай с Нетти, считавшей, что Уилма убила ее собаку?

Прежде чем ему удалось расспросить Клатта, явился Генри Пейтон и мягко, насколько

мог, сообщил Алану, что берет дело себе. Алан кивнул:

— Тебе нужно выяснить одну вещь, Генри, и как можно скорее, — сказал он.

— Что именно, Алан? — спросил Генри, но Алан с упавшим сердцем понял, что Генри слушал его лишь вполуха. Его старый друг — первый настоящий друг, которого заимел Алан в широком кругу правоохранительных органов после своей победы на выборах шерифа и который оказался очень ценным другом, — уже сосредоточился на других вещах. Пожалуй, главная среди них — как он распределит свои силы, учитывая разросшийся масштаб происшествий.

— Тебе нужно выяснить, был ли Генри Бюфорт так же разозлен на Хью Приста, как Хью — на него. Я понимаю, ты не можешь спросить его сейчас, потому что он без сознания, но когда он очнется...

— Сделаю, — сказал Генри и похлопал Алана по плечу. — Сделаю, а потом, повысив голос: — Брукс! Моррисон! Сюда!

Алан смотрел, как он уходит, и подумал, не броситься ли за ним — схватить его и заставить выслушать. Но он не стал этого делать, потому что и Генри, и Хью, и Лестер, и Джон... даже Уилма и Нетти перестали иметь для него реальное значение. Мертвые так и останутся мертвецами; за ранеными обеспечен уход; преступления уже свершились.

Только Аланом овладело жуткое тайное подозрение, что настоящее преступление все еще продолжается.

Когда Генри отправился инструктировать своих людей, Алан снова позвал Клатта. Помощник вошел, засунув руки в карманы, с похоронным выражением на лице.

— Нас заменили, Алан, — сказал он. — Попросту убрали со сцены. Черт!

— Не совсем, — возразил Алан, надеясь, что произнес это так, словно и впрямь верит в сказанное. — Ты остаешься здесь моим связным, Клатт.

— Куда ты собрался?

— Домой к Раскам.

Но когда он приехал туда, ни Брайана, ни Шоно уже не было. Машина «скорой помощи», забравшая бедолагу Скотта Гарсона, заехала за Шоном; они направлялись в клинику в Северном Камберленде. Вторая похоронная машина Гарри Самьюэлса, старый «линкольн», забрала Брайана Раска и повезла в Оксфорд, на вскрытие. Первая и лучшая машина Гарри — та, которую он называл «фирменной», — уже отправилась туда же с телами Хью и Билли Таппера.

Трупы, подумал Алан, будут складывать в этом маленьком морге штабелями.

Только добравшись до дома Расков, Алан как следует понял — скорее нутром, чем умом, — как начисто его убрали со сцены. Двое людей Генри из отдела по расследованию убийств прибыли туда раньше и ясно дали понять, что Алан может ошиваться здесь лишь до тех пор, пока не попытается хвататься за весла и помогать грести. Он постоял секунду у двери в кухню, наблюдая за ними и ощущая себя столь же нужным и полезным, как третье колесо у мотоцикла. Кора Раск отвечала медленно и как-то заторможенно. Алан подумал, что это может быть следствием шока или, возможно, врачи «скорой», забравшие ее оставшегося в живых сына в больницу, прежде чем уехать, дали ей сильного успокоительного. Она жутко напомнила ему Норриса, когда тот вылезал из окошка своего перевернутого «фольксвагена». То ли из-за транквилизатора, то ли из-за шока детективы мало что выжали из нее. Не то чтобы она плакала, но явно не могла сосредоточиться на их вопросах и дать вразумительные ответы. Она ничего не знала, рассказывала она им; была наверху и дремала. «Бедный Брайан, — твердила она. — Бедный, бедный Брайан». Но она твердила это так монотонно, что Алану ее горе показалось фальшивым, и все время не переставала играть с парой темных очков, лежавших подле нее на кухонном столике. Одна из дужек очков была замотана изоляционной лентой, а одно стекло треснуто.

Алан преисполнился отвращением и приехал сюда, в больницу.

Он поднялся и пошел к телефону-автомату в главном холле. И снова позвонил Полли — опять безуспешно, — а потом набрал номер своей конторы. В ответ чей-то голос

прорычал: «Полиция штата», — и Алан испытал прилив детской ревности. Он назвал и попросил Клатта. После почти пятиминутного ожидания Клатт взял трубку.

— Прости, Алан. Они ничего мне не сказали, а просто оставили трубку на столе. Хорошо, что я заглянул проверить, а то бы ты все еще ждал. Эти чертовы легаши плевать на нас хотели.

— Не бери в голову, Клатт. Кто-нибудь уже сцапал Китона?

— Я... Не знаю даже, как тебе это сказать, Алан, но...

Алан ощутил странную пустоту в животе и закрыл глаза.

Он оказался прав — ничего еще не закончилось.

— Скажи, как есть, — сказал он. — Плюнь на протокол.

— Зануда... Я хочу сказать, Дэнфорт приехал домой и отверткой скovyрнул ручку с «кадиллака»... Ну, ты знаешь, к которой он был прикован наручниками.

— Знаю, — произнес Алан, не открывая глаз.

— Ну вот... Алан, он убил свою жену. Молотком. Нашел ее не полицейский, потому что легаши еще двадцать минут назад не особо интересовались Занудой. Эго был Ситон Томас. Он заехал домой к Зануде просто на всякий случай. Проверить. Он доложил о том, что обнаружил, и вернулся сюда минут пять назад. Он говорит, что у него колет в груди, и меня это ничуть не удивляет. Он рассказал мне, что Зануда просто расплющил и сорвал с нее все... все лицо. Сказал, что там повсюду — внутренности и волосы. Теперь там, на Вью, около взвода пейтоновских голубых жилетов. Я отвел Ситона в твой кабинет. Подумал, пускай он лучше сядет посидит, прежде чем свалится совсем.

— Боже милостивый... Клатт, быстро отвези его к Рею Ван Аллену, ему шестьдесят два, и он всю жизнь курит этот чертов «Кэмел».

— Алан, Рей уехал в Оксфорд. Он старается помочь врачам вытащить Генри Бюфорта.

— Тогда к его помощнику... Как его там? Франкель. Эверетт Франкель.

— Его нет на месте. Я звонил и домой, и на работу.

— А что говорит его жена?

— Он холост, Алан.

— О Господи. — Кто-то грифелем нацарапал на телефоне надпись: «Не волнуйся, спи спокойно». Алан раздраженно учел это.

— Я сам могу отвезти его в больницу, — предложил Клатт.

— Ты мне нужен там, где сидишь, — сказал Алан. — Репортеры и телевизионщики объявились?

— Ага. Все вокруг так и кишит ими.

— Ладно. Как только мы закончим разговор, проверь, как там Ситон. Если ему не лучше, тогда сделай вот что: выйди на улицу, схвати репортера, который покажется тебе не полным кретином, захмутай его и заставь отвезти Ситона сюда, в Северный Камберленд.

— Ладно. — Клатт поколебался, а потом выпалил: — Я хотел съездить к дому Китона, но полицейские... Они не пустили меня к месту происхождения! Алан, как тебе это нравится? Эти ублюдки не пускают помощника шерифа округа на место преступления!

— Я понимаю, что ты чувствуешь. Мне самому это не очень нравится. Но они выполняют свою работу. Ты видишь Ситона оттуда, где стоишь, а, Клатт?

— Угу!

— Ну? Он жив?

— Он сидит за твоим столом, курит сигарету и просматривает «Сельский закон и порядок» за этот месяц.

— Отлично, — сказал Алан. Ему казалось, он плачет, или смеется, или и то и другое вместе. — Это ему подходит. Клатт, Полли Чалмерз не звонила?

— Не... Подожди минуту, тут лежит журнал. Я думал, он пропал... Она звонила, Алан. Около половины четвертого.

— Про этот звонок мне известно, — поморщился Алан. — А позже?

— Тут не записано, но это ничего не значит. Шейлы нет, тут бродят эти медвежатники,

так что кто может сказать наверняка?

— Спасибо, Клатт. Есть еще что-нибудь, что мне нужно знать?

— Ага, кое-что есть.

— Стреляй.

— Они заполучили ствол, из которого Хью застрелил Генри, но Дейвид Фридман из отдела баллистической экспертизы полиции штата говорит, что не знает, что это за штука. Какой-то автоматический пистолет, но парень говорит, что никогда такого не видел.

— Ты уверен, что это был Дейвид Фридман? — спросил Алан.

— Ага, Фридман — так его зовут.

— Он должен знать. Дейв Фридман — это ходячая стрелковая энциклопедия.

— И все равно он не знает. Я стоял рядом, когда он говорил с твоим дружкой, Пейтоном. Он говорил, что ствол немного смахивает на немецкий «маузер», но у него нет обычной маркировки и другой затвор. По-моему, они отправили его в Августу с целой тонной других улик.

— Что еще?

— Они нашли анонимную записку во дворе Генри Бюфорта, — сообщил Клатт. — Она была смята в комок и валялась рядом с его машиной... Знаешь его классический «тандерберд»? Он тоже был раскурочен. Так же, как и «тачка» Хью.

Алан ощутил, как здоровенная мягкая ладонь шлепнула его прямо по лицу.

— Клатт, что было в записке?

— Одну минуту. — Он услышал легкий шорох, когда Клатт стал рыться в своем блокноте. — Вот оно: «Никогда не смей выставять меня и отбирать ключи от моей машины, ты, чертов лягушатник».

— *Лягушатник* ?

— Так там написано. — Клатт нервно хихикнул. — Слово «никогда» и слово «лягушатник» подчеркнуты.

— И ты говоришь, машина была раскурочена?

— Это точно. Колеса изрезаны, как у Хью. И большая длинная царапина со стороны пассажирского сиденья. Жуть!

— Ладно, — сказал Алан, — тебе придется сделать еще кое-что. Сходи в парикмахерскую, а потом, если понадобится, и в бильярдную. Выясни, кого выставлял Генри из бара на этой неделе или на прошлой.

— Но полиция штата...

— В рот всю полицию штата! — с чувством сказал Алан. — Это *наш* город. Мы знаем, кого расспрашивать и где их искать. Ты хочешь сказать, что за пять минут не сможешь отловить кого-то, кто в курсе этой истории?

— Конечно, смогу, — буркнул Клатт. — Когда я вернулся с Касл-Хилл, я видел Чарли Фортина — он крутился с кучкой ребят возле «Западного авто». Если Генри с кем-то бодался, Чарли наверняка знает с кем. Черт, да Чарли обретается в «Тигре» больше, чем дома.

— Да. А полицейские уже допрашивали его?

— Ну... Нет.

— Значит, нет. Так вот ты его допроси. Но, похоже, мы оба уже знаем ответ, не так ли?

— Хью Прист, — сказал Клатт.

— У меня тоже при этом имени колокольчик звякает, — подтвердил Алан. Может быть, в конечном счете это и не так далеко от первой догадки Генри Пейтона, подумал он.

— Хорошо, Алан. Я займусь этим.

— И позвони мне в ту же минуту, как только точно выяснишь. В ту же секунду. — Он продиктовал Клатту номер телефона и заставил его повторить, чтобы убедиться, что тот правильно записал.

— Сделаю, — сказал Клатт, а потом яростно выпалил: — Что происходит, Алан? Черт возьми, что здесь происходит?

— Я не знаю, — ответил Алан. Он чувствовал себя очень старым, очень усталым и...

очень злым. Он больше не злился на Пейтона за то, что тот отрешил его от дела, но злился на того, кто был повинен во всех этих кровавых фейерверках. И он все больше и больше проникался уверенностью в том, что, когда они доберутся до самого доньшка всего этого, они обнаружат, что тут работала целая контора. Уилма и Нетти, Генри и Хью, Лестер и Джон. Кто-то закоротил их напрямую, как мощные взрывпакеты. — Не знаю, Клатт, но мы выясним это.

Он повесил трубку и снова набрал номер Полли. Его желание разобраться с ней и понять, что заставило ее так разозлиться на него, постепенно тускло. Вместо этого его начало охватывать чувство похуже: глубокий, неясный страх; растущее ощущение, что она в опасности.

Гудки, гудки, гудки и... никакого ответа.

Полли, я люблю тебя, нам надо поговорить. Пожалуйста, возьми трубку... Полли, я тебя люблю. Нам надо поговорить. Пожалуйста, возьми трубку. Полли, я люблю тебя...

Фраза вертелась у него в голове, как заводная игрушка. Он хотел перезвонить Клатту и попросить его проверить, что там у нее, прямо сейчас, но не смог. Так поступать не следовало, ведь не исключено, что еще какие-то взрывпакеты ждут своего часа, чтобы взорваться в Касл-Роке.

Да, но, Алан... А что, если Полли — один из них?

Эта мысль вызвала какую-то смутную ассоциацию с чем-то, но она растаяла, прежде чем он сумел ухватить ее.

Алан медленно повесил трубку, оборвав гудок на половине, когда клал ее на рычаг.

3

Полли не могла больше этого вынести. Она перекатилась на бок, дотянулась до телефона, и... звонок оборвался на середине.

Ну и хорошо, подумала она. Но хорошо ли?

Она лежала на своей кровати, вслушиваясь в звук приближающегося грома. Наверху было жарко — как в середине июля, — но открыть окна она не могла, потому что Дейв Филлипс, один из местных плотников, поставил ей зимние рамы всего неделю назад. Поэтому она сняла с себя старые джинсы и рубашу, в которых ездила за город, и сложила их аккуратно на стуле возле двери. И теперь она лежала на кровати в нижнем белье, желая немного вздремнуть, перед тем как встать и принять душ, и не могла заснуть.

Отчасти спать ей не давали полицейские сирены, но в большей степени — Алан; то, что он сделал. Она не могла себе представить это нелепое предательство, исходя из всего, что знала и во что верила, но не могла и отмахнуться от него. Мысли ее отвлекались на что-то другое (например, на эти сирены, воющие так, словно оповещали о конце света), а потом вдруг снова перескакивали на то, как он рыскал у нее за спиной, как *вынюхивал*. Она словно каждый раз натывалась на занозу в доске, спрятанную в каком-то укромном, потайном местечке.

«Ох, Алан, как ты мог?» — спрашивала она его — и себя — снова и снова.

Голос, прозвучавший в ответ, удивил ее. Это был голос тетушки Эвви, и под сухим налетом сентиментальности — ее всегдашней манерой — Полли ощутила явственную и сильную злость.

Если бы ты сразу сказала ему правду, девочка, ему никогда и не пришлось бы.

Полли резко села. Голос раздражал, и еще как, но самое противное заключалось в том, что это был ее собственный голос. Тетушка Эвви умерла много лет назад. Это ее собственное подсознание пользовалось голосом тетушки Эвви, как застенчивый чревовещатель порой пользуется своим «чревом», назначая свидание хорошенькой девушке, и...

Прекрати, девочка, — разве не говорила я тебе, что этот город весь полон призраков? Может быть, это в самом деле — я. Вполне может быть.

Полли издала жалобный, испуганный вскрик и тут же зажала рот ладонью.

А может быть, и нет. В конце концов совершенно не важно, кто это, не так ли? Весь вопрос в другом, Триша. Кто первый согрешил? Кто первый солгал? Кто первый скрыл? Кто бросил первый камень?

— Это нечестно! — закричала Полли на всю душную комнату, а потом взглянула на свое собственное испуганное отражение с вытаращенными глазами в зеркале спальни. Она ждала, что голос тетушки Эвви вернется, а когда он не ответил, снова медленно откинулась на спину.

Возможно, она первая согосешила, если сокрытие части правды и несколько шитых белыми нитками сказок были грехом. Возможно, она первая обманула. Но разве это давало право Алану устраивать следствие, как может открыть дело офицер полиции на какого-то известного уголовника? Разве давало право трепать ее имя по каким-то внутренним полицейским каналам?.. или отрабатывать версию, как у них это называется... или... или...

«Не обращай внимания, Полли, — шепнул голос, тоже знакомый ей. — Перестань рвать себя на части из-за того, что с твоей стороны было очень правильным поступком. Я имею в виду после всего! Ты ведь слышала вину в его голосе, правда?»

— Да! — яростно пробормотала она в подушку. — Это правда, я *слышала* ! Как насчет этого, тетя Эвви? — Ответа не последовало, лишь... какое-то странное, легкое подергивание (*весь вопрос в том, Триша*) в ее подсознании. Словно она забыла что-то, упустила что-то (*хочешь конфетку, Триша*) из уравнения.

Полли беспокойно повернулась на бок, и азка подпрыгнул на одной из ее грудей. Она услышала, как что-то тихонько царапает серебряную сетку своей тюрьмы.

Нет, подумала Полли, это просто что-то скрипит. Что-то неподвижное. Сама мысль о том, что там, внутри, может быть и впрямь что-то живое... это только твое воображение.

Хрусть-хрусть-хрусть.

Серебряный шарик чуть качнулся между чашечкой ее бюстгальтера и покрывалом на постели.

Хрусть-хрусть-хрусть.

сЭта штука живая, Триша, — проговорила тетя Эвви. — Эта штука живая, и ты это знаешь».

Не будь дурочкой, мысленно ответила ей Полли, перекатываясь на другой бок. Как в самом деле там может жить живое существо? Ну, дышать оно, наверно, могло бы через все эти крошечные дырочки, но что, скажи на милость, оно бы там ело?

«*Быть может*, — с мягкой непреклонностью ответила тетушка Эвви, — *оно ест ТЕБЯ, Триша*».

— Полли, — пробормотала она. — Меня зовут Полли.

На этот раз толчок в ее подсознании был сильнее и словно пробудил, на какое-то мгновение вырвал из полузабытья. Но тут снова зазвонил телефон. Она судорожно перевела дыхание и села; лицо ее выражало усталое уныние. Гордость и желание вели между собой отчаянную битву.

«Поговори с ним, Триша — чему это может навредить? А еще лучше, просто выслушай его. Ты ведь нечасто делала это раньше, а, Триша?»

— Я не хочу с ним разговаривать. Не хочу — после того, что он сделал.

«Но ты все еще любишь его».

Да. Это была правда. Только при этом она еще и ненавидела его.

Голос тети Эвви снова гневно зазвучал в ее мозг/.

«Ты хочешь всю свою жизнь оставаться призраком, Триша? Что с тобой случилось, Триша?»

Полли потянулась к телефону жестом, представлявшим собой пародию на решительность. Ее ладонь — гибкая, свободная от боли ладонь — зависла над трубкой. Потому что, быть может, это был не Алан. Может, это был мистер Гонт. Может, мистер Гонт звонит, чтобы сказать, что он еще не закончил с ней, что она еще не расплатилась с ним до конца.

Она сделала еще одно движение — на этот раз кончики ее пальцев коснулись пластикового покрытия, — но отдернула руку. Кисти сплелись в нервный комок на ее животе. Она боялась мертвого голоса тетушки Эвви, боялась того, что она сделала днем, и того, что мистер Гонт (или Алан!) может рассказать всему городу об ее умершем сыне, боялась того, что может означать смятение, вызванное сиренами и снующими по городу полицейскими машинами.

Но она поймала себя на том, что больше всего этого боится самого Лиланда Гонта. Она чувствовала себя так, словно кто-то привязал ее к языку огромного железного колокола — колокола, который мгновенно оглушит ее, сведет с ума и раздавит в кровавое месиво, если начнет звонить.

Телефон смолк.

Снаружи завопила еще одна сирена, и, когда она стала удаляться в направлении Тин-бриджа, снова раздался громовой раскат. Уже ближе, чем раньше.

«Сними это, — шепнул голос тетушки Эвви. — Сними его, родная. Ты можешь это сделать — он властвует над нуждой, а не над волей. Сними его. Разорви на себе его хватку».

Но Полли смотрела на телефон и вспоминала ту ночь — неужели с тех пор прошло меньше недели? — когда она потянулась к нему и, ударившись о него пальцами, сбросила на пол. Она вспомнила боль, вгрызавшуюся в руку от кисти и вверх, к плечу, как голодная крыса с обломанными зубами. Она не могла вернуться к этому. Просто не могла.

Или могла?

«Что-то гадкое происходит в Роке сегодня вечером, — сказала тетушка Эвви. — Ты хочешь проснуться завтра и подсчитать, сколько в этом ТВОЕЙ гадости? Ты и впрямь хочешь внести свою лепту, а, Триша?»

— Ты не понимаешь, — простонала она. — Это было не против Алана, это было против Эйса Меррилла! А он заслуживает всего, что бы ни получил!

Непреклонный голос тетушки Эвви ответил:

«Тогда и ты тоже, родная. И ты тоже».

4

В двадцать минут седьмого вечера в этот вторник, когда громовые раскаты приблизились и настоящая тьма начала сменять сумерки, офицер полиции штата, заменявший Шейлу Бригем в диспетчерской, вышел из конторы шерифа. Он оглядел большое пространство, огороженное лентой с надписью «ЗОНА ПРОИСШЕСТВИЯ», и поспешил туда, где стоял Генри Пейтон.

Пейтон выглядел потрепанным и несчастным. Предыдущие пять минут он провел в обществе прессы и чувствовал себя так же, как обычно после подобных стычек: словно его обмазали медом и заставили кататься по большой куче засиженного мухами шакальего дерьма. Его заявление не было так хорошо подготовлено — и так неуязвимо-туманно, — как ему бы хотелось. Телевизионщики насели на него как следует. Они хотели выдать репортажи в прямом эфире с шести до шести тридцати, когда передавались местные новости, — они считали, что обязаны выдать прямой эфир, — и если бы он не кинул им что-то вроде кости, в одиннадцать они бы просто распяли его. Впрочем, они и так его почти распяли. Ближе, чем когда-либо еще за всю свою служебную карьеру, он подошел к признанию, что ему просто не за что, мать его, зацепиться. Он не покинул эту импровизированную пресс-конференцию — он сбежал с нее.

Пейтон поймал себя на том, что сожалеет — надо было прислушаться к Алану. Когда он прибыл сюда, казалось, вся работа состоит в подсчете нанесенного урона. Теперь он сомневался в этом, поскольку с тех пор, как он принял дела, произошло еще одно убийство — женщины по имени Миртл Китон. Ее муж по-прежнему болтался неизвестно где; возможно, перебрался через горы и сейчас уже далеко-далеко, но вполне вероятно, что все еще весело скачет по этому маленькому безумному городку. Человек, укокошивший свою

жену молотком. Другими словами, совершеннейший псих.

Его беда в том, что он не знает этих людей. А Алан и его заместители знают, но и Алан, и Риджвик уехали. Лапойнт в больнице и, вероятно, уповает на то, что врачи сумеют исправить ему нос. Пейтон огляделся в поисках Клаттербака и как-то не очень удивился, обнаружив, что тот тоже куда-то испарился.

«Ты этого хочешь, Генри? — услышал он голос Алана у себя в мозгу. — Отлично. Действуй. А насчет подозреваемых — почему бы не попробовать телефонную книгу?»

— Лейтенант Пейтон? Лейтенант Пейтон! — позвал офицер, дежуривший в диспетчерской.

— Что такое? — рявкнул Генри.

— У меня на связи доктор Ван Аллен. Он хочет поговорить с вами.

— О чем?

— Он не говорит. Сказал лишь, что должен поговорить с вами.

Генри Пейтон зашел в диспетчерскую, чувствуя себя все больше и больше маленьким мальчишкой, катящим на велосипеде без тормозов вниз с высокой горы: слева — пропасть, справа — отвесная скала, а сзади — гонится стая голодных волков с репортерским оскалом.

Он взял микрофон.

— Пейтон слушает. Говорите.

— Лейтенант Пейтон, это доктор Ван Аллен. Медицинский эксперт округа. — Голос был глухой и далекий, часто прерываемый треском статических разрядов. Генри понял, что надвигается гроза. Час от часу не легче.

— Да, я знаю, кто вы, — сказал Генри. — Вы отвозили мистера Бюфорта в Оксфорд. Как он там?

— Он...

Тр-рах, хр-русть, з-звук.

— Вас плохо слышно, доктор Ван Аллен, — со всем терпением, на которое только был способен, сказал Генри. — У нас тут жуткая гроза. Пожалуйста, повторите.

— Мертв! — проорал Ван Аллен сквозь треск разрядов. — Он умер в машине, но мы полагаем, смерть вызвана не огнестрельными ранениями. Вы меня поняли? *Мы считаем, что пациент умер не от огнестрельных ран*. У него произошел нетипичный отек мозга, вызвавший полный распад. Наиболее вероятный диагноз — какая-то ядовитая субстанция, очень ядовитая, попала ему в кровь при выстрелах. Это вещество буквально разорвало ему сердце. Подтвердите.

О Господи, подумал Генри Пейтон. Он ослабил галстук, расстегнул воротничок и нажал на кнопку передачи.

— Подтверждаю, доктор Ван Аллен, но, будь я проклят, если что-нибудь понял.

— Яд скорее всего содержался в пулях револьвера, из которого в него стреляли. Инфекция сначала распространялась медленно, а потом резко набрала скорость. Мы имеем два открытых веерообразных пулевых отверстия — в щеке и в грудной клетке. Очень важно, чтобы...

Тр-рах, хр-устпъ, з-звук.

— ...находится.

— Повторите, доктор Ван Аллен. — Как же Генри хотел, чтобы тот просто взял телефонную трубку. — Пожалуйста, повторите.

— У кого находится пистолет?! — заорал Ван Аллен.

— У Дейвида Фридмана. Баллистика. Он забрал его в Августу.

— Ему придется сначала разрядить его?

— Да. Это обычная процедура.

— Лейтенант Пейтон, пистолет автоматический? Сейчас это чрезвычайно важно.

— Автоматический.

— Ему придется разряжать обойму?

— Он сделает это в Августе. — Пейтон тяжело бухнулся в диспетчерское кресло.

Неожиданно на него накатила жуткая усталость.

— Нет! Он ни в коем случае не должен этого делать! *Ему нельзя это делать* — вы меня поняли?

— Понял, — сказал Генри. — Я оставляю информацию для пего в баллистической лаборатории, чтобы он сохранил эти проклятые пули в чертовой обойме, пока мы не разберемся до конца в этом чертовом бардаке. — Он испытал прилив детской радости, сообразив, что говорит по открытой линии, а потом... подумал, сколько репортеров перед зданием подслушивают его сейчас по своим рациям. — Послушайте, доктор Ван Аллен, мы не должны обсуждать это по радио.

— Плюньте на прессу, — резко отреагировал Ван Аллен. — Речь идет о человеческой жизни, лейтенант Пейтон, я пытался связаться с вами по телефону, но не смог дозвониться. Скажите вашему Фридману, чтобы он тщательно проверил свои руки — нет ли у него царапин, ранок, даже заусенцев. Если у него обнаружатся хотя бы малейшие трещинки на коже, пусть отправляется в ближайшую больницу немедленно. У меня нет возможности проверить, была ли та штуковина, с которой мы имеем дело, на поверхности обоймы или только на самих пулях. И малейший риск тут недопустим. Эта штука смертельна.

— Я понял, — услышал Пейтон собственный голос. Он поймал себя на желании очутиться где угодно, только не здесь, но... раз уж он был здесь, он страстно хотел, чтобы Алан Пэнгоорн оказался сейчас рядом. С приездом в Касл-Рок он все больше и больше чувствовал себя кроликом, угодившим в медвежий капкан. — Что это такое?

— Пока мы не знаем. Не кураре, поскольку до самого конца паралича не было. И потом, кураре — относительно безболезненная штука, а мистер Бюфорт сильно мучился. Сейчас нам известно лишь, что поначалу она действует медленно, а потом разгоняется, как экспресс на воздушной подушке.

— Это все?

— Господи Иисусе... — поперхнулся Рей Ван Аллен. — Этого что, мало?

— Да нет, пожалуй, достаточно.

— Радуйтесь...

Хр-русть, тр-рах, бр-ряк.

— Повторите, доктор Ван Аллен. Повторите.

Сквозь бушующий океан электрических разрядов он услышал голос Ван Аллена, прокричавший:

— Радуйтесь, что пистолет у вас... Что можете не волноваться, как бы он не наделал еще дел.

— Это уж точно, приятель. Закончил.

5

Кора Раск свернула на Мейн-стрит и медленно пошла к «Самому необходимому». Она миновала ярко-желтый фургон с надписью «НОВОСТИ 5-ГО КАНАЛА», стоявший на обочине, но не заметила Дэнфорта Китона Зануду, уставившегося на нее из окошка водителя немигающим взглядом. Впрочем, она бы в любом случае его не узнала; Зануда стал, если можно так выразиться, совершенно другим человеком. А даже если бы она увидела и узнала его, для Кору это ничего бы не значило. У нее были свои проблемы и горести; главным образом душившая ее злоба. И все это не имело никакого отношения к ее умершему сыну.

В одной руке Кора сжимала пару разбитых темных очков.

Ей казалось, полиция будет допрашивать ее целую вечность или... по крайней мере пока она окончательно не свихнется. «Пошли вон! — хотелось ей крикнуть им. — Перестаньте задавать мне эти идиотские вопросы про Брайана! Арестуйте его, если он попал в беду, его отец уладит это; улаживать все — единственное, на что он годен. Но оставьте меня в покое! У меня свидание с Королем, и я не могу заставлять его ждать!»

В какой-то момент она увидела шерифа Пэнгборна в дверях кухни, скрестившего руки

на груди, и едва не выпалила все это, подумав, что он поймет. Он непохож на остальных, он сам — из города, он должен знать про «Самое необходимое», он сам купил бы там что-нибудь особенное для себя, словом, он поймет.

Только в этот самый момент в мозгу у нее заговорил мистер Гонт — как всегда, спокойно и рассудительно: «Нет, Кора, не говори с ним. Он не поймет. Он не такой, как ты. Он не настоящий покупатель. Скажи им, что ты хочешь съездить в больницу, навестить твоего второго мальчика. Они уберутся, по крайней мере на время. А потом это уже будет не важно».

Так она им и сказала, и это сработало великолепно. Она даже ухитрилась выдать пару слезинок, думая не о Брайане, а о том, как грустно, должно быть, Королю бродить без нее по Стране Чудес. Бедный одинокий Король!

Они убрались — все, кроме двух или трех, оставшихся в гараже. Кора не знала, что они там делают и что им там нужно, да ее это и не заботило. Она схватила свои волшебные очки со стола и устремилась наверх. Оказавшись у себя в спальне, она мигом скинула халат, легла на кровать и надела их.

Тут же она снова очутилась в Стране Чудес. Она испытала мгновенное облегчение, а потом ею овладели нетерпение и жуткая похоть.

Она поднялась по резной лестнице, голая, вся дрожа, в верхний холл, увешанный лианами из джунглей и почти такой же просторный, как скоростное шоссе. Подошла к двойным дверям в дальнем конце холла, ступая босыми ногами по мягкому ковру. Увидела, как ее пальцы тянутся к ручкам двери и хватаются за них. Она распахнула двери, ведущие в спальню Короля — черно-белую комнату с черными стенами, белым ковром, черными шторами на окнах и черным покрывалом с белой каймой на постели, — где лишь потолок был выкрашен в темно-голубой цвет ночного неба с тысячами сверкающих электрических звездочек. Потом взглянула на кровать, и тут ее охватил дикий ужас. Король лежал на кровати, но Король был не один. На нем сидела верхом и понукала его, как упрямого пони, Майра Эванс. Когда двери распахнулись, она повернула голову и уставилась на Кору. Король же смотрел только на Майру, моргая своими сонными, прекрасными голубыми глазами.

— Майра! — воскликнула Кора. — Что ты здесь делаешь?

— Ну, — самодовольно ухмыльнулась Майра, — уж во всяком случае, не натираю пол.

Кора задохнулась от изумления.

— Ну... Ну... *Да разрази меня гром!* — выкрикнула она звонко, когда к ней вернулось дыхание.

— Ну, так пусть и разразит, — сказала Майра и быстрее задвигала бедрами, — только сними эти идиотские очки. Они выглядят по-дурацки. Убирайся отсюда. Катись обратно в Касл-Рок. Мы заняты... Правда, Эл?

— Эт-точно, моя куколка, — сказал Король, — заняты, как две пташки на ковре.

Ужас сменился яростью. Кора стряхнула с себя столбняк и ринулась к своей так называемой подруге, чтобы выпарапать ей глаза. Но когда она приблизилась и подняла руку со скрюченными пальцами, Майра потянулась — не прерывая ни на секунду движение своих бедер — и сдернула очки с лица Кору.

Кора в изумлении прищурила глаза... А когда снова открыла их, она опять лежала на своей собственной кровати. Очки валялись на полу, оба стекла у них были разбиты.

— Нет, — простионала Кора, соскочила с кровати, хотела было завопить, но какой-то внутренний голос — принадлежавший не ей — предупредил ее, что полицейские в гараже услышат ее вопли и прибегут сюда. — Нет, пожалуйста... *пожааалуйстааа* ...

Она попыталась вставить осколки разбитых стекол в золоченую оправу, но это было уже невозможно. Они разбились. Их разбила эта порочная грязная шлюха. Их разбила ее подруга, Майра Эванс. Ее подруга, которая каким-то образом нашла свою дорогу в Страну Чудес, — ее подруга, которая прямо сейчас, пока Кора пытается поправить бесценную и безнадежно сломанную игрушку, занимается любовью с Королем.

Кора подняла глаза, превратившиеся в сверкающие темные искры.
— Я разорву ее, — хрипло прошептала она. — Будь я проклята, если не разорву.

6

Она прочитала табличку в витрине «Самого необходимого», постояла минуту, что-то обдумывая, а потом обошла здание кругом и вышла на аллею. Там она столкнулась с Франси Пелетье, выходящей из аллеи и засовывающей что-то в свою сумочку. Кора едва взглянула на нее.

На середине аллеи она увидела мистера Гонта за деревянным столом, баррикадой загораживавшим распахнутую заднюю дверь его магазина.

— О Кора! — воскликнул он. — Л я как раз думал, когда же вы заглянете ко мне.

— Эта сука! — выпалила Кора. — Эта предательница... Эта маленькая грязная сучонка!

— Прошу прощения, Кора, — вежливо заметил мистер Гонт, — но вы, кажется, забыли застегнуть пару пуговиц. — И он ткнул одним из своих необычайно длинных пальцев в ее наряд.

Кора, выбегая из дома, напялила первое, что попало ей в шкаф, прямо на голое тело и ухитрилась застегнуть лишь самую верхнюю пуговицу. Под ней платье распахнулось до самого треугольника волос в низу живота. И живот, перекормленный сникерсами, «ринг-дингами» и шоколадными конфетами с вишневой начинкой во время бесконечных сериалов «Санта-Барбары» (и многих прочих), выпирал наружу.

— Кого это колышет? — рявкнула Кора.

— Не меня, — безмятежно согласился мистер Гонт. — Чем могу вам помочь?

— Эта сука трахается с Королем. Она разбила мои темные очки. Я хочу убить ее.

— Вот как? — осведомился мистер Гонт, поднимая брови. — Что ж, не могу сказать, что не сочувствую вам, Кора, поскольку испытываю именно это. Возможно, женщина, укравшая чужого мужчину, и не заслуживает смерти. Я не стал бы категорично высказываться на этот счет — всю свою жизнь я был бизнесменом и очень мало смыслю в сердечных делах. Но женщина, намеренно сломавшая самую сокровенную собственность другой женщины... Это гораздо более серьезный проступок. Вы согласны со мной?

Она начала улыбаться. Это была крутая улыбка. Безжалостная. И совершенно безумная.

— Лучше хрен скажешь, — хрипло вымолвила Кора Раск.

Мистер Гонт на мгновение отвернулся. Когда он снова обратился лицом к Коре, в руке у него был автоматический пистолет.

— Может быть, вы ищете что-то вроде этого? — спросил он.

Глава 20

1

Покончив с Миртл, Зануда впал в состояние глубокой прострации. Вся его целеустремленность растаяла. Он думал про Них — весь город кишел ими, — но вместо ясной и целенаправленной злобы, которую вызывала эта мысль всего несколько минут назад, теперь он испытывал лишь усталость и депрессию. Голова у него раскалывалась от пульсирующей боли. Рука и спина болели от размахивания молотком.

Он опустил взгляд и увидел, что по-прежнему сжимает его в руке. Он разжал кисть, и молоток упал на кухонный линолеум, оставив на нем кровавое пятно. Почти целую минуту он тупо разглядывал это пятно — оно казалось ему наброском лица его отца, сделанным кровью.

Потом он побрел через комнату в кабинет, потирая на ходу руку и плечо. Звяканье цепочки наручников сводило его с ума. Он открыл дверь кладовки, рухнул на колени, заполз

под висящую спереди одежду и вытащил коробку с изображенными на крышке иноходцами. На карачках выполз задом из кладовки (цепь наручников зацепилась за туфлю Миртл, и он зашвырнул ее обратно с мрачным проклятием), водрузил коробку на свой письменный стол и уселся перед ней. Вместо возбуждения он ощущал лишь печаль. «Выигрышный билетик» был чудесен, это верно, но что толку от него сейчас? Какая разница, вернет он деньги или нет? Он убил свою жену. Она этого, несомненно, заслуживала, но Они посмотрят на это иначе. Они с радостью запрут его в самый глубокий и темный колодец Шоушэнкской тюрьмы, какой только отыщут, и выбросят ключ на помойку.

Он увидел, что оставил большие кровавые следы на коробке, и оглядел себя снизу доверху. В первый раз за все это время он заметил, что весь вымазан кровью. Его руки выглядели так, словно принадлежали мяснику с чикагской бойни. Депрессия снова захлестнула его мягкой и темной волной. Они одолели его... Что ж, ладно. И все-таки он убежит от Них. Все равно он оставит Их с носом.

Он встал, чувствуя смертельную усталость во всем теле, и медленно побрел наверх, раздеваясь по дороге — туфли скинул в комнате, брюки — у подножия лестницы, а на середине лестницы присел, чтобы стянуть носки. Даже носки были в крови. Труднее всего пришлось с рубашкой; стаскивать рубашку в наручнике дьявольски тяжело.

Двадцать минут спустя после убийства жены Зануда забрался в душ. Его вполне можно было схватить и привезти в участок в течение этого времени, но... На Мейн-стрит продолжалась смена власти, в конторе шерифа царил полный бардак, и местонахождение Дэнфорта Китона, Зануды, мало кого интересовало.

Насухо вытершись, он натянул чистую пару брюк и майку — возиться с длинными рукавами у него просто не было сил — и вернулся в свой кабинет.

Зануда сел в кресло и снова взглянул на «Выигрышный билетик» в надежде, что его депрессия окажется лишь временным, призрачным явлением и вернется хоть часть прежней радости. Но картинка на коробке, казалось, выцвела и потускнела. Лишь ярко сверкали пятна крови Миртл на крупах лошадок.

Он снял крышку, заглянул внутрь и... застыл в шоке, когда увидел, что крошечные жестяные лошадки грустно понурили головки. Краска на них тоже поблекла. Обломанный кусок пружины торчал из отверстия, куда вставлялся заводной ключик.

«Кто-то побывал здесь! — закричал голос в его мозгу. — Кто-то сломал ее! Кто-то из Них! Мало было уничтожить *меня*! Им захотелось уничтожить и мою игру!»

Но более глубокий голос — быть может, голос угасающего разума — прошептал, что это неправда. «Она была такой с самого начала, — шепнул этот голосок, — ты просто этого не видел».

Он вернулся в кладовку, чтобы в конце концов извлечь оттуда револьвер. Настало время воспользоваться им. Он шарил вслепую, пытаясь нащупать его, когда раздался телефонный звонок. Зануда очень медленно подошел к телефону и поднял трубку, прекрасно зная, кто звонит. Он не ошибся.

2

— Привет, Дэн, — сказал мистер Гонт. — Как у вас дела в этот чудесный вечерок?

— Кошмарно, — угрюмо буркнул Зануда. — Все полетело к чертям собачьим. Я собираюсь покончить с собой.

— Вот как? — В голосе мистера Гонта прозвучало откровенное разочарование.

— Все кончено. Даже игра, которую вы мне продали, поломалась.

— О, я сильно сомневаюсь в этом, — довольно резко произнес мистер Гонт. — Я очень тщательно проверяю все свои товары, мистер Китон. Очень тщательно. Почему бы вам не взглянуть на нее еще раз?

Зануда взглянул, и то, что он увидел, поразило его до глубины души. Лошадки выпрямились на своих стерженьках, сверкая свежей краской. Даже в их глазах, казалось,

зажглись огоньки. Крошечные беговые дорожки блестели зеленью. Ипподром шикарно выглядит, подумал он мечтательно и перевел взгляд на крышку.

То ли его раньше подвели глаза, то ли краски на крышке коробки каким-то чудесным образом восстановились за несколько секунд после телефонного звонка. Теперь кровь Миртл была едва заметна — она высыхала прямо на глазах и становилась бледно-розовой.

— О Боже, — прошептал он.

— Ну, — спросил мистер Гонт. — Ну как, Дэн? Я ошибался? Если так, то вам придется отложить ваше самоубийство по меньшей мере на столько, чтобы успеть вернуть мне вашу покупку для полной ее замены. Я отвечаю за свой товар. Видите ли, это мой долг. Я обязан блюсти свою репутацию, и этого правила я придерживаюсь очень строго — в мире, где миллиарды Их и всего лишь один я.

— Нет... Нет! — воскликнул Зануда. — Она... она *прекрасна*!

— Значит, это вы были не в себе?

— Я... Да, наверно.

— Вы *признаете*, что были не в себе?

— Я... Да.

— Хорошо, — сказал мистер Гонт. Его голос утратил резкость. — Тогда, разумеется, можете спокойно кончать с собой. Хотя должен признаться, что разочарован. Я полагал, что наконец-то повстречал человека, у которого достаточно храбрости, чтобы помочь мне как следует вздрючить Их. Но, похоже, вы такое же трепло, как и все остальные. — Мистер Гонт вздохнул. Это был вздох человека, сознающего, что в конечном счете он так и не смог увидеть свет в конце тоннеля.

С Занудой Китонем творилось что-то странное. Он чувствовал, как к нему возвращается вся его целеустремленность и желание жить. Казалось, он весь заиграл внутри яркими красками, как лошадки на «Выигрышном билетике».

— Вы хотите сказать, что еще не поздно?

— Вы, наверно, не читали сто первый псалом. Никогда не поздно открывать для себя новый мир. Особенно если вы — человек со стержнем внутри. Послушайте, мистер Китон, я уже все подготовил для вас. Я на вас рассчитывал, понимаете?

— Мне больше нравится просто Дэн, — сказал Зануда почти смущенно.

— Хорошо, Дэн. Вы что, и впрямь решили струсить и сбежать от жизни?

— Нет! — заорал Зануда. — Это просто... Я подумал, а что толку? Слишком много здесь Их.

— Трое смелых мужчин могут нанести Им большой урон, Дэн.

— Трое? Вы сказали, *трое* ?

— Да... У нас есть еще один. Кое-кто еще видит опасность и понимает, на что Они способны.

— Кто? — с воодушевлением спросил Зануда. — Кто?

— Со временем вы узнаете, — ответил мистер Гонт, — а сейчас времени очень мало. Они придут за вами.

Зануда выглянул из окна кабинета на улицу маленькими глазками хорька, учуявшего опасность. Улица была пуста, но это только пока. Он чувствовал Их присутствие, ощущал, как Они надвигаются на него.

— Что я должен делать?

— Значит, вы в моей команде? — спросил мистер Гонт. — И я все-таки могу на вас положиться?

— Да!

— До конца?

— Пока в аду мороз не ударит! Или пока вы сами не передумаете!

— Очень хорошо, — сказал мистер Гонт. — Слушайте внимательно, Дэн.

И пока мистер Гонт говорил, а Зануда слушал, постепенно впадая в то гипнотическое состояние, которое мистер Гонт, казалось, создавал у собеседника когда ему вздумается,

воздух снаружи стали сотрясать первые раскаты приближающейся грозы.

3

Через пять минут Зануда вышел из дома. Поверх майки он надел легкий пиджак, а руку с по-прежнему болтающимся на ней наручником засунул глубоко в карман. Не пройдя и полквартиры, он увидел микроавтобус, припаркованный возле тумбы у тротуара — именно там, где говорил мистер Гонт. Автобус был ярко-желтый — любой прохожий обратит внимание не на водителя, а на цвет. Окон почти не было, а на боках красовалась реклама телевизионного канала Портленда.

Зануда бросил быстрые, осторожные взгляды по сторонам и влез в автобус. Мистер Гонт сказал, что ключи будут лежать под сиденьем. Там они и оказались. На пассажирском сиденье лежал бумажный пакет. В нем Зануда обнаружил светлый парик, пару очков в тонкой проволочной оправе и маленькую стеклянную бутылочку.

Он надел парик с некоторым отвращением — длинный и косматый, тот был похож на скальп дохлой рок-звезды, но, взглянув на себя в зеркальце заднего обзора, поразился тому, как шел ему этот парик. Он выглядел в нем моложе — *сильно* моложе. Стекла очков были простые, и они изменили внешность Зануды (во всяком случае, на его взгляд) еще больше, чем парик. В них он стал выглядеть умнее — как Гаррисон Форд в «Побережье москитов». С восторгом он оглядел себя в зеркальце. В мгновение ока он стал выглядеть на тридцать с небольшим вместо своих пятидесяти двух — точь-в-точь как человек, работающий на телевидении. Конечно, не журналист-комментатор, но, вполне возможно, оператор или даже продюсер.

Он отвинтил крышку бутылочки и сморщился — жидкость внутри пахла, как гниющий тракторный аккумулятор. Дымок поднялся из горлышка. Надо быть поосторожнее с этой штукой, подумал Зануда. Надо быть с ней очень осторожным.

Он засунул свободное кольцо наручников под правую ляжку и туго натянул цепь. Потом вылил немножко содержимого бутылки на цепочку, рядом с кольцом на запястье, стараясь, чтобы ни капли этой темной густой жидкости не попало на кожу руки. Сталь тут же начала дымиться и пузыриться. Несколько капель попало на резиновый коврик на полу, и тот тоже начал пузыриться. От него поднялся дымок, и отвратительно запахло горелым. Через несколько секунд Зануда вытащил свободное кольцо из-под своей ляжки, просунул в него пальцы и сильно дернул. Цепочка разорвалась, словно бумага, и он швырнул ее на пол. Второе кольцо осталось у него на запястье, но с этим он вполне мог смириться; по-настоящему мешала цепочка. Он сунул ключ в зажигание, включил двигатель и покатиł прочь.

Три минуты спустя машина шерифа округа Касл с Ситоном Томасом за рулем подъехала к дому Китона, и старый Ситон обнаружил Миртл Китон, растянувшуюся на пороге двери, ведущей из кухни в гараж. Вскоре после этого к его машине присоединились еще четыре патрульных автомобиля полиции штата. Полицейские перевернули весь дом сверху донизу в поисках Зануды или хотя бы малейшего следа, по которому можно было определить, куда тот направился. Никто даже взглядом не удостоил игрушку, стоявшую на его письменном столе. Она была старой, грязной, явно поломанной. И выглядела так, будто ее достали из подвала какого-то бедного родственника.

4

Эдди Уорбуртон, охранник здания муниципалитета, точил зуб на Сонни Джакетта больше двух лет. Последние несколько дней его злость переросла в слепую ярость.

Когда летом 1989-го у аккуратной маленькой «хонды» Эдди полетела коробка передач, он не пожелал везти ее в ближайшую мастерскую фирмы — за буксировку пришлось бы немало заплатить. Жаль, конечно, что коробка не полетела тремя неделями раньше — пока

не истек срок гарантии. Вот Эдди и отправился сначала к Сонни Джакетту и спросил Сонни, есть ли у того опыт в ремонте иностранных «тачек».

Сонни сказал, что есть. Он говорил с ним тем вызывающим, снисходительным тоном, каким все провинциальные янки разговаривали с Эдди. «Мы все тут без предрассудков, парень, — говорил этот тон. — Здесь, знаешь ли, север. Мы не потакаем всей этой южной ерунде. Ты, КОНЕЧНО, ниггер, это видно каждому, но для нас это ничего не значит. Черные, желтые, белые, зеленые — для нас все едино. Тащи свою «тачку» сюда».

Сонни починил коробку передач у «хонды», но счет оказался на сотню больше, чем он обещал, и однажды они чуть было не подрались из-за этого у «Тигра». Потом адвокат Сонни (янки там или южане, но опыт Эдди Уорбуртона свидетельствовал, что у всех белых обязательно есть адвокаты) позвонил Эдди и сказал, что Сонни подает на него иск в гражданский суд. В результате всего Эдди выложил из своего кармана пятьдесят долларов, а спустя пять месяцев в электрической сети его «хонды» случилось замыкание. Машина стояла на парковочной стоянке у здания муниципалитета. Кто-то позвал Эдди, но когда он выскочил с баллоном огнетушителя, машина полыхала огнем. Автомобиль выгорел полностью.

С тех пор он не переставал подозревать, что пожар подстроил Сонни Джакетт. Страховой агент сказал, что это — чистая случайность, что произошло короткое замыкание... такие случаи бывают — один на миллион. Но что этот тип мог понимать? Скорее всего ничего, а кроме того, речь шла ведь не о его бабках. Страховка и близко не покрыла расходов Эдди.

А теперь он знал. Теперь он знал наверняка.

Сегодня он получил по почте маленькую посылку. Предметы в посылке проливали свет на тот эпизод: несколько почерневших контактов с зажимами, старая черно-белая фотография и записка. Такими контактами очень легко вызвать пожар — нужно просто содрать изоляцию с нужной пары проводов, соединить проводки зажимами, и... вуаля!

На снимке Сонни стоял с кучкой своих белых дружков — тех ребят, что вечно сидят, развываясь на кухонных стульях в конторе мастерской, когда бы вы ни заехали туда. Стояли они не у Сонни в «Санокко», а на свалке машин, на городском шоссе № 5. Эти козлы стояли перед обгорелой «хондой» Эдди, пили пиво, хохотали и... жрали арбузные дольки.

Записка была короткой и ясной: «Дорогой ниггер, бодаться со мной — твоя большая ошибка».

Поначалу Эдди удивился: зачем Сонни понадобилось посылать ему такую записку (он и не подумал сравнить ее с тем письмом, которое бросил в прорезь для почты в доме Полли Чалмерз по приказу мистера Гонта). Он решил, что Сонни был еще более тупым и злобным, чем большинство янки. И все же... Если это дело по-прежнему зудело у Сонни в кишках, почему он так долго выжидал? Но чем больше он думал о тех старых временах, тем меньше значили все эти вопросы. Записка, черные зажимы и старая фотография вертели у него в голове и жужжали там, как туча голодных москитов.

Вечером он купил у мистера Гонта пистолет.

Флюоресцентные лампы в конторе «Санокко» высвечивали яркий треугольник на щебне рабочей площадки, когда подъехал Эдди — на подержанном «олдсмобиле», заменившем ему «хонду». Он вылез, держа одну руку, сжимающую пистолет, в кармане пиджака.

У двери он на минуту замешкался, заглядывая внутрь. Сонни сидел за своим кассовым аппаратом, откинувшись на пластиковом стуле так, что тот стоял лишь на задних ножках. Эдди была видна только верхушка кепки Сонни, выглядывающая из-за развернутой газеты. Ну конечно. У белых всегда есть адвокаты, и после того, как целый день обсчитывают черных парней вроде Эдди, они всегда торчат в своих кабинетах, раскачиваются на стульях и читают газеты.

Ух, эти хреновые белые с их хреновыми адвокатами и хреновыми газетами!

Эдди вытащил автоматический пистолет и вошел в помещение. Какая-то часть его, до этого момента дремавшая, вдруг пробудилась и в ужасе закричала, что он не должен этого

делать, что все это — ошибка. Но этот голос уже не имел никакого значения. Он не имел значения, потому что Эдди вдруг оказался вовсе не внутри самого себя. Он словно превратился в дух за своим собственным плечом, наблюдающий за всем происходящим. Какой-то злобный бес руководил его поступками.

— У меня кое-что есть для тебя, ты, лживый сукин сын, — услышал Эдди слова, вылетевшие из собственного рта, глядя, как его палец дважды нажимает на спусковой крючок. Два маленьких черных отверстия появились в заголовке газеты, гласившем: «РЕЙТИНГ МАКЕРНАНА ПОВЫШАЕТСЯ». Сонни Джакетт заорал и дернулся. Задние ножки откинутого стула поехали вперед, и Сонни рухнул на пол в залитой кровью спецовке, только... вышитое золотыми нитками имя на спецовке было «РИККИ». Это был вовсе не Сонни, а Рикки Биссонетт.

— А, черт! — заорал Эдди. — Я пристрелил другого хренового белого!

— Привет, Эдди, — раздался позади него голос Сонни Джакетта. — Удачно вышло, что я как раз сидел в сортире, верно?

Эдди начал поворачиваться. Три пули, выпущенные из автоматического пистолета, который Сонни купил сегодня днем у мистера Гонта, прошили ему спину и раздробили позвоночник, прежде чем он успел сделать пол-оборота.

Широко раскрытыми беспомощными глазами он смотрел, как Сонни нагибается над ним. Дуло пистолета Сонни было огромным, как пасть железнодорожного тоннеля, и черным, как бездна. Капля машинного масла стекала по его щеке.

— Твоя ошибка не в том, что ты хотел украсть мой новый набор ключей, — сказал Сонни, приставив дуло пистолета к середине лба Эдди Уорбуртона. — А вот писать мне записку и предупреждать о том, что ты собираешься это сделать... Это была ошибка.

Яркая белая вспышка — вспышка догадки — неожиданно взорвалась у Эдди в мозгу. Теперь он вспомнил письмо, которое кинул в прорезь для почты той женщине, Чалмерз, и сумел сопоставить тот эпизод с обеими записками — которую получил он и о которой говорил Сонни.

— Слушай! — прошептал он. — Ты должен выслушать меня, Джакетт... Нас обдурили, нас обоих. Мы...

— Прощай, черномазый, — сказал Сонни и нажал на спусковой крючок.

Почти целую минуту Сонни смотрел на то, что осталось от Эдди Уорбуртона, размышляя, не следовало ли ему выслушать, что хотел сказать Эдди. В конце концов, решил он, нет. Ну разве мог такой тупица, сподобившийся написать такую записку, сказать хоть что-то дельное.

Сонни поднялся, прошел в контору и переступил через раскинутые ноги Рикки Биссонетта. Он открыл сейф и вынул оттуда набор универсальных ключей, который продал ему мистер Гонт. Он все еще разглядывал их, вынимая по одному, поглаживая и укладывая обратно в футляр, когда прибыла полиция штата, чтобы отвезти его в участок.

5

— Остановись на углу Берч- и Мейн-стрит, — сказал Зануде мистер Гонт по телефону, — и жди. Я подошлю к тебе кое-кого.

Зануда точно выполнил инструкцию. Со своего наблюдательного пункта он видел, как очень многие заворачивали на аллею за конторами на Мейн-стрит и выходили оттуда — казалось, почти все его друзья и соседи совершали какие-то сделки этим вечером с мистером Гонтом. Десять минут назад туда зашла дамочка Раск в расстегнутом платье, похожая на чудище, выскочившее из какого-то дурного сна.

Не прошло и пяти минут, как она уже спешила обратно, засовывая что-то в карман своего платья (платье было по-прежнему расстегнуто и почти все под ним — видно, но кому в здравом уме, подумал Зануда, захочется смотреть). Несколько выстрелов прозвучало в верхней части Мейн-стрит. Зануда не был уверен, но ему показалось, они раздались из

здания ремонтной станции «Санок».

Патрульные машины полиции штата с полыхающими синим огнем мигалками ринулись вверх по Мейн от здания муниципалитета, распугивая репортеров, как голубей. С маскировкой или без, но Зануда решил, что разумнее будет на какое-то время схоррниться в салоне автобуса.

Полицейские машины пронесли мимо, и их голубые фонари высветили что-то, лежавшее у задней дверцы автобуса — зеленый брезентовый рюкзак. С любопытством Зануда развязал узел веревки, стягивающей горловину рюкзака, раскрыл его и заглянул внутрь.

Сверху в рюкзаке лежала коробка. Зануда вытащил ее и увидел, что весь рюкзак набит таймерами. Их было не меньше двух дюжин. Их гладкие белые циферблаты смотрели на него, как глазки сироток из приюта. Он открыл коробку и увидел, что она заполнена контактными зажимами — такими иногда пользуются электрики, чтобы закоротить провода.

Зануда нахмурился, а потом... Неожиданно перед его внутренним взором возник бланк, точнее — форма общественного фонда Касл-Рока. В графе «Требуемые товары и/или услуги» было аккуратно впечатано: «16 ЯЩИКОВ ДИНАМИТА».

Сидя в салоне автобуса, Зануда начал ухмыляться. А потом расхохотался. Снаружи послышался громовой раскат. Язычок молнии вырвался из пузатой тучи и ударил в Касл-Стрим.

Зануда продолжал смеяться. Он так смеялся, что автобус начал подрагивать.

— Они! — хохоча воскликнул он. — Теперь-то у нас кое-что есть для Них! Теперь-то мы Им покажем!

6

Генри Пейтон, прибывший в Касл-Рок, чтобы таскать каштаны из огня для Алана Пэнгборна, стоял в дверях конторы ремонтной станции «Санок» с отвисшей челюстью. Перед ними лежали двое мужчин. Один был белым, другой — черным, и оба — мертвые.

Третий — хозяин станции, если судить по вышитой фамилии на спецовке, — сидел на полу перед открытым сейфом, держа в руках грязную стальную коробку и баюкая ее, словно младенца. На полу рядом с ним валялся автоматический пистолет. Взглянув на пистолет, Генри почувствовал, как в желудке у него начал кататься лифт — вверх-вниз, вверх-вниз. Это был близнец того пистолета, из которого Хью Прист застрелил Генри Бюфорта.

— Посмотрите, — тихо и с ужасом произнес один из полицейских, стоявших у Генри за спиной, — вот еще один.

Генри повернул голову, чтобы взглянуть, и услышал, как хрустнули его шейные позвонки. Еще один ствол — третий автоматическим пистолет — лежал возле вытянутой руки черного парня.

— Не трогайте их, — сказал он остальным полицейским. — Даже близко не подходите. — Он переступил через лужу крови, схватил Сонни Джакетта за отвороты спецовки и рывком поставил на ноги. Сонни не сопротивлялся, лишь крепче прижал к груди стальную коробку.

— Что здесь было? — рывкнул Генри прямо в лицо Сонни. — Ради всего святого, что здесь произошло?

Сонни махнул в сторону Эдди Уорбуртона локтем, чтобы ни на секунду не отнять рук от коробки.

— Он вошел сюда. У него был пистолет. Он спятил. Сами видите, что спятил, — гляньте, что он сделал с Рикки. Он принял Рикки за меня. Он хотел украсть мои универсальные ключи. Смотрите.

Сонни улыбнулся и приоткрыл стальную коробку, чтобы Генри мог взглянуть на связку ржавых железок внутри.

— Не мог же я позволить ему сделать это, верно? Я хочу сказать... Они же мои. Я за

них заплатил, и они мои.

Генри открыл рот и хотел что-то сказать. Он понятия не имел, что он скажет, и ему так и не пришлось это узнать. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, раздались выстрелы — на этот раз с Касл-Вью.

7

Ленор Поттер стояла над телом Стефани Бонзайт с дымящимся пистолетом в руке. Тело валялось на клумбе за домом — единственной клумбе, которую эта грязная развратная сука не повредила в два своих предыдущих визита.

— Тебе не стоило возвращаться, — сказала Ленор. Никогда в жизни она не стреляла из пистолета, а теперь застрелила женщину, но... единственное, что она испытывала, — мрачное удовлетворение. Женщина находилась в ее частном владении. Она ломала ее сад (Ленор выждала, пока та действительно не стала это делать — ее мамаша дурочек не рожала), и Ленор была в своем праве. Абсолютно в своем праве.

— Ленор? — позвал ее муж. Он высунулся из окошка ванной комнаты наверху с остатками крема для бритья на физиономии. В голосе его звучал ужас. — Ленор, что происходит?

— Я застрелила нарушителя, — спокойно, не оборачиваясь, ответила Ленор. Она просунула ногу под тяжелое тело и приподняла его. Почувствовав под пальцами ног вялый бок этой суки Бонзайт, она неожиданно ощутила явное удовольствие. — Это Стефани Бон...

Тело перевернулось. Это была не Стефани Бонзайт. Это была симпатичная жена помощника шерифа.

Она застрелила Мелиссу Клаттербак.

Совершенно неожиданно *калав* Ленор Поттер миновала голубой цвет, миновала пурпурный, миновала лиловый и окрасилась в абсолютно черный.

8

Алан Пэнгборн сидел, опустив голову и уставившись на свои ладони, уставившись во тьму за ними — столь черную, что ее можно было лишь чувствовать, а не видеть. Ему пришло в голову, что он, наверно, потерял Полли сегодня днем, и не на время — пока не выяснится это нелепое недоразумение, — а навсегда. И ему придется как-то убивать оставшиеся лет тридцать пять в полном одиночестве.

Он услышал слабый шорох и быстро поднял голову. Это была мисс Гендри. Она явно нервничала, но выглядела как человек, принявший какое-то решение.

— Мальчик Раск шевелится, — сказала она. — Он не проснулся — ему дали транквилизатор, и еще какое-то время он не проснется как следует, — но он шевелится.

— Вот как? — тихо спросил Алан и стал ждать продолжения. Мисс Гендри закусила губу.

— Да, — с трудом выговорила она. — Я бы позволила вам поговорить с ним, шериф Пэнгборн, если бы могла, но я не могу. Вы ведь понимаете, да? Я хочу сказать... Я знаю, что у вас проблемы в вашем городе, но этому маленькому мальчику всего семь лет.

— Да.

— Я иду в кафетерий выпить чашку кофе. Миссис Эванс опаздывает — она всегда опаздывает, — но она будет здесь через пару минут. Если вы зайдете в палату Шона Раска — палату номер девять, — сразу после того, как я уйду, она скорее всего вообще не будет знать, что вы здесь. Вы понимаете?

— Да, — благодарно произнес Алан.

— Обхода не будет до восьми, поэтому, если вы окажетесь в его палате, она, вероятно, вас не заметит. Разумеется, если она все же заметит вас, вы скажете ей, что я, выполняя больничные правила, запретила вам посещение. Вы скажете, что проскочили, когда за

столом никого не было. Скажете?

— Да, — пообещал Алан. — Можете на меня положиться.

— Вы сможете воспользоваться лестницей в другом конце коридора, когда будете уходить из палаты Шона Раска. Что я вам, конечно, делать не разрешила.

Алан встал и, повинувшись неожиданному импульсу, поцеловал ее в щеку.

Мисс Гендри вспыхнула.

— Спасибо, — сказал Алан.

— За что? Я ничего не делала. А теперь я, пожалуй, схожу выпью кофе. Пожалуйста, сидите на месте и никуда не выходите, шериф.

Алан послушно сел. Он сидел там, уставясь на Саймона Простака и пирожника, пока двойные двери не захлопнулись за мисс Гендри. Тогда он встал и тихо прошел по ярко раскрашенному коридору, минуя разбросанные игрушки и головоломки, к палате № 9.

9

Алану показалось, что Шон Раск совсем проснулся. Это было детское отделение, и кровать, в которой он лежал, была детской, но все равно он выглядел в ней очень маленьким. Его тельце выпирало под покрывалом одним маленьким холмиком, и оттого казалось, что от него осталась лишь одна голова, покоящаяся на взбитой белой подушке. Лицо — очень бледное. Под глазами — тени лилового цвета, почти как раны, а глаза смотрели на Алана без всякого удивления. Темный завиток волос лежал посередине его лба как запятая.

Алан взял стул у окна и подвинул его к тому краю кровати, где возвышался поручень, предохранявший Шона от падения. Шон не повернул головы, но его взгляд следовал за Аланом.

— Привет, Шон, — тихо сказал Алан. — Как ты себя чувствуешь?

— В горле пересохло, — хриплым шепотом ответил Шон.

На столике возле кровати стоял графин с водой и два стакана. Алан налил воды в стакан и наклонился над поручнем кровати.

Шон попытался сесть и не смог. Он откинулся на подушку со слабым вздохом, отозвавшимся болью в сердце Алана. Его мысли обратились к его собственному сыну — бедняге Тодду. Когда он просунул руку под шейку Шона Раска, на него мгновенно накатили воспоминания. Он увидел Тодда, стоявшего у «скаута» в тот день и машущего ему рукой в ответ на его прощальный жест; безжалостная память осветила каким-то перламутровым светом, заигравшим вокруг лица Тодда, каждую любимую черточку.

Рука Алана дрогнула. Немного воды пролилось на больничную пижаму Шона.

— Прости.

— Ничего, — хриплым шепотком ответил Шон и жадно отпил воды. Он выпил почти полный стакан и икнул.

Алан осторожно опустил его на подушку. Шон вроде бы немного оживился, но в глазах его по-прежнему не было и тени какого-то желания или интереса. Алан подумал, что никогда еще не видел, чтобы маленький мальчик выглядел таким жутко одиноким. И снова его мозг попытался вызвать последний образ Тодда.

Он отогнал видение прочь. Сейчас надо было делать дело — выполнять свою работу. Это была грязная работа, чертовски щекотливая, но он все сильнее и сильнее чувствовал, что это еще и страшно важная работа. Безотносительно к тому, что может происходить сейчас в Касл-Роке, в нем росла уверенность, что по крайней мере часть ответов лежит вот здесь, за этим бледненьким лбом и грустными, безучастными глазами.

Он обвел взглядом комнату и выдавил улыбку.

— Унылая палата, — сказал он.

— Ага, — тихо произнес Шон. — Совсем тусклая.

— Может, немного цветов ее хоть как-то оживят, — сказал Алан и провел правой

рукой по левому запястью, незаметно вытащив сложенный букетик бумажных цветов из потайного местечка под часовым браслетом. Он знал, что испытывает свое везение, но все-таки решил попытаться. И почти пожалел об этом. Два бумажных цветка порвались, когда он вытаскивал игрушку и раскрывал букет. Он услышал усталый треск старой пружинки. Это наверняка было последнее представление данного экземпляра «Цветка с сюрпризом», но Алану все жеудалось его выполнить. И Шон в отличие от своего братишки был явно поражен и доволен, несмотря на свое душевное состояние и транквилизаторы, которыми напичкали его нервную систему.

— Вот это да! Как вы это сделали?

— Да просто немножко волшебства... Хочешь, оставим их здесь? — И он потянулся, чтобы поставить букетик бумажных цветов в графин с водой.

— Не-а. Это же просто бумага. И они порваны в нескольких местах. — Шон задумался, видимо, решив, что это прозвучало как-то неблагодарно, и добавил: — Хотя фокус классный. А можете сделать так, чтобы они исчезли?

«Вряд ли, сынок», — подумал Алан. Но вслух сказал:

— Попробую.

Он поднял букет так, чтобы Шону было хорошо его видно, потом слегка сжал правую ладонь и стал опускать ее вниз. Он делал это движение гораздо медленнее, чем обычно, учитывая плачевное состояние пружинки, и сам был удивлен результатом. Вместо того, чтобы неожиданно исчезнуть из виду, как это обычно происходило со «складывающимся цветком», он втянулся в его слабо сжатый кулак, словно дымок. Он почувствовал, как усталая пружинка попыталась вырваться и треснуть, но в конце концов решила в последний раз свернуться правильно.

— Вот это здорово, — уважительно сказал Шон, и Алан про себя целиком с ним согласился. Получилась замечательная вариация фокуса, которым он годами потчевал ребятишек, но вряд ли так выйдет с новым экземпляром «Цветка с сюрпризом». С новой пружинкой такое медленное таинственное исчезновение уже не получится.

— Благодарю, — сказал он и в последний раз засунул сложенный букетик под браслет часов. — Если не хочешь букет, как насчет четвертака?

Алан наклонился и небрежно вытащил монетку в двадцать пять центов у Шона из носа. Мальчик ухмыльнулся.

— Ох, я совсем забыл — ведь сейчас кока-кола стоит семьдесят пять центов, верно? Инфляция. Ладно, нет проблем. — Он вытащил вторую монетку у Шона изо рта, а третью — из собственного уха. К этому времени улыбка Шона начала потихоньку таять, и Алан понял, что ему лучше побыстрее перейти к делу. Он сложил три монетки столбиком на столике возле кровати.

— Попьешь, когда тебе станет получше, — сказал он.

— Спасибо, мистер.

— Не стоит, Шон.

— Где мой папа? — спросил Шон слегка окрепшим голосом.

Вопрос показался Алану странным. Он ожидал, что Шон прежде всего спросит про мать. Ведь мальчику всего семь лет.

— Он скоро придет сюда, Шон.

— Хорошо бы. Я хочу, чтобы он пришел.

— Я знаю, — сказал Алан, помолчал и добавил: — И мама скоро будет здесь.

Шон обдумал это, а потом медленно и четко покачал головой. Подушка легонько зашуршала.

— Нет, не придет. Она слишком занята.

— Слишком занята, чтобы прийти навестить тебя? — спросил Алан.

— Да, она очень занята. Мама на свидании с Королем. Вот почему я больше не могу приходить к ней в комнату. Она запирает дверь, надевает свои темные очки и навещает Короля.

Алан увидел перед собой миссис Раск, отвечавшую допрашивающим ее полицейским. Голос вялый и отрешенный. На столике рядом с ней — пара темных очков. Кажется, она не в силах оставить их в покое; одной рукой все время играет с ними. Она отдергивает руку, словно боясь, что кто-то заметит это, но проходит всего несколько секунд, и ее рука сама тянется к ним. Тогда он подумал, что она, наверно, в шоке или под действием транквилизаторов. Теперь он не знал. Не знал он и спрашивать ли ему Шона про Брайана или же пойти по этой новой дорожке. Или это — та же самая дорожка?

— Вы не настоящий фокусник, — сказал Шон, — вы полицейский, да?

— Угу.

— Вы из полиции штата? С такими синими машинами, которые быстро ездят?

— Нет... Я шериф округа. Обычно я езжу на коричневой машине со звездой на боку, и она ездит довольно быстро. Но сегодня я езжу на своем стареньком фургоне, который все время забываю продать. — Алан ухмыльнулся. — Он ездит очень медленно.

Это вызвало некоторый интерес.

— А почему вы не ездите на вашей коричневой полицейской машине?

«Чтобы не спугнуть Джилл Мислабурски и твоего брата, — подумал Алан. — Не знаю, как насчет Джилл, но с Брайаном это, кажется, не сработало».

— Честно говоря, я не помню, — сказал он. — Сегодня такой трудный и длинный день.

— Вы такой шериф, как в «Стволах у молодых»?

— Угу, наверно. Что-то вроде того.

— Мы с Брайаном брали этот фильм напрокат и смотрели. Классное кино. Мы хотели пойти посмотреть «Стволы у молодых-два», когда он шел в «Волшебном фонаре» в Бриджтоне прошлым летом, но мама нас не пустила, потому что это картина для взрослых. Нам не позволяют смотреть фильмы для взрослых — только иногда папа разрешает... По видуку. Нам с Брайаном здорово понравились «Стволы у молодых». — Шон замолк, и глаза у него потемнели. — Только это было до того, как Брайан купил вкладыш.

— Какой вкладыш?

В первый раз во взгляде Шона промелькнуло подлинное чувство. Это был ужас.

— Бейсбольный вкладыш. Совсем особый.

— О, вот как? — Алан вспомнил о сумке-холодильнике и бейсбольных вкладышах — обменный фонд, назвал их Брайан, — в ней.

— Брайану нравились бейсбольные вкладыши, да, Шон?

— Да. Этим он его и взял. Я думаю, он использует разные вещи, чтобы забирать разных людей.

Алан подался вперед.

— Кто, Шон? Кто его забрал?

— Брайан убил себя. Я видел, как он это сделал. В гараже.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Сзади из головы у него вылетела какая-то жижа. Не просто кровь. Жижа. Она была желтая.

Алан не знал, что сказать. Сердце у него в груди стучало медленно и тяжело, во рту пересохло, как в пустыне, и он чувствовал резь в желудке. Имя его сына звенело у него в мозгу как похоронный колокол под чьей-то идиотской рукой посреди ночи.

— Мне так жалко, что он сделал это, — сказал Шон странноватым, рассудительным тоном, но в каждом его глазу заблестело по слезинке. Слезы набухли и покатались по его бледным щекам. — Мы теперь не посмотрим вместе «Стволы у молодых-два», когда он появится на кассетах. Мне придется смотреть одному, а это будет совсем не то без глупых шуток Брайана. Я знаю. Совсем не то.

— Ты любил своего брата, да? — хрипло спросил Алан. Он потянулся через поручни кровати. Ладонка Шона Раска скользнула в его ладонь и крепко сжала ее. Она была горячая. И маленькая. Очень маленькая.

— Ага. Брайан хотел играть за «Ред сокс», когда вырастет. Он говорил, что научится

броску «сухой лист» не хуже Майкла Боддикера. Теперь уже никогда не научится. Он сказал, чтобы я не подходил ближе, а то я весь выпачкаюсь. Я плакал, мне было страшно. Это было совсем не как в кино. Это был наш гараж.

— Я знаю, — сказал Алан. Он помнил машину Анни. Разбитые стекла. Огромные черные пятна крови. Это тоже было не как в кино. Алан заплакал и сквозь слезы выдавил: — Я знаю, сынок.

— Он сказал, чтобы я пообещал, и я обещал, и я сдержу слово. Я буду держать его всю жизнь.

— Что ты обещал, сынок?

Алан вытер лицо свободной рукой, но слезы все текли. Мальчик лежал перед ним с личиком почти такого же цвета, как наволочка на подушке, где покоилась его головка; мальчик видел, как брат покончил с собой, видел, как его мозги ударились о стенку гаража, будто сгусток свежих соплей, а где была его мать? Он сказал, на свидании с Королем. *Она запирает дверь, надевает свои темные очки и идет на свидание с Королем.*

— Что ты обещал, сынок?

— Я хотел поклясться маминым именем, но Брайан не разрешил мне. Он сказал, что я должен поклясться собой. Потому что он забрал ее тоже. Брайан сказал, он забирает всех, кто клянется чужим именем. Вот я и поклялся собой, как он хотел, но Брайан все равно сделал так, что ружье хлопнуло.

Шон уже плакал громче, но сквозь слезы честными глазенками смотрел на Алана.

— Это была не просто кровь, мистер шериф. Это была другая жижа. *Желтая* жижа.

Алан сжал его ладошку.

— Я знаю, Шон. Что твой брат хотел, чтобы ты обещал?

— Может быть, Брайан не попадет в рай, если я скажу.

— Попадет. Я обещаю тебе. А я — шериф.

— А шерифы нарушают свое слово?

— Они никогда не нарушают слова, если дают его маленьким ребятишкам в больнице, — сказал Алан. — Шерифы *не могут* нарушить такое слово.

— Они попадут в ад, если нарушат?

— Да, — сказал Алан. — Это точно. Они попадут в ад, если нарушат.

— Вы клянетесь, что, даже если я скажу, Брайан попадет на небо? Клянетесь своим именем?

— Клянусь. Своим именем, — сказал Алан.

— Ладно, — тихонько вздохнул Шон. — Он заставил меня пообещать, что я никогда не пойду в этот новый магазин, где он купил тот особый вкладыш. Он думал, что на нем Сэнди Кауфакс, но там был совсем другой. Другой игрок. Вкладыш был старый и весь грязный, но, по-моему, Брайан этого не знал. — Шон помолчал немного, о чем-то задумавшись, а потом продолжал своим спокойным, рассудительным голосом: — Он однажды пришел с грязью на руках. Он смыл грязь, а потом я слышал, как он плакал у себя в комнате.

Простыни, подумал Алан. Простыни Уилмы. Значит, это был Брайан.

— Брайан сказал, что «Самое необходимое» — отравленное место, и что *он сам* отравленный, и что я никогда не должен туда ходить.

— Брайан *сказал* так? Он сказал: «Самое необходимое»?

— Да.

— Шон... — Он смолк на полуслове и задумался. Электрические искорки взрывались голубыми молниями у него в мозгу.

— Что?

— Твоя... Твоя мать купила темные очки тоже в «Самом необходимом»?

— Да.

— Она говорила тебе, что купила их там?

— Нет. Но я знаю. Она надевает темные очки и вот так идет на свидание с Королем.

— Каким Королем, Шон? Ты знаешь?

Шон посмотрел на Алана так, словно тот свихнулся:

— Элвисом. Он же — Король.

— Элвис, — пробормотал Алан. — Ну конечно... Кто же еще?

— Я хочу, чтобы пришел папа.

— Я знаю, родной. Еще несколько вопросов, и я оставлю тебя в покое. И ты заснешь, а когда проснешься, твой отец будет здесь. — Он очень надеялся на это. — Шон, а Брайан сказал, кто этот отравленный человек?

— Да. Мистер Гонт. Тот, кто держит магазин. *Он* — отрав.

Теперь мысли Алана перескочили на Полли — Полли, сказавшую после похорон: «Я думаю, все дело в том, чтобы обратиться к правильному врачу... Доктор Гонт. Доктор Лиланд Гонт».

Он увидел, как она держит серебряный шарик, который купила в «Самом необходимом», чтобы ему было видно, но... как заслоняет его рукой, словно защищает, когда он пытается дотронуться до него. На ее лице в это мгновение появляется выражение, совершенно непохожее на Полли. Выражение злобной подозрительности собственницы. И потом, позже, она говорит резким, дрожащим, полным слез голосом, тоже так непохожим на нее: «Как тяжело понимать, что лицо, которое ты думала, что любишь, всего лишь маска... Как ты мог это делать у меня за спиной?.. Как ты мог?»

— Что же ты ей сказал? — пробормотал он, не отдавая себе отчета в том, что схватил одной рукой больничное покрывало и медленно сжимает его в кулаке. — Что ты ей сказал? И как же ты заставил ее в это поверить?

— Мистер шериф? С вами все в порядке?

Алан заставил себя разжать кулак.

— Да... все нормально. Ты уверен, что Брайан сказал — мистер Гонт, а, Шон?

— Да.

— Спасибо. — Алан наклонился через поручень, взял ладошку Шона и поцеловал его в прохладную бледную щеку. — Спасибо, что поговорил со мной. — Он отпустил руку мальчика и встал.

За последнюю неделю в списке его повседневных рутинных дел было лишь одно невыполненное — визит вежливости к новому бизнесмену Касл-Рока. Дело небольшое: просто обычное, дружелюбное «привет-как-дела-добро-пожаловать-в-город» и быстрое знакомление с инструкцией — что предпринимать при каких-то чрезвычайных происшествиях. Он хотел это сделать, даже заезжал однажды, но... так и не сделал. И сегодня, когда поведение Полли заставило его задуматься, а не пройдоха ли мистер Гонт, разразилась *настоящая* гроза, а он шляется здесь, в двадцати милях оттуда.

«А не он ли держит меня вдалеке? И все это время держал?» — пронеслось в голове. Мысль должна была показаться по меньшей мере странной, но в этой тихой, затемненной комнате она таковой вовсе не казалась.

Вдруг он понял, что должен вернуться. И как можно быстрее.

— Мистер шериф?

Он взглянул вниз, на Шона.

— Брайан еще кое-что сказал, — прошептал мальчик.

— Да? — нахмурился Алан. — Что же?

— Брайан сказал, что мистер Гонт на самом деле — вовсе не человек.

10

Так тихо, как только мог, Алан прошел через коридор к двери с надписью «ВЫХОД», ожидая в любую секунду услышать повелительный окрик заместительницы мисс Гендри. Но единственным человеком, который заговорил с ним, оказалась маленькая девчушка. Она стояла у двери своей палаты, ее светленькие волосенки были заплетены в косички и лежали спереди на розовой фланелевой ночной рубашонке. В руках она держала одеяло — свое

любимое, судя по его потертому виду. Ножки ее были босы, ленточки в косичках заплетены криво, и огромные глазки печально светились на изможденном личике. Личике, знавшем про боль гораздо больше, чем должно знать любое детское лицо.

— У тебя есть ружье, — объявила она.

— Да.

— У моего папы есть ружье.

— Правда?

— Да. И больше, чем у тебя. Оно больше всего на свете. А ты умеешь плясать буги? Ты буги-мен?

— Нет, родная, — сказал он и подумал, что, может статься, ему и придется поплясать буги сегодня ночью в своем родном городе.

Он толкнул дверь в конце коридора, спустился вниз, толкнул еще одну дверь и вышел в поздние сумерки, душные, как в середине лета. Не бегом, но быстро он двинулся к парковочной стоянке. Рыкнул и прогрехотал гром — со стороны Касл-Рока.

Он открыл дверцу своего фургона, забрался внутрь и снял со штырька радиомикрофон:

— Номер Один вызывает базу. Ответьте.

В ответ раздался треск электрических разрядов.

Проклятая гроза.

«Может, это буги-мен специально заказал ее», — шепнул голосок где-то в самой глубине его сознания. Алан улыбнулся, не разжимая крепко стиснутых губ.

Он попытался связаться еще раз, получил тот же ответ и попробовал вызвать полицию штата в Оксфорде. Они отозвались ясно и четко. Диспетчер сообщил ему, что идет сильная гроза в направлении Касл-Рока и связь очень плохая. Даже телефоны работают когда им вздумается.

— Ладно, свяжитесь с Генри Пейтоном и скажите ему, чтобы он задержал человека по имени Лиланд Гонт. Для начала как свидетеля. Гонт — первая буква Г, Гильберт. Вы меня поняли?

— Понял, шериф. Как в аптеке. Гонт, Г, Гильберт.

— Скажите ему, что я полагаю, что Гонт участвовал в убийстве Нетти Кобб и Уилмы Джерзик.

— Понял.

— Связь закончил.

Он положил микрофон на место, включил двигатель и двинулся обратно в Рок. На выезде из Бриджтона он свернул на стоянку возле магазина «Красное яблоко» и позвонил оттуда к себе в контору. Послышалось два щелчка, и механический голос сообщил, что телефон временно не работает.

Он повесил трубку и вернулся к своей машине. Перед тем как выехать со стоянки на шоссе № 117, он включил портативную мигалку и укрепил ее на крыше. Всего через полмили он уже выжимал из трясущегося и протестующего «форда» семьдесят пять миль в час.

11

Эйс Меррилл и крошечная мгла вернулись в Касл-Рок одновременно.

Он ехал на «шевроле» через Касл-Стрим-бридж, а наверху, в небе, грохотал гром и молнии сверкали почти у самой земли. Он ехал с открытыми окнами; дождь еще не начался, и воздух был густой, как сироп.

Эйс был грязным, усталым и страшно злым. Несмотря на записку, он исследовал еще три места, указанные на карте, не в силах поверить в случившееся, не в силах поверить, что такое могло случиться. Он никак не мог поверить в то, что его выставили МЕРИНОМ. В каждом из трех мест он отыскал плоский камень, а под ним закопанную консервную банку. В двух были все те же пачки грязных купонов, а в третьей — той, что оказалась в болотистой

земле за фермой Страутов, — ничего, кроме старой шариковой ручки. На ручке была изображена баба с прической сороковых годов в купальнике тех же времен. Стоило перевернуть ручку кончиком вверх — и купальник исчезал.

Вот так сокровище!

Эйс как сумасшедший летел в Касл-Рок с дикими, безумными глазами и джинсами, заляпанными дерьмом по самые колени, с одной-единственной целью: убить Алана Пэнгборна. Потом он просто-напросто слиняет на Западное побережье — ему давным-давно уже надо было так сделать. Может, он выколотит какие-то бабки из Пэнгборна, может — нет, может, вообще ничего не получит. В любом случае ясно было одно: этот сукин сын подохнет, и подохнет медленно.

Однако за три мили до моста он сообразил, что у него нет оружия. Он хотел тогда взять один ствол из ящика в бостонском гараже, но включился этот чертов магнитофон и напугал его до смерти. Но он знал, где эти стволы.

О да!

Он пересек мост и... остановился на перекрестке Мейн-стрит и Уотермилл-лейн, хотя преимущество проезда было у него.

— Что тут еще, твою мать? — пробормотал он.

Мейн была битком набита полицейскими «тачками», голубыми мигалками, телевизионными автобусами, повсюду толпились люди. Главная суeta царила вокруг здания муниципалитета. Все это выглядело так, словно отцы города решили именно сегодня устроить уличный карнавал.

Эйсу было наплевать, что там случилось: что до него, так весь этот город мог катиться к чертовой матери. Но ему был нужен Пэнгборн, он хотел сорвать скальп с этого паршивого воруи и повесить его у себя на поясе, но... Как ему, интересно, это сделать, если, похоже, вся полиция Мэна торчит перед конторой шерифа.

Ответ пришел мгновенно. Мистер Гонт знает. У мистера Гонта оружие, и он знает, что делать. Ступай к мистеру Гонту.

Он глянул в зеркало и увидел новые полицейские «тачки», выезжающие из-за ближайшего поворота по эту сторону моста. Еще больше легавых движется сюда. Что за хреновина стряслась здесь сегодня, снова подумал он, но ответ на этот вопрос можно было поискать в другой раз... или вообще выкинуть из головы. Сейчас у него свое дело, и нужно начать с того, чтобы убратсья отсюда, прежде чем легаша сядут ему на хвост.

Эйс свернул на Уотермилл-лейн, потом сразу на Сидэр-стрит, объезжая центр города, прежде чем снова выехать на Мейн-стрит. Он на секунду задержался у светофора, взглянув на скопище синих огней возле подножия холма, а потом остановился перед «Самым необходимым».

Он вылез из машины, перешел через улицу и прочел табличку в витрине. На мгновение его охватило жуткое разочарование — ему требовался не только пистолет, но и доза зелья мистера Гонта, — а потом вспомнил о служебном входе с аллеи. Он свернул за угол, не заметив ни ярко-желтый автобус, припаркованный ярдах в двадцати—тридцати выше по Мейн-стрит, ни человека, сидящего в нем (Зануда перебрался на пассажирское сиденье) и следившего за ним.

Как только он свернул на аллею, так сразу наткнулся на мужчину в низко надвинутой на лоб твидовой кепке.

— Эй, смотри, куда прешь, папаша, — сказал Эйс.

Мужчина в твидовой кепке поднял голову, уставился на Эйса и оскалил зубы. Одновременно он вытащил из кармана автоматический пистолет и направил в его сторону.

— Не бодайся со мной, дружок, если не хочешь отведасть вот этого.

Эйс поднял руки и отступил на шаг. Он не испугался: его охватило жуткое изумление.

— Только не я, мистер Нелсон, — сказал он. — Меня в это не впутывайте.

— Ладно, — сказал мужчина в твидовой кепке. — Ты не видел этого хренососа Джуэтта?

— Э-э... Это тот, из старших классов?

— Ну да, из средней школы — что, у нас в городе есть еще один Джуэтт? Да проснись же ты Бога ради!

— Я только что приехал, — осторожно произнес Эйс, — и, честное слово, еще никого не видел, мистер Нелсон.

— Ладно, я все равно его отыщу, а когда отыщу, он у меня станет обыкновенным жалким мешком с дерьмом. Он убил моего попугайчика и обосрал портрет моей матери. — Джордж Т. Нелсон сузил глаза и добавил: — Сегодня ночью лучше не вставать у меня на дороге.

Эйс не стал спорить.

Мистер Нелсон засунул пистолет обратно в карман и исчез за углом, двигаясь с целеустремленностью человека, которого действительно здорово оскорбили. Эйс еще секунду не двигался с места и не опускал руки. Мистер Нелсон вел уроки труда в старших классах. Эйс всегда считал его одним из тех парней, у которых не хватит смелости прихлопнуть муху, попавшую в глаз, но теперь подумал, что, может, ошибался. И еще: Эйс узнал пистолет. Да и как он мог не узнать его, если он вчера вечером привез целый ящик таких из Бостона.

12

— Эйс! — сказал мистер Гонт. — Ты как раз вовремя.

— Мне нужна пушка, — сказал Эйс. — И еще немного вашей классной пудры, если осталось.

— Да-да... в свое время. Все — в свое время. Помоги мне с этим столом, Эйс.

— Я убью Пэнгборна, — сказал Эйс. — Он украл мой клад, и я его пришью.

Мистер Гонт взглянул на Эйса своим спокойным взглядом желтых глаз кошки, играющей с мышью, и... в этот момент Эйс ощутил себя мышкой.

— Не отнимай у меня время рассказами о том, что мне уже известно, — сказал мистер Гонт. — Если тебе нужна моя помощь, Эйс, помоги мне.

Эйс ухватил стол за один бок, и они вдвоем оттащили его в кладовую. Мистер Гонт нагнулся и поднял прислоненную к полу табличку с надписью:

НА ЭТОТ РАЗ ЗАКРЫТО НАСОВСЕМ

Он повесил ее на дверь с внешней стороны, а потом закрыл дверь. Он успел запереть замок, прежде чем Эйс сообразил, что на табличке не было ничего такого, что могло держать ее на двери, — ни петельки, ни клейкой ленты, вообще ничего. Но тем не менее она держалась.

Потом его взгляд упал на ящики, в которых раньше лежали пистолеты и прочая амуниция. Там осталось всего три пистолета и три контактных зажима.

— Господи Иисусе! Куда они все девались?

— Дела сегодня вечером шли хорошо, Эйс, — сказал мистер Гонт, потирая свои длиннопалые руки. — Просто чудесно. А пойдут они еще лучше. У меня есть для тебя работенка.

— Я же *сказал* вам, — начал Эйс, — шериф украл мои...

Лиланд Гонт навис над ним, прежде чем Эйс вообще заметил, что он сдвинулся с места. Его длинные мерзкие руки схватили Эйса за воротник рубахи и вздернули в воздух, словно он весил не больше пера. Испуганный вскрик вылетел у Эйса изо рта. Руки, державшие его, были словно железные. Мистер Гонт поднял его высоко, и Эйс неожиданно обнаружил, что смотрит сверху вниз на это дьявольское, сверкающее лицо, почти ничего не соображая от ужаса. Но он все же заметил, как дым — а может, это был пар — выходит из ноздрей и ушей мистера Гонта. Гонт был похож на какого-то человекообразного дракона.

— Не смей мне НИЧЕГО говорить! — заорал на него мистер Гонт. Его язык высунулся между похожих на могильные камни зубов, и Эйс увидел, что кончик языка раздвоен, как жало у змеи. — Я говорю тебе: ВСЕ! Заткнись, когда находишься рядом с теми, кто старше и лучше тебя, Эйс! Заткнись и слушай! ЗАТКНИСЬ И СЛУШАЙ!

Он дважды повернул Эйса вокруг своей головы, как ярмарочный борец, и отшвырнул его к дальней стене. Эйс врезался головой в штукатурку. Яркий фейерверк взорвался у него в мозгу. Когда туман в глазах рассеялся, он увидел склонившегося над ним мистера Гонта. Его лицо было страшно — одни глаза, зубы и клубы дыма.

— Нет! — завопил Эйс. — Нет, мистер Гонт! Пожалуйста, неееет!

Руки превратились в лапы, ногти мгновенно отросли и заострились — или они все время были такими, пронеслось у Эйса в мозгу, может, они такие и были, а он просто не видел этого.

Когти распороли ткань его майки, как бритвы, и Эйса снова подтащило ближе к этому дымящемуся лицу.

— Ты готов слушать, Эйс? — спросил мистер Гонт. Горячие клубы дыма обжигали щеки и рот Эйса при каждом слове. — Ты готов или мне надо распороть твоё поганое брюхо и покончить с тобой?

— Да! — всхлипнул он. — То есть нет Я буду слушать!

— Ты будешь хорошим послушным мальчиком и исполнишь мои приказы?

— Да!

— Ты знаешь, что случится с тобой?

— Да! Да! Да!

— Ты отвратителен, Эйс, — сказал мистер Гонт, — мне нравится это в человеке. — Он слегка тряхнул Эйса и отпустил. Эйс сполз по стене и, всхлипывая, очутился на коленях. Он смотрел в пол. Он страшно боялся взглянуть в лицо чудовищу.

— Если ты хотя бы подумаешь о том, чтобы перечить мне, Эйс, я позабочусь, чтобы ты испытал весь набор адских мук. Не волнуйся, ты получишь шерифа. Однако в данный момент его нет в городе. А теперь вставай.

Эйс медленно поднялся на ноги. Голова у него трещала, майка свисала лохмотьями.

— Позволь тебя кое о чем спросить. — Мистер Гонт снова был вежлив и цивилизован, каждый волосок на его голове лежал на своем месте. — Ты любишь этот маленький городок? Нравится он тебе? Ты обклеиваешь его фотографиями стенки в своей говенной маленькой каморке, чтобы напоминать себе о его провинциальной прелести в минуты грусти и печали?

— Черт... Нет, — нетвердым голосом произнес Эйс. Голос у него вздрагивал с каждым ударом сердца. Подняться на ноги стоило ему немалого труда; ноги были словно макароны. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и со страхом смотрел на мистера Гонта.

— Впал бы ты в меланхолию, если бы я сказал, что желаю, чтобы ты стер это маленькое говенное селение с лица земли, пока не вернется шериф?

— Я... Я не знаю, что значит это слово, — нервно сказал Эйс.

— Меня это не удивляет. Но, думаю, ты понимаешь, что я *имею в виду*, ведь так, Эйс?

Эйс вспомнил прошлое. Он вспомнил, как много лет назад четверо сопливых мальчишек здорово накололи его и его друзей (в то время у Эйса *были друзья* или по крайней мере те, кого можно было хоть как-то назвать таковыми). Потом, позже, они отловили одного из тех сопляков — Горди Ла-Чанса — и отдрючили его как следует, но это уже не имело значения. Теперь Ла-Чанс — преуспевающий писатель, живет в совсем другой части штата и скорее всего подтирает задницу десятидолларовыми бумажками. Каким-то образом сопляки одержали победу, и с тех пор все у Эйса шло наперекосяк. Удача отвернулась от него. Двери, раньше открытые для него, стали захлопываться перед его носом одна за другой. Мало-помалу он стал сознавать, что он не король, а Касл-Рок — не его королевство. Если когда-то и было так, эти дни уходили в прошлое с того самого уик-энда в День труда, когда ему было шестнадцать и когда сопляки обманным путем присвоили себе то, что по праву принадлежало Эйсу и его друзьям. К тому времени как Эйс повзрослел

настолько, чтобы законным образом заказать спиртное в «Пьяном тигре», он из короля превратился в солдата без обмундирования, пробирающегося по вражеской территории.

— Я ненавижу этот сраный сортир, — сказал он Лиланду Гонту.

— Хорошо, — кивнул мистер Гонт. — Очень хорошо. У меня есть друг — он ждет в машине неподалеку, — который поможет тебе разобраться с этим, Эйс. Ты получишь шерифа... А заодно и весь город в придачу. Как по-твоему, это хорошо звучит? — Он поймал взгляд Эйса.

Стоя перед ним в разодранной майке, Эйс начал ухмыляться. Голова у него больше не болела.

— Ага, — сказал он. — Зв-вучит просто в-великолепно.

Мистер Гонт сунул руку в карман пиджака и вытащил оттуда пластиковый пакет из-под сэндвича, набитый белым порошком. Он протянул его Эйсу и сказал:

— За работу, Эйс.

Эйс взял протянутый пакет, не отрывая взгляда от глаз мистера Гонта.

— Отлично, — произнес он. — Я готов.

13

Зануда увидел, как последний человек, свернувший на аллею за «Самым необходимым», вышел оттуда. Майка у парня теперь свисала клочьями, и он тащил какой-то ящик. Из-за пояса его голубых джинсов торчали рукоятки двух автоматических пистолетов.

Зануда в ужасе отпрянул, когда этот человек, в котором он теперь признал сына Джона Меррилла, Эйса, подошел прямо к автобусу и опустил ящик на землю.

Эйс постучал в стекло.

— Открой заднюю дверь, папаша, — сказал он. — Нам пора приниматься за дело.

Зануда опустил стекло.

— Убирайся отсюда, — выдавил он. — Убирайся, слышишь, негодяй! А не то я позову полицию!

— Доброй охоты, козел, — буркнул Эйс и вытащил из-за пояса один пистолет.

Зануда окаменел, а Эйс протянул пистолет ему в окошко, рукояткой вперед. Зануда, моргая, уставился на ствол.

— На, держи, — нетерпеливо произнес Эйс, — и открой заднюю дверь. Если ты еще не понял, кто меня послал, то ты даже тупее, чем кажешься с виду. — Он просунул в окошко вторую руку, пощупал парик и скривился в подобии улыбки. — Мне нравятся твои волосики. Просто прелесть.

— Прекрати, — сказал Зануда, но уже без злобы в голосе. *«Трое смелых мужчин могут нанести Им сильный урон», — говорил мистер Гонт. — Я пришлю тебе кое-кого»*.

Но Эйс! Эйс Меррилл! Он же уголовник!

— Слушай, — сказал Эйс, — если хочешь обсудить детали с мистером Гонтом, то он, по-моему, еще у себя. Но, как сам видишь, — Эйс провел ладонями сверху вниз по свисающим лохмотьям, в которые превратилась его майка, — он слегка не в духе.

— Ты должен помочь мне избавиться от Них? — спросил Зануда.

— Это точно, — подтвердил Эйс. — Мы поджарим весь этот городишко, как шашлык на ребрышках. — Он поднял ящик. — Хотя я лично не представляю, как это сделать с одной коробкой капсюлей. Но он сказал, что ты знаешь ответ на этот вопрос.

Зануда начал ухмыляться. Он встал, прошел в салон автобуса и открыл заднюю дверь.

— Думаю, что знаю, — сказал он. — Залезайте, мистер Меррилл. Нам пора двигаться.

— Куда?

— Для начала — в городской автопарк, — сказал Зануда.

Он продолжал ухмыляться.

Глава 21

1

Его преподобие Уильям Роуз, впервые вступивший на амвон объединенной баптистской церкви Касл-Рока в мае 1983-го, был чистой воды фанатиком — тут ни у кого не возникало никаких сомнений. К несчастью, он еще был энергичен, порой как-то странно и жестоко остроумен и чрезвычайно популярен среди своей паствы. Его первая проповедь в качестве вожака баптистского стада явилась знамением грядущих перемен. Она начиналась со слов: «Почему католикам гореть в аду». В этом ключе он и продолжал свою проповедь, чем снискал себе с тех пор громадную популярность среди своих единоверцев. Католики, сообщил он им, богохульники, заблудшие создания, которые поклоняются не Иисусу, а женщине, избранной, чтобы носить Его в своем чреве. Так стоит ли удивляться тому, что они так рьяно заблуждаются и в прочих вопросах?

Он разъяснял своей пастве, что католики разработали целую науку пыток во времена инквизиции; что инквизиторы жарили из истинно верующих, как он выражался, «копченые бифштексы» вплоть до конца девятнадцатого столетия, пока героические протестанты (в основном баптисты) не заставили их прекратить это; что за всю историю католичества сорок пап познали своих собственных сестер и матерей и даже незаконнорожденных дочерей на греховных, гхм, сексуальных сборищах, гхм; что Ватикан выстроен на деньги протестантских мучеников и ограбленных народов.

Подобная невежественная болтовня вряд ли была внове католической церкви, которой приходилось сталкиваться с похожими байками на протяжении сотен лет. Многие священники спокойно переступали через это, порой даже мягко подшучивая над такого рода нападениями. Однако не таков был отец Джон Бригем, чтобы смириться с этим. Как раз наоборот. Вспыльчивый кривоногий ирландец, отец Бригем был одним из тех лишенных юмора людей, которые просто не выносят дураков, в особенности гордых и напыщенных вроде преподобного Роуза.

Он молча сносил постоянные укусы Роуза почти целый год, прежде чем наконец не огрызнулся со своего собственного амвона. Его проповедь, лишенная каких бы то ни было туманных намеков и иносказаний, называлась просто: «Грехи священника Уилли». В ней он охарактеризовал баптистского проповедника как «гнусавящего свои псалмы недоумка, который думает, что по понедельникам Уилли ходит по воде аки по суку, а по воскресеньям Билли восседает по правую руку Господа, Отца Всемогущего».

Позже, тем же воскресным днем, преподобный Роуз в сопровождении четырех самых здоровых дьяконов нанес визит отцу Бригему. Они заявили, что их глубоко поразили и шокировали клеветнические измышления, высказанные отцом Бригемом.

— И у вас хватает духу говорить мне, чтобы я сбавил тон, — сказал отец Бригем, — после того, как вы все утро драли горло и рассказывали верующим, что я служу вавилонской блуднице?

Краска тут же залила обычно бледные щеки преподобного Роуза и даже почти совсем облысевший череп. Он *никогда* не говорил ничего о вавилонской блуднице, заявил он отцу Бригему, хотя *упоминал* несколько раз римскую блудницу, и коль скоро этот сапог пришлось в пору отцу Бригему, то что ж, пускай он носит его на здоровье.

Сжав кулаки, отец Бригем шагнул за двери своего храма.

— Если хотите обсудить это на свежем воздухе, мой друг, — сказал он, — попросите ваш скромный гестаповский конвой постоять в сторонке, и мы побеседуем так, как вы только пожелаете.

Его преподобие Роуз, который был на три дюйма выше отца Бригема — но фунтов на двадцать легче, — криво усмехнувшись, сделал шаг назад.

— Я не стану, гхм, пачкать руки, — сказал он. Одним из сопровождавших его дьяконов оказался Дон Хемпхилл. Он был не только выше, но и потяжелее католического священника.

— Я готов обсудить это с вами, если пожелаете, — заявил он. — И я с удовольствием подмету дорожку вашей папистской отвислой задницей.

Двое других дьяконов, знавших, что Дон вполне способен на это, быстро увели его, но... После этого поднялась большая шумиха.

До нынешнего октября война в основном ограничивалось словесными ристалищами — анекдотами про различные национальности и непристойными шутками на мужских и дамских сборищах обеих церквей, потасовками ребятишек, чьи родители принадлежали к разным конфессиям, на школьном дворе — и главным образом риторическими ракетами, летящими от амвона к амвону по воскресеньям — этим дням примирения, в которые, как учит нас история, начиналось большинство войн. Время от времени случались и неприятные инциденты — бросались яйца в Пэриш-холле во время танцев баптистской молодежи, а однажды в окно комнаты пасторского домика влетел булыжник, — но в основном это была словесная баталия.

Как и у всех войн, у этой были свои жаркие денечки и временные затишья, но настоящая, постоянно растущая злоба в обоих станах началась с того дня, когда Дочери Изабеллы объявили о своих планах устроить Ночь Казино. А к тому моменту, когда преподобный Роуз получил небезызвестную открытку «Баптистской крысе», пожалуй, было уже поздно пытаться избежать конфронтации; исключительная грубость послания лишний раз свидетельствовала о том, что, когда стычка произойдет, будет жарко. Костер был разложен; кому-то оставалось лишь поднести спичку и раздуть пожар.

Если кто-то роковым образом и недооценивал взрывоопасность ситуации, это был отец Бригем. Он знал, что его баптистскому сопернику вряд ли придется по душе идея Ночи Казино, но не понимал, как глубоко оскорбляла и ранила баптистского проповедника мысль об азартной игре с благословения церкви. Он не знал, что отец Уилли Парохода был заядлым игроком, много раз бросавшим свою семью, когда его охватывала лихорадка азарта, и что в конце концов, проигравшись в пух и прах, застрелился в задней комнате дансинг-холла. И наконец, нелицеприятная правда об отце Бригеме заключалась в следующем: даже если бы он и знал

об этом, ему, по всей вероятности, было бы все равно.

Преподобный Роуз мобилизовал все свои силы. Начали баптисты с кампании писем — «Нет — Ночи Казино» — в ежедневную газету Касл-Рока «Звонок» (большую часть писем написала сама Ванда Хемпхилл, жена Дона), а потом последовали листовки «РУЛЕТКА ДЬЯВОЛА». Бетси Байге, председателю Ночи Казино и главный регент местного отделения Дочерей Изабеллы, организовала контрнаступление. За последние три недели «Звонок» разросся до шестнадцати страниц, чтобы уместить дебаты противоборствующих сторон (правда, это больше походило на чемпионат «Кто-громче-крикнет», чем на разумную аргументацию различных взглядов). Расклеивалось все больше листовок; с не меньшей быстротой они срывались. Умеренность в выражениях обеими сторонами игнорировалась полностью. Некоторые из идеологических бойцов просто забавлялись; было и весело, и безопасно участвовать в буре в стакане воды, но... когда дело приблизилось к финишу, для Уилли Парохода, равно как и для отца Бригема, это уже не было забавой.

— Я раздавлю этот маленький самодовольный кусок говна! — рявкнул Бригем на удивленного Элберта Джендрона в тот день, когда Элберт принес ему небезызвестное письмо: «Послушай, ты, ПОЖИРАТЕЛЬ МАКРЕЛИ», которое нашел приклеенным к двери в свой зубоврачебный кабинет.

— Вы только представьте себе, этот сынок грязной шлюхи обвиняет правоверных баптистов в такой мерзости! — завизжал преподобный Роуз на столь же удивленных Нормана Харпера и Дона Хемпхилла. Это произошло в День Колумба, сразу после звонка отца Бригема. Бригем пытался прочесть письмо про макрель его преподобию Роузу; Роуз отказался (нарочито — в присутствии своих дьяконов) слушать.

Норману Харперу, который был примерно одного роста с Элбертом Джендроном, но весил фунтов на двадцать больше, стало как-то не по себе от истерического крика Роуза, но

высказывать он это вслух не стал.

— Я вам скажу, в чем тут дело, — буркнул он. — Отец вислозадый слегка перетрухнул из-за той открытки, которую ты получил, Уилл, вот и все. Он понял, что дело зашло слишком далеко. И рассчитал — если он объявит, что кто-то из его дружков получил письмо, полное таких же ругательств, это разойдется по округе и снимет с него вину.

— Ну, так это у него не пройдет! — еще истеричнее выкрикнул Роуз. — Никто из моей паствы не станет принимать участие в такой мерзости! Никто! — На последнем слове голос у него сорвался. Ладонки стали судорожно сжиматься и разжиматься. Норман и Дон хмуро переглянулись. За последние несколько недель они уже несколько раз обсуждали такое поведение нреподобного Роуза, становившееся для него обычным делом. Вся эта затея с Ночью Казино буквально раздирала Уилли на части. Они оба опасались, что еще до того, как все утрясется, у него может случиться нервный срыв.

— Ты не волнуйся, — успокаивающе пробормотал Дон, — мы ведь знаем, как оно все на самом деле, Уилл.

— Да! — вскричал преподобный Роуз, уставившись на обоих мужчин мутными влажными глазами. — Да, вы знаете — вы двое. И я... Я — знаю! А как насчет остальных в этом, гхм, городе? *Они* знают?

Ни Норман, ни Дон ничего не сумели возразить.

— Я надеюсь, этот лживый идолопоклонник попадет под поезд! — закричал Уильям Роуз, беспомощно трясая сжатым кулачком. — Под поезд! Я бы заплатил, чтобы только посмотреть на это! Я бы здорово заплатил!

Позже, в понедельник, отец Бригем обзвонил свою паству и попросил тех, кого беспокоит «нынешняя атмосфера религиозного упадка в Касл-Роке», заглянуть в пасторский домик вечером на короткое собрание. Собралось столько народу, что собрание пришлось перенести в Колумбус-Холл, по соседству.

Бригем начал с сообщения о письме, которое нашел у себя на двери Элберт Джендрон — письме, подписанном «истинными баптистами Касл-Рока», — а потом пересказал свой неудавшийся телефонный разговор с преподобным Роузом. Когда он сообщил собравшимся, что Роуз утверждает, будто тоже получил оскорбительное послание — записку, подписанную «истинными католиками Касл-Рока», — в толпе раздался гул... Сначала — изумления, а потом — ярости.

— Этот человек отъявленный лгун! — выкрикнул кто-то с задних рядов.

Отец Бригем, казалось, одновременно и утвердительно кивнул, и отрицательно покачал головой.

— Возможно, Сэм, но это не главное. Он просто сумасшедший — вот что главное.

Заявление было встречено задумчивым и взволнованным молчанием, но тем не менее отец Бригем испытал почти физическое облегчение. Просто сумасшедший — в первый раз он произнес эти слова вслух, хотя они вертелись у него на уме года три, не меньше.

— Я не хочу, чтобы мне мешал религиозный маньяк, — продолжал он. — Наша Ночь Казино совершенно безвредна и даже полезна, что бы там ни болтал его преподобие Уилли Пароход. Но я считаю, поскольку он становится все более активным, а точнее сказать — просто буйным, мы должны провести голосование. Если вы считаете нужным отменить Ночь Казино — уступить этому нажиму ради всеобщей безопасности, — вы так и должны сказать.

За то, чтобы устроить Ночь Казино, как и было задумано, проголосовали единогласно.

Довольный, отец Бригем кивнул и взглянул на Бетси Вайге.

— Вы собираетесь провести завтра вечером собрание, да, Бетси?

— Да, отец.

— Тогда я предлагаю, — сказал отец Бригем, — чтобы мы, мужчины, в это же самое время собрались здесь, в Колумбус-Холле.

Элберт Джендрон, грузный мужчина, который медленно заводился и так же медленно остывал, неторопливо выпрямился во весь рост. Головы его соседей, следивших за этим вставанием, задрались вверх.

— Вы полагаете, отец, эти баптистские выродки могут попытаться тронуть женщин?
— Нет-нет, совсем даже нет, — успокоил его отец Бригем. — Я просто думаю, что нам не помешает выработать некоторые планы, чтобы быть уверенными в том, что сама Ночь Казино пройдет гладко, и...

— Охрану?! — с энтузиазмом воскликнул кто-то. — Назначить охранников, да, отец?
— Ну... Глаза и уши, — уклончиво произнес отец Бригем, не оставляя ни у кого сомнений, что он имел в виду именно охранников. — И если мы соберемся во вторник, когда будет собрание у дам, мы окажемся рядом, если что-то все-таки случится.

Итак, пока Дочери Изабеллы заседали в здании по одну сторону парковочной стоянки, католики собрались в доме напротив. А на другом конце города в то же самое время преподобный Уильям Роуз созвал свое собрание, чтобы обсудить последнюю выходку католиков и разработать план изготовления плакатов и организации пикетов в Ночь Казино.

Все происшествия и вся шумиха в этот вечер в Роке не особо отразились на посещаемости данных сборищ — большинство зевак, сгрудившихся возле здания муниципалитета, когда надвигалась гроза, были настроены вполне нейтрально в этом «великом противостоянии» по поводу Ночи Казино. Что же касается католиков и баптистов, по уши увязших в этой сваре, то несколько убийств никоим образом не могли отвлечь их от перспективы святой потасовки. Потому что в конце концов, когда дело доходит до религиозных устоев, все остальное должно отойти на задний план.

2

Более семидесяти человек пришло на четвертое собрание тех, кого его преподобие Роуз окрестил «баптистскими христианскими бойцами Касл-Рока». Это было большое достижение; на последнем сборище посещаемость резко упала, но слухи об оскорбительных открытках, брошенных в почтовые ящики, сильно повлияли на паству. Это обрадовало его преподобие, но он был озадачен и разочарован, не обнаружив среди присутствующих Дона Хемпхилла. Дон обещал быть здесь, недаром он был его могучей правой рукой.

Роуз взглянул на часы и увидел, что уже пять минут восьмого — поздно звонить на рынок, узнавать, не забыл ли Дон. Все, кто должен был прийти, уже сидели здесь, и он не хотел упускать момент, пока их любопытство и оскорбленное достоинство на подъеме. Он дал Хемпхиллу еще одну минуту, а потом взобрался на амвон и воздел свои тощие ручки в приветственном жесте. Его прихожане — большинство присутствующих были одеты в свои рабочие костюмы — усадились на простые деревянные лавки.

— Давайте начнем это собрание с того, что служит началом всех, гхм, великих сборищ, — тихо произнес преподобный Роуз. — Давайте склоним наши головы, гхм, в молитве.

Они склонили головы, и как раз в этот момент наружная дверь с треском распахнулась. Раздалась парочка женских вскриков, а несколько мужчин вскочили на ноги.

Это был Дон. Он сам работал у себя в лавке мясником и так и не снял окровавленный белый фартук. Лицо его покраснелось, как помидор, глаза были мокрыми, сопли текли из носа по нижней губе и морщинкам вокруг рта.

От него дико воняло.

Дон вонял, как стая скунсов, которую сначала окунули в чан с серой, потом обмазали свежими коровьими лепешками и заперли в закрытом помещении. Вонь была впереди, вонь была позади, но самая густая вонь окутывала плотной завесой его самого. Женщины шарахались от прохода и лезли за своими носовыми платочками, когда он проходил мимо них с болтающимся впереди фартуком и выбившейся сзади из брюк рубахой. Несколько ребятишек, пришедших вместе со взрослыми, стали плакать. Мужчины издавали смешанные возгласы отвращения и изумления.

— Дон! — резким изумленным голосом воскликнул преподобный Роуз. Руки он по-прежнему держал воздетыми, но, когда Дон Хемпхилл приблизился к амвону, Роуз опустил их и непроизвольно зажал одной рукой нос и рот. Его чуть не вырвало. Никогда в

жизни ничего подобного он не нюхал. — Что... Что случилось?

— Случилось?! — проревел Дон Хемпхилл. — *Случилось?* Я вам скажу, что случилось! Я всем расскажу, что случилось!

Он развернулся лицом к прихожанам, и, несмотря на исходящую от него вонь, они все застыли, встретив его яростный, сумасшедший взгляд.

— Эти сукины дети разбомбили мой магазин, вот что случилось! Там было не больше полудюжины покупателей, потому что я вывесил табличку, что закрываю рано, и слава Богу, что вывесил, но товар испорчен! Товар на сорок тысяч! Пропал! Я не знаю, что подкинули эти ублюдки, но оно будет вонять *неделями* !

— Кто? — боязливо спросил преподобный Роуз. — Кто это сделал, Дон?

Дон Хемпхилл полез в карман своего фартука и вытащил оттуда пачку листовок, перевязанных черной лентой с белой каймой. Лента оказалась «римским воротничком». Он поднял ее вверх, чтобы всем было видно.

— *КТО, ПО-ВАШЕМУ?!* — заорал он. — Мой магазин! Мой товар! Все пошло к чертям и из-за кого? Как вы думаете?

Он швырнул листовки в толпу баптистских христианских бойцов. Бумажки разлетелись в разные стороны и посыпались на людей, как конфетти. Некоторые из присутствующих стали протягивать руки и ловить их. На всех листовках было изображено одно и то же: кучка смеющихся мужчин и женщин, стоявших вокруг стола с рулеткой. Над картинкой надпись:

ПРОСТО ДЛЯ ЗАБАВЫ!

А под ней:

ПОСЕТИТЕ НАШУ НОЧЬ КАЗИНО
В КОЛУМБУС-ХОЛЛЕ
31 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА
В ПОЛЬЗУ КАТОЛИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬНОГО ФОНДА

— Где ты нашел эти листовки, Дон? — зловеще, грохочущим голосом спросил Лен Милликен. — И этот воротник?

— Кто-то подбросил их через главный вход, — сказал Дон, — как раз перед тем, как разрази...

Входная дверь снова гроыхнула, заставив всех подпрыгнуть, только на сей раз она не распахнулась, а захлопнулась.

— Надеюсь, вам понравится запахок, вы, баптистские придурки! — выкрикнул кто-то, а потом раздался взрыв мерзкого пронзительного хохота.

Прихожане испуганными глазами уставились на его преподобие Уильяма Роуза. Он смотрел на них с точно таким же испугом в глазах. И вот тут коробка, спрятанная в клиросе, неожиданно зашипела. Как и в той коробке, которую спрятала в Зале Дочерей Изабеллы покойная Миртл Китон, в этой (подложенной Сонни Джакеттом, тоже ныне покойным) находился таймер, тикавший весь день напролет.

Тучи невероятно сильной вони стали просачиваться сквозь дырочки.

В объединенной баптистской церкви Касл-Рока забава только началась.

3

Бабс Миллер кралась вдоль Зала Дочерей Изабеллы, замирая на месте всякий раз, как бело-голубая вспышка прорезала небеса. В одной руке она сжимала ломик, а в другой — автоматический пистолет от мистера Гонта. Музыкальная шкатулка, которую она купила в «Самом необходимом», болталась в кармане накинутаго на Бабс мужского плаща, и если

кому-нибудь вздумается украсть ее, он тут же заглотит добрую унцию свинца.

Кому вздумается совершить столь низкий и грязный поступок? Кто захочет украсть музыкальную шкатулку, когда Бабс еще даже не выяснила, что за мелодию та играет?

«Ну, — подумала она, — во всяком случае, скажем так — надеюсь, Синтия Роз Мартин не станет вертеть сегодня вечером своим личиком. А если станет, она больше нигде не будет вертеть своим личиком — по крайней мере на этом свете. Она что, думает, я... полная дура?»

Но пока что ей нужно сыграть одну маленькую шутку. Розыгрыш. Разумеется, по просьбе мистера Гонта.

— Вы знаете Бетси Вайге? — спросил ее мистер Гонт. — Ну конечно, знаете, не так ли?

Разумеется, она ее знала. Она знала Бетси еще со школьной скамьи, когда они вместе бегали на танцульки и были неразлучными подружками.

— Отлично. Наблюдают за ней через окошко. Она усядется на свое место. Поднимет листок бумаги и увидит что-то под ним.

— *Что?* — с любопытством спросила Бабс.

— Не важно что. Если вы рассчитываете хоть когда-нибудь отыскать ключ к музыкальной шкатулке, то лучше захлопните ваш рот и раскройте уши — поняли, моя дорогая?

Она поняла. И она поняла еще кое-что. Мистер Гонт иногда бывал страшным человеком. Очень страшным.

— Она возьмет то, что будет лежать под листком бумаги. Она станет рассматривать это. Начнет раскрывать. К тому времени вы должны уже стоять у двери. И ждать, пока все обернется к левому дальнему углу зала.

Бабс хотела спросить, почему они будут все это делать, но решила, что лучше не спрашивать.

— Когда они обернутся, вы просунете раздвоенный конец ломика под дверную ручку. Другой конец опустите к земле. И сильно надавите.

— Когда мне кричать? — спросила Бабс.

— Вы сами поймете. Они все будут выглядеть так, словно им пальнули в задницу красным перцем с солью. Вы помните, что вы должны крикнуть, Бабс?

Она помнила. Похоже, это была шутка не из приятных — над Бетси Вайге, с которой они, держась за руки, бегали в школу, но, с другой стороны, она также казалась вполне безобидной (ну... почти безобидной), а кроме того, они ведь уже не дети — ни она, ни та маленькая девчушка, которую она почему-то звала всегда — Бетти Ля-Ля. Все это было давным-давно. И, как заметил мистер Гонт, никто никогда на нее не подумает. Да и с чего бы кто-то стал подозревать ее? В конце концов Бабс с мужем были адвентистами Седьмого Дня, и что до нее, так и католики, и баптисты вполне заслуживали того, что получали, — включая и Бетти Ля-Ля.

Сверкнула молния. Бабс замерла, а потом подкралась поближе к окну возле двери и заглянула внутрь — удостовериться, что Бетти еще не уселась за свой председательский стол.

И первые робкие капли начинавшейся грозы зашелестели вокруг.

4

Зловоние, начавшее заполнять баптистскую церковь, было похоже на вонь в магазине Дона Хемпхилла, только... В тысячу раз хуже.

— *О черт!* — проревел Дон. Он совершенно забыл, где находится, но даже если бы и вспомнил, это вряд ли улучшило его выражения. — Они и сюда подложили это! *Бежим! На улицу! Все — на улицу!*

— *Вперед!* — рявкнула Нэн Робертс своим могучим «для-наплыва-в-перерыв-на-ленч» баритоном. — *Рвем когти, ребята!*

Они все прекрасно видели, откуда исходит вонь — толстые клубы беловато-желтого дыма поднимались над клиросом и вырывались из отверстий в нижних досках. Боковая дверь была как раз под балкончиком, но никто даже и не подумал двинуться в этом направлении. Такое зловоние просто убьет... Но сначала глаза выскочат из орбит, волосы выпадут, а задница закупорится намертво от дикого ужаса.

Баптистские христианские бойцы Касл-Рока были разгромлены меньше чем за пять секунд. Они устремились к вестибюлю в задней части церкви, вопя и затыкая себе рты и носы чем попало. Одна лавка перевернулась и с грохотом упала на пол. Нога Деборы Джонстоун очутилась как раз под ней, а Норман Харпер врезался на бегу в Дебору, когда она пыталась вытащить ногу. Дебора упала, и раздался громкий хруст ломающейся лодыжки. Она истошно закричала от боли, но ее крики затерялись среди воплей всех остальных.

Его преподобие Роуз стоял ближе всех к клиросу, и зловоние обволакивало его голову как огромная вонючая маска. Так пахнут католики, горящие в аду, сбивчиво пронеслось у него в мозгу, и он соскочил с амвона. Приземлился он обеими ногами точно на диафрагму Деборы Джонстоун, ее вопли перешли в один длинный сдавленный вой, а потом вообще смолкли — она потеряла сознание. Его преподобие Роуз, не подозревая о том, что он только что лишил сознания одну из своих самых ревностных прихожанок, стал продираться к задней части церкви.

Добравшиеся до вестибюля первыми обнаружили, что здесь выхода нет; двери были каким-то образом заблокированы. И прежде чем вожаки неудавшегося исхода смогли повернуть назад, их смяла и вдавила в запертые двери волна тех, кто бежал позади.

Крики, вопли ужаса и ярости разрывали воздух. А когда снаружи хлынул дождь, людей внутри охватили приступы рвоты.

5

Бетси Вайге заняла свое место за председательским столом, между американским флагом и плакатом с изображением Пражского наследника. Она постукала костяшками пальцев по столу, призывая присутствующих к порядку, и дамы — всего около сорока — начали рассаживаться. Снаружи прогремел раскат грома. Внутри раздались слабые вскрики и нервные смешки.

— Я призываю собрание Дочерей Изабеллы к порядку, — сказала Бетси и взяла в руки свой блокнот. — Мы начнем, как всегда, с...

Она запнулась. На столе лежал белый конверт. Он оказался прямо под ее блокнотом. Отпечатанные на нем слова бросились ей в глаза: ПРОЧТИ ЭТО СРАЗУ, ТЫ, ПАПИСТСКАЯ ШЛЮХА.

Это они, подумала она. Эти баптисты. Эти мерзкие, противные, тупоголовые людишки.

— Бетси? — окликнула ее Наоми Джессап. — Что-нибудь случилось?

— Я не знаю, — сказала она. — Кажется, да.

Она надорвала конверт. Из него выскользнул листок бумаги. На нем было отпечатано: ТАК ПАХНУТ «ПРЕЛЕСТИ» У КАТОЛИЧЕК!

Вдруг из дальнего левого угла зала послышался шипящий звук, какой бывает у готового вот-вот лопнуть парового котла. Несколько женщин вскрикнули и обернулись туда. Снаружи раздался еще один громовой раскат, и крики умножились.

Беловато-желтый дымок струился из квадратного отверстия в стене. И неожиданно все небольшое помещение заполнило страшное, кошмарное зловоние.

Бетси вскочила, опрокинув стул. И только она раскрыла рот — понятия не имея, что она сейчас скажет, — как женский голос снаружи выкрикнул:

— Это вам за Ночь Казино, слышите, суки! Покайтесь! Покайтесь!

Она уловила чью-то тень, мелькнувшую снаружи у входной двери, прежде чем из квадратного отверстия вырвалось целое облако дыма и заслонило дверное окошко, а потом... ей стало уже не до того. Зловоние было невыносимым.

Собрание закончилось, так и не начавшись. Дочери Изабеллы носились по заполненной дымом и зловонием комнате, как стадо взбесившихся овец. Когда Антони Биссет, отброшенная кем-то на председательский стол, сломала себе шею о его стальную окантовку, никто ничего не услышал и не увидел.

Снаружи прогремел третий раскат грома, и сверкнула молния.

6

Католики сгрудились вокруг Элберта Джендрона в Колумбус-Холле. Воспользовавшись запиской, которую он нашел приклеенной к двери своего кабинета, как отправным пунктом («Да это еще что — знали бы вы, что было, когда...»), он пичкал их страшными, но изумительными историями о зверствах и мести католиков в Люистоне еще в тридцатые годы.

— ...И вот, когда он увидел, как горстка невежественных богохульников вымазала ноги Святой Девы коровьим дерьмом, он вскочил в машину и поехал...

Неожиданно Элберт замолк и прислушался.

— Что это? — спросил он.

— Гром, — пояснил Джейк Пуласки. — Вроде гроза собирается.

— Нет — вот *это*, — сказал Элберт и встал. — Вроде кто-то орет.

Громовые раскаты стихли до глухого рокота, и на его фоне они все услышали: кричали женщины.

Они повернулись к отцу Бригему, и тот поднялся со своего стула.

— Давайте, мужчины, — сказал он, — пойдем и посмотрим...

И тогда раздалось шипение, и вонь стала распространяться от задней части зала к тому месту, где люди сбились в кучу. Оконное стекло разбилось вдребезги, в комнату влетел булыжник, брякнулся на отполированный сотнями пар танцующих ног пол и покатился к толпе. Мужчины с воплями отпрянули. Булыжник откатился к дальней стене, последний раз подпрыгнул и замер.

— Привет от баптистов, гореть вам в аду! — проорал кто-то снаружи. — Не будет никаких азартных игр в Касл-Роке! Передайте всем, любители монашек!

Дверь в вестибюле Колумбус-Холла тоже оказалась подпертой снаружи ломом. Люди колотились в нее, а потом стали карабкаться вверх.

— *Нем!* — заорал отец Бригем. Он продрался сквозь невыносимое зловоние к маленькой боковой двери. — *Сюда! ВСЕ СЮДА!*

Поначалу его никто не послушал; в панике они продолжали колотиться в главную дверь зала, неизбежную как скала. Потом туда добрался Элберт Джендрон, схватил чьи-то две головы и с силой стукнул друг о друга.

— Делайте, что вам говорит отец, — проревел он. — Они убивают женщин!

Элберт ринулся назад, пробуравив дымовую завесу, и остальные потянулись следом, задыхаясь и кашляя. Миди Россиньоль не сумел удержать содержимое своего желудка внутри. Он раскрыл рот и оставил недавно съеденный ужин на рубашке Элберта Джендрона, топорщившейся на его широкой спине. Элберт даже не заметил этого.

Отец Бригем уже подбирался к ступенькам, ведущим к парковочной стоянке и Залу Дочерей Изабеллы напротив. То и дело он останавливался — глотку его раздирал сухой кашель. Облако зловония прилипло к нему, как клейкая лента от мух. Прихожане следовали за ним шумной, кашляющей и отхаркивающейся толпой, почти не замечая усиливающегося дождя.

Когда отец Бригем был уже на середине невысокого крыльца, вспышка молнии осветила лом, подпиравший двери Зала Дочерей Изабеллы. А секундой позже одно из окон этого здания разлетелось вдребезги от удара изнутри, и из рваной дыры стали выбрасываться женщины и кататься по лужайке, как огромные тряпичные куклы, каким-то образом научившиеся блевать.

Его преподобие Роуз так и не добрался до вестибюля; слишком много народу сгрудилось перед ним. Он повернулся и, зажав нос, ринулся назад. Он попытался крикнуть остальным, но стоило ему раскрыть рот, как он проглотил клуб дыма. Ноги у него переплелись, и он рухнул, сильно ударившись головой об лавку. Он попытался подняться и не смог. Тогда две большие ладони ухватили его под мышки и поставили на ноги.

— В окно, преподобие! — заорала Нэнси Робертс. — Мотаем отсюда!

— Но стекло...

— Плевать на стекло! Мы тут все задохнемся!

Она пихнула его вперед, и преподобный Роуз едва успел прикрыть ладонью глаза, прежде чем прошиб головой окно с изображенным на стекле Христом, ведущим своих овец к подножию горы. Он пролетел по воздуху, рухнул на лужайку и растянулся плашмя. Его верхняя вставная челюсть выскочила изо рта, и он хрюкнул.

Он подобрал под себя ноги, сел и вдруг ощутил темноту вокруг, дождь и... благословенный свежий воздух. Насладиться этим открытием ему не пришлось: Нэнси Робертс схватила его за волосы и вздернула на ноги.

— Пошли, преподобный! — заорала она. Ее физиономия, освещенная бело-голубой вспышкой молнии, напоминала искаженную морду гарпии. На ней все еще был белый форменный халат — она всегда одевалась точь-в-точь как ее официантки, — но весь подол его был запачкан блевотиной.

Преподобный Роуз стоял рядом, с опущенной головой. Он хотел, чтобы она наконец отпустила его волосы, но каждый раз, когда он раскрывал рот, чтобы попросить ее об этом, его прерывал раскат грома.

Несколько человек последовали за ними через разбитое окно, но остальные по-прежнему колотились изнутри в дверь вестибюля, не подававшуюся ни на дюйм. Нэнси тут же сообразила, почему — два лома были подсунуты под дверные ручки. Она вышибла их одним махом в тот момент, когда молния ударила прямо в возвышение для оркестрика в городском парке, где когда-то изможденный молодой человек по имени Джонни Смит узнал по обгорелой спичке имя убийцы. Ветер подул сильнее и стал раскачивать деревья на фоне темного неба.

Как только ломы отлетели в сторону, двери распахнулись — одна из створок сорвалась с петель и приземлилась на клумбу, слева от крыльца. Поток баптистов с дикими, вытаращенными глазами выплеснулся наружу — они натыкались друг на друга, барахтались на ступеньках и скатывались с крыльца. Они воняли. Они рыдали. Задыхались от кашля. Блевали.

И все они были совершенно обезумевшие.

8

Рыцари Колумба под предводительством отца Бригема и Дочери Изабеллы во главе с Бетси Вайге сошлись в центре парковочной стоянки, когда дождь хлынул как из ведра. Бетси бросилась к отцу Бригему и вцепилась в него — слезы ручьем катились из ее красных глаз, а волосы облепили череп, как мокрая блестящая шапочка.

— Там еще остались... Внутри! — закричала она. — Наоми Джессап. Тони Биссет... Я не знаю, сколько!

— Кто это был? — проревел Элберт Джендрон. — Кто, черт возьми, это сделал?

— Это были баптисты! Конечно, это они! — завопила Бетси, а потом, когда молнии прорезали небо, как раскаленные вольфрамовые нити, начала плакать. — Они обозвали меня папистской шлюхой! Это были баптисты! Баптисты! Богом проклятые баптисты!

Тем временем отец Бригем отцепил от себя Бетси и доковылял до двери в Зал Дочерей

Изабеллы. Ногой он отшвырнул лом — створки выгнулись дугой наружу, — и распахнул двери. Оттуда вывалились три совершенно одурманенные и задыхающиеся женщины, а вместе с ними — зловонное облако.

Сквозь это облако он разглядел Антони Биссет — хорошенькую Тони, которая так ловко орудовала иглой с нитками и всегда с душой участвовала в каждом церковном мероприятии. Она лежала на полу, возле председательского стола, отчасти скрытая перевернутым плакатом с изображением Пражского наследника. Наоми Джессап стояла подле нее на коленях и подвывала. Голова Тони была повернута под диким, неестественным углом к туловищу. Остекленевшие глаза уставились в потолок. Зловоние совершенно не тревожило Антони Биссет, которая не покупала ни единой безделушки у мистера Гонта и не принимала участия ни в одной из его маленьких шуток.

Наоми увидела отца Бригема, стоявшего в дверях, вскочила на ноги и бросилась к нему. Она была в таком шоке, что зловоние, казалось, ее совсем не беспокоило.

— Отец! — закричала она. — Отец, почему? Почему они это сделали? Это ведь должна была быть просто маленькая забава... и больше ничего... Зачем же? Почему?

— Потому что этот человек ненормальный, — сказал отец Бригем и заключил Наоми в свои объятия.

Глухим и зловещим голосом стоявший рядом с ним Элберт Джендрон сказал:

— Пошли разберемся с ними.

9

Баптистские христианские бойцы двинулись от баптистской церкви вверх по Харрингтон-стрит под предводительством Дона Хемпхилла, Нэнси Робертс, Нормана Харпера и Уильяма Роуза. Глаза их красными злобными пуговицами торчали из распухших и расцарапанных глазниц. Большинство христианских бойцов заблевали свои штаны, рубахи или ботинки, а некоторые были в блевотине с ног до головы. Запах тухлых яиц прикипел к ним намертво и не смывался даже проливным дождем.

Патрульная полицейская машина затормозила на пересечении Харрингтон-стрит и Касл-авеню, на полмили выше переходившей в Касл-Вью. Патрульный вылез из машины и помахал им рукой.

— Эй! — крикнул он. — Вы куда это собрались, ребята?

— Мы собрались надрать задницы папистским хренососам, и если хочешь остаться цел, не стой у нас на дороге! — проорала в ответ Нэнси Робертс.

Неожиданно Дон Хемпхилл раскрыл рот и мощным баритоном запел:

— Вперед, о Воины Христа, вперед на смертный бой...

К нему присоединились остальные. Вскоре голоса всех

прихожан слились в могучий хор, и они прибавили ходу — уже не шли, а совершали марш-бросок. Лица их были мертвенно-бледными, на них отражалась лишь злоба без единого проблеска мысли, когда они стали уже не петь, а реветь слова гимна. Его преподобие Роуз ревел вместе со всеми, хотя и здорово шепелявил без верхней вставной челюсти.

*Христос Спаситель, нас вперед, на бой святой веди,
Послушны воины Твои, и знамя впереди!*

Они уже почти бежали.

10

Патрульный Моррисон стоял у дверцы своей машины и смотрел им вслед, сжимая в ладони радиомикрофон. Вода ручьями стекала с капюшона, накинутого на его форменную

фуражку.

— Отвечайте, Номер Шестнадцать, — прохрипел из рации голос Пейтона.

— Вам лучше послать сюда сколько-нибудь ребят, прямо сейчас! — прокричал Моррисон. Голос его был одновременно испуганным и возбужденным. Он служил патрульным штата меньше года. — Тут что-то происходит! Что-то нехорошее! Мимо меня только что пронеслась толпа, человек семьдесят!

— Ну а что они делали? — спросил Пейтон.

— Они распевали «Вперед, о Воины Христа»!

— Это ты, Моррисон?

— Да, сэр!

— Так вот, патрульный Моррисон, насколько мне известно, нет закона, запрещающего распевать гимны даже под проливным дождем. На мой взгляд, это глупое занятие, но отнюдь не противозаконное. А теперь я тебе кое-что скажу, причем дважды повторять не стану: на мне сейчас висят четыре кровавых разборки, я понятия не имею, где шляется шериф и его чертовы помощники, и я не желаю, чтобы меня беспокоили по пустякам! Ты меня понял?

Патрульный Моррисон с трудом проглотил слюну.

— Э-э... Да, сэр, я понял, я... все, конечно, понял, но кто-то в толпе — по-моему, это была женщина, — сказал, что они, гхм, собираются «надрать задницы папистским хренососам», так она выразилась, сэр. Я понимаю, что это звучит как-то невразумительно, но мне не очень понравилось, *как* она это выкрикнула. — И Моррисон робко добавил: — Сэр.

Пауза так затянулась, что Моррисон уже хотел было снова позвать Пейтона — из-за трескотни электрических разрядов дальние радиопереговоры стали просто невозможны, но и в черте города связаться по рациям становилось все труднее, — а потом усталым и испуганным голосом Пейтон произнес:

— О-о... О Боже... О Боже милостивый. Что там происходит?

— Ну, дама сказала, что они хотят...

— *Это я уже слышал!* — проорал Пейтон так, что в конце фразы пустил петуха. — Поезжай к католической церкви! Если там что-то творится, попытайся это прекратить, но *смотри, чтобы тебя не ранили*. Повторяю, *чтобы тебя не ранили!* Я вышлю прикрытие, как только смогу, — если у меня хоть кто-то остался. Поезжай немедленно!

— М-мм, лейтенант Пейтон? А где находится католическая церковь в этом городишке?

— Откуда, твою мать, мне знать? — заревел Пейтон. — Что я, молюсь там, что ли? Следуй за толпой!

Моррисон положил микрофон на место. Он уже не видел толпы, но все еще слышал ее между громовыми раскатами. Он тронулся с места и поехал вслед за ревущими голосами.

11

Тропинка, ведущая к кухонной двери дома Майры Эванс, была вымощена разноцветным камнем.

Кора Раск подняла голубой булыжник и взвесила его на свободной от пистолета ладони. Она потянула дверную ручку. Дверь была заперта, как она и ожидала. Она разбила булыжником окошко на двери и рукояткой пистолета очистила раму от острых осколков. Потом просунула руку в окошко, открыла дверь и вошла внутрь. Волосы налипли на ее щеках мокрыми завитушками. Платье по-прежнему было распахнуто, и капли дождя стекали по усеянному прыщиками холмам ее груди.

Чака Эванса не было дома, но Гарфилд, ангорский кот Майры и Чака, был. Мяukнув, он рысцой вбежал в кухню, надеясь, что его покормят. И Кора его накормила. Кот шмякнулся об стену кровавым меховым комочком.

— Скушай-ка вот это, Гарфилд. — Кора отмахнулась от дыма, вьющегося из дула пистолета, двинулась по коридору и стала подниматься по лестнице. Она знала, где искать эту шлюху. Она найдет ее в койке. Кора знала это не хуже, чем как ее зовут.

— Пора спатки, это точно, — сказала она. — Сейчас ты сама в этом убедишься, Майра, дорогуша моя.

Кора улыбалась.

12

Отец Бригем и Элберт Джендрон вели отряд растерзанных католиков вниз по Касл-авеню к Харрингтон-стрит. На полпути они услышали пение. Мужчины переглянулись.

— Думаешь, мы сумеем обучить их другой песенке, Элберт? — вкрадчиво спросил отец Бригем.

— Думаю, да, отец, — ответил тот.

— Может, научим их петь «Я стремглав бежал до дому»?

— Отличная песенка, отец. Думаю, даже такие остолопы, как они, вполне могут разучить ее.

Молния сверкнула в небе, осветила на мгновение Касл-авеню. И два предводителя увидели небольшую толпу людей, взбирающихся на холм и приближающихся к ним. Глаза у них у всех были белесыми и пустыми, словно глаза статуй при свете молнии.

— Вон они! — крикнул кто-то из толпы, а потом раздался истошный женский вопль. — А ну-ка врежем этим грязным подонкам!

— Давайте прибавим ходу, — задыхаясь, проговорил отец Бригем и скороговоркой проклял баптистов.

— Аминь, отец, — произнес Элберт, бегущий рядом с ним.

Теперь уже бежали все.

Стоило патрульному Моррисону завернуть за угол, как еще одна молния сверкнула в небе и ударила в старый вяз возле Касл-Стрим. В ее вспышке он увидел, как две толпы людей несутся друг на друга. Одна толпа взбиралась на холм, а другая — устремилась вниз. И те и другие вопили. Неожиданно патрульный Моррисон поймал себя на том, что жалеет, что не сказался больным сегодня днем.

13

Кора распахнула дверь в спальню Чака и Майры и застала там именно ту картину, какую ожидала увидеть: эта сука валялась на смятой двуспальной кровати, выглядевшей так, словно по ней недавно проехался полк солдат. Одну руку она засунула под подушки, а другой рукой придерживала портрет в раме. Портрет стоял между мясистыми ляжками Майры, словно она ехала на нем верхом.

— О-ooo, Эл! — стонала она. — О-ooooo, Эл! О-OOOO-OOOO-OOOO, ЭЭЭЭЛ!

Жуткая ревность вскипела в самом сердце Кору и стала подниматься к горлу, пока она не ощутила ее терпкий привкус во рту.

— Ах ты, поганая крыса, — выдохнула она и подняла пистолет.

В этот момент Майра взглянула на нее, и взглянула... с улыбкой. Она вытащила свободную руку из-под подушки — в ней был зажат точно такой же пистолет, как и у ее подруги.

— Мистер Гонт говорил, что ты придешь, Кора, — сказала она и выстрелила.

Кора почувствовала, как пуля просвистела мимо ее щеки, и услышала, как она с треском вонзилась в левую створку двери. Тогда она выстрелила сама. Пуля ударила в портрет, зажатый у Майры между ног, разбила вдребезги стекло и зарылась в ляжку Майры.

А еще она оставила дырку в самой середине лба Элвиса Пресли.

— Посмотри, что ты наделала! Ты застрелила Короля, поскуда тупая!

Она трижды выстрелила в Кору. Два раза она промахнулась, но на третий угодила Коре в горло — выстрел отбросил Кору к стене, оставив на ней розовый кровавый потек. Рухнув на колени, Кора выстрелила еще раз. Пуля раздробила коленную чашечку Майры и сшибла

ее с кровати. Кора упала лицом вниз на пол, пистолет выскользнул у нее из ладони.

— Я иду к тебе, Элвис, — попыталась выговорить она, но что-то было в этом жуткое, кошмарное... не то. Ее окружала сплошная тьма, и в этой тьме не было никого, кроме нее самой.

14

Баптисты Касл-Рока под предводительством его преподобия Уильяма Роуза и католики Касл-Рока, ведомые отцом Джоном Бригемом, сошлись возле подножия Касл-Хилл с почти слышным скрежетом. Не было никаких кулачных боев, никаких правил маркиза Куинсберри; они пришли выцарапывать глаза и рвать ноздри друг другу. И вполне вероятно — убивать.

Элберт Джендрон, громадный дантист, медленно раскачивавшийся, но ужасный в ярости, схватил Нормана Харпера за уши и дернул его голову на себя. Одновременно он нагнул свою собственную голову, и черепа их соприкоснулись с треском ломающихся при землетрясении скал. Норман весь дернулся и обмяк. Элберт отшвырнул его в сторону, как мешок с грязным бельем, и схватил Билла Саерса, торговавшего инструментом в «Западном авто». Билл увернулся и нанес удар, который пришелся Элберту точно по губам; тот выплюнул зуб, сдавил Билла медвежьей хваткой и стал сжимать, пока не услышал треск ребер. Билл начал дико орать. Элберт швырнул его почти на другую сторону улицы, где патрульный Моррисон успел вовремя затормозить, едва не переехав его.

Все пространство превратилось в клубок дерущихся фигур, которые пинались, царапались и вопили. Они колотили друг друга, скользили, падали под дождем, снова поднимались, нанося удары и получая их в ответ. В свете частых вспышек молний это казалось какой-то дикой пляской, где партнершу шарахали о ближайшее дерево, вместо того чтобы повернуть ее в элегантном па, или коленом врезали партнеру по яйцам вместо изящного книксена.

Нэнси Робертс схватила Бетси Вайге сзади за платье, когда та наносила своими ноготками татуировку на щеках Лусил Данхем. Нэн развернула Бетси лицом к себе и всунула ей в ноздри два своих пальца, аж до самых вторых суставов. Бетси издала гундосый вопль, когда Нэн принялась яростно трясти ее за нос.

Фрида Пуласки ударила Нэн своей сумочкой. Нэн рухнула на колени. Ее пальцы выскочили из ноздрей Бетси Вайге с хлопком пробки от шампанского. Когда она попыталась подняться, Бетси ударила ее ногой в лицо, отшвырнув на середину улицы.

— Ды дука, ды радорвала бой дос! — заверещала Бетси. — Ды радорвала бой ДООС! — И она попыталась наступить Нэн на живот.

Нэнси схватила ее за ногу, повернула, повалила Бетси — в девичестве Бетти Ля-Ля — лицом на мостовую, а потом поползла к ней на четвереньках. Бетси ждала этого; в следующее мгновение они обе уже катались по мостовой, кусаясь и царапаясь.

— ПРЕКРАТИТЕ!!! — завопил патрульный Моррисон, но голос его утонул в раскате грома, от которого, казалось, задрожала вся улица.

Он вытащил свой револьвер, задрал дуло к небу... Но прежде чем он успел выстрелить, кто-то, одному Богу известно, кто это мог быть, всадил ему пулю в мошонку из спецтовара Лиланда Гонта. Патрульный Моррисон отлетел назад, к капоту своей машины, и покатился по мостовой, ухватившись за свои развороченные причиндалы и пытаясь кричать.

Трудно сказать, сколько сражавшихся притащили с собой стволы, приобретенные вечером у мистера Гонта. Пожалуй, не много, а те, кто был вооружен, потеряли оружие в суматохе, когда бежали от зловония. Но по меньшей мере еще четыре выстрела прогремели один за другим, правда, выстрелы эти утонули в общих криках и раскатах грома.

Лен Милликен увидел, как Джейк Пуласки целится из пистолета в Нэн, уже выпустившую Бетси и теперь пытавшуюся задушить Миди Россиньоля. Лен ухватил Джейка за запястье и дернул вверх, в полыхающее молниями небо, за секунду до того, как прогремел выстрел. Потом дернул вниз и переломил о свое колено, как сухую ветку. Пистолет упал на

мокрую мостовую, а Джейк взвыл. Лен отступил на шаг и сказал:

— Это научит тебя не... — Но договорить он не успел, потому что в этот самый момент кто-то воткнул лезвие карманного ножа в основание его шеи, перебив позвонки и задев спинной мозг.

Уже подъезжали полицейские машины с бешено крутящимися и сверкающими в темноте синими огнями. Сражавшиеся не обращали никакого внимания на усиленные динамиками крики полицейских и приказы прекратить побоище. Когда патрульные стали растаскивать дерущихся, они сами оказались втянутыми в потасовку.

Нэн Робертс заметила отца Бригема в его проклятой черной рубаше, порванной на спине. Одной рукой он держал преподобного Роуза за шею, а другой, сжатой в крепкий кулак, методично наносил удары ему в нос. Кулак отводился, рука, сжимавшая шею Роуза, чуть поворачивалась, а потом ставила физиономию его преподобия в исходную позицию для следующего удара.

Взвыв во всю силу своих легких, не обращая внимания на сбитых с толку патрульных, просивших — почти умолявших, — прекратить побоище, прекратить немедленно, Нэн отпихнула прочь Миди Россиньоля и ринулась к отцу Бригему.

Глава 22

1

Разразившаяся гроза заставляла Алана еле ползти, несмотря на растущую уверенность, что время сейчас играет колоссальную роль и что, если он очень скоро не доберется до Касл-Рока, то может с тем же успехом вообще не возвращаться туда. Сейчас ему казалось, что большая часть нужной ему информации все время находилась в его собственной голове, за прочно запертой дверью. На двери висела аккуратная табличка, но не с надписью: «КАБИНЕТ ПРЕЗИДЕНТА», или «КОМНАТА СОВЕЩАНИЙ», или даже «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — НЕ ВХОДИТЬ». Надпись на этой табличке гласила: «ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ». И для того, чтобы открыть дверь, нужно было лишь завладеть верным ключом... Ключом, который дал ему Шон Раск. И что же было за дверью?

«Самое необходимое», что же еще? И его владелец, мистер Лиланд Гонт.

Брайан Раск купил в «Самом необходимом» бейсбольный вкладыш, и Брайан Раск — мертв. Нетти Кобб купила в «Самом необходимом» абажур, и она тоже мертва. Сколько же жителей Касл-Рока ходили к этому колодцу и покупали отравленную воду у этого отравленного человека? Ходил Норрис — удочка. Ходила Полли — волшебная безделушка. Ходила мать Брайана — пара дешевых темных очков, как-то связанных с Элвисом Пресли. Даже Эйс Меррилл ходил — старая книга. Алан готов был спорить на что угодно, что Хью Прист тоже сделал там покупку... И Дэнфорт Китон...

Сколько еще? Сколько?

Он въехал на Тин-бридж, как раз когда в небе полыхнула молния и расщепила старый вяз на другой стороне Касл-Стрим. Молния на мгновение ослепила Алана, и он прикрыл глаза ладонью, но в них еще целую секунду полыхало голубое зарево, пока рация разрывалась треском электрических разрядов, а вяз медленно падал в речку.

Он опустил ладонь, а потом издал приглушенный вопль, когда прямо над его головой прогремел такой раскат грома, что, казалось, весь мир дрогнул и раскололся на куски. В ту секунду, когда его ослепленные глаза ничего не могли различить вокруг, Алана охватил ужас — он испугался, что дерево могло упасть на мост и преградить ему путь в город. Потом он увидел ствол у стремнины реки, рядом с какой-то ржавой конструкцией. Алан врубил передачу и въехал на мост. Ветер гудел в опорах, и звук этот был каким-то тоскливым и одиноким.

Дождь заливал переднее стекло старенького фургона, превращая все впереди в какую-то мокрую галлюцинацию. Когда Алан миновал мост и, проехав Мейн-стрит,

очутился на перекрестке Мейн и Уотермилл-лейн, дождь хлынул так, что от стеклоочистителей, работающих на пределе, не стало никакого проку. Он опустил стекло, высунул голову наружу и продолжал ехать. Моментально он вымок до нитки.

Все пространство вокруг здания муниципалитета было забито полицейскими автомобилями и телевизионными автобусами, по выглядело оно каким-то одиноким и безлюдным, словно все водители и пассажиры этих машин были внезапно брошены враждебными пришельцами на Нептун. Алан увидел несколько репортеров, высунувшихся из автобусов, и одного полицейского, бегущего через лужи по аллее, что вела к парковочной стоянке возле здания муниципалитета, — и все.

Тремя кварталами выше, возле Касл-Хилл, полицейская машина на большой скорости пересекла Мейн-стрит и рванула на запад — к Лаурел-стрит. В следующее мгновение еще один полицейский автомобиль пересек Мейн — на этот раз со стороны Берч-стрит — и устремился в обратном направлении. Это произошло так быстро — вжик-вжик-вжик, — как бывает в комедийных фильмах про бестолковых полицейских вроде «Смоки и грабитель». Однако Алан не нашел здесь ничего забавного. Это создавало у него впечатление бесцельных действий, каких-то панических, беспорядочных передвижений. Он вдруг ясно осознал, что Генри Пейтон утратил контроль над всем, что происходило этой ночью в Касл-Роке... если только у него и раньше не было лишь иллюзии такого контроля, — вот оно что.

Ему показалось, что до него доносятся отдаленные крики с Касл-Хилл. Трудно было сказать наверняка при таком дожде, громе и ветре, но он не думал, что крики лишь почудились. И словно доказательством тому полицейская машина с ревом вылетела из аллеи возле здания муниципалитета, мигая фарами и сверкая крутящейся мигалкой сквозь пелену дождя, и устремилась в том направлении, едва не задев большой телевизионный автобус.

Алан вспомнил свое предчувствие в самом начале этой недели — что-то неладное творилось в маленьком городке, где-то за пределами видимости что-то сходило с рельсов и Касл-Рок дрожал на краю какого-то немыслимого беспорядка. И вот теперь этот беспорядок наступил, и весь он был устроен человеком (*Брайан сказал, что мистер Гонт вовсе не... не человек*), с которым Алан так и не сумел познакомиться. Времени не хватило...

Раздался дикий вопль в ночи — высокий и резкий. За ним последовал звон разбитого стекла, а потом... откуда-то еще раздался выстрел и взрыв надтреснутого идиотского хохота. Грянул раскат грома — словно тяжелые доски рухнули с неба прямо на землю.

«Но сейчас у меня есть время, — подумал Алан. — Да. Времени у меня полно. Я полагаю, мистер Гонт, нам уже пора сказать друг другу «привет», и, я думаю, настало время вам узнать, что бывает с людьми, решившими потягаться с моим городом».

Не обращая внимания на отдаленные звуки, доносившиеся в раскрытое окошко машины, даже не взглянув в сторону здания муниципалитета, где Генри Пейтон, вероятно, руководил силами закона и правопорядка — или пытался это делать, — Алан двинулся вверх по Мейн-стрит, к «Самому необходимому».

И тут громадный пурпурно-белый росчерк молнии распорол небо словно электрическим скальпелем, и пока отгремела аккомпанирующая этой вспышке канонада громовых раскатов, все огни в Касл-Роке потухли.

2

Заместитель шерифа, Норрис Риджвик, одетый в форму, которую он берег для смотров, парадов и прочих подобных торжеств, находился в сарае, пристроенном к маленькому домику, где проживал с матерью, пока она не умерла от инфаркта осенью 1968-го; с тех пор он жил в этом доме один. Он стоял на табуретке. Толстая веревка с петлей на конце свисала с несущей балки. Норрис просунул голову в петлю и стал затягивать ее возле своего правого уха, когда сверкнула молния и две электрические лампочки, освещавшие сарай, потухли.

Даже в темноте ему все равно была видна удочка «Базуп», стоявшая у стены, возле

двери, ведущей в кухню. Он так страшно хотел заполучить эту удочку, был так уверен, что она досталась ему по дешевке, но... цена в конце концов оказалась высока. Слишком высока для Норриса.

Его дом стоял в верхней части Уотермилл-лейн, там, где она сворачивала к Касл-Хилл и к Вью. Ветер дул оттуда, и до него доносились вопли продолжающейся там стычки — визг, крики и редкие выстрелы.

«Я виноват в этом, — подумал он. — Не во всем, Господи, нет, — но я — часть этого. Я участвовал. Я — причина того, что Генри Бюфорт ранен и умирает, а может быть, уже мертв, в Оксфорде. Я — причина того, что Хью Прист лежит на каталке в морге. Я — тот самый парень, который всегда хотел стать полицейским и помогать другим ребятам — хотел, еще когда был мальчишкой. Неуклюжий, смешной тупица, Норрис Риджвик, которому нужна была удочка «Базун» и который думал, что купил ее по дешевке».

— Мне жаль, что я это сделал, — проговорил Норрис. — Это уже ничего не исправит, но если это хоть чего-то стоит, мне действительно жаль.

Он приготовился спрыгнуть с табуретки, но вдруг в мозгу у него зазвучал новый голос. «Тогда почему ж ты не пытаешься это исправить, трус ты вонючий?»

— Я не могу, — вслух снова проговорил Норрис. Сверкнула молния; его тень бешено подпрыгнула на стене сарая, словно он уже болтался на веревке и тело его плясало в воздухе. — Слишком поздно.

«Тогда хотя бы взгляни, ради ЧЕГО ты это сделал, — со злостью настаивал голос. — Это ты по крайней мере в состоянии сделать? Посмотри! КАК СЛЕДУЕТ посмотри!»

Снова сверкнула молния. Норрис уставился на удочку «Базун» и... издал изумленный и недоверчивый крик. Он дернулся и едва не слетел с табуретки и не повесился случайно.

Гладкого «Базуна», такого гибкого и прочного, там больше не было. На месте «Базуна» стояла треснутая бамбуковая палка — обыкновенная палка с катушкой от детской «Зебко», прикрепленной к ней одним-единственным ржавым шурупом.

— Кто-то украл ее! — закричал Норрис. Моментально его охватила былая ревность и бешеная злоба, он чувствовал, что должен бежать на улицу и отыскать вора. Он должен убить их всех, перебить весь город, если понадобится, чтобы добраться до виновного. — *Кто-то украл мой «Базун»!* — снова провыл он, раскачиваясь на табуретке.

«Нет, — возразил все тот же злобный голос, — она всегда была такой. Что украли, так это шоры у тебя с глаз — те, что ты сам себе навесил, по собственному желанию».

— Нет! — Какие-то чудовищные ладони, сжимавшие череп Норриса, теперь стали сдавливать его все сильнее и сильнее. — *Нет-нет-НЕТ!*

Но снова сверкнула молния и осветила грязную бамбуковую палку, стоявшую там, где всего секунду назад он видел «Базун». Он сам поставил удочку туда, чтобы она была последним предметом, который он увидит, шагнув с табуретки. Никого больше здесь не было, никто ее не трогал, следовательно, голос был прав.

«Она всегда была такой, — продолжал сердито настаивать голос. — И весь вопрос лишь в том: собираешься ты что-нибудь предпринять или хочешь просто сбежать во тьму?»

Он поднял руки и попытался ослабить петлю, как вдруг почувствовал, что в сарае он не один. На какое-то мгновение до него донесся запах табака, кофе и какого-то слабого одеколона, быть может, «Джентльмена с Юга», — запахи мистера Гонта.

То ли он просто потерял равновесие, то ли злобная невидимая рука столкнула его с табуретки. Одна нога соскользнула и опрокинула ее.

Крик Норриса был сдавленным, словно его стянули морским узлом. Одна взметнувшаяся рука нащупала несущую балку и ухватилась за нее. Он подтянулся кверху и тем самым немного ослабил петлю. Другая его рука вцепилась в петлю; он чувствовал, как веревка впивается ему в глотку.

«Нет — это точно! — услышал он злобный крик мистера Гонта. Нет — это совершенно точно, валлиец ты поганый!»

Его тут не было — не было на самом деле; Норрис понимал, что его никто не толкал. И

тем не менее он испытывал четкое ощущение, что какая-то часть мистера Гонта все же *находилась* здесь, рядом... И мистер Гонт был недоволен, потому что все шло не так, как должно было идти. Придурки не должны *ничего* понимать. Во всяком случае, пока уже не будет слишком поздно, чтобы это имело значение.

Он дернулся и потянул за петлю, но узел словно залило бетоном. Рука, на которой он повис, страшно дрожала. Его ноги болтались в трех футах от пола. Он уже больше не мог удерживать подбородок в таком задранном положении. Чудом было вообще, что он сумел хоть немного ослабить веревку.

В конце концов ему удалось просунуть два пальца под петлю и потихоньку раздвинуть ее. Он вытащил голову из петли как раз в тот момент, когда жуткая судорога свела ту руку, на которой он висел. Бесформенной, всхлипывающей массой он рухнул на пол, прижимая вывернутую руку к груди. Сверкнула молния, и капельки слюны на его оскаленных зубах заиграли крошечными пурпурными искорками. И тогда он отключился... он сам не знал, надолго ли, но когда сознание вернулось к нему, дождь по-прежнему лил как из ведра, а молнии все так же сверкали в небе.

Он поднялся на ноги и проковылял к удочке, все еще придерживая больную руку. Судорога отпустила, но Норрис еще постанывал. Он схватил удочку и как следует рассмотрел ее, злобно хмурясь.

Бамбук. Грязный мерзкий бамбук. Она стояла не то что дешево — она вообще *ничего* не стояла.

Тощая грудь Норриса выпятилась, и он издал пронзительный крик, полный стыда и ярости. Одновременно он поднял полено и хрястнул о него бамбуковую удочку; сложил обломки и снова переломил их об колено. Обломки были противными на ощупь — физически неприятными. Они были подделкой. Он отшвырнул их прочь, и они отлетели к перевернутому табурету, как обыкновенные грязные щепки.

— Вот так! — крикнул он. — Вот так! Вот так! ВОТ ТАК!

Мысли Норриса перескочили на мистера Гонта. На мистера Гонта с его серебряной проседью, с его твидовым пиджаком и голодной, мерзкой улыбкой.

— Я достану тебя, — прошептал Норрис Риджвик. — Не знаю, что случится потом, но я тебя *достану*.

Он подошел к двери сарая, распахнул ее и вышел под проливной дождь. Патрульная машина № 2 стояла на дорожке возле дома. Он согнулся на ветру и пошел к ней.

— Я не знаю, что ты такое, — сказал Норрис, — но я иду за тобой, жулик сраный.

Он забрался в машину и тронулся задним ходом по дорожке; стыд, злоба и отчаяние боролись за место на его физиономии. В конце дорожки он свернул налево и двинулся по направлению к «Самому необходимому» так быстро, как только смел в такую грозу.

3

Полли Чалмерз снился сон.

Во сне она заходила в «Самое необходимое», но за прилавком стоял не Лиланд Гонт, а тетюшка Эвви Чалмерз. На тете Эвви было ее лучшее голубое платье и голубая шаль — та самая, с красной каймой. В больших и явно искусственных зубах она сжимала сигарету «герберт тарейтон».

— Тетя Эвви! — вскричала Полли во сне. Огромная радость и еще большее облегчение — какое бывает лишь в сладких снах и в моменты пробуждения от страшных кошмаров — заполнило все ее существо мягким светом. — Тетя Эвви, ты жива!

Но тетюшка Эвви не подала никаких признаков, что узнала племянницу.

— Купите что желаете, мисс, — сказала тетя Эвви. — И кстати, вас зовут Полли или Патриция? Я что-то не припомню.

— Тетя Эвви, ты же знаешь, как меня зовут: я — Триша. Я всегда была Тришей для тебя.

Тетушка Эвви и бровью не повела.

— Как бы вас там ни звали, у нас сегодня есть кое-что особенное. Все должно идти своим чередом.

— Тетя Эвви, что ты здесь делаешь?

— Я — ЧАСТЬ этого, — сказала тетушка Эвви. — Все в городе — часть этого, мисс Два Имени. По сути дела, все на белом свете — часть этого, потому что каждый любит торговлю. Каждый любит получать что-то за просто так... даже если это стоит всего.

Неожиданно светлое чувство исчезло. Его сменил страх. Полли взглянула на застекленные шкафы и увидела бутылки с темной жидкостью, снабженные этикетками: «ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОНИК МИСТЕРА ГОНТА». Стояли там и поганно сделанные заводные игрушки, рассыпающиеся на части и плюющиеся пружинами, когда их заведут во второй раз. Грубые секс-игрушки. Были и маленькие бутылочки, похоже, наполненные кокаином, с этикетками: «ПУДРА-КИКАПУ МИСТЕРА ГОНТА». Дешевые фокусы — в большом количестве: пластиковые пукающие собачки, клейкая пудра, портсигары с сюрпризами, свистки. Была пара «рентгеновских» очков, в которых якобы видно все, что творится за закрытыми дверями и под дамскими платьями, но которые на самом деле ничего не делают, а лишь оставляют вокруг глаз круги, как у енотов. Пластиковые букеты цветов, крапленые колоды карт и бутылочки дешевых духов с этикетками «ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ МИСТЕРА ГОНТА № 9». Все в шкафах было безвкусно, бесполезно и без... как-то безвременно.

— Все, что пожелаете, мисс Два Имени, — сказала тетушка Эвви.

— Почему ты так меня называешь, тетя Эвви? Пожалуйста... Разве ты не узнаешь меня?

— Все работает с гарантией. Если на что-то и нет гарантии после продажи, так это на ВАС. Так заходите же и... покупайте-покупайте-покупайте...

Теперь она смотрела прямо на Полли, и ужас острым ножом ударил Полли. В глазах тетушки Эвви она увидела сострадание, но... то было жуткое, безжалостное сострадание.

— Как тебя зовут, детка? Кажется, я знала это когда-то.

Во сне (и в собственной кровати) Полли начала плакать.

— Что, кто-то еще забыл, как тебя зовут? — спросила тетушка Эвви. — Интересно. Похоже, что забыл.

— Тетя Эвви, ты меня пугаешь!

— Ты сама себя пугаешь, детка, — отвечала тетушка Эвви и в первый раз взглянула прямо в глаза Полли. — Ты только помни, что, когда ты покупаешь что-то здесь, мисс Два Имени, ты что-то и продаешь.

— Но мне это необходимо! — крикнула Полли и заплакала еще сильнее. — Мои руки...

— Да, это действует, мисс Полли Фриско, — сказала тетушка Эвви и достала одну из бутылочек с этикеткой «ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОНИК МИСТЕРА ГОНТА». Она поставила ее на прилавок — маленькую пузатую бутылочку, наполненную чем-то похожим на жидкую грязь. — Это не может заставить твою боль исчезнуть — такое невозможно, но это может вызвать эффект перехода.

— Что ты хочешь сказать? Зачем ты пугаешь меня?

— Это меняет местонахождение твоего артрита, мисс Два Имени, — вместо рук болезнь переходит на сердце.

— Нет!

— Да.

— Нет! Нет! Нет!

— Да. О да. Равно как и на твою душу. Но у тебя есть твоя гордость. Это по крайней мере с тобой и останется. А разве не стоит женщине быть гордой? Когда все остальное исчезнет — сердце, душа, даже тот человек, которого ты любишь. Это ведь останется с тобой, а, маленькая мисс Полли Фриско? У тебя останется эта монетка, без которой твой кошелек будет совсем пуст. Да пребудет с тобой твоя тьма и твой покой на всю оставшуюся жизнь. Пускай это сработает. Это должно сработать, поскольку, если ты пойдешь по пути, на

который встала, другого уже точно не будет.

— Прекрати, пожалуйста, неужели ты не...

4

— Прекрати, — пробормотала она во сне. — Пожалуйста, прекрати. Пожалуйста.

Она перевернулась на бок. Азка тихонько звякнул на цепочке. Молния распоролла небо, ударила в старый вяз у Касл-Стрим и сбросила его в стремнину, ослепив своей вспышкой на мгновение Алана Пэнгборна, сидящего за рулем своего старенького фургона. Последовавший за ней раскат грома разбудил Полли. Ее глаза раскрылись. Рука тут же нашарила азку и прикрыла медальон защитным жестом. Рука была ги(экой, суставы двигались легко, как хорошо смазанные подшипники.

Мисс Два Имени... маленькая мисс Полли Фриско.

— Что?.. — Голос ее был глухим, но мозг — ясным и четким, словно она вовсе не спала, а пребывала в каком-то глубоком раздумье, почти трансе. Что-то ворочалось у нее в мозгу — что-то огромное, величиной с кашалота. Снаружи вспыхнула молния и сверкнула в небе, как яркая россыпь пурпурных искр.

Что, кто-то еще забыл, как тебя зовут?.. Похоже, что забыл.

Она потянулась к ночному столику и зажгла лампу. Рядом с телефонным аппаратом «Принцесса» — аппаратом с увеличенными наборными кнопками, в которых она больше не нуждалась, лежал конверт — тот самый конверт, который она нашла среди кипы другой почты, когда вернулась домой сегодня днем. Прочитав тогда письмо, она снова сложила его и засунула обратно в конверт.

Ей казалось, что откуда-то из темноты, в паузах между раскатами грома до нее доносятся крики людей. Полли не обратила на них внимания; она думала про кукушек, кладущих яйца в чужие гнезда, пока их хозяева отсутствуют. Разве приемная мать, возвратившись в гнездо, замечает, что туда подложили что-то? Конечно же, нет; она принимает яйцо за свое. Точно так же как Полли приняла это проклятое письмо, потому что оно валялось среди двух каталогов и программы кабельного ТВ Западного Мэна.

Она просто приняла его за свое, но... ведь *кто угодно* мог бросить письмо в прорезь для почты, разве не так?

— Мисс Два Имени, — пробормотала она смущенно. — Маленькая мисс Полли Фриско, в этом-то все и дело, верно? — Именно это вспомнило ее подсознание и воссоздало тетюшку Эвви, чтобы она произнесла это. Ведь она и была *мисс* Полли Фриско.

Когда-то давным-давно она была ею.

Она потянулась за конвертом.

«Нет! — сказал ей голос, и это был голос, который она прекрасно знала. — Не трогай его, Полли, — не трогай, если понимаешь, что тебе нужно, а что — нет!»

Боль, темная и крепкая, как настоявшийся за целый день кофе, глубоко вонзилась в ее руки.

«Это не может заставить твою боль исчезнуть, но... это может вызвать эффект перехода».

Та самая мысль, размером с кашалота, выплывала на поверхность. Голос мистера Гонта не мог остановить ее; ее вообще ничто не могло остановить.

«ТЫ можешь остановить это, Полли, — сказал мистер Гонт. — Поверь мне, ты ДОЛЖНА».

Ее рука отдернулась, так и не коснувшись письма. Ладонь потянулась к азке и сомкнулась вокруг медальона в защитный кулачок. Она почувствовала, как что-то шевелится внутри — что-то согретое ее теплом неистово царапалось внутри серебряного амулета, и это наполнило ее отвращением, заставило испытать резь в желудке, словно кишки стали разлагаться и гнить.

Она выпустила амулет и снова потянулась к письму.

«Последнее предупреждение, Полли!» — сказал ей голос мистера Гонта.

«Да, — ответил голос тетушки Эвви. — Я думаю, он говорит правду, Триша. Он всегда так ублажал дам, тещащих свою гордыню, но знаешь что? Я не думаю, что от него может быть какой-то прок тем, кто решает плюнуть на нее в конце концов. И, я полагаю, пришло время для тебя решить раз и навсегда, как тебя зовут НА САМОМ ДЕЛЕ».

Она взяла конверт, не обращая внимания на предупреждающий толчок боли в руках, и взглянула на аккуратно напечатанный адрес. Письмо — *письмо-улика, ксерокопия ее стыда* — было адресовано «миссис Патриции Чалмерз».

— Нет, — прошептала она. — Неправильно. Неправильное имя. — Ее рука медленно, с силой сжалась, комкая письмо. Тупая боль отозвалась в кулаке, но Полли даже не заметила ее. — Я всегда была Полли в Сан-Франциско — для всех я там была Полли, даже для *отдела детских пособий!*

Это был один из способов порвать с каждой частичкой прежней жизни, которая, по ее разумению, так больно ранила ее, и никогда, даже в самые темные ночи, она не позволяла себе задуматься о том, что эти раны она нанесла себе сама. В Сан-Франциско не было ни Триши, ни Патриции — только Полли. Она заполнила все три заявления на ПДН и подписалась — Полли Чалмерз, даже без второго инициала.

Если бы Алан и впрямь написал чиновникам в отдел детских пособий Сан-Франциско, он, вероятно, мог указать ее имя как Патриция, но разве все поиски в старых делах не закончились бы тогда впустую? Ну, конечно же. Даже адреса бы не совпали, потому что тот адрес, который она напечатала в графе «МЕСТО ПОСЛЕДНЕГО ПРОЖИВАНИЯ» много лет назад, был адресом ее родителей — в другом конце города.

Но что, если Алан дал им оба имени? И Полли, и Патриция? Ну и что с того? Она хорошо знала, как работают бюрократы в правительственных учреждениях — для них было совершенно не важно, какое имя или имена назвал Алан; ответное письмо пришло бы по тому адресу и на то имя, которые были указаны у них в анкетах. У Полли была одна подруга в Оксфорде, и вся корреспонденция из Мэнского университета приходила ей на ее девичью фамилию, хотя она уже лет двадцать как была замужем.

Этот же конверт пришел, адресованный Патриции Чалмерз, а не Полли Чалмерз, а кто в Касл-Роке назвал ее — только сегодня — Патрицией?

Тот же, кто знал, что Нетти Кобб на самом деле звали Неттицией. Ее добрый друг, Лиланд Гонт.

«Все это насчет имен — довольно интересно, — неожиданно произнесла тетушка Эвви. — Но на самом деле это все не главное. Главное — мужчина, твой мужчина. Он ведь твой, не так ли? Даже сейчас. И ты знаешь, что он никогда бы не стал вынюхивать за твоей спиной, как утверждалось в этом письме. Не важно, какое имя там стоит и как убедительно все это может выглядеть... ты-то ЗНАЕШЬ это, верно?»

— Да, — прошептала она. — Я знаю *его*.

Она что, и вправду поверила в это? Или просто отбросила все свои сомнения насчет этого абсурдного, невероятного письма, потому что боялась — была просто в ужасе, — что Алан увидит мерзкую сущность *азки* и заставит ее сделать выбор между ним и амулетом?

— О нет, так было бы слишком просто, — прошептала она. — Я все-таки поверила. Пусть только на полдня, но поверила. О Господи... Господи Иисусе, что же я наделала?

Она с гадливостью, какая бывает у женщины, внезапно поймавшей себя на том, что держит в руке дохлую крысу, швырнула смятый конверт на пол.

«Я так и не сказала ему, на что обозлилась; не дала ни единого шанса объяснить что-то; я просто... просто поверила в это. Почему? Ради всего святого — почему?»

Конечно, она знала ответ. Это был внезапный приступ стыда и страха — страха перед тем, что ее ложь относительно причины смерти Келтона была раскрыта, что страдания прежних лет, проведенных в Сан-Франциско, стали известны, что будет пережевываться доля ее вины в смерти маленького ребенка и... как раз тем единственным человеком на свете, чьим уважением она дорожила и чье хорошее мнение о себе было ей так необходимо.

Но это было еще не все. И это было даже не главное. Главным была ее гордость — израненная, яростная, болезненная, гадкая и злобная гордость. Гордость — та монетка, без которой ее кошелек стал бы совсем пустым. Она поверила, потому что ее обуревал стыд — стыд, порожденный гордостью.

«Я всегда так восхищался дамами, в которых есть гордость». Волна жуткой боли накатила на ее руки; Полли застонала и прижала их к груди.

«Еще не все потеряно, Полли, — мягко произнес мистер Гонт. — Даже сейчас еще не все потеряно».

— Да пошла она, эта гордость! — вдруг заорала Полли в темноте своей маленькой спальни и сорвала *азку* с шеи. Она подняла ее высоко над головой в своем стиснутом кулачке — серебряная цепочка раскачивалась из стороны в сторону — и почувствовала, как поверхность безделушки треснула у нее в кулаке, словно яичная скорлупа. — ПЛЕВАЛА Я НА ЭТУ ГОРДОСТЬ!

В ту же секунду боль вгрызлась в ее руки, как маленький голодный зверь, но... даже сейчас она знала, что боль была не такой сильной, как она боялась, — даже близко не такой. Она знала это так же точно, как и то, что Алан никогда не писал в Сан-Франциско и не выспрашивал о ней.

— Плевала я на ЭТУ ГОРДОСТЬ! Плевала! Плевала! — проорала Полли и швырнула *азку* через всю комнату.

Медальон ударился о стену, покатился по полу и раскрылся. За окном сверкнула молния, и Полли увидела, как две волосатые лапки показались из щелки. Щель расширилась, и из нее выполз маленький паук. Он засеменил к ванной комнате. Снова вспыхнула молния и отбросила от него на пол продолговатую тень, искрящуюся, как электрическая татуировка.

Полли соскочила с кровати и ринулась за ним. Его нужно было убить, и убить быстро... потому что прямо на ее глазах паук раздувался. Он был вскормлен отравой, которую высасывал из ее тела, и теперь, когда он освободился от своей скорлупы, трудно было сказать, до каких размеров он может вырасти.

Она ударила ладонью по выключателю, и флюоресцентная лампа над раковиной ожила. Она увидела, как паук ползет к ванной. Когда он вползал в дверь, он был не больше жука, а теперь — размером с мышь.

Как только она вошла в ванную комнату, он повернулся и засеменил к ней — с отвратительным скрежетом ножек по кафельным плиткам, — и она успела подумать: он был у меня между грудей, он лежал НА мне, он ВСЕ ВРЕМЯ лежал на мне...

Его тело было покрыто черно-коричневой щетиной. Крошечные волосики торчали дыбом на его ножках. Глаза, тусклые, как фальшивые рубины, уставились на нее, и... она увидела два клыка, торчащих у него изо рта, как кривые зубы вампиров. С них капала какая-то прозрачная жидкость. Там, где капли касались кафельных плиток, они оставляли маленькие дымящиеся отверстия.

Полли, заорав, схватила вантуз, стоявший возле унитаза. Руки тут же отозвались болью, но несмотря на это, она схватилась за деревянную ручку и набалдашником ударила паука. Он попятился, одна из его ножек сломалась и криво повисла в воздухе. Он ринулся к ванне, и Полли бросилась за ним.

Раненый или нет, он продолжал расти. Теперь он уже был размером с крысу. Его выпятившееся брюхо тащилось по кафельным плиткам, но тем не менее он с диким проворством взобрался по пластиковой занавеске у душа. Лапки щелкали по занавеске, как капельки воды. Колечки на металлическом карнизе занавески звякнули.

Полли размахнулась вантузом, как бейсбольной битой, и тяжелый резиновый набалдашник, просвистев в воздухе, ударил отвратительное существо. Набалдашник попал в цель, но, к сожалению, удар не возымел нужного эффекта. Занавеска вмялась внутрь, и паук шмякнулся в ванну, как плюхнувшийся кусок гнилого мяса.

В этот момент погас свет.

Полли стояла в темноте, сжимая в руке свое оружие и прислушиваясь к шороху паука.

Тут снова сверкнула молния, и она увидела его выгнутую щетинистую спину над сливом ванны. Существо, выбравшееся из маленького медальона, было теперь размером с кошку — это создание хоть и высасывало боль из ее рук, но питалось все время кровью ее сердца.

«Тот конверт, что я спрятала на участке старого Кембера... Что в нем было?» — подумала Полли.

Без *азки* на шее и с проснувшейся и вновь терзающей ее руки болью она уже больше не могла твердить себе, что это не имеет отношения к Алану.

Клыки паука щелкнули об эмалевый бортик ванны. Это прозвучало так, как если бы кто-то постучал монеткой по твердой поверхности, чтобы привлечь внимание. Его безжизненно-тусклые глаза уставились на нее.

«Слишком поздно, — казалось, говорили эти глаза. — Слишком поздно для Алана и для тебя. Слишком поздно для всех».

Полли двинулась на него.

— Что ты заставил меня сделать?! — закричала она. — Что ты заставил меня сделать?! Ты, чудовище, ЧТО ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ?!

Паук привстал на задних лапах, передними крепко ухватившись за пластиковую занавеску, чтобы сохранить равновесие. Он ждал ее атаки и был готов дать отпор.

5

Эйс Меррилл слегка зауважал старого пижона, когда Китон вытащил ключ и открыл дверь склада с красной ромбовидной табличкой: «ВЗРЫВООПАСНО». Он зауважал его еще больше, когда вдохнул влажный воздух, услышал мерный гул кондиционеров и увидел ящики. Технический динамит. Целая гора динамита. Это, конечно, не арсенал «стингеров», но для приличного «рок-н-ролла» — вполне достаточно. Более чем.

В «бардачке» между передними сиденьями автобуса среди прочих полезных инструментов нашелся мощный фонарь на восьми батареях, и теперь — как раз когда Алан приближался к Касл-Року в своем стареньком фургоне, когда Норрис Риджвик сидел у себя на кухне и завязывал петлю на прочной веревке, когда близился к финалу сон Полли Чалмерз про тетюшку Эвви, — Эйс переводил кружок яркого света от фонаря с одного ящика на другой. Над его головой проливной дождь стучал по крыше сарая. Он лил так, что Эйсу едва не почудилось, будто он вновь оказался в тюремной душевой.

— Давай, беремся за дело, — тихим, хриплым голосом сказал Зануда.

— погоди минуту, папаша, — ответил Эйс. — Сейчас перекур. — Он сунул Зануде фонарь и вытащил пластиковый пакет, который вручил ему мистер Гонт. Он вытряхнул маленькую горстку кокаина себе на левую ладонь и быстро втянул ее носом.

— Что это? — подозрительно осведомился Зануда.

— Южноамериканская пудра-бинго, вкусная, как пряник.

— Угу, — хмыкнул Зануда. — Кокаин. Это Они продают кокаин.

Эйсу не надо было спрашивать, кто такие Они. Старый пижон только об этом и болтал всю дорогу, пока они ехали сюда, и Эйс подозревал, что он будет болтать только об этом всю ночь напролет.

— Неправда, папаша, — сказал Эйс. — Они это не продают. Они как раз хотят оставить его весь у себя. — Он высыпал еще чуть-чуть себе на ладонь возле большого пальца и протянул руку вперед. — Попробуй и скажи, если я не прав.

Китон взглянул на него со смесью сомнения, любопытства и подозрительности.

— Почему ты все время зовешь меня папашей? Я еще не так стар, чтобы быть твоим папочкой.

— Ну, ты вряд ли, конечно, читал когда-нибудь комиксы в метро, но есть один парень по имени Р. Крамб, — сказал Эйс. Кокаин уже начал действовать, высвечивая искорками все его нервные окончания. — Он рисует эти комиксы про парнишку, которого зовут Зиппи. А по мне, ты как раз похож на папашу этого Зиппи.

— А он — хороший? — подозрительно спросил Зануда.
— Отличный, — заверил его Эйс. — Но если хочешь, я буду звать тебя мистер Китон.
— Он помолчал и осторожно добавил: — Как Они тебя зовут.

— Нет, — немедленно отреагировал Зануда. — Пусть будет так. Раз это не оскорбительно.

— Ни в коем случае, — сказал Эйс. — Давай попробуй немного этого дерьма, и ты будешь распевать: «Эге-гей, в субботу мы не ходим на работу!» — до самого рассвета.

Зануда еще раз окинул его подозрительным взглядом, а потом втянул носом кокаин с ладони Эйса. Он закашлялся, засопел и схватился за нос, вытираив влажные глазки на Эйса.

— Оно жжется!

— Только по первому разу, — радостно заверил его Эйс.

— Как бы там ни было, я ни черта не чувствую. Хватит валять дурака, давай затащим динамит в автобус.

— Как прикажешь, папаша.

Меньше чем за десять минут они загрузили ящики с динамитом в автобус. Когда они покончили с последним, Зануда сказал:

— Может, эта твоя хреновина и дает что-то. Можно мне еще?

— Конечно, папаша, — ухмыльнулся Эйс. — И я с тобой за компанию.

Они вынюхали по дозе и поехали обратно в город. За руль сел Зануда, и теперь он уже начал походить не на папашу Зиппи, а на мистера Тода¹⁹ из мультика Уолта Диснея «Ветер в ивах». Новый яркий огонь зажегся в глазах первого выборного. Поразительно, как быстро растерянность и смятение покинули его разум; теперь он чувствовал, что прекрасно может понять каждый Их замысел — каждый заговор, каждый план, каждую мелкую махинацию. Он рассказал все это Эйсу, пока тот сидел, скрестив ноги, в салоне автобуса и подсоединял таймеры к капсюльным взрывателям. Зануда, казалось, начисто забыл про Алана Пэнгборна — главного Их предводителя, — по крайней мере на время. Он был всецело поглощен идеей взорвать весь Касл-Рок — или хотя бы столько, сколько удастся, — и стереть его с лица земли до основания.

Уважение Эйса сменилось полным восхищением. Старый козел был полным психом, а Эйсу нравились психи — всегда нравились. С ними он чувствовал себя как дома. И как и у всех, кто впервые отведал кокаина, разум папаши блуждал среди других планет. Он не закрывал рта. И все, что требовалось от Эйса, это поддакивать: «Угу», «Точно, папаша», «Ты прав, папаша».

Пару раз он едва не назвал Китона мистером Тодом вместо папаши, но вовремя спохватился. Называть этого парня мистером Тодом — это могло обернуться большими неприятностями.

Они миновали Тин-бридж, когда Алан был еще в трех милях от него, остановились и вылезли под проливной дождь. Эйс отыскал под одним из сидений автобуса одеяло и набросил его сверху на ящик с динамитом и прикрепленным к нему таймером.

— Тебе помочь? — нервно спросил Зануда.

— Предоставь это мне, папаша, а не то ты свалишься в реку и мне придется тебя выуживать оттуда, как рыбку. Следи за дорогой, идет?

— Ладно... Слушай, Эйс, а почему бы нам не нюхнуть еще?

— Не сейчас, — ответил Эйс и покровительственно похлопал Зануду по мясистой руке.
— Это дерьмо почти неразбавленное. Ты хочешь, чтобы тебя разорвало?

— Меня — нет, — сказал Зануда. — Все остальное — да, но не меня.

Он разразился диким хохотом. Эйс присоединился к нему.

— Повеселимся чуток сегодня, а, папаша?

¹⁹ Mister Toad — мистер Жаба (англ.).

Зануда поразился тому, как это было верно. Депрессия, охватившая его после истории с Миртл... истории с Миртл... казалось, была сто лет назад. Он чувствовал, что они с его замечательным другом Эйсом наконец-то загнали Их туда, куда хотели, — в общий кулак.

— Еще бы, — сказал он и стал следить, как Эйс скользит вниз по мокрому, поросшему травой берегу, прижав к животу закутанный в одеяло сверток с динамитом.

Под мостом было относительно сухо; правда, это не имело значения — и динамит, и взрыватели были водонепроницаемыми. Эйс засунул сверток в У-образную выемку между двумя опорами, а потом присоединил взрыватель к динамиту, воткнув провода — кончики были уже зачищены, вот это сервис — в одну из динамитных шашек. Он повернул большой белый циферблат таймера на отметку «40». Таймер начал тикать.

Он выполз из-под моста и вскарабкался вверх по скользкому берегу.

— Ну? — тревожно спросил Зануда. — Ты думаешь, он взорвется?

— Взорвется, — заверил его Эйс и залез в автобус. Он промок до нитки, но ему было наплевать.

— А что, если Они найдут его? Что, если Они отсоединят...

— Папаша, — сказал Эйс, — прислушайся-ка на минутку. Высунь голову из-за дверцы и послушай.

Зануда послушал. Ему показалось, что в паузах между громовыми раскатами до него доносятся отдаленные людские крики. Потом он явственно услышал резкий сухой щелчок пистолетного выстрела.

— Мистер Гонт нашел, чем Их занять, — сказал Эйс. — Ушлый он парень... Умный с-сукин-сын... — Он высыпал щепотку кокаина себе на ладонь и сунул руку под нос Зануде. — Давай, папаша, — время подзаправиться.

Зануда наклонил голову и втянул носом порошок.

Они отъехали от моста минут за семь до того, как на нем появился Алан. Под мостом, в выемке между опорами, черная стрелка таймера стояла на отметке «30».

6

Эйс Меррилл и Дэнфорт Китон — он же Зануда, он же папаша, он же Тод, — медленно ехали вверх по Мейн-стрит, разбрасывая тут и там маленькие свертки, как Санта-Клаус со своим помощником. Дважды мимо них с ревом проносились полицейские машины, но никому в них не было дела до еще одного автобуса с ТВ. Как сказал Эйс, мистер Гонт знал, чем Их занять.

Они оставили пять динамитных шашек с таймерами у дверей «Ритуальных услуг Самьюэлса». Рядом была парикмахерская. Эйс обернул руку куском одеяла и локтем разбил окошко в двери. Он сильно сомневался, что в парикмахерской есть охранная сигнализация... А если и есть, вряд ли полицейские сейчас помчатся сюда. Зануда протянул ему свежеприготовленную бомбу — они накрепко прикрутили таймеры и взрыватели к динамиту проволокой, найденной под одним из сидений автобуса, и Эйс просунул ее в образовавшуюся в двери дыру. Они проследили, как сверток покатился к подножию кресла № 1 — таймер гикал на отметке «25».

— Вряд ли кто-то побреется здесь в ближайшее время, а, папаша? — выдохнул Эйс, и Зануда нервно хихикнул.

Потом они разделились — Эйс закладывал связку шашек в «Галаксию», а Зануда запихивал свою в пасть банкомата перед банком. Когда они оба под проливным дождем вернулись к автобусу, огромная молния распоролла небо. Старый вяз с грохотом рухнул в Касл-Стрим. На мгновение они застыли на тротуаре, тараща в том направлении и прикидывая, уж не динамит ли под мостом рванул минут на двадцать раньше срока. Но никакого огня не было видно.

— Похоже, молния, — сказал Эйс. — Молния шарахнула в дерево. Пошли.

Когда они тронулись с места — за руль теперь уселся Эйс, — мимо них проехал фургон

Алана. За пеленой дождя ни один из водителей не узнал другого.

Они подъехали к закуской Нэнси. Эйс локтем разбил окошко в двери, и они оставили динамит с таймером, тикающим на отметке «20», прямо рядом с кассой. Когда они уже уходили, в небе полыхнула фантастически яркая молния, и все уличные фонари потухли.

— Вот это силища! — радостно закричал Зануда. — Электричество вырубилось! Потрясающе! Давай покончим с муниципалитетом! Давай взорвем его к чертям собачьим!

— Папаша, там вся площадка кишит легавыми! Ты что, сам не видел?

— Они сами себя ловят за хвост, — нетерпеливо отмахнулся Зануда. — А когда происходит такое, они делают то же самое, только в два раза быстрее. Кроме того, теперь везде темно, и мы можем пройти через здание суда, с другой стороны. Мой ключ открывает и ту дверь тоже.

— Знаешь, папаша... Хватка у тебя — тигриная.

Не разжимая губ, Зануда усмехнулся:

— Как и у тебя, Эйс. Как и у тебя.

7

Алан заехал на одно из парковочных мест перед «Самым необходимым», выключил двигатель фургона и минуту просто сидел и смотрел на магазин мистера Гонта. Табличка на витрине теперь гласила:

ВЫ ГОВОРИТЕ: «ПРИВЕТ»

Я ГОВОРЮ: «ДО СВИДАНИЯ, ДО СВИДАНИЯ!»

Я НЕ ЗНАЮ, ЗАЧЕМ ВЫ ТВЕРДИТЕ «ПРИВЕТ», «ПРИВЕТ».

Я ГОВОРЮ: «ДО СВИДАНИЯ!»

Молния, полыхающая как неоновая лампа, придавала витрине сходство с мертвой пустой глазницей.

И все же какой-то глубокий инстинкт подсказывал ему, что закрытое и покинутое «Самое необходимое» может оказаться не пустым. Мистер Гонт, конечно, мог покинуть город среди всей этой суматохи — о да, при том, что разразилась гроза и полицейские носятся по всей округе, как цыплята с отрубленными головами, это не составило бы труда. Но портрет мистера Гонта, вырисовавшийся у него в мозгу за время долгой и жуткой езды из больницы в Бриджтоне, походил на противника Бэтмена — Клоуна. Алан полагал, что имеет дело с человеком того сорта, который примет установку клапана с реактивной струей в унитазе лучшего друга как великолепный образчик чувства юмора. А станет ли такой парень — из тех, что вымажут клеем ваш стул или сунут вам для смеха горящую спичку в ботинок, — удирать до того, как вы заметите, что у вас приклеились брюки или что загорелись ваши носки? Конечно же, нет. Что это тогда будет за забава?

«Я полагаю, ты еще где-то здесь, — подумал Алан. — Я думаю, ты хочешь поглазеть на веселье. Ведь хочешь, а, сукин ты сын?»

Он сидел не двигаясь и смотрел на магазин с зеленым тентом, стараясь вычислить, как работают мозги у человека, который способен рассчитать и запустить в действие столь сложную и многозначную череду событий. Он слишком сильно сосредоточился на этом, чтобы обратить внимание на старую, но очень обтекаемую по форме, почти аэродинамичную машину, стоящую слева от него. А между тем это был «такер-талисман» мистера Гонта.

«Как ты это сделал? Я много чего хотел бы узнать, но на сегодня хватит и одного: как ты смог это сделать? Как ты сумел так много вызнать про нас и так быстро?»

Брайан сказал, что мистер Гонт на самом деле вовсе не человек.

При свете дня Алан бы лишь усмехнулся от этой мысли, как усмехнулся он при мысли, что медальон Полли может обладать какой-то сверхъестественной целебной силой. Но сегодня ночью, застигнутый этой безумной грозой, уставясь на витрину, превратившуюся в

мертвую пустую глазницу, он чувствовал, что у этой мысли есть своя упрямая и темная сила. Он вспомнил тот день, когда заехал в «Самое необходимое», думая встретиться и поболтать с мистером Гонтом, и вспомнил то странное чувство, охватившее его, когда он заглянул в дверное стекло, приставив ладони к вискам, чтобы не мешал отраженный свет. Он почувствовал, что за ним наблюдают, хотя магазин был явно пуст. И не только это; он чувствовал, что наблюдатель враждебен, полон ненависти. Чувство было столь сильным, что он на мгновение принял свое собственное отражение за чье-то мерзкое (и полупрозрачное) чужое лицо.

Как сильно было то чувство... как сильно...

Алан поймал себя на том, что вспомнил еще кое-что — как бывало твердила ему его бабушка, когда он был маленьким: *голос дьявола что мед для ушей*.

Брайан сказал...

Как же мистер Гонт прошел мимо его сознания? И зачем, ради всего святого, занесло его в такое глухое местечко, как Касл-Рок?

...что мистер Гонт на самом деле вовсе не человек.

Алан неожиданно нагнулся и пошарил на полу возле пассажирского сиденья. На мгновение он решил, что то, что он ищет, пропало — выпало из машины в какой-то момент, когда дверца была открыта, — а потом его пальцы наткнулись на железный предмет. Он закатился под сиденье, только и всего. Алан достал его, вытащил и... голосок его депрессии, молчавший с тех пор, как он вышел из больничной палаты Шона Раска (а может, Алан был просто слишком занят другими вещами, чтобы слышать его), заговорил громким и неестественно веселым тоном.

«Привет, Алан! Привет! Меня что-то долго не было, прости, но вот я снова вернулась, идет? Что это ты там достал? Банку с орешками? Нет — это лишь похоже на банку с орешками, но это не орешки, верно? Это самая последняя штучка, которую купил Тодд в том магазинчике, на Ауберне, точно? Фальшивая баночка орешков «Тейсти-мунч» с зеленой змейкой внутри — папье-маше, обернутое вокруг пружинки. И когда он притащил это тебе со сверкающими глазенками и улыбкой на пухлом личике, ты сказал ему, чтобы он отнес эту дурацкую штуку назад, так? А когда он весь сник, ты притворился, что не замечаешь — ты сказал ему... Дай-ка мне вспомнить. Что ты ему СКАЗАЛ?»

— Что дураки очень быстро расстаются с деньгами, — глухо произнес Алан, все вертя и вертя банку в руках и вспоминая лицо Тодда. — Вот что я ему сказал.

«Точечечно», — подтвердил голосок. — Как же это я могла запомнить? Хочешь поболтать об испорченном настроении? Святая Луиза! Как хорошо, что ты напомнил мне! Как хорошо, что ты напомнил нам ОБОИМ, верно? Только Анни спасла тогда тот день — она сказала, пускай он купит ее. Она сказала... Дай-ка вспомнить. Что она СКАЗАЛА?»

— Она сказала, что это просто забавно, что Тодд просто похож на меня и что он уже никогда снова не будет ребенком. — Голос Алана был хриплым и чуть дрожал. Он снова начал плакать — а почему бы и нет? Почему, мать твою, нет? Вернулась старая боль, обернувшаяся вокруг его ноющего сердца, как старый коврик.

«Больно, да? — спросил голосок депрессии — этот виноватый, ненавидящий сам себя голосок — у Алана (у остальной его части) с сочувствием, которое, как подозревал Алан, было насквозь фальшивым. — Это так больно, как если бы деревенская песенка о том, как исчезает любовь и умирают плохие и хорошие детки, была сложена лично про тебя. То, что приносит такую боль, не может идти во благо. Сунь ее обратно в «бардачок», приятель. Забудь о ней. На следующей неделе, когда кончится вся эта безумная свистопляска, ты продашь свой фургон вместе с этой глупой поддельной банкой орешков. Почему бы и нет? Это обычный дешевый фокус, который годится лишь для детишек или для человека вроде мистера Гонта. Забудь о ней. Забудь...»

Алан оборвал голосок на полуслове. До этой секунды он и не подозревал, что способен

так сделать, и открытие стало полезным уроком — уроком, который мог пригодиться в будущем... если у него, конечно, есть будущее, — вот ведь в чем дело. Он вгляделся пристальнее в банку, поворачивая ее то одним боком, то другим, впервые по-настоящему глядя на нее — не как на печальное напоминание о погибшем сыне, а как на предмет, который был точно таким же инструментом обмана, как и полая волшебная палочка, шелковый цилиндр с двойным дном или «Цветок с сюрпризом», все еще болтающийся под браслетом часов.

Магия — разве не вокруг этого все плясало? Это была вредоносная магия, фальшивый подарок; магия, заставляющая людей не задыхаться от смеха, а превращающая их в разъяренных быков, но все равно магия. А на чем основано все это волшебство, в чем его магическая сила? Обман. Это змея длиной в пять футов, спрятанная в коробке из-под орешков... Или, подумал он, вспомнив о Полли, это зараза, выглядящая как исцеление.

Он распахнул дверцу машины, и, когда вылез под проливной дождь, в левой руке у него все еще была зажата фальшивая банка из-под орешков. Теперь, немного отстранившись от опасных всплесков сентиментальности, он почти изумленно вспомнил, как противился этой покупке. Всю свою жизнь он восторгался магией, и, конечно же, будь он мальчишкой, его заворожил бы фокус со змейкой в банке орешков. Так почему же он так недружелюбно разговаривал с Тоддом, когда мальчик хотел купить ее, а потом притворился, что не замечает, как обиделся его сын? Была ли это ревность к молодости Тодда и непосредственности его восприятия? Или неспособность вспомнить свой интерес к простым вещичкам? Или...

Он не знал. Он знал лишь, что это был именно тот трюк, который понял бы мистер Гонт. И он хотел иметь этот трюк под рукой.

Алан нагнулся в машину, вытащил из маленькой коробки с инструментами, лежащей на заднем сиденье, фонарь, а потом прошел мимо «такера-талисмана» мистера Гонта (по-прежнему не замечая его) и нырнул под зеленый тент «Самого необходимого».

8

«Ну, вот я и здесь. Наконец-то я здесь».

Сердце у Алана билось гулко, но размеренно. В его воображении лица его сына, его жены и Шона Раска, казалось, слились воедино. Он снова взглянул на табличку и толкнул дверь. Она была заперта. Над головой у него трепыхался и хлопал на ветру брезентовый тент.

Коробку из-под орешков «Тейсти-мунч» он, выйдя из машины, сунул в карман рубахи. И теперь он дотронулся до нее правой рукой и, казалось, ощутил от этого прикосновения какое-то необъяснимое, но вполне реальное успокоение.

— Ладно, — пробормотал он. — Готов я или нет, но вот я здесь.

Он перевернул фонарь и рукояткой разбил стекло в двери. Он приготовился услышать вой сигнализации, но никаких звуков не последовало. То ли Гонт не включил ее, то ли ее вообще не было. Он просунул руку в дыру и нажал на ручку внутри. Она опустилась, и впервые Алан Пэнгборн переступил порог «Самого необходимого».

Первое, что его поразило, это запах; застоявшийся, густой и пыльный. Это был запах не нового магазина, а места, куда никто не заходил в течение многих месяцев или даже лет. Держа револьвер в правой руке, левой он осветил фонарем вокруг. Свет выхватил голые стены, голый пол и несколько застекленных шкафов. Шкафы были пусты, все товары исчезли. Все было покрыто толстым слоем пыли, и пыль нигде не была тронута ни единой отметиной.

Здесь долго, очень долго никого не было.

Но как это возможно, если на протяжении всей недели он видел входящих и выходящих людей?

Потому что он вовсе не человек. Потому что голос дьявола что мед для ушей.

Он сделал еще два шага, фонарем освещая все новые участки пустой комнаты, вдыхая

тяжелую музейную пыль, висящую в воздухе. Он оглянулся назад и в кружках света от фонаря увидел следы своих ног, отпечатавшиеся в пыли. Он снова осветил фонарем пространство впереди, прошелся светом справа налево вдоль стенда, служившего мистеру Гонту одновременно и прилавком, и... замер.

На стенде стоял видеоманитофон рядом с портативным телевизором «Сони» — одной из миниатюрных моделей с закругленным, а не квадратным экраном и красным, как огнетушитель, корпусом. Телевизор был обмотан проводом. И что-то лежало на крышке видеоманитфона. При свете фонаря это было похоже на книжку, но Алан сразу догадался, что это.

Он подошел ближе и направил фонарь сначала на телевизор. Тот был покрыт таким же толстым слоем пыли, как пол и стекла стендов. Намотанный на него провод оказался коротким переходником с разъемами по концам. Алан перевел свет фонаря на штучковину, лежавшую на крышке видеоманитфона — никакую не книгу, а видеокассету в черной пластиковой коробке без этикетки.

Рядом с ней лежал пыльный белый конверт. На верхней стороне его была надпись:

ВНИМАНИЕ, ШЕРИФ АЛАН ПЭНГБОРН!

Он положил револьвер и фонарь на стеклянный прилавок, взял конверт, раскрыл его и вытащил оттуда листок бумаги. Тогда он снова взял фонарь и осветил ярким кружком света короткое, отпечатанное на машинке послание.

Дорогой шериф Пэнгборн!

К данному моменту Вам уже придется уяснить себе, что я — бизнесмен довольно специфического толка, тот редкий продавец, который на самом деле пытается «дать каждому хоть что-то». Сожалею, что нам так и не удалось повидать друг друга, но, я надеюсь, Вы поймете, что подобная встреча была бы крайне неблагоприятна — по крайней мере с моей точки зрения. Ха-ха! Так или иначе, я кое-что оставил Вам тут, что, полагаю, вас очень заинтересует. Это не подарок — я вовсе не Санта-Клаус, с чем Вы, я думаю, согласитесь, — но все жители города уверяли меня в том, что Вы человек чести, и я верю, что Вы заплатите цену, которую я назначаю. Эта цена включает в себя маленькую услугу... Услугу, которая применительно к Вам является скорее добрым делом, нежели розыгрышем. Полагаю, сэр, Вы согласитесь со мной.

Я знаю, что Вы долго и упорно интересовались тем, что произошло в несколько последних мгновений жизни Вашей жены и Вашего младшего сына. Я думаю, Вы вскоре получите ответы на все эти вопросы.

*Прошу Вас, поверьте, что я желаю Вам лишь всего самого наилучшего и остаюсь Вашим верным и покорным слугой
Лиландом Гонтом.*

Алан медленно положил листок обратно на стенд.

— Ублюдок! — процедил он сквозь зубы.

Он снова посветил фонарем вокруг и увидел, что шнур, тянувшийся от видеоманитфона, заканчивается вилкой, которая валялась на полу в нескольких футах от ближайшей электрической розетки, что не имело никакого значения, поскольку все электричество в городе было вырублено.

«Но знаешь что, — подумал Алан. — Я не думаю, что это хоть как-то может повлиять на что-нибудь. Я думаю, это вообще не имеет значения — ни капельки. Я думаю, стоит мне воткнуть шнуры в магнитофон и в телевизор и засунуть кассету в видик, и все сработает в наилучшем виде. Потому что он никак не мог вызвать то, что он вызвал, и узнать все, что он узнал, если... если он — человек». *Голос дьявола что мед для ушей, Алан, и что бы ты ни сделал, ты не должен смотреть на то, что он оставил тебе.*

Тем не менее он снова отложил фонарь и взял в руки соединительный шнур. Секунду он разглядывал его, а потом наклонился, чтобы воткнуть нужный конец в разъем на зад

ней стенке телевизора. Баночка из-под орешков попыталась выскользнуть из кармана его рубашки. Он поймал ее одним из своих молниеносных движений руки и поставил на стеклянный стенд рядом с видеомагнитофоном.

9

Норрис Риджвик был уже на полпути к «Самому необходимому», когда неожиданно решил, что надо быть просто безумным — гораздо безумнее, чем он уже был (а это значит, окончательно рехнувшимся), — чтобы схватиться с Лиландом Гонтом один на один.

Он выдернул микрофон из гнезда.

— Номер Два вызывает базу, — сказал он. — Это Норрис, отвечайте!

Он отпустил кнопку. Ничего, кроме жуткого треска. Эпицентр грозы был прямо над Касл-Роком.

— Твою мать, — сказал он и свернул к зданию муниципалитета. Алан мог быть там. А если нет, кто-нибудь скажет ему, где он. Алан знает, что делать, а даже если... Если и нет, Алану придется выслушать его признание: он изрезал шины Хью Приста и послал человека на смерть, просто потому что ему, Норрису Риджвику, захотелось иметь удочку «Базун», какая была когда-то у его старика. Он подъехал к зданию муниципалитета, когда таймер под мостом стоял на отметке «5», и поставил машину прямо за ярко-желтым автобусом. Автобусом телевизионщиков, судя по виду.

Норрис выскочил из машины и под проливным дождем побежал в офис шерифа, чтобы попытаться разыскать Алана.

10

Полли ткнула резиновым набалдашником вантуза в непристойно задравшего конечности паука, и на сей раз тот не ретировался. Его щетинистые передние лапы обхватили ручку вантуза, и руки Полли исторгли отчаянный вопль, когда паук всем своим весом навалился на набалдашник. Ее хватка ослабла, набалдашник слетел, и паук неожиданно вскарабкался по деревянной ручке, как толстячок по канату.

Она набрала в грудь воздух, чтобы закричать, и тут его передние конечности облапили ее плечи, как ручищи деревенского Лотарио на сельской танцульке. Его безжизненно рубиновые глаза уставились на нее, клыкастая пасть раскрылась, и она почуяла его дыхание — вонь горьких пряностей и гнилого мяса.

Она открыла рот для крика. Одна из его лап метнулась ей в рот. Грубая колючая щетина царапнула по ее зубам и языку. Паук страстно вякнул.

Полли подавила первый импульс — выплюнуть жуткую штуковину. Она выпустила вантуз и ухватила ногу паука. И в то же самое мгновение изо всех сил сжала челюсти. Что-то хрустнуло, как скорлупа арахиса, и рот ее наполнился чем-то, по вкусу напоминавшим перестоявшуюся заварку холодного чая. Паук издал отчаянный вопль и дернулся назад. Щетина выскользнула из сжатых ладоней Полли, но она снова изо всех сил сжала свои *воющие* от боли руки на лапе существа, прежде чем оно успело вырваться, и... *вывернула* ее, словно разделявая жареную индейку.

Раздался резкий треск рвущейся ткани. Паук издал еще один жалобный крик боли.

Он снова попытался дернуться. Выплюнув горькую темную жидкость изо рта и отдавая себе отчет в том, что она еще очень-очень-очень долго не сможет избавиться от этого привкуса, Полли рванула его на себя. Какая-то далекая, отрешенная часть ее сознания поразила этому всплеску силы, но была в ней и другая часть, которая отлично все понимала. Она была испугана, ее раздирало от отвращения, но... сильнее всего в ней

бушевала злость.

«Мной просто воспользовались, — бессвязно проносилось у нее в мозгу. — Я продала жизнь Алана ради этого! За это чудовище!»

Паук попытался достать ее своими клыками, но его задние лапы соскользнули с эмалированного края ванны, и он упал бы... если бы Полли дала ему упасть.

Она не дала. Она сжимала его горячее распухшее тело кистями и локтями и давила, давила, *давила*. Она подняла его кверху так, что он повис над ней, суча лапами над ее задранном кверху лицом. Что-то вроде сока и черной крови обжигающими струйками потекло из его тела по ее рукам.

— БОЛЬШЕ НЕ БУДЕШЬ! — выкрикнула Полли. — НЕ БУДЕШЬ! НЕ БУДЕШЬ! — и отшвырнула паука. Он врезался в облицованную кафелем стену и распластался на ней в лужице растекающейся сукровицы. На мгновение он повис на стене, прилипнув к собственным внутренностям, а потом плюхнулся в ванну с громким всплеском.

Полли снова схватила вантуз и набросилась с ним на паука. Она стала колотить его, как обычно женщины набрасываются с половой щеткой на мышку, но... без толку. Паук лишь дергался и пытался отползти, царапая лапами резиновый набалдашник. Тогда Полли перевернула вантуз и изо всех сил надавила, пользуясь ручкой как копьём.

Она попала в самую середину странного мерзкого создания и проткнула его насквозь. Раздался оглушительный хлопок, а потом кишки паука выплеснулись на душевой коврик зловонным месивом. Он вертелся, как бешеный, суча ножками вокруг палки, которую она воткнула ему в сердце, а потом... наконец затих.

Полли отступила на шаг, закрыла глаза и почувствовала, как весь мир вокруг нее качнулся в сторону. Она уже начала терять сознание, как вдруг имя Алана взорвалось у нее в мозгу словно фейерверк. Она сжала ладони в кулачки и резко свела их, ударив суставами одной руки по суставам другой. Вспышка боли была яростной, неожиданной и нестерпимой. Мир качнулся на место.

Она открыла глаза, подошла к ванне и заглянула в нее. Сначала ей показалось, что там вообще ничего нет. Потом возле резинового набалдашника вантуза она увидела паучка. Он был не больше ногтя на ее мизинце и совсем-совсемдохлый.

А всего остального никогда не было. Это лишь одно воображение. Фантом.

— Хрен тебе, а не фантом, — выдавила Полли тонким дрожащим голосом.

Но главное сейчас — не паук. Главное сейчас — Алан. Алан подвергался жуткой опасности, и причиной тому послужила она. Она должна была отыскать его, отыскать — пока не станет слишком поздно.

Если уже — не слишком поздно.

Она поедет сейчас в офис шерифа. Кто-нибудь там наверняка знает, где...

«Нет, — зазвучал у нее в мозгу голос тетюшки Эвви. — Не туда. Если ты поедешь туда, будет действительно уже поздно. Ты знаешь, куда надо ехать. Ты знаешь, где он».

Да.

Да, конечно, она это знала.

Полли побежала к дверям, и лишь одна сбивчивая мысль мотыльком билась у нее в мозгу: Господи, пожалуйста, не дай ему купить что-нибудь. О Господи, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не давай ему ничего покупать.

Глава 23

1

Стрелка таймера под мостом через Касл-Стрим, который жители Рока с незапамятных времен называли Тин-бриджем, достигла отметки «О» в 7.38 вечера во вторник, 15 октября 1991 года от Рождества Христова. Слабенький электрический разряд, который должен был вызвать треньканье звоночка, проскочил по оголенным концам проводков, прикрепленных

Эйсом к контактам девятивольтовой батареи. Звончок и впрямь начал тренькать, но через крохотную долю секунды его поглотила — вместе с таймером — вспышка света, разверзшаяся, как только электрический разряд привел в действие капсюльный взрыватель, а тот взорвал динамит.

Очень мало кто в Касл-Роке принял взрыв динамита за очередной раскат грома. Гром походил на удары легкой артиллерии в небе; взрыв — на выстрел из сверхтяжелого орудия. Южный конец старого моста, сделанного отнюдь не из жести²⁰, а из старого ржавого железа, оторвался от берега раскаленным огненным шаром. Он задрался футов на десять вверх, словно мост слегка привстал на задние лапы, а потом рухнул вниз с громким треском ломающегося бетона и рвущегося металла. Северный конец моста повернулся на бок, и вся конструкция криво рухнула в разлившийся при грозе Касл-Стрим. Южный конец моста пришелся как раз на сбитый молнией старый вяз.

На Касл-авеню, где католики и баптисты вместе с дюжиной полицейских все еще вели оживленный религиозный диспут, драка замерла. Все бойцы повернули головы по направлению к Касл-Стрим. Элберт Джендрон и Фил Бергмейер, секунду назад добросовестно пытавшиеся вытряхнуть друг из друга душу, теперь стояли бок о бок, уставившись на ослепительную огненную вспышку. Кровь текла по левой щеке Элберта из раны на виске, а рубашка Фила была разодрана в клочья.

Рядом с ними находилась Нэнси Робертс, взгромоздившаяся на отца Бригема, как очень большой (и в своей белой униформе официантки очень белый) стервятник. Ухватив отца Бригема за волосы, она методично поднимала его голову и опускала ее на мостовую.

Преподобный Роуз валялся неподалеку без сознания, что являлось результатом усилий отца Бригема.

Генри Пейтон, потерявший с момента своего прибытия всего один зуб (если не считать утраченных иллюзий, которые когда-то имелись у него относительно гармоничности религиозного развития в Америке), застыл в процессе растаскивания Тони Мислабурски и баптистского дьякона Фреда Меллона.

Они *все* замерли, как в детской игре «Замри».

— Боже милостивый, это был мост, — пробормотал Дон Хемпхилл.

Генри Пейтон решил воспользоваться затишьем.

Он отпихнул Тони Мислабурски, сложил рупором ладони и пролаял:

— Всем слушать! Это полиция! Приказываю вам...

И тут Нэнси Робертс включила свой голос на полную мощь. Долгие годы она рывкала, отдавая приказания на кухне своего заведения, и ее всегда отлично слышали, какой бы ни стоял там шум, гам и грохот. Силы были неравны: ее рык легко перекрыл голос Генри Пейтона.

— ЧЕРТОВЫ КАТОЛИКИ ВЗОРВАЛИ ДИНАМИТ! — рывкнула она.

Ряды боеспособных бойцов с обеих сторон заметно поредели, но недостаток количества они восполнили рвением.

Через секунду после вопля Нэнси общая свара уже продолжалась, распавшись на дюжину индивидуальных дуэлей, растянувшихся ярдов на пятьдесят по залитой дождем улице.

2

Норрис Риджвик ворвался в контору шерифа всего за несколько мгновений до того, как взорвался мост, вопя что есть мочи:

— Где шериф Пэнгборн?! Мне нужен шериф Пэн...

Он замолк на полуслове. Кроме Ситона Томаса и полицейского, еще не достигшего

²⁰ Tin Bridge — Жестяной мост (англ.).

того возраста, когда уже можно вполне легально выпить пива, в конторе никого не было.

Куда, черт возьми, все подевались? Снаружи, возле здания торчало, казалось, сотен шесть полицейских «тачек» и прочих транспортных средств. Одним из них был его старый «фольксваген», который легко завоевал бы голубую ленту на автородео, если бы такие ленты где-нибудь раздавались. Он по-прежнему лежал на боку там, где его протаранил Зануда.

— Господи! — закричал Норрис. — Где же все?!

Не достигший еще пивного возраста полицейский оглядел форму Норриса и сказал:

— Где-то там, на улице идет драка — христиане сцепились с людоедами или что-то в этом роде. Меня оставили сидеть на связи в диспетчерской, но в такую грозу я не могу ни принять, ни отправить даже детской считалки. — Он помолчал и угрюмо добавил: — А вы кто такой?

— Помощник шерифа, Риджвик.

— А я Джо Прайс. Что у вас тут за город, а, помощник? Тут все просто спятили.

Норрис не обратил на его слова никакого внимания и подошел к Ситону Томасу. Лицо у Ситона было пепельно-серым, дышал он с трудом. Одну из морщинистых рук он держал прижатой к груди.

— Ситон, где Алан?

— Не знаю, — сказал Ситон и взглянул на Норриса мрачными испуганными глазами. — Происходит что-то поганое, Норрис. Очень поганое. По всему городу. Все телефоны вырубилась, а так быть не должно, потому что большинство кабелей теперь прокладывают под землей. Но знаешь что? Я рад, что они вырубилась. Я рад, потому что ничего не хочу знать.

— Тебе нужно в больницу, — сказал Норрис, сочувственно глядя на старика.

— Мне нужно в Канзас, — уныло ответил Ситон. — А пока я буду просто сидеть тут и ждать, когда все кончится. Я не тронусь...

Тут, оборвав его на полуслове, взорвался мост — с грохотом тяжелого дальнобойного орудия.

— О Боже! — хором воскликнули Норрис и Джо Прайс.

— Ага, — без всякого удивления произнес Ситон Томас своим сиплым, испуганным голосом. — Я думаю, они взорвут весь город. Думаю, так оно и случится.

Неожиданно старик стал плакать.

— Где Генри Пейтон? — заорал Норрис на Прайса, но тот не обратил на него внимания. Прайс уже бежал к двери — посмотреть, что там взорвалось.

Норрис кинул взгляд на Ситона Томаса, но Ситон тупо уставился в пространство — слезы текли у него по щекам, а правая рука была по-прежнему прижата к середине груди.

Норрис выскочил вслед за Джо Прайсом и наткнулся на него у парковочной стоянки здания муниципалитета, где когда-то, тысячу лет назад, Норрис наляпал штрафной талон на «кадиллак» Зануды. Огненный столб был ясно виден в эту дождливую ночь, и в его отблесках оба они увидели, что Касл-Стрим-бридж исчез. В дальнем конце улицы вывернуло светофор и швырнуло его на мостовую.

— Матерь Божья, — молитвенным голосом произнес рядовой Прайс. — Хорошо, что это не *мой* город. — Отблески огня украсили его щеки розами, а глаза — тлеющими угольками.

Желание Норриса во что бы то ни стало отыскать Алана возросло. Он решил, что, пожалуй, вернется к своей патрульной машине и попытается сначала найти Генри Пейтона — если где-то идет большая потасовка, это будет нетрудно. Алан тоже может оказаться там.

Он уже почти пересек тротуар, когда вспыхнула молния и осветила две человеческие фигуры, рысью огибающие здание суда, которое примыкало крылом к зданию муниципалитета. Кажется, они направлялись к большому ярко-желтому автобусу. Один был незнаком ему, но фигуру второго — массивную и слегка кривоногую — невозможно было спутать ни с кем. Дэнфорд Китон.

Норрис Риджвик сделал два шага вправо и прижался спиной к кирпичной стене у

самого выхода из аллеи. Он вытащил свой служебный револьвер, поднял его на уровень плеча, задрал дуло в дождливое небо и во всю силу легких заорал:

— СТОЙ!

3

Полли задним ходом выехала с дорожки у дома, включила стеклоочистители и свернула налево. К боли в ладонях прибавилось сильное жжение на руках, в тех местах, где слюна паука попала на кожу. Похоже, он источал какую-то отраву, и отрава эта постепенно расплзалась. Но времени на волнения по этому поводу сейчас не было.

Она подъезжала к стоп-знаку на пересечении Лаурел- и Мейн-стрит, когда взорвался мост. Полли вздрогнула от тяжелого орудийного раската и на мгновение застыла, пораженная ярким столбом пламени, взметнувшимся над Касл-Стрим. На какую-то долю секунды ее взор ухватил силуэт вздыбленного моста — темная угловатая махина на фоне яркой вспышки света, — а потом его поглотило пламя.

Она снова свернула налево, на Мейн-стрит, и... к «Самому необходимому».

4

Когда-то Алан Пэнгборн очень увлекался любительскими съемками — он понятия не имел, скольких людей довел до слез прыгающими на простыне, прищипленной к стене комнаты, кадрами своих маленьких сыновей, неуверенно ковыляющих по дому, Анни, купающей их в ванне, дней рождений и просто семейных междусобойчиков. На всех этих лентах люди обязательно размахивали руками и строили рожи в объектив, словно существовал какой-то неписанный закон: когда кто-то наводит на тебя кинокамеру, ты обязательно должен или помахать рукой, или скорчить рожу в объектив, или сделать и то, и другое. Если же ты этого не сделаешь, тебя обвинят в «злостной индифферентности», что повлечет за собой до десяти лет режима принудительного и непрерывного просмотра нескончаемых роликов любительских съемок.

Пять лет назад он переключился на видеокамеру, снимать которой было дешевле и проще, и... тут уж можно было доводить людей до слез не десять-пятнадцать минут, на которые уходило три-четыре полных ролика восьмимиллиметровой киноплёнки, а часами — даже не меняя кассету.

Он вытащил кассету из черной коробки и осмотрел ее. Этикетки не было. «Ладно, — подумал он. — Меня это устраивает. Мне просто нужно самому посмотреть, что там на ней, верно?» Его рука потянулась к кнопке включения на видеоманитоне и... застыла на полдороге.

Перед мысленным взором Алана вновь возникло лицо — нечто среднее между лицами Тодда, Шона и его жены — и внезапно исчезло, уступив место бледному испуганному личику Брайана Раска. Он выглядел точно таким, каким Алан видел его сегодня днем.

— У тебя невеселый вид, Брайан.

— Да, сэр.

— Значит, ты И Гонт не оказывает?

— Да, сэр... И если вы включите эту штуку, вы тоже станете невеселы. Он хочет, чтобы вы посмотрели это, но не потому, что желает оказать вам любезность. Мистер Гонт не оказывает любезностей. Он хочет отравить вас, вот и все. Как он отравил всех остальных.

И все равно, он должен это посмотреть.

Его пальцы дотронулись до кнопки и погладили гладкую поверхность ее квадрата. Он постоял так, а потом оглянулся вокруг. Да, мистер Гонт все еще был здесь. Где-то. Алан чувствовал его тяжелое присутствие — оно одновременно угрожало и прельщало. Он вспомнил о записке, которую оставил мистер Гонт. *Я знаю, что Вы долго и упорно*

интересовались тем, что произошло в несколько последних мгновений жизни Вашей жены и Вашего младшего сына...

«Не делайте этого, шериф», — прошептал Брайан Раск. Алан видел это бледное, страдающее предсмертное личико, глядящее на него из-за сумки-холодильника на багажнике велосипеда — сумки, набитой бейсбольными вкладышами. — Пускай прошлое спит. Так лучше. И потом, он лжет; вы же ЗНАЕТЕ, что он лжет».

Да. Он знал. Это он знал.

И все равно он *должен* взглянуть.

Палец Алана нажал на кнопку.

Тут же загорелся маленький зеленый индикатор. Видеоманитофон прекрасно работал — включенный в сеть или не включенный, — как Алан и предвидел. Он включил сексуально-пузатенький телевизор «Сони», и через какую-то долю секунды яркий белый свет залил его экранчик. Алан нажал на кнопку «EJECT», и подъемник кассет вылез наверх.

«Не делайте этого», — вновь шепнул голосок Брайана, но Алан уже не слушал. Он вставил кассету, опустил подъемник и прислушался к негромкому щелчку, раздавшемуся, когда механизм откинул крышечку кассеты и захватил пленку. Потом глубоко вздохнул и нажал на кнопку «PLAY». Яркий белый «снег» на экране сменился чернотой, а мгновение спустя экран залил ровный серый свет и стали вспыхивать цифры: 8 7 6....5....4....3....2....X.

Дальше возникла дрожащая ручная съемка: шоссе в сельской местности. На переднем плане, слегка не в фокусе, но вполне различимый, возник дорожный знак с цифрами — 117. Но Алану он был не нужен. Он много раз проезжал этот отрезок и знал его прекрасно. Он узнал сосновую рощицу как раз перед тем местом, где дорога делала изгиб, — рощу, где был найден «скаут», вмявшийся носом в самое большое дерево и застывший в этом смертельном объятии.

Но на деревьях в этих кадрах не было никаких следов аварии, хотя следы были видны до сих пор, если съездить туда и взглянуть (он делал это, и не один раз). Ужас медленно и бесшумно вполз в каждую косточку Алана, когда он понял — даже не по изгибу дороги и нетронутым стволам деревьев, а по каждой черточке пейзажа и интуитивному предчувствию в сердце, — что эту видеопленку снимали в тот день, когда погибли Анни и Тодд.

Он увидит сейчас, как это произойдет.

Это было совершенно невозможно, но это было правдой. Он увидит, как его жена и сын разобьются прямо у него на глазах.

«Выключите! — закричал Брайан. — Выключите, он отравленный человек и он продает отравленные вещи! Выключите, пока еще не поздно!»

Но Алан мог это сделать не больше, чем одним усилием мысли заставить остановиться свое сердце. Он застыл как вкопанный, не в силах шевельнуться.

Камера резко дернулась влево — вверх по шоссе. Секунду там было пусто, а потом в глаза полыхнул солнечный зайчик. Это был «скаут». Он приближался. Он был на пути к сосне, где навсегда оборвется жизнь сидящих в нем людей. «Скаут» подъезжал к своей последней стоянке на этой земле. Он не набирал скорость; он не вилял из стороны в сторону. Не было никаких признаков того, что Анни потеряла управление или вот-вот может это сделать.

Рядом с урчащим видеоманитофоном Алан весь подался вперед к экрану; пот струился у него по щекам, кровь тяжело пульсировала в висках. Он чувствовал, как растет давление.

Это — не настоящее. Это монтаж. Как-то он ухитрился это сделать. Это не они; быть может, там сидит актриса и молоденький актер, играющие их, но — не они. Этого не может быть.

Однако он знал, что это — правда. Что же еще можно увидеть на экране телевизора, соединенного с видеоманитофоном, не подключенным к сети, но тем не менее работающим? Что еще, кроме правды?

«Ложь!» — крикнул голос Брайана Раска, но он шел откуда-то издалека и его было

едва слышно. — *Ложь, шериф, ложь! ЛОЖЬ!*

Теперь ему был виден номер приближающегося «скаута» — 24912 V. Номер машины Анни.

Вдруг позади «скаута» Алан заметил еще один солнечный зайчик. Еще одна машина быстро приближалась, сокращая расстояние между собой и «скаутом».

Снаружи с диким грохотом взорвался Тин-бридж. Алан даже не повернул головы, он просто не слышал. Все его внимание сосредоточилось на экране красного телевизора «Сони», где Анни и Тодд подъезжали к дереву, стоявшему между ними и всей остальной их жизнью.

Машина за ними выжимала семьдесят, а то и все восемьдесят миль в час. Когда «скаут» приблизился к месту, откуда велась съемка, эта вторая машина — о которой ни звуком не упоминалось ни в одном рапорте — догнала «скаут». Анни явно тоже увидела ее; «скаут» начал набирать скорость, но он был слишком мал. И было уже слишком поздно.

Вторая машина — светло-зеленый «додж-челленджер» — была с таким приподнятым задом, что ее передний бампер почти утыкался в асфальт. Сквозь затемненные стекла можно было с трудом разглядеть решетку на роликах, прикрепленную к внутренней стороне крыши. Задняя часть решетки была усеяна наклейками: «СКОРОСТНАЯ»,

«ЭКОНОМИЧНАЯ», «ПРОЧНАЯ»... Хотя пленка была без звука, Алан почти слышал треск выхлопных газов, вырывающихся из труб глушителя.

— *Эйс!* — страшно выкрикнул он. — *Эйс! Эйс Меррилл! Месть! Ну, конечно! Почему это раньше никогда не приходило ему в голову?*

«Скаут» проехал мимо камеры, повернувшейся следом за ним, вправо. На мгновение Алан увидел внутреннюю часть салона, и... Да, это была Анни, с волосами, убранными под клетчатую косынку, которую она надела в тот день, и Тодд — в майке «Стар-трек». Тодд обернулся назад, глядя на машину сзади; Анни смотрела вверх, в зеркальце. Он не видел ее лица, но тело ее напряглось и подалось вперед на сиденье, натянув до предела ремень, перекинутый через плечо. Он лишь на мгновение увидел их — свою жену и своего сына, — и какая-то часть его осознала, что он не хочет видеть их так, если нет никакой надежды на другой исход: он не хотел видеть ужас последних мгновений их жизни.

Но пути назад уже не было.

«Челленджер» ударил «скаута». Удар был несильный, но Анни в этот момент газанула, и скорость резко увеличилась. «Скаут» не сумел вписаться в поворот, слетел с дороги и устремился туда, где ждала его огромная сосна.

— *НЕТ!* — заорал Алан.

«Скаут» нырнул в канаву, вынырнул из нее на двух колесах, встал на все четыре и вмялся в ствол сосны с беззвучным треском. Тряпичная кукла в клетчатой косынке на голове прошибла переднее стекло, ударилась о ствол дерева и откатилась к кустам.

Светло-зеленый «челленджер» остановился на обочине.

Дверца водителя распахнулась.

Эйс Меррилл вылез из машины.

Он смотрел на разбитый «скаут» — теперь почти весь скрытый за дымом, вырывающимся из его развороченного, смятого радиатора, — и смеялся.

— *НЕТ!* — снова выкрикнул Алан и обеими руками толкнул видеомагнитофон с застекленного шкафа. Тот упал на пол, но не разбился, а соединительный кабель был достаточно длинным и не выскочил из разъемов. Черная полоска пробежала по экрану — только и всего. Алан увидел, как Эйс, все еще смеясь, залезает обратно в свою «тачку», и тогда он схватил красный телевизор, поднял его высоко над головой и, развернувшись, швырнул в стену. Сверкнула вспышка света, удар, треск и — ничего, кроме слабого жужжания видеомагнитофона с по-прежнему крутящейся кассетой внутри. Алан пнул его ногой, и магнитофон сжалился и умолк.

Найди его. Он живет в Механик-Фоллс.

Это был незнакомый голос. Он был холоден и безумен, но у него был свой безжалостный расчет. Голос Брайана Раска исчез; теперь остался лишь этот, снова и снова

повторяющий эти две фразы.

Найди его. Он живет в Меканик-Фоллс. Найди его. Он живет в Меканик-Фоллс. Найди его. Найди его. Найди его.

Через улицу раздались еще два жутких взрыва — парикмахерская и «Ритуальные услуги Самьюэлса» взорвались почти в одно и то же мгновение, выбросив на улицу фонтаны стекол и охваченных пламенем кусков интерьера. Алан и бровью не повел.

Найди его. Он живет в Меканик-Фоллс.

Ни о чем не думая, он взял со шкафа банку из-под орешков — взял лишь потому, что это был предмет, который он принес сюда, а значит, должен был и унести отсюда с собой. Он направился к двери, стирая свои прежние отпечатки ног в пыли, и вышел из «Самого необходимого». Взрывы ничего не значили для него. Развороченная, горящая дыра в ровной линии зданий на другой стороне Мейн-стрит ничего для него не значила... Равно как и груды битого стекла, щепок и кирпичей. И Касл-Рок, и все люди, которые в нем жили, включая и Полли Чалмерз. Он должен был сделать одно дело в тридцати милях отсюда, в Меканик-Фоллс. Вот это кое-что значило. По сути дела, это означало для него *все*.

Алан подошел к фургону со стороны пассажирского места. Он положил на сиденье свой револьвер, фонарь и банку из-под орешков с сюрпризом. Руки Алана перед его мысленным взором уже сошлись на глотке Эйса Меррилла и начали сжиматься.

5

— *СТОЙ!* — снова выкрикнул Норрис. — *СТОЙТЕ НА МЕСТЕ!*

Он подумал, что это просто невероятная удача. Он стоял меньше чем в шестидесяти ярдах от камеры предварительного заключения, где он собирался надежно запереть Дэна Китона. Что касается второго парня... Ну, это зависит от того, чем эти двое тут занимались, верно? Как-то мало они походили на людей, способных помочь в беде и утешить страждущих..

Рядовой Прайс перевел взгляд с Норриса на людей, стоявших под старомодной вывеской с надписью: «ОКРУЖНОЙ СУД КАСЛА». Потом снова взглянул на Норриса. Эйс и Зануда переглянулись. И оба стали опускать руки вниз, к рукояткам пистолетов, торчавших у них за поясами.

Норрис держал дуло револьвера задраным к небу — в точности, как его учили поступать в подобных ситуациях. Теперь, следуя тем же инструкциям, он обхватил левой ладонью правое запястье и опустил револьвер. Если книги не врут, они не осознают, что мушка направлена точно между ними; каждый будет думать, что Норрис целится именно в него.

— Уберите руки от стволов, ребята. *Сейчас же!*

Зануда еще раз переглянулся со своим партнером, и оба опустили руки по швам.

Норрис кинул взгляд на полицейского.

— Ты, — сказал он, — Прайс. Ну-ка помоги мне немножко. Если ты, конечно, не очень устал.

— Что вы *делаете* ? — спросил Прайс. Голос его прозвучал тревожно; он не испытывал особого желания вмешиваться. Ночная сумятица, завершившаяся феерическим взрывом моста, свела его моральный статус к статусу случайного прохожего. Он явно испытывал неловкость от необходимости перейти к более активной роли. Слишком много всего на него свалилось. И чересчур быстро.

— Арестовываю этих двух бродяг! — рывкнул Норрис. — Что же еще, по-твоему?

— Арестуй-ка вот это, парень, — сказал Эйс и издал подходящий звук задницей. Зануда испустил высокий резкий смешок.

Прайс нервно посмотрел на них, а потом перевел расстроенный взгляд на Норриса.

— А по... какому обвинению?

Дружок-Зануды расхохотался.

Норрис снова целиком сосредоточился на двух мужчинах и с ужасом заметил, что их местоположение относительно друг друга изменилось. Когда он брал их на мушку, они стояли почти плечом к плечу. Теперь между ними было футов пять, не меньше, и это расстояние продолжало увеличиваться.

— *Стойте на месте!* — пролаял он. Они остановились и снова переглянулись. — *Сдвиньтесь, как стояли!*

Они продолжали стоять неподвижно под проливным дождем и смотреть на него.

— *Для начала я арестую их за незаконное ношение оружия!* — яростно заорал Норрис рядовому Джо Прайсу. — *Перестань ковырять у себя в жопе и помоги мне!*

Это вывело Прайса из состояния бездействия. Он попытался вытащить свой револьвер из кобуры, обнаружил, что предохранительный ремешок все еще застегнут, и начал возиться с ним. Он продолжал возиться с кобурой, когда взорвалась парикмахерская и следом — похоронное бюро.

Зануда, Норрис и рядовой Прайс повернули головы в направлении взрыва. Эйс — не повернул. Этого счастливого момента он только и ждал. С быстротой актера в вестерне он выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил. Пуля угодила Норрису в левое плечо, задев легкое и раздробив ключицу. Когда Норрис только заметил, что те двое начали расходиться, он сделал шаг вперед от кирпичной стены; теперь его отбросило обратно к стене. Эйс снова выстрелил и сделал дырку в кирпиче, в дюйме от уха Норриса. Отлетев рикошетом в сторону, пуля прожужжала, как очень большое и очень злобное насекомое.

— О Боже! — заверещал рядовой Прайс и стал энергичнее возиться с ремешком кобуры.

— *Мочи этого парня, папаша!* — заорал Эйс. Он ухмылялся.

Он снова выстрелил в Норриса, и третья пуля рванула тощий левый бок Норриса, когда тот рухнул на колени. Над его головой сверкнула молния. Невероятно, но Норрис все еще мог слышать, как осколки кирпича и дерева после прогремевших взрывов падают на мостовую.

Рядовой Прайс наконец-то после долгих усилий сумел расстегнуть ремешок своей кобуры. Он уже вытаскивал револьвер, когда пуля, выпущенная Занудой из автоматического пистолета, срезала ему череп точно по линии бровей. Прайса сдернуло с места и швырнуло на кирпичную стену.

Норрис еще раз поднял свой револьвер. Казалось, он весит фунтов сто, не меньше. Держа его обеими руками, он прицелился в Китона. Зануда был лучшей мишенью, чем его дружок, но, что более важно, Зануда только что убил полицейского, а подобное паскудство в Касл-Роке даром с рук не сойдет. Может, мы и деревенщина, но не *варвары*. Норрис нажал на курок в тот момент, когда Эйс снова попытался пристрелить его.

От отдачи после выстрела Норрис качнулся назад. Пуля Эйса прожужжала там, где полсекунды назад была его голова. Зануду Китона тоже отбросило назад — с ладонями, прижатыми к животу. Кровь текла у него между пальцев.

Норрис лежал у кирпичной стены, рядом с рядовым Прайсом, и тяжело дышал, прижав ладонь к своему плечу. Господи, что за поганый выдался денек, подумал он.

Эйс поднял свой автоматический пистолет и прицелился в него, но потом передумал — по крайней мере на время. Вместо этого он подошел к Зануде и привстал возле него на одно колено. К северу от них взорвался банк, выбросив столб огня и гранитные осколки облицовки. Эйс даже не обернулся. Он отвел руки старика в сторону, чтобы получше взглянуть на рану. Ему было жаль, что так случилось. Старик начинал ему здорово нравиться.

— *Больно! О-оооо, как оо-ооольно!* — кричал Зануда.

Эйс и сам видел, как больно. Папаша словил таблетку

45-го калибра в аккурат чуть выше пупка. Входное отверстие было размером с головку хорошего шурупа. Эйсу не нужно было переворачивать его, чтобы удостовериться, что

вторая дырка — величиной с кофейную чашку, по всей вероятности, с ошметками позвоночника, торчащими оттуда, как кровавые свечи из праздничного пирога.

— *Больнооо! БОООЛЬНОО!* — кричал Зануда в дождливое небо.

— Да, — Эйс приставил дуло пистолета к виску Зануды. — Не повезло тебе, папаша. Сейчас я дам тебе лекарство.

Он трижды нажал на спуск. Тело Зануды дернулось и затихло.

Эйс поднялся на ноги, собираясь прикончить проклятого помощника шерифа — если от него что-нибудь еще осталось, — когда раздался выстрел из револьвера и пуля просвистела меньше чем в футах от его головы. Эйс оглянулся и увидел еще одного легаша, стоявшего в дверях конторы шерифа, выходявшей к парковочной стоянке. Этот на вид был старше самого Господа Бога. Стреляя в Эйса, он одной рукой держал револьвер, а вторую прижимал к груди, чуть выше сердца.

Со второй попытки Ситон Томас угодил в землю, прямо рядом с Эйсом, забрызгав его шнурованные ботинки жидкой грязью. Старый пердун и в слона бы не попал, но неожиданно Эйс сообразил, что в любом случае ему пора сматываться отсюда. Они положили в здании суда столько динамита, что оно взлетит на самое небо; таймер они завели на пять минут, а он стоит возле этого самого дома и пялится на этого самого Мафусаила, палящего тут в белый свет как в копеечку.

Пускай с ними обоими разберется динамит.

Пришло время повидать мистера Гонта.

Эйс вскочил и побежал. Старый помощник шерифа снова выстрелил, но на сей раз и близко не попал. Эйс забежал за желтый автобус, не собираясь, впрочем, забираться в него. Возле «Самого необходимого» стоял «шевроле-селебрити» — идеальная «тачка», чтобы смыться. Но сначала он собирался отыскать мистера Гонта и получить расчет. Наверняка ему что-то причитается, и наверняка мистер Гонт расплатится сполна.

Еще ему нужно отыскать этого ворюгу-шерифа.

— Расплачусь с этим гадом, — пробормотал Эйс и побежал вверх по Мейн-стрит к «Самому необходимому».

6

Фрэнк Джуэтт стоял на ступеньках здания суда, когда наконец увидел человека, которого искал. Фрэнк стоял здесь уже довольно давно, но ничто из того, что происходило этим вечером в Касл-Роке, не имело для него большого значения. Ни шум и вопли, доносящиеся с Касл-Хилл, ни Дэнфорт Китон и какой-то престарелый ангел из преисподней, сбежавшие со ступенек здания суда минут пять назад, ни взрывы, ни совсем уже недавняя перестрелка прямо за углом, возле парковочной стоянки у конторы шерифа. Фрэнк ловил совсем другую рыбку. У Фрэнка был свой личный счет к его великолепному старому «другу», Джорджу Т. Нелсону.

И — мать честная! Наконец-то! Вот он, Джордж Т. Нелсон собственной персоной, шагает по тротуару у самого здания суда! Если бы не автоматический пистолет Джорджа Т. Нелсона, засунутый за пояс кримпленовых штанов «не надо-гладить», и тот факт, что идет проливной дождь, можно было подумать, что человек отправился на пикничок.

Монсеньор-Джордж-Т.-мать-его-Нелсон просто так вот вышагивает под дождичком, просто вот так прогуливается при небольшом ветерке, а как там было написано в записке у Фрэнка в кабинете? Ах да: «Две штуки должны быть у меня сегодня до семи пятнадцати, иначе пожалеешь, что не родился кайратом». Фрэнк взглянул на часы, увидел, что уже ближе к восьми, чем к 7.45, и решил, что это не имеет большого значения.

Он поднял испанскую «ламу» Джорджа Т. Нелсона и прицелился в голову этого грязного сукина сына, послужившего причиной всех его бед.

— НЕЛСОН! — заорал он. — ДЖОРДЖ НЕЛСОН! ОБЕРНИСЬ И ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, ТЫ, ПИДОР!

Джордж Т. Нелсон развернулся. Его рука дернулась к пистолету, а потом безвольно повисла, когда он увидел, что находится под прицелом. Вместо того чтобы хвататься за пистолет, он подбоченился, задрал голову и уставился на Фрэнка Джуэтта, стоящего на ступеньках с каплями дождя, стекающими с его носа по подбородку и стволу краденого револьвера.

— Ты меня застрелишь? — спросил Джордж Т. Нелсон.

— Еще как! — оскалился Фрэнк.

— Просто пристрелишь как собаку, да?

— А почему бы и нет? Ты этого и заслуживаешь!

К изумлению Фрэнка, Джордж Т. Нелсон улыбался и кивал головой.

— Точно, — сказал он, — именно этого я и ожидал от вшивого ублюдка, который вломился в дом своего друга и убил маленькую беззащитную птичку. Именно этого. Ну, давай же, говнюк четырехглазый, пристрели меня, и покончим с этим.

В небе грянул гром, но Фрэнк этого не слышал. Десятью секундами позже взорвался банк, но он едва расслышал и это Он был слишком занят борьбой с собственной яростью и... изумлением. Изумлением от наглости — откровенной, неприкрытой, как голая задница, наглости монсеньора-Джорджа-Т.-мать-его-Нелсона.

В конце концов Фрэнку удалось открыть рот.

— Убил твою птицу — верно! Насрал на этот дурацкий портрет твоей мамочки — опять верно! А что сделал ты? Что ты сделал, Джордж, кроме того, что лишил меня работы и устроил так, что мне уже никогда в жизни не работать в школе? Господи, да я стану просто везунчиком, если не угожу в тюрьму! — Он внезапно в какой-то темной вспышке воображения осознал всю несправедливость случившегося; ему словно вылили уксус на свежую ранку. — Почему ты просто не пришел ко мне и не попросил денег, если они тебе понадобились? Почему просто не пришел и не попросил? Мы бы придумали что-нибудь, ты, ублюдок поганый!

— Я не знаю, о чем ты там бормочешь! — заорал в ответ Джордж Т. Нелсон. — Я знаю только, что ты набрался храбрости, чтобы убить крошечного попугайчика, но у тебя никогда не хватит духу прикончить меня в честной драке!

— Ты не знаешь... *Ты не знаешь, о чем я болтаю?* — выпалил Фрэнк. Дуло «ламы» плясало как бешеное. Он не мог поверить в наглость человека, стоявшего внизу, на тротуаре; просто не мог поверить своим ушам. Стоять там — одной ногой на мостовой, а другой почти уже в вечности — и продолжать лгать...

— Нет! Не знаю! Понятия не имею!

В яростном запале Фрэнк Джуэтт в ответ на это лживое, ничем не прикрытое отрицание впал в детство и выкрикнул:

— Врушка-врушка, сам ты хрюшка!

— Трус! — достойно отреагировал Джордж Т. Нелсон. — Трус в пеленках! Убийца попугаев!

— Шантажист!

— Псих! Убери револьвер, псих! Драться надо честно!

— Честно? — Фрэнк ухмыльнулся, глядя на него сверху вниз. — С тобой — драться честно? Да что ты знаешь про честность?

Джордж Т. Нелсон выставил свои пустые ладони и растопырил пальцы, демонстрируя их Фрэнку.

— Похоже, больше, чем ты.

Фрэнк открыл было рот для ответа, но ничего не сказал. Пустые ладони Джорджа Т. Нелсона временно заставили его замолчать.

— Давай, — повторил Джордж Т. Нелсон. — Убери его. Давай как в вестернах, Фрэнк. Если у тебя кишка не тонка. Кто быстрее, тот и победит.

«А почему бы и нет? — подумал Фрэнк. — Почему бы и нет, черт побери?» Жить в любом случае дальше почти не для чего, и если ему ничего не остается делать в этой жизни,

он хоть может показать своему старому «другу», что он не трус.

— Ладно, — сказал он, засунул «ламу» за пояс своих штанов и выставил ладони вперед, над самой рукояткой револьвера. — Как ты предлагаешь это сделать, Джорджи-Морджи?

Джордж Т. Нелсон ухмыльнулся.

— Ты начинай спускаться вниз по ступенькам, — сказал он. — Я начну подниматься. Как только раздастся следующий раскат грома...

— Ладно, — сказал Фрэнк. — Отлично. Давай. — И он стал спускаться вниз.

А Джордж Т. Нелсон начал подниматься по ступенькам.

7

Полли уже различала впереди зеленый тент «Самого необходимого», когда взорвались парикмахерская и похоронное бюро. Огненная вспышка и грохот были чудовищны. Она видела, осколки брызнули из самого центра взрыва, как астероиды в фантастическом фильме, и инстинктивно пригнулась и съежилась. Это вышло удачно для нее: несколько деревянных обломков и стальная ручка от кресла № 2 — кресла Генри Джендрона, — пробili переднее стекло ее «тойоты». Ручка кресла с диким и каким-то голодным свистом пролетела весь салон машины и вышибла заднее стекло. Осколки выбитых в домах стекол тучей заполнили все пространство перед автомобилем.

Неуправляемая «тойота» вылетела на тротуар, врезалась в пожарный кран и замерла.

Полли сидела, моргая и уставясь в разбитое переднее стекло. Она увидела, как кто-то вышел из «Самого необходимого» и направился к одной из трех машин, стоявших перед магазином. В ярких отблесках пожара на противоположной стороне улицы она сразу узнала Алана.

— Алан! — закричала она, но Алан не обернулся. Он двигался как автомат — с одной-единственной заданной целью.

Полли распахнула дверцу своей машины и побежала к нему, снова и снова выкрикивая его имя. В нижней части улицы раздалась частая револьверная трескотня. Алан даже не повернул головы, как не взглянул и на пылающие руины, несколькими мгновениями раньше бывшие парикмахерской и похоронным бюро. Он, казалось, был целиком и полностью сосредоточен на каком-то действии, происходившем у него внутри, и Полли вдруг поняла, что она пришла слишком поздно. Лиланд Гонт добрался и до него. В конце концов Алан купил что-то, и если она не успеет добежать до его машины, пока он не отправится на какое-то сумасшедшее дело, по которому послал его Гонт, он просто уедет, и тогда... одному Богу известно, что тогда может произойти.

Она побежала быстрее.

8

— Помоги мне, — сказал Норрис Ситону Томасу и, закинув руку ему за шею, поднялся на ноги.

— Я, кажется, задел его, — сказал Ситон. Он дышал тяжело, но был уже не так бледен.

— Хорошо, — сказал Норрис. Плечо горело как в огне, и... боль, казалось, все глубже вгрызается в его плоть, желая добраться до сердца. — А теперь помоги мне.

— Все будет нормально, — сказал Ситон. Переживая за Норриса, Ситон совсем забыл про свои страхи, будто он, выражаясь его собственными словами, подыхает от сердца. — Сейчас я помогу тебе подняться в контору и...

— Нет, — выдохнул Норрис. — В машину.

— Что?

Норрис повернул голову и вперился в Томаса бешеным взглядом своих полных боли глаз.

— Посади меня в мою патрульную машину! Я должен поехать в «Самое необходимое»! Да. Как только слова слетели у него с языка, все, казалось, сразу встало на свои места.

В «Самом необходимом» он купил себе удочку «Базун». В этом направлении побежал и тот человек, который стрелял в него. «Самое необходимое» — то место, где все началось, а значит... в «Самом необходимом» все должно и закончиться.

Тут взорвалась «Галаксия» — еще одна вспышка на Мейн-стрит. Игральный автомат «Двойной дракон» взлетел в воздух, дважды перевернулся и с грохотом рухнул на мостовую.

— Норрис, тебя ранили...

— *Конечно, меня ранили!* — проорал Норрис. Кровавая пена слетела с его губ. — А теперь доведи меня до машины!

— Это поганая мысль, Норрис, ты же...

— Нет, — мрачно сказал Норрис. Он отвернулся и сплюнул кровь изо рта. — Это единственная мысль. Давай. Помогите мне.

Ситон Томас повел его к патрульной машине № 2.

9

Если бы Алан не взглянул в зеркало, прежде чем задним ходом выехать на улицу, он сбил бы Полли, дополнив этот вечер еще и тем, что раздавил бы женщину, которую любил, задними колесами своего старого фургона. Он ее не узнал; она была для него лишь женской фигурой на фоне пламени, бушевавшего на другой стороне улицы. Он ударил по тормозам, и в следующее мгновение она уже колотила в стекло его машины.

Не обращая на нее внимания, Алан снова дал задний ход. Сегодня вечером у него нет времени заниматься городскими проблемами; у него есть свои личные. Пускай они перебьют друг друга, как дикие звери, если уж им так этого хочется. Он едет в Механик-Фоллс. Он найдет того, кто убил его жену и сына в отместку за четыре года в Шоушэнкской тюрьме.

Полли схватилась за ручку дверцы, и ее почти вынесло на развороченную, пылающую улицу. Она надавила на кнопку под ручкой — руку пронзил приступ дикой боли, — дверца распахнулась, и она отчаянно вцепилась в нее, поджав ноги, пока Алан разворачивался. Фургон встал передком к нижней части Мейн-стрит. В своем отчаянии и ярости Алан совершенно забыл, что уже не было моста, по которому можно было выехать из города в этом направлении.

— *Алан!* — закричала она. — *Алан, стой!*

Это он услышал. Каким-то образом он расслышал этот крик, несмотря на дождь, гром, ветер и треск жадных языков пламени. Даже несмотря на свою ярость.

Он взглянул на нее, и сердце у Полли облилось кровью, когда она увидела его глаза. Алан смотрел на нее как человек, плавающий в пучине жуткого кошмара.

— Полли? — спросил он, словно издалека.

— Алан, ты должен остановиться!

Она хотела выпустить ручку дверцы — ее руки раздирала страшная боль, — но боялась, что, если она отпустит ее, он просто возьмет и уедет, бросив ее посреди Мейн-стрит.

Нет, она не боялась, она... она знала, что он уедет.

— Полли, мне нужно ехать. Мне очень жаль, что ты злишься на меня... ты думаешь, что я сделал что-то... Мы потом во всем разберемся... Только сейчас мне нужно ехать.

— Я больше не злюсь на тебя, Алан. Я знаю, что это был не ты. Это был *он*, это *он* натравливал нас друг на друга, как стравил, наверно, всех в Касл-Роке. Потому что этим он и занимается. Ты понимаешь, Алан? Ты слышишь меня? *Этим он и занимается!* А теперь стой! Выключи этот чертов мотор и *выслушай меня!*

— Мне нужно ехать, Полли, — сказал он. Ему самому показалось, что его голос идет откуда-то издалека. Может быть, из рации. — Но я вер...

— Нет, ты не *вернешься*! — закричала она. Вдруг ее охватила жуткая злоба на него, на них на всех — на всех этих жадных, испуганных, злых и черствых людишек, живущих в этом городке, включая и себя. — Ты не вернешься, потому что, если ты сейчас уедешь, *тут не останется ничего такого, куда можно будет ВЕРНУТЬСЯ!*

Взорвался салон видеоигр. Осколки градом обсыпали машину Алана, торчавшую посредине Мейн-стрит. Правая рука Алана, столь одаренная и искушенная в разных трюках и фокусах, потянулась к банке из-под орешков «Тейсти-мунч», он взял ее, словно для того, чтобы обрести хоть какой-то уют, и положил себе на колени.

Полли не обратила внимания на взрыв; она пристально смотрела на Алана своими темными, полными боли глазами.

— Полли...

— *Смотри!* — вдруг заорала она и рванула свою блузку спереди. Струйки дождя потекли по впадинке между ее грудями, капли блестели в ямочке на горле. — Смотри, я сняла его... амулет! Его больше нет! А теперьними с себя свой, Алан! *Если ты мужчина,ними с себя свой!*

Он не понимал ее, не мог понять оттуда — из глубины того кошмара, который цепко держал его... Кошмара, который мистер Гонт накинуд на него, как отравленный кокон... И неожиданно в мозгу у нее полыхнула вспышка — она поняла, что это был за кошмар. Поняла, что это должно быть.

— Он сказал тебе, что случилось с Анни и Тоддом? — мягко спросила она.

Его голова качнулась назад так, словно она ударила его, и Полли поняла, что она попала в точку.

— Ну, конечно, сказал. Есть только одна вещь на свете — одна бессмысленная и бесполезная вещь, которую ты так страстно хочешь, что путаешь ее с тем, что тебе нужно, правда? Это и есть твой амулет, Алан! Вот что он повесил тебе на шею!

Она отпустила ручку дверцы и сунула свои руки в салон. Отблески пожара упали на них. Вся кожа была темно-красного, кровавого цвета. От кистей и до плеч руки так сильно распухли, что локти превратились в пухлые ямочки.

— Внутри моего амулета был паук, — тихо сказала она. — Полз паучок по трубе на карниз — дождик пошел и смыл его вниз. Просто маленький паучок. Но он рос. Он жрал мою боль и рос. Смотри, что он сделал, прежде чем я убила его и взяла свою боль назад. Алан, я так хотела, чтобы эта боль прошла. Я ужасно хотела этого, но мне не нужно было, чтобы она прошла. Я могу любить тебя, могу любить жизнь и могу выносить эту боль. Я думаю, что боль даже может делать все остальное лучше, как хорошая оправа делает лучше бриллиант.

— Полли...

— Конечно, он отравил меня, — задумчиво продолжала она, — и, наверно, если что-то не сделать, этот яд может меня убить. Но почему бы и нет? Это честно. Круто, но честно. Когда я покупала безделушку, я купила отраву. Он продал много безделушек в своем поганом маленьком магазинчике за прошедшую неделю. Этот ублюдок работает быстро, надо отдать ему должное. Полз паучок по трубе на карниз — вот что было в моей. А в твоей что? Анни и Тодд, верно? *Верно?*

— Полли, Эйс Меррилл убил мою жену! Он убил Тодда! Он...

— *Нет!* — закричала она и обхватила его лицо дергающимися от жуткой боли руками. — Послушай меня! Пойми меня сейчас! Алан, это ведь не просто о жизни твоей идет речь, неужели ты не понимаешь? Он заставляет тебя выкупать обратно твои же недуги и заставляет платить дважды! Неужели ты еще не понял? Неужели до тебя так и не дошло?

Он уставился на нее, открыв рот, а потом... медленно закрыл его. Неожиданно на лице у него появилось недоумение.

— Постой, — сказал он, — что-то было не так. Что-то было не так на той пленке, которую он оставил мне. Я не могу точно...

— *Можешь*, Алан! Что бы этот ублюдок ни продал тебе, оно было неправильным! Как имя на письме, которое он оставил для меня.

В первый раз он по-настоящему услышал ее.

— Каком письме?

— Сейчас это не важно — если у нас будет потом, я расскажу тебе. Все дело в том,

что он небрежничают. Я думаю, он всегда небрежничают. Его так распирает от гордости... Странно, как это его до сих пор не разорвало. Алан, пожалуйста, постарайся понять: Анни мерва, Тодд — *мертва*, и если ты поедешь сейчас ловить Эйса Меррилла, когда весь город сгорает дотла у тебя на глазах...

Из-за плеча Полли вынырнула рука, обвилась вокруг ее шеи и резко дернула ее голову назад. Неожиданно за ней возник Эйс Меррилл — в другой руке он держал пистолет, направленный ей в грудь, и ухмылялся из-за ее плеча Алану.

— Стоит вам помянуть о черте, мадам, — сказал Эйс, и над их головами...

10

...прогремел раскат грома.

Фрэнк Джуэтт и его добрый старый «друг» Джордж Т. Нелсон уже минуты четыре как стояли на ступеньках здания суда, уставясь друг на друга, как парочка очкастых разбойников с натянутыми подобно струнам виолончели нервами.

— *Раз!* — сказал Фрэнк. Его рука потянулась к автоматическому пистолету, засунутому за пояс его штанов.

— *Два!* — сказал Джордж Т. Нелсон и схватился за свой пистолет.

Они выдернули стволы с одинаковыми яростными ухмылками, больше похожими на страшные беззвучные вопли, и навели их друг на друга. Их пальцы нажали на спусковые крючки. Два выстрела прогремели как один. Когда пули вылетели из стволов, сверкнула молния, и... пули задели друг дружку в полете и отклонились ровно настолько, чтобы чуть миновать то, что должно было служить им великолепными мишенями.

Фрэнк Джуэтт почувствовал, как ветерок метнулся у его левого виска.

Джордж Т. Нелсон ощутил слабый укус на коже с правой стороны шеи.

Не веря собственным глазам, они уставились друг на друга поверх своих дымящихся стволов.

— А? — сказал Джордж Т. Нелсон.

— М-мм? — протянул Фрэнк Джуэтт.

Губы у обоих снова начали расползаться в недоверчивых ухмылках. Джордж Т. Нелсон неуверенно шагнул вверх, к Фрэнку. Фрэнк неуверенно шагнул вниз, к Джорджу Т. Нелсону. В следующее мгновение эти двое могли бы заключить друг друга в объятия, поскольку ссору их сдули два прошелестевших возле их лиц дуновения вечности, но... С грохотом, казалось, расколовшим весь мир надвое, взорвалось здание муниципалитета, и они оба буквально испарились, не сойдя с мест.

11

Последний взрыв переплюнул все предыдущие. Эйс и Зануда заложили сорок шашек динамита в двух из двадцати центральных узлов здания муниципалитета. Одну из бомб они установили прямо в кресле судьи в зале суда. Зануда настоял, чтобы вторая была положена на стол Аманды Уильямс в крыле выборных.

— Как бы там ни было, а женщины не должны впутываться в политику, — объяснил он Эйсу.

Грохот взрыва был чудовищен, и на мгновение каждое окно в самом большом здании города озарилось неестественным фиолетово-оранжевым светом. Потом языки пламени вырвались из окон, из дверей, вентиляционных окошек и решеток, как безжалостные мускулистые ручищи. Шиферная крыша поднялась в воздух, как странный неведомый космический корабль, взлетающий на огненной подушке, а потом разлетелась на сотни тысяч зазубренных осколков.

В следующее мгновение само здание разлетелось во все стороны, превратив Мейн-стрит в месиво кирпича и стекла, где не могло бы уцелеть ни одно живое существо,

превосходящее по размерам таракана. Девятнадцать человек было убито взрывом, пятеро из них — репортеры, приехавшие освещать жуткие события в Касл-Роке и вместо этого ставшие частью происшедшего.

Полицейские патрульные машины и автомобили репортеров расшвыряло как детские вагончики. Желтый автобус, который мистер Гонт любезно предоставил Эйсу и Зануде, плавно двинулся вверх по Мейн-стрит в девяти футах над землей — колеса его бешено вращались, задние дверцы болтались на искореженных петлях, таймеры и инструменты вылетали сзади. Левое крыло бушующего урагана подхватило его и швырнуло в главный офис «Страхового агентства Дорси», где он застыл среди разодранных шкафов и посыпавшихся, как снежинки, пишущих машинок перед искалеченной решеткой радиатора.

Земля дрогнула, как при землетрясении. Во всем городе из окон повывлетали стекла. Флюгеры, все указывавшие строго на север во время грозы (начавшей постепенно стихать, словно она смутилась от этого дикого вторжения), стали бешено вращаться. Некоторые из них сорвались со своих шпенок, а один на следующий день нашли вонзившимся глубоко в дверь баптистской церкви — как стрелу индейских мародеров.

На Касл-авеню, где исход битвы оборачивался решительной победой католиков, драка прекратилась. Генри Пейтон, стоя возле своей патрульной машины с опущенным к колену револьвером, таращил глаза на взметнувшееся на юге зарево. Кровь стекала у него по щекам, как слезы. Его преподобие Уильям Роуз сел на мостовой, увидев жуткое зарево на горизонте, и в голову его начало закрадываться подозрение, что настал конец света и перед его взором — не что иное, как звезда Полярная. Отец Джон Бригем подошел к нему пьяненькой, дергающейся походкой — нос у него был совершенно свернут на левую сторону, а рот превратился в кровавое месиво. Он собирался пнуть голову его преподобия Роуза, как футбольный мяч, но вместо этого помог ему подняться на ноги.

На Касл-Вью Энди Клаттербак даже не поднял головы. Он сидел на ступеньке крыльца дома Поттеров, плача и прижимая к себе мертвое тело своей жены. Пройдут еще два года, пока он спяну провалится под лед на Касл-Лейк и погибнет, но сейчас шел к концу последний горестный день в его жизни.

На Деллс-лейн Салли Ратклифф находилась в гардеробной своей спальни, и маленькая извивающаяся полоска насекомых спускалась по боковому шву ее платья. Салли услышала о том, что произошло с Лестером, поняла, что каким-то образом причастна к этому (или что так, во всяком случае, *будут думать*, что в конечном счете — одно и то же), и повесилась на поясе своего купального халатика. Одна из ее рук была глубоко засунута в карман платья, в ней была зажата деревянная щепка — почерневшая и гнилая. Лесные вши, сонмы которых гнездились в ней, покидали ее в поисках нового и более надежного пристанища. Они добрались до подола платья Салли и начали спускаться по свисающей ноге на пол.

Осколки кирпича со свистом прорезали воздух, превращая остатки стоявших когда-то поодаль домов в руины, как после артиллерийского обстрела. Те дома, что стояли ближе, выглядели как скелеты или вовсе развалились.

Ночь ревела, как лвица с отравленным копьём, застрявшим у нее в глотке.

12

Ситон Томас, сидевший за рулем патрульной машины, в которой они ехали по требованию Норриса, чувствовал, как «тачка» то взлетает, то опускается, словно подбрасываемая на чьей-то гигантской ладони. Мгновение спустя на машину обрушился град кирпичей. Два или три осколка пробили багажник. Один ударил по крыше. Другой брякнулся на капот, обсыпав его кроваво-красной пудрой, и соскользнул на мостовую.

— Господи Иисусе, Норрис, весь город взлетел на воздух! — отчаянно завопил Ситон.

— Езжай дальше, — сказал Норрис. Он чувствовал, как его охватывает жар; пот крупными каплями выступил на его красном пылающем лице. Он думал, что Эйс ранил его не смертельно — оба раза лишь задел, — но все равно что-то тут было явно не то. Он

чувствовал, как зараза вгрызается в плоть и старается затуманить и выключить взор. Из всех сил он старался не потерять сознание. Чем больше становился жар, тем больше росла его уверенность, что он нужен сейчас Алану и что, если ему очень повезет и если он будет очень храбрым, он все же сумеет остановить тот жуткий шар, который запустил, когда изрезал шины Хью.

Впереди он увидел небольшую группу людей — прямо на улице, возле зеленого тента «Самого необходимого». Столп огня, вырвавшийся из руин здания муниципалитета, словно на табло, высветил человеческие фигурки. Он видел фургон Алана и самого Алана, вылезающего из него. Прямо перед ним, повернувшись спиной к патрульной машине, в которой приближались Норрис Риджвик и Ситон Томас, стоял человек с пистолетом. Он держал перед собой женщину, заслоняясь ею, как щитом. Норрис не мог отсюда разобрать, кто была эта женщина, но на державшем ее мужчине была разодранная почти в клочья майка «Харлей Дэвидсон». Это был тот, кто пытался убить Норриса у здания муниципалитета — тот, кто вышиб мозги у Зануды Китона. Хотя Норрис его никогда раньше не видел, он был почти уверен, что наткнулся на притчу во языцех всего города, Эйса Меррилла.

— Господь всемогущий, Норрис! Это же *Алан!* Что здесь происходит?

Кем бы ни был тот парень, подумал Норрис, он не может слышать, как мы подъезжаем. В таком шуме и грохоте — нет. И если Алан своим видом не выдаст...

Револьвер Норриса лежал у него на коленях. Он опустил стекло в машине со своей стороны и поднял его. Неужели он раньше весил меньше? Сейчас в нем как минимум сотни две фунтов.

— Езжай медленно, Ситон... как можно тише. И когда я толкну тебя ногой, останови машину. Прямо сразу. Ни о чем не думая.

— Толкнешь *ногой!* Что ты хочешь этим сказать — толкнешь но...

— Заткнись, Ситон, — устало и беззлобно сказал Норрис. — И главное, помни, что я тебе сказал.

Норрис отвернулся от него, высунул голову и плечи из окна и уцепился за стойку, которая поддерживала мигалку на крыше. Медленно, с трудом он стал подтягиваться вверх, пока не уселся в окне. Плечо его раздирала дикая боль, и кровь стала заливать рубаху. Теперь они находились меньше чем в тридцати ярдах от тех троих, что стояли посреди улицы, и он мог точно прицелиться с крыши машины в мужчину, который держал женщину. Стрелять он не мог — пока, во всяком случае, потому что мог с таким же успехом попасть в нее, как и в него. Но если кто-нибудь из них шевельнется...

Они подъехали уже так близко, как только осмеливался Норрис. Он пнул Ситона ногой. Ситон плавно затормозил на заваленной осколками кирпича и стекла улице.

«Сдвиньтесь, — мысленно взмолился Норрис. — Хотя бы один из вас, пожалуйста! Мне все равно кто, и мне нужно всего чуть-чуть, только пожалуйста, пожалуйста, сдвиньтесь с места».

Он не заметил, как отворилась дверь «Самого необходимого»; все его внимание целиком сосредоточилось на мужчине с пистолетом и его пленнице. Не заметил он и мистера Лиланда Гонта, вышедшего из своего магазина и вставшего под зеленым тентом.

13

— Это были *мои* деньги, ты, ублюдок! — заорал Эйс на Алана. — И если хочешь получить обратно свою суку со всеми ее потрохами, лучше скажи мне, куда ты их девал!

Алан вылез из фургона.

— Эйс, я не знаю, о чем ты говоришь.

— Плохой ответ! — рявкнул Эйс. — Ты *прекрасно* знаешь, о чем я говорю! Деньги Папаши! В консервных банках! Если хочешь эту суку, говори, куда ты их девал! Я не буду предлагать тебе это дважды, хреносос поганый!

Уголком глаза Алан поймал какое-то движение — ниже на Мейн-стрит. Это был

автомобиль, и, похоже, патрульный — из округа, но он не смел взглянуть получше. Если Эйс увидит, что его окружили, он отнимет жизнь у Полли. И он сделает это быстрее, чем успел бы моргнуть глазом.

Алан пристально посмотрел на лицо Полли. Ее темные глаза были полны боли и усталости, но... в них не было страха.

Алан почувствовал, как его снова начинает охватывать безумие. Забавная это штука — безумие. Когда его отнимают, ты не чувствуешь. Не чувствуешь, как расстаешься с ним. Ты узнаешь его, лишь когда оно возвращается, как какая-то редкая дикая птица, живущая с тобой не в плену, а по собственной воле.

— Он сделал это неправильно, — спокойно сказал Алан Полли, — Гонт неправильно сделал пленку.

— Какого хрена ты там бормочешь?! — Крик Эйса был резким и визгливым. Дулом револьвера он ткнул Полли в висок.

Из всех них один Алан увидел, как тихонько приоткрылась дверь «Самого необходимого», и он тоже не заметил бы этого, если бы так старательно не отводил взгляд от ползущей по улице патрульной машины. И только Алан из всех остальных увидел — призрачно, самым дальним уголком зрения — появившуюся оттуда высокую фигуру, одетую не в спортивную куртку или смокинг, а в черный широкий плащ.

В дорожный плащ.

В одной руке мистер Гонт держал старомодный саквояж вроде тех, с которыми в былые времена могли разъезжать коммивояжеры и торговцы, возя в них образцы своих товаров. Он был сделан из кожи гиены и шевелился — вздувался и опадал, вздувался и опадал под длинными белыми пальцами, сжимавшими ручку. И изнутри, как отдаленное дуновение ветра или призрачный крик в ночи, слышный порой в натянутых гудящих проводах, раздавались слабые крики. Алан слышал этот жуткий дрожащий звук не в ушах, а, казалось, в самом своем сердце и разуме.

Гонт стоял под тентом, откуда ему была видна и подъезжающая машина, и пространство перед фургоном, и в глазах отражалось растущее раздражение... Может быть, даже озабоченность.

14

Алан не ответил Эйсу. Вместо этого он заговорил с Полли, стиснув покрепче банку из-под орешков «Тейсти-мунч», которую держал в руках. Эйс вовсе не заметил этой банки, скорее всего потому, что Алан совершенно не пытался ее спрятать.

— Анни в тот день не пристегнула свой ремень, — сказал Алан Полли. — Я говорил тебе про это когда-нибудь?

— Я... я не помню, Алан.

За спиной Эйса Норрис Риджвик с трудом подтягивался вверх из окошка автомобиля.

— Поэтому-то она вылетела через переднее стекло. — «Через секунду, — подумал он, — я должен достать кого-то из них. Эйса или мистера Гонта? Как? И *какого* ?» — Вот о чем я всегда думал, почему у нее не был пристегнут ремень. Она всегда делала это совершенно автоматически, не задумываясь, но... в тот день не пристегнула.

— У тебя последний шанс, легавый! — провизжал Эйс. — Я возьму или свои деньги, или эту суку! Тебе выбирать!

Алан, не обращая по-прежнему на него никакого внимания, продолжал:

— Но на пленке *ее ремень был пристегнут*, — медленно проговорил он и неожиданно понял. Понимание сверкнуло в его мозгу языком серебряного пламени. — *Он был пристегнут, И ВЫ ОБДЕЛАЛИСЬ, МИСТЕР ГОНТ!*

Алан развернулся к высокой фигуре, стоявшей под зеленым тентом в восьми футах от него, схватил банку из-под орешков за верх, одновременно делая один огромный шаг к новому предпринимателю Касл-Рока, и, прежде чем Гонт смог хоть что-то сообразить —

прежде чем его глаза успели хотя бы расшириться, — сорвал крышку с последней игрушки Тодда — той, на покупке которой настояла Анни, сказав, что ребенком он уже никогда снова не станет.

Змея выскочила оттуда, и на этот раз оказалась не игрушечной.

На этот раз она была настоящей.

Она стала настоящей лишь на несколько секунд, и Алан так и не узнал, видел ли ее кто-нибудь еще, но Гонт видел; в этом Алан был точно уверен. Она была длинной — гораздо длиннее, чем та змейка из папье-маше, которая выскочила около недели назад, когда он снял крышку с банки на парковочной стоянке у здания муниципалитета после своей долгой и утомительной поездки из Портленда. Ее чешуя горела и переливалась красными и черными алмазными вспышками, как шкура какого-то сказочного ящера.

Когда она ударила в плечо широкого дорожного плаща Лиланда Гонта, ее пасть раскрылась, и Алан прищурился от нестерпимо яркого блеска клыков. Он увидел, как смертоносная треугольная голова откинулась назад, а потом ринулась к шее Гонта. Он видел, как Гонт потянулся к ней и схватил ее, но... прежде чем он успел это сделать, клыки змеи впились в его плоть. И не один, а несколько раз. Треугольная голова сновала вверх и вниз, как челнок швейной машины.

Гонт заорал — от боли, от ярости или от того и другого вместе, Алан не знал, — и выронил саквояж, чтобы ухватить змею обеими руками. Алан увидел свой единственный шанс и подался вперед, пока Гонт отрывал извивающуюся змею от себя, а потом швырнул ее на тротуар себе под ноги. Упав, она снова превратилась в то, чем была раньше, — в обыкновенный дешевый фокус, пятифутовую пружинку, обернутую линиями зеленой картонкой, — трюк, в который мог поистине влюбиться лишь такой парнишка, как Тодд, и который могло по-настоящему оценить лишь такое существо, как Гонт.

Кровь стекала по шее Гонта тонкими струйками из трех пар ранок. Нагибаясь за своим саквояжем, он рассеянно вытер ее одной из своих странных длиннопалых ладоней и... неожиданно застыл. В такой позе, расставив длинные ноги и вытянув вниз руку, он был похож на вырезанную из дерева фигурку Паганеля. Того, за чем он нагнулся, там уже больше не было. Саквояж из кожи гиены с его отвратительными раздувающимися боками теперь стоял на мостовой, между ног Алана. Он взял его, пока мистер Гонт был занят змеей, — сделал это с одному ему присущей быстротой и ловкостью.

Выражение лица Гонта теперь не оставляло никаких сомнений: жуткая смесь злобы, ненависти и дикого изумления исказила его черты. Его верхняя губа задралась в собачьем оскале, обнажив оба ряда острых зубов, выровнявшихся и заострившихся — словно в честь такого момента.

Он вытянул свои руки и прошипел:

— Отдай это мне... Это мое!

Алан не знал, что Лиланд Гонт уверял многих жителей Касл-Рока, начиная с Хью Приста и кончая Слоупи Доддом, что не испытывает ни малейшего интереса к человеческим душам — этим несчастным, сморщенным и бесполезным предметам. Если бы Алан знал, он сейчас рассмеялся бы и ткнул его носом в то, что эта ложь и была главным товаром, которым торговал мистер Гонт. Но что было там, в сумке, он знал — он точно знал, что вопило там, как туго натянутые провода, и вздыхало, как испуганный старик на смертном одре. Это он знал прекрасно.

Губы мистера Гонта раздвинулись в издевательской усмешке. Его страшные руки простерлись ближе к Алану.

— Я предупреждаю тебя, шериф, — не тягайся со мной. Я не тот, с кем тебе стоит тягаться. Я сказал, эта сумка моя!

— Не думаю, мистер Гонт. Я подозреваю, что там, внутри, — краденое. И я думаю, вам лучше...

Все это время Эйс стоял и, раскрыв рот, пялился на неуловимое, но явное превращение Гонта из бизнесмена в чудовище. Его рука на шее у Полли слегка расслабилась, и она

увидела в этом свой шанс. Она повернула голову и изо всех сил впиалась зубами в запястье Эйса. Эйс, не успев ни о чем подумать, инстинктивно отшвырнул ее в сторону, и Полли растянулась на мостовой. Эйс направил на нее пистолет.

— *Сука!* — заорал он.

15

— Вот так, — благодарно пробормотал Норрис Риджвик. Ствол его револьвера покоился на одной из стоек мигалки. Теперь он задержал дыхание, закусил нижнюю губу и нажал на спуск. Эйс Меррилл неожиданно рухнул прямо на расprostертую на мостовой женщину — это была Полли Чалмерз, и Норрис успел подумать, что ему следовало бы сразу ее узнать. Затылок Эйса был разворочен, и из него полетели какие-то клочья и лоскутки.

Неожиданно Норрис ощутил жуткую слабость.

Но еще он почувствовал себя очень, очень умиротворенным.

16

Алан не обратил внимания на кончину Эйса Меррилла.

Равно как и Лиланд Гонт.

Они стояли лицом к лицу: Гонт — на тротуаре, Алан — возле своего фургона на мостовой, с ужасным раздувающимся саквояжем между ног.

Гонт глубоко вздохнул и закрыл глаза. Какая-то тень промелькнула по его лицу — что-то вроде слабого мерцания. Когда он вновь открыл их, вернулся образ Лиланда Гонта, который одурачил столько людей в Роке, — элегантный, изысканный мистер Гонт с его очаровательными манерами. Он взглянул вниз, на бумажную змейку, валящуюся на тротуаре, с отвращением поморщился и ногой отшвырнул ее в канаву. Потом снова взглянул на Алана и протянул вперед одну руку.

— Прошу вас, шериф, давайте не будем спорить. Уже поздно, и я устал. Вы хотите, чтобы я уехал из вашего города, и я тоже хочу уехать. Я уеду... как только вы вернете то, что принадлежит мне, а это действительно мое, уверяю вас.

— Уверяйте, сколько хотите, и будьте прокляты. Я вам не верю, мой милый.

Гонт уставился на Алана с раздражением и плохо скрытой злостью.

— Сумка и ее содержимое принадлежат мне. Вы что, не признаете свободу торговли, шериф Пэнгборн? Вы что, коммунист? Я торговался за каждую из вещичек в этом саквояже! Я добыл их честно и благородно. Если вы хотите награды, возмещения, комиссионных, плату за находку — назовите это как хотите, — тогда я могу понять и с удовольствием готов заплатить. Но вы должны ясно сознавать, что это вопрос *бизнеса*, а не...

— Вы обманывали! — закричала Полли. — Вгя обманывали, лгали и теперь сами попались!

Гонт кинул на нее утомленно-болезненный взгляд и снова посмотрел на Алана.

— Ничего подобного, вы же знаете. Я поступал так, как делаю всегда. Я показываю людям то, что мне надо продать, и... предоставляю им решать самим. Поэтому... будьте любезны...

— Думаю, я оставлю это у себя, — небрежно сказал Алан. Легкая улыбка, тонкая и острая, как кусочек ноябрьского льда, тронула его губы. — Назовем это вещественным доказательством, идет?

— Боюсь, вам не удастся это сделать, шериф. — Гонт сошел с тротуара на мостовую. Маленькие красные точки зажглись в его глазах. — Вы можете умереть, но вы не можете присвоить себе мою собственность. Вам не удастся это сделать, если я того не желаю. А я не желаю. — И он стал приближаться к Алану, а красные точки в его глазах загорелись ярче. Подходя, он оставил след своего ботинка в кроваво-красном ошметке мозгов Эйса.

Алан почувствовал, как его живот попытался убраться сам в себя, но не двинулся с

места. Вместо этого по подсказке какого-то инстинкта, который он даже не попытался понять, он сложил ладони вместе и поднес их к левой фаре фургона. Он скрестил ладони, изобразил птицу и начал быстро двигать запястьями вверх и вниз.

«Воробьи снова летают, мистер Гонт», — подумал он.

Огромная птица-тень, больше похожая на ястреба, чем на воробья, и неправдоподобно *натуральная* для нематериальной тени, неожиданно замахала крыльями на фасаде «Самого необходимого». Гонт уголком глаза увидел ее, ринулся к ней, перевел дыхание и отступил.

— Убирайся из города, дружище, — сказал Алан. Он переменял положение рук, и теперь огромная собака-тень — может быть, сенбернара — побежала по фасаду «Шейте сами» в кружке света, отбрасываемого фарами фургона. И где-то неподалеку — может, случайно, а может, нет — залаяла собака. Крупная, судя по голосу.

Гонт обернулся в направлении лая. Теперь он как-то слишком торопился и был явно выведен из равновесия.

— Тебе везет, что я отпускаю тебя просто так, — продолжал Алан. — Но если уж на то пошло, в чем прикажешь тебя обвинять? Кража душ, может, и есть в том кодексе, с которым имеют дело Бригем и Роуз, но я не думаю, что сумею отыскать ее в своем. И все же мой тебе совет — убирайся, пока можешь.

— Отдай мне мою сумку!

Алан округлил глаза и, несмотря на то, что сердце отчаянно колотилось у него в груди, постарался придать своему лицу выражение недоверчивого удивления.

— Ты что, еще не понял? Не врубился до конца? Ты *проиграл*. Или ты уже забыл, как это бывает?

Долгую секунду Гонт стоял, глядя на Алана, а потом кивнул.

— Я знал, что поступаю правильно, избегая встречи с тобой, — сказал он. Казалось, он говорит сам с собой. — Я хорошо это знал. Ладно, ты победил. — Он начал отворачиваться, и Алан слегка расслабился. — Я уйду...

Он повернулся обратно со скоростью змеи — со скоростью, по сравнению с которой Алан казался медлительным увальнем. Его лицо снова изменилось, человеческие черты полностью исчезли. Теперь это было лицо демона с длинными, глубокими шрамами на щеках и выкаченными глазами, полыхавшими оранжевым огнем.

— **НО С ТЕМ, ЧТО ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!** — взревел он и ринулся к сумке.

Где-то — то ли рядом, то ли за тысячу миль отсюда — Полли крикнула: «Смотри в оба, Алан!» — но времени смотреть уже не было; пахло смесью серы и паленой кожи, и демон уже навис над ним. Время было либо действовать, либо умирать.

Алан протянул правую руку к внутренней стороне левого запястья, ухватившись за крошечный эластичный сверточек, торчащий из-под браслета его часов. Какая-то часть его разума вскричала, что это никогда не сработает, даже еще одно чудесное превращение игрушки в реальность не спасет его на этот раз, потому что «Цветок с сюрпризом» уже выдохся и не развернется...

Его ноготь скользнул в сверточек.

Оттуда выскочил крошечный бумажный пакетик.

Алан выбросил руку вперед, в последний раз высвобождая усталую пружинку.

— **АБРАКАДАБРА, ТЫ, ЛЖИВЫЙ УБЛЮДОК!** — воскликнул он, и то, что неожиданно развернулось у него в руке, оказалось не бумажным букетом, а ослепительно ярким цветком света, залившим Мейн-стрит волшебными сияющими разноцветными лучами. И все же он понимал, что все лучи, бьющие из его кулака невероятным фонтаном, светились одним цветом, точь-в-точь как и все цвета радуги. Он почувствовал, как струя силы устремилась вверх по его руке, и на мгновение его охватил буйный экстаз:

— Белое! Пришествие Белого!

Гонт взвыл от боли, ярости и страха... Но не отступил. Возможно, Алан был прав: столько лет прошло с тех пор, как он терпел поражение, что он просто забыл, как это делается. Он попытался нырнуть под букет струящегося света в руке Алана, и на одно

мгновение его пальцы даже коснулись ручек саквояжа, стоявшего у Алана между ног.

Неожиданно возникла нога в шлепанце — нога Полли. Она наступила на руку Гонта и крикнула:

— Оставь это в покое!

Он задрал голову, оскалившись... И Алан врезал пригоршней лучей прямо ему по лицу. Мистер Гонт издал долгий, протяжный вой боли и страха и отполз назад; голубые огоньки полыхали в его волосах. Длинные белые пальцы сделали еще одну, последнюю попытку ухватиться за ручки саквояжа, и на этот раз Алан наступил на них.

— Я в последний раз говорю тебе, убирайся, — сказал он голосом, который сам не узнал. Это был не его голос — слишком сильный, слишком уверенный, слишком полный мощи. Он понял, что, наверно, не может прикончить ту мразь, которая ползала перед ним, одной съездившейся от страха рукой пытаюсь заслониться от сверкающего пучка света, но может заставить ее убратся. Сегодня эта сила принадлежала ему, если... он осмелится воспользоваться ею. Если он осмелится устоять. — И я в последний раз говорю тебе, что ты уйдешь без этого.

— Они умрут без меня! — простонало существо-Гонт. Теперь его руки свисали между ног; длинные когти царапали осколки кирпича и стекла, валявшиеся на мостовой. — Они все умрут без меня, как растения без воды в пустыне. Ты этого хочешь? *Этого?*

Полли встала рядом с Аланом, бок о бок.

— Да, — холодно произнесла она. — Лучше пусть они умрут здесь и сейчас, чем пойдут с тобой и будут жить. Они... Мы натворили тут поганых дел, но такая плата слишком высока.

Существо-Гонт зашипело и погрозило им когтями.

Алан поднял сумку и медленно пошел по улице вместе с Полли. Фонтан сверкающего света отбросил яркий блик и на Гонта, и на «такер-талисман». Алан набрал в грудь воздуха — казалось, больше, чем когда-либо вмещалось в его тело. И когда он заговорил, слова вырвались из него чужим громоподобным голосом, прежде никогда не присущим ему:

— **УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ, ДЕМОН! ТЫ ИЗГНАН ПРОЧЬ ИЗ ЭТОГО МЕСТА!**

Существо-Гонт издало пронзительный вопль, словно его ошпарило кипятком. Зеленый тент над «Самым необходимым» охватило пламенем, стекло лопнуло и рассыпалось на множество осколков. Из руки Алана яркие разноцветные лучи — голубые, красные, зеленые, оранжевые, фиолетовые — брызнули во все стороны. В это мгновение на его сжатом кулаке, казалось, взорвалась крошечная звезда.

Кожаный саквояж раскрылся с громким хлопком, и заточенные там воющие голоса исчезли в тумане, который все они — Алан, Полли, Норрис, Ситон — не видели, но ясно ощутили.

Полли почувствовала, как горячая и вонючая отравка исчезла из ее рук и груди.

Жар, медленно сгущающийся вокруг сердца Норриса, растворился.

Выстрелы, крики, грохот стихли по всему Касл-Року; люди взглянули друг на друга изумленно-испуганными глазами очнувшихся от жуткого кошмара.

17

Все еще с воплями, существо, бывшее когда-то Лиландом Гонтом, встрепенулось и поползло по тротуару к «такеру». Оно распахнуло дверцу и взгромоздилось за руль. Мотор взревел. Это не был звук двигателя, сделанного человеческими руками. Длинный язык оранжевого пламени вырвался из трубы глушителя. Задние огни вспыхнули, и это были не красные стекла, а маленькие мерзкие глазки — жестокие глаза беса.

Полли Чалмерз вскрикнула и отвернулась, уткнувшись Алану в плечо, но Алан не мог отвернуться. Алан был обречен на то, чтобы все видеть и помнить потом увиденное всю свою жизнь; запомнит он и более светлые моменты этой ночи: бумажную змейку, ставшую на мгновение настоящей змеей, бумажный букет цветов, ставший фонтаном света и

источником силы.

Зажглись три фары спереди. «Такер» выехал задом на улицу, сминая под своими колесами асфальт и превращая его в кипящую жижу. Он с визгом развернулся вправо, и хотя не задел машину Алана, старый фургон все равно отлетел на несколько футов, словно отброшенный мощным магнитом. Переднюю часть «такера» стало заливать белыми лучами, и под этим мерцанием он начал менять свою форму и очертания.

Машина издала вопль, уставившись вниз, на кипящий котел, бывший когда-то зданием муниципалитета, на месиво разбитых машин и автобусов и на ревущий поток реки, лишенной моста. Мотор набрал бешеные обороты, души подвывали страшными голосами, и яркое туманное свечение начало распространяться сзади, окутывая машину.

На один-единственный миг существо-Гонт взглянуло из тающего, плавающего окошка на Алана, казалось, отмечая его навечно своими красными ромбовидными глазками; рот приоткрылся в завывающем рыке.

Потом «такер» тронулся с места.

Он набрал скорость у подножия склона, и изменения, происходившие с ним, тоже ускорили ход. Машина таяла, переделывая себя на ходу. Крыша ее прогнулась внутрь, сверкающие колпаки превратились в спицы, сами колеса становились выше и одновременно уже. То, что было решеткой радиатора, стало обретать законченную форму — это был черный конь с красными, как у мистера Гонты, глазами. Конь, окутанный яркой молочной дымкой; конь, чьи копыта высекали огонь из мостовой и оставляли глубокие дымящиеся вмятины посреди улицы.

«Талисман» превратился в открытую коляску со сгорбленным карликом, сидящим на высоком сиденье. Ботинки карлика упирались в крыло коляски, а загнутые кверху, как у калифа, носки ботинок, казалось, полыхали огнем.

Но изменения этим не кончились. Когда мерцающая коляска устремилась в нижний конец Мейн-стрит, бока у нее начали разрастаться. Деревянная крыша вылезла из этого разрастающегося, черпающего силы в себе самом савана. Появились окна. Спицы колес окрасились в разные цвета, когда сами колеса — и копыта черного коня — поднялись над мостовой.

«Талисман» превратился в открытую коляску; открытая коляска превратилась в аптекарский фургончик, который мог бы колесить по всей стране сотню лет назад. На боку у него была надпись, и Алану удалось ее разглядеть: CAVEAT EMPTOR.

В пятнадцати футах над землей и все еще продолжая подниматься, фургон пролетел сквозь огонь, бушующий на руинах здания муниципалитета. Копыта черного коня гремели по какой-то невидимой небесной мостовой, по-прежнему высекая голубые и оранжевые искры. Фургон поднялся над Касл-Стрим — мерцающая коробка в небе — и пролетел над полуутопленным мостом, валявшимся в реке, как скелет динозавра.

Потом клубы дыма от пожара на месте здания муниципалитета заволокли Мейн-стрит, а когда дым рассеялся, Лиланд Гонт и его адская повозка исчезли.

18

Алан подвел Полли к патрульной машине, на которой приехали Норрис и Ситон. Норрис все еще сидел в окне, вцепившись в стойки мигалки. Он был слишком слаб, чтобы забраться обратно в машину и не вывалиться при этом из окна.

Алан просунул ладони Норрису под живот (не сказать, что тот был у Норриса, сложенного как каркас туристской палатки, особенно велик) и помог ему спуститься на землю.

— Норрис?

— Что, Алан? — плача, отозвался тот.

— Отныне можешь переодеваться в сортире когда тебе вздумается. Идет?

Норрис, казалось, не слышал.

Алан почувствовал, как кровь сочится в рубашку его помощника.

— Ты сильно ранен?

— Не очень. Не думаю. Но это... — Он обвел рукой весь город со всеми его пожарами и разрушениями. — Это все моя вина. Моя!

— Ты ошибаешься, — сказала Полли.

— Вы не понимаете! — Лицо Норриса перекошило от отчаяния и стыда. — Это я порезал шины Хью! Я его навел!

— Да, — сказала Полли, — наверно, ты. И тебе придется жить с этим. Так же, как я погубила Эйса Меррилла, и мне придется жить с этим! — Она ткнула туда, где католики и баптисты расползались в разные стороны, а несколько полицейских в полубморочном состоянии стояли молча и даже не думали их преследовать. Некоторые из религиозных воителей брели поодиночке; кто-то — парами. Отец Бригем поддерживал его преподобие Роуза, а Нэн Робертс обнимала за пояс Генри Пейтона. — Но кто навел их, а, Норрис? И Уилму? И Нетти? И всех остальных? Если все это сделал ты, я могу лишь сказать, что тебе пришлось здорово поработать.

Норрис разразился громкими и горестными всхлипываниями.

— Мне так жалко!

— Мне тоже, — тихо сказала Полли. — И у меня сердце болит.

Алан торопливо обнял сначала Норриса, потом Полли, а потом просунул голову в машину Ситона.

— Ну а ты как, старина?

— Чуть живой, — сказал Ситон, который на самом деле выглядел как огурчик — растерянным, но свежим и невредимым. — Но вам, ребята, досталось куда больше моего.

— Пожалуй, нам лучше отвезти Норриса в больницу, Ситон. Если у тебя там хватит места, мы все можем съездить.

— Конечно, Алан! Залезайте! В какую больницу?

— Северный Камберленд, — сказал Алан. — Там лежит один мальчонка, которого я хочу повидать. Мне нужно убедиться, что к нему приехал его отец.

— Алан, я и вправду видел то, что мне померещилось? «Тачка» этого парня... Она что, превратилась в фургон и улетела в небо?

— Я не знаю, Ситон, — сказал Алан. — И скажу тебе со всей откровенностью — даю честное свое слово: и знать не хочу.

Только что подъехавший Генри Пейтон тронул Алана за плечо. Глаза у него были странные. Он был похож на человека, который скоро резко изменит образ жизни или образ мыслей, а возможно, и то, и другое.

— Что произошло, Алан? — спросил он. — Что на самом деле случилось в этом чертовом городе?

Ответила ему Полли:

— Тут была распродажа. Самая большая распродажа, какую вы когда-либо видели, но... в конце концов некоторые из нас решили не делать покупок.

Алан открыл дверцу машины и помог Норрису забраться на переднее сиденье. Потом он тронул Полли за плечо и сказал:

— Поехали. Норрису больно, и он потерял много крови.

— Эй! — вмешался было Генри. — У меня куча вопросов, и потом...

— Оставь их сейчас при себе. — Алан влез в патрульную машину рядом с Полли и захлопнул дверцу. — Завтра мы поговорим, но сейчас у меня отгул. Впрочем, я думаю, у меня теперь вечный отгул в этом городке. Можешь быть спокоен — все кончилось. Что бы ни происходило в Касл-Роке, этому пришел конец.

— Но...

Алан нагнулся вперед и похлопал Ситона по костлявому плечу.

— Поехали, — тихо сказал он. — Не теряй времени.

Ситон повел машину вверх по Мейн-стрит — к северу.

На развилке они свернули налево и покатили вверх по Касл-Хилл, к Касл-Вью. Когда они очутились на вершине холма, Алан и Полли одновременно повернулись, чтобы взглянуть на город в рубиновом зареве пожаров. Алан испытывал грусть, боль утраты и какую-то странную горечь.

«Мой город, — подумал он. — Это был мой город. Но теперь уже нет. И никогда не будет».

Они одновременно повернулись, чтобы посмотреть вперед, на дорогу, но вместо этого взглянули прямо в глаза друг другу.

— Ты никогда не узнаешь, — мягко проговорила она, — то, что на самом деле случилось с Анни и Тоддом в тот день, ты никогда не узнаешь.

— И не хочу больше знать, — сказал Алан Пэнгборн и тихонько поцеловал ее в щеку. — Это принадлежит тьме. Так пускай тьма унесет это с собой... прочь.

Они въехали на самую вершину Вью, по другую сторону холма свернули на шоссе № 119, и Касл-Рок исчез; тьма, унеся это с собой прочь, тоже исчезла.

Вы здесь уже бывали

Ну, конечно, бывали. Разумеется. Я никогда не забываю лиц. Подойдите сюда, дайте мне пожать вашу руку! Хотите, я вам кое-что скажу: я вас узнал по походке, даже когда не успел еще разглядеть ваше лицо. Вы не могли выбрать лучшего времени, чтобы снова побывать в Джанкшен-Сити, этом чудесном городке Айовы — по крайней мере лучшим по эту сторону Апеннин. Валяйте, можете уже смеяться, это же была шутка.

Можете посидеть и поболтать со мной минутку? Прямо вот здесь, на этой скамейке возле мемориала жертвам войны — тут очень удобно. Солнышко греет, и отсюда нам виден почти весь центр города. Только осторожней со щепками и занозами — эта лавка стояла тут, еще когда Гектор был щеночком. А теперь взгляните-ка вон туда. Нет, чуть правее. Вон на то здание, где окна замазаны. Там когда-то была контора Сэма Пиблза. Торговец недвижимостью, и чертовски удачливый. Он потом женился на Наоми Хиггинс, которая жила внизу, в Провербии, и фью... только их здесь потом и видели. Молодежь всегда так — в нынешние дни.

Больше года это место простояло пустым — экономика стала подгнивать, как только пошли все эти дела на Ближнем Востоке, — но теперь его все-таки кто-то занял. Должен вам сказать, сплетен об этом было — навалом. Ну, сами понимаете, в таком городке, как Джанкшен-Сити, где из года в год ничего не меняется, когда открывается новый магазин, это большое событие. Хотя, судя по всему, это ненадолго...

Последние рабочие свернули свои дела и уехали в прошлую пятницу. Так вот что я вам скажу...

Кто?

Ах, *эта*. Ну, это Ирма Скиллинз. Она раньше была директором средней школы Джанкшен-Сити — первая женщина-директор в этой части штата, насколько я помню. Она ушла на пенсию два года назад и с тех пор, кажется, забросила все на свете — Восточную Звезду, Дочерей Американской революции, Лигу игроков Джанкшен-Сити. Насколько мне известно, она даже не поет теперь в церковном хоре. Ну, отчасти тому виной ревматизм — он у нее страшно разыгрался сейчас. Видите, как она опирается на свою тросточку? Те, кого так скрутило, отдадут все, что угодно, лишь бы их хоть чуть-чуть отпустило.

Вы только поглядите! Суется в этот новый магазин, а? Что ж, почему бы и нет? Может, она и стара, но ведь еще жива, верно? И потом, знаете, как говорят: «Любопытство сгубило кошку, а удовольствие — вернуло к жизни».

Прочту я отсюда вывеску? Будьте уверены, еще как прочту! Очки-то я заказал два года назад, но... только для ближнего боя, а дальнее зрение у меня отличное, лучше и быть не может. Сверху написано: СКОРО ОТКРЫВАЕМ, — а под этим: «УСЛЫШАННЫЕ

МОЛИТВЫ» — МАГАЗИН НОВОГО ТИПА. А последняя строчка... погодите минутку, там буквы помельче... Последняя строчка: «Вы не поверите своим глазам!» Ну, я-то уж наверняка поверю. Как сказано у Екклесиаста, «нет ничего нового под солнцем», и я, в общем-то, согласен с этим. Но Ирма еще придет сюда. Если не найдется других причин, то, я полагаю, она захочет как следует взглянуть на того, кто решил повесить этот красный тент над старой конторой Сэма Пиблза!

Может быть, я тоже как-нибудь загляну туда. Думаю, каждый в городе побывает там еще до того, как все будет сказано, а все, что сказано, — сделано.

Интересное название для магазина, правда? «Услышанные молитвы». Заставляет вас гадать, что же там продается.

Ну, с таким названием там можно торговать чем угодно.

Всем, чем угодно.

24 октября 1988 г. — 28 января 1991 г.

Stephen King

Needful Things, 1991

Перевод с английского Ф.Б. Сарнова

Кинг С.

Самое необходимое: Роман / Пер. с англ. Ф.Б.Сарнова. — М.: ООО Издательство «АСТ», «Мир», 1999.— 688 с.

ISBN 5-03-003102-2